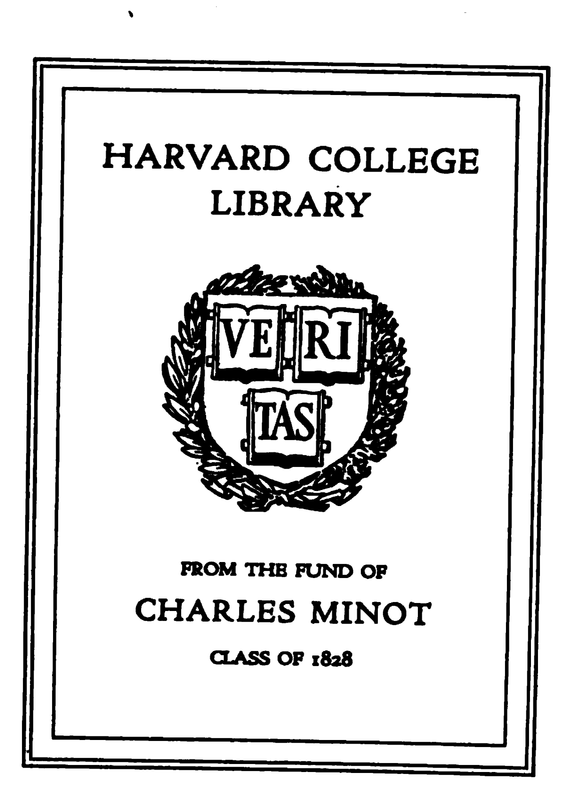
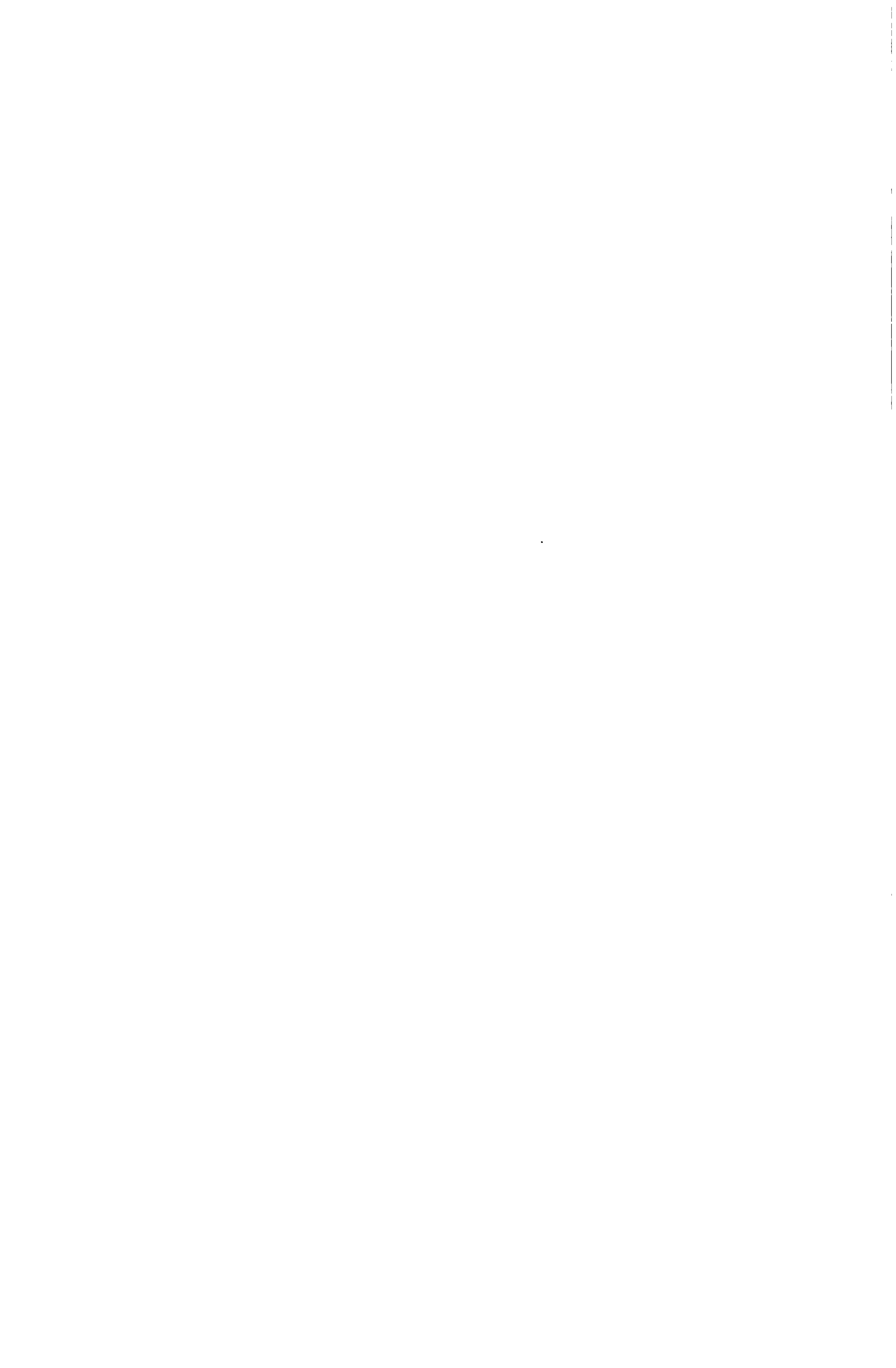

HARVARD COLLEGE
LIBRARY
VE
RI
TAS
FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

22

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

учрежденныхъ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

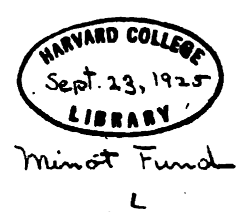
23 Мая 1853 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи императорской Академіи наукъ.

1853.

Издано по опредѣленію Академіи Наукъ.

23 Мая 1853 года.

Непремѣнный Секретарь *П. Фусъ*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

о

двадцать второмъ присужденіи

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

составленный

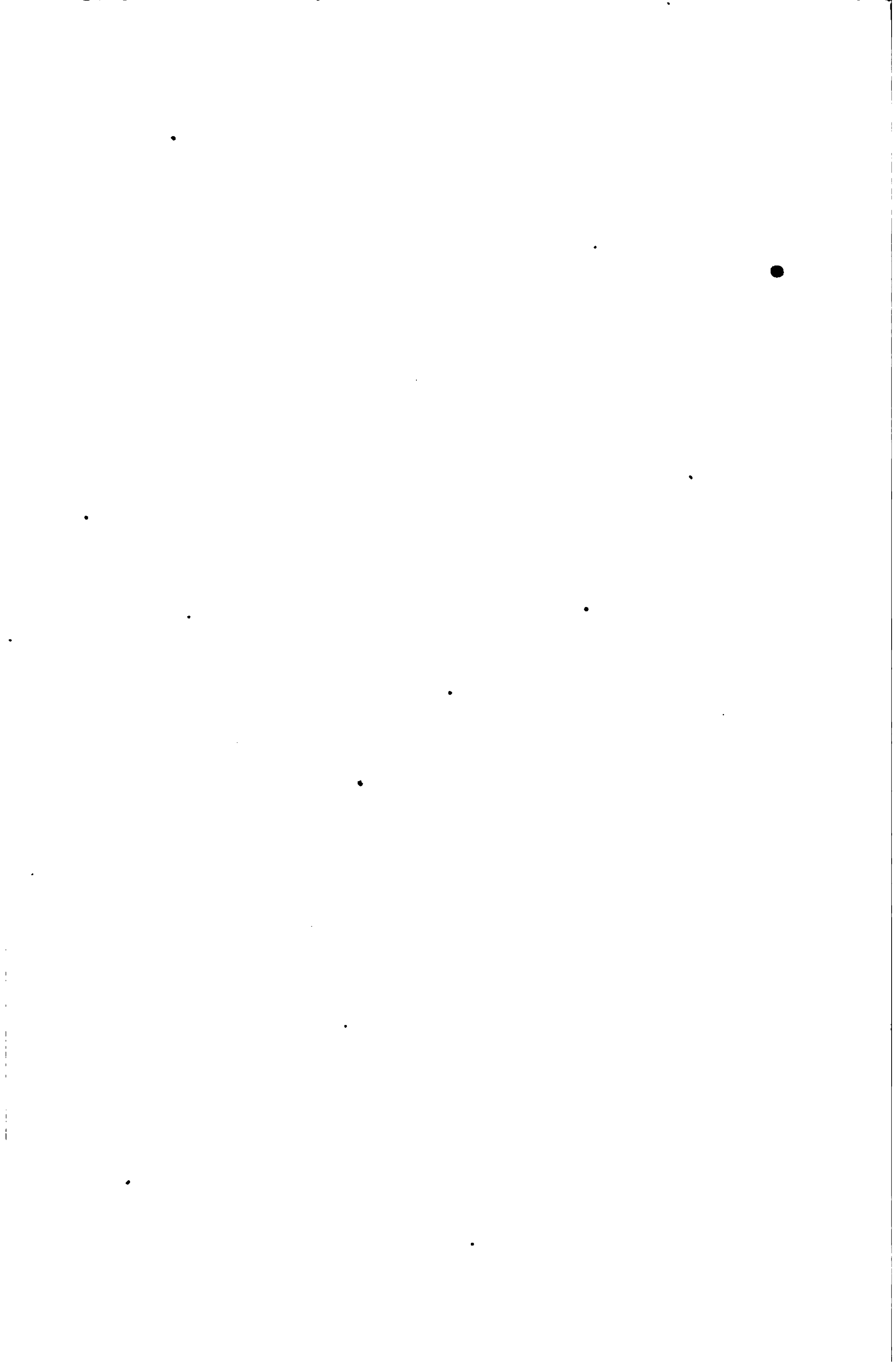
непремѣннымъ секретаремъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

и читанный

въ публичномъ собраніи сей академіи

23 мая 1853 года.

Въ такое время, когда вслѣдствіе открытія новыхъ силъ и законовъ природы, Естественныя науки болѣе и болѣе принимаютъ перевѣсъ надъ прочими, и исподоволь проникаютъ даже въ другія области знанія, удѣляя имъ свои, путемъ медленнаго, но тѣмъ вѣрнѣйшаго наблюденія разгаданныя истины, не удивительно, что большинство тѣхъ сочиненій, о которыхъ намъ прійдется говорить сегодня, принадлежитъ къ этому разряду. Пять изъ числа остановившихъ на себѣ, въ нынѣшній разъ, особенное вниманіе Академіи трудовъ относятся къ области Естествопознанія, или такъ называемыхъ наблюдательныхъ наукъ. Затѣмъ большее число — а именно четыре, касаются отечественной Исторіи; два остальные входятъ, одинъ, въ область практической Механики, а другой — Этнографіи.

Первый жребій, въ настоящемъ конкурсѣ, выпалъ на долю сочиненія по части отечественной военной Исторіи, подъ заглавіемъ:

I.

Исторія войны Россіи съ Франціею, въ царствованіе Императора Павла I, въ 1799 году. Составлена по высочайшему повелѣнію Государя Императора НИКОЛАЯ I. 5 томовъ въ 8-ми частяхъ. Часть I сочинена Генералъ-Лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ; остальные семь частей Полковникомъ Милютинымъ.

Италіянскій походъ Суворова, — главный подвигъ войны 1799 года, — навсегда останется одною изъ блистательнѣй-

шихъ эпохъ Россійской военной Исторіи. Идя по слѣдамъ Аннибала, Русскій полководецъ превзошелъ его смѣлостію, быстротою, геніальностію и успѣхомъ, и хотя конецъ этой войны былъ затемненъ нѣкоторыми неудачами, но не главнаго ея героя, и безъ малѣйшей съ его стороны вины. Подвиги въ эту кампанію Суворова, умѣвшаго, не смотря на всѣ препятствія природы и обстоятельствъ, по обыкновенію, приковать къ себѣ побѣду, пребудутъ на всѣ времена школою для военныхъ и изумленіемъ вселенной.

Многіе писатели принимались за изображеніе этой войны. На русскомъ языкѣ полнѣйшее ея описаніе составилъ Фуксъ, который, завѣдывая походною канцеляріею Суворова, самъ участвуя въ его походахъ и распоряжаясь всею перепискою, имѣлъ къ тому наиболѣе средствъ и призванія. Но, къ сожалѣнію, онъ, по большей части, ограничился собраніемъ реляцій, донесеній и другихъ подлинныхъ документовъ, до этой войны относящихся, — заслуга, за которую впрочемъ нельзя не благодарить его, потому что безъ нея, можетъ быть, утратились бы многіе изъ этихъ драгоцѣнныхъ для историка матеріаловъ. Другое, болѣе критическое, въ военномъ отношеніи, описаніе войны 1799 года издалъ извѣстный Генералъ Жомини; но, хотя онъ и пролилъ на эту кампанію много новаго свѣта, особенно съ тактической точки, однако же, пользуясь главнѣйше иностранными источниками, не могъ представить дѣйствій русскихъ войскъ съ надлежащею полнотою и вѣрностію, а притомъ же небылъ достаточно посвященъ въ политику Императора Павла I.

И такъ недоставало еще подробнаго и вѣрнаго критическаго изложенія знаменитой эпохи. За этотъ трудъ принялся, уже прежде стяжавшій себѣ славу какъ военный историкъ, Генералъ-Лейт. Михайловскій-Данилевскій. Онъ собралъ, на этотъ конецъ, обильные матеріалы, между прочимъ изъ разныхъ государственныхъ архивовъ; но самъ успѣлъ обработать только одну часть предположеннаго имъ сочиненія, въ которой довелъ повѣствованіе до того времени, когда Суворовъ былъ призванъ,

по просьбѣ Вѣнскаго Двора, для принятія начальства надъ союзною арміею въ Италіи.

Довершеніе начатаго описанія по волѣ Государя Императора было ввѣрено Полковнику Милютину. Пользуясь всѣми богатыми матеріалами, собранными его предмѣстникомъ, и дополнивъ ихъ съ своей стороны нѣкоторыми другими, онъ приступилъ къ работѣ, начиная со второй части. Великодушная политика Императора Павла I и безсмертные подвиги Суворова въ Италіи и Швейцаріи противъ такихъ полководцевъ, каковы Моро, Макдональдъ, Жуберъ, Лекурбъ и Массена, составляютъ главный предметъ семи частей, прибавленныхъ Г. Милютинымъ.

Что касается до началъ, которыхъ придерживался Авторъ въ своемъ изложеніи, то онъ самъ на этотъ счетъ объясняется въ предисловіи слѣдующимъ образомъ: «что, во всемъ этомъ сочиненіи, принято за правило, строго ограничиваться повѣствованіемъ о событіяхъ, устраняя всякія сужденія о нихъ. Пусть факты говорятъ сами за себя: дѣло историка представить ихъ такимъ образомъ, чтобы читатель имѣлъ какъ бы полную картину, въ которой видѣлъ бы живо передъ собою лица и событія, и не предубѣжденный заранѣе никакими готовыми мнѣніями, могъ самъ быть судьею безпристрастнымъ».

Драгоцѣнное для историка дополненіе къ труду Г-на Милютина составляютъ находящіяся въ концѣ каждаго тома *Приложенія*, гдѣ собраны вѣдомости о составѣ и численной силѣ армій, показаны уронъ въ сраженіяхъ и добытые трофеи, приведены критическія замѣтки о военныхъ дѣйствіяхъ и сужденія о нихъ извѣстнѣйшихъ писателей, а наконецъ указаны источники и документы, на которыхъ основанъ каждый фактъ повѣствованія съ критическими замѣчаніями самаго автора. Приложенія эти, занимающія едва ли не столько же мѣста, какъ и самый текстъ, составляя, какъ справедливо замѣчаетъ Авторъ, такъ сказать, основу самаго повѣствованія, служатъ ему повѣркою и дополненіемъ.

Сверхъ того, къ сочиненію прибавлено множество отлично

гравированныхъ на мѣди и раскрашенныхъ картъ и плановъ, и вообще изданіе, украшенное портретами Императора Павла I и главнаго Героя войны, можетъ почесться роскошнымъ.

Академикъ Устряловъ, разсматривавшій это сочиненіе, въ концѣ своего разбора оцѣниваетъ его слѣдующимъ образомъ: «Изъ всѣхъ историческихъ военныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ, трудъ Полковника Милютина занимаетъ, если не первое, по крайней мѣрѣ весьма почетное мѣсто. Богатыя пособія, которыми онъ пользовался съ такимъ уменьемъ и искуствомъ, вѣрный взглядъ и безпристрастіе въ изложеніи событій, отчетливость въ описаніи самыхъ маловажныхъ случаевъ, разборчивая критическая повѣрка современныхъ показаній, благородное безпристрастіе въ сужденіяхъ, наконецъ строгая историческая точность при описаніи всѣхъ случаевъ похода, все это безъ сомнѣнія заслужитъ одобреніе Императорской Академіи Наукъ. Вслѣдствіе сего я полагаю Полковнику Милютину назначить полную Демидовскую премію».

Мы не имѣемъ нужды присовокупить, что въ Академической Коммиссіи небыло ни одного голоса, который не согласился бы съ этимъ приговоромъ.

II.

Отъ сочиненія, прославляющаго подвиги русскаго оружія на сушѣ, перейдемъ къ другому, предметъ котораго есть заведеніе, положившее начало славѣ Россіянъ на морѣ.

По случаю празднованія въ истекшемъ году столѣтнаго юбилея существованія Морскаго Кадетскаго Корпуса, издана была книга подъ заглавіемъ:

Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса, съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за 100 лѣтъ. Составилъ Кап.-Лейт. Ѳ. Веселаго 4, С.-П-б. 1852 г. 8°.

Трудъ этотъ, для составленія котораго Авторъ съ достохвальнымъ усердіемъ прибѣгалъ къ самымъ источникамъ, а именно къ хранящимся въ Главномъ Морскомъ Архивѣ подлин-

нымъ дѣламъ и другимъ, не менѣе достовѣрнымъ документамъ, заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній, въ высокой степени занимательныхъ для всякаго Русскаго. Изъ него явствуетъ, между прочимъ, что первый зародышъ этого столь важнаго для Россіи учрежденія зароненъ былъ еще тою державною рукою, которая насадила на русской землѣ столь много прекраснаго и до сихъ поръ процвѣтающаго къ славѣ и благоденствію Отечества. Для заохоченія и пріученія русскаго юношества къ морскому дѣлу, Петръ Великій, въ 1701 году, основалъ въ Москвѣ училище математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, или такъ прозванную Имъ Навигацкую Школу. Изъ нея вышли не только первые русскіе Моряки, изъ коихъ иные въ послѣдствіи прославились и достигли высшихъ чиновъ, но даже и первые Инженеры, Артиллеристы и Учители наукъ. Школа эта, помѣщавшаяся въ Сухаревой башнѣ, существовала по 1715 годъ; въ это время она была переведена въ С. Петербургъ, въ особо построенное для нея на Васильевскомъ островѣ зданіе, и переименована въ Морскую Академію, гдѣ воспитанники, или, какъ ихъ называли, *Морская Гвардія*, ежедневно обучались морскимъ и военнымъ экзерциціямъ; а четырмя годами позже тамъ введено и преподаваніе наукъ. Но это были только зачатки заведенія. Первое прочное свое устройство оно воспріяло въ 1752 году, когда державная дщерь Петра Великаго, Императрица Елисавета Петровна, даровала ему, вмѣстѣ съ новымъ штатомъ, устройство по образцу сухопутнаго Корпуса, и переведши его на то мѣсто, гдѣ оно нынѣ находится, наименовала Морскимъ шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ, препоручивъ управленіе надъ нимъ знаменитому Гидрографу, Адмиралу Нагаеву. Новое, важное преобразованіе Корпуса воспослѣдовало въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, подъ руководствомъ умнаго и просвѣщеннаго Директора его, Адмирала И. Л. Голенищева-Кутузова. Въ царствованіе Александра I, расширенъ былъ курсъ преподаванія въ корпусѣ и введены многія улучшенія. Полнаго же своего развитія и процвѣтанія онъ достигъ отеческою объ

немъ заботливостію нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ особенности съ той эпохи, когда Великій Князь Константинъ Николаевичъ, возведенный въ санъ Генералъ-Адмирала, принялъ этотъ разсадникъ моряковъ подъ высокое Свое попеченіе и покровительство.

Академикъ Устряловъ, ходатайствовавшій о награжденіи труда Капитанъ-Лейтенанта Веселаго преміею, поручилъ его вниманію Академіи слѣдующими словами: «Сочиненіе Г-на Веселаго, какъ вѣрная, безпристрастная и хорошо составленная исторія Морскаго Корпуса, отъ перваго основанія его до настоящаго времени, тѣмъ болѣе заслуживаетъ поощренія Академіи, что авторъ весьма удачно, со многими любопытными подробностями, не выходя однакоже изъ предѣловъ своего сочиненія, изложилъ начало и успѣхи того заведенія, которому Россія обязана своими побѣдами (прибавимъ: своими открытіями) на морѣ. Такимъ образомъ Навигацкая школа была первымъ, и нѣсколько лѣтъ единственнымъ въ Россіи гражданскимъ училищемъ. Объ ней почти ничего не было извѣстно, — а тутъ представлена полная картина учебной жизни школы, положенія ея учениковъ и учителей. О Морской Академіи доселѣ были только мелкія и ошибочныя свѣдѣнія; Авторъ изложилъ подробную исторію этого заведенія, и опять живую картину воспитанія и ученія того времени. Гардемарины было особое званіе, составлявшее съ 1716 до 1752 годъ довольно значительное звѣно въ ряду морскихъ чиновъ; объ нихъ, можно сказать, вовсе небыло извѣстно. Г. Веселаго посвящаетъ имъ особую главу (3-ю), въ которой находимъ занимательное повѣствованіе объ этомъ званіи всѣхъ возрастовъ: ибо гардемарины были отъ 13-и даже до 54-хъ лѣтъ. Исторія самаго Морскаго Кадетскаго Корпуса за сто лѣтъ изображаетъ ходъ воспитанія нашихъ моряковъ во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Списокъ выпущенныхъ за это время воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, драгоцѣненъ для исторіи флота. Лица, дѣйствовавшія на поприщѣ морскаго воспитанія, очерчены драматически, напр.

Нагаевъ, Кутузовъ, Кургановъ, Гамалея и мн. др. Составленіе такой книги не могло не стоить Автору большихъ трудовъ: ибо онъ не списывалъ съ печатныхъ источниковъ, но обработывалъ большею частію изъ подлинныхъ актовъ, архивныхъ матеріаловъ, любопытныхъ частныхъ записокъ, и все это добросовѣстно оговорено въ особыхъ примѣчаніяхъ. Довольно указать на трудъ, пересмотрѣть журналы Адмиралтействъ-Коллегіи за 40 лѣтъ въ числѣ 480 книгъ. Сочиненіе Г. Веселаго пополняетъ многіе пробѣлы исторіи нашего флота, и какъ драгоцѣнный подарокъ морякамъ, достойно поощрительной Демидовской преміи.» Мнѣніе это было вполнѣ одобрено Коммиссіею.

III.

Третье историческое сочиненіе, о которомъ мы намѣрены говорить, имѣетъ самое близкое отношеніе ко всѣмъ здѣсь присутствующимъ и ко всякому Русскому вообще: оно касается нашей сѣверной столицы, совершившей, за недѣлю предъ симъ, полутороевѣковой періодъ своего существованія.

С. Петербургъ, вызванный по мановенію великаго своего Основателя при устьѣ Невы изъ болотъ, для того, чтобы связать дотолѣ изолированное Московское царство съ остальною Европою, и достигшій съ тѣхъ поръ, Царскою щедротою и попеченіями преемниковъ Петра, столь высокой степени процвѣтанія, доселѣ имѣлъ довольно, и въ томъ числѣ очень хорошихъ описателей, какъ то: Богданова, Георги, Шторха и др. но ни одного историка. «Съ самаго основанія Руси въ видѣ государства, за исключеніемъ развѣ какихъ либо ста лѣтъ, Невское прибрежье всегда составляло одну изъ важнѣйшихъ ея частей. Неподалеку отъ истока Невы изъ Ладожскаго озера, Рюрикъ даже заложилъ первую свою столицу, прежде чѣмъ переселился изъ Старой Ладоги въ Новгородъ. Позже, Нева съ ея берегами образовала часть Новагорода, и съ нимъ вмѣстѣ, въ XV вѣкѣ, пришла подъ власть Великихъ Князей Московскихъ. Между тѣмъ, уже издавна Шведы старались завладѣть Невою, зная очень хорошо, что

она для Россіи ключь къ обладанію Финляндіею. Въ своихъ завоевательныхъ видахъ они еще болѣе были утверждены дальнимъ Римомъ, который непрестанно пытаясь, во время среднихъ вѣковъ, покорить себѣ Греческую церковь, не упускалъ изъ виду также финскихъ первоселенцовъ въ Ингріи, даже и тогда, когда большая ея часть уже принадлежала Греко-Россійской церкви. Но Швеція, въ средніе вѣка, лишь слабо подражала примѣру романскихъ и германскихъ крестоносцевъ. Сколь ни часто она пыталась, съ помощію своего флота, завладѣть устьемъ Невы, конечный успѣхъ все же не соотвѣтствовалъ ея желаніямъ и надеждамъ. Новгородъ, Великіе Князья и Цари не щадили никакихъ усилій для того, чтобы защитить родовое свое наслѣдіе. Св. Александръ Невскій и сынъ его бодро сражались на Невѣ, и даже на непосредственной почвѣ С. Петербурга, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если мы видимъ Іоанна Грознаго и Бориса Годунова придающими столь высокую цѣну обладанію Ингерманландіею, и даже рать Алексія Михайловича борющеюся для этой самой цѣли на Охтѣ. Исполненіе того, что еще не удалось этому Царю, было предоставлено его сыну. Когда Петръ Великій возъимѣлъ мысль завести флотъ, то онъ, можетъ быть, зналъ хорошо, что Ингрія старинное его наслѣдіе. Въ политическихъ бумагахъ онъ даже заставлялъ доказывать, что она принадлежала ему по праву наслѣдства. Уже одно это стремленіе нѣсколькихъ Великихъ Князей и Царей, стяжавшихъ себѣ, упроченіемъ политическаго могущества Россіи, неувядаемую славу, придаетъ исторіи Ингріи особенную занимательность.»

«Но со стороны Швеціи, въ этой шестисотлѣтней борьбѣ съ Россіею, дѣло шло еще о другомъ интересѣ: а именно, о видахъ торговли. Нева уже была посѣщаема древне-скандинавскими торговцами. Примѣру ихъ послѣдовалъ союзъ Ганзы, который умѣлъ снискать себѣ въ Новѣгородѣ самыя благопріятныя привиллегіи. Да и въ то время, которое непосредственно предшествовало основанію Петербурга, Нева была

важнымъ торговымъ путемъ, что конечно зналъ юный Петръ въ Москвѣ.»

Уже изъ этихъ бѣглыхъ намековъ можно судить, что исторія мѣстности С. Петербурга не лишена ни интереса, ни важности. А между тѣмъ, до самаго новѣйшаго времени мало сдѣлано для разъясненія этого предмета. Заслуга проложенія въ этой области перваго пути принадлежитъ одному изъ Членовъ Корреспондентовъ нашей Академіи, Финляндскому Пробсту Гиппингу.

Не смотря на служебныя свои занятія, Г. Гиппингъ уже давно ознаменовалъ себя литературными трудами по части Исторіи Финляндіи и Ингерманландіи, и тѣмъ самымъ обратилъ на себя вниманіе покойнаго Канцлера Графа Н. П. Румянцова, который сдѣлалъ его своимъ домашнимъ библіотекаремъ. Пользуясь этимъ благопріятнымъ положеніемъ, Гиппингъ сталъ ревностно изучать источники Русской исторіи и собирать матеріалы для исторіи древней Ингріи. Особенное же свое вниманіе онъ устремилъ на исторію основаннаго Шведами на берегу Невы города Нюэна и крѣпости Нюэнскансъ, каковый трудъ нынѣ, вмѣстѣ съ очеркомъ исторіи Ингерманландіи, и представилъ на состязаніе подъ заглавіемъ:

Нева и Нюэнскансъ, или Введение въ Исторію С. Петербурга. Собралъ изъ разныхъ источниковъ Андрей Гиппингъ. Рукопись на Русскомъ языкѣ 476 стр.

Это есть собственно вторая часть труда Г. Гиппинга, посвященная исторіи Нюэна, т. е. Невограда въ XVII вѣкѣ. Первая же часть, изданная Авторомъ на Шведскомъ языкѣ въ 1836 году, служитъ только введеніемъ къ исторіи Нюэна. Въ третьей части наконецъ, также представленной въ рукописи, собраны подлинные документы, относящіеся къ исторіи Нюэна.

Разбиравшій это сочиненіе, Академикъ Куникъ, прежде всего замѣчаетъ, что по плану Автора, онъ не имѣлъ намѣренія обнять полную исторію древней Ингріи и смежной съ нею Каре-

ліи, и что потому мы не вправѣ требовать отъ него болѣе, чѣмъ онъ самъ счелъ вообще за нужное изложить.

Въ введеніи Г. Гиппингъ рачительно пользовался всѣми важными пособіями, существовавшими за 20 лѣтъ въ историческои литературѣ Швеціи, Россіи и Германіи. Съ тѣхъ поръ однако, не только у насъ, но и за границею открыты новые, дотолѣ неизвѣстные источники. Авторъ впрочемъ, въ письмѣ своемъ, изъявилъ готовность издать и первый томъ на Русскомъ языкѣ съ необходимыми прибавленіями, если ему даны будутъ средства на изданіе полнаго сочиненія.

Вторая часть, — исторія Нюэна въ XVII вѣкѣ, — можетъ собственно почесться введеніемъ въ исторію С. Петербурга. Она содержитъ, въ началѣ, довольно любопытную главу о внутреннемъ состояніи Ингерманландіи въ XVII вѣкѣ, доказывающую, какъ тщательно Авторъ изучалъ исторію государственныхъ учрежденій Швеціи, и сколь коротко онъ знакомъ съ бытомъ Финскихъ крестьянъ. Разсказавъ потомъ о происхожденіи города Нюэна при Густавѣ Адольфѣ, о мѣрахъ, принятыхъ симъ королемъ и его дочерью и преемницею, Христиною, для возвышенія его благосостоянія, о покореніи Нюенсканса въ 1657 году ратью Алексѣя Михайловича, о возвращеніи Ингерманландіи Шведамъ по Кардійскому миру въ 1661 году, о быстромъ развитіи въ Нюэнѣ торговли, — онъ доводитъ свое повѣствованіе до покоренія крѣпости Нюэнскансъ Петромъ Великимъ 1-го Мая 1703 года, и заложенія изъ ея развалинъ новой крѣпости, прозванной, по имени Основателя — Петербургомъ.

Сверхъ того мы находимъ въ сочиненіи Г. Гиппинга довольно подробное изложеніе исторіи гражданской власти города, нѣкоторыя извѣстія о Шведскихъ генералъ-губернаторахъ Ингерманландіи, о комендантахъ крѣпости Нюэнскансъ, о церковномъ бытѣ и состояніи школъ въ семъ краю, и наконецъ, въ 3-й части, до 66 подлинныхъ актовъ относительно исторіи Нюэна.

Изъ этого обзора труда Г. Гиппинга, — такъ нашъ рецен-

зентъ заключаетъ свой разборъ, — всякій можетъ убѣдиться, что мы много обязаны ему разработкою предмета, который, до сихъ поръ, почти вовсе ускользалъ отъ вниманія русскихъ историковъ. Правда, сей первый шагъ еще далеко не удовлетворяетъ настоятельной потребности въ подробной критической исторіи древней Ингріи, и даже тѣ происшествія и предметы, которые исключительно вошли въ составъ сего сочиненія, требуютъ еще разнообразныхъ дополненій, особенно по русскимъ источникамъ. Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что нашъ Авторъ первый обнялъ всю исторію Ингерманландіи, и что теперь легко будетъ пополнять этотъ предметъ свѣдѣніями изъ документовъ, которыми до сихъ поръ не умѣли пользоваться по ихъ отрывочной формѣ, каковы напр. многіе акты, находящіеся въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи. Но какъ бы ни были превосходны труды будущихъ Историковъ, каждый изъ нихъ конечно отдастъ справедливость Г. Гиппингу, что онъ, ровно чрезъ 150 лѣтъ по основаніи С. Петербурга, подарилъ насъ первымъ, въ разныхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ сочиненіемъ объ исторіи того края, который Петръ Великій избралъ театромъ для исполненія своихъ обширныхъ и дальновидныхъ плановъ съ 1702 по 1725 годъ.

Согласясь съ мнѣніемъ ученаго рецензента, Коммиссія вмѣнила себѣ въ пріятный долгъ увѣнчать сочиненіе, проложившее въ области Русской Исторіи новую стезю, и въ столь высокой степени занимательное для всякаго любителя отечественнаго бытописанія, поощрительною преміею, съ выдачею Автору, сверхъ того, особой суммы (отъ 600 до 800 руб.) для изданія полнаго сочиненія и принадлежащихъ къ нему плановъ и дополненій.

IV.

Случайное стеченіе обстоятельствъ дозволяетъ намъ отъ исторіи Петербурга перейти здѣсь къ исторіи самаго великаго его Основателя.

Если, по словамъ одного знаменитаго Историка — Нибура — истинная исторія можетъ существовать только для того, чему мы сами были очевидными свидѣтелями; относительно же къ прошедшему, мы развѣ только въ состояніи переносить на минувшія событія живую наглядность настоящаго *), — то изъ этого слѣдуетъ само собою, какъ важно и необходимо для исторіи безпристрастное изображеніе происшествій современниками. Чѣмъ ближе Авторъ стоялъ къ движущимъ пружинамъ происшествій, чѣмъ дѣятельнѣе принималъ въ нихъ участіе, и чѣмъ болѣе былъ къ тому призванъ своими способностями, характеромъ и знаніемъ людей, тѣмъ болѣе цѣны будутъ имѣть его записки или сказанія. Со всѣхъ этихъ точекъ, мы, какъ неоцѣненное пособіе къ вѣрнѣйшему познанію жизни того великаго Монарха, которому Россія главнѣйше обязана своею славою и величіемъ, — радостно привѣтствуемъ изданіе въ свѣтъ Дневника одного изъ дѣятельнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго — подъ заглавіемъ:

Tagebuch des Generals Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom J. 1661 bis 1699; zum ersten Male vollstängig veröffentlicht durch Dr. M. C. Posselt. Три тома 1849 — 1852. 8°.

Патрикъ Гордонъ, родомъ изъ одной древней и знаменитой фамиліи Шотландіи, особенно прославившейся своею привязанностію къ дому Стюартовъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ войскахъ Шведскихъ, Польскихъ и Бранденбургскихъ, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1661 году, порешелъ въ Русскую армію съ чиномъ Маіора, и оставшись навсегда въ Россіи, посвятилъ себя, со всею ревностію и преданностію къ новой

*) Eine wahre Geschichtschreibung, Historie, findet nur für Das Statt, was wir selbst erlebt haben: für die Vergangenheit kann man höchstens dahin gelangen, dass, wenn wir eine Gegenwart mit einer gewissen Anschaulichkeit erlebt haben, wir diese Anschauungen auf frühere Zeiten übertragen.

отчизнѣ, службѣ трехъ царей, отчасти пріуготовившихъ, отчасти совершившихъ преобразованіе Россіи. Онъ пользовался такою довѣренностію Царя Алексѣя Михайловича, что Государь, отправилъ его посланникомъ въ Англію для устраненія возникшихъ съ нею несогласій. При Царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, Гордонъ, цѣлые два года, съ малочисленнымъ отрядомъ защищалъ городъ Чигиринъ отъ Турецкой арміи; въ Правленіе Царевны Софіи былъ нѣсколько лѣтъ комендантомъ въ Кіевѣ и два раза ходилъ на Крымъ съ Кн. Голицынымъ. Но самый главный періодъ его дѣятельности падаетъ въ царствованіе Великаго Преобразователя Россіи: въ первые годы онъ участвовалъ во всѣхъ его потѣшныхъ походахъ сухопутныхъ и морскихъ; устроивалъ манёвры на поляхъ Преображенскихъ и Семеновскихъ; плавалъ съ Царемъ къ озеру Плещееву на сооруженныхъ державнымъ Плотникомъ судахъ; ходилъ съ Нимъ въ Бѣлое море, въ Сѣверный Океанъ, и начерталъ планъ манёвровъ подъ Кожухинымъ, болѣе похожихъ на дѣйствительное сраженіе, чѣмъ на военную экзерцицію. Въ первомъ и второмъ Азовскихъ походахъ, Гордонъ, въ числѣ трехъ главныхъ генераловъ, начальствовалъ особою дивизіею, и едва ли не болѣе своихъ товарищей содѣйствовалъ къ покоренію Азова. Но самою важною его заслугою передъ Петромъ было пораженіе, подъ Воскресенскимъ Монастыремъ, четырехъ мятежныхъ полковъ стрѣлецкихъ, шедшихъ въ Москву для убіенія Петровыхъ бояръ и всѣхъ иноземцовъ, во время путешествія Государя по Европѣ. Чрезъ два года послѣ того онъ умеръ въ преклонной старости въ чинѣ генералъ-поручика, полковникомъ Бутырскаго полка, къ великой горести Царя, вполнѣ умѣвшаго цѣнить его благородный характеръ, рѣдкую точность въ исполненіи обязанностей и знаніе военнаго дѣла, пріобрѣтенное не столько наукою, сколько долговременною опытностію.

Съ 1655 года до конца 1698 Гордонъ велъ ежедневно журналъ «не для публики, а собственно для себя; я слѣдовалъ, пишетъ онъ, правилу Катона: *ни хвалить, ни порицать себя;* о

дѣлахъ же публичныхъ говорилъ только въ такихъ случаяхъ, когда они меня касались. Писалъ, что видѣлъ, слухи выдавалъ за слухи». Строго слѣдуя сему правилу, онъ разсказываетъ только о себѣ: гдѣ былъ, что дѣлалъ, кто навѣщалъ его, отъ кого получалъ письма, къ кому самъ писалъ, чѣмъ былъ иногда нездоровъ, какія принималъ лекарства, кто въ его семействѣ родился, кто умеръ. Такъ ведетъ онъ свой журналъ въ продолженіе 44 лѣтъ, непремѣнно каждый день записывая собственною рукою, иногда съ очевидною тороплливостію, или съ явнымъ утомленіемъ, послѣ веселаго пира «гдѣ былъ, что дѣлалъ». Много, конечно, въ журналѣ его мелочей; но еще болѣе подробностей историческихъ высокаго, ничѣмъ незамѣнимаго достоинства, подробностей точныхъ, безпристрастныхъ, живописующихъ нравы и обычаи вѣка, а что всего важнѣе, разливающихъ яркій свѣтъ на множество событій, о которыхъ изъ другихъ источниковъ мы почерпаемъ самыя смутныя и невѣрныя понятія. Такъ, въ журналѣ Гордона мы находимъ обстоятельное описаніе двукратной осады Чигирина и геройской защиты сего города русскими войсками, спасшей Кіевъ, всю Малороссію отъ разоренія Турокъ; далѣе Крымскихъ походовъ князя Голицына, пребываніе Петра Великаго въ Архангельскѣ, трехъ Азовскихъ походовъ, возстанія и укрощенія стрѣльцовъ.

Самый дневникъ этотъ, столь обильный и важный, какъ мы видѣли, для историка, имѣлъ замѣчательныя судьбы. Въ подлинникѣ, на Англійскомъ языкѣ, онъ состоялъ изъ 8 или 9 отчасти большихъ томовъ ин-кварто, сплошь писанныхъ, рукою самаго Гордона. Четыре изъ этихъ томовъ были куплены, въ 1789 году, у вдовы Гордона и внука его, переводчика Адмиралтействъ-коллегіи, извѣстнымъ русскимъ Меценатомъ Графомъ А. С. Строгоновымъ и уступлены Исторіографу Миллеру. Въ послѣдствіи Миллеру удалось отыскать въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ два другія тома; но все еще недостаетъ значительной части подлиннаго манускрипта, объ участи которой нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Уцѣлѣвшіе шесть томовъ рукописи,

Императрица Екатерина II, пріобрѣла отъ Миллера для государственнаго Архива.

Уже знаменитый сподвижникъ Петра, Графъ Остерманъ, знавшій о существованіи Гордонова дневника, имѣлъ въ виду издать его въ русскомъ переводѣ, и поручилъ этотъ трудъ нѣкоему Волкову; но это намѣреніе не состоялось, и въ бумагахъ Графа Остермана сохранился только переводъ одной главы журнала изъ 1684 по Апрѣль 1685 года на 18-ти страницахъ. Миллеръ, вполнѣ оцѣнивъ всю важность столь драгоцѣннаго для Исторіи Россіи матеріала, хотѣлъ издать его на нѣмецкомъ языкѣ, съ опущеніемъ впрочемъ всѣхъ излишнихъ для науки мелочей. Это дѣло онъ возложилъ на Стриттера, который исполнилъ его мысль съ большею отчетливостію; однакоже и этотъ трудъ небылъ оконченъ и остался въ рукописи. Между тѣмъ отрывки изъ дневника Гордонова были напечатаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и возбуждали во всѣхъ изслѣдователяхъ русской Исторіи живѣйшее желаніе видѣть его изданнымъ въ свѣтъ, если не въ подлинникѣ, то по крайней мѣрѣ въ исправномъ переводѣ, русскомъ ли, или нѣмецкомъ, или французскомъ. Этотъ-то трудъ принялъ на себя докторъ Посссльтъ, уже извѣстный весьма любопытнымъ сочиненіемъ о сношеніяхъ Петра Великаго съ Лейбницомъ. Онъ перевелъ на Нѣмецкій языкъ журналъ Гордона съ того мѣста, гдѣ прекращается извлеченіе Стриттера, а именно съ начала царствованія Петра Великаго, и съ рѣдкою, достойною всякой хвалы настойчивостію, при тепломъ непоколебимомъ убѣжденіи въ пользѣ своего предпріятія, умѣлъ доставить себѣ способы къ изданію въ свѣтъ труда своего; а сверхъ того, вступивъ въ сношеніе съ потомками Лефорта въ Женевѣ, получилъ отъ нихъ множество документовъ о службѣ въ Россіи знаменитаго Адмирала и друга Петра Великаго, которыми обогатилъ и украсилъ свое изданіе.

По отзыву Академика Устрялова, изъ рецензіи коего мы главнѣйше заимствовали вышесообщенныя подробности, Академія присудила Г-ну Поссельту, за этотъ столь важный подарокъ

для всякаго любителя отечественной Исторіи, второстепенную Д мидовскую премію.

—

Обращаясь теперь къ другому разряду сочиненій, увѣнчанныхъ Академіею въ нынѣшній конкурсъ и принадлежащихъ къ области наукъ Физическихъ или наблюдательныхъ, мы встрѣчаемъ три спеціальныхъ Описанія такого же числа опредѣленныхъ мѣстностей обширнаго нашего Отечества, и по тремъ различнымъ направленіямъ естествовѣдѣнія:

Прибалтійскія губерніи наши описаны докторомъ Ратлефомъ въ Ревелѣ, относительно внѣшняго ихъ очерченія; *Орографіи* и *Гидрографіи;*

Ближайшая къ намъ *С. Петербургская Губернія* изслѣдована ученымъ Профессоромъ Куторгою, относительно *геогностической* ея *Формаціи;* наконецъ

Губерніи, составляющія Кіевскій учебный округъ, нашли ученаго описателя, въ *зоографическомъ* отношеніи, въ лицѣ Профессора Университета Св. Владиміра Г-на Кесслера.

Приступаемъ къ разбору сихъ прекрасныхъ трудовъ по порядку относительнаго ихъ достоинства, выразившагося въ числѣ голосовъ, присудившихъ имъ преміи.

V.

Геогностической Картѣ С. Петербургской Губерніи Профессора Куторги

второстепенная премія была присуждена единогласно; а потому она должна занимать, въ нынѣшнемъ Конкурсѣ, первое мѣсто послѣ сочиненія Полковника Милютина, увѣнчаннаго полною преміею

Академикъ Гельмерсенъ, внесшій сей трудъ на соисканіе безъ вѣдома Автора, отзывается объ немъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ первой половинѣ истекшаго 1852-го года, Профессоръ Куторга издалъ Геогностическую Карту С. Петербургской Губерніи съ программою, въ которой изложилъ цѣль и значеніе

своего труда, и сообщилъ свѣдѣнія о способѣ составленія Карты. Въ той же программѣ Г-нъ Куторга увѣдомилъ, что геогностическое Описаніе губерніи выйдетъ въ теченіе 1852 года. Хотя и понынѣ оно еще не появилось, Г. Гельмерсенъ, при составленіи своего отзыва, пользовался однакоже не одною только программою, но также свѣдѣніями, напечатанными по сему предмету въ протоколахъ Минералогическаго Общества, и замѣтками, доставленными ему самимъ сочинителемъ.

Матеріалы для сказанной Карты собраны были слѣдующимъ образомъ: съ 1842 по 1851 годъ включительно, Г. Куторга занимался изслѣдованіями въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтнихъ мѣсяцовъ въ каждомъ году, проводя день въ дорогѣ, а вечеромъ, по пріѣздѣ на ночлегъ, все замѣченное въ карманной книжкѣ записывалъ подробно въ журналъ того дня, и даже, въ случаѣ надобности, рисовалъ карту изслѣдованной мѣстности и видѣнные разрѣзы, снятые на самомъ мѣстѣ.

Рѣки представляютъ, какъ извѣстно, самое лучшее средство для наблюденій строенія почвы въ плоскихъ земляхъ, какова С. Петербургская губернія. По этому вся площадь губерніи была предварительно раздѣлена на участки по системамъ рѣкъ; на каждомъ участкѣ пройдены были главныя его рѣки на челнокѣ или телѣгою, по всему ихъ протяженію, и вездѣ замѣчаемы были разрѣзы и опредѣляемы точки границъ почвъ и ихъ ярусовъ; кромѣ того посѣщены были и побочныя рѣки и ручьи въ такомъ размѣрѣ, чтобы пограничныя точки на картѣ, опредѣленныя выше означеннымъ способомъ, отстояли одна отъ другой на 5, и никакъ не болѣе 10-ти верстъ. Мѣста сухія разбиты были на треугольники, которые изслѣдованы по плитнымъ ломкамъ, колодцамъ, дорожнымъ рвамъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ небыли упущены изъ виду также попадающіяся въ пластахъ окаменѣлости.

По собраніи, такимъ образомъ, десятилѣтними изслѣдованіями на самомъ мѣстѣ, обильныхъ матеріаловъ какъ для точнаго опредѣленія географическихъ границъ Формацій С. Петербург-

ской губерніи, такъ и для познанія ихъ состава вглубь, а равно для палеонтологическаго опредѣленія разныхъ ярусовъ и даже пластовъ Формацій, Г. Куторга приступилъ къ отдѣлкѣ самой карты, стараясь наглядно изобразить на ней всѣ окончательные выводы тщательныхъ своихъ наблюденій. Карта эта гравирована на мѣди въ масштабѣ 10-ти верстъ на одинъ дюймъ, или въ $\frac{1}{420000}$ настоящей величины. Отдѣлка ея хороша: ширина рѣкъ показана, по возможности, соотвѣтственно масштабу; кромѣ городовъ, селъ и деревень, означены также всѣ мызы, а сверхъ того рѣчки, озера, болота, дороги проселочныя, почтовыя, желѣзныя и шоссейныя, и нанесены особыми условными знаками всѣ плитныя ломки губерніи, числомъ до 200, мѣста, гдѣ можно наблюдать геогностическіе разрѣзы, по берегамъ рѣкъ и озеръ, и дилувіальную политуру съ бороздами на известнякахъ. Мѣста, гдѣ пласты подняты подземными силами, въ видѣ длинныхъ грядъ или сводовъ, обозначены на манеръ горныхъ хребтовъ.

Карта раскрашена пятью красками, по системамъ Формацій, и оттѣнками этихъ красокъ, для обозначенія площадей, занимаемыхъ ярусами Силюрійской и Девонской почвъ.

Указавъ потомъ еще на разныя придаточныя части карты, между прочимъ на разрѣзы пластовъ по нѣкоторымъ рѣкамъ, и на умозрительный разрѣзъ чрезъ всю губернію съ сѣвера на югъ, Рецензентъ заключаетъ, что десяти-лѣтній трудъ Профессора Куторги важенъ и полезенъ для познанія не только геогностическаго состава нашей губерніи, но и Россіи вообще; онъ приноситъ положительную пользу и наукѣ, которую Г. Куторга обогатилъ нѣкоторыми новыми данными, именно въ палеонтологическомъ отношеніи. — Академія, какъ выше сказано, охотно утвердила сей лестный отзывъ о трудѣ нашего даровитаго Геогноста.

VI.

Сочиненіе Профессора Кесслера:

Животныя губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Млекопитающія. Птицы. Выпуски 1-й по 4-й, Кіевъ 1850 — 1852

также небыло представлено въ Конкурсъ скромнымъ сочините-

лемъ. Объ немъ Зоологи наши, изъ собственнаго побужденія, представили Академіи свой отзывъ, изъ котораго мы извлечёмъ здѣсь то, что послужило главнымъ доводомъ къ произнесенію объ немъ приговора Коммиссіи.

Въ русской Литературѣ, до сихъ поръ, весьма ощутителенъ былъ недостатокъ въ такомъ сочиненіи, которое представляло бы читающей публикѣ, болѣе и болѣе интересующейся естественными науками, сводъ существующихъ на лице познаній о животномъ мірѣ Россіи. А между тѣмъ, до выхода въ свѣтъ такого сочиненія, множество разнообразнѣйшихъ наблюденій, безпрерывно дѣлаемыхъ въ разныхъ частяхъ Имперіи, всуе расточается, вмѣсто того, чтобы оно могло обратиться на пользу и обогащеніе общей сокровищницы науки. Отличительное свойство біологическаго ученія именно и заключается въ томъ, что тьма безпрестанно снова, и всякій разъ подъ другими уже видами обнаруживающихся, въ неисчерпаемомъ разнообразіи, проявленій жизни должна быть, такъ сказать, на лету ловима наблюдателемъ въ самый благопріятный для того моментъ. Біологу рѣдко удается отыскивать разрѣшенія задачь своей науки непосредственнымъ путемъ физическаго опыта; ибо чѣмъ осмотрительнѣе онъ дѣлаетъ свой опытъ, тѣмъ насильственнѣе увлекается уже, самымъ его производствомъ, изъ колеи Физіологіи, которую слѣдилъ съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ, во враждебную ей область Патологіи. И такъ, жизненную потребность, необходимое условіе нашей науки составляютъ наблюденія: чѣмъ больше ихъ число, чѣмъ разнообразнѣе обстоятельства, при которыхъ они были производимы, и чѣмъ благопріятнѣе моментъ въ который ихъ уловилъ наблюдатель, тѣмъ болѣе успѣха можно ожидать въ разгадкѣ сокровенныхъ законовъ жизни. Но съ другой стороны, наблюдатели не могутъ обойтись безъ основательныхъ сочиненій, которыя могли бы быть положены въ основаніе ихъ наблюденіямъ, и служили бы для нихъ путеводною нитью, — сочиненій, которыя мы выше обозначили какъ настоятельную потребность русской Литературы по части Зоологіи.

Книга Г. Кесслера, по удостовѣренію Рецензентовъ, есть прекрасное начало къ удовлетворенію сей потребности. Избравъ своимъ предметомъ описаніе царства животныхъ, свойственныхъ губерніямъ Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской, Авторъ слѣдуетъ хорошо обдуманному плану, добросовѣстно справляясь, на каждомъ шагу, съ литературою своего предмета, по коему она ему доступна. Способъ изложенія безукоризненъ: строенъ, простъ и ясенъ, и нельза не вмѣнить Автору въ особенную заслугу, что онъ умѣлъ счастливо соблюсти средину между подавляющимъ многословіемъ сторичнаго наблюденія и неудовлетворительною скудостію фактовъ. Уже прежде извѣстное по части описываемой имъ Фауны расположено съ знаніемъ дѣла, и очевидно не безъ помощи собственной опытности; а въ добавокъ Авторъ присовокупилъ отъ себя множество новыхъ, мѣткихъ наблюденій, такъ, что книга его не только пригодна какъ хорошее руководство для учащихся и для всякаго, занимающагося у насъ зоологіею; но и запечатлѣна клеймомъ самостоятельнаго достоинства, дѣлающимъ ее необходимою и для спеціалиста въ области русской Зоографіи.

Г. Кесслеръ исчисляетъ въ своей книгѣ не менѣе 62-хъ породъ млекопитающихъ и 265-и видовъ птицъ. Породы опредѣлены съ большею осмотрительностію, и мы не можемъ не одобрить умѣренности, съ какою Авторъ поступалъ въ этомъ случаѣ, не размножая породъ излишнимъ раздробленіемъ; а напротивъ того, стараясь приводить многія разрозненныя его предшественниками виды, снова къ первоначальному естественному ихъ типу. Хвалы достойно и то, что Авторъ входитъ въ разсмотрѣніе житейскаго быта, распространенія и образа размноженія отдѣльныхъ породъ, и обращаетъ должное вниманіе на время перелета птицъ.

Въ заключеніе своего разбора, Г. Миддендорфъ свидѣтельствуетъ, что самъ онъ имѣлъ случай ближе удостовѣриться въ достоинствахъ сочиненія нашего Кіевскаго Зоолога, и обязанъ

ему поученіемъ, почерпнутымъ имъ изъ книги его для собственныхъ своихъ работъ по части Зоогеографіи.

Коммиссія вмѣнила себѣ въ удовольствіе присудить сочиненію Г. Кесслера пятую поощрительную премію настоящаго Конкурса.

VII.

Наконецъ, шестая и послѣдняя изъ второстепенныхъ премій нынѣшняго Конкурса присуждена, какъ выше сказано, старшему учителю Ревельской Гимназіи, доктору Ратлефу. Изданная имъ книга носитъ слѣдующее заглавіе:

Skizze der orographischen Verhältnisse von Liv- Esth- und Kurland. Ein geographischer Versuch. Reval 1852.

Не смотря на скромное названіе «Географическаго опыта» книга сія, по свидѣтельству Академиковъ Струве и Гельмерсена, содержитъ разительное обиліе любопытныхъ и поучительно связанныхъ между собою фактовъ, и по свойству своего предмета, вообще представляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачь Географической науки. Общее впечатлѣніе высокой, гористой страны, съ ея рѣзкими кряжами, съ ея слѣдующими опредѣленнымъ законамъ продольными и поперечными долинами, съ ея воздымающимися превыше другихъ снѣжными вершинами и строго очертанными плоскогоріями, легче схватывается наблюдателемъ и скорѣе врѣзывается въ его памяти, чѣмъ видъ такого края, высочайшіе пункты котораго едва превышаютъ абсолютную высоту 1000 футовъ, который только тамъ и сямъ являетъ дѣйствительныя цѣпи горъ, — гдѣ переходъ отъ глубины къ высотѣ часто совершается едва замѣтнымъ образомъ, и гдѣ необходимо принять въ соображеніе даже самомалѣйшее колебаніе уровня, чтобы получить ясное понятіе о его рельефѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать, въ какой мѣрѣ этотъ рельефъ обусловливается геологическимъ свойствомъ земли, обусловливая, въ свою очередь, направленіе долинъ и рѣкъ.

При изученіи, въ семъ отношеніи, и изображеніи Остзей-

скихъ губерній, которыя, какъ извѣстно, составляютъ непосредственное продолженіе сѣверо-германской равнины, наблюдатель долженъ былъ встрѣтить всѣ выше указанныя трудности, и если Г. Ратлефу удалось счастливо побѣдить ихъ и начертать весьма удовлетворительный эскизъ указаннаго края, то мы обязаны тѣмъ не только прилежному, основательному изученію имѣющихся на лице матеріаловъ и критической ихъ обработкѣ; но, не менѣе того, и собственнымъ наблюденіямъ Автора, который, можно сказать, вполнѣ обладаетъ своимъ предметомъ: ибо книга его и приложенныя къ ней карты сплошь свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ никогда не увлекался щепетильностію розысканій до того, чтобы потерять изъ виду существенныя отношенія края.

Разсматриваемое нами сочиненіе собственно состоитъ изъ трехъ частей: орографической, гидрографической и картографической.

Въ первой части Авторъ входитъ въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей края: сперва описываетъ сѣверную покатость Эстляндской возвышенности, морской берегъ съ его крутыми обрывами, бухтами и выдающимися въ море островами; потомъ внутренность губерніи, высочайшіе пункты которой достигаютъ немногимъ болѣе 500 футовъ вышины; за симъ нѣсколько подробнѣе изображаетъ заслуживающій, по относительному своему разнообразію, болѣе вниманія, орографическій рельефъ Лифляндіи и Курляндіи, а наконецъ, окинувъ взглядомъ еще значительнѣйшіе изъ прилежащихъ къ берегу острововъ, приводитъ перечень 315 пунктовъ Остзейскаго края, которыхъ измѣрена высота надъ зеркаломъ моря.

Во второмъ главномъ отдѣлѣ своего эскиза, Г. Ратлефъ даетъ систематическій обзоръ гидрографіи описываемаго имъ края, ограничиваясь впрочемъ только главнѣйшими его водами и руководствуясь лучшими по этой части пособіями, а въ особенности Штукенберговою Гидрографіею Россійской Имперіи, трудами Виттенгейма, Ватсона и большою картою Лифляндіи

Рюккера. Нѣтъ сомнѣнія, что за эту часть многіе поблагодарятъ Автора, а именно изъ обитателей береговъ описанныхъ имъ водъ, которые, сколько извѣстно, далеко еще не извлекли изъ нихъ той пользы, какой можно было бы ожидать при болѣе раціональномъ на нихъ взглядѣ.

Третій, картографическій отдѣлъ книги Г-на Ратлефа состоитъ изъ двухъ картъ Остзейскаго края, одной орографической, а другой гидрографической, каждая на особомъ листѣ, и изъ девяти профилей высотъ на трехъ листахъ. Всѣ эти карты и профили горъ начертаны самимъ Авторомъ, нарисованы его учениками и очень опрятно и красиво литографированы у Деліуса въ Берлинѣ.

Содержаніе сего сочиненія, матеріалъ, изъ котораго оно составилось и отчетливая его обработка, — прибавляютъ рецензенты въ концѣ своего разбора, — дѣлаютъ его однимъ изъ поучительнѣйшихъ трудовъ по части отечественной географіи, и мы не обинуясь скажемъ, что оно существенно подвинуло впередъ наши познанія объ Остзейскомъ краѣ. По части Русской географіи это первый, болѣе обширный трудъ въ своемъ родѣ, который, можно надѣяться, скоро найдетъ себѣ достойныхъ подражателей и для прочихъ частей Имперіи.

Конкурсъ 1852 года, въ сравненіи съ предшествовавшими, былъ очень малочисленъ; ибо состоялъ не болѣе, какъ изъ 13-ти представленныхъ сочинителями и 3-хъ внесенныхъ Академиками номеровъ. Сверхъ того къ нему причислено одно сочиненіе, оставшееся отъ предпослѣдняго Конкурса (1851 г.), для выслушанія объ немъ мнѣнія другаго Рецензента. Отрадно видѣть, что изъ сихъ 17-ти сочиненій, четыремъ только отказано въ преміи, и въ числѣ ихъ, двумъ неоконченнымъ рукописямъ, которыя, по исправленіи и напечатаніи, — или даже по окончаніи, — могутъ возобновить свои притязанія въ одинъ изъ будущихъ конкурсовъ. Преміи розданы всѣ, сколько ихъ

было въ наличности, всего на 6500 рублей серебромъ. Изъ оставшихся затѣмъ неувѣнчанными 6-ти сочиненій, одобрѣнныхъ Рецензентами, хотя и не безусловно, Академія признала справедливымъ отличить почетнымъ объ нихъ отзывомъ слѣдующія четыре:

Теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ Рахманинова. Рецензія Профессора Чебышева.

Фармакодинамика или ученіе о дѣйствіи и употребленіи врачебныхъ средствъ, Академика Имп. Мед. Хир. Акад. Горянинова. Рецензія Профессора Олендзскаго.

Esthnische Volkslieder. Urschrift und Uebersetzung von H. Neus. Herausgegeben von der Esthnischen literarischen Gesellschaft. Reval 1850 — 1852. Рецензія Акад. Шёгрена и

Beschreibung der phanerogamischen Gewaechse Esth-, Liv- und Curlands, старшихъ учителей при Ревельскомъ благородномъ училищѣ Видеманна и Вебера. Рецензія Академика Рупрехта.

Изъ сторонниxъ рецензентовъ, Профессоръ Чебышевъ удостоился получить золотую Демидовскую медаль меньшаго достоинства за вышеупомянутую, написанную имъ рецензію сочиненія Г-на Рахманинова.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Полковника МИЛЮТИНА

подъ заглавіемъ:

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ РОССІИ СЪ ФРАНЦІЕЮ,

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I,

въ 1799 году.

составлена по высочайшему повелѣнію

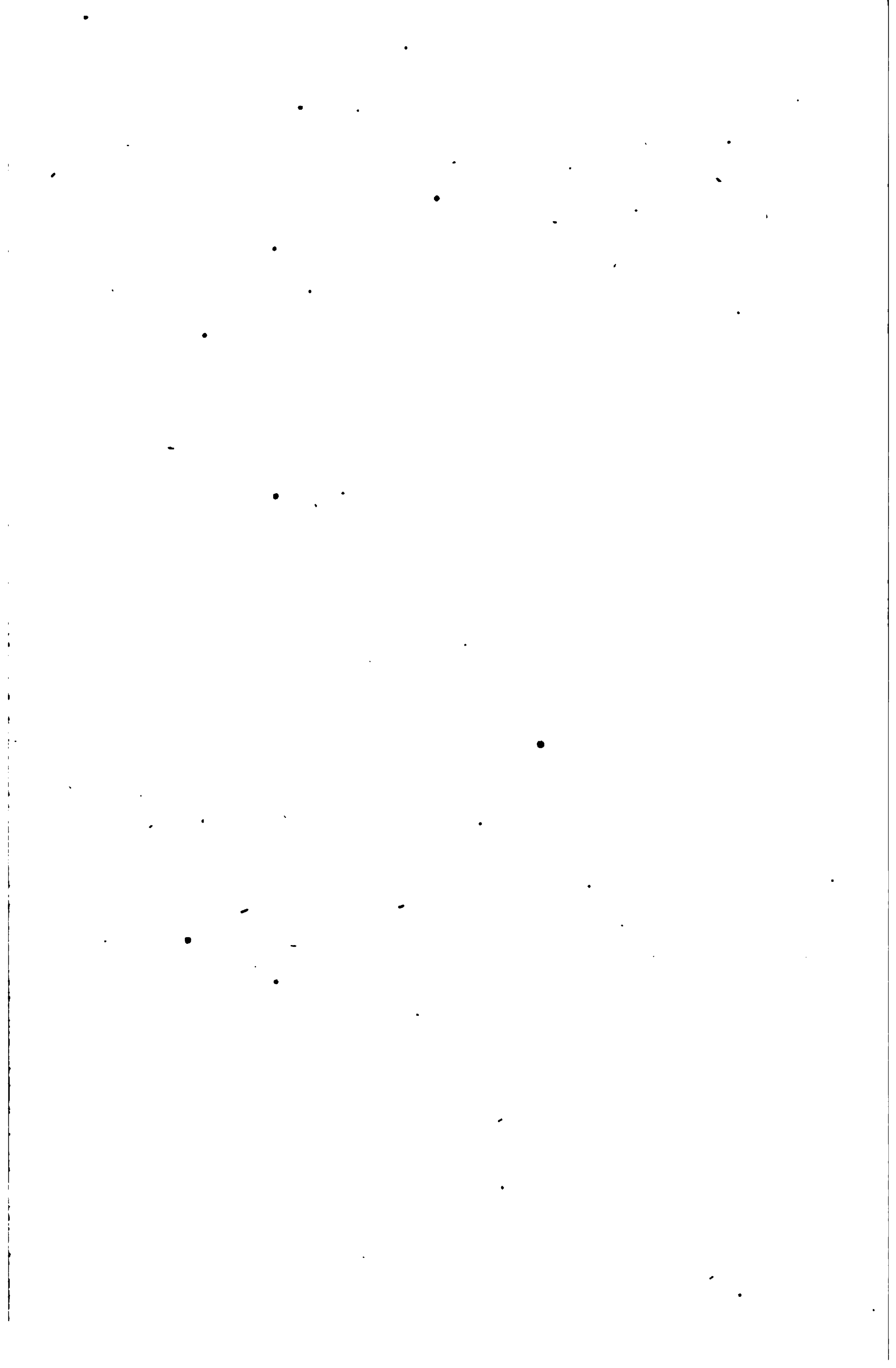
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

5 томовъ въ 8 частяхъ.

С. Петербургъ. 1852. 8°.

составленный

Орд. Академикомъ **Устряловымъ.**

Исторія войны 1799 года, въ коей Россія принимала столь дѣятельное участіе, была предметомъ многихъ сочиненій современныхъ и позднѣйшихъ. Но ни одно изъ нихъ не удовлетворяетъ своей цѣли. Лучшее и полнѣйшее описаніе сей войны на Русскомъ языкѣ принадлежитъ Статскому Совѣтнику Фуксу, который завѣдывалъ походною канцеляріею Суворова и состоялъ при его лицѣ во все продолженіе компаніи: онъ издалъ въ 1825 году въ 3-хъ томахъ *Исторію Россійско-Австрійской компаніи 1799 года*, помѣстивъ въ 1-мъ томѣ Исторію самой войны, во 2-хъ послѣднихъ почти всѣ рескрипты, полученные Суворовымъ отъ Императоровъ Павла и Франца, отъ Королей Сардинскаго и Неаполитанскаго, большую часть донесеній и реляцій Суворова, переписку его съ Эрцгерцогомъ Карломъ, съ Графами Ростопчинымъ, Разумовскимъ, Толстымъ и другими лицами; диспозиціи и приказы его по арміи; многія предписанія его подчиненнымъ Генераламъ и отвѣты ихъ. Никто лучше Фукса не могъ описать дѣйствій Суворова, потому что онъ самъ, участвовалъ въ походахъ великаго Полководца, и вся переписка была въ его рукахъ. Къ сожалѣнію, исторія его есть ничто иное, какъ большею частію списки реляцій и донесеній, и, что въ особенности замѣчательно, Авторъ во всей своей исторіи нигдѣ не означаетъ ни числа, ни мѣсяца, когда случились описываемые имъ факты. Главное достоинство его труда заключается въ Приложеніяхъ, напечатанныхъ впрочемъ не всегда вѣрно. — Луч-

шее сочиненіе о войнѣ 1799 года помѣщено въ XI и XII томахъ Histoire critique et militair des guerres de la Révolution par le lieut. gen. Jomini, Paris 1824, гдѣ кромѣ печатныхъ источниковъ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ (сочиненій Дюма, Эрцгерцога Карла, Стуттергейма, записокъ Шерера, Журдана), Авторъ имѣлъ въ рукахъ драгоцѣнныя записки Шателера, бывшаго Генералъ-квартирмейстеромъ союзной арміи въ Италіи и любимца Суворова. Но генералъ Жомини не имѣлъ достаточно матеріаловъ Русскихъ; потому все, что касается до дѣйствій нашихъ войскъ, представлено имъ не полно и не совсѣмъ вѣрно; также и въ отношеніи политическомъ участіе Императора Павла I, въ войнѣ 1799 года не выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ.

Покойный Генералъ-лейтенантъ Михайловскій Данилевскій, въ послѣдніе годы своей жизни, приступилъ къ описанію войны 1799 года. Онъ избралъ множество матеріаловъ для этого сочиненія, между прочимъ обширныя выписки изъ хранящейся въ Московскомъ главномъ архивѣ дипломатической и военной переписки, сдѣланныя командированнымъ для того, по распоряженію высшаго начальства, Капитаномъ генеральнаго-штаба Залѣсскимъ. Первая часть сочиненія была вполнѣ уже обработана Генераломъ М.-Данилевскимъ: начавъ обозрѣніе политики Россіи съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины II, онъ изобразилъ положеніе дѣлъ при восшествіи на престолъ Императора Павла I, рѣшительную наклонность Его къ миру, причины, побудившіе Его вооружиться противъ Франціи и сдѣлаться душою новой коалиціи; за тѣмъ описаны заключенные Императоромъ союзные договоры, тогдашнее состояніе вооруженныхъ силъ Россіи, приготовленія къ войнѣ, первыя дѣйствія Русскаго флота при Іоническихъ островахъ, выступленіе сухопутныхъ войскъ за границу, наконецъ, въ послѣдней XIII главѣ, разсказано, какъ Императоръ Павелъ, по просьбѣ Вѣнскаго двора, призвалъ Суворова для принятія начальства надъ союзною арміею въ Италіи.

Послѣ кончины генерала Михайловскаго-Данилевскаго въ Октябрѣ 1848 года, продолженіе военно-историческихъ заня-

тій его, по Высочайшей волѣ, было возложено на Полковника Милютина. Онъ оставилъ написанную покойнымъ Генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ часть неприкосновенною и напечаталъ ее, не измѣнивъ въ ней ни одного слова, кромѣ только тѣхъ исправленій, которыя благоугодно было самому Государю Императору указать собственноручно въ представленной Его Величеству рукописи (Т. I. стр. vi). Сверхъ того имъ же прибавлены примѣчанія.

Трудъ Полковника Милютина начинается со *второй* части: въ ней сначала показалъ онъ силы обѣихъ воюющихъ сторонъ предъ самымъ открытіемъ компаній; въ слѣдующихъ трехъ главахъ (XV — XVIII) описаны кратко военныя дѣйствія между Австрійцами и Французами въ южной Германіи, на Альпахъ и въ сѣверной Италіи въ теченіе Февраля и Марта; за тѣмъ уже слѣдуетъ подробный разсказъ о прибытіи самого Суворова въ Италію (XIX), о первомъ наступательномъ движеніи его къ рѣкѣ Аддѣ, о двудневномъ боѣ на этой рѣкѣ и вступленіи союзниковъ въ Миланъ (XX. XXII). Въ послѣдней главѣ второй части объяснены причины бездѣйствія другихъ Австрійскихъ армій въ теченіе всего Апрѣля мѣсяца.

Въ *третьей* части, въ первыхъ шести главахъ, описаны подробно дѣйствія союзной арміи въ сѣверной Италіи до конца Мая; вступленіе Суворова въ Піемонтъ, движеніе къ Турину и окончательное отступленіе Моро за Апенины. Остальныя же пять главъ посвящены событіямъ на другихъ театрахъ войны въ теченіе того же времени: въ Швейцаріи, въ южной Италіи и на морѣ.

Въ *четвертой* части, также первыя пять главъ посвящены исключительно военнымъ дѣйствіямъ въ сѣверной Италіи съ конца Мая до конца Іюля: тутъ описано неожиданное появленіе въ сѣверной Италіи Макдональда, движеніе на встрѣчу ему Суворова, трехдневный кровопролитный бой на Треббіи и возвращеніе Суворова къ Александріи. Далѣе описаны народная война въ Средней Италіи, вступленіе Русскихъ въ Неаполь и воз-

становленіе тамъ Королевскаго престола. Въ заключеніе описана осада Мантуи и сдача этой крѣпости.

Пятая часть заключаетъ въ себѣ окончаніе Италійской компаніи Суворова до конца Августа: Въ то самое время, когда полководецъ нашъ готовился къ наступательному движенію въ Ривьеру Генуэзскую, новый французскій главнокомандующій, Жуберъ предупреждаетъ его выступленіемъ изъ Апениновъ; Французы разбиты на голову при Нови. Но кровопролитное это сраженіе опять остается безъ послѣдствій по расчетамъ Вѣнской политики; между тѣмъ бездѣйствіе Австрійцевъ въ Швейцаріи даетъ непріятелю случай нанести имъ пораженіе въ томъ краѣ и даже угрожать оттуда завоеваніемъ Суворова въ Италіи. Полководецъ Русскій, вторично лишенный плодовъ блистательной своей побѣды, вынужденъ опять оставаться въ бездѣйствіи въ лагерѣ при Асти, пока союзные Кабинеты тратятъ драгоцѣнное время на переговоры о новомъ планѣ войны. Между тѣмъ въ Швейцарію приходитъ Русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова; но Полководецъ Австрійскій Эрцгерцогъ Карлъ оставляетъ Русскихъ на жертву многочисленному непріятелю, а самъ уходитъ въ Германію. Вѣнскій дворъ торопитъ и Суворова выступить изъ Италіи. Побужденія Вѣнскаго кабинета къ столь пагубному образу дѣйствій, политическіе виды его и причины возникшихъ между союзниками недоразумѣній подробно раскрыты въ двухъ послѣднихъ главахъ пятой части (LV и LVI).

Шестая часть посвящена описанію дѣйствій Русскихъ войскъ въ Швейцаріи: послѣ разсказа объ изумительномъ переходѣ Суворова чрезъ С. Готардъ и Чертовъ мостъ, описано пораженіе Римскаго Корсакова при Цюрихѣ и Австрійцевъ на Линтѣ; за тѣмъ снова повѣствованіе обращается къ Суворову: въ двухъ главахъ разсказано во всей подробности чудесное спасеніе Русскаго корпуса отъ совершеннаго истребленія и благополучное выступленіе его изъ Швейцаріи. За тѣмъ подробно раскрыты безплодные переговоры Суворова съ Эрцгерцогомъ Карломъ о продолженіи компаніи, возникшіе между обоими полководцами

недоразумѣнія и удаленіе Русскихъ войскъ на зимнія квартиры въ Баварію. Всѣ эти событія вынудили Императора Павла предоставить своихъ прежнихъ союзниковъ собственному ихъ жребію.

Въ *седьмой части* докончено повѣствованіе о военныхъ дѣйствіяхъ 1799 года: въ первыхъ пяти главахъ заключается описаніе неудачной экспедиціи Россійско-Англійскаго корпуса въ Голландію; послѣ того описаны послѣднія дѣйствія Австрійскихъ и Французскихъ войскъ на Рейнѣ, въ Швейцаріи и въ сѣверной Италіи; окончательное очищеніе средней Италіи отъ Французовъ и осада Анконы. Дерзкіе поступки Австрійцевъ съ Русскими по случаю сдачи Анконы окончательно разорвали связи между прежними союзниками.

Въ послѣдней *осьмой части* описано, какой неожиданный оборотъ приняли политическія отношенія между Европейскими Державами послѣ кампаніи 1799 года: не смотря на всѣ старанія Лондонскаго и Вѣнскаго кабинетовъ возобновить рушившійся союзъ, Императоръ Павелъ прерываетъ всякія сношенія съ обоими прежними союзниками своими; Русскія войска и эскадры возвращаются въ отечество, и самъ герой этой войны — Суворовъ сходитъ въ могилу. Между тѣмъ новый переворотъ во Франціи сосредоточиваетъ правленіе Республики въ руки Бонапарта. Австрія, упорствуя вмѣстѣ съ Англіею продолжать войну, претерпѣваетъ въ теченіе 1800 года тяжкія пораженія. Императоръ Павелъ заключаетъ новый союзъ сѣвернаго вооруженнаго нейтралитета, чрезъ посредство Пруссіи сближается съ первымъ консуломъ Бонапартомъ, посылаетъ въ Парижъ Посла для заключенія мира, а между тѣмъ вооружается противъ Англіи. Въ началѣ 1801 года новая война возгарается на сѣверѣ Европы; но кончина Російскаго Монарха и восшествіе на престолъ Императора Александра I, вдругъ располагаютъ всѣхъ къ миру; въ томъ же году всѣ Европейскія государства примиряются между собою послѣ долгой и кровопролитной борьбы. Въ заключеніе осьмой части сдѣланъ общій выводъ о значеніи войны 1799 года въ отношеніи военномъ и политическомъ.

Такъ изображаетъ Полковникъ Милютинъ содержаніе своего труда. Къ каждой части сдѣланы имъ *приложенія*, въ которыхъ показаны: подробныя вѣдомости о составѣ и численной силѣ армій, отрядовъ, эскадръ; исчисленіе потерь въ сраженіяхъ и трофеевъ; критическія замѣчанія о военныхъ дѣйстіяхъ и сужденія объ нихъ извѣстнѣйшихъ писателей. Главное же мѣсто въ приложеніяхъ занимаютъ указанія источниковъ и документовъ, на которыхъ основанъ каждый фактъ повѣствованія: въ случаяхъ сомнительныхъ, критически разобрана достовѣрность показаній, сличены противорѣчія, раскрыты невѣрности, вкравшіяся въ прежнія сочиненія. Не ограничиваясь однѣми ссылками на документы, авторъ весьма часто приводитъ изъ нихъ буквальныя выписки; иные же помѣщены во всей цѣлости, какъ напримѣръ: большая часть рескриптовъ Императора Павла къ Суворову, къ другимъ главнымъ начальникамъ и посламъ; весьма многія донесенія Суворова, почти всѣ его диспозиціи по арміи и замѣчательнѣйшіе приказы; также дипломатическія депеши, трактаты и конвенціи, доселѣ нигдѣ еще не напечатанныя. Иные изъ документовъ приведены въ Русскомъ переводѣ, другіе же на языкѣ подлинника; иногда даже сохранена буквальная точность въ самомъ правописаніи, какъ напримѣръ въ письмахъ и замѣткахъ Суворова. При каждомъ приведенномъ или упомянутомъ документѣ указано, откуда именно онъ почерпнутъ, въ какомъ архивѣ и даже въ какомъ отдѣлѣ можно отыскать его. Въ подробномъ *указаніи источниковъ для исторіи войны 1799 года*, авторъ объяснилъ (т. IV. 407 — 460), изъ какихъ именно матеріаловъ почерпалъ онъ свои свѣдѣнія; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаютъ архивы: Московскій архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ коего почерпнуты важнѣйшія свѣдѣнія генеральнаго штаба Капитаномъ Залѣсскимъ; въ особенности подробно разобраны сношенія Россійскаго кабинета съ Вѣнскимъ, Лондонскимъ и Берлинскимъ. Документы Архива Иностранныхъ Дѣлъ по дипломатической части составляютъ самый важный матеріалъ для Исторіи войны 1799 г.,

потому въ Приложеніяхъ помѣщено значительное ихъ число. По содержанію своему, они по замѣчанію автора въ высшей степени занимательны для насъ, Русскихъ; ибо выставляютъ политику Императоратора Павла въ самомъ прекрасномъ свѣтѣ, особенно же сравнительно съ образомъ дѣйствій другихъ кабинетовъ. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ заключаетъ въ себѣ не одну лишь переписку дипломатическую; въ немъ находятся и самые богатые матеріалы для военной Исторіи, особенно относительно кампаній Суворова въ Италіи и Швейцаріи. Они заключаются въ особомъ отдѣлѣ, въ которомъ хранится большая часть военной и политической переписки Суворова, также бумаги главнаго Дежурства арміи: всѣ подлинные рескрипты Суворову Императора Франца, Королей Неаполитанскаго и Сардинскаго, Герцога Аостскаго, Эрцгерцога Карла; черновыя донесенія и письма Суворова къ тѣмъ же особамъ; также донесенія его Императору Павлу, частію подлинныя, частію черновыя; переписка Суворова съ тайнымъ совѣтникомъ Колычевымъ, графомъ Рузумовскимъ, графомъ Толстымъ; предписанія Фельдмаршала подчиненнымъ ему генераламъ и донесенія ихъ и проч. Тутъ же находятся почти всѣ документы, напечачанные Фуксомъ во II и III частяхъ его Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи. Архивы Инспекторскаго Департамента, Военно-топографическаго Депо, Канцеляріи Военнаго Министерства, Департамента Генеральнаго Штаба, Капитула Императорскихъ Орденовъ и Гидрографическаго Департамента доставили автору весьма важныя свѣдѣнія, въ особенности Архивъ Инспекторскаго Департамента, въ коемъ, между прочими документами, хранятся подлинныя донесенія на имя Государя отъ Суворова, Корсакова, Ребиндера, графа Воронцова и генерала Эссена I. Здѣсь же хранятся: всѣ строевые рапорты, журналы Высочайшихъ повелѣній 1796 — 1799 годовъ и проч. Въ Архивѣ Военно-топографическаго Депо хранятся всякаго рода карты и планы, служившія немаловажнымъ пособіемъ для автора; кромѣ того тамъ же находится журналъ военныхъ дѣйствій, веденный полковникомъ

Комаровскимъ, адъютантомъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Павловича, и другіе журналы и записки. Кромѣ рукописей, хранящихся въ Государственныхъ архивахъ, авторъ имѣлъ въ рукахъ сборникъ рукописныхъ документовъ, принадлежащій генералъ-адъютанту Князю А. А. Суворову, сборникъ подлинныхъ бумагъ Суворова, принадлежащій графинѣ Зубовой, дочери генералиссимуса, сборникъ писемъ Суворова въ 1799 году, списанный рукою князя Багратіона, сборникъ Карабановскій и проч. Изъ печатныхъ книгъ и статей, число коихъ простирается за 100, онъ имѣлъ въ рукахъ все, что писано о войнѣ 1799 года на всѣхъ языкахъ, не исключая и журнальныхъ статей.

Къ сочиненію полковника Милютина приложено до ста картъ и плановъ, гравированныхъ на мѣди и раскрашенныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ скопированы съ тогдашнихъ подлинныхъ плановъ, найденныхъ въ архивахъ; на другихъ мѣстность снята съ новѣйшихъ топографическихъ картъ, и всѣ вообще отличаются самою тщательною отдѣлкою.

Изъ всѣхъ историческихъ военныхъ сочиненій на Русскомъ языкѣ трудъ полковника Милютина занимаетъ если не первое, по крайней мѣрѣ самое почетное мѣсто: богатство пособій, которыми онъ пользовался съ такимъ уменьемъ и искусствомъ, вѣрный взглядъ и безпристрастіе при изложеніи событій, отчетливость въ описаніи самыхъ маловажныхъ случаевъ, разборчивая критическая повѣрка современныхъ показаній, благородное безпристрастіе въ сужденіяхъ, наконецъ строгая историческая точность при описаніи всѣхъ случаевъ похода, все это безъ сомнѣнія заслужитъ одобрѣніе Императорской Академіи Наукъ. Въ слѣдствіе сего я полагаю, что полковнику Милютину слѣдуетъ назначить *полную* Демидовскую премію.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Капит.-Лейтен. Ѳ. ВЕСЕЛАГО

подъ заглавіемъ:

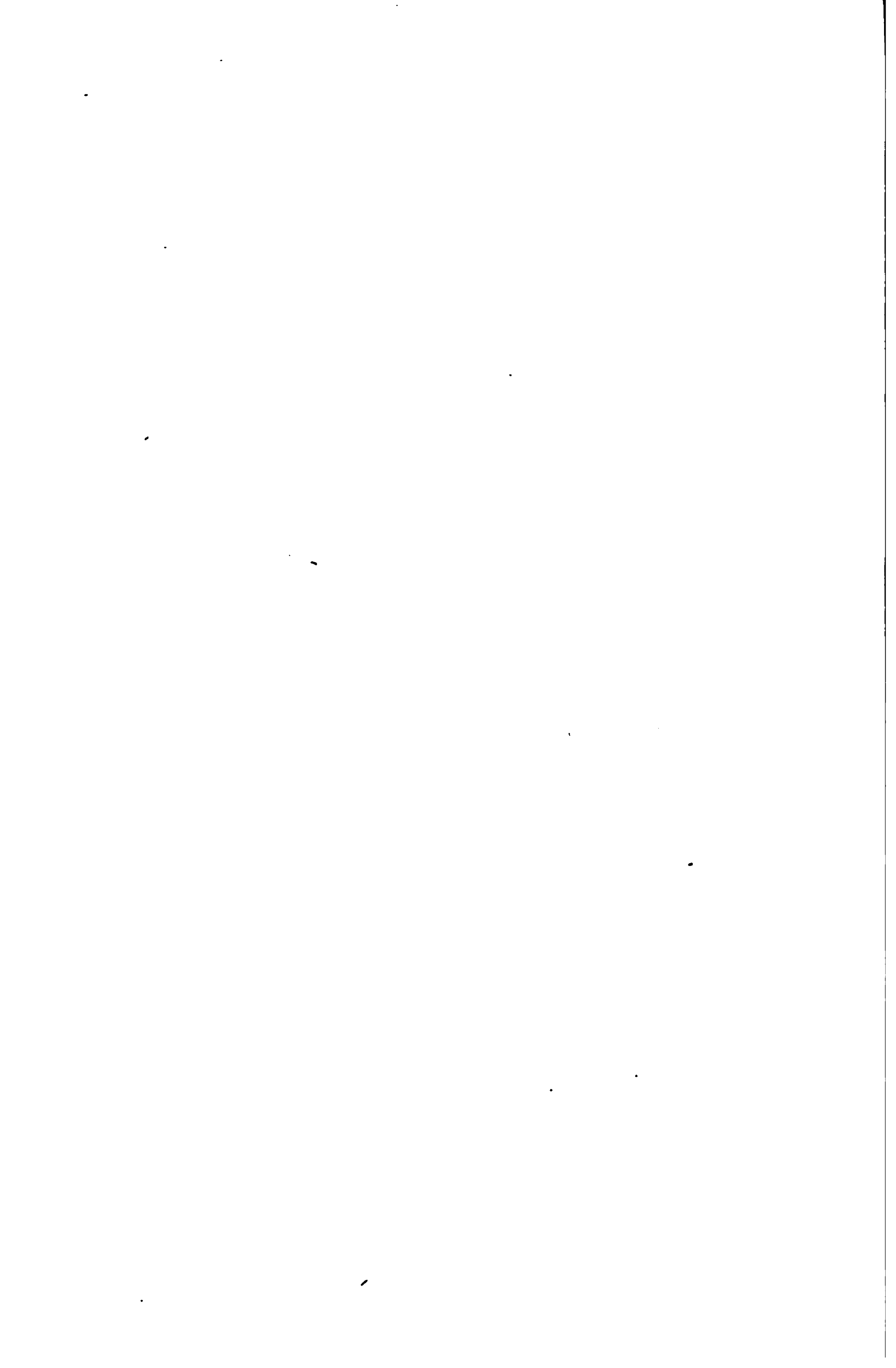
ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА

съ приложеніемъ списка воспитанниковъ за 100 лѣтъ.

С. Петербургъ, 1852. 8°.

составленный

Академикомъ **Устряловымъ**.

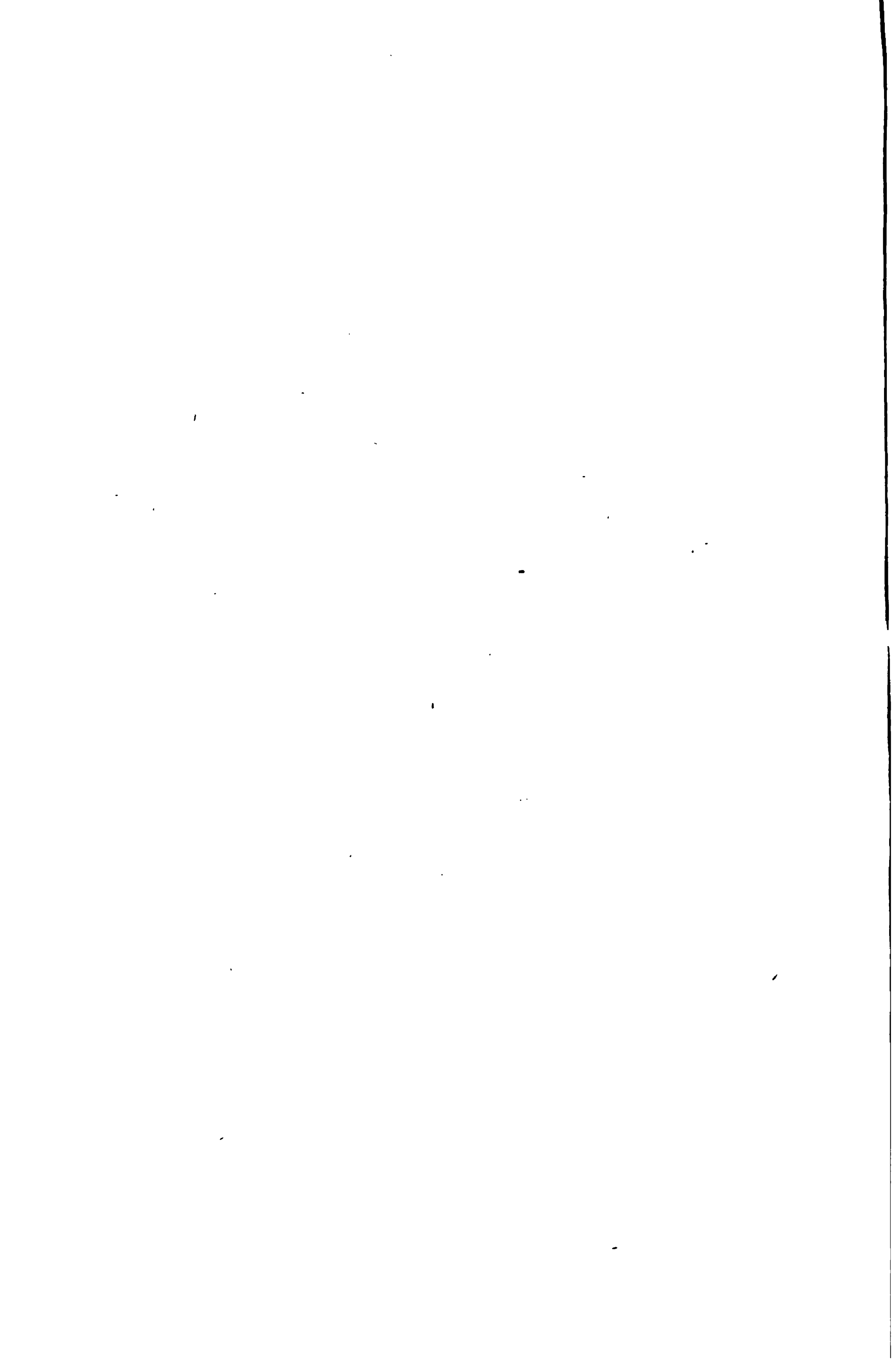
На основаніи § VII. Положенія о наградахъ, учрежденныхъ камергеромъ П. Н. Демидовымъ, долгомъ считаю обратить вниманіе Императорской Академіи Наукъ на *Очеркъ Исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса*, составленный Г. Веселаго, по случаю празднованія симъ Корпусомъ столѣтняго юбилея своего. Причины, побудившія меня ходатайствовать предъ Академіею Наукъ о награжденіи труда Г. Веселаго Демидовскою преміею, заключаются въ томъ обстоятельствѣ, что сочиненіе его основано большею частію на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ Авторомъ въ дѣлахъ Главнаго Морскаго архива и въ другихъ не менѣе достовѣрныхъ источникахъ.

Сочиненіе Г. Веселаго состоитъ изъ 8 главъ, съ приложеніемъ списка воспитанникамъ Морскаго Кадетскаго Корпуса, произведеннымъ въ офицеры въ продолженіе 100 лѣтъ. Въ первой главѣ, имѣющей заглавіе *Школы математическихъ и навигаціонныхъ наукъ, 1701 — 1715*, Авторъ вѣрно и подробно показалъ труды Петра Великаго къ образованію своихъ подданныхъ въ морскомъ дѣлѣ и весьма хорошо описалъ ученіе навигаторовъ за границею, подъ надзоромъ князя Львова. Во второй главѣ, основываясь на документахъ, Авторъ показываетъ устройство *Морской Академіи* Петромъ Великимъ, 1715 — 1725. Въ третьей главѣ говоритъ подробно о *Гардемаринахъ* съ 1716 по 1752 годъ. Въ четвертой главѣ очень основательно показываетъ состояніе Морской Академіи по кончинѣ Петра Вели-

каго до 1752 года. Въ пятой главѣ изложилъ основаніе въ 1752 году нынѣ существующаго *Морскаго Кадетскаго Корпуса* и состояніе его до Императрицы Екатерины II. Здѣсь весьма хорошо объяснена дѣятельность перваго Директора Морскаго Кадетскаго Корпуса, Нагаева. Въ шестой главѣ Авторъ показалъ состояніе Морскаго Кадетскаго Корпуса въ первые годы царствованія Императрицы Екатерины II, подъ руководствомъ равно умнаго и просвѣщеннаго Директора И. Л. Голенищева-Кутузова, переводъ его въ Кронштадтъ послѣ пожара въ 1771 году и пребываніе онаго до кончины Государыни въ 1796 году. Въ седьмой главѣ говорится о преобразованіи Морскаго Кадетскаго Корпуса Императоромъ Павломъ I, послѣ перевода его изъ Кронштадта въ С. Петербургъ, и о мѣрахъ, предпринятыхъ Императоромъ Александромъ I къ его улучшенію. Въ послѣдней главѣ Авторъ разсказываетъ съ чувствомъ о тѣхъ благодѣтельныхъ мѣрахъ, которыми нынѣ царствующій Государь Императоръ привелъ Корпусъ въ настоящее его состояніе. — Въ спискѣ воспитанниковъ Морскаго Кадетскаго Корпуса, произведенныхъ въ офицеры въ продолженіи 100 лѣтъ (1752 — 1852), показано, какіе воспитанники Корпуса, въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, произведены по экзамену въ мичманы, констапели и въ другія званія морскихъ офицеровъ. Важнѣйшіе документы, найденные Авторомъ въ Морскомъ архивѣ, напечатаны частію въ Приложеніяхъ, частію въ самомъ текстѣ.

Сочиненіе Г. Веселаго, какъ вѣрная, безпристрастная и хорошо составленная Исторія Морскаго Корпуса отъ перваго основанія его до настоящаго времени, тѣмъ болѣе заслуживаетъ поощренія Императорской Академіи Наукъ, что Авторъ весьма удачно, со многими любопытными подробностями, не выходя однакожъ изъ предѣловъ своего сочиненія, изложилъ начало и успѣхи того заведенія, которому Россія обязана своими побѣдами на морѣ. Такимъ образомъ *Навигацкая школа* была первымъ и нѣсколько лѣтъ существеннымъ въ Россіи гражданскимъ

училищемъ. Объ ней почти ничего не было извѣстно; а тутъ представлена полная картина учебной жизни школы, положеніе ея учениковъ и учителей. О *Морской Академіи* доселѣ были только мелкія и ошибочныя свѣдѣнія; Авторъ изложилъ подробную Исторію этаго заведенія, и опять живую картину воспитанія и ученія того времени. *Гардемарины* было особое званіе, составлявшее съ 1716 по 1752 годъ довольно значительное звѣно въ ряду морскихъ школъ; объ нихъ, можно сказать, вовсе не было извѣстно; Г. Веселаго посвящаетъ имъ особую главу (3-ю), въ которой находимъ занимательное повѣствованіе объ этомъ званіи всѣхъ возрастовъ: ибо гардемарины были отъ 13 даже до 54 лѣтъ. Исторія самаго Морскаго Кадетскаго Корпуса за сто лѣтъ изображаетъ ходъ воспитанія нашихъ моряковъ во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Списокъ выпущенныхъ за это время воспитанниковъ, безъ сомнѣнія, драгоцѣненъ для исторіи флота. Лица, дѣйствовавшія на поприщѣ морскаго воспитанія, очерчены драматически, наприм. Нагаевъ, Кутузовъ, Киргановъ, Гамалѣя и мн. др. Составленіе такой книги стоило Автору большихъ трудовъ: ибо онъ не списывалъ съ печатныхъ источниковъ, но обработывалъ большею частію изъ подлинныхъ актовъ, архивныхъ матеріаловъ, любопытныхъ частныхъ записокъ, и все это добросовѣстно указано въ особыхъ примѣчаніяхъ. Довольно указать на трудъ пересмотрѣть журналы Адмиралтействъ-Коллегіи за 40 лѣтъ, въ числѣ 480 книгъ. Сочиненіе Г. Веселаго пополняетъ многіе пробѣлы Исторіи нашего флота, и, какъ драгоцѣнный подарокъ морякамъ, заслуживаетъ, по мнѣнію моему, поощрительной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

ПРОБСТА А. ГИППИНГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

НЕВА и НЮЭНСКАНСЪ,

ИЛИ

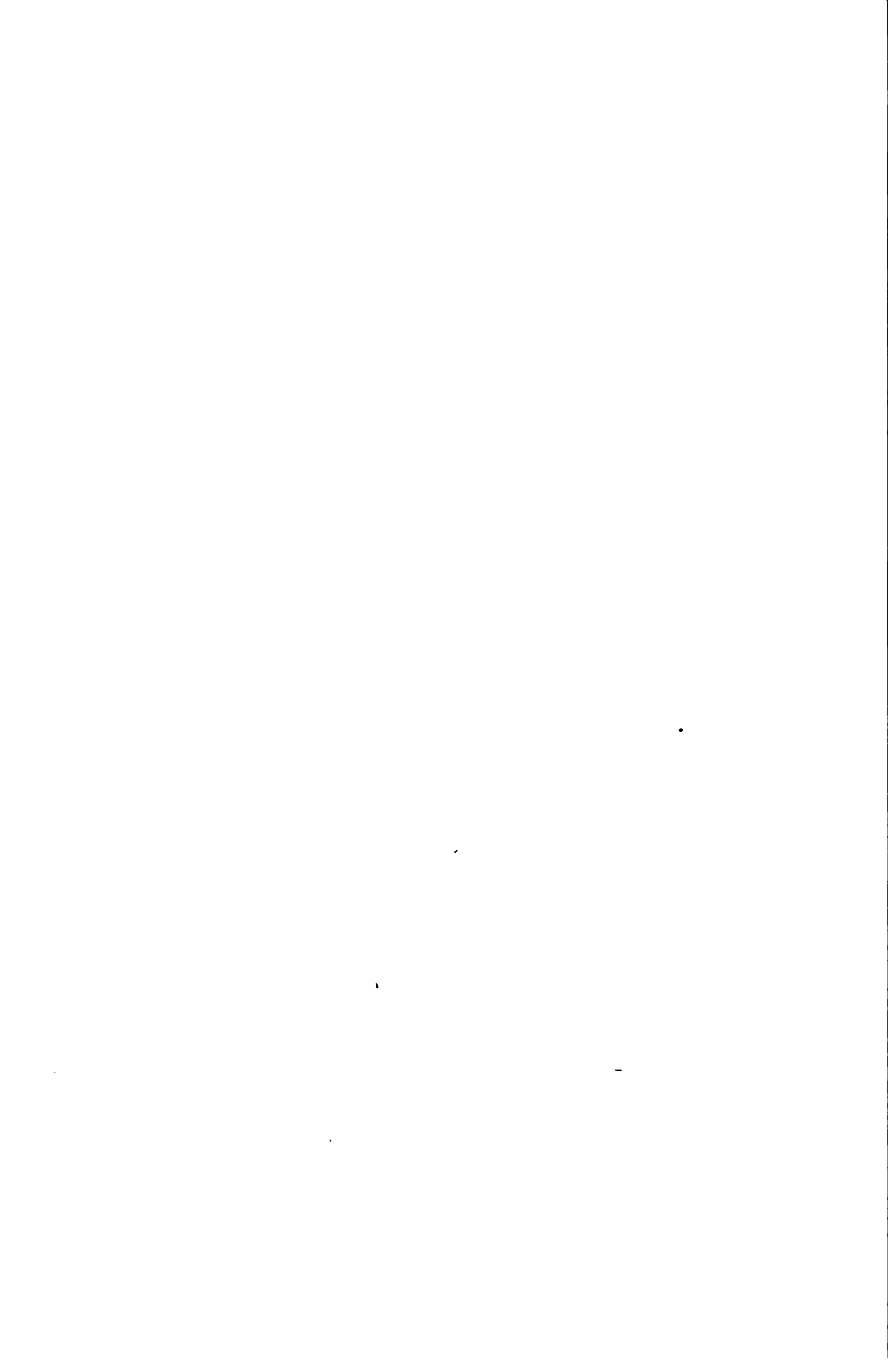
ВВЕДЕНІЕ въ ИСТОРІЮ С. ПЕТЕРБУРГА.

(СОБРАНО ИЗЪ РАЗНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ.)

РУКОПИСЬ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ, 476 СТР.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ **КУНИКОМЪ.**

Къ числу истинно отрадныхъ стремленій текущаго вѣка, въ области наукъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ основаніе множества ученыхъ обществъ, поставляющихъ себѣ специальною задачею разъясненіе исторіи какого нибудь небольшаго участка той или другой Европейской державы. Италія и Франція, коихъ отдѣльныя провинціи уже въ средніе вѣка пріобрѣли живое умственное развитіе и въ слѣдствіе того особенно богаты историческими источниками и грамотами, предшествовали на этомъ поприщѣ всѣмъ прочимъ государствамъ и въ послѣдніе два столѣтія доставили безчисленные труды по части специальной исторіи областей. Германія долгое время довольно вяло подражала примѣру этихъ странъ: за то въ послѣдніе 30 лѣтъ она покрылась наконецъ цѣлою сѣтью обществъ исторіи и древностей отдѣльныхъ провинцій, такъ что нынѣ, относительно разработки провинціальной исторіи, она превзошла всѣ прочія Государства. Принадлежащій сюда матеріалъ въ этихъ странахъ, къ которымъ слѣдуетъ причислить также Бельгію и Швейцарію, можно сказать, необъятенъ; при всемъ томъ уже теперь явственно оказываются благотворныя послѣдствія основанія таковыхъ обществъ. Множество древностей и старинныхъ грамотъ спасено отъ истребленія, и даже въ тѣхъ сословіяхъ общества, которыя обыкновенно не причастны ученой жизни, тамъ и сямъ пробуждены любовь къ прошедшему и благоговѣніе къ остаткамъ и памятни-

камъ древности, способныя при вѣрномъ руководительствѣ, усилить и упрочить тѣ охранительныя начала, въ которыхъ столь существенно нуждается Западная Европа.

Печальная участь, постигшая тѣ изъ Славянскихъ политическихъ общинъ и народовъ, которые тщетно стремились къ основанію въ средѣ своей прочнаго государственнаго устройства, была одною изъ главныхъ причинъ, почему у нихъ не пробудилось такое живое участіе къ областной исторіи. Однакожъ и между ними въ текущемъ столѣтіи замѣтны стали порывы къ учрежденію историческихъ обществъ, которыя индѣ уже и принесли благотворные плоды. Основанное за 50 лѣтъ при Московскомъ Университетѣ Историческое Общество долгое время стояло одинокимъ и лишь въ недавнюю пору воспослѣдовало основаніе Одесскаго Историческаго Общества, Географическаго Общества съ его Отдѣленіями и учрежденіе временныхъ Коммиссій въ вѣдомствѣ нѣкоторыхъ Губернаторовъ. Немалое число ученыхъ обществъ разцвѣло также въ нашихъ При-Балтійскихъ провинціяхъ: нынѣ они имѣются въ Митавѣ, Ригѣ, Дерптѣ и Ревелѣ, и въ числѣ ихъ именно Рижское произвело уже довольно много хорошаго по части исторіи Лифляндіи. Съ нѣкотораго времени и въ Финляндіи состоитъ при Гельсингфорскомъ Университетѣ Общество съ цѣлью споспѣшествовать знакомству съ Финляндіею въ настоящемъ и прежнемъ ея бытѣ: какъ здѣсь, такъ и въ Остзейскомъ краѣ Общества поддерживаютъ свое бытіе собственными средствами, безъ вспоможеній со стороны Правительства. Только одинъ пробѣлъ замѣтенъ былъ въ Балтійскомъ приморьѣ, а именно недостатокъ спеціальнаго общества къ поясненію исторіи древней Ингерманландіи или Ижорской земли. Впрочемъ этотъ пробѣлъ произошелъ весьма естественно: Ингерманландія никогда не имѣла самостоятельнаго бытія, а искони составляла только часть Швеціи или Россіи, и по этой причинѣ исторія ея не въ состояніи возбудить въ той мѣрѣ, какъ прочія Балтійскія провинціи, участіе областнаго историка. Князей въ собственномъ смыслѣ этого слова Ин-

германландія никогда не имѣла. Только Копорье и Орѣшекъ (нынѣ Шлиссельбургъ), временно были управляемы князьями Литовскаго племени. Лишь въ началѣ XVIII-го вѣка учрежденъ былъ санъ Ижорскаго Князя въ особѣ Александра Меньшикова, Генералъ-Губернатора Ингерманландскаго, когда уже положено было основаніе новой столицѣ Имперіи. Но древняя Ингрія не только не имѣла своихъ собственныхъ удѣльныхъ князей, но и всегда была даже бѣдна городами; а безъ городовъ въ тѣ времена нельзя и помышлять объ архивахъ, такъ что историческому изслѣдованію Ингрія на первый взглядъ ни представляетъ большихъ трудовъ, и исторія Невской области, хотя нѣкоторымъ образомъ удовлетроряющая художественному требованію, принадлежитъ, по видимому, къ области химеръ.

За всѣмъ тѣмъ, въ наше время, когда обработка исторіи разныхъ удѣльныхъ княжествъ и областей болѣе и болѣе признается необходимою, должно было возникнуть мнѣніе, что и древней Ингріи принадлежитъ свое мѣсто въ области Русской провинціальной исторіи. Съ самаго основанія Руси въ видѣ государства, Невское прибрежье, за исключеніемъ развѣ какихъ либо ста лѣтъ, всегда составляло одну изъ важнѣйшихъ ея частей. Неподалеку отъ истока Невы изъ Ладожскаго озера Рурикъ заложилъ даже первую свою столицу, прежде чѣмъ переселился изъ Старой Ладоги въ Новгородъ. Позднѣе Нева съ своими берегами составляла часть Новагорода и съ нимъ вмѣстѣ, въ XV вѣкѣ, подчинилась власти Московскихъ Великихъ Князей. Между тѣмъ, уже издавна Шведы старались завладѣть Невою, зная очень хорошо, что она для Россіи ключъ къ обладанію Финляндіею. Поощреніе въ своихъ завоевательныхъ видахъ они находили еще со стороны Рима, который, въ теченіи среднихъ вѣковъ, непрестанно пытаясь покорить себѣ Греческую церковь, не упускалъ изъ виду и Финскихъ первоселенцевъ въ Ингріи, даже и тогда, когда большая часть ея принадлежала уже Русской церкви. Но Швеція въ средніе вѣка лишь слабо подражала примѣру романскихъ и германскихъ крестоносцевъ. Сколько ни пы-

талась она, съ помощію своего флота, завладѣть устьемъ Невы, — конечный успѣхъ не соотвѣтствовалъ ея желаніямъ и надеждамъ. Новгородъ, Великіе Князья и Цари не щадили никакихъ усилій для защиты родоваго своего наслѣдія. Св. Александръ Невскій и сынъ его бодро сражались на Невѣ и даже на непосредственной почвѣ С. Петербурга, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если потомъ Іоаннъ Грозный и Борисъ Годуновъ придавали столь высокую цѣну обладанію Ингерманландіею и даже полки Алексѣя Михайловича съ тою же цѣлью ратовали на Охтѣ. Исполненіе того, что еще не удалось сему Царю, было предоставлено его сыну. Когда Петръ Великій возъимѣлъ мысль завести флотъ, онъ, можетъ быть зналъ хорошо, что Ингрія старинное его наслѣдіе. Позднѣе онъ велѣлъ даже въ политическихъ бумагахъ доказывать, что Ингрія принадлежитъ ему по правамъ наслѣдства. Одно это стремленіе нѣсколькихъ Великихъ Князей и Царей, стяжавшихъ себѣ, упроченіемъ политическаго могущества Россіи неувядаемую славу, придаетъ исторіи Ингріи особенную прелесть.

Но со стороны Швеціи въ этой шестисотлѣтней борьбѣ съ Россіею дѣло шло еще о другомъ интересѣ, а именно о видахъ торговли. Неву уже въ древности посѣщали Скандинавскіе торговцы. Примѣру ихъ послѣдовалъ союзъ Ганзы, который умѣлъ снискать себѣ въ Новѣгородѣ самыя благопріятныя привиллегіи. Да и въ то время, которое непосредственно предшествовало основанію Петербурга, Нева была важнымъ торговымъ путемъ, что̀ конечно зналъ юный Петръ въ Москвѣ. Въ теченіе XVII вѣка отчасти съ береговъ Невы надлежало еще совершиться предпріятію, которое явно имѣло цѣлію тѣсно связать духовными узами жителей Ингріи и смежныхъ странъ со Швеціею. Протестантизмъ, терпимый въ Московскомъ Царствѣ уже въ XVI вѣкѣ, во время Шведскаго господства надъ Ингерманландіею принялъ непріязненное Русской церкви положеніе. Первымъ тому виновникомъ былъ Густавъ Адольфъ, который чрезмѣрно страшился развитія могущества Руси и между прочимъ велѣлъ завести въ

Стокгольмѣ церковно-славянскую типографію для печатанія въ ней Лютеранскаго Катихизиса и другихъ книгъ духовнаго содержанія. Систематическія усилія Шведовъ вытѣснить русскую церковь изъ Ингріи неоднократно давали Царямъ и Патріархамъ Московскимъ поводъ вступаться за своихъ единовѣрцевъ на Невѣ и вмѣстѣ съ другими обстоятельствами увеличили разрывъ между сыновьями Царя Алексѣя Михайловича и Шведами, такъ что въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка онъ достигъ наконецъ высшей степени.

Уже изъ этихъ бѣглыхъ намековъ можно судить, что исторія Ингерманляндіи не лишена ни интереса, ни важности для общей Русской исторіи и что возможно-полная ея разработка по дошедшимъ до насъ источникамъ, удовлетворила бы дѣйствительной потребности въ области науки. Но много ли — скажутъ — дошло ихъ до насъ? Довольно ли для того, чтобы мечтать о прагматической исторіи такого малоизвѣстнаго края, какъ Ингрія до 1703 года, т. е. до основанія С. Петербурга? — Дѣйствительно, архивы нѣкоторыхъ ингерманляндскихъ городовъ сгорѣли, другіе пропали безъ вѣсти, или еще не отысканы, какъ, напримѣръ, архивъ прежняго города Копорья, еще существовавшій по крайней мѣрѣ при Петрѣ Великомъ. Но съ другой стороны есть архивы, о которыхъ дознано, что они не бѣдны свѣдѣніями для исторіи Ингріи, и которые однако, можно сказать, еще вовсе не были изслѣдованы для этой цѣли. Такъ, напримѣръ, довольно богатый архивъ города Нарвы почти совершенно неизвѣстенъ. Обильныя свѣдѣнія объ Ингерманляндіи можно было бы почерпнуть изъ архивовъ Шведскихъ, равно и Московскихъ, отчасти и С.-Петербургскихъ. Сверхъ того, не мало сюда относящихся данныхъ разсѣяно въ источникахъ и грамотахъ исторіи Новагорода, Пскова, Эстляндіи и Финляндіи. Слѣдовало бы порыться также въ архивахъ древнихъ Ганзейскихъ городовъ, и я имѣю причины полагать, что даже голландскіе архивы не остались бы вовсе безплодными по крайней мѣрѣ для исторіи Невской торговли въ XVII-мъ столѣтіи.

Надобно сказать, что до сихъ поръ очень мало сдѣлано для разъясненія нашего предмета. Въ попыткахъ этого рода, правда, не было недостатка; но ни на русскомъ, ни на нѣмецкомъ языкѣ донынѣ не напечатано ничего особенно замѣчательнаго. Заслуга проложенія перваго пути во всю ширину этой области принадлежитъ одному изъ членовъ-корреспондентовъ нашей Академіи, Финляндскому Пастору Андрею Гиппингу.

Не смотря на служебныя занятія Г. Гиппингъ уже давно ознаменовалъ себя литературными трудами небольшаго объема, которыя касаются Финляндіи и Ингерманляндіи. Откомандированный финляндскимъ Сенатомъ въ Петербургскую Гимназію въ качествѣ законоучителя, онъ обратилъ на себя вниманіе Графа Н. П. Румянцова, который сдѣлалъ его своимъ домашнимъ библіотекаремъ. Здѣсь онъ не упустилъ изъ виду благопріятныхъ обстоятельствъ, изучалъ источники русской исторіи и началъ собирать матеріалы для исторіи древней Ингріи. Но вторичное перемѣщеніе въ Финляндію заставило его ограничиться однимъ предметомъ при обработкѣ своихъ матеріаловъ. Онъ устремилъ свое вниманіе въ особенности на исторію шведскаго города Нюэна съ крѣпостью Нюэнсканса *), предпославъ ей *очеркъ* исторіи Ингерманляндіи. Этотъ обзоръ ижорской исторіи, основанный на изученіи разнообразныхъ источниковъ изданъ въ Гельзингфорсѣ въ 1836 году на шведскомъ языкѣ, 224 стр. въ 8° д. л. **). Нынѣ Г. Гиппингъ представилъ 2-ую часть своего сочиненія въ рукописи на русскомъ языкѣ на Демидовскій конкурсъ. Въ ней излагается преимущественно исторія Нюэна (т. е. Невограда) въ XVII столѣтіи, а въ 3-й части собраны документы. По самому плану сочиненія, авторъ не намѣренъ былъ представить въ немъ полную исторію древней Ингріи и смежной съ нею Кареліи, и мы вообще, не въ правѣ требо-

*) Nyen и Nyenskans, съ удареніемъ на буквѣ *y*, которая произносится подобно французскому *u* или нѣмецкому *ü*.

**) Neva och Nyenskans intill St. Petersburg anläggning. Historisk skildring af A. I. Hipping. Första Delen (Нева и Нюэнскансъ до основанія С.-Петербурга. Историческое сочиненіе А. И. Гиппинга. Ч. I).

вать болѣе того, что счелъ за нужное предложить намъ самъ сочинитель, лишь бы предлагаемое имѣло свою цѣну для науки.

Первая часть есть Введеніе въ исторію Нюэна: потому и не должно удивляться, если авторъ одни произшествія излагаетъ въ сокращенномъ видѣ, а другія проходитъ молчаніемъ. Такъ напр. онъ ни слова не говоритъ о судьбѣ Ингріи до основанія русскаго государства, тогда какъ намъ довольно достовѣрно извѣстно изъ исландскихъ и датскихъ источниковъ, что шведская королевская фамилія Радбардовичей господствовала по сю сторону Балтійскаго моря во второй половинѣ 7 и въ первой половинѣ 8 столѣтія. Владѣнія ея начинались отъ Финскаго залива, такъ что она имѣла, можетъ быть, свое пребываніе въ самой ижорской землѣ. Да и самые набѣги на Ингрію Новгородцевъ и Русскихъ вообще, въ позднѣйшее время далеко не всѣ обозначены. Здѣсь также не упоминается о набѣгахъ германскихъ пиратовъ по Невѣ, о прибытіи Голландцевъ и проч. Хотя сочинитель и могъ воспользоваться и шведскими и русскими источниками, но критическое разсмотрѣніе *всѣхъ* главныхъ пунктовъ не было его задачею. Изложеніе очень просто, сжато: только изрѣдка авторъ даетъ волю своему чувству. При всемъ томъ желательно было бы, чтобы связь происшествій, одно за другимъ слѣдующихъ, выражена была яснѣе, рѣзче. Впрочемъ сочинитель съ успѣхомъ воспользовался всѣми важными пособіями, существовавшими за 20 лѣтъ въ исторической литературѣ Швеціи, Россіи и Германіи. Правда съ тѣхъ поръ не только у насъ, но и за границею, открыты новые, дотолѣ неизвѣстные источники. Такъ напр. на состояніе крестьянскаго быта во время Новгородскаго владычества и Московскихъ Царей, только въ недавнее время пролитъ свѣтъ писцовыми книгами. Трудъ Г. Гиппинга представляетъ намъ еще одну недомолвку, именно въ отношеніи къ исторіи распространенія русскихъ поселенцевъ по Ингріи и это потому, что онъ не могъ еще воспользоваться послѣдними драгоцѣнными источниками и другими русскими документами XVI столѣтія. Населеніе Русскими Ингріи и въ особен-

ности Невскаго прибережья въ то время было довольно значительно. — Можно бы сдѣлать еще нѣкоторыя замѣчанія на первую часть Гиппингова труда, но мы ограничиваемся сказаннымъ, тѣмъ болѣе, что Г. Гиппингъ, въ письмѣ своемъ на имя Академіи, охотно изъявляетъ желаніе издать и первый томъ «на русскомъ языкѣ съ прибавленіями и исправленіями», если ему даны будутъ средства на изданіе полнаго сочиненія.

Вторая часть (представленная въ рукописи на русскомъ языкѣ) содержитъ въ себѣ по преимуществу исторію Нюэна въ теченіе XVII столѣтія. Это есть собственно Введеніе въ исторію С.-П-бурга. Чтобы показать связь второй части съ первою, я долженъ упомянуть объ одномъ изъ древнихъ поселеній Шведовъ на берегу Невы. Семь лѣтъ спустя по основаніи Выборга, они приступили къ исполненію зрѣло обдуманнаго плана: въ 1300 году они заложили на нынѣшней петербургской землѣ сильную крѣпость «Ландскрона» или «Вѣнецъ земли», при содѣйствіи архитектора, присланнаго римскимъ Папою. Извѣстія объ этомъ дѣлѣ на русскомъ языкѣ скудны, на шведскомъ обильнѣе, но полны романтическихъ подробностей. Основываясь на сравненіи шведскихъ и русскихъ источниковъ съ нынѣшнею мѣстностью, мы должны вывести неоспоримое заключеніе, что эта крѣпость заложена была при устьѣ рѣки Охты. Великій Князь Андрей Александровичъ и Новгородцы скоро овладѣли этой крѣпостью; но Шведы еще въ 15 столѣтіи покушались завладѣть «Ландскроною». Въ царствованіе Іоанна Грознаго, кажется, на этомъ мѣстѣ было поселеніе «Корабельницы» т. е. верфь. При Самозванцахъ въ Россіи и при потрясеніяхъ, произведенныхъ ими, это селеніе изчезаетъ: мѣсто его, при потерѣ Русскими земель, лежащихъ по Невѣ, занялъ новый городъ и крѣпость, получившіе свои названія отъ имени Невы.

Вторая часть Гиппингова сочиненія преимущественно занимается исторіею этого шведскаго Невограда на основаніи различныхъ, большею частью рукописныхъ документовъ. Вотъ почему содержаніе этой части почти совершенно ново для русской публики.

Славный шведскій полководецъ, Яковъ де ла Гарди, уже въ 1611 г. настоятельно доказывалъ необходимость построить на Невѣ крѣпость: его проектъ въ томъ же году приведенъ былъ въ исполненіе. Новая, впрочемъ незначительная крѣпость, воздвигнутая на лѣвомъ берегу Охты, именно тамъ, гдѣ нынѣ находится Охтенская Верфь, сдѣлалась извѣстною подъ именемъ Nyenskans т. е. Невскій шанецъ, или подъ именемъ Канцы, какъ называли его Русскіе. По заключеніи Столбовскаго міра, въ 1617 году, Невская область формально уступлена была Швеціи, которая съ того времени обращала особенное вниманіе на состояніе Ингерманляндіи. Въ 1617 г., Король Густавъ Адольфъ намѣренъ былъ даже основать городъ, какъ это доказываетъ Г. Гиппингъ, на березовомъ острову, т. е. на нынѣшней С.-Пб. сторонѣ; но это намѣреніе не исполнилось. Другая попытка Густава Адольфа, заселить невское прибережье нѣмецкими колонистами, тоже не имѣла прочнаго успѣха. За то въ его царствованіе поселились купцы и ремесленники вокругъ крѣпости Нюэнсканса. Вообще, шведское правительство встрѣчало большія затрудненія своимъ усиліямъ водворить благоустройство въ завоеванномъ краѣ: прежнее народонаселеніе уже значительно уменьшилось во время войнъ и по заключеніи Столбовскаго договора, которымъ дозволено было русскимъ дворянамъ переселяться въ Московское государство. Правда, нѣкоторые изъ остававшихся въ Ингріи вступили въ шведскую службу и принимали даже лютеранскую вѣру. Однакожъ не всѣ были преданы душею своему новому Государю. Это видно уже изъ того, что жены и дѣти тѣхъ или другихъ дворянъ, принявшихъ лютеранскую вѣру, оставались исповѣдниками православія.

Г. Гиппингъ сообщаетъ намъ довольно любопытныя подробности о внутреннемъ состояніи Ингерманляндіи въ XVII вѣкѣ, причемъ нельзя не упомянуть о томъ, что при изложеніи этой главы онъ руководствовался исторіею государственныхъ учрежденій шведскаго королевства и знаніемъ быта финскихъ крестьянъ. Конечно, этотъ важный предметъ далеко не исчер-

панъ авторомъ; однакожъ мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе на его извѣстія о бобыляхъ и о кметахъ. Сословіе кметовъ, существовавшее въ Ингерманландіи еще въ XVII вѣкѣ, особенно достойно нашего вниманія. Напрасно Г. Гиппингъ считаетъ ихъ неизвѣстными людьми; напротивъ и древнѣйшіе русскіе памятники, хотя изрѣдка, упоминаютъ объ нихъ.

Со страницы 68 Г. Гиппингъ излагаетъ произхожденіе города Нюэна при Густавѣ Адольфѣ и его дочери. Шведское правительство ясно поняло, что благосостояніе Нюэна, лежавшаго между Охтою и Чернавкою, должно основываться на русской торговлѣ и въ этомъ духѣ жаловало ему, съ 1632 года, разныя привилегіи и уставы, которые, дѣйствительно, много способствовали къ развитію торговой и ремесленной промышленности горожанъ, состоявшихъ по преимуществу изъ Шведовъ и Нѣмцевъ. Уже извѣстный путешественникъ Олеаріусъ, посѣтившій только-что возникающій городъ въ 1634 г., свидѣтельствуетъ о благосостояніи новыхъ поселенцевъ. Г. Гиппингъ опустилъ изъ виду это, въ своемъ родѣ замѣчательное извѣстіе.

Казалось, что городу Нюэну предстояла блестящая будущность. Однакожъ Московскіе Цари не могли не сожалѣть о потерѣ столь важной провинціи, какъ приморская Ингерманландія. Въ 1657 г. крѣпость Нюэнскансъ взята была войскомъ Алексѣя Михайловича, при чемъ городъ Нюэнъ сгорѣлъ. По Кардійскому міру, заключенному въ 1661 г., Ингерманландія возвращена была Шведамъ. Городъ Нюэнъ скоро достигъ новаго благосостоянія, о которомъ можно составить себѣ, хотя не во всѣхъ отношеніяхъ, ясное понятіе по сочиненію Г. Гиппинга, не смотря на свойственную ему скромность, съ какою онъ говоритъ о недостаточности своей исторіи нюэнской торговли. За этимъ отдѣломъ авторъ излагаетъ довольно подробно исторію гражданской власти города, сколько это возможно по собраннымъ имъ рукописнымъ документамъ. Не входя въ подробности объ этомъ предметѣ, мы замѣтимъ только, что Нюэнъ, пользовавшійся положеніемъ, въ разныхъ отношеніяхъ выгоднымъ, имѣлъ нѣко-

торое время трехъ Бурмистровъ, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ юстиціею, второй полиціею и третій строительною частью и имѣлъ надзоръ надъ городскими школами.

Не льзя не упомянуть еще о томъ, что Г. Гиппингъ сообщаетъ историческія извѣстія о шведскихъ Генералъ-Губернаторахъ, которымъ подчинена была Ингерманляндія, равно о Комендантахъ крѣпости Нюэнсканса, изъ которыхъ послѣдній, именемъ Аполловъ, сдавшій крѣпость Петру В., былъ потомокъ русскихъ дворянъ.

Чрезвычайно любопытны свѣдѣнія; сообщенныя Г. Гиппингомъ о тогдашнемъ церковномъ бытѣ Ингерманляндіи, именно потому, что они объясняютъ случаи, какіе представлялись Царямъ Московскимъ, вмѣшиваться въ дѣла Ингерманляндіи. Нельзя не согласиться съ нашимъ безпристрастнымъ историкомъ, что положеніе единовѣрцевъ Московскихъ Царей во время шведскаго владычества надъ Невскимъ прибережьемъ, было неблагопріятно. Нюэнъ и Ивангородъ нѣкоторое время считались главными мѣстами церковнаго управленія всею Ингерманляндіею. Г. Гиппингъ изчисляетъ шведскихъ пасторовъ въ Нюэнѣ и приводитъ доказательство, что уже въ 1649 г., нѣмецкимъ ремесленникамъ (и торговцамъ) позволено было построить себѣ церковь, которая, дѣйствительно, существовала до 1703 года. Предоставляя себѣ сообщить Г. Гиппингу нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, я не могу умолчать о его взглядѣ на существованіе русской церкви въ городѣ Нюэнѣ. Мнѣ кажется, что русская церковь тамъ не всегда существовала въ теченіе втораго періода исторіи нашего города. Г. Гиппингъ самъ говоритъ, «что къ городу Нюэнъ причисленъ былъ церковный дворъ въ «*Спасской* деревнѣ, принадлежавшій тамошнему *русскому* свя«щеннику, но *опустошенный* за измѣну, оказанную имъ во время «войны». Кромѣ того, на планѣ города Нюэна, недавно найденномъ мною въ архивѣ главнаго Штаба, изображены только шведская и нѣмецкая церкви. Правда, этому нѣкоторымъ образомъ противорѣчитъ грамота патріарха Іоакима 1689 и другая мнѣ

извѣстная подлинная грамота Θеодора Алексѣевича; но въ сочиненіи холмогорскаго епископа Аθанасія, 1700 г., о русской церкви въ Нюэнѣ не упоминается; по его сказанію только по той сторонѣ Невы, противъ крѣпости «обитаютъ земледѣлатели «Ижоры, нашея Христіанскія вѣры; церковь и священники съ «причетники имѣютъ, обаче *церковь нынѣшняя не священа,* точію «поютъ вечерни, утрени и часы и иныя нужныя потребы...».

Извѣстія Г. Гиппинга о нюэнскихъ школахъ очень скудны, хотя онъ, съ другой стороны, указываетъ на нѣкоторые любопытные факты, относящіеся къ просвѣщенію Ингерманландіи въ XVII вѣкѣ. Упоминая о нюэнскомъ уроженцѣ Урбанѣ Ярне (Hiärne), лейбъ-медикѣ Карла XI и знаменитомъ полигисторѣ того времени, онъ еще не зналъ, что братъ его, Θома Ярне, тоже нюэнскій уроженецъ, составилъ исторію Лифляндіи и Эстляндіи, которая полезна и для русской исторіи XVI и XVII вѣковъ.

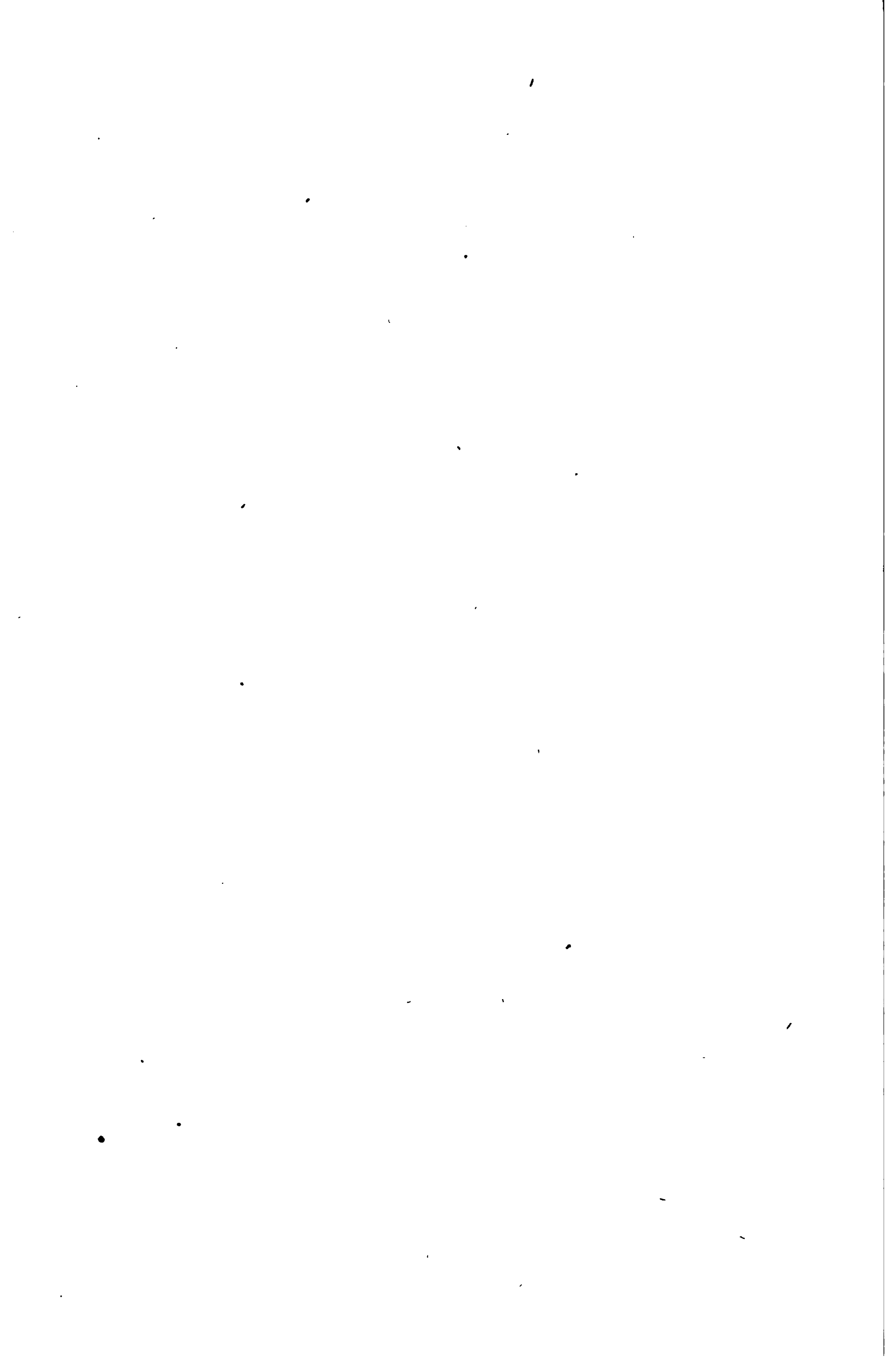
О погибели крѣпости Нюэнсканса и города Нюэна въ 1702 и 1703 г. Г. Гиппингъ не сообщаетъ подробныхъ извѣстій, хотя это было возможно.

Третья часть состоитъ изъ актовъ, относящихся болѣе или менѣе къ исторіи Нюэна. Они по большей части на шведскомъ и извлечены изъ архивовъ: Стокгольмскаго, Абовскаго, Нарвскаго и Выборгскаго. Число ихъ простирается до 66; но Г. Гиппингъ надѣется еще увеличить ихъ до окончательнаго напечатанія своего сочиненія. Кромѣ того онъ намѣренъ приложить нѣсколько плановъ Нюэна и Нюэнсканса съ ихъ окрестностями и проч.

Изъ этого обзора труда Г. Гиппинга, кажется, всякій можетъ убѣдиться, что мы много обязаны ему разработкою предмета, который до сихъ поръ почти совсѣмъ ускользалъ отъ вниманія русскихъ историковъ. Правда, трудъ Г. Гиппинга, еще далеко не удовлетворяетъ настоятельной потребности *въ подробной критической исторіи* древней Ингріи, и даже тѣ произшествія и предметы, которые исключительно вошли въ составъ его

сочиненія, требуютъ разнообразныхъ дополненій, особенно по русскимъ источникамъ. Но, съ другой стороны, не льзя не согласиться, что Г. Гиппингъ первый обнялъ *всю* исторію Ингерманляндіи и что теперь легко пополнять этотъ предметъ свѣдѣніями изъ документовъ, которыми до сихъ поръ не умѣли пользоваться по ихъ отрывочной формѣ, каковы напр. многіе акты, находящіеся въ изданіяхъ Археограф. Коммиссіи. И какъ бы ни были превосходны труды будущихъ историковъ по части ингерманляндской исторіи, надо признаться, что Г. Гиппингъ, ровно черезъ полтораста лѣтъ по основаніи С.-П-бурга, подарилъ намъ первое, въ разныхъ отношеніяхъ замѣчательное сочиненіе объ исторіи этой провинціи, которую Петръ Великій избралъ театромъ для исполненія своихъ обширныхъ плановъ отъ 1702 — 1725 г.

Авторъ, пролагающій въ области русской исторіи новые пути, безъ сомнѣнія, можетъ имѣть справедливыя притязанія на нашу признательность и мы, съ своей стороны, должны ему оказать ее тѣмъ съ бóльшею готовностью, что онъ предпринялъ обработку важнаго и любопытнаго предмета безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій и безъ всякихъ поощреній со стороны правительства или какого-либо ученаго общества. По всему этому полагаю, что Академія поступитъ совершенно справедливо, присудивъ автору половинную премію съ прибавочною суммою для изданія полнаго сочиненія и принадлежащихъ къ нему плановъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Д-ра Философіи ПОССЕЛЬТА

подъ заглавіемъ:

TAGEBUCH DES GENERALS PATRICK GORDON,

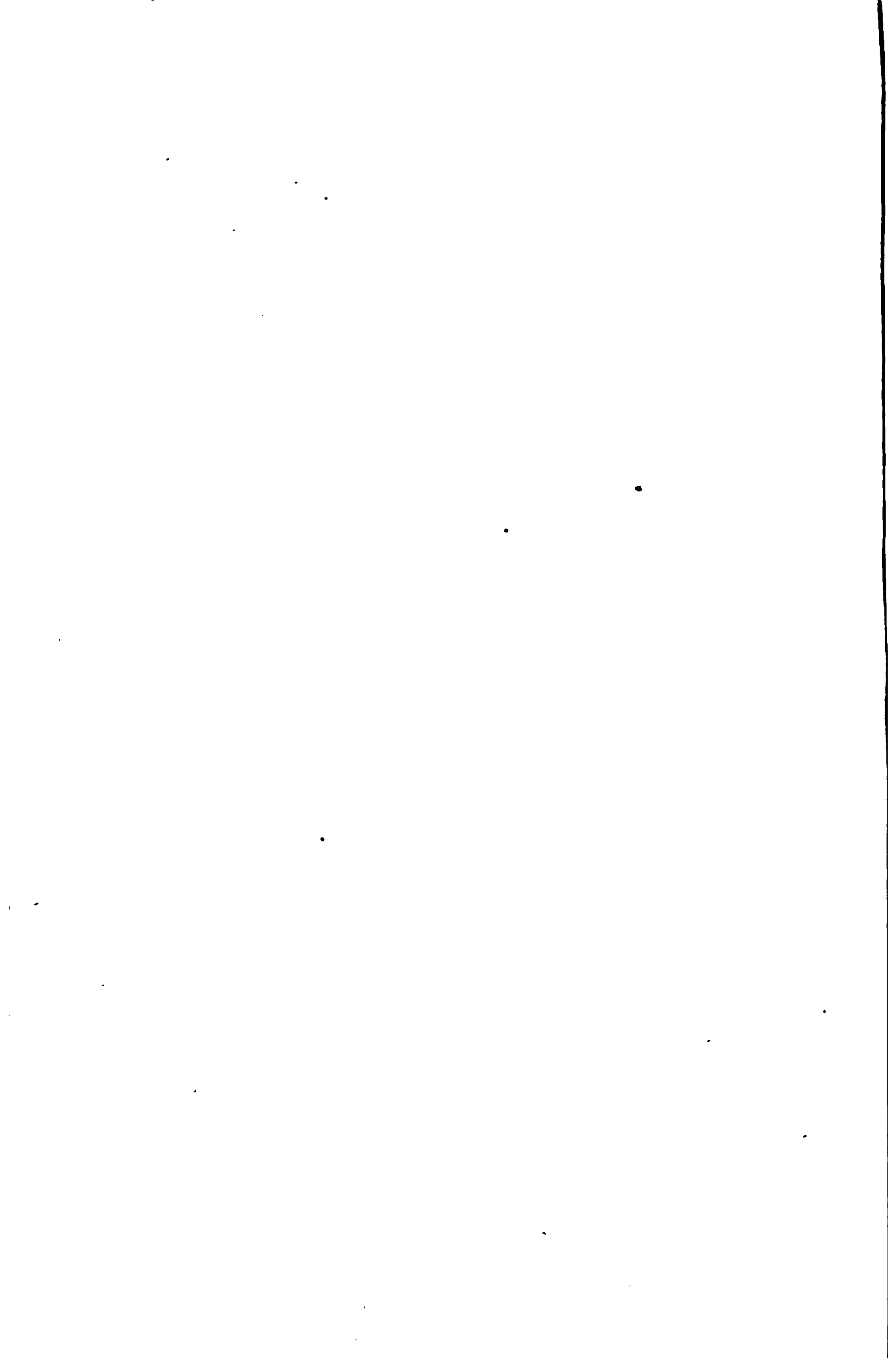
WÄHREND SEINER KRIEGSDIENSTE UNTER DEN SCHWEDEN UND POLEN VOM JAHRE 1655 BIS 1661, UND SEINES AUFENTHALTES IN RUSSLAND VOM JAHRE 1661 BIS 1699;

ZUM ERSTENMALE VOLLSTÄNDIG VERÖFFENTLICHT.

III тома. Москва 1849 — 1852. 8°.

составленный

Академикомъ **Устряловымъ**.

Представляя просвѣщенному суду Коммиссіи, назначенной Императорскою Академіею Наукъ, для присужденія Демидовскихъ премій, рукопись подъ заглавіемъ: Tagebuch des Generals Patrick Gordon, zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch Dr. Philos. M. C. Posselt, zweiter Band, mit mehreren Plänen und Zeichnungen, und mit einem Commentare versehen, — честь имѣю объяснить причины, побудившія меня особенно ходатайствовать о вознагражденіи сего труда.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ войскахъ Шведскихъ, Польскихъ и Бранденбургскихъ, Гордонъ, родомъ Шотландецъ, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1661 году, перешелъ въ Русскую армію съ чиномъ Маіора, остался навсегда въ Россіи и цѣлыя 38 лѣтъ, по долгу чести, совѣсти и присяги, служилъ новому отечеству своему, гдѣ кончилъ и дни свои, въ преклонной старости, въ чинѣ Генералъ-поручика, Полковникомъ Бутырскаго полка. Онъ пользовался такою довѣренностью Царя Алексѣя Михайловича, что Государь отправилъ его посланникомъ въ Англію, для устраненія возникшихъ съ нею несогласій. При Царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ Гордонъ цѣлые два года съ малочисленнымъ отрядомъ защищалъ городъ Чигиринъ отъ Турецкой арміи; въ правленіе Царевны Софіи былъ нѣсколько лѣтъ комендантомъ въ Кіевѣ и два раза ходилъ на Крымъ съ княземъ Голицынымъ; въ первые годы царствованія Петра Великаго, участвовалъ во всѣхъ его потѣшныхъ походахъ сухопутныхъ и морскихъ; устроивалъ манёвры на поляхъ Преображенскомъ и Семеновскомъ; плавалъ съ Царемъ по озеру Плещееву на сооруженныхъ державнымъ плотникомъ судахъ; ходилъ съ нимъ въ Бѣлое море, въ Сѣвер-

ный Океанъ, и начерталъ планъ манёвровъ подъ Кожуховымъ, болѣе похожихъ на дѣйствительное сраженіе, чѣмъ на военную экзерцицію. Въ первомъ и второмъ Азовскихъ походахъ Гордонъ, въ числѣ трехъ главныхъ генераловъ, начальствовалъ надъ особою дивизіею и едва ли не болѣе своихъ товарищей содѣйствовалъ къ покоренію Азова. Но самою важною заслугою его предъ Петромъ было пораженіе подъ Воскресенскимъ монастыремъ четырехъ мятежныхъ полковъ стрѣлецкихъ, шедшихъ въ Москву для убіенія Петровыхъ бояръ и всѣхъ иноземцевъ, во время путешествія Государя по Европѣ. Чрезъ два года послѣ того онъ умеръ, къ великой горести Царя, вполнѣ умѣвшаго цѣнить его благородный характеръ, рѣдкую точность въ исполненіи обязанностей и знаніе военнаго дѣла, пріобрѣтеннаго не столько наукою, сколько долговременною опытностію.

Съ 1655 года до конца 1698, Гордонъ велъ ежедневно журналъ «не для публики, а собственно для себя; я слѣдовалъ», пишетъ онъ, правилу Катона: «*ни хвалить, ни порицать* «*себя;* о дѣлахъ же публичныхъ говорить только въ такомъ «случаѣ, когда они меня касались. Писалъ, что видѣлъ; слухи «выдавалъ за слухи.» Строго слѣдуя сему правилу, онъ разсказываетъ только о себѣ: гдѣ былъ, что дѣлалъ, кто навѣщалъ его, отъ кого получалъ письма, къ кому самъ писалъ, чѣмъ былъ иногда нездоровъ, какія принималъ лекарства, кто въ его семействѣ родился, кто умеръ. Такъ ведетъ онъ свой журналъ въ продолженіе 44 лѣтъ, непремѣнно каждый день записывая собственною рукою, иногда съ очевидной торопливостію или съ явнымъ утомленіемъ послѣ веселаго пира, «*гдѣ былъ, что дѣлалъ.*» Много, конечно, въ журналѣ его мелочей; но еще болѣе подробностей историческихъ, высокаго, ничѣмъ не замѣнимаго достоинства, подробностей точныхъ, безпристрастныхъ, живописующихъ нравы и обычаи вѣка, а что всего важнѣе, разливающихъ яркій свѣтъ на множество событій, о которыхъ изъ другихъ источниковъ мы почерпаемъ самыя смутныя и невѣрныя понятія. Такъ въ журналѣ Гордона мы

находимъ обстоятельное описаніе двукратной осады Чигирина и геройской защиты сего города Русскими войсками, спасшей Кіевъ, всю Малороссію отъ разоренія Турокъ. Всѣ усилія непріятеля, всѣ его приступы, всѣ мѣры къ оборонѣ, устройство минъ, подкоповъ, даже число бомбъ, брошенныхъ Турками въ городъ, — все записано день за день съ изумительною точностью. Объ этомъ важномъ и достославномъ для Русскаго оружія событіи изъ другихъ источниковъ мы почти ничего не узнаемъ. Крымскіе походы князя Голицына равнымъ образомъ были изложены Авторомъ съ большею отчетливостію, сколько можно судить по сохранившимся замѣткамъ; но, къ величайшему прискорбію, изъ этого отдѣла въ подлинникѣ нѣсколько тетрадей *вырвано;* вѣроятно таже нечестивая рука истребила не мало листовъ въ описаніи борьбы Царевны Софіи съ юнымъ Петромъ за Царскую корону, по открытіи заговора Шакловитаго.*) При всемъ томъ сохранилось еще много подробностей любопытныхъ въ высшей степени; Гордонъ записалъ даже рѣчь, которую Софія говорила стрѣльцамъ и народу на Кремлевской площади, подстрекая собравшіяся вокругъ нее толпы къ бунту и къ походу на брата, удалившагося въ Троицкую Лавру. Не скрылъ при этомъ случаѣ честный Гордонъ, что онъ въ числѣ послѣднихъ оставилъ Царевну, когда ее покинули и Стрѣльцы. Съ 1690 года до конца 1698, перерывы отъ вырванныхъ листовъ болѣе не встрѣчаются, и эти двѣ части Гордонова журнала наиболѣе любопытны по содержанію, заключая въ себѣ потребности постепеннаго устройства регулярнаго войска, примѣрныхъ битвъ, потѣшныхъ походовъ, морскихъ манёвровъ на бѣломъ морѣ, двукратной осады Азова и пораженія Стрѣльцовъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, со множествомъ любопытнѣйшихъ замѣтокъ о Петрѣ и окружавшихъ его лицахъ.

Журналъ Гордона, въ подлинникѣ на Англійскомъ языкѣ, весь писанный его собственною рукою, переплетенъ въ 6 боль-

*) Кромѣ того недостаетъ цѣлаго тома за 15 лѣтъ слишкомъ съ 1667 года по 1684, за исключеніемъ 1678 года.

шихъ томовъ in 4°. 1, 2, 3 и 6 томы куплены у Гордонова внука, переводчика Адмиралтейской Коллегіи въ 1759 году Графомъ А. С. Строгановымъ и уступлены историографу Миллеру, отъ котораго Императрица Екатерина II пріобрѣла ихъ, вмѣстѣ съ другими рукописями, для Государственнаго Архива; 4-й и 5-й томы поступили въ архивъ въ числѣ конфискованныхъ бумагъ у вице-канцлера Графа Остермана.

Уже сей знаменитый сподвижникъ Петра имѣлъ мысль издать журналъ Гордона въ Русскомъ переводѣ; намѣреніе его однакожъ не исполнилось; въ бумагахъ его сохранился переводъ только двухъ лѣтъ 1684 и 1685, довольно впрочемъ неисправный. Послѣ того историографъ Миллеръ, умѣвшій цѣнить всю важность столь драгоцѣннаго матеріала для Исторіи Россіи послѣдней половины XVII столѣтія, хотѣлъ издать его въ Нѣмецкомъ переводѣ, но не вполнѣ, а въ извлеченіи, впрочемъ тщательно сохранивъ всѣ историческія подробности и выключивъ однѣ только мелочи. Это дѣло онъ поручилъ Стриттеру, который исполнилъ его мысль съ большимъ искусствомъ, слово въ слово передавъ важнѣйшія замѣтки Автора, и въ случаѣ сомнѣнія сохранивъ подлинныя слова текста. Намѣреніе Миллера также не исполнилось. Трудъ Стриттера не былъ конченъ и остался въ рукописи: часть ея, начало Гордонова журнала, до вступленія Автора въ Русскую службу, принадлежитъ Управляющему Московскимъ Архивомъ Князю Оболенскому; другая часть, доведенная до 1691 года, Академику Погодину. Изыскателямъ Отечественной Исторіи Гордоновъ журналъ былъ извѣстенъ по немногимъ отрывкамъ; одинъ изъ нихъ помѣстилъ Байеръ въ своей Азовской Исторіи о Крымскихъ походахъ и двукратной осадѣ Азова, но въ переводѣ крайне небрежномъ: многія имена собственныя, которыя Гордонъ пишетъ обыкновенно съ большою точностью, исковерканы такъ, что безъ подлинника трудно догадаться, о чемъ идетъ дѣло; другой отрывокъ о Чигиринскомъ походѣ напечатанъ въ *новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, съ исключеніемъ однакожъ многихъ любопыт-

ныхъ подробностей; третій наконецъ — замѣтки за 1684 и 1685 годы въ переводѣ очень не вѣрномъ, помѣщенъ Туманскимъ въ *Россійскомъ магазинѣ* и перепечатанъ со всѣми ошибками Сахаровымъ въ *Запискахъ Русскихъ Людей*. Эти отрывки, не взирая на очевидные ихъ недостатки, въ высшей спепени подстрекали любопытство знатоковъ дѣла и возбуждали живѣйшее желаніе во всѣхъ изслѣдователяхъ Отечественной Исторіи — видѣть Гордоновъ журналъ изданнымъ въ свѣтъ, если не въ подлинникѣ, то по крайней мѣрѣ въ исправномъ переводѣ, Русскомъ, Нѣмецкомъ, Французскомъ, все равно: только бъ была возможность пользоваться такою огромною массою историческихъ данныхъ, ничѣмъ незамѣнимыхъ.

Нынѣ отъ Императорской Академіи Наукъ зависитъ осуществить общее желаніе ученыхъ знатоковъ и просвѣщенныхъ любителей Отечественной Исторіи. Академіи извѣстно, что въ прошедшемъ году Управляющій Московскимъ Главнымъ Архивомъ, Кн. Оболенскій и Докторъ Философіи, Поссельтъ издали въ свѣтъ три первые тома Гордонова журнала въ извлеченіи Стриттера, о которомъ я упомянулъ выше; но это только половина того, что написалъ Гордонъ, и притомъ не самая главная: тутъ онъ разсказываетъ о своей молодости, о службѣ въ Шведскихъ и Польскихъ войскахъ, о началѣ службы въ Россіи, о посылкѣ въ Англію, о квартированіи съ полкомъ въ разныхъ Украинскихъ городахъ и объ осадѣ Турками Чигирина. Вторая половина, несравненно важнѣйшая по содержанію и гораздо обширнѣйшая объемомъ, остается неизданною и едвали, безъ содѣйствія Академіи, можетъ быть издана. Докторъ Поссельтъ, хорошо знакомый съ Англійскимъ языкомъ и уже извѣстный въ Исторической Литературѣ весьма любопытнымъ сочиненіемъ о сношеніяхъ Петра Великаго съ Лейбницомъ (Peter der Grosse und Leibnitz, Dorpat, 1843), перевелъ на Нѣмецкій языкъ послѣдніе томы Гордонова журнала съ того мѣста, гдѣ прекращается извлеченіе Стриттера, именно со времени начала царствованія Петра Великаго, со всею ученою отчетливостію, сло-

во въ слово, безъ малѣйшихъ исключеній противъ текста, со множествомъ поясненій и примѣчаній, основанныхъ на актахъ, которыми онъ пользовался въ Московскомъ Главномъ Архивѣ; кромѣ того онъ вступилъ въ сношенія съ фамиліею Лефорта, до сихъ поръ существующею въ Женевѣ, и получилъ отъ нее множество документовъ о службѣ въ Россіи знаменитаго адмирала и друга Петра Великаго, Франца Яковлевича Лефорта. При тщательной повѣркѣ перевода съ подлинникомъ, я убѣдился, что трудъ Г. Поссельта вполнѣ достигнетъ своей цѣли и будетъ истиннымъ подаркомъ для всякаго, кто занимается Русскою Исторіею.

Нѣтъ сомнѣнія, что лучше всего было бы издать Журналъ Гордона въ подлинникѣ; но со времени кончины автора протекло 150 лѣтъ, и неоцѣненный трудъ его остается въ рукописи, гдѣ не только вырваны отдѣльныя тетради и листы, но утраченъ и цѣлый томъ, по всей вѣроятности невозвратно; могутъ пройти еще десятки лѣтъ, пока найдется такой любитель Отечественной Исторіи, который согласится пожертвовать значительною суммою на изданіе 6 огромныхъ квартантовъ сочиненія, необѣщающаго, по свойству своему, не только коммерческихъ выгодъ, но и вознагражденія за убытки; а между тѣмъ историческіе труженики, для которыхъ такъ дороги замѣтки Гордона, останутся въ одномъ тщетномъ ожиданіи, безъ необходимаго для нихъ пособія. И потому, я убѣжденъ, что Императорская Академія Наукъ не оставитъ безъ справедливаго возмездія ученый и добросовѣстный трудъ Г.Поссельта. Съ своей стороны я имѣю честь предложить Коммиссіи: назначить Г. Поссельту поощрительную премію въ 2,500 руб. ассиг. и сверхъ того до 700 рублей серебромъ на изданіе, по тому уваженію, что переводъ его съ примѣчаніями и подробнымъ индексомъ составитъ два большіе тома; кромѣ того приложенъ будетъ планъ осады Чигирина съ рисунка самого Гордона, планъ осады Азова и другія гравюры на мѣди.

МНѢНІЕ

Ординарнаго Академика

Гельмерсена

о

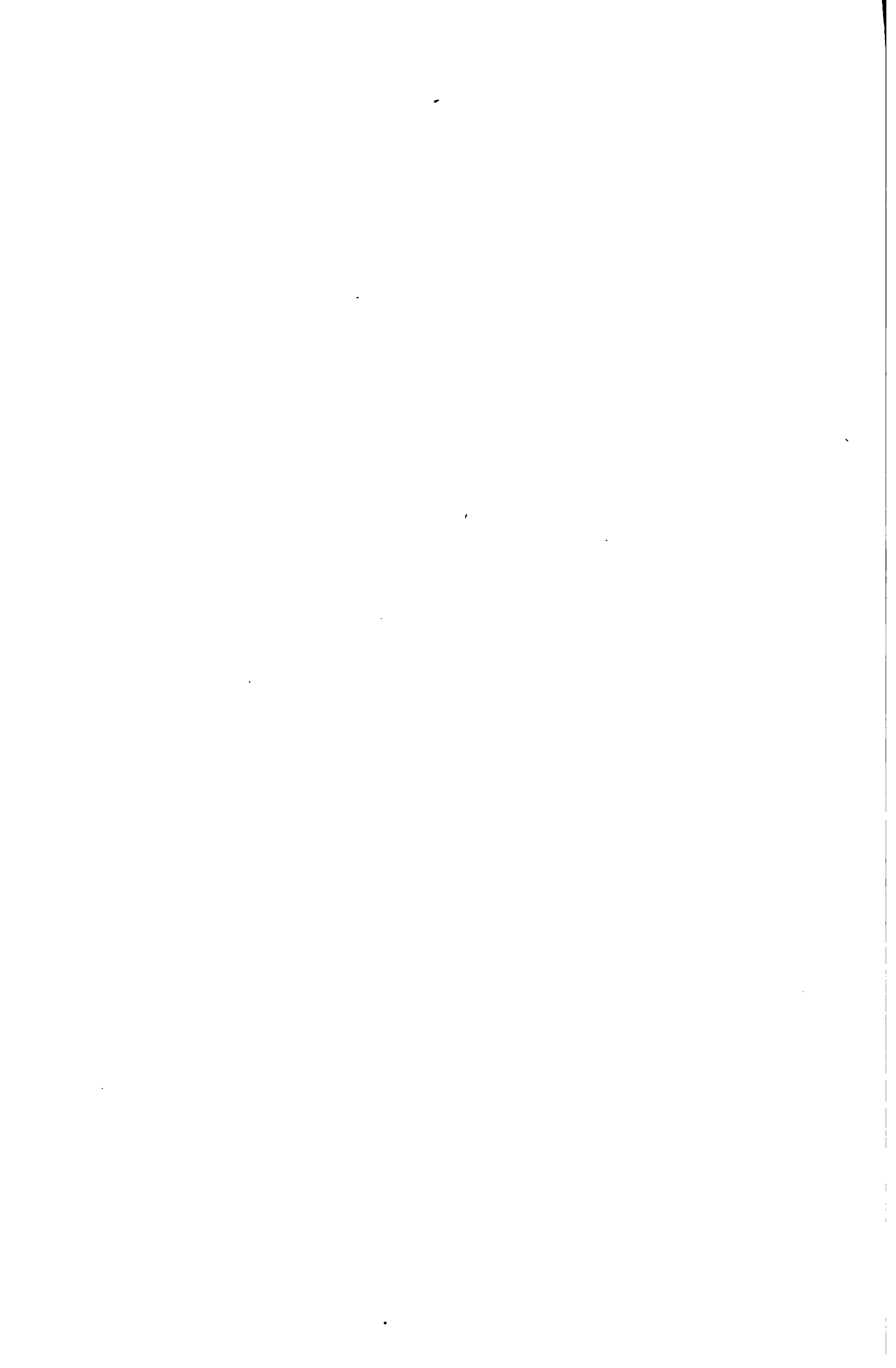
ГЕОГНОСТИЧЕСКОЙ КАРТѢ

Профессора

С. Петербургскаго Университета

С. КУТОРГИ.

*

Въ первой половинѣ истекшаго 1852 года, Профессоръ Степанъ Семеновичь Куторга издалъ Геогностическую Карту Санктпетербургской Губерніи съ программою, въ которой изложилъ цѣль и значеніе предпринятаго и нынѣ оконченнаго имъ труда, и сообщилъ свѣдѣнія о способѣ составленія карты. Въ этой же программѣ Г. Куторга увѣдомилъ, что Геогностическое Описаніе Губерніи выйдетъ въ теченіи 1852 года; хотя оно и непоявилось еще въ свѣтъ, но мнѣ извѣстно, что оно приводится уже къ окончанію. При составленіи мною отзыва я однако пользовался не одною только программою, но также свѣденіями, напечатанными по сему же предмету въ протоколахъ собраній Императорскаго Минералогическаго Общества за 1852 годъ, и наконецъ свѣденіями, доставленными мнѣ, по просьбѣ моей, лично Г-мъ Куторгою.

Въ программѣ къ Картѣ (стр. 4 и 5) Г. Куторга упоминаетъ съ должною справедливостью о всѣхъ, трудившихся надъ изслѣдованіемъ геогностическаго состава Россіи и на страницѣ 22 перечисляетъ авторовъ картъ Европейской Россіи. Въ 1824 году Англійскій Геологъ Странгвейсъ издалъ первый опытъ геогностической карты Россіи. Въ 1841 году я издалъ небольшую карту, къ которой приложилъ объяснительную записку; она была напечатана въ 1841 году въ Горномъ Журналѣ, а въ 1843 году вторично издана на Французскомъ языкѣ съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями, въ Annuaire du Journal des Mines

de Russie. Наконецъ въ 1845 году появилось Геогностическое и Палеонтологическое описаніе Европейской Россіи и Уральскаго хребта Гг. Мурчисона, Верневля и Графа Кейзерлинга съ геогностическою картою Европейской Россіи, въ масштабѣ около 140 верстъ на дюймъ.

Прекрасный трудъ Мурчисона и его сотрудниковъ составляетъ для насъ образецъ, побужденіе и исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, какъ Г. Куторга справедливо замѣчаетъ въ своей программѣ.

Нельзя однакожъ не замѣтить, что краткое время, употребленное Мурчисономъ и его сотрудниками, недостаточно для подробнаго изслѣдованія такого огромнаго пространства, какова Европейская Россія, и что малый масштабъ его карты не даетъ никакой возможности для точнаго и подробнаго нанесенія на ней всѣхъ *формацій* и *ярусовъ;* къ тому же мы знаемъ, что границы почвъ и формацій на этой картѣ проведены лишь приблизительно вѣрно, и что во многихъ мѣстахъ онѣ должны со временемъ быть исправлены по мѣрѣ того, какъ будутъ точнѣе и подробнѣе опредѣлены. Карта Мурчисона даетъ намъ только общій обзоръ, общее понятіе о геогностическомъ строеніи Россіи, и ученый свѣтъ потребуетъ отъ насъ болѣе подробныхъ розысканій.

Матеріалы для Геогностической Карты Санктпетербургской Губерніи собраны слѣдующимъ образомъ: Съ 1842 до 1851 года включительно, Куторга занимался изслѣдованіями, въ теченіи трехъ и даже четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ каждомъ году, проводя день въ дорогѣ, а вечеромъ, пріѣхавъ на ночлегъ, все замѣченное въ карманной книжкѣ записывалось подробно въ журналъ того дня и даже, въ случаѣ надобности, рисовалась карта изслѣдованной мѣстности и видѣнные разрѣзы, снятые на самомъ мѣстѣ. Отчеты объ этихъ наблюденіяхъ по временамъ печатались въ *протоколахъ Собраній Минералогическаго Общества* и самыя первыя сообщены были Мурчисону и Вернелю, о чемъ и упоминается въ сочиненіи Мурчисона.

Рѣки представляютъ, какъ извѣстно, самое лучшее средство

для наблюденій строенія почвы въ плоскихъ земляхъ, какова Санктпетербургская Губернія. По этому вся площадь Губерніи была предварительно раздѣлена на участки по системамъ рѣкъ; на каждомъ участкѣ пройдены были главныя его рѣки на челнокѣ или телегою, по всему ихъ протяженію, и вездѣ замѣчаемы были разрѣзы и опредѣляемы точки границъ почвъ и ихъ ярусовъ; кромѣ главныхъ рѣкъ каждаго участка пройдены были и побочныя рѣки и ручьи, въ такомъ размѣрѣ, чтобы пограничныя точки на картѣ, опредѣленныя вышеозначеннымъ способомъ, отстояли одна отъ другой на 5 и никакъ не болѣе 10 верстъ. Мѣста сухія разбиты были на треугольники, которые изслѣдованы по плитнымъ ломкамъ, колодцамъ, дорожнымъ рвамъ и т. п. По словамъ Г. Куторги, границы почвъ на его картѣ до того точны, что можно ручаться до версты. Окаменѣлости, встрѣчающіяся въ пластахъ и опредѣляющія ихъ относительную древность, также собраны Г. Куторгою въ большомъ числѣ, такъ что и для палеонтологическаго описанія Губерніи матеріалы готовы.

Такимъ образомъ, десятилѣтними, по предварительно составленному плану произведенными изслѣдованіями, собраны были богатые матеріалы, какъ для точнаго опредѣленія географическихъ границъ формаціи Санктпетербургской Губерніи, такъ и для познанія ихъ состава вглубь и для палеонтологическихъ признаковъ различныхъ ярусовъ и даже пластовъ формаціи. Всѣ окончательные результаты этого замѣчательнаго и совершенно самостоятельнаго труда, наглядно изображены на Картѣ. Она гравирована на мѣди въ масштабѣ по 10 верстъ на дюймъ, или въ $\frac{1}{420,000}$ настоящей величины. Отдѣлка ея хороша; ширина рѣкъ выгравирована по возможности по масштабу. Не только города, села и деревни, но даже всѣ мызы означены. На ней показаны также всѣ рѣчки, озера, болота, дороги проселочныя, почтовыя, желѣзныя и шоссейныя, и нанесены особыми условными знаками всѣ плитныя ломки Губерніи, которыхъ до 200, мѣста гдѣ можно наблюдать геогностическіе разрѣзы, по берегамъ рѣкъ и озеръ, и дилювіяльную политуру съ бороздами на известня-

кахъ. Мѣста, гдѣ пласты подняты подземными силами въ видѣ длинныхъ грядъ или сводовъ, обозначены на манеръ горныхъ хребтовъ. О плитныхъ ломкахъ Г. Куторга кромѣ своихъ собственныхъ наблюденій, собралъ свѣдѣнія изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и эти послѣднія повѣрялъ на мѣстѣ. Немалую точность придаютъ картѣ значки подьемовъ съ паденіемъ пластовъ на одну и на двѣ стороны; всѣ склоненія были замѣчены по клинометру и компасу.

Карта раскрашена пятью красками по системамъ формацій и оттѣнками этихъ красокъ для обозначенія площадей, занимаемыхъ ярусами Силюрійской и Девонской почвъ. Иллюминовка ясна, но она мнѣ показалась слишкомъ яркою; напримѣръ новые наносы окрашены лимонно-желтымъ, Силюрійская почва голубымъ, а Девонская малиновымъ и розовымъ цвѣтомъ. Послѣднія двѣ краски издавно употребляются почти исключительно для обозначенія на геогностическихъ картахъ кристаллическихъ, именно гранитовыхъ породъ, а потому желательно бы было, чтобы Г. Куторга на будущее время ее замѣнилъ бы на своей картѣ другою краскою; вообще казалось бы удобнѣе, чтобы для Карты Санктпетербургской Губерніи были приняты тѣже самыя краски, которыми обозначены почвы и формаціи на Мурчисоновой Картѣ Европейской Россіи, тѣмъ болѣе что и всѣ геогностическія карты, составляемыя отъ Горнаго вѣдомства, раскрашиваются по образцу Карты Мурчисона.

Такъ какъ Карта, составленная Г. Куторгою не покрываетъ всего листа, то на свободныхъ мѣстахъ помѣщены слѣдующіе предметы, неговоря объ объясненіи красокъ геогностическихъ системъ и всѣхъ другихъ условныхъ знаковъ:

1) Столбецъ, объясняющій совокупность напластованія всѣхъ горныхъ породъ этой Губерніи.
2) Разрѣзъ разстроенныхъ пластовъ Силюрійской почвы на рѣчкѣ Пулковкѣ.
3) Разрѣзъ нижнихъ Силюрійскихъ пластовъ на рѣкѣ Тоснѣ.

4) Разрѣзъ наклонныхъ пластовъ Девонскаго песчаника на рѣкѣ Оредежѣ.
5) Теоретическій или идеальный разрѣзъ черезъ всю Губернію съ Сѣвера на Югъ.
6) Карта окрестностей Гатчины, въ двойномъ противъ общей карты масштабѣ для того, чтобы яснѣе и точнѣе обозначить границы формацій, въ этихъ мѣстахъ весьма сложныя, и чтобы нанести каналы, которые прорыты для осушенія болотъ Царскосельскаго уѣзда. Я долженъ замѣтить, что при раскрашиваніи этой карты пропущена Силюрійская почва, развитая по берегамъ рѣчки Черной и обозначенная на общей картѣ.

Такимъ образомъ Карта даетъ ясное понятіе не только о горизонтальномъ протяженіи почвъ и ихъ ярусовъ, но также объ устройствѣ почвъ въ глубь, излагая ихъ разрѣзами снятыми съ натуры и въ тоже время весьма поучительными во многихъотношеніяхъ, а столбецъ подъ заглавіемъ: *Сводъ напластованія горныхъ породъ Санктпетербургской Губерніи*, даетъ даже подробное понятіе не только о составѣ почвъ и ярусовъ, но и о важнѣйшихъ мѣстныхъ измѣненіяхъ ихъ пластовъ и о геогностическихъ горизонтахъ, и наконецъ о тѣхъ органическихъ остаткахъ, по которымъ вѣрнѣе всего отличить ярусы, горизонты и пласты. Окаменѣлости эти не только поименованы, но и награвированы, но такъ мелко, что ихъ надобно разсматривать въ лупу; пласты въ разрѣзѣ этомъ окрашены приблизительно подъ ихъ натуральный цвѣтъ и даже внутреннее строеніе ихъ выражено.

Этотъ столбецъ, между прочимъ также объясняетъ, на какомъ основаніи Г. Куторга, раздѣлилъ *Силюрійскую почву* нашей Губерніи на *верхніе и нижніе ярусы*, и *Девонскую на три яруса*. Прежде полагали у насъ только нижній ярусъ, сравнительно съ Силюрійскою почвою Англіи; но профессоръ Куторга, убѣдившись изъ своихъ наблюденій, что известняки наши, начиная съ *Пентамеровыхъ* до *Коралловыхъ* и *Цитериновыхъ* кверху, совершенно и постоянно различны отъ тѣхъ, которые залегаютъ ниже ихъ, и сообразивъ что въ извѣстномъ сочиненіи Мурчисона:

The Silurian System, границы между обоими ярусами неясны, потому что Пентамеровые известняки не туда отнесены — рѣшился на это нововведеніе, которое одобряетъ и Графъ Кейзерлингъ, вполнѣ изучившій нашу Силюрійскую почву. Для избѣжанія всѣхъ недоразумѣній, могущихъ быть по сему предмету, долгомъ полагаю замѣтить, что Профессоръ Куторга въ протоколахъ Минералогическаго Общества *) изъяснился объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Наши известняки нижняго яруса, болѣе глинистые и хлоритовые, и очень рѣдко доломитовые, начинаются снизу пластами, въ которыхъ Favosites Petropolitana, Bolboporites, хвосты Asaphus expansus и замыкаются сверху ортоцератитовыми известняками. Надъ этими послѣдними, частью по Наровѣ выше города Нарвы, но въ особенн сти на рѣкѣ Славянкѣ у Онтолова, лежатъ бѣлые и пепельные известняки безъ окаменѣлостей; на картѣ Г. Куторги они причислены, по одному минералогическому характеру, къ верхнему ярусу. Наконецъ верхній ярусъ очень рѣзко характеризуется желтыми и пепельными доломитовыми известняками, и начинается формами Pentamerus, очень похожими на Англійскія, большими, широкими и плоскими Orthis, Leptaena rugosa, Conularia, потомъ къ верху слѣдуютъ пласты богатые отличными отпечатками Fucus, энкринитами и многими изъ тѣхъ коралловъ, которые изображены Мурчисономъ въ верхнесилюрійскихъ пластахъ, напримѣръ Millepora repens, Eschara scolpeelum. Нашъ верхній ярусъ, наконецъ, замыкается сверху пластами, въ которыхъ почти исключительно Cypridina marginata. Впрочемъ должно замѣтить, что верхній ярусъ Петербургской Губерніи, ниже тѣхъ известняковъ, которые образуютъ почву островов Мона и Эзеля, которыхъ отличительныя окаменѣлости вовсе не встрѣчаются въ нашемъ верхнемъ ярусѣ, какъ то: Encrinurus, Calymene, Proëtus, Stromotopora concentrica, Calamopora Gothlandica, Catenipora, Cyathophyllum, Patodictya, Encrinites rugosus». Слѣдовательно ярусъ, называемый Г. Куторгою верхнимъ, надобно, въ общемъ составѣ

*) Проток. Собраній Импер. Минерал. Общества въ 1851 и 1852 годахъ стр. 69.

нашей Силюрійской почвы, считать среднимъ или промежуточнымъ между нижнимъ ярусомъ и тѣмъ, который составляетъ почву острова Эзеля и южной части Эстляндской Губерніи».

Девонская почва Губерніи раздѣлена на картѣ Г. Куторги на три яруса, на слѣдующемъ основаніи: Всѣ разрѣзы по рѣкамъ ясно убѣждаютъ, что снизу господствуютъ глины и мергели съ незначительными прослойками песчанниковъ; въ этихъ осадкахъ множество остатковъ рыбъ и изъ раковинъ только Lingula bicarinata и Posydonia rugosa. Выше лежатъ огромныя толщи песчаниковъ, съ тонкими пропластками глинъ; это средній ярусъ въ которомъ только остатки рыбъ. Наконецъ въ южномъ углѣ Губерніи, являются глинистые известняки, между коими изрѣдка встрѣчаются тонкіе пласты глины и песчаника; въ этомъ верхнемъ ярусѣ богатство раковинъ Terebrotula Meyendorffi, Spirifer muralis, Spirifer tenticulum, и т. п. Подобное раздѣленіе Девонской почвы на три яруса, замѣчено также въ Губерніяхъ Лифляндской и Новгородской.

Идеальный разрѣзъ черезъ всю Губернію составленъ изъ многихъ частныхъ разрѣзовъ, снятыхъ съ натуры въ ложбинахъ рѣкъ и озеръ, а высоты взяты изъ нивелировокъ трехъ желѣзныхъ дорогъ, a) изъ С.-Петербурга въ Царское-Село, b) изъ Царскаго-Села въ Гатчину, которая осталась въ планахъ, т. е. не исполнена, и c) изъ С.-Петербурга черезъ Гатчину, Лугу, Псковъ и т. д. до Варшавы. Изъ этаго разрѣза между прочимъ ясно усматривается, что всѣ почвы Петербургской Губерніи подняты вмѣстѣ съ Сѣвера на Югъ, а волнообразныя и дугообразныя изгибы нашихъ пластовъ суть ничто иное какъ складки или гряды, образовавшіяся при общемъ поднятіи этихъ толщъ. Но даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пласты разорваны и растроены различнымъ образомъ, нигдѣ невидно никакихъ выкидныхъ, огненныхъ породъ, дѣйствію которыхъ можно бы приписать эти перемѣны въ положеніи осадочныхъ толщъ.

По мнѣнію Г. Куторги, въ нашей Губерніи геогностическіе почвы совпадаютъ совершенно съ достоинствомъ и значеніемъ

воздѣлываемыхъ почвъ, о чемъ объяснено въ программѣ на стран. 13 до 20. «Въ итогѣ выходитъ» говоритъ авторъ на стр. 17» что Силюрійская полоса очень удобна для хлѣбопашества, даже тамъ, гдѣ почву составляетъ известковый щебень, потому что подъ щебнемъ, въ засуху, сберегается влажность, необходимая для посѣвовъ, но въ почвѣ сей одно большое неудобство, она много съѣдаетъ навозу. И на самомъ дѣлѣ, Силюрійская полоса есть наша настоящая хлѣбная площадь, точно такъ какъ напримѣръ вся Эстляндія, которой почва исключительно Силюрійская». На это я позволю себѣ замѣтить что плодородность воздѣлываемой почвы во многихъ случаяхъ вовсе независитъ отъ свойствъ подпочвенныхъ горныхъ толщъ, но болѣе отъ свойствъ покрывающихъ ихъ наносовъ. Самые хлѣбородные участки Лифляндской Губерніи, какъ то уѣзды Вольмарскій, Феллинскій и нѣкоторые другіе, состоятъ сплошь изъ Девонскихъ песчаниковъ и глинъ, а черноземъ южныхъ Губерній покоится непосредственно то на горномъ известнякѣ, какъ въ Тульской Губерніи, то на Девонскихъ известнякахъ, какъ въ Орловской Губерніи, то на мѣлу или зеленомъ песчаникѣ, какъ въ Воронежской Губерніи и наконецъ на весьма разнородныхъ породахъ третичной почвы, развитой на Югѣ Россіи. Впрочемъ не стану оспаривать справедливости, высказаннаго Г. Куторгою, относительно Петербургской Губерніи, мнѣнія.

Изъ всего вышеприведеннаго ясно, что десятилѣтній трудъ Г. Куторги важенъ и полезенъ для познанія не только геогностическаго состава нашей Губерніи, но Россіи вообще; онъ важенъ и полезенъ для науки, которую Г. Куторга обогатилъ даже новыми данными, именно въ палеонтологическомъ отношеніи; для этого я указываю на то, что онъ первый вполнѣ объяснилъ настоящій характеръ одного замѣчательнаго рода раковинъ, встрѣчающихся въ нашей нижней Силюрійской почвѣ и отнесенныхъ имъ къ роду Syphonstreta. Трудъ Профессора Куторги, по мнѣнію моему, вполнѣ достоинъ половинный Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Профессора Кіевскаго Университета

К. Ѳ. КЕССЛЕРА

подъ заглавіемъ:

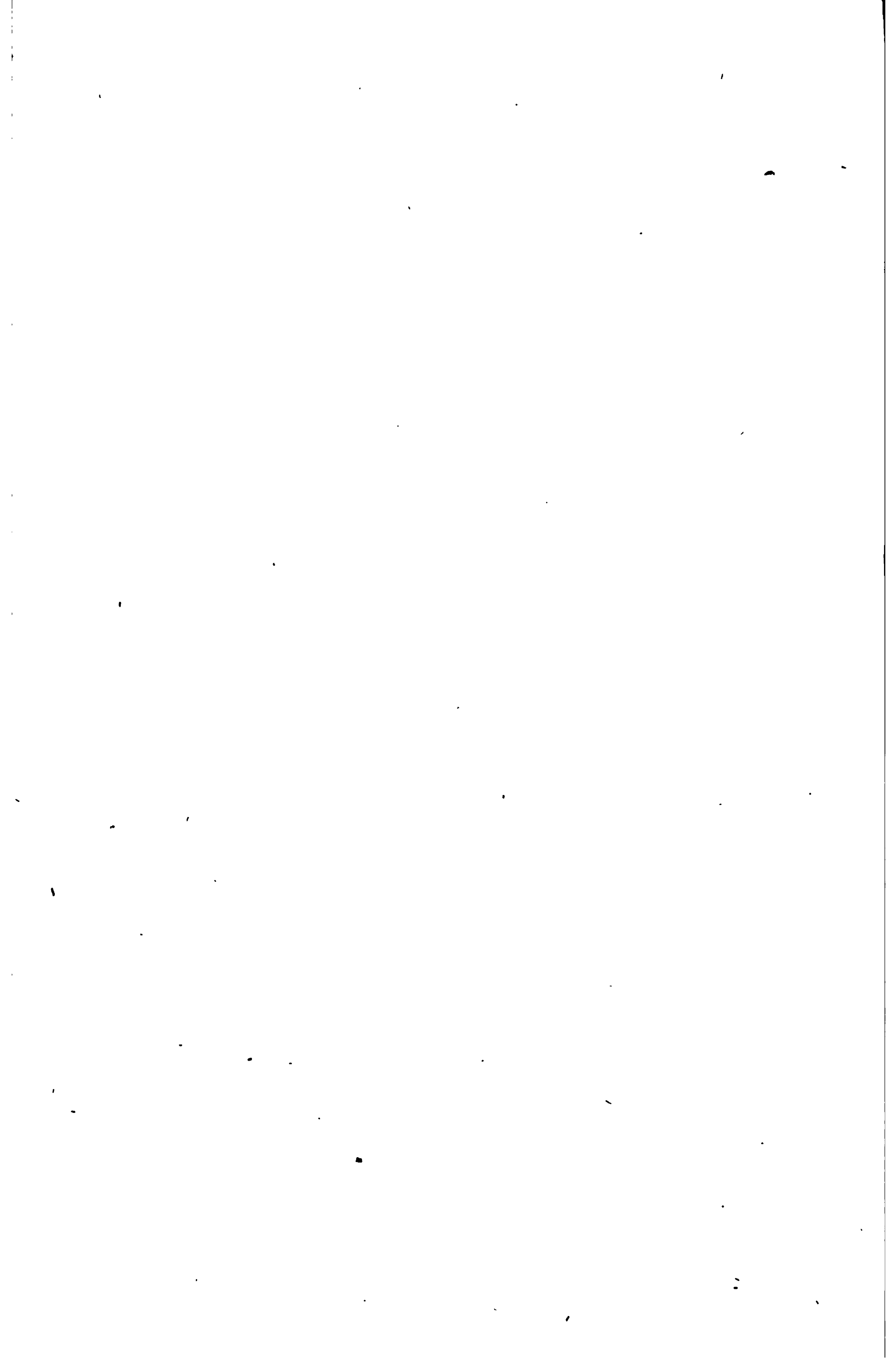
ЖИВОТНЫЯ ГУБЕРНІЙ КІЕВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА, МЛЕКОПИТАЮЩІЯ, ПТИЦЫ.

выпуски 1-й по 4-й. Кіевъ 1850 — 1852.

составленный

Академиками

Брандтомъ и Миддендорфомъ.

Въ Русской литературѣ до сихъ поръ весьма ощутителенъ былъ недостатокъ въ такомъ сочиненіи, которое представляло бы читающей публикѣ, болѣе и болѣе интересующейся естественными науками, сводъ существующихъ на лице познаній о животномъ мірѣ Россіи: А между тѣмъ до выхода въ свѣтъ такого сочиненія множество разнообразнѣйшихъ наблюденій, безпрерывно дѣлаемыхъ въ разныхъ частяхъ Имперіи, всуе расточается, вмѣсто того чтобы оно могло обратиться на пользу и обогащеніе общей сокровищницы науки. Отличительное свойство біологическаго ученія именно и заключается въ томъ, что тьма безпрестанно снова и всякій разъ подъ другими уже видами, въ неисчерпаемомъ разнообразіи, обнаруживающихся проявленій жизни должна быть, такъ сказать, на лету ловима наблюдателемъ въ самый благопріятный для того моментъ. Біологу рѣдко удается отыскивать разрѣшенія задачъ своей науки непосредственнымъ путемъ физическаго опыта; ибо чѣмъ осмотрительнѣе онъ дѣлаетъ свой опытъ, тѣмъ насильственнѣе уже самымъ его производствомъ увлекается изъ колеи физіологіи, которую слѣдилъ съ такимъ пристальнымъ вниманіемъ, во враждебную ей область патологіи. И такъ жизненную потребность, необходимое условіе conditio, sine qua non, нашей науки, составляютъ наблюденія: чѣмъ больше ихъ число, чѣмъ разнообразнѣе обстоятельства, при которыхъ они были производимы, и чѣмъ благопріятнѣе моментъ, въ который ихъ уловилъ наблюдатель,

тѣмъ болѣе успѣха можно ожидать въ разгадкѣ законовъ жизни. Уже изъ этого особеннаго свойства наблюденій, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, само собою явствуетъ, что они требуютъ возможно большаго числа наблюдателей и мѣстъ наблюденія, особенно, если мы сообразимъ необъятное пространство таковой исполинской имперіи, какова наша.

Но съ другой стороны наблюдатели не могутъ обойтись безъ основательныхъ сочиненій, которыя могли бы быть положены въ основаніе ихъ наблюденіямъ и служили бы для нихъ путеводною нитью, — сочиненій которыя мы выше обозначили какъ настоятельную потребность Русской литературы относительно къ Зоологіи.

Съ этой-то точки зрѣнія предпринятый Г. Симашко трудъ изданія «Русской Фауны» радостно былъ привѣтствованъ біологическими членами нашей Академіи, и подкрѣпляемъ ихъ совѣтомъ и дѣятельнымъ участіемъ. Но если мы за всѣмъ тѣмъ принимаемся здѣсь обратить вниманіе Академіи не на это сочиненіе, то все же считаемъ своею обязанностію, хотя мимоходомъ, отдать должную справедливость духу предпріимчивости Г. Симашко и его настойчивости въ борьбѣ съ многоразличными техническими трудностями и другаго рода препятствіями, какимъ вообще подвержены бываютъ подобныя новыя начинанія. Какъ первое въ своемъ родѣ для Россіи предпріятіе «Русская фауна» и дѣйствительно побудила бы насъ, во уваженіе вообще удовлетворительной своей внѣшности, большаго объема, котораго она достигла и обширной области, которой она посвящена, вступиться за нее какъ за весьма полезное популярное сочиненіе, если бы текстъ не носилъ на челѣ своемъ слишкомъ явно печать компиляторскаго неравенства, еслибы нѣкоторыя изъ самостоятельныхъ и лучшихъ статей ея не были написаны сотрудниками издателя и еслибы цѣлому сочиненію не недоставало единства общей идеи. Напротивъ того нельзя не признать, что авторъ иногда слишкомъ увлекался духомъ спекуляціи, обстоятельство, которое передъ судилищемъ науки не

можетъ быть принято въ разсмотрѣніе, хотя его съ другой стороны и отнюдь нельзя порицать, какъ средство къ покрытію весьма значительныхъ издержекъ изданія.

И такъ вмѣсто этого сочиненія мы считаемъ долгомъ своимъ обратить вниманіе Академіи на недавно вышедшій въ Кіевѣ трудъ Г-на Профессора Кесслера, который подъ скромною своею оболочкою удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія въ правѣ сдѣлать такому роду сочиненія строгая критика спеціальнаго ученаго.

Избравъ своимъ предметомъ описаніе царства животныхъ тѣхъ губерній, которыя принадлежатъ къ Кіевскому Учебному Округу: Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской, сочиненіе Г. Профессора Кесслера слѣдуетъ хорошо обдуманному общему плану и вполнѣ удовлетворяя требованіямъ науки, вездѣ свидѣтельствуетъ объ основательномъ прилежаніи, съ какимъ авторъ пользовался сподручною литературою своего предмета. Онъ привелъ въ своей книгѣ только нѣкоторыя изъ главныхъ иностранныхъ сочиненій по части Европейской Фауны и тѣмъ самымъ избѣжалъ накопленія излишняго балласта; между тѣмъ нигдѣ не забыты многочисленныя ссылки на спеціальные источники относительной Фауны. Способъ изложенія соотвѣтственъ своему предмету, — строенъ, простъ и ясенъ и нельзя не вмѣнить автору въ особенную заслугу, что онъ умѣлъ счастливо соблюсти середину между подавляющимъ многословіемъ сторичнаго наблюденія и неудовлетворительною скудостью фактовъ. Уже прежде извѣстное по части описываемой имъ Фауны, расположено съ знаніемъ дѣла и очевидно не безъ помощи собственныхъ опытовъ, и въ добавокъ авторъ присовокупилъ отъ себя множество новыхъ мѣткихъ наблюденій, такъ что книга его не только пригодна какъ хорошее руководство для учащихся и для всякаго занимающагося у насъ Зоологіею, но и запечатлѣна клеймомъ сомостоятельнаго достоинства, дѣлающимъ ее необходимою и для спеціалиста въ области Русской Зоологіи.

Г. Кесслеръ исчисляетъ въ своей Зоологіи выше приведенныхъ губерній 62 породы млекопитающихъ и 265 видовъ птицъ. Породы опредѣлены съ большою осмотрительностію и мы не можемъ не одобрить умѣренности, съ какою авторъ поступалъ въ этомъ случаѣ, не размножая породъ излишнимъ раздробленіемъ, а напротивъ того стараясь приводить многіе разрозненные его предшественниками виды снова къ первоначальному естественному ихъ типу. Укажемъ въ этомъ отношеніи на опрометчиво введенныя въ науку породы: Mus hortulanus, Spalax Pallasii, Mus leucogaster, Mus rattoides, Mus tectorum, Sitta uralensis, Sylvia cyanecula и пр.; не говоря уже о болѣе поверхностныхъ, какъ то Sciurus ater, Oriolus varians и т. д. Авторъ входитъ въ разсмотрѣніе житейскаго быта, питанія, распространенія и образа размноженія отдѣльныхъ породъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ частыя указанія замѣченныхъ Профессоромъ Кесслеромъ ублюдчивостей животныхъ, а именно многихъ млекопитающихъ и птицъ, какъ то: измѣнчивости въ длинѣ большаго пальца у Caprimulgus europaeus; неравенства относительной длины отдѣльныхъ крыльевъ и бѣлаго пятна на правильныхъ перьяхъ у Lanius minor, отступленіе отъ обыкновеннаго цвѣта Sylvia cinerea, Salicaria arundinacea, Circus rufus (при абнормальныхъ въ тоже время отношеніяхъ крыльевъ), двѣ разности вида Surnia noctua и т. п. Нельзя также не поблагодарить автора за частыя показанія относительно времени перелета птицъ, изъ которыхъ между прочимъ породы Cuculus canorus, Cyprelus murarius, Hirundo rustica, Saxicola rubetra и ounanthe, Lusciola philomela, Motacilla alba, Falco tinnenculus, Milvus niger, Ciconia alba, 8 лѣтъ сряду относительно этого времени регулярно были наблюдаемы. Индѣ мы встрѣчаемъ весьма занимательныя исключенія, какъ то: вторженіе сотней тысячъ Glareola melanoptera въ началѣ Августа 1851 года въ окрестности Кіева, странствованія Nucifraga caryocatacter, перезимовку запоздалыхъ птенцовъ перепелки, двойное высиживаніе Turdus musicus. Salicaria cariceti, Salicaria luscinioides и Ardea comata,

виды новые въ Русской Фаунѣ. Замѣчательно также, что авторъ подтверждаетъ существованіе Circus pallidus, Falco lanarius и любопытно его извѣстіе о цѣлыхъ колоніяхъ на Днѣстрѣ Vultur fulvus.

Съ достохвальною добросовѣстностію авторъ избѣгалъ включенія въ свою монографію такихъ формъ, которыя еще не отысканы въ самомъ дѣлѣ, даже хотя и можно было безъ описанія принимать ихъ за дѣйствительно попадающіяся, и хотя онъ самъ имѣлъ ихъ вѣроятно въ виду, какъ напримѣръ Saxicola leucomela, Tichodroma muraria, Emberiza pithyornus, Vanellus gregarius, Emberiza melanocephala, cirlus, cia и т. д.

О сочиненіи Г. Профессора Кесслера впрочемъ уже прежде въ повременныхъ изданіяхъ явились отзывы спеціальныхъ ученыхъ и мы съ удовольствіемъ замѣтимъ здѣсь, что мнѣнія эти вполнѣ подтверждаютъ смыслъ собственнаго нашего разбора. Такъ Г. Профессоръ Куторга въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1853 въ статьѣ Библіографія стр. 29 выразился объ этой книгѣ, что «она свидѣтельствуетъ о мѣткой наблюдательности, необыкновенной начитанности и безпримѣрномъ трудолюбіи нашего Зоолога. О трудѣ его, при составленіи этой статьи, всякій можетъ легко себѣ составить понятіе; но о безчисленныхъ экскурсіяхъ, на которыхъ собралъ онъ матеріалы для статьи, едва ли кто кромѣ натуралиста, можетъ вѣрно судить. Способъ изложенія живой и точно рисующій натуру и образъ жизни каждаго животнаго.»

Въ концѣ своего отзыва Г. Профессоръ Куторга изъявляетъ мысль, что Г. Кесслеръ еще возвысилъ бы пользу своего сочиненія, если бы къ каждой породѣ присовокупилъ короткую діагнозу. Съ этимъ мнѣніемъ по крайней мѣрѣ относительно орнитологіи мы не можемъ согласиться: ибо тогда авторъ только повторилъ бы самого себя. Изданное имъ въ 1847 году отличное сочиненіе: «Руководство для опредѣленія птицъ, которыя водятся или встрѣчаются въ Европейской Россіи» вполнѣ удовлетворяетъ вышеприведенному требованію и собственно вовсе

не должно бы быть отдѣляемо отъ разбираемой нами здѣсь орнитологической части. Тѣ изъ птицъ, которыхъ Г. Кесслеръ въ то время еще не могъ включить въ числѣ Русско-Европейскихъ, а которыя напротивъ того присоединены къ новѣйшему его сочиненію, сопровождаются въ немъ короткою діагнозою, какъ то: Murcicapa parva, Lanius rufus, Lusciola tithys, Salicaria luscinioides.

Мы оканчиваемъ свой разборъ объявленіемъ, что сами имѣли случай ближе удостовѣриться въ вышеизложенныхъ достоинствахъ сочиненія Кіевскаго нашего Зоолога, пользуясь имъ для собственныхъ своихъ зоогеографическихъ работъ. А посему считая тѣмъ болѣе своею обязанностью обратить вниманіе Академіи на этотъ основательный трудъ, полагаемъ не ошибиться въ успѣхѣ нашего ходатайства, если препоручимъ его здѣсь къ удостоенію половинною Демидовскою преміею.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Д-РА К. РАТЛЕФА

подъ заглавіемъ:

SKIZZE

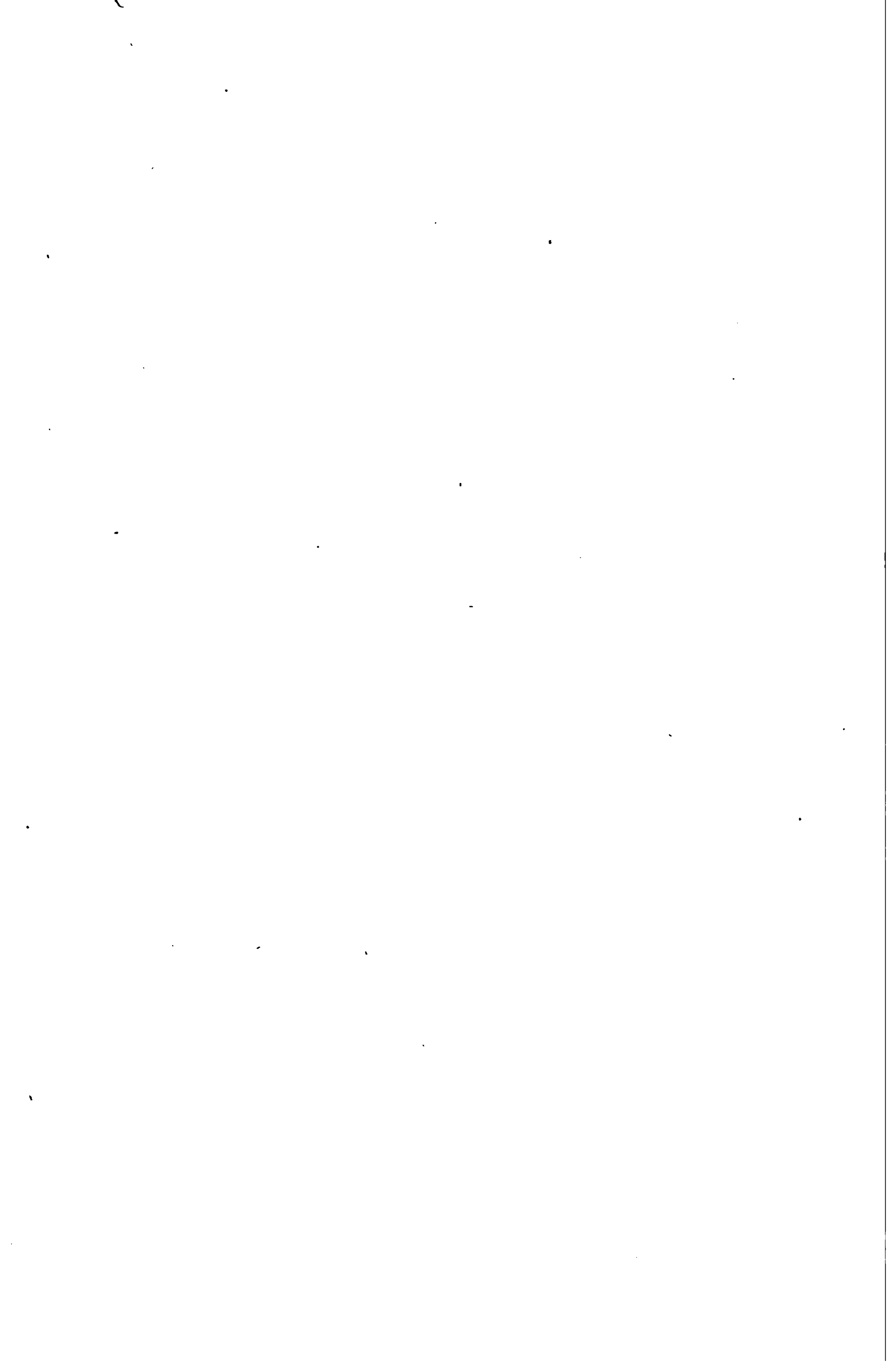
DER OROGRAPHISCHEN UND HYDROGRAPHISCHEN VERHAELTNISSE VON LIV-, ESTH- UND CURLAND,

EIN GEOGRAPHISCHER VERSUCH.

составленный

Академиками

Струве и Гельмерсеномъ.

Предлежащій трудъ, который подъ скромнымъ своимъ заглавіемъ сообщаетъ разительное обиліе любопытныхъ и поучительно связанныхъ между собою фактовъ, по свойству своего предмета вообще принадлежитъ къ труднѣйшимъ въ области Географическаго знанія. Общее впечатлѣніе высокой гористой страны, съ ея рѣзкими кряжами, съ ея слѣдующими опредѣленнымъ законамъ продольными и поперечными долинами, съ ея воздымающимися превыше другихъ снѣжными вершинами и строго очертанными плоскогоріями, легче схватывается наблюдателемъ и скорѣе врѣзывается въ его памяти, чѣмъ видъ такого края, высочайшіе пункты котораго едва превышаютъ абсолютную высоту 1000 футовъ, который только тамъ и сямъ являетъ дѣйствительныя цѣпи горъ, гдѣ переходъ отъ глубины къ высотѣ часто совершается едва замѣтнымъ образомъ и гдѣ необходимо принять въ соображеніе даже самомалѣйшія колебанія уровня, чтобы получить ясное понятіе о его рельефѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать, въ какой мѣрѣ этотъ рельефъ обусловливается геологическимъ свойствомъ земли, обусловливая съ своей стороны направленіе долинъ и рѣкъ.

При изученіи и изображеніи Остзейскихъ провинцій, которыя, какъ извѣстно, составляютъ непосредственное продолженіе Сѣверно-Германской равнины, наблюдатель долженъ былъ встрѣтить всѣ вышеуказанныя трудности и если Г. Ратлефу удалось счастливо побѣдить ихъ, и начертать весьма удовлетвори-

тельный эскизъ сказаннаго края, то мы обязаны тѣмъ не только прилежному, основательному изученію имѣющихся на лице матеріаловъ, и критической ихъ разработкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ также собственнымъ наблюденіямъ автора, который, можно сказать, вполнѣ обладаетъ своимъ предметомъ, ибо книга его и приложенныя къ ней карты сплошь свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ никогда не увлекался щепетильностью розысканій до того, чтобы потерять изъ виду существенныя отношенія края.

По нашему мнѣнію сочиненіе Г. Ратлефа достойно присоединяется къ тому, которымъ покойный Профессоръ Фридрихъ Гофманнъ въ 1830 году столько расширилъ географическое и геогностическое познаніе Германіи и которое носитъ заглавіе: Uebersicht der orographischen und geognostischen Verhältnisse vom nordwestlichen Deutschland; но еще ближе оно примыкаетъ къ подобнымъ трудамъ, изданнымъ въ недавнее время о сѣверной Пруссіи.

Представимъ здѣсь вкратцѣ обзоръ книги Г. Ратлефа.

Оговоривъ напередъ прежнія розысканія по части орографіи и гидрографіи Остзейскихъ провинцій и географическое ихъ положеніе относительно къ материку Европы, авторъ переходитъ къ геогностическому разсмотрѣнію, а потомъ къ общему обзору горныхъ возвышенностей.

Весь этотъ отдѣлъ доказываетъ, что онъ не щадилъ трудовъ для доставленія себѣ полнаго знакомства съ относительною литературою, начиная отъ Hupel's Topographische Nachrichten von Lief- und Esthland, вышедшихъ въ семидесятыхъ и осьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка до произведеній новѣйшаго времени, въ числѣ которыхъ столь почетное мѣсто занимаютъ астрономическо-геодезическіе труды Струве, а отчасти Генерала Теннера и описи Балтійскаго прибрежья нашихъ моряковъ Врангеля и Рейнеке. Относительно геогностическаго обзора въ этой главѣ замѣтимъ, что онъ при всей своей сжатости удовлетворяетъ той цѣли, которую имѣлъ въ виду авторъ, а именно объяснить, какія въ Остзейскихъ провинціяхъ распространены

формація и какія въ предѣлахъ каждой изъ нихъ проявляются горнокаменныя породы. Геогностическое наше познаніе этого края, къ сожалѣнію, все еще остается весьма отрывочнымъ и мы увѣрены, что если бы имѣлись точныя геогностическія его карты, то Г. Ратлефъ воспользовался бы ими для того, чтобы показать вліяніе, какое свойство и послѣдовательность разнородныхъ, легче или труднѣе разрушимыхъ каменныхъ пластовъ имѣетъ на очертаніе страны, предметъ весьма занимательный и важный, особенно при заложеніи каналовъ, желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Во второмъ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: «Orographische Skizze» авторъ переходитъ къ специальному изображенію отдѣльныхъ частей края, начиная съ Эстляндіи, которую Г. Ратлефъ, равно какъ и Лифляндію и Курляндію знаетъ изъ собственной наглядности. Сначала онъ описываетъ сѣверную покатость Эстляндской возвышенности, морской берегъ съ его крутымъ скалистымъ глинтомъ съ его бухтами и выдающимися въ море островами, а въ слѣдъ за тѣмъ внутренность небольшой страны, высочайшіе пункты которой достигаютъ не многимъ болѣе 500 футовъ вышины. Гораздо пространнѣе, уже по причинѣ большей величины и разнообразнѣйшаго вида, а равно и знатнѣйшаго числа предуготовительныхъ работъ, изображены орографическія отношенія Лифляндіи, съ которыми уже прежде ознакомилъ насъ Академикъ Струве, донося о результатахъ астрономической и геодезической своей съемки Лифляндіи (Sciences mathematiques et physiques Tome IV). Къ этому донесенію, какъ извѣстно, приложена карта Лифляндіи съ обозначеніемъ различными красками разныхъ постепенностей почвы; а сверхъ того въ немъ содержится списокъ 280 тригонометрически опредѣленныхъ въ Лифляндіи и небольшой части Эстляндіи высотъ, такъ что эта работа положила первое благонадежное основаніе всѣмъ послѣдующимъ орографическимъ изображеніямъ и изслѣдованіямъ Лифляндіи.

Г. Ратлефъ описываетъ отдѣльныя мѣстности провинціи въ

слѣдующемъ порядкѣ и подъ слѣдующими названіями, которыя намъ кажутся удачно и значительно выбранными.

1) Низменность вдоль по рѣкѣ Перновѣ.
2) Бассейнъ озера Пейпусъ.
3) Западный водораздѣльный хребетъ Лифляндіи и Феллинскій раздѣльный кряжъ съ Лемзальскою возвышенностью.
4) Восточный водораздѣльный хребетъ — плоская возвышенность Оденпехская.
5) Бассейнъ Вирцъярвскаго озера и рѣки Эмбаха.
6) Гангофская плоская возвышенность.
7) Ааская плоская возвышенность и рѣка Аа.
8) Рѣка Двина и ея низовья.

Тѣже самыя наименованія повторяются съ небольшими лишь перемѣнами и на весьма удачной орографической картѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи.

Курляндія въ орографическомъ отношеніи раздѣляется на три области, которыя разсмотрѣны въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Система Курляндскихъ возвышенностей или Верхняя Курляндія.
2) Курляндская низменность или Митавская равнина.
3) Гористая страна Курляндскаго полуострова.

Потомъ въ короткой главѣ описаны еще значительнѣйшіе изъ прилежащихъ къ Лифляндіи и Эстляндіи острововъ, а въ заключеніе втораго отдѣла приведенъ списокъ 315 пунктовъ въ сказанныхъ провинціяхъ, которыхъ измѣрена высота надъ уровнемъ моря. Списокъ этотъ, для большаго удобства, расположенъ въ математическомъ порядкѣ, а именно показанія высотъ, приведены въ той послѣдовательности, въ которой обработаны отдѣльныя мѣстности, такъ что этотъ перечень идетъ рядомъ съ описаніемъ свойства поверхности, что не мало облегчаетъ обзоръ при чтеніи книги.

Хотя Г. Ратлефъ уже при орографическомъ изображеніи Остзейскихъ провинцій входитъ и въ ихъ гидрографію, однакоже счелъ за благо, и мы совершенно съ нимъ въ этомъ со-

гласны, еще разъ изложить гидрографическій бытъ края, а именно въ непрерывной связи, чтобы добыть тѣмъ яснѣйшій его обзоръ, а вмѣстѣ войти въ большія по этому предмету подробности, и за это его вѣрно поблагодарятъ многіе, особенно изъ прибрежныхъ обитателей сказанныхъ водъ, которые, сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ едва ли извлекали изъ нихъ болѣе пользы, какъ сдѣлали бы на ихъ мѣстѣ и грубые или полуобразованные народы. А между тѣмъ какихъ значительныхъ выгодъ можно еще ожидать отъ раціональнаго пользованія водами въ Остзейскихъ провинціяхъ. Всякій, кто возъимѣетъ подобное намѣреніе, конечно не упуститъ прежде всего внимательно прочесть книгу Г. Ратлефа.

Авторъ дѣлитъ три провинціи на слѣдующія 5 главныхъ рѣчныхъ областей:

1) Область Финскаго залива: она объемлетъ собою рѣчную и озерную область Вирцъярва и Пейпуса или рѣкъ Эмбаха и Наровы, и рѣки сѣверной Эстляндіи.
2) Переходную область между Финскимъ и Рижскимъ заливами или область рѣки Кассаріенъ.
3) Область Рижскаго залива съ рѣками Перновою, Салисомъ, маленькими береговыми рѣчьками, Лифляндскою Аа, областью Двины, Курляндскою Аа и рѣками и озерами сѣверной Курляндіи.
4) Область открытаго Балтійскаго моря вмѣстѣ съ Виндавою и пр.
5) Область острововъ.

За этимъ третьимъ отдѣломъ слѣдуютъ еще замѣчанія и поясненія къ картамъ и профилямъ высотъ, приданнымъ къ книгѣ въ видѣ особаго атласа. На пяти большихъ листахъ ин-фоліо мы находимъ:

6) Орографическую карту Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи.
7) Гидрографическую карту этихъ трехъ провинцій и 9 профилей высотъ, на трехъ листахъ.

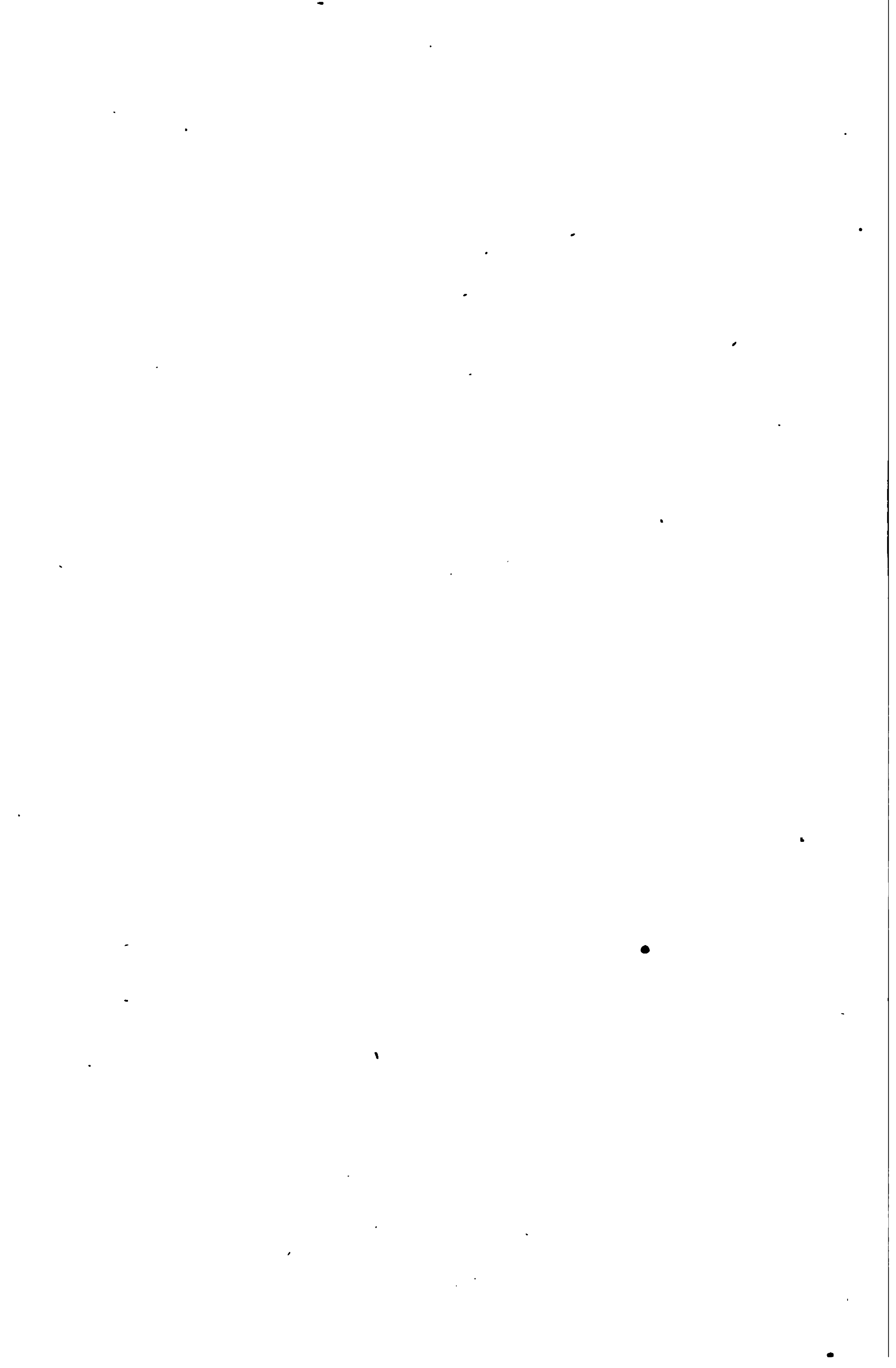
Всѣ карты и профили горъ начертаны самимъ Г. Ратлефомъ, нарисованы двумя его учениками и очень опрятно и красиво литографированы у Деліуса въ Берлинѣ. Основою картъ служила рѣчная сѣть, которую землемѣръ Шторхъ начерталъ на основаніи Рюкертовой карты трехъ Остзейскихъ провинцій, но только въ уменьшенномъ масштабѣ. Эту сѣть Г. Ратлефъ повѣрилъ по большой Рюкертовой картѣ Лифляндіи, по Шмитовой картѣ Эстляндіи и Неймановой картѣ Курляндіи. Масштабъ обѣихъ картъ $\frac{1}{1.200,000}$ естественной величины.

На орографической картѣ указано постепенное возвышеніе земли разными красками и тонкими параллельными штрихами; а сверхъ того значительнѣйшія возвышенности особенно изображены обычнымъ у картографовъ способомъ. Какъ печать, такъ и раскрашеніе весьма явственны и изображеніе во всѣхъ отношеніяхъ удачно и вразумительно.

Гидрографическая же карта раздѣлена и раскрашена по вышеупомянутымъ главнымъ водянымъ областямъ и представляетъ очень хорошій обзоръ всѣхъ теченій рѣкъ и стоячихъ водъ. На первый взглядъ можно было бы подумать, что таковой обзоръ долженъ давать также орографическій листъ и, что слѣдовательно авторъ могъ бы избавить себя отъ труда изготовленія особой гидрографической карты; но для многихъ читателей предлежащаго сочиненія и послѣдняя карта будетъ очень кстати, потому что на орографической картѣ теченіе рѣкъ иногда довольно трудно отыскивать при множествѣ штриховъ и раскрашенныхъ линій, употребленныхъ для означенія высотъ,— обстоятельство неизбѣжное, которое, какъ видно, и побудило автора присовокупить къ своей книгѣ отдѣльную карту рѣкъ.

Въ профиляхъ масштабъ для высотъ въ 42 раза больше, чѣмъ масштабъ базиса, а послѣдній вдвое больше противъ масштаба самыхъ картъ. Въ точности опредѣленныя высоты обозначены относительною цифрою, приблизительныя оцѣнки только линіею профиля, а гдѣ вовсе неимѣлось вѣрнаго свѣдѣнія, вопросительнымъ знакомъ.

Содержаніе этого сочиненія, матеріалъ изъ котораго оно воздвигнуто, и основательная ясная разработка дѣлаютъ его однимъ изъ привлекательнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ, съ которыми мы имѣли случай ознакомиться въ области отечественной географіи и мы не обинуясь скажемъ, что оно существенно подвинуло впередъ наше познаніе Остзейскихъ провинцій. По части Русской географіи это первый болѣе обширный трудъ въ своемъ родѣ, который, можно надѣяться, скоро найдетъ себѣ достойныхъ подражателей и для прочихъ частей имперіи. Труды такого рода и такого достоинства вполнѣ заслуживаютъ признанія Академіи и мы посему дозволяемъ себѣ покорнѣйше предложить, чтобы сочиненіе Г. Ратлефа было увѣнчано преміею.

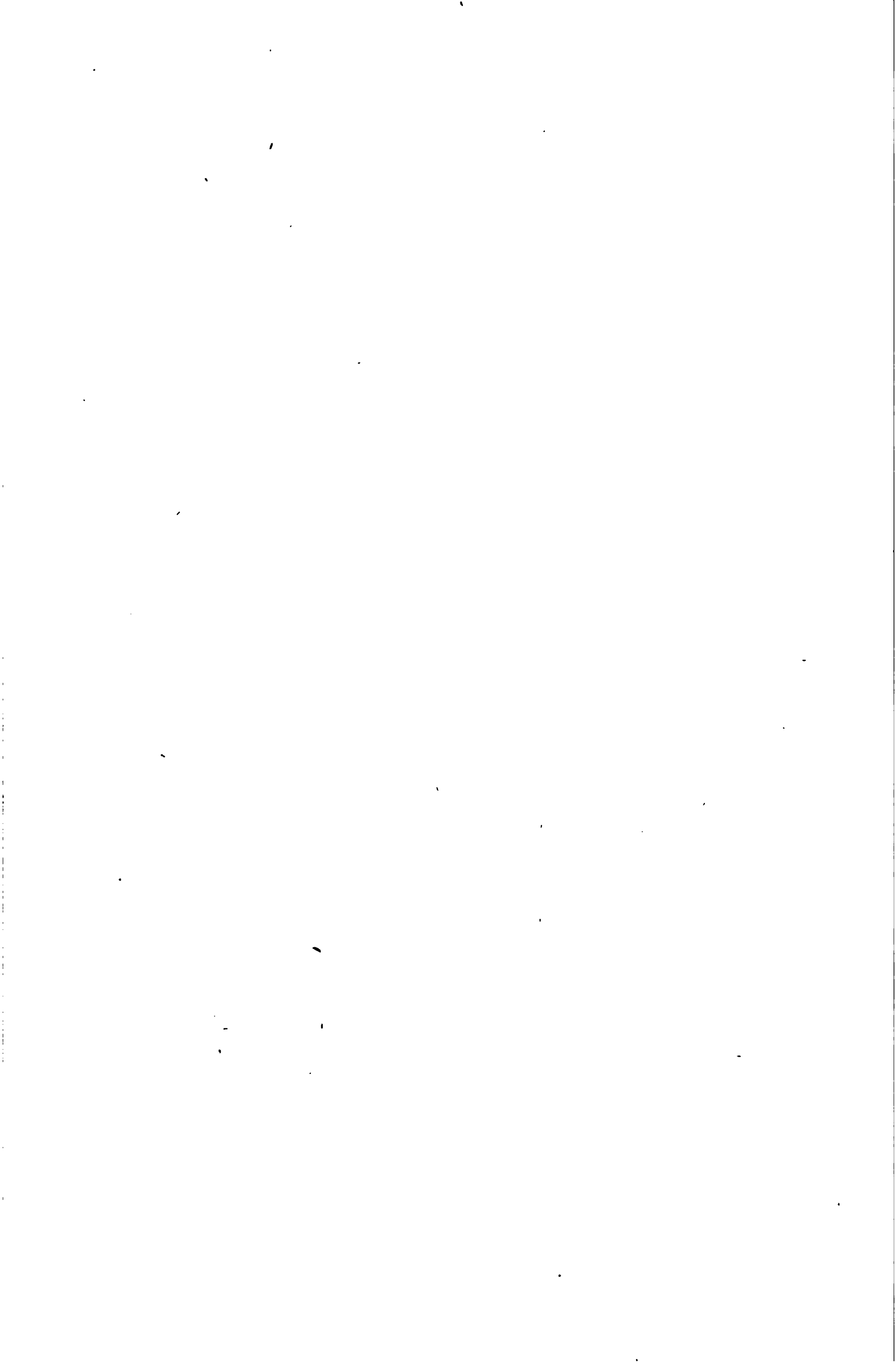
МНѢНІЯ О СОЧИНЕНІЯХЪ,

УДОСТОЕННЫХЪ

ПО ДЕМИДОВСКОМУ КОНКУРСУ

1852-го года

ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. РАХМАНИНОВА,

подъ заглавіемъ:

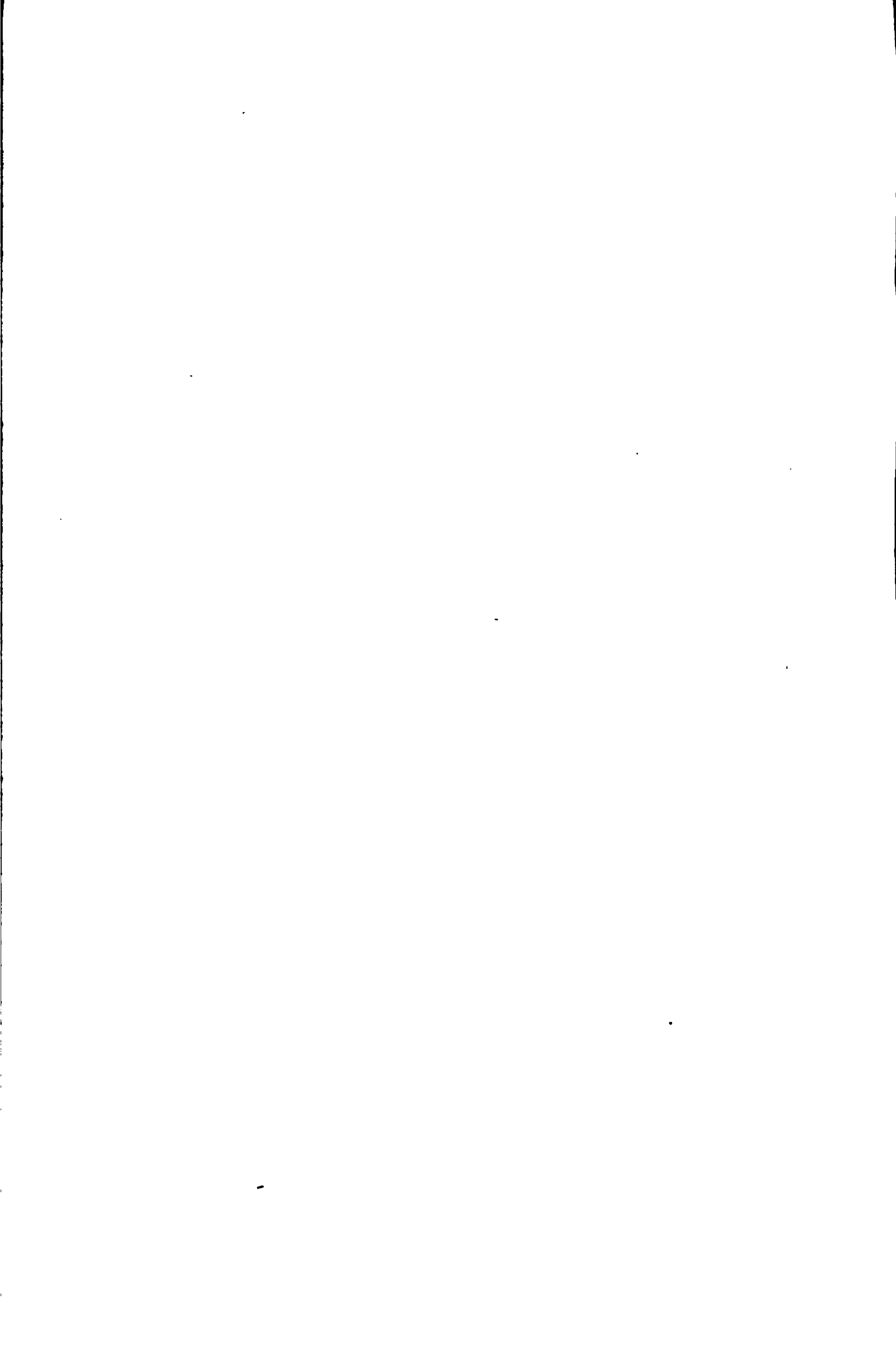
ТЕОРІЯ ВЕРТИКАЛЬНЫХЪ ВОДЯНЫХЪ КОЛЕСЪ.

Москва 1852. 8.

составленный

Профессоромъ С. Петербургскаго Университета

П. Чебышевымъ.

Если въ нашей ученой литературѣ есть уже нѣсколько сочиненій о гидравлическихъ колесахъ; то по содержанію, отчетливости, а болѣе всего, по сближенію теоріи съ практикою — сочиненіе Г. Рахманинова, подъ заглавіемъ: *Теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ*, составляетъ для нея существенно новое пріобрѣтеніе. При внимательномъ чтеніи того, что до сихъ поръ имѣли мы относительно водяныхъ колесъ, со включеніемъ даже сочиненій французскихъ ученыхъ: Бордо, Навье, Понселе, Беланже и другихъ, легко замѣтить, что этотъ предметъ далеко не изслѣдованъ въ надлежащей полнотѣ и точности, необходимой для практики, гдѣ вода очень часто, съ особенною выгодою, употребляется какъ двигатель. Такой недостатокъ теоріи водяныхъ колесъ тѣмъ чувствительнѣе, что работа, доставляемая водою рѣки или источника, всегда ограничена въ количествѣ, и не во власти человѣка увеличить ее за предѣлы, назначенные мѣстностію. Въ то время, когда, по несовершенству водяныхъ колесъ, теряется очень часто болѣе половины работы воды, по недостатку этой работы, бываютъ въ необходимости сокращать самое производство или пополнять этотъ недостатокъ другими двигателями, требующими значительныхъ издержекъ.

Недостаточность теорій гидравлическихъ колесъ легко объясняется тѣми трудностями, которыя встрѣчаются при опредѣленіи законовъ ихъ движенія. Если разсматривать воду, въ ея вытеканіи на колесо, какъ безконечно-тонкую струю, если предполагать, что всѣ ея частицы съ одинаковою скоростію достигаютъ колеса, гдѣ, до момента выливанія, имѣютъ скорости, общія съ самимъ колесомъ, и наконецъ пренебречь вредными

сопротивленіями; то, по примѣру французскихъ ученыхъ, легко составить уравненія движенія колеса. Но эти уравненія не имѣютъ надлежащей точности, и результаты изъ нихъ выводимые непосредственно къ практикѣ приложены быть не могутъ. Если изъ этихъ уравненій получаются формулы для количества работы наливныхъ колесъ довольно близкія къ истинѣ; то подобныя формулы для другихъ колесъ значительно разнятся съ наблюденіями. Эти формулы употребляются не иначе какъ съ помощію такъ называемыхъ *практическихъ коеффиціентовъ*. Самое употребленіе этихъ коеффиціентовъ показываетъ, что тѣ обстоятельства, которыми пренебрегаютъ при разсматриваніи движенія водяныхъ колесъ, имѣютъ значительное вліяніе на количество работы, и слѣд., по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, должны быть принимаемы въ расчетъ. Недостаточность теоріи водяныхъ колесъ, о которой мы говоримъ, еще поразительнѣе обнаруживается при опредѣленіи наивыгоднѣйшихъ размѣровъ ихъ различныхъ частей и другихъ обстоятельствъ, условливающихъ *maximum* ихъ работы. Причина этого понятна: здѣсь приходится брать производную выраженія количества работы; а при этомъ, какъ извѣстно, члены имѣющіе большую величину, могутъ обращаться даже въ 0, а члены малые получать значительную величину. Поэтому не удивительно, что такимъ образомъ находятъ даже нули и безконечности на мѣсто величинъ конечныхъ: подобные выводы не могутъ имѣть никакого приложенія въ практикѣ. Чтобы дать правила для наивыгоднѣйшаго употребленія воды, какъ двигателя, необходимо было подвергнуть гидравлическія колеса анализу болѣе точному, анализу, въ которомъ бы было обращено вниманіе на всѣ обстоятельства, измѣняющія количество работы примѣтно для практики. Начало такого анализа гидравлическихъ колесъ принадлежитъ Германскимъ ученымъ, въ особенности Редтенбахеру. Принявши во вниманіе всѣ обстоятельства, имѣющія значительное вліяніе на работу воды, онъ вывелъ болѣе точныя формулы для опредѣленія количества этой работы въ различныхъ гидра-

влическихъ колесахъ. Теорія его обходится безъ помощи практическихъ коэффиціентовъ, и, въ большей части случаевъ, даетъ съ достаточною точностію условія, при которыхъ колеса доставляютъ наиболѣе работы. Съ такими усовершенствованіями теорія гидравлическихъ колесъ изложена въ сочиненіи Г. Рахманинова. Развивая пріемы Редтенбахера, авторъ показываетъ въ своемъ сочиненіи, какимъ образомъ мѣстныя условія опредѣляютъ устройства спуска, размѣры колеса и его наивыгоднѣйшую скорость. Сочиненіе Г. Рахманинова имѣетъ тѣмъ болѣе интереса, что онъ, не ограничиваясь одними теоретическими выводами, обращаетъ полное вниманіе на тѣ правила устройства колесъ, которыя выведены были изъ наблюденій. Отъ такого сближенія теоріи съ практикою, сочиненіе Г. Рахманинова очень много выигрываетъ. Множество частныхъ вопросовъ, которые представляются при опредѣленіи элементовъ колесъ различнаго устройства и при различныхъ обстоятельствахъ, авторомъ изложены съ надлежащею отчетливостію. Въ его сочиненіи мы находимъ изслѣдованіе такихъ предметовъ относительно устройства колесъ, которые были совершенно недоступны для прежней теоріи, единственно извѣстной у насъ; но которые имѣютъ большую важность въ практикѣ. Ошибки, которыя естественно могли вкрасться въ изслѣдованія столь многосложныя, не имѣютъ существеннаго вліянія на главные результаты, тѣмъ болѣе, что авторъ, понимая всю важность практической стороны предмета своего сочиненія и особенную трудность изслѣдованій теоретическихъ, вездѣ въ теоріи старался прослѣдить результаты, выведенные изъ наблюденій. Такъ напр. въ теоріи пошвеннаго колеса съ прямымъ русломъ, авторъ ошибочно заключаетъ изъ выведенныхъ формулъ, что число лопатокъ должно уменьшаться съ увеличиваніемъ радіуса колеса (стр. 51): если разстояніе лопатокъ дѣйствительно увеличивается съ увеличиваніемъ этого радіуса; то это разстояніе увеличивается медленнѣе, чѣмъ сама окружность колеса. Разстояніе это увеличивается пропорціонально квадратному корню радіуса; въ то

время когда окружность колеса пропорціональна первой степени его. А потому число лопатокъ должно быть прямо пропорціонально квадратному корню радіуса колеса. Но эта ошибка исправляется тѣмъ, что, переходя къ практикѣ, авторъ самъ замѣчаетъ, что при однихъ и тѣхъ-же обстоятельствахъ, но большемъ размѣрѣ колеса, число его лопатокъ становится болѣе. Или, въ теоріи колеса, окруженнаго жолобомъ (стр. 131), онъ выводитъ, что глубина потока притекающей къ колесу воды, уменьшается съ увеличиваніемъ разности угловъ, опредѣляющихъ направленіе струи и точки входа ея въ колесо; заключеніе справедливое только подъ извѣстнымъ условіемъ, опредѣляющимъ отношеніе измѣненій каждаго изъ этихъ угловъ; но въ приложеніи, которое онъ дѣлаетъ изъ этого вывода, это условіе большею частію выполняется. Подобныя ошибки не имѣютъ большой важности, по этому, не останавливаясь на нихъ долѣе, мы перейдемъ къ тому, что имѣетъ вліяніе на достоинство всего сочиненія Г. Рахманинова. Въ книгѣ его мы находимъ подробный анализъ тѣхъ условій, при которыхъ колесо водяное доставляетъ наибольшую работу; и, въ этомъ отношеніи, теоретическіе выводы свои Г. Рахманиновъ сравниваетъ съ правилами устройства колесъ, найденными изъ наблюденій. Такимъ же образомъ полезно было бы сравнить съ наблюденіями теоретическіе выводы относительно самаго количества работы. Мы уже замѣчали, что невѣрности формулъ, незначительныя при опредѣленіи величины работы, могутъ оказывать значительное вліяніе при опредѣленіи условій *maximum* этой работы; и обратно, невѣрности, которыя въ послѣднемъ случаѣ почти незамѣтны, могутъ ясно обнаружиться при опредѣленіи величины работы. Съ другой стороны, необходимо показать, сколько въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ можно ожидать полезной работы отъ колеса того или другаго устройства; такая характеристика колесъ весьма важна для самой практики. Также при опредѣленіи условій наибольшей работы, не слѣдуетъ ограничиваться разсмотрѣніемъ одной такъ называемой *полной ра-*

боты; вредныя сопротивленія, зависящія отъ размѣра колеса, должны быть исключены изъ этой работы, какъ это и дѣлаетъ самъ Г. Рахманиновъ при изслѣдованіи нѣкоторыхъ колесъ.

Показавши общій характеръ сочиненія Рахманинова, мы разсмотримъ теперь отдѣльно содержаніе каждой изъ его главъ.

Глава I-я. *Теорія пошвеннаго колеса съ прямыми лопатками.*

Показавши общія уравненія для опредѣленія работы воды, авторъ останавливается на пошвенномъ колесѣ съ прямыми лопатками. Колесо это, по множеству потерь работы воды, представляетъ особенныя трудности для теоретическихъ изслѣдованій; но заслуживаетъ полнаго вниманія потому, что на практикѣ очень часто употребляется. Разсмотрѣвши отдѣльно всѣ главныя потери работы воды, авторъ выводитъ уравненіе для опредѣленія полезной работы, доставляемой этимъ колесомъ. Не говоря уже о существенномъ различіи этого уравненія съ тѣми, которыя находимъ мы у Бордо, Навье, Понселе и другихъ французскихъ ученыхъ; это уравненіе значительно разнится съ уравненіемъ Редтенбахера, которому принадлежитъ болѣе точная теорія этихъ колесъ: Г. Рахманиновъ опредѣляетъ съ бо́льшею точностію количество воды, проходящей безполезно между лопатками, и обращаетъ должное вниманіе на потерю работы отъ поднятія воды въ отводномъ каналѣ. Послѣднее особенно важно но вліянію своему на величину наивыгоднѣйшей скорости колеса. Выведенныя такимъ образомъ уравненія онъ прикладываетъ также къ опредѣленію наивыгоднѣйшихъ размѣровъ колеса, и теоретическіе выводы сличаетъ съ правилами практиковъ.

Глава II-я. *Теорія пошвеннаго колеса, съ кривыми лопатками, изобрѣтеннаго Понселе.*

Колесо Понселе съ большею выгодою можетъ замѣнять пошвенныя колеса съ прямыми лопатками, обыкновенно употребляемыя при малыхъ паденіяхъ. Но у насъ до сихъ поръ это колесо мало извѣстно; все, что у насъ было публиковано объ немъ, слишкомъ недостаточно для устройства его съ тѣми вы-

годами, которыя оно можетъ доставить. По этому болѣе строгія и отчетливыя изысканія о колесѣ Понселе, которыя мы находимъ въ II-й главѣ сочиненія Рахманинова, заслуживаютъ полнаго вниманія. — Въ этой главѣ авторъ разсматриваетъ условія, при которыхъ вода вступаетъ на лопатку безъ удара, и оставляетъ ее безъ скорости; сличаетъ это съ практическими правилами устройства колеса Понселе; опредѣляетъ полезную работу его, и кончаетъ опредѣленіемъ размѣровъ вновь устрояемаго колеса. Послѣдняя статья особенно важна въ практическомъ отношеніи, и она особенно развита у Г. Рахманинова: онъ даетъ формулы для опредѣленія главныхъ элементовъ колеса по наклону рабочаго русла и коеффиціенту наполненія.

Глава III-я. *Теорія колесъ, окруженныхъ желобомъ.*

Глава IV-я. *Теорія колесъ, окруженныхъ желобомъ и получающихъ воду выше средней ихъ точки.*

Первая изъ этихъ главъ посвящена общей теоріи колесъ, окруженныхъ желобомъ и въ особенности изслѣдованію такихъ колесъ, въ которыя вода вступаетъ ниже ихъ центра: колесъ *полупошвенныхъ*, получающихъ воду изъ шлюзнаго отверстія, и колесъ *боковыхъ*, получающихъ воду чрезъ открытое отверстіе. Вторая имѣетъ предметомъ колеса, получающія воды выше своего центра; въ ней разсмотрѣны отдѣльно колеса съ лопатками и колеса съ ящиками. — Всѣ колеса, составляющія предметъ этихъ главъ разсмотрѣны подробно въ отношеніи обстоятельствъ, имѣющихъ значительное вліяніе на количество работы, и съ теоретическими выводами сличены практическія правила построенія этихъ колесъ.

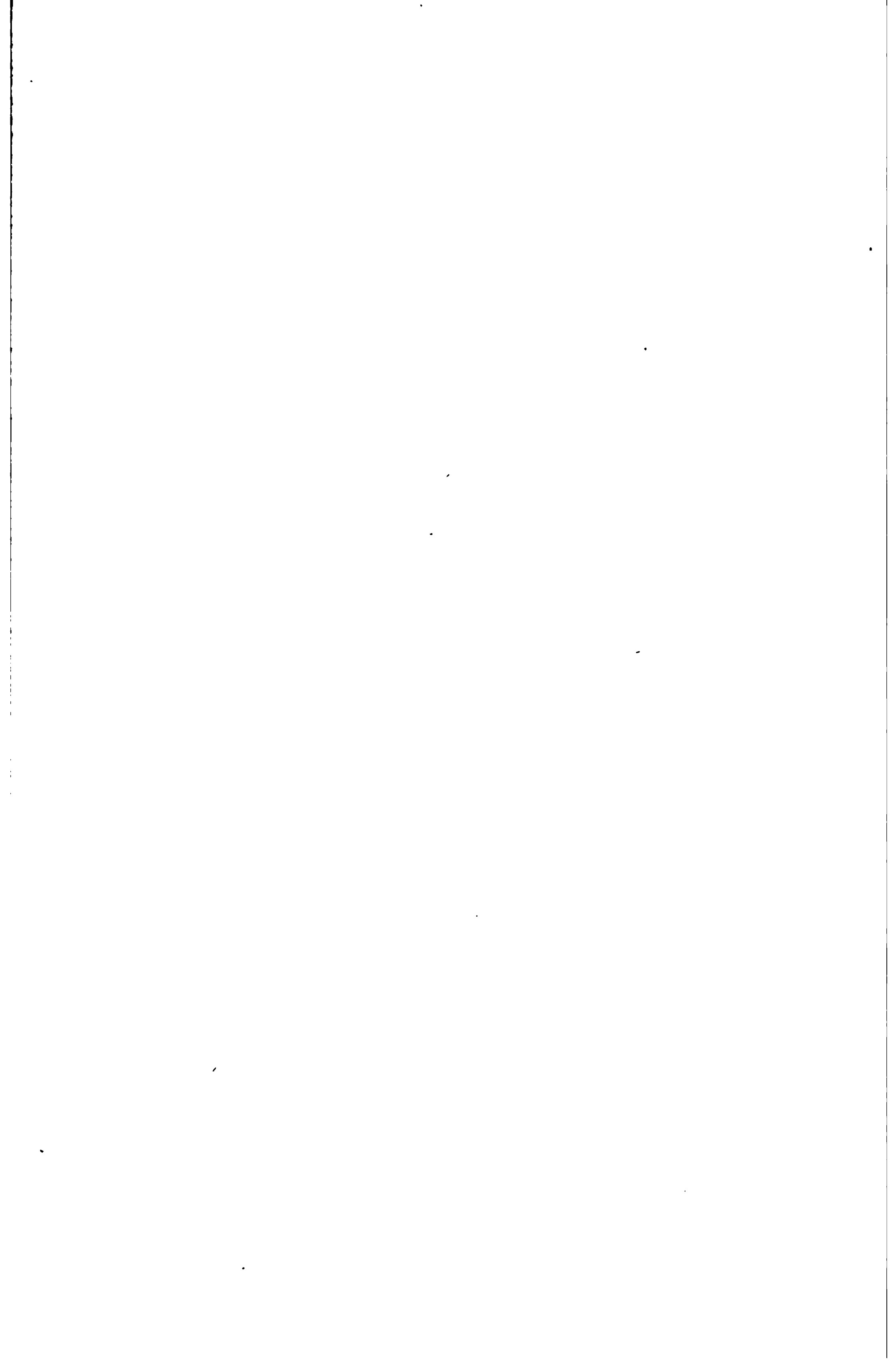
Глава V-я. *Теорія колесъ съ ящиками, получающихъ воду изъ резервуара посредствомъ шлюзнаго отверстія и не окруженныхъ желобомъ.*

Теорія этихъ колесъ у Редтенбахера представляетъ особенные недостатки. Такъ, на основаніи своихъ уравненій, Редтенбахеръ находитъ (Theorie und Bau der Wasserräder, стр. 153), что наибольшая работа этихъ колесъ соотвѣтствуетъ скоростямъ

воды и колеса равнымъ нулю, и слѣд. безконечно большой ширинѣ колеса. Такой результатъ вполнѣ опровергается опытомъ, изъ котораго видно, что уменьшеніе скорости воды и увеличеніе ширины колеса, за извѣстными предѣлами, сопровождается уменьшеніемъ полезной работы. Въ сочиненіи Г. Рахманинова мы находимъ болѣе точныя формулы, въ которыхъ обращено вниманіе на увеличеніе вѣса колеса вмѣстѣ съ уменьшеніемъ его скорости, на условія, которыя должны удовлетвориться при входѣ воды въ колесо, и изъ этихъ формулъ видно, что дѣйствительно, уменьшая скорость воды далѣе извѣстнаго предѣла, уменьшаютъ полезную работу колеса. На основаніи этихъ формулъ, авторъ опредѣляетъ теоретически наивыгоднѣйшіе размѣры различныхъ частей колеса. Между прочимъ, онъ показываетъ, какимъ образомъ отъ коеффиціента наполненія зависитъ наивыгоднѣйшее наклоненіе конца лопатки. Теоретическіе выводы онъ сличаетъ со многими наблюденіями.

Этою главою оканчивается сочиненіе Г. Рахманинова.

Изъ сдѣланнаго нами обзора этого сочиненія видно, что оно заключаетъ въ себѣ подробный анализъ всего наиболѣе существеннаго относительно увеличенія полезной работы воды въ колесахъ вертикальныхъ, колесахъ, наиболѣе употребительныхъ. До сихъ поръ, ни по одной части Практической Механики, мы не имѣли сочиненія, въ которомъ бы предметъ былъ изслѣдованъ съ такою подробностію и отчетливостію, въ которомъ бы показаны были теоретическія начала для опредѣленія главныхъ элементовъ машины. Чтобы предоставить въ такомъ видѣ теорію вертикальныхъ водяныхъ колесъ, авторъ воспользовался всѣмъ, что наилучшаго сдѣлано въ ней различными учеными; сличилъ со многими наблюденіями ихъ теоретическіе выводы, и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дополнилъ ихъ собственными. Такой трудъ о предметѣ, особенно важномъ для практики, съ недостатками весьма ограниченными, по мнѣнію нашему, достоенъ награды второстепенною Демидовскою премією.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Д-ра ГОРЯНИНОВА

подъ заглавіемъ:

ФАРМАКОДИНАМИКА,

или

УЧЕНІЕ О ДѢЙСТВІИ И УПОТРЕБЛЕНІИ ВРАЧЕБНЫХЪ СРЕДСТВЪ.

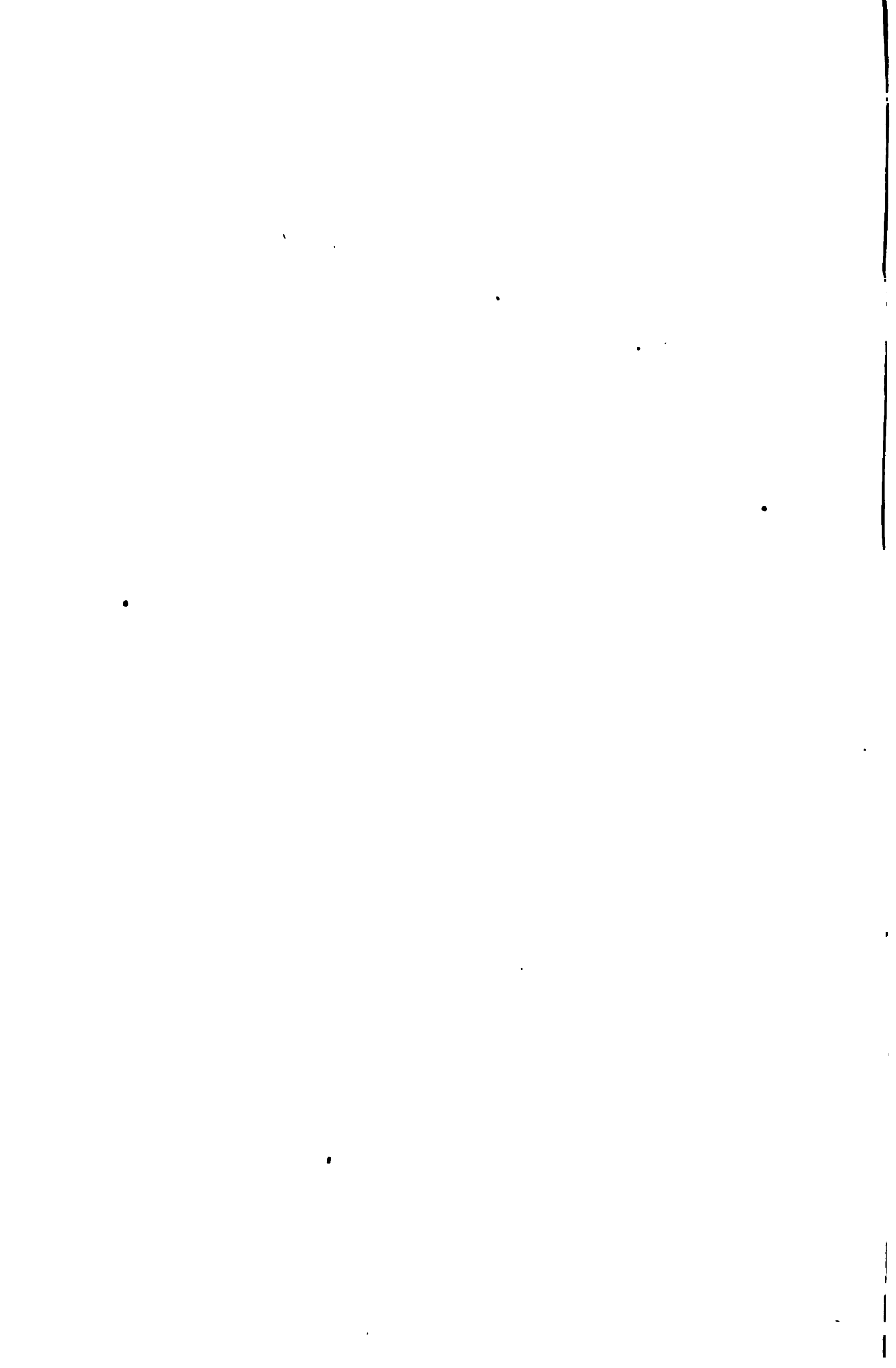
Спб. 1852. 8.

составленный

Орд. Профессоромъ Медико-Хирургической Академіи

Олендзскимъ.

(Статья, читанная въ Ученомъ Засѣданіи оной Академіи 11 го Апрѣля 1853 года.)

Beati sunt, medium tenentes.

Разсматриваемое нами сочиненіе Академика, заслуженнаго Профессора Павла Ѳедоровича Горянинова, по распоряженію Конференціи Императорской С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи было критически разобрано еще до выхода въ свѣтъ, Профессорами Александромъ Петровичемъ Загорскимъ, Николаемъ Ѳедоровичемъ Здекауеромъ и Владиміромъ Егоровичемъ Экомъ; мнѣнія этихъ рецензентовъ были обсуждены въ общемъ собраніи членовъ Конференціи, а результатомъ этаго было то, что Фармакодинамика Академика Горянинова принята въ руководство для студентовъ Академіи и съ разрѣшенія высшаго Начальства съ этою цѣлью отпечатана.

Казалось бы, что авторитета трехъ Профессоровъ извѣстныхъ какъ своею ученостію, такъ и безпристрастіемъ въ дѣлѣ науки и основаннаго на немъ приговора Конференціи, весьма достаточно бы было для опредѣленія истиннаго достоинства этаго сочиненія. Но Императорская Академія Наукъ, слѣдящая за прогрессомъ отечественнаго просвѣщенія по всѣмъ его отраслямъ, обратила вниманіе и на полезный трудъ заслуженнаго Профессора Горянинова; она для надлежащаго обсужденія вопроса о признаніи Демидовской преміи, желаетъ нынѣ имѣть отзывъ Конференціи нашей Академіи съ присовокупленіемъ разбора самаго сочиненія. По свойственному высшему ученому сословію безпристрастію, Конференція признала необходимымъ подвергнуть новому, подробному разсмотрѣнію, извѣстное ей и одобрен-

ное сочиненіе Профессора Горянинова; каковой трудъ ей угодно было возложить на меня. Принимая съ готовностію это порученіе, мнѣ весьма пріятно изъявить при этомъ случаѣ искреннѣйшую признательность Представителю нашей Академіи, Его Превосходительству Венцеславу Венцеславовичу Пеликану и Гг. членамъ Конференціи за оказанное мнѣ довѣріе; я постараюсь оправдать его изложеніемъ научнаго разбора переданнаго мнѣ сочиненія, съ полнымъ безпристрастіемъ.

—

Въ наше просвѣщенное время, при всеобщемъ стремленіи ученыхъ и учащихся къ положительному знанію, фактами оправданному, для удовлетворительнаго систематическаго изложенія многоразличныхъ предметовъ, входящихъ въ составъ Фармакодинамики или Матеріи Медики, необходимы точныя свѣдѣнія по части Естественной Исторіи, особенно Фармаціи, Химіи, Анатоміи, Физіологіи, Патологіи, Терапіи и другихъ частей Медицины. — Авторъ разсматриваемой книги, какъ видно, не только усвоилъ себѣ современныя свѣдѣнія по всѣмъ отдѣламъ Медицины, но въ тѣхъ ея отрасляхъ, съ которыми Фармакодинамика находится въ тѣсной связи, онъ долговременною опытностью пріобрелъ тотъ навыкъ истиннаго знатока и спеціальнаго цѣнителя, который необходимъ публичному наставнику, чтобы вѣрно и надежно выбирать изъ необозримаго сціентефическаго хаоса только истинно полезное. — Лучшіе способы употребленія врачебныхъ средствъ, равно испытанія многихъ лекарствъ и ядовитыхъ веществъ, которыя теперь чаще производятся надъ здоровыми людьми и животными и новыя химическія изслѣдованія, какія авторъ приводитъ въ своей книгѣ, достаточно свидѣтельствуютъ о начитанности его и объ обширныхъ современныхъ свѣдѣніяхъ его по всѣмъ частямъ врачебной науки. Нижеслѣдующій аналитическій обзоръ книги покажетъ и убѣдитъ, какъ усердно сочинитель старался облегчить изученіе предметовъ об-

ширной Науки, которыхъ специальное знаніе такъ необходимо не только учащемуся, но и на каждомъ шагу практическаго врача.

—

Показавъ въ предисловіи, въ какой связи находятся предметы Фармакодинамики съ другими частями Медицины, указавъ на главные источники Науки и на условное различіе, какое можно допустить между лекарствами, ядами, питательными и прихотливыми средствами, (Genussmittel: сахаръ, чай, вино, водка, кофе) и на беапредѣльность врачебнаго средствословія (Яматологіи), авторъ обозначаетъ предѣлы своего сочиненія. Фармакодинамика со включеніемъ необходимыхъ предметовъ Токсикологіи раздѣляется на общую и частную.

Въ общей Фармакодинамикѣ показано:

1) Какъ по общимъ физическимъ, химическимъ и физіографическимъ качествамъ лекарствъ, по изслѣдованію ихъ надъ мертвыми тѣлами, надъ животными, больными и здоровыми людьми, можно доходить до болѣе основательнаго познанія свойствъ врачебныхъ средствъ.

2) Для объясненія способа дѣйствія лекарствъ приведены примѣры, какъ измѣняется реакція въ организмѣ отъ внѣшнихъ вліяній, къ которымъ принадлежатъ и лекарства, дѣйствующія на организмъ по физическимъ законамъ, по законамъ химіи, *каталитическихъ* процессовъ и динамически; здѣсь показано: какія измѣненія происходятъ въ металлическихъ соляхъ, щелочахъ и нѣкоторыхъ органическихъ веществахъ, при дѣйствіи оныхъ на живое тѣло, изложены результаты гематологическихъ опытовъ, которые были произведены Гюнефельдомъ, Шульцомъ, самимъ авторомъ, Блакомъ и другими. На этихъ данныхъ отчасти основывалось понятіе о терапевтическомъ дѣйствіи лекарствъ.

3) Какія перемѣны происходятъ въ лекарствахъ, когда они касаются органическихъ тканей, слюны, желудочнаго сока и

другихъ влагъ, въ какихъ соединеніяхъ они удобнѣе всасываются, если нервныя симпатіи недостаточны для развитія полнаго дѣйствія.

Затѣмъ различаются мѣстныя дѣйствія лекарствъ, особенно на слизистыя оболочки и кожу; дѣйствія отдаленныя, иногда рѣзко отличающіяся отъ мѣстныхъ; еще подробнѣе и опредѣлительнѣе описаны перемѣны, совершающіяся при дѣйствіи лекарствъ, особенно въ органахъ пластики, въ секреціяхъ, въ мозгу черепномъ и спинномъ, въ мышицахъ и другихъ сократительныхъ тканяхъ, въ кровеносной системѣ и въ половыхъ органахъ. На этомъ основывается раздѣленіе лекарствъ, по частнымъ дѣйствіямъ оныхъ: на тоническія, разрѣшающія, испражнительныя и задерживающія, наркотическія, противусудорожныя, согрѣвающія и прохлаждающія, и проч.

4) Происхожденіе отдаленныхъ дѣйствій лекарствъ: притомъ указаны факты, которыми виталисты и приверженцы всасыванія, старались доказать свои предположенія о дѣйствіи лекарствъ, посредствомъ нервныхъ симпатій и всасыванія и объяснено, въ какой мѣрѣ можно пользоватся этими фактами, при истолкованіи дѣйствія лекарствъ на отдаленные органы.

5) Опредѣливъ въ чемъ состоитъ довершенное или полное дѣйствіе лекарствъ, авторъ излагаетъ, какъ различаются ближайшія и отдаленныя, общія и мѣстныя, специфическія, физіологическія, терапевтическія, динамическія, вещественныя и другія дѣйствія лекарствъ.

6) Описываются различія въ дѣйствіи лекарствъ зависящія отъ разныхъ состояній организма, мѣста введенія, качества, приготовленія и количества оныхъ. Здѣсь между прочимъ изложены правила, какими руководствоваться при леченіи дѣтей, женщинъ, особенно во время менструаціи, беременности, послѣ родовъ, кормленія грудью и климактерическихъ лѣтъ; какое вліяніе оказываютъ на дѣйствіе лекарствъ, образъ жизни, идіосинкразія, разныя состоянія атмосферы и организма. Какъ развивается дѣйствіе лекарствъ, вводимыхъ чрезъ желудокъ, прямую

кишку, слизистую плеву легкихъ, чрезъ кожу и другими путями, и какъ оно при томъ измѣняется по качеству, формѣ и количеству введеннаго лекарства; какія правила должно соблюдать при опредѣленіи пріемовъ и употребленіи лекарствъ.

7) Въ токсикологической статьѣ о вредномъ дѣйствіи лекарствъ и о ядахъ вообще, находимъ условное понятіе о ядовитомъ дѣйствіи, чѣмъ оно обнаруживается и какъ различается, проявляясь на мѣстѣ прикосновенія яда и въ отдаленныхъ органахъ.

8) Леченіе отравленныхъ: какія обстоятельства затрудняютъ распознаваніе отравленія, какъ располагается леченіе по времени проявленія припадковъ, послѣ отравленія, по главнымъ показаніямъ къ леченію, по мѣсту введенія и качеству яда. Исполненіе особенныхъ показаній, когда ядъ подѣйсттовалъ на желудокъ или прошелъ уже въ кишки. За тѣмъ различаются противуядія: испражняющія, физическія, химическія, динамическія и специфическія, общія, особенно при несовершенной опредѣлительности яда, и вычисляются специальныя отъ разныхъ отравленій. Особенное леченіе когда всосавшійся ядъ производитъ болѣзненныя перемѣны въ отдаленныхъ органахъ или оставляетъ послѣ себя хроническія болѣзни.

9) Фармакодинамическая система: она можетъ быть въ настоящее время основана лишь на сложныхъ началахъ, на главныхъ физіологическихъ и патологическихъ принадлежностяхъ организма, на физіологическихъ и терапевтическихъ свойствахъ лекарствъ. Авторъ подражая *Фохту* раздѣляетъ весь огромный запасъ матеріи медики на 3 класса, по преимущественному дѣйствію на растительную жизнь, на раздражительную и нервную системы.

Ненаходя удовлетворительными системы, основанныя на однихъ физіографическихъ, химическихъ, физіологическихъ и терапевтическихъ началахъ, представляетъ очерки системъ: Переиры, Эстерлена, Радемахера и Шульца, по которымъ можно

судить о достоинствѣ новыхъ классификацій, необходимыхъ для систематическаго изложенія науки.

Въ этихъ статьяхъ, занимающихъ 95 страницъ, находимъ въ сжатомъ видѣ, но ясно изложеннымъ, все существенное, что можно было почерпнуть изъ многихъ опытовъ, наблюденій и изслѣдованій, произведенныхъ въ послѣднее время, для возможнаго объясненія дѣйствія лекарствъ, безъ чего добросовѣстный врачь не можетъ дать себѣ удовлетворительнаго отчета при кровати больнаго, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствіе лекарствъ измѣняется отъ разныхъ условій со стороны организма и способа употребленія.

На слѣдующихъ 280 страницахъ первой части сочиненія, описаны спеціально врачебныя средства, дѣйствующія преимущественно на растительную жизнь организма. Они составляютъ первый классъ по системѣ автора, въ которомъ 2 разряда и 4 отдѣленія опредѣлены преимущественнымъ и различнымъ дѣйствіемъ на пластику или выдѣлительные органы. Въ первомъ отдѣленіи разсматриваются вообще діэтетическія или питательныя и мягчительныя средства; принадлежащія къ сему отдѣленію животныя и растительныя вещества, физико-химическія и врачебныя ихъ свойства; діэты: растительная, молочная, животная, голодная, сухая или арабская, потомъ описываются: 1) вода съ указаніемъ физіологической потребности ея; дѣйствіе большаго количества воды, холодной и теплой; внутреннее и наружное употребленіе. 2) Въ статьѣ о студенистыхъ и мясныхъ средствахъ, приведены достопримѣчательные опыты *Бомона* о времени, потребномъ для варенія въ желудкѣ разныхъ яствъ; описано врачебное употребленіе студени, сыраго мяса, осмазома, рыбьяго клея, протеина и другихъ.

Въ слѣдующихъ отдѣлахъ о мучнистыхъ, слизистыхъ, бѣлковинныхъ, жирныхъ и сахарныхъ средствахъ, встрѣчаемъ между прочимъ замѣчательное объясненіе, какъ измѣняются крахмалъ и сахаръ отъ органическихъ влагъ; какъ условливается питательность и указаніе настоящаго врачебнаго употреб-

ленія этихъ веществъ, которыми весьма часто преодолѣваются важнѣйшія и опасныя болѣзни; какъ примѣняются фармакодинамическія свойства разныхъ жировъ, молока, воска, сахара, плауннаго семени, моркови, глицерина и прочихъ, къ различнымъ патологическимъ состояніямъ, какъ эти индеферентныя средства могутъ сдѣлаться вредными, все это подтверждено новѣйшими наблюденіями и изслѣдованіями.

Второе отдѣленіе составляютъ пряности (Aromata), или тѣ эфирно-масляныя и смолистыя вещества, которыхъ дѣйствіе преимущественно устремляется на органы пищеваренія и усвоенія. Изложивъ общія свойства ихъ, полезныя и вредныя дѣйствія и опыты берлинскаго ученаго *Мичерлиха* съ эфирными маслами надъ животными произведенные, авторъ раздѣляетъ пряныя средства на 7 статей и описываетъ подробнѣе составныя части и употребленіе: кубебъ, корицы, шафрана, мускатнаго орѣха, горчицы, чеснока; при многихъ другихъ изложены обстоятельно, особенныя отношенія оныхъ къ груднымъ, мочевымъ, половымъ и другимъ органамъ, при болѣзненномъ состояніи которыхъ, эти вещества, становятся врачебными средствами.

Въ третьемъ отдѣленіи, съ одинаковою ясностію и отчетливостію, описаны тѣ бальзамическія и смолистыя лекарства, которыя кромѣ общаго дѣйствія, оказываютъ явственно особенное вліяніе на кровяныя, слизистыя, серозныя и гнойныя выдѣленія, оживляютъ животныя ткани и связь оныхъ, а потому и употребляются при различныхъ патологическихъ состояніяхъ, преимущественно секреціонныхъ органовъ. Довольно точно показаны вообще случаи и способы употребленія бальзамическихъ средствъ, а также главныя между ними различія. Здѣсь ассафетида представляетъ рѣзкое различіе между физіологическими и терапевтическими своими дѣйствіями, видно какъ отличаются по дѣйствію: галбанъ, аммоніякъ, смирна и другія бальзамическія камеди; подробнѣе объяснены свойства и употребленіе перувіанскаго и копайскаго бальзама; терпентиннаго масла, дегтя и дегтярной воды; видно также, какъ дѣйствуютъ и чѣмъ

различаются: сажа, нефть, масло каменнаго угля, нафталинъ, можжевельникъ и другія бальсамическія средства.

Самое обширное четвертое отдѣленіе, занявшее 176 страницъ книги, объемлетъ разрѣшающія и острыя средства, растительныя, животныя и минеральныя, и въ этомъ отдѣленіи авторъ по принятому имъ методу, объяснивши съ равною отчетливостію общее значеніе, главныя составныя части, показанія къ употребленію, различія между этими средствами, равно тѣ перемѣны, которыя они производятъ въ организмѣ въ малыхъ и большихъ пріемахъ, объясняетъ также въ прибавочныхъ статьяхъ многосложное дѣйствіе слабительныхъ и рвотныхъ лекарствъ.

Изъ числа растительныхъ и животныхъ веществъ подробнѣе описаны свойства и различное употребленіе: ялапы, колоцинтовъ, элатерія, кротонова и клещевиннаго масла, александрійскаго листа, крушины, Spinae cervinae, кантаридъ и кантаридина; муравьевъ, жира трески, арники, сарсапарели, цитманнова отвара и многихъ другихъ. Здѣсь же показаны разныя народныя средства отъ водобоязни и рака. Изъ ряда минеральныхъ, металлическихъ, іодобромовыхъ, щелочныхъ и сѣрныхъ средствъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ ртутныя лекарства, въ немъ изложены всѣ явленія, сопровождающія леченіе ртутью, изображено полезное и вредное дѣйстіе ея, выставлены общія показанія и противупоказанія къ употребленію. Для точнѣйшаго изученія, всѣ ртутные препараты раздѣлены на 6 статей, въ коихъ подробнѣе описывается достоинство ртутной сѣрой мази, каломеля, сулемы, красной окиси и іодистой ртути; прочіе же разсмотрѣны сравнительно съ болѣе употребительными.

Слѣдуетъ правильно выраженная характеристика сурьмяныхъ средствъ вообще, и подробно объясняются свойства сурьмяной рвотной соли, ея многоразличное употребленіе; вездѣ показаны пособія, необходимыя при враждебныхъ и ядовитыхъ дѣйствіяхъ этихъ героическихъ средствъ.

Анализируя статью о хромѣ, золотѣ, платинѣ, іодѣ и бромѣ, видно въ чемъ сходствуютъ и сколько различаются эти средства отъ ртутныхъ и сурьмяныхъ и въ какихъ случаяхъ врачъ долженъ предпочитать ихъ ртутнымъ.

Въ изложеніи щелочныхъ средствъ: кали, натра, литины, буры, мыла, магнезіи, извести и барія, сходствующихъ по своему дѣйствію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ препаратами ртути, подробно объяснилъ авторъ то различіе, которое зависитъ отъ химическихъ качествъ; онъ на особенныхъ фармакодинамическихъ свойствахъ извѣсти, основываетъ отличное дѣйствіе вѣнскаго тѣста; равно и хлористаго кальція. Не упущены изъ виду и новыя пріобрѣтенія фармакологіи, принадлежащія къ категоріи щелочныхъ средствъ, каковы суть: Carbonas Lythiae, anthraco-kali, fuligo-kali, lac magnesiae, syrupus calcariae и phosphas calcariae, но они отмѣчены вопросительнымъ знакомъ, потому, что наука еще неимѣетъ достаточнаго количества вѣрныхъ фактовъ, для подтвержденія особеннаго дѣйствія, приписываемаго этимъ средствамъ.

Сѣрными средствами оканчивается первая часть фармакодинамики; въ изложеніи ихъ авторъ, къ общепринятымъ давноизвѣстнымъ свѣденіямъ, присовокупилъ результаты испытаній, произведенныхъ чистою сѣрою и сѣрными печенями надъ животными, а также не опустилъ и сѣрныхъ минеральныхъ водъ.

—

Вторая часть Фармакодинамики начинается такъ же, какъ и первая: предисловіемъ, въ которомъ Академикъ Горяниновъ высказалъ вкратцѣ свои ученыя убѣжденія, подкрѣпляя ихъ многозначительными изрѣченіями латинскихъ классиковъ.

Эта часть книги занимаетъ всего 552 и XVI страницъ; въ ней описаны 2-й и 3-й классы лекарствъ, дѣйствующихъ преимущественно на раздражительную или нервную системы.

Первый разрядъ 2-го класса составляютъ прохлаждающія соли и холодъ; здѣсь изъ области новѣйшаго прогресса фарма-

кодинамики показано: въ какомъ видѣ соли проходятъ чрезъ кровь; какъ выдѣляются изъ организма; физіологическіе опыты надъ животными и людьми, съ селитрою произведенные. При сѣрнокислыхъ соляхъ упомянуто о Карлсбатскихъ и горькихъ минеральныхъ водахъ; присоединены новыя наблюденія надъ фосфорокислымъ амміакомъ. Гораздо подробнѣе изложено все, что относится до фармакодинамическихъ качествъ поваренной соли, нашатыря, лимоннокислой магнезіи и прочихъ солей; присоединены также краткія замѣчанія объ алоксанѣ и пепсинѣ, открытыхъ новѣйшею химіею, съ присовокупленіемъ животныхъ веществъ, древними употребляемыхъ. Любознательный и трудолюбивый авторъ, отыскивающій цѣлебные алмазы въ старомъ и новомъ ученомъ хламѣ, имѣлъ столько терпѣнія, что непреминулъ заглянуть въ сочиненіе подъ замысловатымъ заглавіемъ: «Paullini's heilsame Dreckapotheke, изданное въ 1699 году.

Въ статьѣ о холодѣ приведены опыты: Дюмериля, Демаркайя надъ измѣненіемъ температуры при введеніи разныхъ лекарствъ въ организмъ — различены мѣстныя и отдаленныя дѣйствія холода, разные виды терапевтическаго употребленія онаго, методическое леченіе холодомъ, леченіе скарлатины въ Александровской сыпной больницѣ.

Второй разрядъ составляютъ: кислоты, хлористыя, углистыя лекарства и кислородъ. Къ фармакодинамикѣ кислотъ присоединены токсикологическіе опыты Гертвига и Мичерлиха. При царской водкѣ кромѣ ваннъ, употребляемыхъ въ хроническихъ страданіяхъ печени, описаны такъ же Сибирка, Воронежскій элексиръ и другіе составы. При углекислотѣ сказано и все необходимое о углекислыхъ минеральныхъ водахъ. Отчетливо объяснены врачебныя и ядовитыя свойства щавельной кислоты, а въ статьѣ о кислосладкихъ плодахъ, незабыто и леченіе виноградомъ.

Послѣ изложенія физическихъ и химическихъ качествъ хлора, авторъ говоритъ о врачебномъ употребленіи этого газа, о

хлорной водѣ, хлорныхъ куреніяхъ Гютона Морво, о противугнилостномъ, антиміязматическомъ и врачебномъ употребленіи хлористой извести, о бараковой и жавеловой водахъ, такъ же de Chlorate potassae et sodae. За обсужденіемъ врачебныхъ свойствъ древеснаго угля, слѣдуетъ употребленіе его въ разныхъ болѣзняхъ, особенно въ эпидемической холерѣ; животный уголь примѣненный къ противуядіямъ по Garrody, жженая магнезія по Вейзе.

Въ третьемъ разрядѣ описаны тоническія или укрѣпляющія средства вообще, опредѣленіе ихъ, главныя составныя части, дѣйствіе и употребленіе; они подраздѣлены на лѣтучія, горькія, вяжущія и желѣзныя. Въ первомъ отдѣленіи описаны составныя части разныхъ видовъ хинной коры, ея терапевтическое дѣйствіе; опыты и наблюденія разныхъ Врачей надъ дѣйствіемъ содержимыхъ въ ней алкалоидовъ et Acidi cinchotanici, подробно описаны болѣзни, въ которыхъ они употребляются.

Описаны и исчислены многіе препараты хинина, цинхонина, хиноидина, съ присоединеніемъ хинидина и псевдо-хинина, разныхъ другихъ препаратовъ хинной коры, а въ прибавленіи, исчислены многіе суррогаты этой коры и алколоидовъ ея; подробнѣе описаны Tinctura antifebrilis Warburgi et Rieglеri.

Въ числѣ слѣдующихъ лѣтуче-тоническихъ средствъ, особенно отличаются статьи: о кофѣ, сыромъ и жженномъ, о ромашкѣ, хмѣлѣ, гуако и другихъ растеніяхъ.

Во 2-мъ отдѣленіи описаны удовлетворительно полезныя и вредныя свойства тоническихъ горечей (quassia, gentiana, carduus, benedictus etc.) слизисто-горькихъ (Colomba, Simaruba, Lichen Islandicus etc.); сообщены надлежащія понятія о горькихъ, разрѣшающихъ средствахъ: здѣсь подробно описаны свойства и употребленіе сабура, ревеня, берберина, бычачьей желчи, сообразно новымъ изслѣдованіямъ et natri choleinici, — radix taraxaci, со включеніемъ Curae maialis et Clysmatum visceralium; присоединены sem. card. mariani (по Радемахеру) и подобныя средства.

Въ статьѣ о пряно-горькихъ, отлично обработана противуглистная терапія и описаны: употребленіе Semenis cinoe, сантонина, разныхъ artemisiarum, корня папоротника, граната, florum Brayerae, cortex Musennae, spigeliarum etc.

Въ 3-мъ отдѣленіи тоническихъ средствъ описаны вяжущія лекарства, разные виды таннина, физіологическіе опыты Мичерлиха и друг., дѣйствіе вяжущихъ средствъ вообще и употребленіе. Они подраздѣляются на чистыя, горькія, разрѣшающія, пряныя, кисловатыя, квасцовыя и свинцовыя. Въ числѣ многихъ вяжущихъ, подробнѣе описаны: acidum gallotannium, gallae quercinae, Cortex quercus, Catechu, R. Ratanhae, Glandes quercinae, Cortex Salicis, Osmunda regalis, Uvae ursi, Leonurus lanatus, Juglans regia, Radix Lapathi, Monesia, Guarana, китайскій чай и суррогаты его, folia Matico, Glomeres Cynosbati (по Радемахеру) Liquor coriario quercinus etc. Надлежащимъ образомъ описаны глинистыя лекарства; химико-динамическое дѣйствіе и употребленіе квасцовъ основано на опытахъ Орфилы, Мичерлиха. Отлично обработана статья о свинцѣ касательно физико-динамическихъ, терапевтическихъ и токсикологическихъ свойствъ этаго металла; Acetas, Jodetum, Chloretum, Nitras, Tannas plumbi и разныя наружныя свинцовыя лекарства обсуждены удовлетворительно.

Статья о желѣзѣ занимаетъ 24 страницы; описавъ физико-химическія свойства желѣза, химическія отношенія желѣзныхъ лекарствъ и ядовъ, къ органическимъ влагамъ и тканямъ, опыты Орфилы, Мичерлиха, Андраля, Гаварре и другихъ, также разныя мнѣнія о способѣ дѣйствія желѣза на организмъ, не совершенно согласныя съ мнѣніями практиковъ, авторъ излагаетъ фармакодинамику желѣза и обстоятельно описываетъ, при какихъ болѣзненныхъ состояніяхъ желѣзные средства могутъ быть полезны или вредны (contraindicationes). Правильное расположеніе многочисленныхъ препаратовъ желѣза облегчаетъ сужденіе объ относительномъ достоинствѣ ихъ; подробнѣе описаны: Hydras ferricus siccus et aquosus (antidot. arsenici), Acetas, Citras

ferricus, Carbonas et sulphas ferrosus, разные виды хлористаго, іодистаго, бромистаго, синеродистаго, сѣрнистаго желѣза (разныя противуядія мышьяка); представленъ и довольно полный очеркъ желѣзныхъ минеральныхъ водъ, разные виды употребленія ихъ и пр.

Въ оригинальной статьѣ о марганцѣ, находимъ физико-химическія свойства мангана, исторію 50-ти лѣтняго употребленія марганцовыхъ лекарствъ, пренебреженныхъ въ фармакологіяхъ, хотя Гюнефельдъ, Ганнонъ, Мартинъ-Лозеръ, Петркенъ, и другіе обращали на нихъ вниманіе врачей; авторъ основываетъ фармакодинамику марганца и показываетъ, какіе препараты болѣе испытаны съ приложеніемъ рецептовъ, полагаясь на опыты и наблюденія упомянутыхъ врачей. Сказанное вообще о летучевозбуждающихъ средствахъ, объясняетъ удовлетворительно, съ помощію физіологическихъ опытовъ и наблюденій, фармакодинамику ихъ и терапевтическое употребленіе. Вводныя статьи объ анастезіи, атмидіатрикѣ, тинктурахъ, и консервахъ свѣжихъ растеній, указываютъ на новые способы употребленія лекарствъ. Этотъ разрядъ составляютъ Excitantia aethereo-oleosa, spirituosa et aetherea, теплота (и жаръ). Показавъ физико-химическія качества разныхъ эфирныхъ маслъ и предѣлы перваго отдѣленія возбуждающихъ средствъ, авторъ описываетъ камфору на 10-ти страницахъ, говоритъ о многихъ физіологическихъ опытахъ, произведенныхъ Тидеманномъ, Гмелиномъ, Мажанди, Гертвигомъ, Виборгомъ, Орфилою, Пуркинье, Ергомъ и другими; основываетъ на нихъ и терапевтическія наблюденія, врачебную и токсическую силу камфоры и терапевтическое употребленіе ея. Затѣмъ описаны дву-трехъ — хлористый и двухлористый уголь, oleum cajeputi, разныя растенія и аптечные составы, принадлежащіе къ этому отдѣленію.

Спиртныя и эфирныя лекарства описаны, сообразно новымъ наблюденіямъ, какъ обладающія возбуждающими анестезическими и токсическими свойствами. При простомъ эфирѣ описаны явленія этеризаціи, пособія при анэстезическомъ обмираніи,

анэстезическія клистиры и опыты съ азотнымъ, уксуснымъ и разными хлорными эфирами. Хлороформъ занимаетъ 15 страницъ, на которыхъ изложена исторія этаго анэстезическаго средства, отличіе его отъ эфира, разныя мнѣнія о пользѣ и вредѣ отъ него. Примѣры вредной хлороформіи, причины и правила къ отвращенію вреда, экстрактъ изъ сочиненія Беренда 1850 г., описаны и обсуженъ случай смерти отъ хлороформа въ Страсбургѣ 1851 года, также правила предлагаемыя Боданомъ и Седилло для отвращенія смерти; далѣе сказано объ эфированіи дѣтей, роженицъ, притворныхъ больныхъ и проч. Описавъ разныя анэстезическія средства, авторъ склоненъ отдать преимущество предъ прочими бромистому этелю; іодистый этель, ацетонъ, резинеонъ, коллодіонъ и новое употребленіе маккофой смолы, заключаютъ рядъ эфирныхъ средствъ.

Указавъ на разные виды виннаго спирта, водку, сивушное масло, авторъ описываетъ подробнѣе дѣйствіе разныхъ количествъ алкоголя на организмъ, отравленіе и болѣзни причиняемыя виннымъ спиртомъ, и леченіе въ такихъ случаяхъ, фактическіе выводы Беккера, не согласные съ теоріею Либиха и терапевтическое употребленіе спиртныхъ жидкостей. Эта статья можетъ служить образцомъ для наблюденій многоразличнаго дѣйствія возбуждающихъ средствъ.

Въ правильномъ расположеніи безчисленныхъ сортовъ винограднаго вина, какъ видно, авторъ сообразовался отчасти съ Академикомъ Кеппеномъ (статья въ энциклопедическомъ Лексиконѣ); показано отличіе въ дѣйстіи вина отъ водки и примѣненія разныхъ винъ къ діэтетическому и терапевтическому употребленію.

Разные сорты пива, составъ этаго питья, часто примѣняемаго къ діэтетическому и терапевтическому употребленію, также изложенъ удовлетворительно; здѣсь прибавлены и опыты употребленія закиси азота.

Статья о теплотѣ (и жарѣ), заключающая 2-й классъ лекарствъ, занимаетъ около 14-ти страницъ; изложивъ понятіе

объ органической теплотѣ и разные способы къ возвышенію ея, представивъ различіе въ дѣйствіи сухой и влажной внѣшней теплоты, мѣстномъ и общемъ, равно и слѣдствія продолжительнаго вліянія зноя, авторъ означаетъ показанія къ употребленію теплоты и противупоказанія. Затѣмъ слѣдуетъ леченіе лучистою теплотою, особенно солнечною, разные виды прижиганія (Cauteria actualia), исторія прижиганія уха при бедренной невралгіи, употребленіе моксы, кипятка, Майорова молотка, теплыхъ плотныхъ тѣлъ и проч. Далѣе полезное и вредное вліяніе сухаго, теплаго, горячаго воздуха (опыты надъ людьми и животными), и умѣренно-теплаго южныхъ странъ. Дѣйствіе и употребленіе теплаго, влажнаго, воздуха и водянаго пара, въ русской банѣ, въ ящикѣ и проч.

Теплая и горячая вода; употребленіе внутреннее въ разныхъ ваннахъ, припаркахъ, душахъ; цѣлебныя грязи, животныя ванны, аппараты Серра и Гофмана, ванны изъ экстракта сосновыхъ иглъ, пары виннаго спирта.

Класъ III-й составляютъ нервныя лекарства, и раздѣляются на летучія, наркотическія et alterantia. Въ I-мъ разрядѣ разсматриваются полезныя и вредныя дѣйствія на органическія тѣла свѣта и темноты. Слѣдуетъ электричество занимающее 15 страницъ; указавъ на новую литературу этаго предмета терапевтической физики, на разныя видоизмѣненія проводниковъ смоляно-стекляннаго электричества, авторъ описываетъ явленія въ организмѣ, производимыя накопленнымъ электричествомъ, дѣйствіемъ молніи, разсматриваетъ электричество, какъ nervinum excitans v. sedans et resolvens, въ примѣненіи къ разнымъ болѣзнямъ и разные способы употребленія простаго электричества при леченіяхъ.

Въ статьѣ о гальваническомъ электричествѣ показаны: законъ Маріанини, Вольтовы альтернативы, дѣйствіе анода и катода на разные органы чувствъ, терапевтическое приспособленіе гальваническихъ токовъ, опыты Круселя Elutrolysis galvanocaustica etc., исторія леченія Syphilidis, разрушенія мочевыхъ кам-

ней и введенія лекарствъ посредствомъ гальванизма; сказано и о гальваническихъ цѣпочкахъ, катаплазмахъ и сему подобн.

Индукціонное электричесво посредствомъ магнито-электрическихъ и электро-магнитныхъ аппаратовъ: съ описаніемъ болѣзней, леченныхъ Кабатомъ; леченія перемежающейся лихорадки и проч., съ объясненіемъ карманныхъ приборовъ Пульвермахера и Гассенштейна.

Слѣдуетъ акупунктура и гальванопунктура, примѣняемая особенно къ леченію varicum и аневризмъ. Сказано вкратцѣ о перкинизмѣ, пространнѣе — о магнетизмѣ и месмеризмѣ (Одилъ или Одъ), и объ анэстезическомъ свойствѣ послѣдняго. Далѣе, объ употребленіи уртикаціи и живыхъ медузъ (акалефъ) при леченіяхъ.

Въ статьѣ о фосфорѣ показаны физико-химическія свойства его, врачебная и токсическая сила, терапевтическое употребленіе; особенно описано и обсужено леченіе перемежающейся лихорадки фосфоромъ.

Химико-динамическая сила аммiака приспособлена къ терапевтическому употребленію вообще и кромѣ обыкновенныхъ препаратовъ, описано употребленіе unguenti gondreti, alcoholis ammoniat. Dzondii. benzoatis, sulphatis, uratis ammoniae et guano.

За тѣмъ слѣдуютъ Radix Sumbuli, Nard. indica etc., отлично обработанная статья о мускусѣ, съ показаніемъ новыхъ физіологическихъ опытовъ и выводовъ изъ нихъ; далѣе бобровая струя, Hyraceum, Bezoar varia etc.

Inter remedia empyreumatica, съ показаніемъ многихъ продуктовъ горѣнія органическихъ тѣлъ, отличается креазотъ и прибавочная статья de Aqua Binelli et Pagliari, de nido Formicae bispinosae etc. haemostaticis.

Rad. Valerianae, съ описаніемъ составныхъ частей его и врачебнаго употребленія, chenopodia varia Melissa, Rad. Ginseng. etc. заключаютъ этотъ разрядъ врачебныхъ средствъ.

Наркотическія средства, составляющія 2-й разрядъ 3-го класса, разсматриваются вообще по дѣйствію ихъ на разныя части

нервной системы; дано опредѣленіе, объяснено различіе inter narcotica calida et frigida; по недостатку химическихъ изслѣдованій перемѣнъ въ органическихъ влагахъ при употребленіи наркотическихъ средствъ, авторъ могъ лишь предположить общую характеристику дѣйствія ихъ на кровь, нервы оксидеиціонные и выдѣлительные процессы; послѣ краткой характеристики алкалоидовъ, изчисляются наркотическіе алкалоиды и другія составныя части наркотическихъ средствъ, излагаются разныя сужденія Сиденгама, Брауна, Фогта, Собернгейма, Кристисона, Ведемейера, Мажанди и другихъ. Описаны припадки высшей степени наркотизма, вызываемые настоящими, острыми, тетаническими и кіаническими narcoticis; показано, въ чемъ состоятъ наркотическое отравленіе и причины смерти. Леченіе отравленныхъ вообще примѣнено къ разнымъ обстоятельствамъ; изложены общія показанія къ употребленію наркотическихъ средствъ, противупоказанія, практическія правила и потребность наблюдать за наркотическимъ насыщеніемъ организма. Наконецъ авторъ разсуждаетъ о причинахъ разновиднаго дѣйствія наркотическихъ средствъ, о новыхъ опытахъ Шроффа, съ белладонной, о тинктурахъ и консервахъ свѣжихъ растеній, о кислыхъ тинктурахъ Рейха, о сухихъ наркотическихъ экстрактахъ, о вдыханіи наркотическихъ средствъ; эти средства разсматриваются въ 4-хъ отдѣленіяхъ: Narcotica mera, nauseosa, tetanica et cyanica.

Опій главный представитель I-го отдѣленія, занимаетъ 14 страницъ: исчислены разные сорты его, 7 алколоидовъ и другія составныя части, съ показаніемъ количественнаго содержанія по Мульдеру и Шиндлеру. Для объясненія динамическаго дѣйствія опія, приведены результаты опытовъ Флурана, Баруэля, Фонтаны, Іог. Мюллера, Гергарда, Уильсона, Эстерлена, наблюденія надъ опіофагами, упомянуто и о Риглерѣ (die Türkei und ihre Bewohner 1851), описаны припадки скораго отравленія опіемъ и леченіе отравленныхъ, съ показаніемъ, какъ поступали при этомъ Wright, Sprangue и Corfe; отлично обработаны показанія къ терапевтическому употребленію опія, противупоказанія,

и описаны обстоятельно тѣ болезненныя состоянія, въ которыхъ внутреннее и наружное употребленіе опія (и алколоидовъ его) можетъ быть полезно. Различное употребленіе опія, и употребительные препараты его заключаютъ статью.

Слѣдуетъ описаніе морфія и солей его, отличіе въ дѣйствіи ихъ отъ опія, наблюденія Труссо и Пиду; болѣзни, въ которыхъ морфій предпочитается опію. Свойства и употребленіе Кодеина описаны по Кункелю, Барбьѣ и Мажанди, приведены и результаты опытовъ надъ свойствами другихъ алкалоидовъ, особенно Нарцеина по Леконту, также свойство и употребленіе маковыхъ головокъ.

Краткая исторія употребленія Гашиша (Cannabis Indica etc.), Каннабина и другихъ препаратовъ изложена сообразно новымъ наблюденіямъ. Разные сорты Лактукарія, aq. Lactuceae et Extract. Lactucae virosae описаны удовлетворительно, съ показаніемъ опытовъ Ротгаммеля, Феринга и другихъ.

Въ статьѣ о бѣленѣ приведены опыты Шнеллера надъ собою, показано какъ она и гіосціаминъ отличаются въ дѣйствіи отъ опія; вкратцѣ сказано объ употребленіи Hyoscyami albi, physaloidis etc.; de Scopolia atropoide, Anisodo lurido de Mandragora.

Белладона обработана сообразно достоинству этаго отличнаго наркотическаго средства, съ приведеніемъ собственныхъ наблюденій и физіологическихъ опытовъ Валтля, Шнеллера, Беккера и др., описано терапевтическое употребленіе ея и атропина по наблюденіямъ Бушарда, Купера; De-Stramonio и о друг. видахъ дурмана, сообщены надлежащія свѣденія, равно de Dulcamara, съ прибавленіемъ врачебнаго употребленія разныхъ породъ Solani, соланина и указаны наркотическія свойства Piscidiae Erythriniae, орѣховъ Бука, Erythroxyli Cocae etc.

Показавъ отличительныя фармакологич. и токсикологич. свойства приторныхъ и острыхъ наркотическихъ средствъ, авторъ въ оригинальной статьѣ de Digitali purpurea разсуждаетъ о многихъ химическихъ, физіологическихъ и терапевтическихъ изслѣдованіяхъ этого растенія, приводитъ новые взляды анатомовъ на нервы сердца, соглашаетъ разныя мнѣнія о фармакоди-

намикѣ наперстянки, изчисляетъ болѣзни, въ которыхъ она бываетъ полезна, описываетъ качества и употребленіе дигиталины Гомолля и Кевенна, по новымъ наблюденіямъ французскихъ врачей, упоминаетъ о растеніяхъ, въ дѣйствіи подобныхъ Digitali purpurea.

Статья о табакѣ даетъ надлежащее понятіе о разныхъ видахъ его, химическомъ составѣ, о качествѣ никотина и никотіанина, объ опытахъ Флеминка и Альберса, о врачебной и ядовитой силѣ табака, терапевтическомъ употребленіи (по Радемахеру и друг.), о табачныхъ клистирахъ, о вліяніяхъ куренія, нюханія и пребыванія на табачныхъ фабрикахъ. Слѣдуетъ статья о Лобеліяхъ и особенно о составѣ и употребленіи Lobelia inflatae.

Описывая conium maculatum, авторъ приводитъ мнѣнія Плинія, Діоскорида, наблюденія Шнеллера, Вибмера, излагаетъ подробнѣе свойства и употребленіе коніина, упоминаетъ вкратцѣ о ядовитости другихъ зонтичныхъ растеній.

Свойства аконитовъ и аконитина были, какъ видно, также предметами, за новымъ обсужденіемъ которыхъ слѣдилъ и нашъ Профессоръ. На стр. 413 — 15 описаны Rhododendron Chrysanthum et ferrugineum, Ledum palustre и другія наркотическія растенія Catalpa, Oleander, Xylosteum, Githago, Simaba Cedron etc.

Отлично обработана статья о спорыньѣ (Secale cornutum), въ которой автору слѣдовало согласить разныя мнѣнія о значеніи, химическомъ составѣ, вредныхъ и цѣлебныхъ дѣйствіяхъ этого отличнаго, но отчасти непостояннаго врачебнаго дѣятеля. Сообщивъ фармакологическія и токсикологическія свѣдѣнія о мухоморѣ европейскомъ и камчатскомъ, также о пользѣ и ядовитости другихъ грибовъ и о леченіи отравленныхъ ими, авторъ ссылается на свою монографію о грибахъ, напечатанную въ Академ. запискахъ 1848 года.

Въ III-мъ отдѣленіи Narcotica tetanica; послѣ общей характеристики ихъ, описаны обстоятельно врачебныя и токсическія свойства Nucis vomicae, и леченіе отравленныхъ ею и стрихни-

номъ, раціональное употребленіе въ параличахъ, эпидем. холерѣ по Мандту и въ другихъ болѣзняхъ. При стрихнинѣ и при каниraминѣ сообщены новѣйшія свѣденія объ этихъ алкалоидахъ, леченіе глазнаго туска, по Микелю и проч.

Въ статьѣ de Faba St. Ignatii находимъ новости, пренебреженныя въ другихъ фармакологіяхъ; сообщено вкратцѣ о разныхъ стрѣловыхъ ядахъ (Pfeilgifte), и о новыхъ опытахъ с. Cocculis indicis и съ коккулиномъ.

Въ IV-мъ отдѣленіи изложены Narcotica cyanica: здѣсь описанъ вкратцѣ синеродъ и тщательно обработана синильная кислота, сообразно важности предмета во врачебномъ и токсическомъ отношеніяхъ; подробно описаны припадки, вызываемые чрезмѣрными количествами этой кислоты и леченіе отравленныхъ, не упущенъ изъ вида и новый антидотъ Слитона; обсужено терапевтическое употребленіе. Далѣе показаны рѣзкія различія inter cyaneta et ferrocyaneta kalii et zinci, и изсчислены разные составы, мало испытанные.

Статья de lauro ceraso, о горькомъ миндалѣ, гдѣ авторъ между прочимъ обсуживаетъ леченіе перемежающихся лихорадокъ по способу Криха, свидѣтельствуютъ о современныхъ химическихъ свѣдѣніяхъ его, по этимъ предметамъ. Врачебное употребленіе вишни, черемухи, персика и т. п. заключаютъ разрядъ наркотическихъ средствъ, въ прибавленіи къ которымъ описаны вредныя свойства угольнаго чада, леченіе угорѣвшихъ, гибельное дѣйствіе освѣщательнаго газа, леченіе угольнымъ и подгазами.

Третій разрядъ нервныхъ средствъ составляютъ Nervina tonica, alterantia, antispasmodica. Здѣсь авторъ разсуждаетъ вообще о противосудорожныхъ средствахъ, о различномъ происхожденіи судорогъ и соотвѣтствующей терапіи.

Въ числѣ растительныхъ средствъ этого разряда, особенно отличается статья объ ипекакуанѣ, обработанная сообразно новымъ опытамъ Делью, наблюденіямъ Вундерлиха и др., описаны нечистый и чистый эметинъ, также artemisia vulgaris и

индиго, касательно химическихъ и врачебныхъ свойствъ этой краски. Желтый нарциссъ, фіалка, ландышь, Viscum, Paonia Scutellaria, Cyrpipedium guttatum, и проч. по сообщеннымъ свѣденіямъ, обратятъ на себя, безъ сомнѣнія, большое вниманіе практическихъ врачей.

Во 2-мъ отдѣленіи (Metallica nauseosa et antispasmodica) находимъ новыя понятія о врачебномъ употребленіи висмута: Subnitras, Valerianas et Lactas bismuthi. Отличныя свойства разныхъ цинковыхъ лекарствъ; сильнѣйшее изъ нихъ, хлористый цинкъ, есть новое пріобрѣтеніе для терапіи и хирургіи. Описано и новое употребленіе Sulphatis cadmii, также хлористаго олова и другихъ препаратовъ его; сообщены и результаты опытовъ Баруэля надъ осміевой кислотою.

Описавъ физико-химическія свойства мѣди, авторъ ссылаясь на мнѣнія, опыты, и наблюденія Орфилы, Фогта, Нейманна, Заблоцкаго, Лангенбека и др., обсуживаетъ врачебныя и ядовитыя свойства мѣди, описываетъ явленія быстраго и хроническаго отравленія ею, антидоты; вкратцѣ препараты, полезные по Радемахеру и друг.; по подробнѣе особенныя врачебныя достоинства сѣрнокислой, аммiачной мѣди и мѣднаго нашатыря.

Азотнокислое серебро — важнѣйшій предметъ нынѣшнихъ терапіи и хирургіи обратило на себя, повидимому, особенное вниманіе автора. Основываясь на наблюденіяхъ Орфилы, Ренціуса, Lohde, Ломбара, Брандеса, Крамера (Das Silber als Arzneimittel betrachtet, 1845), Дебенея и другихъ, онъ разсматриваетъ серебряную селитру, какъ превосходное лекарство во многихъ внутреннихъ и наружныхъ болѣзняхъ, исчисляемыхъ систематически, при правильномъ и не чрезмѣрно смѣломъ употребленіи его. Употребленіе Oxidi, Chloridi, Jodidi, Cyanidi, Argenti, серебряныхъ нашатыря и порошка, также описаны надлежащимъ образомъ.

Оригинально обработана и статья о мышьякѣ; на 13-ти страницахъ описаны физико-химическія свойства этого металла (арсена), нахожденіе его въ минер. водахъ, разная ядовитость со-

ставовъ его (и мышьяковыхъ красокъ). Пространнѣе описана мышьяковистая кислота: большіе пріемы, безвредные для животныхъ; разныя мнѣнія врачей о терапевтическомъ достоинствѣ мышьяка; — явленія, вызываемыя въ организмѣ разными пріемами мышьяка; три вида скораго отравленія (Перейра); наименьшее смертоносное количество; хроническое отравленіе, некропсія, пособія при скоромъ и хроническомъ отравленіяхъ. Нахожденіе мышьяка въ органич. влагахъ и тканяхъ, дѣйствіе его на нервы и проч. Правила, соблюдаемыя при леченіи мышьякомъ; разныя мышьячныя лекарства.

Въ прибавленіяхъ на стр. 497—8, IV и XVI, описаны составъ и употребленіе Sirop et Pâte de Nafé d'Arabie, леченіе скарлатины и проч. втираніями жира по Шнееману, Вальцу и другимъ; гутта-перча (произхожденіе), составъ и употребленіе Bichromatis potassae, qua antisyphiliticum, Scrophularia nodosa, qua antilyssum, Astragali varii, Carlina et Lepedium; употребительные вѣсы и мѣры; стран. 499 — 526 занимаетъ pharmacopaea supplementaria, объясняющая составъ аптечныхъ препаратовъ, не вошедшихъ въ главный текстъ книги; здѣсь между прочимъ находимъ: Aqua magnesiae bicarbon., Aqua sodae effervescens, Bisulphas potassae, causticum cosmeticum Pollau, chartae anti-reumat. et vesicatoriae variae, Dextrinum, Elixir pector. Regis Daniae (verum), Empl. antarthrit. belgolandicum, Empl. martiale, narcoticum, de vigo c. mercurio etc., Emulsio cerea et phosphorata, Essentia sarsapar. Colberti, Guttae Harlem., Linim. saponis rubefac., Nitras argento-kalicus fusus, pilulae canditae, hydragogae Janini, Piperoidum s. Zingiberin., Pulv. Carraghen composit., Serum lactis acidum, species pro fumigat. chlorata et nitrica; Syrup. bals. tolutani, Tincturae abauctorae coordinatae, Unguent. epispasticum Rizet., escharotic. Gräfei, mezerei Buchneri, Sulphuratum piceum, Vinum emeto-cathartic de le Roy etc. На послѣднихъ 25 страницахъ напечатанъ Алфавитъ латинскихъ и друг. иностран. и русскихъ названій предметовъ (болѣе 10000); также опечатки. Это послужитъ къ болѣе удобному употребленію книги.

По такому обзору предметовъ фармакодинамики Академика Горянинова, можно уже судить о богатствѣ матеріаловъ, содержащихся на 950 страницахъ книги, писанной яснымъ, опредѣлительнымъ и довольно плавнымъ слогомъ и напечатанной довольно исправно. Мы указали только на главныя врачебныя средства, описанныя въ фармокодинамикѣ Г-на Горянинова, не упоминая о многихъ новыхъ и менѣе испытанныхъ лекарствахъ, о которыхъ сообщенныя свѣдѣнія требуютъ еще повѣрки на практикѣ. Особенное достоинство этого сочиненія состоитъ въ томъ, что оно въ краткихъ выраженіяхъ выставляетъ преимущество одного средства предъ другимъ. Врачь удобно обозрѣвая всѣ свойства лекарства и способа леченія, можетъ избрать средство, болѣе соотвѣтствующее данному случаю и пріобрѣсть возможность объяснить себѣ, по чему то или другое и вновь практикомъ восхваляемое лекарство можетъ быть полезно, если дѣйствія врача должны быть раціональны, а негрубо эмпирическія. Въ періодическихъ сочиненіяхъ часто воздаются чрезмѣрныя похвалы разнымъ лекарствамъ, не всегда оправдываемыя на дѣлѣ; но Г. Горяниновъ безпристрастно излагаетъ факты, объясняющія полезныя и вредныя свойства врачебныхъ средствъ, и такъ невводитъ въ заблужденіе врача, не возбуждаетъ чрезмѣрно надеждъ на одно лекарство, но выставляетъ сравнительно достоинства многихъ средствъ и разныхъ пріемовъ ихъ, какъ требуетъ различный характеръ болѣзни.

Сравнивъ очерки новыхъ системъ матеріи медики, изложенные на стр. 82 — 96, мы можемъ отдать преимущество системѣ Г. Горянинова, подражающаго знаменитому Фогту, за неимѣніемъ болѣе совершенной въ настоящее время; нѣкоторыя средства покажутся несоотвѣтствующими заглавію отдѣленія, но это вѣроятно сдѣлано для отклоненія повтореній. Это неизбѣжно при разнообразныхъ дѣйствіяхъ разныхъ количествъ одного и того же средства. Выборъ названій изъ многихъ синонимовъ указываетъ на глубокія знанія Естествословія; въ нѣкоторыхъ нововведеніяхъ: кіанъ, аргенъ, имбибиція и сему подоби. ав-

торъ подражаетъ лишь иностраннымъ писателямъ, не искажая чрезмѣрно Русскаго языка; а обозначая болѣзни греко-латинскими словами, придаетъ болѣе точности изложеніямъ, хотя на счетъ плавности слога. Недостающія in pharmacopaea supplementaria знаки препинанія, безъ сомнѣнія, зависятъ отъ неисправности типографіи; кое-гдѣ намъ показался слогъ слишкомъ сжатымъ, мы не нашли всего, что практики утверждаютъ о гуммигутѣ и скаммоніѣ, не показано какъ употребляется extract. Cotyledonis Umbilifi, въ эпилепсіи и проч. но эти маловажные недостатки не уменьшаютъ достоинства книги, соотвѣтствующей впрочемъ всѣмъ требованіямъ практическаго врача.

Образцовые рецепты, изложенные въ текстѣ по мѣрѣ надобности и въ дополнительной фармакопеѣ послужатъ къ болѣе правильному сочиненію другихъ; часто приведенные авторитеты и цитаты удовлетворятъ желающихъ болѣе распространить свои свѣденія. Мы можемъ утверждать, что этотъ трудъ опытнаго и съ любовью занимавшагося Профессора превосходитъ новыя произведенія подобнаго рода, въ разныхъ отношеніяхъ, и составитъ необходимое и полезное руководство для практическихъ врачей.

Наконецъ рецензентъ убѣжденъ въ томъ, что разсмотрѣнное имъ сочиненіе, составляющее въ настоящее время лучшее учебное руководство по части матеріи медики, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ сціентифическимъ требованіямъ, въ 6-мъ пунктѣ X-го параграфа Положенія о Демидовскихъ наградахъ, выраженнымъ.

РАЗБОРЪ

сочинения

Г. НЕЙСА

подъ заглавиемъ:

EHSTNISCHE VOLKSLIEDER.

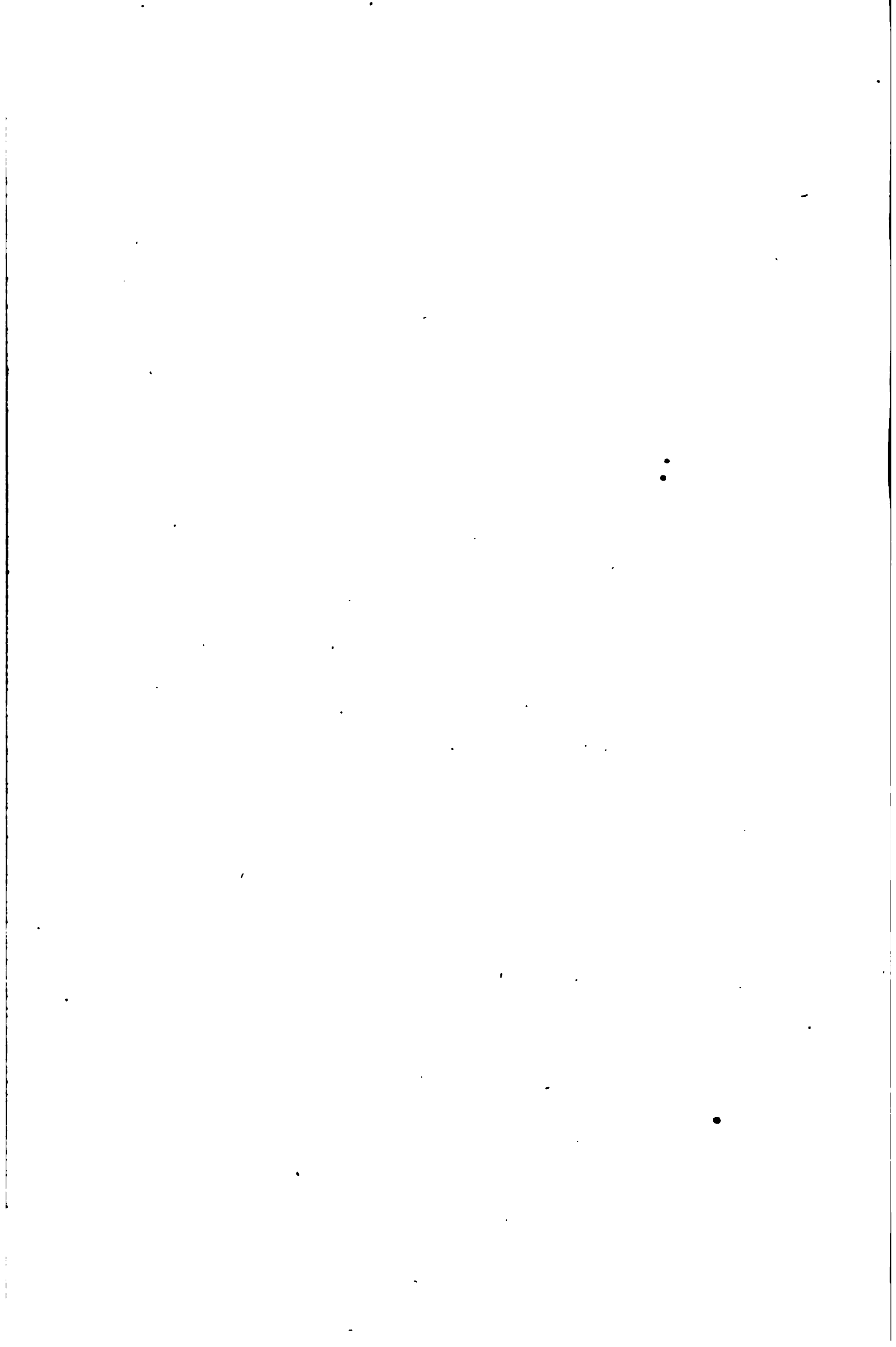
URSCHRIFT UND UEBERSETZUNG.

HERAUSGEGEBEN VON DER EHSTLÄNDISCHEN LITERARISCHEN GESELLSCHAFT.

REVAL, 1850 — 1852. 8.

составленный

Орд. Академикомъ Шегреномъ.

Излишне было бы говорить здѣсь о великой важности народныхъ пѣсень для исторіи, этнографіи и филологіи: она признана всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ, а потому собраніе, изданіе, объясненіе и сличеніе подобныхъ памятниковъ истекшихъ вѣковъ у разныхъ народовъ съ давняго времени имѣетъ почти вездѣ усердныхъ дѣятелей. Давно извѣстно, что и Эстонцы имѣютъ на своемъ языкѣ собственныя пѣсни: часть этихъ пѣсень даже напечатана; но до сихъ поръ это дѣлалось случайно; Эстонскія пѣсни разбросаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, появлявшихся отъ времени до времени съ разной цѣлію. Другая, гораздо большая, часть существовала только въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, и потому подверженныхъ утратѣ: извѣстно, что одно значительное частное собраніе Эстонскихъ пѣсень уже безвозвратно пропало. Вознаградить эту потерю новыми дополнительными собраніями народныхъ пѣсень изъ устъ народа, почти нѣтъ надежды: потому что Эстонская народная поэзія, въ своемъ прежнемъ оригинальномъ видѣ, какъ замѣчено въ самомъ началѣ введенія предлежащаго сочиненія, теперь уже клонится къ конечному упадку. Еще въ исходѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія народныя пѣснопѣнія провождали и оживляли всѣ общія полевыя работы и увеселенія Эстонцевъ; теперь они слышатся уже очень рѣдко, а во многихъ мѣстахъ страны даже совершенно замолкли.

При такихъ обстоятельствахъ Г. Нейсъ, уже прежде извѣстный своею любовію къ народнымъ древностямъ и къ стихотворству, доказанною нѣкоторыми сочиненіями по этимъ предметамъ, заслуживаетъ полную благодарность и похвалу за то, что возъимѣлъ и исполнилъ прекрасную мысль сдѣлать и издать выборъ изъ всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ, печатныхъ и непечатныхъ, Эстонскихъ народныхъ пѣсень разнаго рода, числомъ до 1300, если считать особо и всѣ варіанты одной и тойже пѣсни. Посмотримъ, какъ онъ исполнилъ свою прекрасную мысль, и вмѣстѣ представимъ общее обозрѣніе содержанія его сочиненія, посвященнаго Доктору Крейцвалду, въ знакъ благодарности за его пособія при изданіи.

Послѣ посвященія книги Крейцвалду начинается обстоятельное Введеніе, на XX страницахъ. Въ немъ издатель разсуждаетъ о свойствахъ Эстонскихъ народныхъ пѣсень въ отношеніи къ формѣ, содержанію и языку ихъ, съ указаніемъ на замѣчательную древность въ грамматическихъ формахъ и разительное ихъ сходство съ Финскимъ языкомъ. Все это предложено поучительно, умно и дѣльно, безъ чрезмѣрнаго патріотизма съ одной стороны, а съ другой съ справедливою оцѣнкою всего отличнаго и оригинальнаго въ этихъ пѣсняхъ. Далѣе издатель говоритъ объ источникахъ собранія и даетъ отчетъ въ правилахъ, которыми онъ руководствовался при своемъ выборѣ, при обращеніи съ подлинниками выбранныхъ пѣсень, при ихъ размѣщеніи и распредѣленіи на особые отдѣленія и разряды, и напослѣдокъ при переводѣ и объясненіи сообщаемыхъ пѣсень. Вотъ заглавія и число разрядовъ по всѣмъ 3-мъ отдѣленіямъ.

Отдѣленіе I. Воспоминанія изъ язычничества, стран. 1—64, 17 номеровъ, 22 піесы; заговоры и пѣсни о колдовской силѣ, стран. 65—86, № 18—27, 15 піесъ; католическія воспоминанія, стран. 87—106, № 28—33, 9 піесъ; пѣсни эпическія и историческія, стран. 107—136, № 34—41, также 9 піесъ.

Отдѣленіе II. Пѣсни элегическія, стран. 137—168, № 42—48, 19 піесъ; веселыя и печальныя пѣсни, стран. 169—192

№ 49—55, 19 піесъ; пѣсни о предметахъ природы и домашней жизни, стран. 193—238, № 56—71, 70 піесъ, изъ которыхъ послѣднія 2 заключаютъ въ себѣ апофтегмы и пословицы; пѣсни, въ которыхъ воспѣвается любовь и сватовство, стран. 239—270, № 72—83, 22 піесы; свадьба, чадолюбіе, стран. 271—302, № 84—90, 26 піесъ.

Отдѣленіе III. Военныя пѣсни, стран. 303—328, № 91—93, 5 піесъ; насмѣшливыя и шуточныя пѣсни, стран. 329—360, № 94—99, 36 піесъ; общественныя пѣсни, стран. 361—394, № 100—104, 50 піесъ; дѣтскія пѣсни, стран. 395—422, № 105—112, 34 піесы; пѣсни разнаго содержанія, стран. 423—446, № 113—119, 15 піесъ; всего 351 піеса подъ 119 или по настоящему 120 номерами.

Передъ каждымъ разрядомъ пѣсень читатель находитъ общія введенія и весьма наставительныя примѣчанія, относящіяся къ этому разряду въ сравненіи съ Финскою народною поэзіею того же рода; и предъ каждымъ номеромъ сдѣланы такія же примѣчанія, касательно его содержанія, съ указаніемъ на сходство съ подобными народными пѣснями или сказками у другихъ, сродныхъ и несродныхъ, народовъ, у которыхъ извѣстны такія пѣсни или сказки. Вообще издатель приложилъ всевозможное стараніе о разъясненіи вещественной части обнародованныхъ имъ и переведенныхъ пѣсень, и заключающихся въ нихъ представленій, вѣрованій и мыслей, при чемъ онъ обнаруживаетъ большую начитанность и знакомство съ обширною Европейскою литературою того же рода.

Не менѣе старанія и добросовѣстности является и въ той статьѣ, которая подъ заглавіемъ: Примѣчанія и исправленія (стран. 447—468), слѣдуетъ за пѣснями въ подлинникѣ и переводѣ. Статья эта начинается подробнѣйшимъ исчисленіемъ существующихъ печатныхъ и рукописныхъ собраній народныхъ пѣсень и пословицъ, съ указаніемъ, гдѣ именно и кѣмъ тѣ и другія составлены. Такія же свѣденія находятся и предъ каждымъ отдѣльнымъ номеромъ, съ указаніемъ на всѣ прежде на-

печатанные варіанты; потомъ выставляются особо и объясняются по возможности всѣ слова, которыя или сами собою или по своимъ формамъ и окончаніямъ замѣчательны по сравненіи ихъ съ нынѣшнимъ состояніемъ Эстонскаго языка. При этомъ много пользы принесло сличеніе и сравненіе съ Финскимъ, къ которому Эстонскій стихотворный языкъ по большей части близко подходитъ, такъ что чѣмъ древнѣе его отдѣльныя произведенія, тѣмъ ближе. При всемъ томъ не мудрено, если многія частныя слова и даже цѣлыя фразы въ Эстонскихъ народныхъ пѣсняхъ остались темными и переведены наугадъ; но такія слова и мѣста добросовѣстно отмѣчены вопросительнымъ знакомъ. Ко всѣмъ примѣчаніямъ приложенъ особый реэстръ (стран. 469—474), и наконецъ общій реэстръ (стран. 475—477) содержанію всей книги, которымъ и оканчивается сочиненіе.

Изъ всего сказаннаго видно, что книга Г. Нейса имѣетъ великое и неотъемлемое достоинство, особливо если смотрѣть на самое главное, то есть, на подлинныя пѣсни, какъ важные памятники народной словесности, народнаго быта и языка. Какъ издатель, Г. Нейсъ поступалъ съ знаніемъ своего дѣла, отчетливо и добросовѣстно. Сколько можно судить по источникамъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои пѣсни, сдѣланный имъ выборъ очень хорошъ и соотвѣтствуетъ цѣли собранія. Равнымъ образомъ заслуживаетъ одобреніе и тотъ порядокъ, въ которомъ онѣ расположены. Если же могли при такомъ количествѣ собраннаго матеріала и при многихъ темнотахъ не только въ отдѣльныхъ словахъ, но даже въ цѣлыхъ строфахъ и пѣсняхъ, вкрадываться нѣкоторыя частныя ошибки *): то этимъ нисколько не уменьшается его общая заслуга. Нельзя же упрекать издателя за то, что онъ вообще удержалъ правописаніе своихъ источниковъ и только тогда позволялъ себѣ отступленіе, т. е. ис-

*) Такъ напримѣръ № 32 не совсѣмъ на своемъ мѣстѣ, какъ Г. Нейсъ, теперь вѣроятно, самъ уже сознался бы послѣ изданія моего разсужденія о значеніи встрѣчающагося въ этомъ № до сихъ поръ этимологически загадочнаго Эстонскаго слова *wikkerkaar̃* о радугѣ.

правленія, когда встрѣчалъ явныя ошибки, или за то, что онъ съ осторожностію возстановлялъ господствующее пока еще старое правописаніе тамъ, гдѣ небыло никакого настоящаго, или оно оказывалось небрежнымъ и непостояннымъ. Такое дѣйствіе издателя тѣмъ болѣе неукоризненно, что толки объ этомъ господствующемъ правописаніи очень разногласны, и безъ сомнѣнія пройдетъ еще много времени, пока правописаніе можетъ быть доведено до надлежащаго совершеннаго переобразованія.

Выше мы уже сказали, что Г. Нёйсъ приложилъ всевозможное стараніе, чтобы разъяснить вещественное содержаніе помѣщенныхъ въ его антологіи пѣсень; теперь долгомъ считаемъ прибавить, что онъ въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Этого однакожъ нельзя сказать о его переводѣ. Онъ вообще незвученъ, неточенъ, и въ изяществѣ далеко не можетъ равняться съ прекраснымъ и всетаки вѣрнымъ Шведскимъ переводомъ Финской Калевалы покойнаго Кастрена. Г. Нёйсъ увѣряетъ (въ Введеніи стран. XV), что онъ заботился особенно о вѣрности перевода, и можно допустить, что онъ вообще достигъ этого, только по своему, имѣя о вѣрности свои особыя, по настоящему невѣрныя, понятія. Послушаемъ, какъ онъ самъ выражается о своихъ правилахъ въ этомъ отношеніи. Сказавъ о невозможности и неприличіи переводить Эстонскія пѣсни по образцу Нѣмецкихъ переводовъ Фосса (Voss), Лутера и Тика (Tiek), онъ продолжаетъ на стран. XVI: «Ich habe mich darauf beschränkt, so viel mir und Andern möglich, den wahren Sinn überall mit Genauigkeit wiederzugeben und zugleich Färbung und Ton eines jeden Stückes andeutend zu spiegeln. Darum schien mir unbedenklich, dichterische Ausdrücke und Wendungen, seltenere und alterthümliche Wörter und Formen mit Maass einfliessen zu lassen, freilich zuweilen auf die Gefahr hin, altfränkisch und dunkel zu werden. Nothwendiger noch dünckte mich's, den Buchstabenreim, als der ehstnischen Volksdichtung wesentlich, beizubehalten, aber auch mit der ihr eignen Freiheit, ohne peinliche Wahrung von Zahl und Stellung, zu behandeln. Darum glaubt' ich es mir erlauben

zu dürfen, ihn auch gehäuft auftreten zu lassen, wenn er sich von selbst darbot; ihn fehlen zu lassen, wenn er zu theuer gekauft worden wäre. Dieses schien mir aber nicht der Fall zu sein, wenn ich einen Begriff im Ehstnischen, der an sich gleichgültig nur durch den Reim veranlasst war, im Deutschen durch einen andern Begriff nur des Reimes willen ersetzte. So habe ich z. B. für ein braunes Pferd auch wohl ein graues, für eine Fichte auch wohl eine Birke, für sechs auch wohl fünf u. dgl. mehr sagen zu dürfen gemeint». То есть въ русскомъ переводѣ: «Я ограничился тѣмъ, что передалъ вездѣ точно, сколько мнѣ и другимъ было возможно, настоящій смыслъ и съ тѣмъ вмѣстѣ старался выразить цвѣтъ и звукъ каждой отдѣльной піесы. Потому я нарочно, впрочемъ умѣренно, допускалъ поэтическія выраженія и обороты, конечно, иногда съ опасеніемъ сдѣлаться устарѣлымъ и темнымъ. Еще нужнѣе показалось мнѣ удерживать буквальную риѳму *), но и воспользоваться ею со всею свойственною ей вольностію, безъ непремѣннаго соблюденія числа и мѣста. Потому я полагалъ, что мнѣ можно употреблять ее даже въ умноженномъ видѣ, гдѣ она представлялась мнѣ сама собою; а напротивъ упустить ее, если бъ она обошлась слишкомъ дорого. Не то дѣло, кажется, въ томъ случаѣ, когда я какое-либо понятіе Эстонскаго подлинника, само собою маловажное и производимое одною лишь риѳмою, для риѳмы же замѣнялъ другимъ Нѣмецкимъ понятіемъ. Такъ я дозволялъ себѣ вставлять напр. сѣрую лошадь вмѣсто бурой, березу вмѣсто сосны, 5 вмѣсто 6 и пр.». Конечно аллитерація въ Эстонской народной поэзіи, подобно Финской, играетъ важную роль; но отнюдь не въ той мѣрѣ, какъ полагаетъ Г. Нейсъ: для него форма, ежели не все, то по крайней мѣрѣ исключительно самое главное, до того, что и самое содержаніе должно быть подчинено ей. Само собою разумѣется, что такія понятія не могутъ быть признаны правильными и что въ крайнихъ случаяхъ даже лучше пожертвовать формою, нежели на

*) То есть: такъ называемую аллитерацію, состоящую въ томъ, что слова въ одной и той же строкѣ по возможности начинаютя одной и той же буквою.

оборотъ содержаніемъ и точностію, самымъ внутреннимъ веществомъ въ пользу наружной формы. Этимъ впрочемъ я не хотѣлъ сказать, что должно пренебрегать формою; ибо, по моему мнѣнію, обязанность хорошаго переводчика смотрѣть равномѣрно на форму и на содержаніе, чтобы по возможности точно передать ту и другую по образцу подлинника. Это, конечно, весьма трудно; но не совсѣмъ невозможно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени и приблизительно. Господинъ Нёйсъ избралъ для себя удобнѣйшій путь, предоставляя себѣ совершенный произволъ, даже иногда въ такихъ случаяхъ, гдѣ онъ не былъ къ тому вынужденъ принятыми на себя менѣе тяжкими оковами аллитераціи.

Недостатки, могущіе происходить отъ этого, онъ вздумалъ вознаградить, для лучшаго выраженія цвѣта подлинниковъ, множествомъ устарѣвшихъ и провинціальныхъ словъ, которыхъ отчасти вовсе нѣтъ не только въ обыкновенныхъ, но даже и въ полныхъ Нѣмецкихъ словаряхъ, и которыя, слѣдовательно, большей части читателей совершенно непонятны. Таковы напримѣръ: *Atzung* (стран. 130), *ätzte* (стран. 172) и *Aetzerin* (стран. 300), *Bühel* (стран. 134), *Nesteln* (стран. 286) и *Nestelnackendohle* (стран. 243), *firn* (стран. 286), *pfetzten* (стран. 130), *Ranft* (стран. 344 и 435 со слѣд.), *Asch* и *Branke* (стран. 445), *Hafen* въ смыслѣ *посуды* (стран. 130), *Selde* (стран. 438), *Matte* въ смыслѣ *луга* (стран. 189 и 218), *Dung* (стран. 255), *Windeständer* (стран. 21), *Blott* (стран. 236), *quästet sich* (стран. 276), *erbidmeten* (стран. 270), *heimsen* (стран. 350), *Bühne* о перекладинахъ въ овинахъ (тамже), *Stärke* (стран. 232), *Imme* (стран. 390), *Fant* (стран. 257), *Holm* (стран. 367), *Tümpel* (стран. 67), *Himte* (стран. 422) и тѣмъ подобныя. Многія изъ нихъ встрѣчаются весьма часто, какъ напр. *Stadel* (стран. 11, 14, 53, 300), *Rune* о лошадяхъ (стран. 372, 420, 432), *Friedel* (стран. 188, 246, 342, 384), *wälschen* (стран. 180, 275, 371 и 433), а особливо *Hag* объ *изгородѣ* или *плетнѣ* (стран. 20, 144, 146, 149 слѣд., 166, 376, 390 слѣд. 404) и *Ahle* о *пивѣ* (стран. 8, 19, 119, 121, 123, 287, 373,

376 слѣд. 383 и 448). Въ случаяхъ метрической нужды *Manne* (стран. 18, 306 и 407), *Fraue* (стран. 94), *Glücke* (стран. 95), *Herre* (стран. 219 и 359), *geflinke* (стран. 283), *Adeler* (стран. 313) и *Monde* (стран. 449) должны заступить мѣсто правильныхъ и обыкновенныхъ: *Mann*, *Frau*, *Glück*, *Herr*, *flinke*, *Adler* и *Mond*, тогда какъ напротивъ на стран. 354 читаемъ: «*Spätzchen rannt' um's Recht Riga*» вмѣсто: *Spätzchen rannt' um's Recht nach Riga* и на стран. 386: «*habe Gänsekindlein waschen*» (другіе писали бы по крайней мѣрѣ *habe Gänsekindlein g'waschen*). Отъ всего этого переводъ вышелъ вообще неудачный и во многомъ, даже безъ всякаго сравненія съ подлинниками, непріятенъ и даже противенъ.

Намъ остается еще нѣсколько разсмотрѣть и спеціальный филологическій Комментарій, заключающійся, какъ сказано выше, въ особой статьѣ подъ заглавіемъ: Примѣчанія и исправленія, наконцѣ книги. Этотъ Комментарій обнаруживаетъ другую слабую сторону труда Г. Нёйса, которая, естественно, не могла оставаться безъ вліянія и на самый переводъ, изобилующій многими теперь уже чуждыми формами и словами, такъ что нельзя было перевести такія слова и мѣста иначе, какъ наугадъ, при чемъ однако жъ странно, что одно такое слово (*marga*) сперва (на стран. 21) передано *Bach*, а потомъ (на стран. 25 и слѣдд.) *Weiten*, то и другое впрочемъ — для аллитераціи! Для открытія смысла и объясненія формъ, переводчику, какъ замѣчено также выше, много помогъ Финскій языкъ, на который онъ потому справедливо весьма часто указываетъ; но, къ сожалѣнію, его свѣденія въ Финскомъ языкѣ недостаточны, отъ того что не основаны на глубочайшихъ въ немъ ученыхъ упражненіяхъ. Противъ Финскаго языка Эстонскій нынѣ уже слишкомъ изуродованъ и формы его уже слишкомъ переиначены, чтобы можно было черезъ одно поверхностное сличеніе всегда вѣрно понимать взаимныя отношенія обоихъ языковъ. Для доказательства сказаннаго просмотримъ еще первыя 2 страницы (448 и 449) Примѣчаній, обнимающія первые 3 номера собранія пѣсень.

1, 10. Не *salaan* соотвѣтствуетъ Эстонскому *sallaja* въ Финскомъ языкѣ, а *salaa.*

2, 7. Какимъ образомъ «*Karre rauad*» въ исправленномъ здѣсь переводѣ можетъ быть точнѣе «*Griff des Eisens*», я не могъ понять.

3, A. 16. Эст. *kolmi* сличается съ Финск. *kolmiä (kolmii);* но *kolmiä* вовсе не Финская форма. По тому согласію между гласными, о которомъ говорится напрасно въ началѣ слѣдующей страницы 449 при *helledaste,* должно быть непремѣнно *kolmia.* — Въ этомъ *helledaste* Г. Нёйсъ полагаетъ, что оно вмѣсто *helledasta* и что конечное *e*, можетъ быть, слѣдъ упомянутаго согласія между гласными; но *helledaste* такое же нарѣчіе, какъ въ предъидущемъ стихѣ *pallawaste*, и *e* слѣдовательно не что иное, какъ весьма обыкновенное (и въ другихъ языкахъ) искаженіе изъ Финскаго *i.*

66. Совершенно справедливо *honeessa* выдается за мѣстный падежъ; но прибавленное замѣчаніе, будто этотъ падежъ здѣсь поставленъ вмѣсто падежа вступительнаго, столь же неправильно, какъ и самый переводъ: «*in das Haus hinein vom Hofe*». По предъидущему стиху, Салме закричала изъ кладовой, и таже мысль заключается въ словѣ *honeessa*, по обыкновенному параллелисму въ мысляхъ, столь же свойственному Чудскому стихотворству, какъ и аллитерація. И такъ переводъ долженъ бы быть по настоящему: *über'n Hof hinein im Hause* (ср. также стран. 10, 13 — 14).

Объясненіе словъ *raudesse süddame* слишкомъ коротко, тѣмъ болѣе, что ссылка на стран. *72* (для сравненія) ошибочна, вѣроятно по какой-либо опечаткѣ, равно какъ предъ самыми словами *raudesse süddame* напечатано *85* вмѣсто 78, 2-мя строками ниже *B. 12* вмѣсто *B. 23*, еще дальше подъ С. въ означеніи стиховъ 77 вмѣсто *75* и *80* вмѣсто *81*, а на предъидущей стран. 448 въ строкѣ 14 съ верху: *30 ff.* вмѣсто *50 ff.*

Въ примѣчаніи къ *B. 22* говорится о *накопленныхъ суффиксахъ* въ словахъ *päwaleni*, *pöllejeni* и *rüppejeni.* Это напрасно и неправильно, тѣмъ болѣе, что по крайней мѣрѣ одна изъ

здѣсь помѣщенныхъ народныхъ пѣсень, а именно № 47. А 13—14 (стран. 162) въ *kuuldakseni* и *nähjakseni* представляетъ еще явные настоящіе суффиксы, каковыми призналъ ихъ и самъ Г. Нейсъ въ примѣчаніяхъ къ этимъ стихамъ (стран. 458 ср. стран. 457. 41. 1.). Въ слѣдствіе такого открытія, естественно рождается вопросъ, не принимать ли также окончаніе *na* въ *aidastana* (А 13 и 65, стран. 10 и 12), въ *nurgastana* (В 58, стран. 15), въ *rinnassana* и *kaelassana* (73. 6 f. стран. 243) и даже въ *ouestana* (В 79, стран. 16), не за суффиксъ бытнаго падежа (Essivus), какъ господинъ Нейсъ, опять съ неумѣстнымъ выраженіемъ, принимаетъ, или за эвфоническую прибавку, какъ онъ же, хотя съ меньшей вѣроятностію, кажется, намекаетъ, если я хорошо понимаю его ссылку на Тьеллгрена Grundzüge der finnischen Sprache S. 51, но за точно такіе же, хотя меньше явные, суффиксы для 3-го лица (сокращенные изъ Финскихъ *aitastansa, nurkastansa, rinnassansa, kaulassansa, ovestansa)*, каковы вышеупомянутые *kuuldakseni* и *nähjakseni* для 1-го лица? *Мое* предположеніе, кажется, тѣмъ вѣроятнѣе, что по крайней мѣрѣ въ 49. 9 и 11 (стран. 171) *kasassana* и *hölmassana* не могутъ быть приняты ни за бытные падежи, ни за эвфоническіе прибавки, что впрочемъ *na* во многихъ другихъ мѣстахъ (напр. въ 3 В. 48 и 60, стран. 15, въ *römullana)*, а скорѣе можно принять за настоящіе суффиксы 3-го лица, соотвѣтствующіе Финскимъ словамъ *kanssansa* (не *kansassa*, какъ у Нейса въ его примѣчаніи къ первому слову на стран. 458) и *helmassansa*. Самъ Нейсъ переводитъ, какъ и нельзя не перевесть, *kasassana* «*mit sich*» (*съ собою*); также *hölmassana* надобно непремѣнно переводить точнѣе и по настоящему: *in seinem Schoosse*. Но возвратимся къ словамъ *päiwaleni*, *pöllejeni* и *rüppejeni*, чтобы предложить вопросъ: не почитать ли и въ нихъ окончаніе *ni* за чистый суффиксъ не только для 1-го лица, какъ оно было съ начала и нынѣ еще есть въ *päiwaleni*, но въ слѣдствіе позднѣйшаго развитія, т. е. по настоящему, изуродованія языка, когда такіе суффиксы уже начали было изчезать изъ него, для всѣхъ 3-хъ лицъ вообще, подобно со-

отвѣтствующему русскому притяжательному мѣстоименію *свой* и латышскому *saws*? Подобное явленіе представляется еще и въ C 88 f. и 95. 97 (стран.20), гдѣ можно почитать *ni* въ *issani* и *emmani* за суффиксъ 2-го лица (скорѣе нежели полагать *i* произшедшимъ изъ *e*, принимая оба слова за уменьшительныя, см. стран. 449), а въ *sanijeni* и *körwajeni* за суффиксы 3-го лица или 1-го и 3-го. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ окончаніе *ni* въ концѣ словъ *päwaleni*, *põllejeni* и *rüppejeni* означаетъ совсѣмъ другое, нежели предъидущіе слоги *le* и *je*, которые самимъ Г. Нёйсомъ въ другихъ мѣстахъ справедливо выдаются за падежныя окончанія (см. стран. 451 подъ 11, 23, стран. 458 51. A. 11 и стран. 460, 69. 9).

Къ 3 *B*. 64 замѣчено, что *ta'ad* въ рукописи неясно и можно читать *ta'nd* = *tahhand;* но это предложеніе неумѣстно. Ибо изъ *tahha* въ предъидущемъ стихѣ 62 видно, что *ta'ad* въ 64, хотя и не ясно писано, все таки совершенно правильно.

Стольже явно въ C *1 f. m* въ *tantsiyem* и *sölkugem*, а равнымъ образомъ и въ (*D 1 f.* стран. 20 f.) *weregem, hakkagem* и *jättagem*, сокращеніе финскаго полнѣйшаго окончанія — *mme*, и не было никакой причины о томъ сомнѣваться, особливо когда въ утвержденіе въ D. послѣ послѣднихъ словъ еще слѣдуетъ *hoidageme* и сверхъ того также въ рукописи, по показанію самого Г. Нёйса, сперва было *weregeme*, въ которомъ какой-нибудь нынѣшній критикъ вычеркнулъ окончательное *e*.

Въ *C* 3 *endisella* было бы стольже разительно и неудобопонятно какъ фактическое *endiselle*.

Въ стихѣ 4 слово *hobbose* не можетъ быть управляемо словомъ *kutsarilla* въ слѣдующемъ стихѣ 5, какъ Г. Нёйсъ полагаетъ; но, или выпало здѣсь, какъ и въ слѣдующихъ параллельныхъ мѣстахъ: 22 f., 38 f. и 52 f., вездѣ *l* (ср. A 11 f. 21 f. 39 f., гдѣ читается вездѣ правильнѣе *wiekümmenel hobbosel, kuekümmenel kutsarilla*), или же должно дополнить первый стихъ частицею *ga* (*wiekümmene hobbosega*), а потомъ перемѣнить и другой на *kuekümmene kutsariga*, если не на *kuekümmenel kutsarilla*.

И то и другое средство можетъ показаться насильственнымъ; но иначе нѣтъ возможности помочь этому, явно испорченному, мѣсту.

Мы ограничимся этими немпогими замѣчаніями для доказательства того, что и филологическій Комментарій Г. Нѣйса, имѣетъ свои недостатки и несовершенства. Не смотря на нихъ и на неудачность перевода, я считаю долгомъ обратить вниманіе Академіи на важность и богатство матеріаловъ для исторіи и филологіи, которые Авторъ, при извѣстномъ его слабомъ зрѣніи, съ благороднѣйшимъ прилежаніемъ и трудомъ, открылъ здѣсь ученому свѣту, и осмѣливаюсь рекомендовать его сочиненіе снисходительности Академіи для присужденія поощрительной Демидовской награды, если нынѣшній конкурсъ то дозволяетъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Старшихъ учителей при Ревельской Гимназіи и тамошнемъ же благородномъ училищѣ

ВИДЕМАНА и ВЕБЕРА,

подъ заглавіемъ:

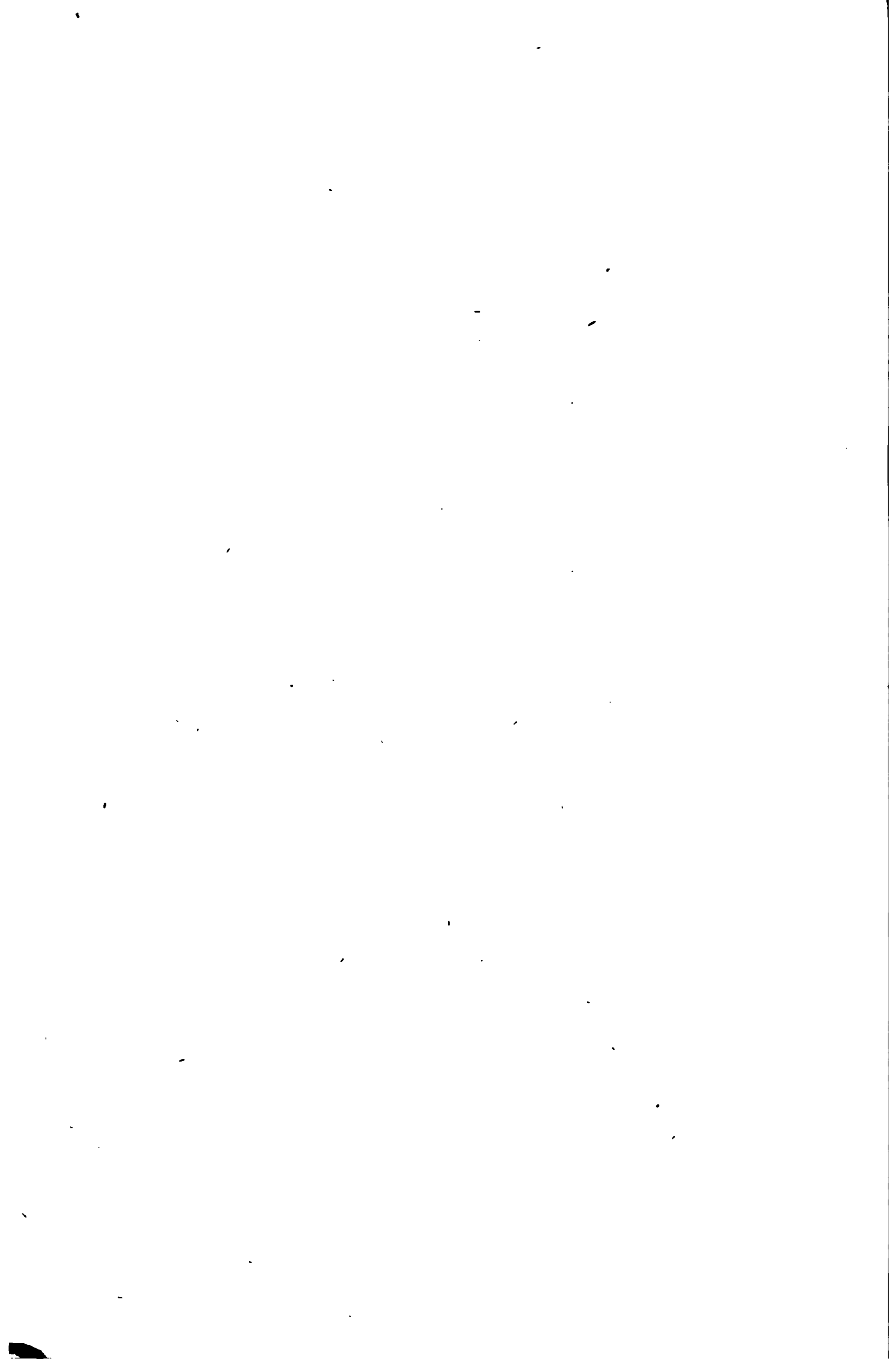
BESCHREIBUNG DER PHANEROGAMISCHEN GEWÄCHSE ESTH-, LIV- UND CURLANDS,

MIT MÖGLICHST GENAUER ANGABE DER FUNDORTE UND DER GEOGRAPHISCHEN VERBREITUNG, NEBST ANDEUTUNG ÜBER DEN GEBRAUCH IN MEDICINISCHER, TECHNISCHER UND ÖKONOMISCHER BEZIEHUNG.

Reval 1852. 8.

составленный

Академикомъ **Рупрехтомъ.**

Въ жизни каждаго образованнаго, благоустроеннаго государства, въ которомъ подъ благодатною сѣнью мира начинаютъ процвѣтать науки и художества, бываетъ такой періодъ, въ который точнѣйшее познаніе самой страны, физическаго ея свойства и естественныхъ произведеній составляетъ предметъ заботливости туземныхъ ученыхъ.

Въ остзейскихъ провинціяхъ, подъ каковымъ именемъ обыкновенно разумѣютъ Эстляндію, Лифляндію и Курляндію, изслѣдованіе туземныхъ произведеній растительнаго царства вошло гораздо позже въ кругъ занятій людей спеціальныхъ, чѣмъ въ сосѣдственныхъ странахъ, напр. въ Польшѣ, Финляндіи и даже Ингерманландіи.

Изложивъ здѣсь хронологическій обзоръ трудовъ по части флоры остзейскаго края, котораго мы не нашли въ сочиненіи Гг. Видемана и Вебера, мы тѣмъ самымъ яснѣе опредѣлимъ и то положеніе, которое новѣйшій трудъ занимаетъ въ этой области.

Первая попытка къ обработкѣ Лифляндской флоры сдѣлана была И. Б. Фишеромъ, въ вышедшемъ въ Лейпцигѣ въ 1778 году, Versuch einer Naturgeschichte von Livland, извлеченіе изъ котораго уже прежде было напечатано въ Hupel's topographische Nachrichten von Livland (II, 428—544). Самъ Гупель интересовался одними только красильными туземными растеніями и помѣстилъ объ нихъ статью въ 39-мъ томѣ трудовъ С. Петербург-

скаго Вольнаго Экономическаго Общества. Въ 1784 году, въ Ригѣ появились дополненія Фишера къ выше сказанному его сочиненію, вмѣстѣ съ нѣкоторыми примѣчаніями къ физической географіи Курляндіи Профессора Физики въ Митавѣ И. И. Фербера. Эта первая попытка по видимому встрѣтила большое одобреніе, ибо уже въ 1791 году въ Кенигсбергѣ вышло 2-е пополненное и исправленное изданіе Фишеровой Естественной исторіи, то самое, которое и по нынѣ еще можно встрѣтить довольно часто. Фишеръ показываетъ въ Лифляндіи уже 649 породъ явнобрачныхъ и 139 тайнобрачныхъ, изъ числа которыхъ однакоже многія оказались ошибочными и въ такомъ видѣ, безъ дальнѣйшей критики, вмѣстѣ въ другими пополненіями, перешли въ 4-ый и 5-ый томы J. G. Georgi, Beschreibung des Russischen Reiches (1800). Нѣсколько тщательнѣе обработанная, хотя также искаженная нѣкоторыми грубыми промахами флора остзейскихъ провинцій, издана была въ 1803 году въ Ригѣ ученикомъ Батша (Batsch) Г. Гринделемъ, тамошнимъ аптекаремъ, а въ послѣдствіи ректоромъ Дерптскаго университета, подъ заглавіемъ: Botanisches Taschenbuch für Liv- Cur- und Ehstland (sic!); она заключаетъ въ себѣ довольно растеній, которыхъ дотолѣ еще не знали въ этихъ провинціяхъ; но къ сожалѣнію Гриндель часто не съ такою точностію какъ Фишеръ показываетъ спеціальныя мѣсто-нахожденія болѣе рѣдкихъ растеній. Два года спустя (1805) послѣ этого сочиненія, явились какъ дополненія къ нему: перечень Курляндскихъ растеній, въ изданномъ Профессоромъ И. Г. Грошке сочиненіи Beschreibung der Provinz Curland; далѣе В. Х. Фрибе, Oekonomisch-technische Flora für Livland, Esthland und Curland, и роспись разныхъ собранныхъ въ Эстляндіи растеній Дерптскаго Проф. Германна (Germann) въ соч. Гоппе (Hoppe) Neu. botan. Taschenbuch. Также слѣдуетъ здѣсь упомянуть о сочиненіи О Ф. фонъ-Пистолькорса (Pistohlkors) Verzeichniss der Holzarten Livlands, помѣщенномъ въ XVII томѣ Nord. Miscellaneen. Нѣсколько лѣтъ спустя Э. В. Дрюмпельманнъ, въ Ригѣ, возъимѣлъ мысль обработать флору Лифляндіи, съ приложеніемъ рисунковъ

и описаній и въ 1809 и 1810 годахъ вышли первые 10 выпусковъ in folio, каждый съ 5-ью раскрашенными рисунками; но при тогдашнихъ политическихъ бѣдствіяхъ, а вѣроятно и по недостатку въ надлежащей поддержкѣ, это предпріятіе, стоившее автору большихъ издержекъ, было оставлено. Какъ о неизвѣстной еще библіографической рѣдкости упомянемъ, что отдѣльно отъ этого самого сочиненія издана была въ Ригѣ 1811 г. одна тетрадь, заключающая въ себѣ изображенія и описанія 15-ти породъ кормовыхъ злаковъ, подъ заглавіемъ: Beschreibung und Abbildung der vorzüglichsten und nützlichsten wildwachsenden Futtergräser in L. E. und Curland. Къ этому же времени относится также трудъ одного изъ нашихъ Членовъ-Корреспондентовъ Г. Вейнманна, подъ заглавіемъ: Der botanische Garten der Universität Dorpat im J. 1810, въ которомъ исчислены также дикорастущія растенія изъ окрестностей Дерпта. Но еще раньше (1807) въ Дерптѣ изданъ былъ каталогъ того же самаго сада, составленный Профессоромъ Г. А. Германномъ, съ присовокупленіемъ разныхъ замѣтокъ о болѣе рѣдкихъ дикихъ растеніяхъ Лифляндіи и Эстляндіи. Въ 1817 году Графъ де Брэ (de Bray), въ 3-емъ томѣ своего изданнаго въ Дерптѣ Essai critique sur l'histoire de Livonie помѣстилъ статьи о флорѣ этой провинціи частію на основаніи собственныхъ наблюденій, а частію по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Ледебуромъ и Парротомъ младшимъ; онъ же (Графъ де Брэ) прочелъ въ публичномъ засѣданіи Курляндскаго Общества словесности и изящныхъ искусствъ 1820 года, очеркъ растительности Лифляндіи, который 2 года спустя былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ трудовъ этого Общества; нѣсколько другихъ меньшихъ статей того же автора о Лифляндскихъ растеніяхъ разсѣяно въ запискахъ Регенсбургскаго Ботаническаго Общества. Островъ Эзель столь благопріятный для растительности по своему положенію еще не былъ предметомъ точныхъ розысканій. Не прежде какъ въ 1823 году вышли въ Ригѣ die topographischen Nachrichten von J. W. L. Luce, (также подъ заглавіемъ: Prodromus Florae Osiliensis); дополненія

къ этому сочиненію вышли въ Ревелѣ 1829 г. Къ сожалѣнію Люце небылъ знатокъ своего предмета, такъ что эти извѣстія по причинѣ множества въ нихъ невѣрностей вовсе потеряли свою цѣну и подали поводъ ко второму описанію этого острова, составленному I. Іонсономъ (Johnson), въ трудахъ Императорскаго Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества 1850, въ которыхъ помѣщенъ также перечень растеній, найденныхъ тамъ авторомъ, вмѣстѣ съ Г. Профессоромъ Шиховскимъ. Въ послѣдствіи Профессоръ Шиховскій, вторично тамъ ботанизировалъ и открылъ нѣсколько довольно интересныхъ, дотолѣ не замѣченныхъ въ Остзейскихъ провинціяхъ растеній, какъ то: Ruppia rostellata Koch, Najas intermedia Wolfg., Charabaltica Fries, экземпляры которыхъ сообщилъ и въ Ботаническій музеумъ Имп. Акад. Наукъ. Далѣе сдѣлались извѣстными нѣкоторыя замѣчанія Андр. фонъ Лёвиса о прежнемъ распространеніи въ Лифляндіи и Эстляндіи дубовъ и о развитіи другихъ растеній, въ зависимости отъ климата Лифляндіи, первыя въ Дерптѣ 1824, а послѣднія въ 3-мъ томѣ Neu. oeconom. Repertor. für Livland. Большое вниманіе на Курляндскую флору обратилъ I. Г. Флейшеръ въ Митавѣ; статьи его можно найти въ выходившемъ тамъ журналѣ: Die Quatember за 1829 и 1830 годы и въ 1-мъ томѣ Бюллетеня Московскаго Общества Естествоиспытателей (1829); въ послѣднемъ помѣщенъ полный перечень новыхъ, имъ самимъ найденныхъ и прежде извѣстныхъ явнобрачныхъ растеній, который онъ вскорѣ потомъ издалъ въ Митавѣ литографированнымъ сочиненіемъ — тутъ впервые попадаются латышскія и эстонскія народныя названія растеній. Болѣе подробную Остзейскую флору Флейшера издалъ по смерти его въ 1839 году Э. Линдеманнъ, учитель Митавской Гимназіи. Также сынъ послѣдняго въ 1847 году описалъ нѣсколько высшихъ тайнобрачныхъ растеній (Equiseta, Хвощи) флоры Остзейскихъ провинцій. Еще слѣдуетъ привести здѣсь диссертацію Траутфеттера о Лифляндскихъ породахъ ивы, напечатанную въ 8-мъ томѣ Mémoires de la Société des naturalistes de Moscou и Flora Rossica Ледебура, бывшаго, какъ

извѣстно, долгое время Профессоромъ Ботаники въ Дерптѣ и включившаго въ это сочиненіе свои наблюденія по части флоры Остзейскихъ провинцій, не считая разныхъ другихъ сочиненій болѣе общаго содержанія о смежныхъ странахъ, съ отдѣльными замѣтками о растеніяхъ прибалтійскихъ губерній, какъ то: Эйзенгардта: Диссертація о прусскихъ растеніяхъ (1823), въ которой встрѣчаются сообщенія Г-на фонъ Бера.

Кромѣ того по примѣру Рейхенбаха, Фриса и другихъ, Г. Профессоръ Бунге въ Дерптѣ, при содѣйствіи большей части друзей туземной флоры, издаетъ общедоступныя сушеныя коллекціи, уже содержащія въ себѣ значительное число (600) породъ, гдѣ слѣдовательно самый предметъ предлагается наглядно и обыкновенно болѣе поучительнымъ образомъ, нежели то возможно въ печатныхъ сочиненіяхъ. Подобное предпріятіе уже за долго передъ тѣмъ было начато Линдеманномъ. Эти два травника находятся въ рукахъ многихъ, интересующихся Остзейскою флорою. Также въ Академіи имѣются эти гербаріи Бунге и присланный въ 1833 г. Линдеманномъ травникъ состоящій изъ 330 породъ Курляндскихъ растеній. Изъ объявленія въ газетѣ: Inland 1852 № 51 видно, что подобные гербаріи изъ 200 обыкновеннѣйшихъ растеній, (а въ слѣдствіи особаго требованія еще 3-ья и 4-ая сотни), составленныя Г. Видеманномъ, можно выписать чрезъ книгопродавцевъ Клуге и Штремъ въ Ревелѣ (Kluge und Ströhm).

Въ новѣйшее время, учрежденіе въ Ригѣ общества естествоиспытателей, не мало способствовало къ точнѣйшему изслѣдованію страны, и множество относящихся къ флорѣ ея статей свидѣтельствуютъ объ усердіи членовъ этого общества къ достиженію предположенной ими цѣли. Признакомъ пробудившагося къ этому предмету участія можетъ служить и то, что предлежащее сочиненіе Гг. Видеманна и Вебера было принято съ одобреніемъ какъ своевременное явленіе и неоднократно было обсуждено въ современныхъ изданіяхъ, что однако же не должно имѣть никакого вліянія на наше собственное объ немъ сужденіе.

Флора Гг. Видеманна и Вебера раздѣляется на двѣ части: одна, общая, въ 126 страницъ, а другая, въ пятеро болѣе, специальная.

Общая часть подраздѣляется на 6 отдѣловъ. Въ 1-омъ говорится о физическихъ отношеніяхъ описываемой страны, а именно о ея положеніи, величинѣ, отношеніяхъ и видахъ почвы. Эта глава, какъ указываютъ сами авторы, большею частію заимствована изъ новѣйшаго сочиненія Ратлефа (Rathlef) и изъ Траутфеттерова обзора растительно-географическихъ отношеній Европейской Россіи, съ присовокупленіемъ впрочемъ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ взглядовъ и выводовъ. Слѣдующая затѣмъ глава климатологическаго и метеорологическаго содержанія, обработана на основаніи существующихъ по этому предмету источниковъ, при содѣйствіи агронома Бауманна и ограничивается только самыми необходимыми свѣдѣніями. Потомъ слѣдуетъ исчисленіе обыкновеннѣйшихъ, воздѣлываемыхъ въ большомъ видѣ растеній, какъ живое выраженіе климата.

Второй отдѣлъ посвященъ обзору флоры по естественнымъ семействамъ. Это распредѣленіе, равно какъ и характеристику самихъ семействъ, авторы главнѣйше почерпнули изъ извѣстнаго сочиненія Коха о флорѣ Германіи. Этотъ отдѣлъ составляетъ какъ бы ключь къ естественной системѣ, ибо авторы въ пользу начинающихъ учиться ботаникѣ, расположили специальную часть по Линнеевой системѣ, чего собственно говоря, нельзя не одобрить, потому что мѣстная флора никогда не можетъ дать полнаго воззрѣнія на естественную систему. Въ каждомъ семействѣ роды (genera) приведены поимянно, а виды (species) только числительно.

Въ третьемъ отдѣлѣ мы находимъ обзоръ обыкновенно попадающихся растеній по ихъ мѣстонахожденію и времени цвѣтенія въ томъ самомъ видѣ, какъ въ Богенгардовой флорѣ окрестностей города Іены. Эта глава обработана съ особеннымъ тщаніемъ, снабжена такъ называемымъ календаремъ растеній за каждые два мѣсяца и представляетъ хорошій очеркъ физіогноміи

флоры, а не характера ея; два понятія, которыхъ не должно смѣшивать между собою, потому что характеръ флоры опредѣляется только болѣе рѣдкими и въ особенности свойственными странѣ или недалеко распространенными породами. Въ этомъ отдѣлѣ весьма кстати опущены рѣдко попадающіеся виды растеній, изъ нихъ спеціально указаны только рѣдкія растенія морскихъ прибрежій. Въ числѣ отдѣльныхъ мѣстностей мы однако же не нашли самого моря, въ описаніи котораго слѣдовало бы обратить вниманіе не столько на тайнобрачныя (Characeae и Phyceae), сколько на явнобрачные роды: Zostera, Ruppia, Zannichellia, Najas, и гдѣ кромѣ Potamogeton marinus вѣроятно водится также Potamogeton zosteraceus Fries, потому что онъ на противу лежащихъ островахъ Абовскаго архипелага, образуетъ собою цѣлые подводные луга.

Четвертый отдѣлъ относится къ географіи растеній или къ изслѣдованіямъ о характеристическихъ растеніяхъ цѣлой области флоры или отдѣльныхъ ея частей, чего мы не встрѣчали ни въ одномъ изъ прежнихъ ботаническихъ сочиненій объ Остзейскихъ провинціяхъ и авторы безспорно пополнили ею важный недостатокъ, хотя результаты ихъ конечно со временемъ примутъ другой видъ, какъ то иначе и быть не можетъ. Сперва вмѣстѣ сличены между собою, растенія Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи и для каждой изъ этихъ трехъ областей показаны особенныя имъ свойственныя породы, а потомъ еще точнѣе отдѣльно разсмотрѣны Эзель, Даго и окрестные мелкіе острова.

По вычисленіямъ авторовъ:

Эстляндіи исключительно свойственны только 12 породъ *).
Эзелю съ островами . . . . 18 »

*) т. е. Cerastium alpinum, Saxifraga controversa, Senecio campestris, Cornus suecica, Erica Tetralix (Hapsal), Verbascum collinum. Существованія Luzula albida и Hypericum humifusum авторы не подтвердили экземплярами. Alopecurus nigricans Willd. также растетъ въ Лифляндіи близъ Пернова, Stellaria longifolia въ Лифляндіи не рѣдко попадается. Carex vaginata во 2-ой сотнѣ у Бунге подъ ложнымъ именемъ C. panicea L. доставлена изъ Дерпта. Также Salix bicolor вѣроятно растетъ въ Лифляндіи.

Лифляндіи и Эзелю вмѣстѣ (но не Эстляндіи
и Курляндіи) . . . . 11 породъ.
Лифляндіи на материкѣ . . . . 54 » **).
Курляндіи . . . . 56 »

И того . . . . 151 порода.

Остальная же часть, т. е. около 900 породъ чаще попадаются (по крайней мѣрѣ въ 2-хъ провинціяхъ), а около 700 изъ нихъ равномѣрно распредѣлены во всѣхъ трехъ губерніяхъ. Вмѣсто политическаго раздѣленія этихъ трехъ Губерній естественнѣе было бы принять за основаніе силюрійскую систему съ девонскою известью или безъ нея; а равнымъ образомъ вовсе отдѣлить береговую полосу всѣхъ трехъ губерній. За симъ авторы сравниваютъ свою флору съ Германскою по числу породъ отдѣльныхъ семействъ, раздѣляя ихъ на относительный итогъ явнобрачныхъ, — выкладки весьма трудныя часто въ дробяхъ съ 5-ю десятичными. Такія статистическія розысканія въ новѣйшее время вошли въ употребленіе, но сомнительно, чтобы онѣ въ такомъ огромномъ масштабѣ были дѣйствительно полезны; особенно если вычисляемая растительная область не принадлежитъ къ наиболѣе извѣстнымъ, ибо въ противномъ случаѣ эти вычисленія обращаются въ пустую математическую игрушку. Достаточно выбрать для сличенія и вычисленія тѣ только семейства, которыя отличаются богатствомъ своихъ видовъ. Въ странахъ Европы, лежащихъ болѣе къ сѣверу, вообще замѣтно преобладаніе односѣменодольныхъ и сравнительно менѣе находится двусѣменодольныхъ. Смотря съ этой точки зрѣнія, изъ приведенныхъ авторами вычисленій оказывается, что въ Остзейскихъ провинціяхъ сравнительно меньше растеній изъ семействъ Compositae, Cruciferae, Saxifrageae, Papilionaceae, Umbelliferae и т. д., чѣмъ въ Германіи, а больше Gramineae, Cyperaceae, Orchideae. На нѣкоторыя изъ этихъ семействъ, какъ то Saxifrageae и Or-

**) Ошибкою напечатано 58. Въ томъ числѣ кажется включено много недостовѣрныхъ показаній; также число характеристическихъ растеній для Курляндіи слишкомъ высоко.

chideae оказываютъ вліяніе мѣстныя обстоятельства, на пр. недостатокъ горъ, появленіе извести. Кохъ, въ свою флору Германіи ввелъ нѣкоторыя страны, какъ то Адріатическое прибрежіе, прибрежіе, принадлежащее къ средиземной флорѣ, долины южнаго Тироля, и нѣкоторыя страны Швейцаріи, которыхъ растительность имѣетъ совершенно особенный характеръ. — Замѣтимъ, что авторы разбираемаго сочиненія, принявъ это въ соображеніе, при сравненіи Остзейской флоры съ флорою Германіи, исключили изъ вычисленій Коха, Адріатическое прибрежіе и всю Швейцарію.

Наконецъ въ этомъ же отдѣлѣ разбирается также отношеніе къ сосѣдственнымъ флорамъ. Авторы изъ имѣющихся на лице источниковъ, старались опредѣлить какихъ растеній флоръ: Пруссіи, Литвы, С. Петербурга и Финляндіи, недостаетъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, или по крайней мѣрѣ какія тамъ еще неоткрыты. Безъ сомнѣнія это сравненіе весьма полезно, потому что такимъ образомъ всего скорѣе можно будетъ достигнуть предполагаемой цѣли и открыть эти растенія, но изъ этого оказываются особенности только сосѣднихъ флоръ, а не характеристика флоры Остзейскихъ провинцій. Для достиженія послѣдней цѣли, авторы ссылаются на спеціальную часть ихъ сочиненія, гдѣ при каждой породѣ, по образцу Прусской флоры, принятъ весьма остроумный, а притомъ очень легкій и удобопонятный знакъ. Не излишнимъ было бы однакожъ и въ общей части сообщить короткій обзоръ, тѣмъ болѣе, что изъ него только можно усмотрѣть характеръ мѣстной флоры, который именно старались изучить авторы. — Область Пруссію авторы приняли какъ западную сосѣдственную флору, хотя лучше было бы причислить ее къ южной т. е. Литовской, между тѣмъ какъ остр. Готландъ съ противулежащимъ Шведскимъ берегомъ слѣдовало бы разсматривать какъ западную флору, потому что эта часть Швеціи кромѣ силюрійской системы имѣетъ еще многія характеристическія растенія, общія съ силюрійскою частію Остзейскихъ провинцій и притомъ море не составляетъ прегра-

ды. Авторы нашли, что въ Пруссіи и Литвѣ имѣется 267 породъ, недостающихъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, а напротивъ того на сѣверовостокѣ и сѣверѣ, а именно въ Петербургѣ и въ южной Финляндіи только 96. Послѣднее число мы считаемъ высокимъ и можемъ смѣло уменьшить его одною третью; *) а дру-

---

*) Rumex conglomeratus Murr. (Nemolapathum Ehrh.) не растетъ около С. Петербурга и мы не знаемъ откуда авторы взяли это показаніе.

Salix grandifolia Ser., Cuscuta Epithymum Sm., Silaus pratensis Besser., Chenopodium ficifolium Sm., Barbarea praecox R. Br. были правда показываемы въ Петербургскихъ флорахъ, но, какъ уже было замѣчено въ Diatr. Petr., вѣроятно только по недоразумѣнію.

Sonchus maritimus, Viola montana и Valeriana sambucifolia въ С. Петербургѣ являются только какъ видоизмѣненія Sonchus arvensis L., V. canina Auct. и V. officinalis L.

Potentilla salisburgensis Haenke тоже что и P. verna въ флорѣ авторовъ и настоящая P. verna L. и Wahlenberg, но отнюдь не P. verna средне-европейской флоры; о тожественности P. aurea L. съ P. salisburgensis нельзя и говорить: авторы не поняли приведеннаго ими мѣста. Arabis sagittata Fl. Petr. какъ извѣстно уже прежде признана за A. Gerardi Besser et Koch (A. stenopetala Willd.). Sherardia arvensis L. въ Петербургѣ уже лѣтъ за сто перевелась. Phlomis tuberosa L. едва ли попадается въ Петербургѣ дикорастущею, а равно и Myrrhis odorata. Lathyrus pisiformis L. сообщенъ въ 6-ой сотнѣ растеній Бунге, и также не принадлежитъ сюда.

Что же касается до Quercus sessiliflora, то всѣ дубы въ окрестности С. Петербурга или посажены или какъ дикорастущіе подвержены сомнѣнію. На Карельскомъ перешейкѣ, къ сѣверу отъ Невы всѣ по видимому дикіе дубы постепенно исчезаютъ, мѣстами видны слѣды значительныхъ деревъ. Несомнѣнно дикіе дубы находятся въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ къ сторонѣ Копорья, но образуютъ по большей части кустарники; однако въ пустынныхъ лѣсахъ на Долгомъ Носу есть довольно, хотя и не очень высокихъ, но крѣпкихъ деревьевъ. Плоды и листья ихъ даже на опытнаго ботаника наводятъ нѣкоторое недоумѣніе касательно существованія двухъ породъ, которыхъ Линней и нѣкоторые изъ новѣйшихъ ботаниковъ не признаютъ, между тѣмъ какъ онѣ въ болѣе южныхъ странахъ все явственнѣе различаются.

И для Финляндіи авторами приведено много лишняго. Dianthus alpinus L. не растетъ не только въ Финляндіи но и во всей Скандинавіи и въ Россійской Имперіи; относительно Gentiana obtusifolia Willd., Hieracium rigidum Hartm. и boreale Fries, Carex atrata L. и saxatilis Scop. или еще не имѣется вѣрныхъ данныхъ, или онѣ не могутъ быть отнесены къ южной Финляндіи. Не имѣя случая ознакомиться ни съ однимъ изъ многочисленныхъ сочиненій о финляндской флорѣ въ подлинникѣ, ни съ тамошними травниками, авторы опираются на письменные, мало достовѣрные источники. Thalictrum kemense Fries, Eriophorum Scheuchzeri Hoppe, Tussilago frigida L. и eradiata Wahlbg. (послѣдняя есть только видоизмѣненіе T. frigida), Carex tenuiflora Wahlbg. попадаются только въ сѣверной и С. В. Финляндіи. Также нѣтъ

гую треть, какъ полагаютъ и сами авторы, можно найти, познакомившись ближе съ флорою Остзейскаго края.

Общая часть или введеніе оканчивается изложеніемъ употребленія туземныхъ растеній, по руководству Лейниса (Leunis), Окена, Гёфле (Höfle) и Лангеталя. Конечно недостаетъ мѣстныхъ, простонародныхъ примѣненій, а впрочемъ эта статья хорошо раздѣлена и очень полезна для учащагося, а не менѣе того и слѣдующее за тѣмъ руководство къ опредѣленію растеній, сокращенная терминологія, которая однако по недостатку Латинскихъ техническихъ терминовъ во многихъ мѣстахъ только достаточна для того, чтобы пользоваться книгою Гг. авторовъ. — Ко всему этому еще слѣдуетъ присовокупить (что впрочемъ не обозначено на заглавномъ листѣ) 4 чертежа съ 100 фигуръ, весьма отчетливо сдѣланныхъ.

Специальная часть состоитъ изъ систематическаго исчисленія и описанія туземныхъ явнобрачныхъ, по порядку Линнеевой системы и занимаетъ собою большую часть книги, — 616 страницъ, а вмѣстѣ съ реэстромъ Нѣмецкихъ и Латинскихъ именъ 658 страницъ; отъ чего авторы не приложили также алфавитнаго указателя эстонскихъ простонародныхъ названій? Кромѣ весьма неполнаго словаря Люце (Luce), едва ли есть для нихъ отдѣльный словарь, какъ напримѣръ для Русскихъ именъ растеній. Реэстръ Эстонскихъ наименованій, но не алфавитный, что во многихъ случаяхъ необходимо, а въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и у авторовъ, т. е. по Линнеевой системѣ, составилъ

въ южной Финляндіи: Saxifraga caespitosa и Hierochloa australis, - онѣ показываются не прежде, какъ на остр. Валаамѣ. (H. australis впрочемъ найдена въ Кардисѣ и помѣщена въ центуріяхъ Бунге), Oxytropis campestris DC. (вѣроятнѣе O. sordida Pers.), появляется за предѣлами южной Финляндіи, не прежде какъ въ Нислотѣ. Orchis curvifolia Nyl. не достаточно отличается отъ Orchis maculata L. Archangelica littoralis изъ Финляндіи не отличается отъ Archangelica officinalis Петербургской и Остзейской Флоры; хотя это растеніе, въ Петербургѣ, любитъ болѣе приморскія мѣста, однако же находится и внутри страны. Здѣсь нужно еще упомянуть и о Cerastium glomeratum Thuill., какъ о растеніи до сихъ поръ неизвѣстномъ въ Остзейскихъ провинціяхъ, которое найдено Г. К. И Максимовичемъ у озера Пейпуса.

уже Флейшеръ въ 1830 году. Но судя по тѣмъ доказательствамъ, какія уже явилъ одинъ изъ Гг. авторовъ, на полѣ лингвистическаго знанія, Эстонскія имена растеній въ разбираемомъ нами сочиненіи, по видимому показаны гораздо вѣрнѣе, чѣмъ у Флейшера, и эта часть стало быть заслуживаетъ особеннаго уваженія. Г. Видеманнъ уже извѣстенъ Академіи двумя рукописными Грамматиками: Черемисскаго и Вотяцкаго языковъ, которыя въ 1845 и 1849 годахъ были удостоены каждая половинной Демидовской преміи, и сверхъ того автору даны были средства для изданія ихъ въ свѣтъ.

На счетъ Латышскихъ названій растеній, авторы просятъ у знатоковъ этого языка снисхожденія въ томъ, что эти имена не могли быть напечатаны Латышскимъ шрифтомъ и, въ слѣдствіе поздняго полученія достаточно вѣрнаго ихъ реэстра, большею частію помѣщены уже въ дополненіи. Желательно, чтобы къ простонароднымъ именамъ растеній, сообщаемымъ на мало извѣстныхъ языкахъ, всегда прилагаемъ былъ буквальный переводъ на какой либо общеупотребительный языкъ; тогда съ перваго взгляда было бы ясно, какое понятіе соединяетъ народъ съ извѣстнымъ именемъ, и заимствовано ли оно съ соотвѣтствующаго ему ученаго названія или переведено съ какого нибудь другаго живаго языка. Любопытно было бы въ настоящемъ случаѣ узнать, въ какой именно степени Эстонскія имена согласуются съ финскими, — задача, которой не могутъ безукоризненно разрѣшить отдѣльно ни Ботаникъ, ни Филологъ, а только оба вмѣстѣ. Тоже самое относится также къ объясненію техническихъ Латинскихъ и Греческихъ наименованій, которыя съ общаго согласія приняты Ботаниками всѣхъ націй. Здѣсь чисто-филологическое объясненіе играетъ второстепенную роль и достаточно развѣ только для придуманныхъ въ новѣйшее время названій. Очень многія имена родовъ Европейскихъ растеній произошли въ средніе вѣка и нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются даже у Римскихъ и Греческихъ писателей. И такъ здѣсь должны предшествовать тщательныя историко-ботаническія розы-

сканія, потому что встрѣчаются такіе случаи, къ надлежащему разъясненію которыхъ недостаточно филологическаго изслѣдованія. Это окажется изъ нѣкоторыхъ наудачу взятыхъ нами изъ разбираемой книги примѣровъ. Такъ напр. у авторовъ сказано:

1) «Dianthus отъ δῖος божественный и ἄνθος цвѣтокъ, или отъ διανθής сильно цвѣтущій?« — О послѣднемъ объясненіи и думать нечего. Нынѣшній родъ Dianthus введенъ Линнеемъ, который именно замѣчаетъ, что составилъ это слово для благозвучія изъ приведеннаго Каспаромъ Баугиномъ (Bauhinus) имени Diosanthos даннаго Ангвилларою (Anguillara), а Ангвиллара говоритъ только о διός ἄνθος Теофраста Эрезія (Theophrastus Eresius), которое въ слѣдствіе толкованій среднихъ вѣковъ обратилось въ нынѣшнее Lychnis Flos Jovis.

2) «Chelidonium отъ χελιδών ласточка, потому что это растеніе распускаетъ свои листья съ появленіемъ ласточекъ, а увядаетъ съ ихъ удаленіемъ». — Но въ южной Европѣ это растеніе остается зеленымъ всю зиму. Діоскоридъ же различаетъ двѣ породы χελιδόνιον — большую и малую. Большая порода т. е. нынѣшнее наше Chelidonium majus, — цвѣтетъ до поздней осени и цвѣтки его легко переносятъ даже небольшіе морозы. Малая же есть наша Ficaria, всѣмъ извѣстное весеннее растеніе, которое здѣсь цвѣтетъ уже въ исходѣ Апрѣля и въ Маѣ, но съ наступленіемъ большаго лѣтняго зноя исчезаетъ. Стоитъ только примѣнить это короткое время произрастанія и время перелета ласточекъ къ Греціи, чтобы удостовѣриться въ томъ, что сказанное объясненіе относится къ растенію Ficaria и что уже *Плиній* и *Діоскоридъ*, у которыхъ заимствовано это толкованіе или были введены въ заблужденіе другими, или не сдѣлавъ надлежащаго различія между большою и малою породою Chelidonium, сами подали поводъ къ этому недоразумѣнію.

3) «*Corydalis* отъ κορυδαλός жаворонокъ, указывая тѣмъ на время цвѣтенія, совпадающее съ первымъ пѣніемъ жаворонка.» Это конечно справедливо въ отношеніи къ нашей Corydalis bulbosa и сроднымъ съ нею породамъ, но эти виды были неиз-

вѣстны древнимъ Грекамъ. У Теофраста и Діоскорида это имя не встрѣчается, а впервые встрѣчается у Галена (Galenus), для растенія впрочемъ не точно описаннаго. Можетъ быть Corydalis Маттіоли (Matthiolus) и Камераріа (Camerarius), которое есть навѣрно Corydalis lutea, и есть растеніе Галена. Но это растеніе начинаетъ цвѣсти долгое время спустя, послѣ перваго пѣнія жаворонковъ. Первое объясненіе этого слова далъ Лобель (Lobel) въ 1576 году, основываясь на сходствѣ этого цвѣтка съ небольшою птицею изъ породы жаворонковъ.

4) «Lepidium отъ λεπίδιον щитокъ, по виду плодовъ». — У Грековъ маленькій, легкій щитъ назывался πέλτη, а большой тяжелый ἀσπίς и θυρεός. Этого однако же не имѣли въ виду при названіи Lepidium и λεπίδιον ни Плиній, ни Діоскоридъ, Греки же означали этимъ именемъ растеніе съ ѣдкимъ сокомъ (Lepidium latifolium, какъ утверждаетъ Сибторпъ (Sibthorp)), которое сгоняетъ съ лица перхоть (λεπίδας) и пятна.

5) «Actaea, вѣроятно отъ ακταῖος прибрежный, относя это названіе къ тѣнистому, по большей части влажному мѣстонахожденію растенія». — Это объясненіе названія Actaea было бы очень удачно, но надобно принять въ соображеніе, что ἀκτῆ, ἀκτέα древнихъ Грековъ вовсе не то растеніе, которое Линней впервые назвалъ Actaea spicata и которое въ Греціи почти вовсе ненаходится, а напротивъ того это есть порода бузины Sambucus nigra или S. Ebulus.

Сочиненіе Гг. Видеманна и Вебера заключаетъ въ себѣ 1050 породъ, при описаніи которыхъ авторы имѣли въ виду, чтобы начинающіе, держась ихъ описаній, не могли смѣшать одной породы съ другими. Они говорятъ, что при описаніи растеній они главнѣйше придерживались Коха, Рейхенбаха, Киттеля и издателей Прусской флоры (Патце, Мейера и Элькана), причемъ однако по большей части имѣли передъ собою самыя растенія, а у сказанныхъ ботаниковъ заимствовали только кратчайшія и приличнѣйшія выраженія. Мы разбирали нѣкоторыя изъ этихъ описаній, и не встрѣтили значительныхъ ошибокъ, также неза-

мѣтили, чтобы они были буквально выписаны изъ приведенныхъ авторовъ; но иногда опущены хорошіе и уже извѣстные отличительные признаки, такъ напр. въ породахъ Pulsatilla, происходитъ ли развитіе листьевъ и цвѣтовъ одновременно или цвѣты развиваются раньше, а листья позже и на оборотъ. Притомъ авторы иногда слишкомъ мало обращая вниманія на самую природу, не руководствовались также сочиненіями Фриса (Fries) и другихъ, ибо иначе мнѣніе ихъ о нѣкоторыхъ растеніяхъ было бы другое *). По этой причинѣ не встрѣчается почти ни какихъ критическихъ замѣчаній, характеризующихъ спеціальнаго ботаника, и какъ они притомъ придерживались единственно выше упомянутыхъ руководствъ, то въ систематикѣ этой части сочи-

*) Напр. Geum hispidum Fries нельзя считать синонимомъ G. strictum Ait.; также какъ и нельзя имени G. intermedium Besser (non Ehrh.) дать первенство передъ G. strictum Ait. — Taraxacum palustre Dec., въ противность мнѣнію Коха, составляетъ самостоятельный видъ. — Alopecurus nigricans Hornem. растеніе изъ Ревеля, есть безъ сомнѣнія A. ruthenicus Weinm. (1810) и совершенно различно отъ A. pratensis; имя, данное Горнеманномъ не имѣетъ ни права первенства (1813), ни преимуществъ въ описаніи, напротивъ того подозрѣваютъ, что его растеніе есть только форма A. pratensis, что и было причиною непризнанія A. ruthenicus, который почитался синонимомъ (См. у Рейхенбаха). Platanthera bifolia Richard есть ошибка, вкравшаяся и въ лучшія руководства, слѣдуетъ сказать Platanthera bifolia Reichenbach. Растеніе Ришара есть P. chlorantha Cust. in Rchb. — Для породъ Rubus изъ отдѣла fruticosi Кохъ и его послѣдователи уже давно не служатъ авторитетомъ; Остзейскія провинціи навѣрно обладаютъ болѣе чѣмъ одною породою изъ этого отдѣла. — Camelina sativa Crtz.; сюда авторы, слѣдуя своимъ образцамъ, причисляютъ C. sylvestris Fries и C. dentata Pers., замѣчая притомъ что C. sylvestris въ садахъ переходитъ въ C. sativa β glabrata Dec.; 3 породы Баугина и Фриса ежегодно разводятся въ садахъ изъ сѣмянъ и никѣмъ не замѣчено что бы онѣ переходили одна въ другую. — Galium Aparine L.; къ этому виду и понынѣ еще многіе присоединяютъ G. agreste Wallr. и G. spurium L. какъ видоизмѣненія, но природа и опыты доказываютъ, что эти растенія составляютъ различные виды. Это доказывается еще и географическимъ распредѣленіемъ (G. spurium L. не встрѣчается около С. Петербурга). — Къ Halianthus peploides Fries приводятся три синонима; а не показано самаго перваго и потому единственно достойнаго быть признаннымъ родоваго имени I. Г. Гмелина: Ammadenia. — Saussurea alpina L.; здѣсь слѣдовало бы по крайней мѣрѣ замѣтить, что эстляндское растеніе, котораго въ вокругъ лежащихъ странахъ не найдено, было описано, какъ отличная отъ S. alpina порода подъ именемъ S. esthonica, хотя въ послѣдствіи, какъ говорятъ, найдены были переходныя формы. — При Sisymbrium Alliaria опущено мѣстонахожденіе: Süla-mäggi въ Эстляндіи близъ Тюрселя, откуда экземпляры находятся въ центуріяхъ Бунге. — При Sisymbrium Thalianum L. или

ненія, не замѣтно особенныхъ успѣховъ. Простое описаніе видовъ составляетъ только второстепенную задачу Ботаники, другое дѣло открытіе новыхъ признаковъ и различеніе трудно познаваемыхъ или легко смѣшиваемыхъ между собою видовъ, въ чемъ именно новѣйшая систематическая Ботаника совершила много превосходнаго; такъ что теперь не легко придумать по этой части что либо дѣйствительно новое. Авторы, хотя и съ излишнею скромностью, объявили на страницѣ XI, что они писали не для ученыхъ, а только для любителей и учащагося юношества, но они не просто издали свое сочиненіе, а прислали его на Демидовскій конкурсъ, въ слѣдствіе чего Академія поручила намъ указать какъ новую и полезную сторону этого сочиненія, такъ и недостатки и невѣрности.

Что касается до отдѣльныхъ породъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что наибольшая ихъ часть вѣрно опредѣлена. Поручиться же за вѣрность всѣхъ опредѣленій дѣло для насъ невозможное, потому что мы не имѣли передъ глазами всѣхъ матеріаловъ, служившихъ для составленія этого сочиненія. Авторы впрочемъ прислали намъ для повѣрки до 300 болѣе рѣдкихъ породъ въ сушеномъ видѣ, и почти всѣ изъ нихъ опредѣлены вѣрно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которыя съ перваго взгляда оказались ошибочными *). Для значительнаго числа критическихъ видовъ, авторами не доставлено экземпляровъ. Посему

при Arabis arenosa Scop. авторы должны бы были обратить вниманіе на похожее, легко съ нимъ смѣшиваемое и вѣроятно уже найденное въ Нарвѣ Sisymbrium arenosum L. Fl. Suec. = Arabis suecica Fries. — При Potamogeton compressus L. слѣдовало бы привести по крайней мѣрѣ второй синонимъ, а при Barbarea arcuata Rchb. ближайшую цитату, потому что эти породы были различно понимаемы.

*) такъ «Carex Heleonastes Ehrh,» оказалась C. glareosa Whlbg. «Poa hybrida Gaud.» есть P. quadripedalis Ehrh.

«Armeria vulgaris W.» есть шведская форма A. elongatae Hoffm. Приведенной авторами, какъ видоизмѣненіе, «A. maritima Willd.» мы не видали и сомнѣваемся въ томъ, что она тамъ растетъ.

«Hieracium Nestleri Vill.» есть H. cymosum var. setigerum Fries, Summa Veget. Scand. p. 6 = H. setigerum Fries. monogr. Hierac. p. 32; по подлиннымъ экземплярамъ Фриса 1847 года; настоящій H. setigerum Tausch. мы однакоже считаемъ различнымъ, по причинѣ большей величины и меньшаго числа цвѣточныхъ головокъ.

мы полагаемъ, что за исключенiемъ нѣкоторыхъ растенiй, которыя самими авторами признаются сомнительно дикими, хотя и вошли въ ихъ число (какъ то: Crataegus monogyna Jacq., Inula

«Carex Oederi Ehrh.» есть настоящая C. flava L. Подлинные экземпляры Эргарта явно отличаются.

«Centaurea austriaca Willd.» вѣрно опредѣлена, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничто иное, какъ настоящая, долго не разгаданная C. Phrygia L. Fl. Suec. (non Koch, Rchb et Dec.), порода измѣнчивая, которой авторы прислали 2 видоизмѣненiя. Кромѣ того авторы прислали еще 3-е, близкое къ C. phrygia L. растенiе, которое они въ сочиненiи своемъ считаютъ за C. nigra L.; растенiе во всякомъ случаѣ замѣчательное, но что можно узнать вѣрнаго по одному только, и притомъ не полному экземпляру? По этому желательно, чтобы этого растенiя прислано было по больше полныхъ экземпляровъ, въ разныхъ степеняхъ развитiя и различныхъ формахъ, съ приложенiемъ зрѣлыхъ сѣмянъ, которыя необходимы для рѣшенiя вопроса: должно ли это растенiе признать за C. nigrescens Willd. (vix Dec. Prodr.) или за C. nigra L., или наконецъ за новый видъ, потому что намъ еще не встрѣчалось столь странной формы C. Phrygiae L. Рѣшенiе этого вопроса зависитъ также отъ культуры. Мы видѣли очень похожiй, но также не полный экземпляръ изъ Лифляндiи, Проф. Германна, который считалъ его за C. nigrescens. Но C. nigrescens съ перваго взгляда распознается недостаткомъ пуха (pappus), который у другихъ сказанныхъ видовъ втрое короче сѣмени (achenium), всѣ же прочiе признаки или не постоянны, или ихъ еще нужно прiискать.

Нѣкоторыхъ другихъ растенiй, особенно видовъ Carex, присланы, явно по недоразумѣнiю, экземпляры, совершенно отличные отъ описанныхъ въ сочиненiи.

Настоящая Mentha aquatica растетъ въ Лифляндiи, напр. около Дерпта, но присланный экземпляръ ничто иное, какъ M. arvensis. Взятъ ли онъ около Муннаиласа знать нельзя, потому что вообще, кромѣ тѣхъ изъ присланныхъ растенiй, которые уже помѣщены въ центурiяхъ Бунге, авторы ни при одномъ изъ прочихъ, не показали мѣста нахожденiя. По этой причинѣ, мы ничего не могли сказать о нѣкоторыхъ растенiяхъ, не зная навѣрное не принадлежатъ ли экземпляры къ какой либо другой сосѣдственной или заграничной флорѣ и не присланы ли они только для сличенiя, такъ напр. Atriplex calotheca Rafn. et Fries. Нѣкоторыхъ другихъ сомнительныхъ растенiй, какъ то: Xanthium, при которомъ необходимы зрѣлые плоды, Ajuga pyramidalis, Zostera, мы желали бы видѣть полнѣйшiе экземпляры и притомъ въ большемъ количествѣ; но мы очень хорошо знаемъ, что вообще автору, и при живѣйшемъ желанiи, или часто невозможно имѣть въ своихъ рукахъ полный гербарiумъ, служащiй необходимымъ матерiаломъ для его сочиненiя или не легко рѣшиться подвергнуть опасности пересылки свои единственные экземпляры. И такъ не станемъ упрекать авторовъ въ томъ, что значительное число рѣдкихъ растенiй, которыя они или только видѣли въ чужихъ коллекцiяхъ, или включили въ свою флору на основанiи какихъ либо достовѣрныхъ авторитетовъ, не было ими доставлено къ намъ для сличенiя, но съ другой стороны мы не можемъ и умолчать объ этомъ обстоятельствѣ, заставляющемъ насъ сомнѣваться въ вѣрности многихъ изъ слѣдующихъ показанiй. Такъ авторы не прислали:

Veronica Buxbaumii Tenore, Circaea intermedia Ehrh., Polycnemum arvense L.; Scirpus parvulus R. S., Calamagrostis Halleriana DC., litorea Dec. et baltica Link,

Helenium, Dipsacus, Armoracia и Echinops) итогъ видовъ, указанныхъ въ этой флорѣ, долженъ быть уменьшенъ по крайней мѣрѣ 50-ью и слѣдовательно круглымъ числомъ можетъ быть оцѣненъ въ тысячу видовъ.

Нельзя не одобрить того, что разбираемое сочиненіе не об-

Aira uliginosa Weihe, Agropyrum glaucum R. S, et junceum R. S., Poa lithuanica Gorski (P. quadripedalis?), Glyceria plicata Fries, Festuca sylvatica Vill., Bromus sterilis L., commutatus Schrad., patulus M. K., asper L., Sagina apetala L., Potamogeton longifolius Gay, compressus L., (что разумѣютъ авторы подъ этимъ именемъ, которое такъ часто было даваемо различнымъ видамъ?), rutilus Wolfg, pectinatus L. (по мѣсту нахожденія въ морѣ, не zosteraceus ли Fries?), Pulmonaria saccharata Mill., azurea Bess. (она очень часто растетъ около Дерпта и измѣняется въ видѣ своихъ листьевъ; растеніе съ широкими листьями можетъ быть принято за P. angustifolia L.; за чѣмъ же авторы умолчали объ отличительномъ признакѣ этой породы?), Myosotis sylvatica Hoffm. et versicolor Rchb., Primula elatior Jacq., Scopolina atropoides Schult., Viola hirta L. et collina Bess., stagnina Kit., M. K., Gentiana campestris L. (настоящая растетъ въ южной Финляндіи; G. campestris, показанная Ледебуромъ и авторами въ Остзейскихъ провинціяхъ, единственно на основаніи экземпляровъ Линдемана, есть G. Amarella!), Berula angustifolia M. K., Cenolophium Fischeri Koch, Heracleum Sphondylium L., Siler trilobum Scop., Laserpitium Siler L., Allium Scorodoprasum L. et vineale L., Gagea stenopetala Rchb., Narthecium ossifragum Huds., Juncus glaucus Ehrh., obtusiflorus Ehrh. et acutiflorus Ehrh., Luzula maxima DC. et albida Dec., Rumex palustris Sm., maximus Schreb., sanguineus L. et domesticus Hartm., Alisma natans L. et ranunculoides L., Dianthus plumarius L., Sedum villosum L. et sexangulare L., Sempervivum soboliferum Sims., Rubus corylifolius Sm., Potentilla cinerea Chaix, opaca L. et inclinata Vill., Tormentilla reptans L., многія, приводимыя какъ видоизмѣненія, Розы, Anemone Pulsatilla L. et Hackelii Poll. (т. е. Pohl), Thalictrum simplex L., Ranunculus lanuginosus L., Prunella grandiflora Jacq., Scrofularia aquatica L., Cochlearia officinalis L., Barbarea arcuata Rchb. (но которая? — Рейхенбахъ подъ этими именами описалъ два различные вида), Erucastrum Pollichii Sch. et Spenn., Diplotaxis muralis DC., Nasturtium officinale R. Br., Geranium pyrenaicum L., columbinum L., dissectum L., bohemicum L. et pusillum L., Malva Alcea L., sylvestris L., Fumaria Vaillantii Loisl., Corydalis cava (L.) et fabacea Pers., Trifolium elegans Savi et filiforme L., Vicia dumetorum L., Lathyrus latifolius L., Hippocrepis comosa L., Hypericum humifusum L., Hieracium bifurcum M.B., stoloniferum W.K., piloselloides Vill., echioides W.K., pratense Tausch., vulgatum Fries, bifidum Kit., sabaudum L., Mulgedium sibiricum Less., Sonchus palustris L., Lappa major Gärtn., Filago germanica L., Arnica montana L., Pulicaria dysenterica Gärtn., Orchis sambucina L., Gymnadenia odoratissima Rchd. et cucullata Rchd., Cephalanthera ensifolia R., Euphorbia virgata W. K., Carex paniculata L., Schreberi Schk., brizoides L., Heleonastes Ehrh. и norvegica Whlbg. (обѣ изъ Курляндіи?), vitilis Fries, remota L., tomentosa L., extensa Good., humilis Leyss., fulva Good., pilosa Scop., evoluta Hartm., Amarantus Blitum L., Atriplex nitens Rebent., большая часть Salices (Salix hastata L. и silesiaca W. намъ подозрительны).

ремѣнено излишними синонимами; потому что задача специальной флоры, въ этомъ отношеніи, есть показаніе синонимовъ прежнихъ ея флористовъ. Въ подобныхъ сочиненіяхъ синонимія должна быть обработана такъ, чтобы, имѣя новѣйшую флору какой либо области, въ монографіяхъ или болѣе общихъ сочиненіяхъ, какъ напр. Ледебура Flora rossica, не было бы необходимости ссылаться на всѣ прежнія флоры, потому что въ этомъ случаѣ очень легко могутъ произойти ошибки, которыхъ не всегда можетъ избѣжать даже авторъ, знакомый съ мѣстными обстоятельствами. Сомнительные синонимы могутъ быть разъяснены съ трудомъ, и то не всегда, по однимъ только сочиненіямъ; болѣе надежныя къ тому средства, заключаются или въ повѣркѣ приведенныхъ авторами мѣстонахожденій; или въ разсмотрѣніи оставшихся послѣ нихъ экземпляровъ. У Гг. Видеманна и Вебера мы нигдѣ не находимъ, чтобы они пользовались такими гербаріями своихъ предшественниковъ. Судя по приведенной ими литературѣ сочиненій, которыми они руководствовались, кажется, имъ недоставало также и части мѣстной литературы *); а равно у нихъ нѣтъ и точныхъ ссылокъ на приведенныя ими сочиненія. Впрочемъ это упущеніе еще не такъ важно, если только приведенныя мѣстонахожденія вѣрны. Съ другой стороны нельзя не сознаться, что авторы болѣе чѣмъ кто либо изъ ихъ предшественниковъ, изучили ботаническую литературу своей страны, не слѣпо принимали всѣ показанныя прежними флористами мѣстонахожденія за чистую монету, а съ довольно вѣрною критикою устраняли все сомнительное и ошибочное, не поступая однако же такъ безразлично, какъ Флейшеръ и Линдеманнъ, которые отвергали старинныя вѣрныя показанія по той только причинѣ, что не нашли сами показанныхъ

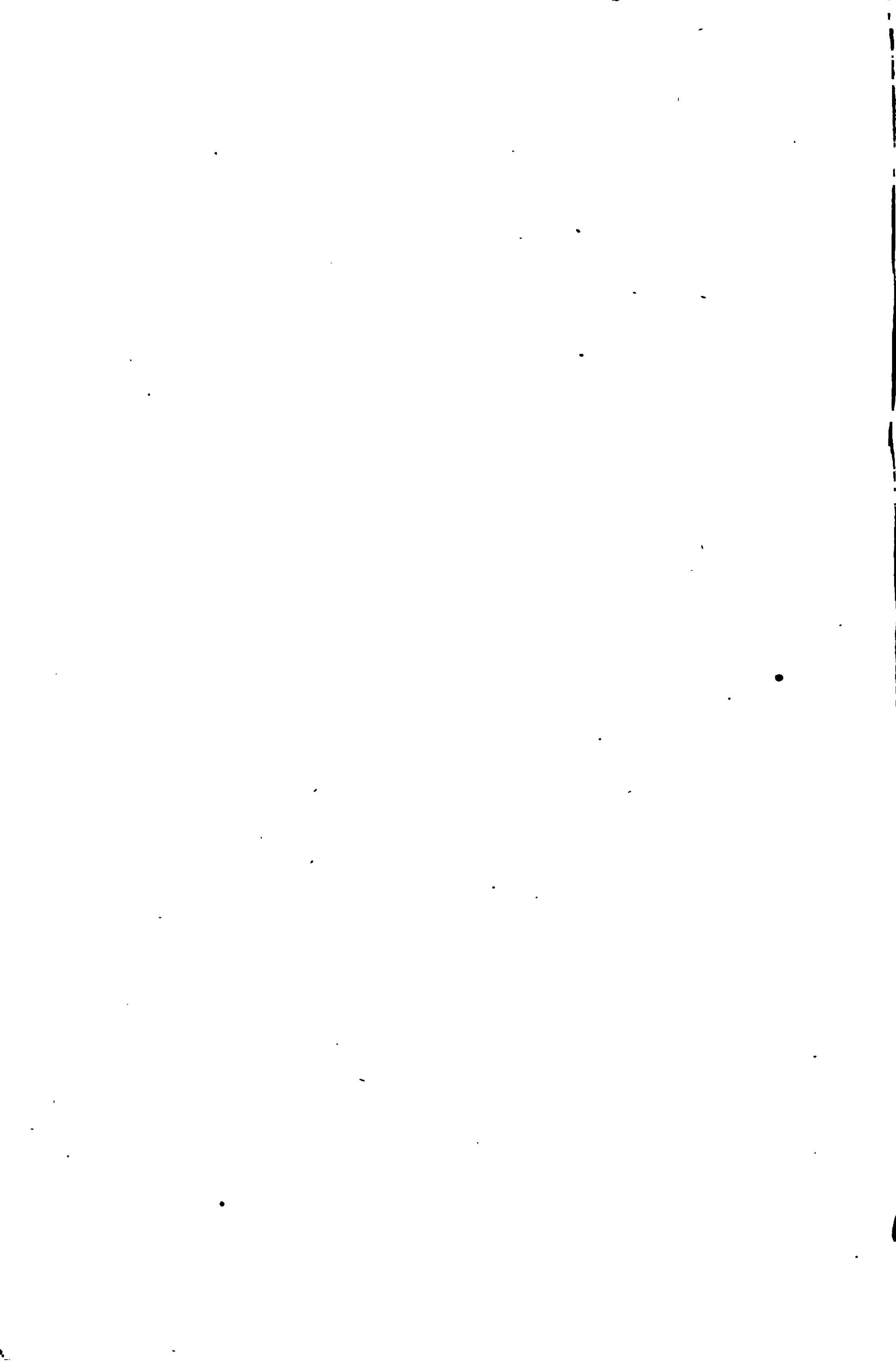
*) Такъ мы ненаходимъ въ разбираемомъ сочиненіи свѣдѣній о прежде показанныхъ растеніяхъ, напр. о Plantago latifolia у Фишера; объ Aira spicata и Scirpus stygius у Фербера; объ Arenaria saxatilis и Senecio sylvestris у Гринделя; и въ особенности о многихъ видахъ, показанныхъ въ сочиненіяхъ Брэ, какъ то: Veronica intermedia, Selinum Gmelini, Ranunculus fluviatilis и septemtrionalis, Salix caesia, riparia (livonica) и новыхъ видовъ Брэ : S. denudata, nivea, sphagnicola.

растеній, хотя кругъ ихъ дѣятельности былъ слишкомъ ограниченъ. Сочиненіе Флейшера и Линдеманна, болѣе касается флоры Курляндіи; между тѣмъ какъ разбираемое нами есть главнѣйше флора Эстляндіи, гдѣ авторы производили свои собственныя наблюденія, флору же двухъ другихъ провинцій они составили изъ посторонниxъ источниковъ и сообщеній. Важнѣйшимъ и обильнѣйшимъ своимъ источникомъ авторы признаютъ первыя 5 центурій Flora exsiccata Бунге, по экземплярамъ которой въ большей части случаевъ, можно узнать, какое растеніе разумѣютъ въ своей флорѣ авторы. Второе, по важности, мѣсто занимаетъ Flora Rossica Ледебура, на которую авторы ссылаются въ томъ случаѣ, если приведенное растеніе было видѣно самимъ Ледебуромъ, не смотря на то, что въ этой флорѣ спеціальное мѣстонахожденіе приводится только въ видѣ изъятія. Третій источникъ составляютъ исчисленія растеній, присланныя изъ разныхъ мѣстъ флоры; авторы называютъ поименно 8 лицъ, которыя однако еще неизвѣстны въ ученомъ ботаническомъ мірѣ какъ авторитеты, и если эти лица, къ своимъ реэстрамъ, не приложили, какъ доказательство, экземпляровъ, что намъ неизвѣстно, то мы желаемъ, чтобы съ авторами не случились бы такіе же частые промахи, какъ съ покойнымъ Соболевскимъ въ его С.-Петербургской флорѣ, или съ Георги и Ледебуромъ въ ихъ Русской флорѣ.

Въ предисловіи своемъ Гг. В. и В. справедливо указываютъ на недостатокъ точнѣйшихъ опредѣленій мѣстонахожденій рѣдкихъ растеній въ сочиненіи своихъ предшественниковъ Флейшера и Линдеманна, и это преимущество своего сочиненія они выставляютъ на заглавномъ его листѣ. Должно согласиться съ тѣмъ, что они сдержали свое обѣщаніе. Они употребили нѣсколько лѣтъ на то, чтобы точнѣе изучить свою флору, обошли съ этою цѣлью большую часть Эстляндіи и довели число явнобрачныхъ этой губерніи до 767; трудъ во всякомъ случаѣ не маловажный, хотя этимъ конечно не исчерпаны всѣ сокровища флоры, потому что гораздо меньшая, не благопріятнѣе располо-

женная къ востоку и сѣверу, но за то гораздо долѣе изслѣдованная область Петербурга, заключаетъ въ себѣ столько же, если не болѣе извѣстныхъ явнобрачныхъ. Относительно критики 280 видовъ, не встрѣчающихся въ Эстляндіи, показанныхъ однакоже въ Курляндіи, Лифляндіи и на островахъ, авторы исполнили все, что только могли. Въ географической части своего сочиненія, они въ предѣлахъ избранной ими области, совершили, можно сказать, подвигъ, существенно содѣйствовавъ къ познанію страны и составивъ оригинальный трудъ, къ которому, въ случаяхъ надобности часто будетъ прибѣгать специальный ученый, потому что лучшей книги о флорѣ Остзейскихъ провинцій, доселѣ неимѣется. Авторы пополнили эту флору 150-ью по большей части рѣдкихъ, дотолѣ не отысканныхъ видовъ, во многомъ усовершенствовали характеристику растительности своего края, впервые тщательно опредѣлили общія точки зрѣнія, поощрили любовь къ изученію природы, облегчивъ начинающимъ познаніе туземнаго растительнаго міра и вообще употребили съ своей стороны всевозможное стараніе, чтобы сдѣлать свою книгу полезною, общепонятною и сподручною.

Изъ вышеуказанныхъ нами недостатковъ книги, явствуетъ, что авторамъ не можетъ быть присуждена полная Демидовская премія. Эти недостатки однако же уравновѣшиваются разобранными достоинствами ея и во всякомъ случаѣ эта книга останется очень полезнымъ и годнымъ во многихъ отношеніяхъ руководствомъ. Академія до сихъ поръ еще не имѣла случая удостоить преміи книги, которая бы въ такой мѣрѣ споспѣшествовала познанію естественныхъ произведеній этихъ важныхъ губерній Россійской Имперіи. По этому мы полагаемъ, что авторамъ, какъ признаніе трудности ихъ предпріятія и успѣха, съ которымъ они его выполнили, а равно какъ слабое вознагражденіе значительныхъ, понесенныхъ ими трудовъ и издержекъ слѣдуетъ присудить половинную премію.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

учрежденныхъ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

28 Мая 1854 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи императорской академіи наукъ.

1854.

Издано по опредѣленію Академіи Наукъ.

17 Ноября 1854 года.

Непремѣнный Секретарь *П. Фусъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

о

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

читанный

въ публичномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,

по болѣзни

г. непремѣннаго секретаря,

академикомъ **Я. И. Бередниковымъ**,

28 мая 1854 года.

Нѣтъ сомнѣнія, что на Демидовскій конкурсъ являются сочиненія наиболѣе изъ области тѣхъ наукъ, которыя служатъ представителями современнаго умственнаго движенія. Такъ въ третьегодичномъ конкурсѣ сочиненія по части промышленности, а въ прошлогоднемъ по естественнымъ наукамъ, составляли большинство увѣнчанныхъ произведеній. Нынѣ къ этимъ представителямъ практическаго направленія нашего вѣка присоединились географическія и отчасти историческія науки и математика. Но первая награда (отличительный признакъ нынѣшняго конкурса предъ всѣми предшествовавшими) вышла на долю, къ всеобщему удовольствію, той изъ высокихъ наукъ, которая составляетъ основу и вѣнецъ всѣхъ прочихъ — Богословія.

Твореніе, достойно открывающее собою нынѣшній конкурсъ, есть:

I.

Православно-догматическое Богословіе, доктора Богословія Макарія, епископа Винницкаго, ректора С. Петербургской Духовной Академіи. С. Петербургъ. 1849 — 1853, V томовъ.

Академія подвергла этотъ важный трудъ разсмотрѣнію столь же знаменитаго пастырскими своими доблестями, какъ и глубокою ученостью, члена своего Инокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, и получила отъ него самый благопріятный для автора отзывъ.

«Разсматриваемое нами сочиненіе, сказано въ началѣ рецензіи, составляетъ собою рѣдкое и самое отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ, подобнаго коему она давно не видала на своемъ горизонтѣ и, по всей вѣроятности, не скоро увидитъ опять. Самыя иностранныя богословскія литературы, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія, не представляютъ, особенно въ современности, творенія съ такими достоинствами, какъ Православная Догматика преосв. Макарія. Богословіе, какъ наука, подвинуто симъ многоученымъ твореніемъ далеко впередъ и много пріобрѣло уже тѣмъ, что разоблачено въ немъ совершенно отъ схоластики и Латинскаго языка, и такимъ образомъ введено въ кругъ Русской литературы и предложено, такъ сказать, ко всеобщему употребленію для всѣхъ любителей богословскихъ познаній. Но самая большая заслуга автора состоитъ въ томъ, что въ сочиненіи его въ первый разъ изображены со всею силою и убѣдительностію, ученымъ и вмѣстѣ удобопонятнымъ языкомъ, тѣ догматы и положенія, коими Православная Церковь Восточная отличается отъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ. Послѣ сего иностранный богословъ никакъ не можетъ сказать, что въ Восточной Церкви привыкли вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно: ибо въ новой Православной Догматикѣ содержится такой отчетъ во всемъ, подобнаго коему доселѣ не представили большая часть церквей неправославныхъ.»

Потомъ приступая къ разбору самаго сочиненія, ученый рецензентъ входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе его плана, метода, объема и способа изложенія.

«Во 1^{хъ}, относительно плана, преосвященный Макарій умѣлъ положить основу своему сочиненію гораздо лучше и прочнѣе своихъ предшественниковъ и вообще другихъ обработывателей Догматики Богословія. Принявъ за исходную точку самое понятіе о христіанской религіи, какъ не просто только первобытной, или представляющей естественный союзъ человѣка съ Богомъ, но религіи въ ея дополненномъ чрезъ Откровеніе и ис-

правленномъ видѣ, — какъ союзъ падшаго человѣка съ Богомъ, возстановленный сверхъ-естественно чрезъ таинство искупленія и благодати, онъ раздѣлилъ свою Догматику самымъ естественнымъ образомъ на двѣ части, по самому роду догматовъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ ей, какъ религіи вообще, а другіе какъ религіи возстановленной, сверхъ-естественной, христіанской. Въ первой излагается ученіе о Богѣ и объ отношеніи его къ человѣку естественномъ и общемъ, какое имѣлъ къ нему Богъ въ религіи первобытной, и имѣетъ равно ко всѣмъ прочимъ существамъ міра, какъ ихъ Творецъ и Промыслитель; во второй ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣковъ падшихъ, и объ отношеніи его къ человѣческому роду особенномъ, сверхъ-естественномъ, какое Богъ имѣетъ исключительно къ человѣку въ религіи возстановленной, какъ нашъ Искупитель, Освятитель, Судія и Мздовоздаятель.

«Во 2^{хъ}, въ отношеніи къ методу, или способу раскрытія истинъ богословскихъ, у преосвященнаго Макарія каждый догматъ обозрѣвается и раскрывается со всѣхъ сторонъ, съ какихъ только онъ можетъ съ пользою явиться въ наукѣ. Разсмотрѣніе всегда открывается обстоятельнымъ изложеніемъ о предметѣ ученія Церкви, какъ хранительницы Православія, и авторъ, не ограничиваясь здѣсь приведеніемъ только главныхъ пунктовъ этаго ученія касательно главныхъ догматовъ, выставилъ оное (первый) съ отчетливостію касательно всѣхъ прочихъ, — даже въ отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ истинамъ. За изложеніемъ ученія Церкви, относительно каждаго догмата, всегда слѣдуетъ подтвержденіе его изъ Св. Писанія, и гораздо превосходнѣе, нежели у прежнихъ догматиковъ, какъ относительно обилія текстовъ и выбора ихъ, такъ въ особенности относительно раскрытія и приложенія къ доказываемому предмету. Въ слѣдъ за указаніемъ на существованіе догматовъ въ Св. Писаніи, всегда съ подробностію приводится, какъ сіи же самые догматы постоянно существовали въ преданіи Церкви Вселенской и являются цѣлые ряды свидѣтелей сего преданія

— отцы и учители Церкви первыхъ шести вѣковъ. За симъ къ дальнѣйшему поясненію догматовъ, авторъ призываетъ на помощь и самую исторію ихъ, которая, по важности своей, давно составила изъ себя даже особую науку въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ оставалась въ забвеніи, и даетъ въ своей Догматикѣ мѣсто для безпристрастнаго взора здраваго разума на догматы христіанскіе, удачно избѣгая при этомъ двухъ недостатковъ: направленія раціоналистическаго и схоластическаго. И наконецъ нравственные выводы изъ догматовъ, коими заключается у автора каждая глава, вездѣ являются въ приличной полнотѣ, проникнутые христіанскимъ чувствомъ, и какъ зрѣлый сочный плодъ, заставляютъ желать извѣдать ихъ собственнымъ вкусомъ — на опытѣ.

«Въ 3^{хъ}, на счетъ объема содержанія, который предначертадалъ себѣ преосвященный Макарій, Догматика его превосходитъ всѣ бывшіе до него опыты этаго рода въ Русской литературѣ. Этаго онъ достигъ, кромѣ обширности самаго метода, во-первыхъ тѣмъ, что далъ мѣсто въ своей Догматикѣ нѣкоторымъ дотолѣ не включеннымъ въ нее предметамъ, какъ напр. очеркъ постепеннаго раскрытія догматовъ въ Православной Церкви, исторія самой догматики и пр.; а во вторыхъ тѣмъ, что онъ съ особенною обстоятельностью старался раскрывать тѣ догматы, которые составляютъ отличительный характеръ православнаго ученія Восточной Церкви, и отвергаются или превращаются въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, какъ напр. ученіе о вѣчномъ происхожденіи св. Духа отъ Бога Отца, о седми таинствахъ Церкви, о почитаніи и призываніи на помощь святыхъ, о молитвахъ за умершихъ и проч.

«Въ 4^{хъ}, и по самому изложенію Догматическое Богословіе преосвященнаго Макарія отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему сочиненій въ этомъ родѣ: оно написано чистымъ, правильнымъ, современнымъ Русскимъ языкомъ, который легко можетъ понимать каждый сколько нибудь образованный и смыслящій Русскій человѣкъ; притомъ это сочиненіе изложено не

столько въ формѣ академическаго учебника, сколько въ видѣ общенароднаго руководства, и потому освобождено отъ всѣхъ скучныхъ и тяжелыхъ формъ схоластики, почти неизбѣжныхъ въ краткихъ школьныхъ учебникахъ. Авторъ, при его особенномъ дарѣ выражаться о самыхъ возвышенныхъ предметахъ просто и ясно, умѣлъ достигнуть въ своемъ сочиненіи высшей степени общепонятности. Со всею справедливостію можно сказать, что наука Православно-догматическаго Богословія, которая доселѣ какъ наука была исключительно достояніемъ школы, выведена авторомъ изъ тѣсныхъ стѣнъ ея въ область дѣйствительной жизни, и предложена для общественнаго употребленія.»

Сравнивъ затѣмъ разбираемое твореніе преосвященнаго Макарія съ лучшими современными иностранными догматиками, Перроне, Кле и Штауденмайеромъ, и доказавъ, что оно нетолько отъ того ничего не теряетъ, но еще выигрываетъ во многихъ отношеніяхъ, знаменитый рецензентъ заключаетъ свой критическій обзоръ слѣдующимъ общимъ выводомъ:

«Вообще Православно-догматическое Богословіе преосвященнаго Макарія представляетъ:

a) «трудъ — совершеннѣйшій изъ всѣхъ, какіе являлись у насъ доселѣ на томъ же поприщѣ, и нетолько равняющійся по ученой обработкѣ съ лучшими современными иностранными опытами, но и въ немалыхъ отношеніяхъ далеко ихъ превосходящій;

b) «трудъ самостоятельный и оригинальный, потому что авторъ ни въ системѣ, ни въ методѣ, ни въ способѣ изложенія истинъ не слѣдовалъ никакому изъ отечественныхъ и иностранныхъ богослововъ, а шелъ своимъ путемъ, глубоко обдуманнымъ и вѣрно предъизмѣреннымъ, черпалъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ, изъ коихъ многіе имъ собственно найдены и всѣ имъ значительно разработаны, и такимъ образомъ при неутомимомъ трудѣ воздвигнуто стройное и громадное цѣлое,

которое, при всемъ желаніи подобныхъ явленій, по всей вѣроятности, надолго останется единственнымъ;

c) «трудъ, удовлетворяющій всѣмъ современнымъ требованіямъ науки — по стройной системѣ и выводу всѣхъ частей и истинъ изъ одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направленію, столь сродному Богословію, какъ наукѣ положительной, по отличной ясности и вразумительности въ способѣ раскрытія истинъ, даже по слогу чисто Русскому, постоянно носящему притомъ на себѣ печать здраваго вкуса;

d) «трудъ, составляющій важную заслугу нетолько для науки Православнаго Богословія, которую авторъ несомнѣнно подвинулъ весьма далеко впередъ, — нетолько для духовнаго нашего образованія, въ исторіи котораго появленіе на свѣтъ Догматики его послужитъ нѣкогда одною изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ,—но и вообще для всей Церкви Русской, для всѣхъ православныхъ соотечественниковъ, кои получаютъ въ этомъ трудѣ, чего давно желали — возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложеніе отличительныхъ догматовъ своей Церкви, столь драгоцѣнныхъ для ихъ ума и сердца.

«По всѣмъ симъ достоинствамъ, Православно-догматическому Богословію преосвященнаго Макарія, принадлежитъ право на полную премію Демидовскую, коея давно заслуживали еще прежніе историко-богословскіе труды автора, обратившіе на себя вниманіе всѣхъ, занимающихся движеніемъ наукъ и просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.»

Послѣ сего нужно ли прибавлять, что этотъ приговоръ знаменитаго рецензента былъ единогласно утвержденъ Академіею?

II.

По Демидовскому Положенію къ увѣнчанію наградами допускаются не одни сочиненія, содержащія въ себѣ новыя открытія въ наукахъ, но также изобрѣтенія и усовершенствованія по части искусствъ и промышленности, обѣщающія доставить какую

либо особенную пользу въ общежитіи, — и Академія уже не разъ имѣла случай исполнять этотъ параграфъ Положенія. Исторія изобрѣтеній доказываетъ, что одно замѣчательное открытіе въ области наукъ или искусствъ, часто служило шагомъ къ цѣлому ряду новыхъ его приложеній и усовершенствованій. Такъ и сдѣланное лѣтъ за семьнадцать предъ симъ, среди нашей Академіи, открытіе осаждать мѣдь силою гальванизма, повело ко многимъ полезнымъ для ремеслъ и искусствъ примѣненіямъ. Къ важнѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ этихъ приложеній, безъ сомнѣнія, можно отнести то, о которомъ мы намѣрены сей часъ упомянуть.

Одинъ изъ здѣшнихъ промышлениковъ, г. Іохимъ, ревностный любитель гальванопластики, возъимѣлъ счастливую мысль примѣнить ее къ искусству книгопечатанія. При осуществленіи этой мысли онъ шелъ почти тѣмъ же путемъ, какъ и первые изобрѣтатели типографскаго искусства. Какъ они первоначально вырѣзывали на деревянныхъ доскахъ строки и страницы, для тисненія ихъ на бумагѣ, такъ и онъ сначала пытался произвести изъ мѣди гальваническимъ способомъ нѣсколько строкъ, для печатанія ярлыковъ и т. п. Подложивъ для прочности добытыя этимъ способомъ мѣдныя пластинки свинцомъ, г. Іохимъ неожиданно произвелъ совершенно чистые оттиски, и убѣдился, что такая мѣдная пластинка выдерживаетъ гораздо большее число оттисковъ, нежели прежнія, отливавшіяся изъ обыкновенно употребляемаго сплава свинца, сюрьмы, желѣзныхъ опилокъ и мѣди, или такъ называемаго гарта.

Этотъ успѣхъ поощрилъ г. Іохима къ дальнѣйшимъ опытамъ, и, какъ нѣкогда Гуттенбергъ, онъ сталъ уже помышлять о способѣ къ произведенію отдѣльныхъ литеръ съ мѣднымъ очкомъ. Но для достиженія этой цѣли надлежало устранить немало трудностей. Требовалось во-первыхъ, чтобы каждое очко было припаяно какъ можно прочнѣе; во-вторыхъ, чтобы всѣ литеры находились на одной горизонтальной плоскости и прямой линіи; въ-третьихъ, чтобы при спаиваніи отнюдь не измѣнялась высота литеръ, и наконецъ въ-четвертыхъ, соблюсти

выгоду соразмѣрную съ прежнимъ способомъ относительно времени и издержекъ.

Придѣлывать мѣдное очко къ каждой литерѣ отдѣльно было бы чрезвычайно мѣшкотно, и едвали ли удовлетворило бы всѣмъ вышесказаннымъ условіямъ. Это неудобство навело изобрѣтателя на счастливую мысль осаждать изъ мѣди очки рядами, каждый изъ этихъ рядовъ припаивать къ острому ребру пластинки изъ гарта, и потомъ распиливать эту пластинку на отдѣльныя литеры. Но какъ при этомъ необходимо было вѣрно и ровно припаивать мѣдную полосу къ острому ребру пластинки изъ гарта, то г. Іохимъ придумалъ на этотъ случай особый паяльный приборъ; для распиливанія же пластинки съ припаянными къ ней очками на отдѣльныя литеры, такъ чтобы очко каждой литеры совершенно одинаково отстояло отъ краевъ ея, изобрѣлъ особую пильную машину, и наконецъ чтобы придать литерамъ совершенную вѣрность и отчетливость въ сравненіи съ отлитыми изъ гарта, устроилъ особенную юстировальную машину.

Наряженная со стороны Академіи, для изслѣдованія изобрѣтенія г. Іохима, Коммиссія изъ гг. академиковъ Якоби и Бэтлинга (управляющаго нашею типографіею), по надлежащемъ испытаніи, удостовѣрилась, что сдѣланныя по способу г. Іохима литеры нетолько сохраняютъ одинакую высоту и удовлетворяютъ требованіямъ вѣрности, но имѣютъ рѣшительное преимущество предъ всѣми доселѣ употреблявшимися особенно въ отношеніи прочности, такъ что даже отдѣльныя литеры не уступаютъ въ этомъ качествѣ не распиленнымъ пластинкамъ, которыя въ теченіе продолжительнаго времени были подвергаемы самому строгому и тщательному испытанію. Притомъ принявъ во вниманіе: 1) что г. Іохимъ придумалъ дѣлать типографскія литеры по совершенно новому способу, хотя и болѣе цѣнному противъ прежде употреблявшагося въ пропорціи $2^{\text{хъ}}$ къ $1^{\text{му}}$, но за то превосходящаго ихъ прочностію въ пропорціи по крайней мѣрѣ $12^{\text{ти}}$ къ $1^{\text{му}}$; 2) что литеры г. Іохима удовлетворяютъ всѣмъ

требованіямъ типографскаго искусства; 3) что для изобрѣтенія и устройства помянутыхъ машинъ требовались, кромѣ особенныхъ способностей изобрѣтателя, продолжительный трудъ и значительныя издержки, и 4) что это изобрѣтеніе, по относительной дешевизнѣ, можетъ способствовать къ большему распространенію произведеній книгопечатанія, Коммиссія находила это изобрѣтеніе достойнымъ полной Демидовской преміи.

По выслушаніи этаго отзыва, Академія, имѣя въ виду, что изобрѣтеніе г. Іохима есть удачное примѣненіе прежде сдѣланнаго въ Россіи, въ нѣдрахъ самой Академіи, открытія, и что оно само по себѣ приноситъ существенную пользу, утвердила большинствомъ голосовъ мнѣніе Коммиссіи.

III.

Третье произведеніе, увѣнчанное въ нынѣшній конкурсъ полною Демидовскою преміею, есть:

О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ приложеніемъ карты. Сочиненіе г. профессора Неволина, въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книжка VIII. Спб. 1853 года.

О происхожденіи этого сочиненія авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ имѣлъ первоначально въ виду написать для Императорскаго Русскаго Географическаго Общества статью о важности для древней географіи России писцовыхъ книгъ, которыя, какъ извѣстно, до первой народной переписи при Петрѣ Великомъ служили для правительства инвентарями поземельныхъ участковъ, на основаніи которыхъ собирались подати, налагались повинности и распредѣлялся приходъ и расходъ государства. Совершенно убѣдившись въ послѣдствіи, что писцовыя книги составляютъ главнѣйшій и единственный, по своему объему и вѣрности, источникъ для древней Русской географіи, г. Неволинъ вознамѣрился составить по нимъ карту пятинъ и по-

гостовъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ обозначеніемъ на ней тогдашнихъ ихъ границъ, городовъ и селеній, особенно тѣхъ, отъ которыхъ получили свое наименованіе погосты. Онъ остановился на XVI вѣкѣ потому, что для этого періода времени имѣются весьма важные документы, объясняющіе раздѣленіе Новгородской области на пятины и погосты, и что область пятинъ сохраняла тогда наибольшее пространство.

Методъ, которому слѣдовалъ авторъ, есть критическій, въ строгомъ смыслѣ этого слова. Разбирая свой предметъ при помощи всѣхъ доступныхъ для него источниковъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, и преимущественно писцовыхъ книгъ, договоровъ и картъ разнаго времени, авторъ не упускалъ изъ виду мнѣній своихъ предшественниковъ, и обозрѣвъ по возможности этотъ предметъ, высказалъ о немъ свое мнѣніе съ строгою отчетливостью, прибѣгая къ предположеніямъ только въ случаяхъ, когда не имѣлъ подъ руками положительныхъ данныхъ.

Главный выводъ этого разъисканія есть слѣдующій: пятины были только случайнымъ, или какъ бы внѣшнимъ политическимъ раздѣленіемъ Новгородской области, едва ли извѣстнымъ во время самостоятельнаго существованія Новгорода. Оно появилось уже послѣ 1477 года, т. е. по окончательномъ покореніи Новгорода Іоанномъ III, и изчезло по мѣрѣ раздѣленія Россіи на губерніи при Петрѣ Великомъ. Учрежденіе погостовъ, возникшее при великой княгинѣ Ольгѣ, основано было на коренномъ бытѣ народа и отчасти имѣетъ религіозное значеніе: погосты, какъ центры поземельной, т. е. сельской администраціи, всегда совпадали съ какимъ либо мѣстомъ богослуженія, во времена язычества вѣроятно съ капищами, а по принятіи христіанства съ сельскими приходами или церквами. Названіе погостовъ и донынѣ удержалось въ общежитіи, свидѣтельствуя, какъ и во времена Нестора, о мудрости великой княгини Ольги: «знамянья, мѣста и погосты ея суть и до сего дне». Выводъ этотъ имѣетъ связь съ религіознымъ бытомъ древней Руси, и пріобрѣтаетъ много вѣроятности, если мы сообразимъ извѣстное

изъ исторіи благочестіе супруги Игоревой и приверженность къ Православной Вѣрѣ Русскаго народа.

Сочиненіе ученаго профессора было разсмотрѣно двумя членами Академіи, гг. Устряловымъ и Бередниковымъ. Первый изложивъ содержаніе и указавъ на почетное мѣсто, занимаемое имъ въ нашей историко-географической литературѣ, заключаетъ свой разборъ слѣдующими словами: «Изслѣдованіе о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ составляетъ эпоху въ разработкѣ исторической географіи нашего отечества. Оно превосходно разрѣшаетъ свою задачу, изобилуетъ богатствомъ выводовъ, проливаетъ яркій свѣтъ на географію нашего древняго сѣвера; для будущихъ дѣятелей въ области древней географіи Новгорода, оно служитъ твердымъ основаніемъ, на которомъ безопасно можно углубляться въ даль вѣковъ; наконецъ по превосходству исполненія, по самому основательному изученію разнообразныхъ источниковъ, по необыкновенному искусству автора пользоваться ими, и ясно, вполнѣ отчетливо располагать и излагать свои выводы, оно будетъ навсегда служить образцемъ для разработки матеріаловъ исторической географіи.»

Академикъ Бередниковъ, изложивъ въ краткомъ очеркѣ значеніе писцовыхъ книгъ въ древней Россіи, отзывается о трудѣ г. Неволина такъ: «Хотя изслѣдованіе о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ есть трудъ спеціальный, открывающій собою рядъ новыхъ работъ, въ чемъ признается и г. Неволинъ, называя его первымъ періодомъ работъ и самымъ общимъ очеркомъ Новгородской области *), и хотя съ нѣкоторыми выводами автора трудно согласиться, однакожъ нельзя не сказать (и это каждый признаетъ, кому извѣстно, что значитъ пробивать новыя стези въ наукѣ), что сочиненіе г. Неволина есть плодъ рѣдкаго трудолюбія, добросовѣстности и критическаго навыка. Это не одностороннее разысканіе, не произвольное рѣшеніе какого либо историческаго вопроса, наскоро

---

*) *Предисловіе* стр. VII.

сдѣланное, что въ наше время нерѣдко случается: г. Неволину извѣстенъ его предметъ во всемъ объемѣ, и разъясненъ имъ по всѣмъ печатнымъ и рукописнымъ источникамъ, которыми авторъ имѣлъ случай пользоваться при пособіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. О книгѣ его можно сдѣлать слѣдующій выводъ: 1) это географическая картина Новгородскаго государства въ XVI вѣкѣ (слѣдовательно большей части сѣверной Европейской Россіи), по отношенію къ пятинамъ и погостамъ (центрамъ, по мнѣнію автора, сельской администраціи), и 2) картина эта имѣетъ достоинство несомнѣнной точности и достовѣрности, будучи составлена по современнымъ офиціальнымъ документамъ.»

Въ слѣдствіе этихъ двухъ отзывовъ, Академія не усумнилась увѣнчать трудъ г. Неволина полною Демидовскою наградою.

IV.

При существовавшей издревле тѣсной связи Россіи съ Византіею—связи, сначала ограничивавшейся торговлею, а потомъ скрѣпленной узами Вѣры и историческихъ событій, — весьма важно для насъ ознакомиться съ рядомъ Византійскихъ историковъ, начинающимся почти съ разрушенія Западно-Римской имперіи и оканчивающимся не прежде покоренія Турками Царяграда, въ XV вѣкѣ. Эти лѣтописатели оставили въ своихъ сочиненіяхъ драгоцѣнные матеріалы нетолько для исторіи Византійскаго царства и разныхъ Азіятскихъ и Европейскихъ народовъ, но и множество свѣдѣній, относящихся къ исторіи Славянскихъ племенъ. Византійскіе историки важны для насъ и въ другомъ отношеніи: они имѣли могущественное вліяніе на развитіе древняго Славяно-Русскаго слова, и вообще на литературное образованіе Славянскихъ народовъ.

Переложеніе въ IX вѣкѣ съ Греческаго на Славянскій языкъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ книгъ, сопровождалось у Задунайскихъ Славянъ появленіемъ въ Славянскихъ перево-

дахъ и другихъ произведеній Византійской литературы. Всего болѣе занимались этими переводами и историческими компиляціями Византійцевъ въ Болгаріи, гдѣ даже нѣкоторые владѣтельные князья принимали въ этомъ участіе. Оттуда эти переводы перешли въ Сербію и особенно въ Россію, гдѣ списывались, передѣлывались и, составляя любимое чтеніе нашихъ предковъ, сохранились доселѣ въ компиляціяхъ разнаго рода. Византійскіе лѣтописцы возбудили у южныхъ и восточныхъ Славянъ историческую дѣятельность, и даже нашли себѣ многихъ подражателей. Такъ Русское лѣтописаніе въ началѣ своемъ можетъ почесться отблескомъ Византійскаго, и даже въ послѣдствіи, когда наши лѣтописцы проложили себѣ самостоятельный путь, Византійскіе хронографы не утратили у насъ своего вліянія: изъ нихъ вносились въ Русскія лѣтописи отрывки касательно исторіи Византіи, и наоборотъ списки переводныхъ Греческихъ хронографовъ утучнялись Русскими событіями.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія положено основаніе критической разработкѣ Русской исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Византійскихъ бытописателей. Шлёцеръ настаивалъ на необходимость полнаго собранія разсѣянныхъ у Византійцевъ извѣстій, для разъясненія исторіи странъ, прилежащихъ къ Днѣпру, Дону, Волгѣ и Кавказу, и указывалъ на пользу изученія Византійской исторіи нетолько самой по себѣ, но и для познанія Византійскаго элемента въ Русской исторіи. Слѣдуя этимъ внушеніямъ, академикъ Кругъ (въ 1808 — 10 годахъ) написалъ «Критическій опытъ объясненія Византійской хронологіи, относительно древнѣйшей исторіи Россіи,» а для наибольшаго разъясненія Византійской хронологіи, Академія (въ 1809 году), по предложенію Круга, предложила премію за составленіе полной Византійской хронологіи. Какъ эта задача, хотя и была повторена въ 1811 году, осталась безъ разрѣшенія, то по ближайшемъ обсужденіи дѣла, въ новѣйшее время, Академія находила, что для составленія полной и вѣрной хронологіи Византійской исторіи источники, которыми пользовались

прежніе разыскатели, не полны, и что находятся еще многіе, до которыхъ они не касались. Сверхъ того оказалось необходимымъ свѣрить сбивчивую хронологію Византійцевъ съ исправнѣйшими текстами и древнѣйшими рукописями. А это само собою указывало на Славяно-Русскую письменность и заставляло дать этой задачѣ такое направленіе, чтобы она и Русскихъ ученыхъ привлекла къ изученію Византійскихъ источниковъ, сохранившихся въ Славянскихъ переводахъ, и чрезъ то съ другой стороны оказалась плодотворною для Церковно-Славянской и Русской литературы. Извѣстно, что хронографы въ Славянскихъ переводахъ дошли до насъ по большей части безъ именъ сочинителей, въ разныхъ редакціяхъ, со вставками и дополненіями, такъ что о многихъ статьяхъ нельзя сказать достовѣрно, переведены ли онѣ изъ Византійскихъ историковъ, или въ какомъ нибудь Славянскомъ краѣ заимствованы съ изустнаго преданія, или почерпнуты изъ письменныхъ памятниковъ. Въ этомъ случаѣ Славяно-Русскіе хронографы могутъ вновь открыть утраченныя извѣстія Византійцевъ, пояснить темныя и трудныя мѣста ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить къ исправленію испорченныхъ Греческихъ текстовъ, и въ особенности хронологическихъ данныхъ. Причемъ однакожъ не должно забывать, что сличать и изслѣдывать Славянскіе хронографы невозможно безъ глубокаго знанія ихъ первообразовъ—Византійскихъ писателей.

Всѣ эти соображенія побудили Академію измѣнить программу задачи въ томъ смыслѣ, чтобы хронографія Византійской исторіи, съ 395 до 1056 г., изложена была по изданнымъ донынѣ Византійцамъ, но такимъ образомъ, чтобы она, кромѣ главной цѣли — содѣйствовать изслѣдованію Славянскихъ хронографовъ, могла проложить путь и къ обработанію собственно Византійскаго лѣтосчисленія по строго-ученой системѣ.

Премія предложенная отъ имени Круга и уплаченная изъ его капитала, досталась труду г. библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, Э. Муральта. Объ этомъ трудѣ, подъ заглавіемъ:

Essai de Chronographie Byzantine, de 395 à 1057, par E. de Muralt, 40 листовъ, 8°,

представленномъ на нынѣшній Демидовскій конкурсъ, гг. рецензенты, академики Броссе и Куникъ, отозвались слѣдующимъ образомъ: «Сочиненіе это, по своей задачѣ, должно было составлять обдуманно приготовленный матеріалъ для обработки Византійской хронографіи, приспособленный къ пользѣ Славянскаго дѣеписанія. Въ этомъ отношеніи будущіе изслѣдователи найдутъ въ трудѣ г. Муральта богатый запасъ историко-хронологическихъ данныхъ. Здѣсь собрано болѣе трехъ тысячь фактовъ, которые, съ немногими исключеніями, извлечены изъ Византійцевъ въ собственномъ смыслѣ. Не ограничиваясь ими, авторъ пользовался также церковными книгами, юридическими документами, писателями Латинскими и восточными и нѣкоторыми Славянскими источниками. Вообще число болѣе или менѣе примѣчательныхъ источниковъ, бывшихъ у него подъ руками, простиралось до ста. Къ сочиненію своему г. Муральтъ присоединилъ указатель собственныхъ именъ, лицъ и мѣстностей (числомъ до 5000), составленный съ особенною отчетливостью.»

По строгомъ обсужденіи достоинствъ и недостатковъ означеннаго сочиненія, гг. академики Броссе и Куникъ заключили свою рецензію слѣдующими словами: «Нѣтъ сомнѣнія, что оказать поощреніе автору труда, облегчающаго изученіе одной изъ важнѣйшихъ отраслей Византійско-Славянской литературы, не можетъ противорѣчить учрежденію Демидовскихъ премій. Если бы г. Муральтъ представилъ критически разработанную полную систему Византійской хронографіи, то, по всей справедливости, такое сочиненіе достойно было бы полной преміи. Но какъ предлежащее сочиненіе содержитъ въ себѣ только предварительное, весьма важное пособіе къ сказанному труду, то мы и ходатайствуемъ о награжденіи г. Муральта второстепенною преміею.»

Этотъ приговоръ гг. рецензентовъ былъ утвержденъ Академіею.

V.

Изъ представленныхъ на нынѣшній конкурсъ сочиненій, по части новѣйшей отечественной географіи, первое мѣсто занимаетъ:

Атласъ сѣверныхъ береговъ Америки отъ Берингова пролива до мыса Корріэнтесъ и острововъ Алеутскихъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ сѣверовосточнаго берега Азіи (составилъ капитанъ 1го ранга Тебеньковъ, 1852 г. въ большомъ форматѣ), и пояснительный къ нему текстъ, подъ заглавіемъ: Гидрографическія замѣчанія къ Атласу сѣверозападныхъ береговъ Америки и проч. С. Петербургъ, 1852 года, 148 и 17 стр., въ большую 8°.

О происхожденіи этого столь важнаго для географовъ и мореплавателей Атласа, авторъ въ предисловіи говоритъ слѣдующее: «Востокъ нашъ, бѣдный населеніемъ и произведеніями, весьма немного намъ извѣстенъ: Атласъ сѣверной половины Тихаго Океана, изданный бывшимъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, подъ надзоромъ адмирала Сарычева, въ 1826 году, и нѣсколько картъ острововъ Алеутскихъ и Курильскихъ адмирала Крузенштерна, въ его Атласѣ Южнаго Моря, 1824—26 годовъ, донынѣ были единственными путеводителями по нашимъ приморскимъ владѣніямъ того края. Уже во время послѣдняго моего пребыванія въ колоніяхъ, съ 1847 года стали выходить карты новаго Атласа, издаваемаго Гидрографическимъ Департаментомъ, составленныя бывшимъ поручикомъ Корпуса Флотскихъ Штурмановъ, нынѣ капитанъ-лейтенантомъ Кашеваровымъ. По времени и способамъ, всѣ эти атласы и карты, конечно, достойны всякого уваженія, но въ настоящемъ онѣ неполны. По этому еще при первомъ моемъ вступленіи въ службу Россійско-Американской Компаніи, съ 1825 по 1833 годъ, видя какъ многое было нужно изслѣдовать и опредѣлить для составленія точнѣйшихъ свѣдѣній о томъ краѣ, я прилагалъ все мое стараніе пріобрѣсть нужныя данныя, и въ 1833

году представилъ записку объ этомъ, — плодъ незрѣлый, но уже имѣвшій нѣкоторое значеніе. Въ 1845 году, будучи избранъ въ Правители Колоніями, я принялъ рѣшительное намѣреніе исправить и дополнить существенные недостатки гидрографіи того края.»

Съ этою цѣлью трудолюбивый авторъ постоянно занимался собираніемъ матеріаловъ, перечиталъ множество хранящихся въ Россійско-Американскихъ колоніяхъ (съ 1782 года) корабельныхъ журналовъ, сличалъ составленные туземцами очерки береговъ, пересмотрѣлъ изданныя о томъ краѣ путешествія и описанія и лично производилъ многія наблюденія; сверхъ того, по назначеніи своемъ Правителемъ Колоній, онъ снаряжалъ нарочныя экспедиціи для опредѣленія мало извѣстныхъ береговыхъ пунктовъ и поручалъ командирамъ судовъ собирать, во время ихъ плаваній, гидрографическія извѣстія, или производить необходимыя наблюденія. Плодомъ обработки этихъ многосложныхъ матеріаловъ, собранныхъ съ такими трудностями, было появленіе въ свѣтъ предлежащаго Атласа, съ гидрографическими къ нему замѣчаніями.

Академія поручила разсмотрѣть этотъ картографическій трудъ ученому мореплавателю, вице-адмиралу барону Ф. П. Врангелю, бывшему также Правителемъ нашихъ Американскихъ Колоній, и получила отъ него слѣдующій отзывъ: «Сочиненіемъ этимъ капитанъ 1го ранга Тебеньковъ пополнилъ важный недостатокъ по части гидрографіи того объёма Великого Океана, по которому совершаютъ обыкновенныя свои плаванія корабли Россійско-Американской Компаніи, заключающагося между широтами 19° и 66¼° и долготами 100½ и 220½°. Хотя знаменитый нашъ гидрографъ, адмиралъ Крузенштернъ, обработалъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи и сѣверную часть Океана, однакожъ, за неимѣніемъ въ то время довольно данныхъ, карты въ Атласѣ Крузенштерна не представляютъ тѣхъ подробностей и въ Запискахъ его не встрѣчаются тѣ наставленія, въ которыхъ именно мореходцы нуждаются для безопаснаго совершенія рейсовъ око-

ло береговъ бурнаго, туманамъ и сильнымъ теченіямъ подверженнаго моря. Капитанъ 1го ранга Тебеньковъ пополнилъ этотъ недостатокъ и подарилъ мореходцевъ Атласомъ, вмѣщающимъ на 39 листахъ берега вышеозначеннаго пространства, и сверхъ того 48 частныхъ плановъ для входовъ въ гавани и заливы, также изображенія видовъ большаго числа замѣчательныхъ пунктовъ. Атласъ этотъ тѣмъ бóльшую имѣетъ цѣну, что въ приложенныхъ къ нему «замѣчаніяхъ» мореходецъ найдетъ для каждой частной карты нетолько отчетъ въ употребленныхъ для составленія ея матеріалахъ, но и во многихъ случаяхъ полезныя лоцманскія наставленія и общелюбопытныя свѣдѣнія.»

Указавъ за симъ на источники, которыми г. Тебеньковъ пользовался, и разсмотрѣвъ критически карты его Атласа, рецензентъ присовокупляетъ: «Атласъ г. Тебенькова представляетъ собраніе картъ, исправленныхъ и дополненныхъ неизвѣстными намъ доселѣ описями и свѣдѣніями. Для доставленія этимъ картамъ возможной въ настоящее время вѣрности и отчетливости, сочинитель исполнилъ огромный трудъ на пользу гидрографіи вообще, а отечественныхъ мореплавателей въ особенности. Принимая въ уваженіе то обстоятельство, что г. Тебеньковъ извлекъ свои матеріалы, для исправленія прежнихъ картъ, исключительно изъ рукописныхъ журналовъ отечественныхъ мореплавателей, сочиненіе его можно назвать оригинальнымъ Русскимъ, чѣмъ онъ и заслужилъ справедливую признательность отъ всѣхъ мореходцевъ.»

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе ученаго рецензента, Академія конечно не преминула бы назначить превосходному труду г. Тебенькова полную Демидовскую премію, если бы избытокъ сочиненій нынѣшняго конкурса не поставилъ ее въ необходимость ограничить награду половинною преміею.

VI.

Другимъ сочиненіемъ, относящимся къ новѣйшей географіи России, представленнымъ на нынѣшній конкурсъ, мы обязаны ученой экспедиціи, отправленной Императорскимъ Русскимъ

Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія Сѣвернаго Урала. Оно имѣетъ заглавіе:

Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-хой. Томъ I. С. Петербургъ, 1853 года, LXXIII и 307 стр., съ 2ᵐʸ картами и 2ᵐʸ чертежами.

Этотъ томъ, изданный ученымъ астрономомъ экспедиціи г. Ковальскимъ, составляетъ первую часть подробнаго донесенія о трудахъ ея и заключаетъ въ себѣ, сверхъ краткаго очерка путешествія въ 1847 и 48 годахъ и общихъ замѣчаній о климатѣ посѣщенныхъ странъ и ихъ жителяхъ, наблюденія и выводы автора по части математической и физической географіи изслѣдованнаго края.

Академіи представлены объ этомъ сочиненіи три разбора отъ гг. академиковъ, Отто Струве по астрономической, Купфера по магнетической и Ленца по гипсометрической частямъ. Г. Струве въ своей рецензіи говоритъ: «Чтобы объяснить высокое значеніе этой работы, достаточно упомянуть, что авторъ сообщаетъ здѣсь географическія положенія 186ᵗᵢ пунктовъ и высоты 72ʰ изъ нихъ надъ уровнемъ моря. Всѣ эти пункты, за исключеніемъ одного, лежатъ между 60 и 70 градусами широты, въ странахъ, прежде по большей части не посѣщенныхъ образованными путешественниками». Затѣмъ подвергнувъ эти результаты критическому разбору, г. Струве замѣчаетъ: «Изъ вышеизложеннаго достаточно явствуетъ, какой богатый матеріалъ собранъ г. Ковальскимъ, въ двухлѣтнее его путешествіе, для усовершенія математической географіи изслѣдованнаго края. По ближайшемъ разсмотрѣніи дневника его наблюденій, нельзя не отдать должной справедливости постоянству и дѣятельности ученаго путешественника. Не упоминая о физическихъ трудностяхъ и множествѣ лишеній, которымъ онъ подвергался, одно собраніе столь обширнаго матеріала, какой имъ пріобрѣтенъ, требовало необыкновенныхъ усилій. При этомъ не должно забывать, что ученая работа происходила въ краю, гдѣ природа противупо-

ставляетъ дѣятельности человѣка препятствія и трудности, для людей съ меньшею силою воли почти непреодолимыя.»

Г. академикъ Купферъ поставляетъ на видъ, что г. Ковальскій на всѣхъ пунктахъ, гдѣ случалось ему прожить нѣсколько дней, производилъ магнетическія наблюденія, именно: въ Чердыни, Оранцѣ, Пустозерскѣ, Березовѣ и Обдорскѣ, и хотя число этихъ пунктовъ не велико, однакожъ относясь къ глубокому сѣверу — настоящему поприщу магнетическихъ наблюденій — они отмѣнно важны для теоріи земнаго магнетизма; эти наблюденія сдѣланы съ особеннымъ тщаніемъ и осмотрительностью и, безъ сомнѣнія, будутъ приняты физиками съ благодарностью, какъ пополненія весьма ощутительнаго пробѣла въ нашихъ познаніяхъ о земномъ магнетизмѣ.»

Г. академикъ Ленцъ, ограничившій свои замѣчанія только четвертою главою сочиненія, т. е. опредѣленіемъ высоты главныхъ пунктовъ Урала, отозвался также съ похвалою объ изслѣдованіяхъ по этой части г. Ковальскаго.

Независимо отъ упомянутаго сочиненія, г. Ковальскій представилъ на нынѣшній конкурсъ еще другое свое сочиненіе, относящее до астрономіи:

Теорія движенія Нептуна. Сочиненіе М. Ковальскаго, адъюнкта Императорскаго Казанскаго Университета. Казань, 1852 г., VI. 100 и 27 стр., въ 4ю долю листа.

Объ этомъ трудѣ г. академикъ Остроградскій изложилъ слѣдующее мнѣніе:

«Изъ разсмотрѣннаго мною сочиненія видно обширное знаніе авторомъ методъ, употребительныхъ въ небесной механикѣ. Онъ даже отчасти измѣнялъ эти методы, гдѣ считалъ нужнымъ, какъ, напримѣръ, говоря о развитіи пертурбаціонной функціи. Притомъ разсужденіе г. Ковальскаго есть слѣдствіе продолжительнаго и упорнаго труда: оно содержитъ въ себѣ множество нумерическихъ выкладокъ, собственно ему принадлежащихъ и относящихся къ теоріи Нептуна, Юпитера, Сатурна и Урана,

—теоріи, которою пополняются періодическія неравенства трехъ послѣднихъ планетъ.»

Академія, сообразивъ эти отзывы и желая поощрить молодаго ученаго, подающаго столь блистательныя надежды, присудила г. Ковальскому второстепенную Демидовскую премію.

VII.

Нынѣшній конкурсъ представляетъ также явленіе по части практической математики, именно геометріи, въ приложеніи ея къ межеванію. Это:

Зарубина, вновь изобрѣтенные инструменты, относящіеся до межеванія, съ приложеніемъ Руководства къ практическому ихъ употребленію. (Рукопись.)

Эти инструменты были разсмотрѣны Коммиссіею, составленною изъ пяти академиковъ, изъ которыхъ г. Буняковскій отъ имени ея донесъ Академіи слѣдующее:

«Все, что относится до облегченія землемѣрія и въ особенности опредѣленія количества земли, перенесенной на планъ, имѣетъ для насъ особенный интересъ: достиженіемъ этой цѣли съ одной стороны увеличивается кругъ землевладѣльцевъ, которые сами могутъ удовлетворить свои надобности въ землемѣріи, а съ другой облегчается трудъ людей, посвятившихъ себя исключительно этому занятію. Въ 1848 году на Демидовскій конкурсъ представленъ былъ ручной планиметръ г. Ермакова; этотъ инструментъ, какъ значительно облегчающій опредѣленіе площадей трехъугольниковъ, былъ удостоенъ почетнаго отзыва Академіи. Нынѣ на Демидовскій конкурсъ поступило отъ г. Зарубина шесть различныхъ инструментовъ, и каждый изъ нихъ служитъ къ упрощенію нанесенія нарѣзокъ или измѣренія площади плана.»

Переходя затѣмъ къ ближайшему разсмотрѣнію этихъ инструментовъ, рецензентъ упоминаетъ, что пять изъ нихъ были уже разсмотрѣны Академіею въ прошломъ году, и вполнѣ заслужили ея одобреніе. Они суть:

1) *Планографъ*—служащій для измѣренія и нанесенія угловъ на планѣ. Онъ имѣетъ нѣкоторое преимущество передъ обыкновеннымъ транспортиромъ.

2) *Исчислитель плановъ* — инструментъ, назначенный для опредѣленія площадей трехъугольниковъ, безъ ариѳметическихъ вычисленій.

3) *Длинномѣръ* — инструментъ для измѣренія линій большой длины. Отличаясь самымъ простымъ устройствомъ, онъ оказался весьма полезнымъ при опредѣленіи площадей плановъ значительнаго размѣра.

4) *Линейка планиметръ*—сохраняющая параллельное положеніе, когда двигаютъ ее рукою по направленію перпендикулярному къ ея длинѣ; къ ней придѣланъ часовой механизмъ, назначенный какъ и механизмъ въ длинномѣрѣ, для непосредственнаго измѣренія площади трехъуголника, приведеннаго къ данному единичному основанію.

5) *Планиметръ*—инструментъ, посредствомъ котораго задача объ опредѣленіи площадей плановъ рѣшается въ общемъ видѣ.

Нынѣ представленный изобрѣтателемъ шестой инструментъ есть ручной лонгиметръ, также служащій въ нѣкоторомъ отношеніи къ облегченію пріемовъ межеванія, и именно при сочиненіи плановъ, но уступающій въ простотѣ устройства первому инструменту г. Зарубина — планографу.»

Всѣ эти инструменты соотвѣтствуютъ своей цѣли и доказываютъ остроуміе изобрѣтателя; но особенно искусно придуманъ планиметръ, вполнѣ удовлетворяющій условіямъ, требующимся отъ подобныхъ снарядовъ. Посредствомъ его опредѣленіе поверхности плана доведено до возможной простоты. «Во многихъ случаяхъ», по замѣчанію рецензента, «измѣреніе длины бываетъ нелегче измѣренія площади плана. При помощи этого инструмента стоитъ только обвести указателемъ периметръ плана, ограниченнаго какими бы то ни было прямыми или кривыми линіями, стрѣлки на двухъ циферблатахъ укажутъ количество десятинъ и сотенъ квадратныхъ саженъ, за-

ключающихся въ измѣряемомъ участкѣ. Въ новѣйшее время изобрѣтено много планиметровъ, какъ то: Эрнстомъ, Бёвьеромъ (Bevière), Каспаромъ Ветли, Сангомъ (Sang), Барановскимъ; но всѣ они, по сложности механизмовъ, имѣютъ общій для землемѣровъ недостатокъ—дороговизну. Г. Зарубинъ полагаетъ, что при заказѣ значительнаго числа экземпляровъ изобрѣтеннаго имъ планиметра, напрям. ста, каждый экземпляръ обойдется не дороже ста и даже въ послѣдствіи сорока рублей серебромъ, что составляетъ примѣрно только половину средней цѣны снарядовъ этого рода.

«Описанія инструментовъ составлены г. Зарубинымъ съ полною отчетливостью; равнымъ образомъ изложеніе способовъ, относящихся до межеванія, заслуживаетъ одобренія и по содержанію своему и по ясности. Чертежи, приложенные къ тексту, выполнены съ особеннымъ стараніемъ.»

Коммиссія, разсматривавшая инструменты г. Зарубина, заключаетъ свой отчетъ слѣдующими словами: «Изъ вышеприведеннаго видно, до какой степени облегчаются ими сочиненіе плановъ и измѣреніе ихъ площадей. Такіе инструменты, съ подробнымъ и отчетливымъ описаніемъ ихъ устройства и употребленія, составляютъ, безъ сомнѣнія, весьма важное пріобрѣтеніе въ дѣлѣ межеванія.»

Согласно этому отзыву, изобрѣтеніе г. Зарубина было удостоено Академіею поощрительной преміи.

VIII.

Матеріалы къ Минералогіи Россіи; сочиненіе полковника Кокшарова.

Объ этой книгѣ представлены два донесенія гг. академиковъ Купфера и Абиха. Оба они приписываютъ особенную похвалу кристаллографической ея части.

Г. Купферъ говоритъ: «Кристаллографія, въ новѣйшее время, обязана своими успѣхами исправленнымъ методамъ наблюденія, и особенно отражательному угломѣру, или гоніометру.

Этотъ приспособленный для усвоенныхъ ему работъ инструментъ далъ способъ съ математическою точностью опредѣлять геометрическія формы неодушевленныхъ тѣлъ, и по этимъ несомнѣннымъ признакамъ отличать разнообразныя ихъ породы. Не преувеличивая значенія угловъ при опредѣленіи означенныхъ породъ, можно съ основательностью полагать, что если у насъ будетъ столько точныхъ измѣреній, какія содержатся въ одномъ сочиненіи г. Кокшарова, то достаточно будутъ извѣстны нетолько степени отступленій, допускаемыхъ природою въ предѣлахъ однихъ и тѣхъ же видовъ, но и въ какой мѣрѣ одинъ уголъ, встрѣчающійся въ однихъ и тѣхъ же недѣлимыхъ, можетъ уклоняться въ нихъ отъ средняго нормала: ибо одно точное измѣреніе не нѣкоторыхъ только опредѣлительныхъ, но всѣхъ вообще измѣряемыхъ угловъ одного и того же недѣлимаго, можетъ показать въ этомъ случаѣ предметъ съ настоящей точки зрѣнія.

«Сочиненіе г. Кокшарова, какъ видно изъ самаго заглавія, содержитъ въ себѣ матеріалы для минералогіи Россіи. Извѣстно, какъ богато и разнообразно минеральное царство, скрывающееся въ нѣдрахъ великаго нашего отечества. Г. Кокшаровъ не могъ найти для своихъ наблюденій болѣе обширнаго и достойнаго поприща.

«Скромное заглавіе «Матеріаловъ» дозволило автору, не стѣсняясь предвзятою системою, изслѣдывать предметы минералогіи по мѣрѣ представлявшихся къ тому случаевъ, и имѣть въ виду не столько обиліе и разнообразіе общихъ породъ, сколько возможно-полную обработку отдѣльныхъ видовъ каждой породы.»

Объяснивъ потомъ сказанное нѣсколькими примѣрами и отдавъ справедливость превосходнымъ кристаллографическимъ рисункамъ въ книгѣ г. Кокшарова, рецензентъ прибавляетъ: «Изъ приведенныхъ примѣровъ всякій достаточно убѣдится, что сочиненіе г. Кокшарова составлено весьма отчетливо; оно содержитъ въ себѣ множество новыхъ наблюденій надъ минералами и

выполняетъ задачу, которую авторъ себѣ предположилъ. Представляя рядъ кристаллографическихъ монографій превосходнѣйшихъ изъ Русскихъ минераловъ, это сочиненіе послужитъ прочною основою для будущихъ трудовъ по части минеральной исторіи Россіи.»

Другой рецензентъ г. академикъ Абихъ, сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній относительно избранной авторомъ формы сочиненія, отзывается о трудѣ г. Кокшарова слѣдующими словами:

«Отлично выполненный г. Кокшаровымъ рядъ минералогическихъ наблюденій съ геометрической стороны конечно замѣченъ будетъ всѣми, кто подвергнетъ трудъ его ближайшему разсмотрѣнію: г. Кокшаровъ изслѣдовалъ развитіе формъ одиннадцати важныхъ породъ ископаемыхъ, на основаніи точныхъ измѣреній и соображаясь со всѣми доселѣ замѣченными въ Россіи ихъ комбинаціями.

«Главное достоинство кристаллографическихъ опредѣленій заключается въ выводахъ критическаго, основаннаго на точныхъ измѣреніяхъ наблюденія, и въ установленіи вѣрныхъ осевыхъ отношеній основныхъ формъ, точность которыхъ должна быть повѣрена многократными тщательными выкладками. Сверхъ теоретической важности этихъ измѣреній и выкладокъ, встрѣчающихся въ книгѣ г. Кокшарова, нельзя также не оцѣнить практической пользы, какую они принесутъ некристаллографу, облегчая распознаваніе сомнительныхъ формъ и подведеніе ихъ подъ настоящія породы и виды.

«Особенную цѣну книгѣ г. Кокшарова придаютъ чертежи, въ которыхъ онъ съ свойственною ему мѣткою наглядностію, представилъ правильные первообразы изслѣдованныхъ и измѣренныхъ имъ минеральныхъ комбинацій. Служа украшеніемъ книгѣ г. Кокшарова, они даютъ ей рѣшительное превосходство передъ большею частью новѣйшихъ кристаллографическихъ сочиненій.»

Г. Абихъ, во время путешествія своего въ чужіе краи, имѣлъ случай удостовѣриться въ участіи, съ какимъ иностран-

цы слѣдятъ за учеными трудами г. Кокшарова. Первые минералоги Германіи и Франціи: Розе, Квенштедтъ, Дюфренуа и Делессъ отзывались о нихъ съ сочувствіемъ и радовались несомнѣннымъ успѣхамъ минералогіи, какъ науки, въ нашемъ отечествѣ.

Академія присудила сочиненію г. Кокшарова половинную премію.

Кромѣ вышеприведенныхъ сочиненій, слѣдующія представлены къ конкурсу самими авторами, или внесены нѣкоторыми изъ гг. академиковъ:

1. Ahrens: a) Grammatik der esthnischen Sprache Revel'schen Dialects.

b) Sprachfehler der esthnischen Bibel.

2. Влангали, Геогностическія поѣздки въ восточную часть Киргизской степи, въ 1849 и 1851 г.

3. Bérézine, Recherches sur les dialectes persans.

4. Шульца, Словарь морскихъ словъ и рѣченій парусчаго и пароходнаго флота.

Всѣ эти сочиненія, по одобрительнымъ отзывамъ рецензентовъ, имѣли право на Демидовскую поощрительную премію; но обиліе и относительныя качества другихъ представленныхъ къ конкурсу книгъ, къ крайнему сожалѣнію, не дозволили Академіи наградить авторовъ сообразно достоинству трудовъ ихъ. Сочиненія эти удостоены почетнаго отзыва.

Изъ рецензентовъ нынѣшняго конкурса присуждена золотая медаль 1-го достоинства г. вице-адмиралу барону Врангелю, за составленную имъ рецензію объ Атласѣ сѣверозападныхъ береговъ Америки, г. Тебенькова.

РАЗБОРЪ

сочиненія

доктора Богословія, епископа МАКАРІЯ,

подъ заглавіемъ:

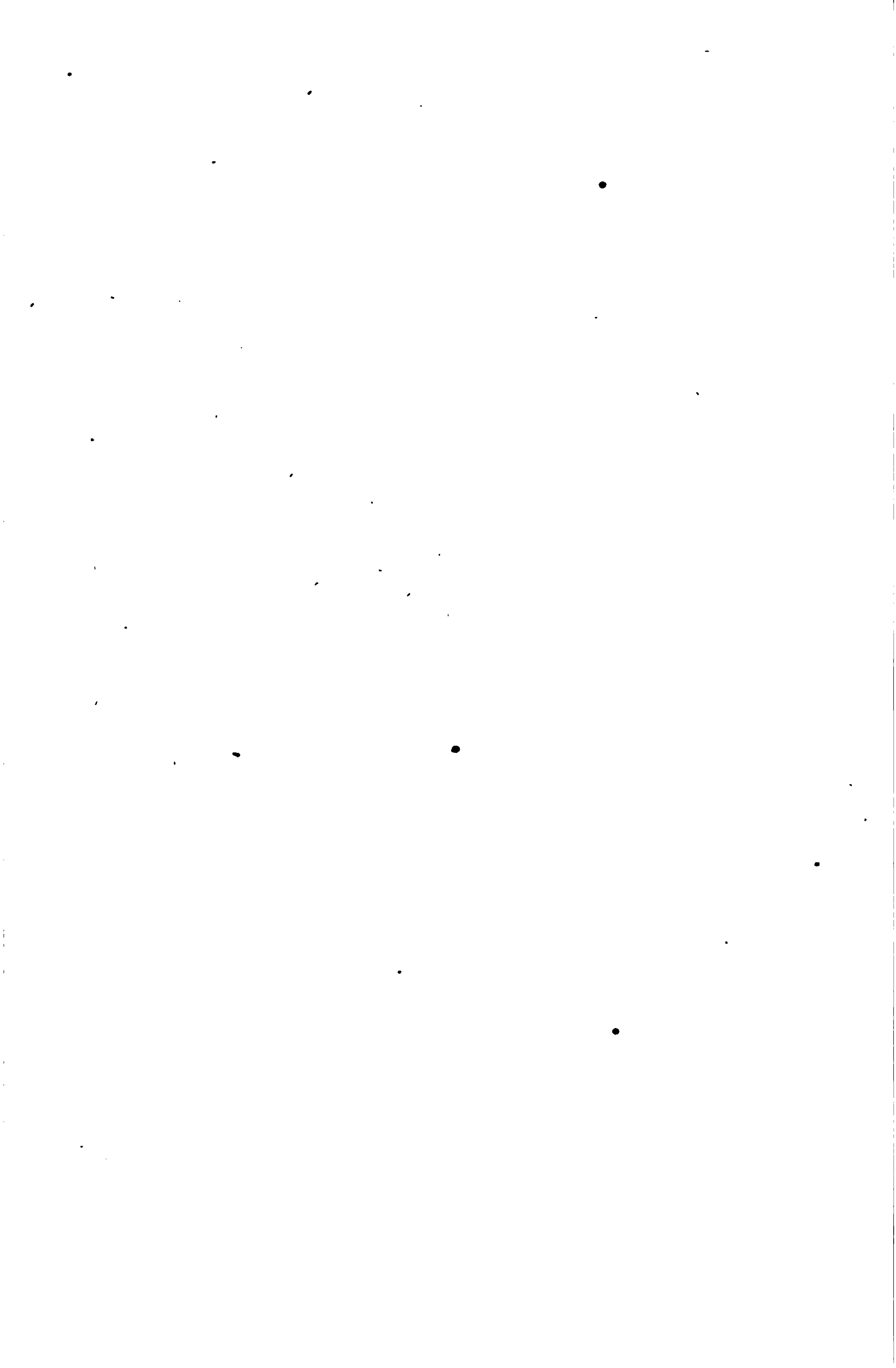
ПРАВОСЛАВНО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ,

5 томовъ,

составленный

преосвященнымъ Иннокентіемъ,

архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ.

Разсматриваемое нами сочиненіе составляетъ собою рѣдкое и самое отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ, подобнаго коему она давно не видала на своемъ горизонтѣ и, по всей вѣроятности, не скоро увидитъ опять. Самыя иностранныя богословскія литературы, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія, не представляютъ, особенно въ современности, творенія съ такими достоинствами, какъ Православная Догматика преосвященнаго Макарія. Богословіе, какъ наука, подвинуто симъ многоученымъ твореніемъ далеко впередъ и много пріобрѣло уже тѣмъ, что разоблачено въ немъ совершенно отъ схоластики и Латинскаго языка и такимъ образомъ введено въ кругъ Русской литературы и предложено, такъ сказать, ко всеобщему употребленію для всѣхъ любителей богословскихъ познаній. Но самая большая заслуга автора состоитъ въ томъ, что въ сочиненіи его въ первый разъ изображены со всею силою и убѣдительностію, ученымъ и вмѣстѣ удобопонятнымъ языкомъ, тѣ догматы и положенія, коими Православная Церковь Восточная отличается отъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ. Послѣ сего иностранный богословъ никакъ не можетъ сказать, что въ Восточной Церкви привыкли вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно: ибо въ новой Православной Догматикѣ содержится такой отчетъ во всемъ, подобнаго коему доселѣ не представили большая часть церквей неправославныхъ, начиная съ Англійской.

Въ подкрѣпленіе сихъ мнѣній да послужатъ слѣдующія, несомнѣнныя справки и соображенія.

А.

1) Всѣ доселѣ изданные въ свѣтъ, опыты Богословія отечественнаго можно раздѣлить на два класса: одни составлены безъ строгой системы, въ видѣ какъ бы отдѣльныхъ трактатовъ, не связанныхъ тѣсно между собою никакою общею, видимою въ книгѣ, мыслію, подобно тому, какъ поступали въ своихъ произведеніяхъ покойные схоластики. Сюда относятся Догматики архимандритовъ: Іоасафа Карпинскаго, Сильвестра Лебединскаго, Макарія Петровича и іеромонаха Ювеналія Медвѣдскаго. Другіе, какъ то преосвященные: Ириней Фальковскій, Ѳеофилактъ Горскій, протоіерей Терновскій и архимандритъ Антоній — держались извѣстной системы, слѣдуя плану, предначертанному еще Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, который раздѣлилъ Догматику на двѣ половины: на ученіе о Богѣ въ самомъ себѣ (de Deo ad intra) и на ученіе о Богѣ *во внѣ*, то есть, въ его дѣйствіяхъ (de Deo ad extra). Планъ очень изрядный, только не въ приложеніи къ Богословію христіанскому; ибо нисколько не взятъ изъ сущности христіанства, какъ бы слѣдовало, почему и не приходится съ удобностію къ систематическому изложенію догматовъ христіанскихъ. Для второй части Богословія по сему плану остается слишкомъ много предметовъ въ сравненіи съ первою; да притомъ въ семъ случаѣ нѣтъ мысли, коею можно было бы связать и проникнуть всѣ трактаты, въ нее входящіе.

Преосвященный Макарій умѣлъ вполнѣ примѣтить и успѣшно избѣжать сей общій Богословіямъ недостатокъ. За исходную точку для Догматики, или за начало ея, онъ принялъ самое понятіе о христіанской религіи, которая, по существу своему, есть не просто только первобытная религія, или естественный союзъ человѣка съ Богомъ, какъ было до паденія человѣка, но религія въ ея дополненномъ чрезъ Откровеніе и исправленномъ видѣ,—

какъ союзъ падшаго человѣка съ Богомъ, возстановленный сверхъестественно чрезъ таинство искупленія и благодати; а потому и состоитъ изъ двоякаго рода догматовъ, изъ коихъ одни принадлежатъ ей, какъ религіи вообще, другіе, какъ религіи возстановленной, сверхъестественной, христіанской. Въ первыхъ излагается ученіе о Богѣ и объ отношеніи его къ человѣку — естественномъ и общемъ, какое имѣлъ къ нему Богъ еще въ религіи первобытной, естественной и имѣетъ равно ко всѣмъ прочимъ существамъ міра, какъ ихъ Творецъ и Промыслитель. Другіе излагаютъ ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣковъ падшихъ, и объ отношеніи его къ человѣческому роду особенномъ, сверхъестественномъ, какое Богъ имѣетъ исключительно къ намъ грѣшнымъ въ религіи возстановленной, какъ нашъ Искупитель, совершившій дѣло спасенія на крестѣ, какъ нашъ Освятитель, усвояющій намъ это спасеніе посредствомъ благодати св. Духа, наконецъ какъ нашъ Судія и Мздовоздаятель, имѣющій воздать по смерти каждому, смотря по тому, какъ онъ воспользовался спасеніемъ, для него пріобрѣтеннымъ. — Такое раздѣленіе догматовъ и Догматики, выходящее, можно сказать, изъ самаго существа христіанской религіи, отличаясь естественностію, вполнѣ соотвѣтствуетъ своему предмету: здѣсь нѣтъ неудобствъ прежняго плана; части системы являются равными, выводятся изъ одного начала, проникаются до мелкихъ подробностей одною господствующею мыслію и такимъ образомъ дѣйствительно представляютъ изъ себя стройное и саморазвитое цѣлое — науку. Такое раздѣленіе Догматики, удовлетворяя вполнѣ требованіемъ логики, получаетъ новую цѣну отъ того, что такимъ образомъ изведенъ изъ подъ спуда и пущенъ опять въ дѣло древній способъ изложенія догматовъ христіанскихъ, коего держались постоянно (какъ это показываетъ самъ авторъ) святые отцы и учители вселенскіе, и который вышелъ изъ употребленія и оставленъ въ забвеніи только потому, что не умѣли достойно оцѣнить его и придать ему ученую систематическую обработку.

2. Еще болѣе преимуществъ разсматриваемая нами Догматика имѣетъ предъ всѣми прежними догматическими твореніями въ отношеніи къ методу или способу раскрытія истинъ богословскихъ. Здѣсь каждый догматъ обозрѣвается и раскрывается со всѣхъ сторонъ, съ какихъ только онъ можетъ съ пользою явиться въ наукѣ: внимательный читатель, по прочтеніи каждаго трактата, поставляется въ состояніе самъ судить о немъ (догматѣ) и въ его началѣ и основаніяхъ, и въ его историческомъ развитіи, и въ его отношеніи къ началамъ разума, и въ его практическихъ послѣдствіяхъ для сердца и жизни.

Разсмотрѣніе всегда открывается обстоятельнымъ изложеніемъ о предметѣ ученія Церкви, какъ хранительницы Православія,—условіе, безъ выполненія коего Православное Богословіе, очевидно, не было бы достойно своего имени, и которое однакоже весьма мало выполнялось во всѣхъ прежнихъ Богословіяхъ. Авторъ напротивъ выполняетъ его со всѣмъ постоянствомъ и усердіемъ нетолько въ отношеніи каждаго трактата, но и каждой главы, даже иногда — параграфа. Такимъ образомъ учительницею догматовъ является у него сама Церковь, а онъ служитъ ей только вѣрнымъ истолкователемъ и покорнымъ орудіемъ. Это самое давно многіе желали видѣть въ Догматикѣ и не видѣли доселѣ: теперь желаніе сіе удовлетворено вполнѣ. Ибо авторъ не ограничился въ семъ отношеніи приведеніемъ только главныхъ пунктовъ церковнаго ученія касательно главныхъ догматовъ, но выставилъ оное (первый) съ отчетливостію касательно всѣхъ прочихъ,—даже въ отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ истинамъ. Такимъ образомъ устранена совершенно печальная необходимость, прочитавши какой либо богословскій трактатъ, спрашивать: а такъ ли точно учитъ св. Церковь?

За изложеніемъ ученія Церкви у автора всегда слѣдуетъ подтвержденіе его изъ Св. Писанія: ибо Церковь преподаетъ намъ не свое ученіе и не отъ себя, а передаетъ токмо то, что откры-

то самимъ Богомъ чрезъ Пророковъ и Апостоловъ въ ихъ писаніяхъ или преданіяхъ.

Этимъ изложеніемъ библейскаго ученія о догматахъ занимались всѣ прежніе составители Догматикъ, и большая часть ограничивали симъ все дѣло. Несмотря на то, и эта сторона Догматики является у преосвященнаго Макарія превосходнѣе, нежели какъ она находится въ прежнихъ. Нетолько обиліе текстовъ, но и выборъ ихъ, особенно раскрытіе и приложеніе къ доказываемому предмету заслуживаютъ полную похвалу и не оставляютъ желать ничего болѣе. Подобное сему можно было находить прежде только у Θеофана Прокоповича, и то въ меньшемъ размѣрѣ и не съ такимъ искусствомъ.

Изложеніе догматовъ по смыслу Св. Писанія возвышается и получаетъ всегда новую цѣну у преосвященнаго Макарія тѣмъ, что въ слѣдъ за указаніемъ на существованіе ихъ въ Св. Писаніи, всегда и съ подробностію представляется, какъ сіи же самые догматы постоянно существовали въ преданіи Церкви вселенской. Для сего въ каждой главѣ являются цѣлые ряды свидѣтелей сего преданія, — отцы и учители Церкви первыхъ шести вѣковъ. Безъ сего всегда могъ возникать въ умѣ читателя вопросъ: а такъ ли понимали Св. Писаніе соборы вселенскіе и прежніе учители Церкви, какъ оно изъясняется въ Догматикѣ? Преосвященный Макарій (первый) вполнѣ отвѣтилъ на сей важный вопросъ, со всею полнотою и основательностію, и симъ оказалъ важную услугу Богословію, какъ наукѣ.

Не мало служитъ такъ же къ поясненію догматовъ у автора то, что онъ (чего не дѣлали прежде, исключая двухъ—трехъ случаевъ у Θеофана Прокоповича) призываетъ на помощь исторію догматовъ, которая, по важности своей, давно составила изъ себя даже особую науку въ иностранной литературѣ, а у насъ оставалась въ забвеніи. Благодаря обширнымъ свѣдѣніямъ историческимъ, коихъ образцы показаны были въ прежнихъ историческихъ сочиненіяхъ автора, въ Догматикѣ его при каждомъ случаѣ видимъ, какъ и почему ученіе Церкви касательно извѣст-

ныхъ догматовъ опредѣлялось съ той или другой стороны, въ такихъ а не другихъ выраженіяхъ, что весьма много помогаетъ къ болѣе глубокому уразумѣнію ученія церковнаго.

Имѣя въ виду свойство духа времени, благоразумно также поступилъ авторъ, давъ въ своей Догматикѣ мѣсто для безпристрастнаго взора здраваго разума на догматы христіанскіе. Съ одной стороны это служитъ для успокоенія пытливости умственной, особенно въ юныхъ слушателяхъ, съ другой составляетъ постоянное доказательство, что Вѣра и Откровеніе не боятся никакихъ сужденій и возраженій разума, и во всякомъ случаѣ только превышаютъ его понятіе (логическое), но никогда не противорѣчатъ его началамъ, кои сами, при углубленіи мыслію въ ихъ источникъ, всѣ сводятся окончательно къ вѣрѣ въ истину того, что необходимо представляется таковымъ въ нашемъ сознаніи. Теоретическія соображенія автора объ истинахъ христіанства всегда отличаются зрѣлостію, отчетливостію, основательностію и нерѣдко богатствомъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ опровергаетъ онъ возраженія неправомыслящихъ, заимствованныя изъ разныхъ отраслей естествознанія, исторіи и другихъ наукъ. Въ этихъ соображеніяхъ, кои въ прежнихъ Догматикахъ вовсе почти не имѣли мѣста по самой ихъ краткости, авторъ весьма удачно избѣгъ двухъ недостатковъ: направленія *раціоналистическаго*, господствующаго нынѣ особенно въ Германіи, которое, отвергая авторитетъ Церкви и самой Библіи, поставляетъ разумъ верховнымъ судіею Вѣры и, въ слѣдствіе того, отвергаетъ все, что есть въ христіанствѣ непостижимаго, — и направленія *схоластическаго*, по коему разсуждавшіе о догматахъ по началамъ разума вдавались обыкновенно въ излишнія діалектическія тонкости и занимались рѣшеніемъ вопросовъ, нетолько не относящихся къ положительному ученію Церкви и Библіи, но и не содержащихъ въ себѣ никакой важности.

Въ нравственныхъ выводахъ изъ догматовъ, коими заключается у автора каждая глава, конечно, не представляется но-

вости, такъ какъ это нерѣдко дѣлалось въ нашихъ Догматикахъ и прежде: но въ прежнихъ опытахъ они излагаемы были обыкновенно въ видѣ краткихъ и сухихъ положеній; а здѣсь являются каждый разъ въ приличной полнотѣ, проникнуты христіанскимъ чувствомъ и, какъ зрѣлый сочный плодъ, заставляютъ желать извѣдать ихъ собственнымъ вкусомъ на опытѣ.

Такимъ образомъ методъ, коему слѣдовалъ авторъ, есть самый полный и всесторонній, удовлетворяющій требованіямъ самаго любоиспытательнаго читателя, и посему весьма приличный каѳедрѣ академической, съ коей авторъ преподавалъ свои уроки.

3. По такой ученой обработкѣ и полнотѣ, сочиненіе преосвященнаго Макарія выполнило именно то самое, чего недоставало нашей богословской литературѣ. Ѳеофанъ Прокоповичъ началъ было, какъ извѣстно, излагать Догматику въ обширномъ размѣрѣ; но онъ не довелъ ее самъ и до половины. Послѣдующіе трактаты, доконченные по его плану другими, вообще кратки и не такъ обстоятельны; притомъ величина самаго перваго тома, собственно принадлежащаго Ѳеофану, зависѣла между прочимъ отъ того, что здѣсь же помѣщены имъ предварительные общіе трактаты о началахъ Богословія, что у преосвященнаго Макарія составило предметъ особаго обширнаго и многоученаго сочиненія: «Введеніе въ Православное Богословіе.» Опыты преосвященнаго Иринея Фальковскаго и Сильвестра также довольно обширны; но уступаютъ творенію Ѳеофана, тѣмъ болѣе преосвященнаго Макарія. О другихъ, еще кратчайшихъ, опытахъ нѣтъ нужды и упоминать.

Такая полнота, кромѣ обширности метода, по коему авторъ разсматривалъ тѣ же догматы и истины съ новыхъ, не тронутыхъ прежде сторонъ, зависѣла у него и отъ того, что онъ далъ мѣсто въ своей Догматикѣ нѣкоторымъ, дотолѣ вовсе не бывалымъ въ ней, предметамъ, какъ напр. очеркъ постепеннаго раскрытія догматовъ въ Православной Церкви, исторія самой Догматики и проч.; а во-вторыхъ отъ того, что онъ съ особенною обстоятельностію и силою старался раскрывать и утверждать

тѣ догматы, кои составляютъ отличительный характеръ православнаго ученія Восточной Церкви и отвергаются или превращаются въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, какъ напр.: ученіе о вѣчномъ происхожденіи св. Духа отъ Бога Отца, о седми таинствахъ церкви, о почитаніи и призываніи на помощь ангеловъ и святыхъ, о молитвахъ за умершихъ и проч.

Вообще Догматика преосвященнаго Макарія представляетъ собою такую систему Православно-Догматическаго Богословія, изъ которой всякъ желающій можетъ изучить истины нашей Православной Вѣры основательно и во всей полнотѣ, нетолько въ отношеніи къ Вѣрѣ, но и въ приложеніи къ жизни.

4. Это тѣмъ удобнѣе и легче, что вся система написана языкомъ яснымъ и общевразумительнымъ. Изъ прежнихъ Догматикъ наибольшая часть писаны были, сообразно тогдашнему обычаю, по-латинѣ, въ видѣ учебниковъ, по методу болѣе или менѣе схоластическому, посему и могли быть доступны только людямъ, знакомымъ съ языкомъ Латинскимъ и привыкшимъ къ формамъ схоластики, а для общества, для всего православнаго народа Русскаго какъ бы не существовали. Другіе, позднѣйшіе опыты хотя писаны и на Русскомъ языкѣ, но также въ видѣ собственно учебниковъ и методомъ болѣе или менѣе школьнымъ, не для всякаго легкимъ и удобовразумительнымъ. Съ другой стороны эти опыты, по самой краткости и сжатости слога, не вездѣ излагаютъ истины съ тою ясностію и полнотою, какія необходимы для большей части нашихъ православныхъ читателей. Догматика преосвященнаго Макарія устранила всѣ сіи неудобства. Она написана чистымъ, правильнымъ, современнымъ Русскимъ языкомъ, который легко можетъ быть понимаемъ каждымъ, сколько нибудь образованнымъ и смыслящимъ человѣкомъ Русскимъ; написана не столько въ формѣ академическаго учебника, сколько въ видѣ общенароднаго руководства для изученія православныхъ догматовъ, и потому освобождена отъ всѣхъ скучныхъ и тяжелыхъ формъ схоластики, почти неизбѣжныхъ въ краткихъ школьныхъ учебникахъ. На-

конецъ при той полнотѣ, которую избралъ для себя авторъ въ изложеніи истинъ Вѣры, при его особенномъ дарѣ выражаться о самыхъ возвышенныхъ предметахъ просто и ясно, онъ умѣлъ достигнуть въ своемъ сочиненіи высшей степени общепонятности. Со всею справедливостію можно сказать, что наука Православно-Догматическаго Богословія, которая доселѣ какъ наука была исключительно достояніемъ школы, выведена авторомъ изъ тѣсныхъ стѣнъ ея въ область дѣйствительной жизни и предложена для общественнаго употребленія.

В.

При такихъ осязательныхъ преимуществахъ предъ всѣми безъ исключенія отечественными Догматиками, сочиненіе преосвященнаго Макарія не теряетъ ничего, а еще выигрываетъ, если сравнить его съ подобными сочиненіями иностранными. Возьмите какую угодно систему Догматики у Англичанъ, Французовъ и даже Нѣмцевъ; и увидите, что самыя лучшія изъ нихъ окажутся ниже нашей въ немалыхъ отношеніяхъ.

Въ настоящее время въ западной литературѣ признаются за лучшія Догматики: Іоанна Перроне, Генриха Кле и Штауденмайера. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои достоинства, и каждая однако же должна уступить преимущество нашему автору, какъ это видно уже изъ тѣхъ мѣстъ его системы, гдѣ отвергаются имъ мнѣнія, изложенныя въ сихъ Догматикахъ. Въ дополненіе къ тому слѣдуетъ присовокупить слѣдующее:

Догматика г. Перроне составлена безъ особой системы, по плану извѣстнаго схоластика Ѳомы Аквината, въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ, не связанныхъ никакою внутреннею общею связію, изложена самымъ строгимъ схоластическимъ методомъ, и потому—тяжелая и утомительная для живой мысли—увеличиваетъ недостатокъ сей еще тѣмъ, что почти на каждой странццѣ вдается въ діалектическія тонкости и словопренія о предметахъ, нерѣдко самыхъ маловажныхъ. Если бы подъ формами средневѣковой схоластики книга Перроне не обнаруживала

въ сочинителѣ богатыхъ свѣдѣній современныхъ, то ее легко можно было бы отнести къ XII или XIII вѣку.

Догматика Кле и свободна отъ схоластики и имѣетъ видъ системы, но въ самомъ дѣлѣ она представляетъ изъ себя болѣе догматическій сборникъ, нежели систему. О каждомъ догматѣ собрано множество текстовъ Писанія и свидѣтельствъ отеческихъ, но все это не проникнуто, какъ бы слѣдовало, мыслію сочинителя, не запечатлѣно самодѣятельностію авторскою, не оживлено нисколько художническимъ творчествомъ. Здѣсь, можно сказать, приготовленъ богатый матеріалъ для зданія, коего значительная часть обработана искусною рукою, но нѣтъ еще самаго зданія.

Догматика Штауденмайера удовлетворяетъ требованіямъ системы, но имѣетъ другой противуположный недостатокъ. Какъ въ сочиненіи Кле слишкомъ мало самодѣятельности умственной, такъ здѣсь уже слишкомъ много ея. Штауденмайеръ не принадлежитъ къ числу Германскихъ раціоналистовъ и пишетъ Догматику Римско-Католическую; но онъ не столько излагаетъ положительное ученіе своей церкви о догматахъ, сколько свои собственныя о нихъ соображенія; не столько богословствуетъ, сколько философствуетъ о предметахъ Богословія по началамъ новѣйшей философіи, и даже съ самыми возвышенными и непостижимыми истинами Вѣры обходится какъ съ истинами, совершенно заключенными въ предѣлахъ разума человѣческаго. Нашъ соотечественникъ (какъ мы уже видѣли, говоря о планѣ и методѣ его Догматики) искусно и благоразумно избѣгъ всѣхъ этихъ недостатковъ лучшихъ современныхъ сочиненій въ томъ же родѣ, а потому Догматика его имѣетъ неоспоримое предъ ними преимущество. Не упоминаемъ уже о главномъ незамѣнимомъ ея преимуществѣ для насъ въ томъ отношеніи, что она написана въ духѣ нашей Церкви и есть Богословіе Православно-Догматическое, тогда какъ, само собою разумѣется, всѣ иностранныя Догматики писаны въ духѣ своихъ

вѣроисповѣданій. Въ семъ отношеніи не можетъ быть между ними и сравненія.

C.

Вообще Православно-Догматическое Богословіе преосвященнаго Макарія, нами разсматриваемое, представляетъ:

a) трудъ — совершеннѣйшій изъ всѣхъ, какіе являлись у насъ доселѣ на томъ же поприщѣ, и нетолько равняющійся по ученой обработкѣ съ лучшими современными иностранными опытами, но и въ немалыхъ отношеніяхъ далеко ихъ превосходящій.

b) трудъ самостоятельный и оригинальный, потому что авторъ ни въ системѣ, ни въ методѣ, ни въ способѣ изложенія истинъ не слѣдовалъ никакому изъ отечественныхъ и иностранныхъ богослововъ, а шелъ своимъ путемъ, глубоко обдуманнымъ и вѣрно предъизмѣреннымъ, черпалъ свѣдѣнія изъ первыхъ источниковъ, изъ коихъ многіе имъ собственно найдены и всѣ имъ значительно разработаны, и такимъ образомъ при неутомимомъ трудѣ воздвигнуто стройное и громадное цѣлое, которое, при всемъ желаніи подобныхъ явленій, по всей вѣроятности, надолго останется единственнымъ.

c) трудъ, удовлетворяющій всѣмъ современнымъ требованіямъ науки, по стройной системѣ и выводу всѣхъ частей и истинъ изъ одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направленію, столь сродному Богословію, какъ наукѣ положительной, по отличной ясности и вразумительности въ способѣ раскрытія истинъ, даже по слогу чисто Русскому, постоянно носящему притомъ на себѣ печать здраваго вкуса.

d) трудъ, составляющій важную заслугу нетолько для науки Православнаго Богословія, которую авторъ несомнѣнно подвинулъ весьма далеко впередъ, — не только для духовнаго нашего образованія, въ исторіи котораго появленіе на свѣтъ Догматики его послужитъ нѣкогда одною изъ замѣчательнѣйшихъ

эпохъ, — но и вообще для всей Церкви Русской, для всѣхъ православныхъ соотечественниковъ, кои получаютъ въ этомъ трудѣ, чего давно желали, возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложеніе отличительныхъ догматовъ своей Церкви, столь драгоцѣнныхъ для ихъ ума и сердца.

По всѣмъ симъ достоинствамъ, Православно-Догматическому Богословію преосвященнаго Макарія, по мнѣнію моему, принадлежитъ полное право на полную премію Демидовскую, коея давно заслуживали еще прежніе историко-богословскіе труды автора, обратившіе на себя вниманіе всѣхъ, занимающихся движеніемъ наукъ и просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ.

МНѢНІЕ

гг. акад. ЯКОБИ и БЕТЛИНГА,

о

изобрѣтенномъ г. Іохимомъ

СПОСОБѢ ПРИГОТОВЛЕНІЯ

ГАЛВАНОПЛАСТИЧЕСКИХЪ ЛИТЕРЪ.

Назначенные Общимъ Собраніемъ Академіи подать мнѣніе объ изобрѣтеніи г. Іохима, мы имѣли случай лично изслѣдовать его на фабрикѣ изобрѣтателя, и въ слѣдствіе того имѣемъ честь довести до свѣдѣнія Коммиссіи нижеслѣдующее:

Г. Іохимъ, ревностно занимаясь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ галванопластическими работами, задумалъ примѣнить сіе изобрѣтеніе къ типографическому искусству. Для этой цѣли онъ сначала пытался произвести изъ мѣди галванопластическимъ путемъ нѣсколько строкъ для ярлыковъ и т. п. Полученныя этимъ способомъ мѣдныя пластинки подкладывалъ онъ свинцомъ. Произведенные имъ опыты вознаградились полнымъ успѣхомъ; оттиски получались совершенно чистые, и такая мѣдная пластинка выдерживала несравненно большее число оттисковъ, нежели прежнія, отливавшіяся изъ обыкновеннаго гарта.

Поощренный удачнымъ опытомъ, г. Іохимъ приступилъ къ изысканію способа производить отдѣльныя литеры съ мѣднымъ очкомъ, очень хорошо понимая, какую важную услугу окажетъ онъ этимъ искусству книгопечатанія. Но при исполненіи этой мысли встрѣтились ему различныя затрудненія, для соблюденія главнѣйшихъ условій, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: 1) каждое очко должно быть припаяно какъ можно прочнѣе; 2) всѣ литеры должны находиться въ одной горизонтальной плоскости и на одной прямой линіи; 3) не должно измѣнять, при спаиваніи, высоты литеръ, и наконецъ 4) слѣдовало сдѣлать все это съ возможно меньшею тратою времени и средствъ, для выгоднѣйшаго сравненія съ прежнимъ способомъ.

Вскорѣ г. Іохимъ убѣдился, что онъ не въ состояніи выполнить необходимыхъ условій, если станетъ придѣлывать мѣдное очко къ каждой литерѣ отдѣльно, и напалъ на счастливую мысль осаждать изъ мѣди очки рядами; каждый изъ этихъ рядовъ припаивать къ острому ребру пластинки изъ гарта, и наконецъ распиливать эту пластинку на отдѣльныя литеры.

Производство такихъ рядовъ мѣдныхъ очковъ галванопластическимъ путемъ, съ наблюденіемъ, чтобы очки находились въ одной плоскости и на одной прямой линіи, не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій, но требовало совершенно вѣрнаго и ровнаго припаиванія мѣдной полосы къ острому ребру пластинки изъ гарта. Для этой цѣли г. Іохимъ принужденъ былъ придумать особый паяльный приборъ.

Потомъ надлежало пластинку съ припаянными къ ней очками распиливать на отдѣльныя литеры, и именно такъ, чтобы очко каждой литеры совершенно одинаково отстояло отъ краевъ ея. Для этого устроена г. Іохимомъ особая пильная машина.

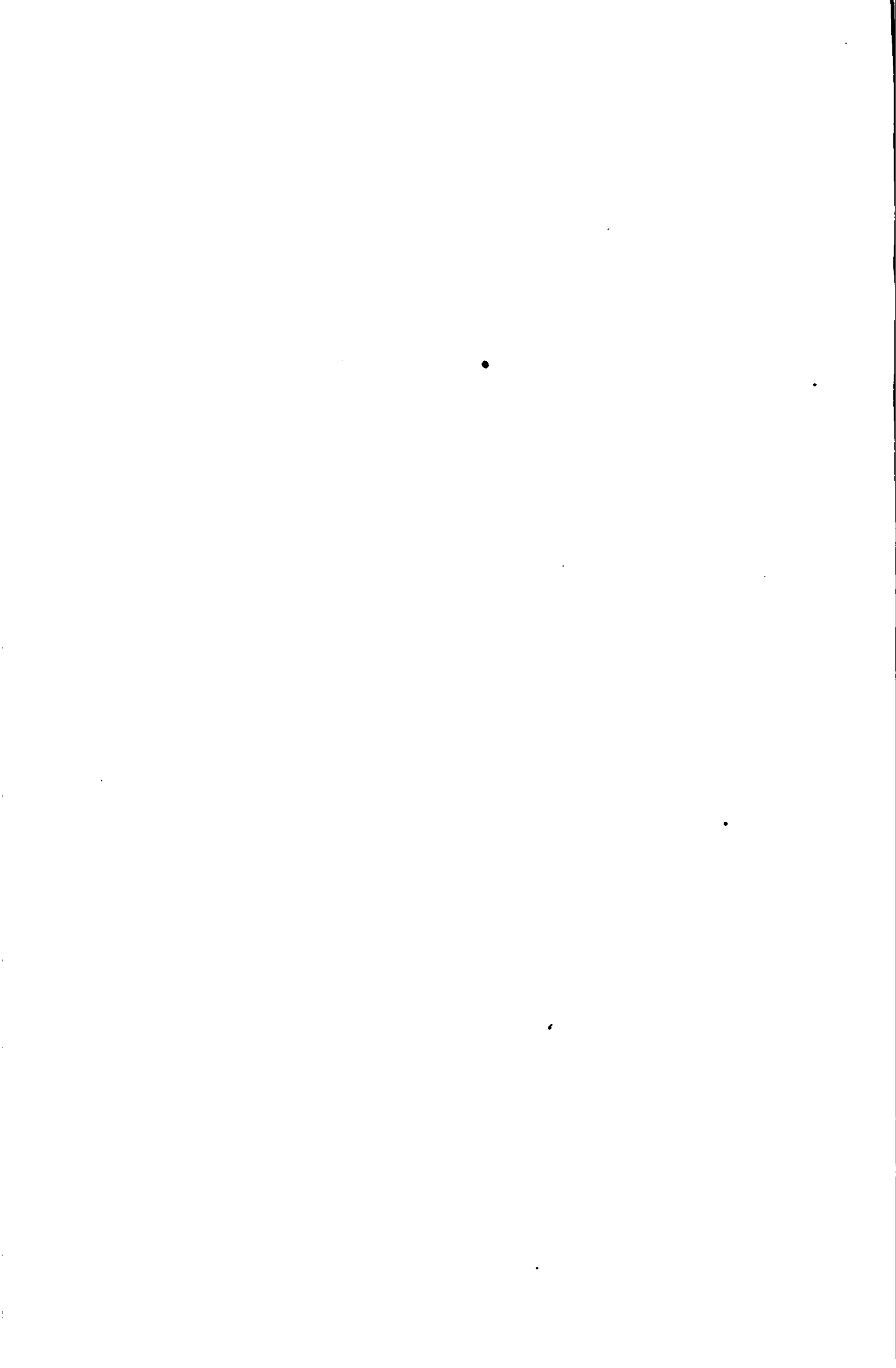
Но, при строгомъ разборѣ, эти литеры все еще не достигали той степени вѣрности, которую имѣютъ вылитыя изъ гарта и потомъ шлифованныя и отдѣланныя литеры, и которая необходима для полученія чистаго оттиска. Для сего устроены г. Іохимомъ особенныя юстировальныя машины.

Подвергнувъ сдѣланныя этимъ способомъ литеры строжайшему испытанію, нашли мы, что онѣ нетолько сохраняютъ одинаковую высоту, и вполнѣ удовлетворяютъ всѣмъ остальнымъ условіямъ, въ отношеніи вѣрности и другихъ качествъ, но сверхъ того, какъ мы смѣло можемъ сказать, литеры г. Іохима далеко превосходятъ всѣ бывшія въ употребленіи доселѣ. Къ этому заключенію привело насъ не только подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ литеръ посредствомъ лупы, но и тщательное изслѣдованіе оттисковъ, полученныхъ въ Академической Типографіи, гдѣ мы имѣли возможность убѣдиться еще, что эти отдѣльныя литеры прочны неменѣе нераспиленныхъ

пластинокъ, состоящихъ изъ цѣлыхъ строкъ, которыя уже въ теченіе продолжительнаго времени подвергаемы были нами тщательнымъ испытаніямъ.

Мы принуждены, при описаніи производства литеръ по вновь изобрѣтенному способу г. Іохима, ограничиться только вышеизложеннымъ, потому что даже самый подробный разборъ устройства машинъ не былъ бы вполнѣ понятенъ безъ приложенія чертежей. Вотъ почему мы только въ немногихъ словахъ могли указать на всѣ разнообразныя затрудненія, представлявшіяся г. Іохиму, пока онъ не достигъ предположенной имъ цѣли. Въ отношеніи же изобрѣтенія вообще, по крайнему нашему разумѣнію и совѣсти, считаемъ долгомъ представить слѣдующее мнѣніе:

Принимая во вниманіе: 1) что г. Іохимъ придумалъ производить типографическія литеры по совершенно новому способу, причемъ онѣ, въ отношеніи цѣнности, содержатся къ находившимся доселѣ въ употребленіи какъ 2 къ 1, а въ отношеніи къ прочности по крайней мѣрѣ какъ 12 къ 1; 2) что литеры г. Іохима вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ нынѣшнимъ требованіямъ книгопечатнаго искусства; 3) что для изобрѣтенія и устройства вышепомянутыхъ машинъ, нужно было, кромѣ большихъ способностей, употребить труды нѣсколькихъ лѣтъ; 4) что для достиженія предназначенной цѣли, изобрѣтатель долженъ былъ израсходовать весьма значительную сумму, которая истощила почти всѣ его денежныя средства; 5) что сіе изобрѣтеніе, по относительной дешевизнѣ своей, можетъ значительно способствовать къ удачному распространенію произведеній литературы, — мы считаемъ г. Іохима достойнымъ полной Демидовской преміи. Въ случаѣ одобренія нашего мнѣнія Коммиссіею, полагаемъ справедливымъ представить это изобрѣтеніе на благосклонное вниманіе г. Демидова, чтобы доставить изобрѣтателю средства привести его въ исполненіе въ большихъ размѣрахъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

профессора,

д-ра правъ **Неволина**,

подъ заглавіемъ:

О

ПЯТИНАХЪ И ПОГОСТАХЪ НОВГОРОДСКИХЪ ВЪ XVI ВѢКѢ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ.

(пом. въ записках императорскаго русскаго географическаго общества, книжка VIII.)

С. Петербургъ, 1853 года,

составленный

академикомъ **Устряловымъ**.

4

Въ разсматриваемомъ сочиненіи помѣщены 6 главъ изслѣдованій автора, 14 приложеній и карта Новгородскихъ пятинъ въ XVI вѣкѣ, съ показаніемъ въ нихъ городовъ и погостовъ. Послѣ краткаго введенія, гдѣ изложены труды митрополита Евгенія, Языкова и Бѣляева, и объясненъ планъ сочиненія, авторъ въ І-й главѣ подробно говоритъ объ источникахъ для изслѣдованія пятинъ и погостовъ Новгородскихъ. Во II главѣ показано происхожденіе раздѣленія Новгородской области на пятины, географическое значеніе этого раздѣленія, подраздѣленіе пятинъ на половины и правительственное значеніе тѣхъ и другихъ. Здѣсь авторъ, опредѣливъ значеніе Новгородскихъ пятинъ, доказываетъ, что изслѣдователи отечественной старины — сочинитель «Разговоровъ о Древностяхъ Новгородскихъ», Дубенскій, Бѣляевъ, Арцыбашевъ, Соловьевъ и другіе неосновательно приписывали раздѣленію Новгородской области на пятины глубокую древность, и что оно, согласно съ мнѣніемъ Карамзина и Ходаковскаго, по всей вѣроятности, получило свое начало не ранѣе конца XV вѣка, послѣ покоренія Новгорода Іоанномъ III. Въ III главѣ авторъ подробно разсуждаетъ о происхожденіи, географическомъ и правительственномъ значеніи раздѣленія Новгородской области на погосты, доказывая, что первоначально при св. Ольгѣ погосты были мѣстами общественнаго богослуженія, въ послѣдствіи приняли значеніе правительственныхъ округовъ. Въ IV главѣ говорится о раздѣленіи Новго-

родской области на уѣзды или приходы и станы и объ отношеніи этого раздѣленія на пятины и погосты. Въ V главѣ представленъ подробный каталогъ погостовъ, расположенный по пятинамъ, съ пріуроченіемъ главнаго селенія каждаго погоста къ опредѣленной мѣстности и съ назначеніемъ опредѣленныхъ границъ для каждой пятины. Въ VI и послѣдней главѣ показана позднѣйшая судьба раздѣленія Новгородской области на пятины и погосты. Въ приложеніяхъ, составляющихъ 14 главъ, представлены выписка изъ писцовыхъ книгъ пятинъ Вотской, Шелонской, Обонѣжской, Деревской и Бѣжецкой, съ конца XV до конца XVI столѣтія, и подробная роспись селеній пятинъ Новгородскихъ, выписанная изъ старыхъ Новгородскихъ изгонныхъ книгъ, съ показаніемъ разстоянія каждаго селенія отъ Новгорода. Для поясненія своего труда, г. Неволинъ приложилъ «карту пятинъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ, съ показаніемъ въ нихъ городовъ и погостовъ». Главной задачей ея было: изобразить положеніе Новгородскихъ пятинъ въ XVI вѣкѣ, означивъ тогдашнія ихъ границы и бывшія въ нихъ не только города, но и всѣ главныя селенія и вообще мѣстности, отъ которыхъ получили свое наименованіе Новгородскіе погосты.

Этотъ краткій перечень предметовъ, разсматриваемыхъ въ изслѣдованіи о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ, достаточно уже указываетъ весь интересъ, который оно должно имѣть для ученаго. Но я считаю долгомъ обратить еще особенное вниманіе на нѣкоторыя стороны сего превосходнаго сочиненія и на то высокое значеніе, которое безспорно принадлежитъ ему въ нашей историко-географической литературѣ.

Чтò мы знали о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ до выхода въ свѣтъ сочиненія нашего автора? Смѣло можно отвѣчать: ничего, если знаніе однихъ именъ, безъ смысла, безъ значенія, въ видѣ искаженномъ, не составляетъ дѣйствительнаго знанія.

Мы знали до сихъ поръ пять именъ Новгородскихъ пятинъ: Вотская, Шелонская, Обонѣжская, Деревская, Бѣжецкая;

но тѣмъ и ограничивалось наше знаніе. Когда возникло раздѣленіе Новгородской области на пятины? Никто даже не давалъ себѣ труда предложить сего вопроса. Безотчетно относили это раздѣленіе къ отдаленной древности, или по крайней мѣрѣ опасались высказать рѣшительно свое мнѣніе о времени его появленія въ исторіи. Авторъ пересмотрѣлъ непрерывный рядъ свидѣтельствъ, въ которыхъ могло бы встрѣтиться упоминаніе пятинъ, и изъ этого пересмотра выведено заключеніе, что до Іоанна III раздѣленіе на пятины не существовало. Высказанное такимъ образомъ заключеніе до тѣхъ поръ останется неопровергнутымъ и будетъ возвышаться надъ всѣми догадками и предположеніями о древности раздѣленія на пятины, доколѣ не будетъ отыскано положительныхъ свидѣтельствъ, которыя бы прямо и ясно говорили объ немъ ранѣе Іоанна III, и къ отысканію такихъ-то свидѣтельствъ должны обратиться теперь усилія нашихъ изслѣдователей, если хотятъ доказать древность означеннаго раздѣленія.

О географическомъ значеніи раздѣленія Новгородской области на пятины было, конечно, извѣстно, что каждая пятина сосоставляла особый географическій округъ. Но здѣсь былъ и предѣлъ нашему достовѣрному знанію. Сочинитель «Разговоровъ о древностяхъ В. Новгорода» высказалъ о величинѣ и границахъ пятинъ слѣдующее мнѣніе: «Отъ Славянскаго конца простиралась пятина, именуемая Бѣжецкая, чрезъ восточную сторону Ильменя съ одной стороны до Устюжны, Бѣлозерска, Вологды и до Уральскаго хребта Сибирскихъ горъ, а съ другой до Боровичъ и Бѣжецка. Отъ Плотенскаго конца начиналась пятина, именуемая Обонѣжская, и простиралась къ востоку до озера Онѣги, Каргополя, Двины и до самаго Бѣлаго моря. Отъ Неровскаго конца шла пятина Водская или Вотская, по имени народа Вотовъ, жившихъ по рѣкѣ Ижорѣ и Невѣ, и заключала въ себѣ всю Ингерманландію и Корелу до границъ Лифляндіи и Эстляндіи. Отъ Загородскаго конца пятина Шелонская, простиралась по рѣкѣ Шелони до Псковскаго уѣзда

и до города Холма. Отъ Гончарскаго конца пятина Деревская продолжалась по западному берегу Ильменя и по рѣкѣ Ловати мимо Старой Русы до Валдая и до Тверскаго княжества.» Совершенно справедливо г. Неволинъ указалъ (стр. 216 текста) на сбивчивость выраженнаго здѣсь географическаго воззрѣнія: ибо какимъ образомъ Бѣжецкая пятина могла простираться отъ Славянскаго конца чрезъ восточную сторону Ильменя, съ одной стороны до Устюжны, Бѣлозерска, Вологды и даже до Уральскаго хребта, а съ другой до Боровичъ и Бѣжецка, когда между Новгородомъ и этою пятиною лежала еще пятина Деревская? Своею картою, начертанною по источникамъ, г. Неволинъ неопровержимо доказалъ, что мнѣніе «сочинителя Разговоровъ» будто раздѣленіе на пятины обнимало собою всѣ древнія Новгородскія владѣнія, — совершенно невѣрно. Невѣрно и мнѣніе о чрезвычайной обширности нѣкоторыхъ пятинъ. Самый отдаленный погостъ, напримѣръ, въ Бѣжецкой пятинѣ отстоялъ отъ Новгорода не болѣе, какъ на 370 верстъ; могла ли послѣ сего эта пятина простираться до Уральскаго хребта, который лежитъ отъ Новгорода въ разстояніи около 2000 верстъ? — На картѣ Языкова, приложенной къ сдѣланному имъ русскому переводу изслѣдованія Лерберга, нѣтъ такихъ ошибокъ. Но не говоря о частныхъ ея недостаткахъ, указанныхъ у нашего автора (стран. 220 — 227), при ней, къ сожалѣнію, нѣтъ пояснительнаго текста, и нельзя знать, что въ ней вѣрнаго и что невѣрнаго; она столько же могла быть добросовѣстнымъ, основаннымъ на источникахъ, трудомъ ученаго, сколько и легкимъ произведеніемъ нѣсколькихъ дней поверхностныхъ историческихъ справокъ. Только послѣ изысканій, произведенныхъ нашимъ авторомъ, положительно можно сказать, какъ обширна была область пятинъ, какія были ея границы, какое пространство занимала въ ней каждая пятина, какъ располагались въ ней пятины въ отношеніи другъ къ другу, какъ опредѣлены были границы каждой пятины. Въ отношеніи къ границамъ пятинъ я позволяю себѣ здѣсь указать на одинъ весьма замѣчательный выводъ

нашего автора,—выводъ, что географическимъ основаніемъ раздѣленія Новгородской области на пятины служила система водъ. Рѣки: Волховъ, Луга, Ловать, Мста, и озера Ладожское и Ильмень, были естественными границами, отдѣлявшими пятины другъ отъ друга. Вотская пятина не переходила за рѣки Волховъ и Лугу, развѣ только въ верховьяхъ послѣдней; Шелонская—за рѣки Лугу и Ловать; Обонѣжская—за рѣку Волховъ, озеро Ильмень, рѣки Мсту и Мду; Деревская — за рѣку Мсту, озеро Ильмень и рѣку Ловать, развѣ только въ самомъ югозападномъ углу; Бѣжецкая — за рѣки Мсту и Мду (стран. 57 текста).

Каждая пятина подраздѣлялась на двѣ половины: Вотская—на половины Корѣльскую и Полужскую; Шелонская — на Зарусскую и Залѣсскую; Обонѣжская—на Заонѣжскую и Нагорную; Деревская — на Григорьеву Морозова и Жихореву Рябчикова; Бѣжецкая—на Бѣлозерскую и Тверскую. Имена половинъ слышны были и прежде. Но если прежде о границахъ пятинъ имѣли какое нибудь, хотя самое неопредѣленное представленіе, то о границахъ половинъ не имѣли ровно никакого представленія. Г. Неволинъ съ совершенною полнотою указалъ, какіе погосты принадлежали къ каждой пятинѣ, и такимъ образомъ сдѣлалъ возможнымъ для себя и для своихъ читателей съ точностію опредѣлить географическое пространство каждой половины и мѣсто, какое каждая половина занимала въ своей пятинѣ. Названіе половинъ — Корѣльская, Полужская и проч. хотя и никѣмъ не были объясняемы, большею частію довольно понятны. Но что значатъ въ Деревской пятинѣ половины Григорьева, Морозова, Жихорева, Рябчикова? Этотъ вопросъ никѣмъ не былъ предлагаемъ и еще менѣе былъ разрѣшаемъ. Нашъ авторъ объяснилъ по источникамъ, что сіи названія двухъ половинъ заимствованы отъ двухъ писцовъ, описывавшихъ оныя при Іоаннѣ IV (стр. 64 текста). Сіе объясненіе уже показываетъ, что раздѣленіе пятинъ на половины явилось, кажется, только при Іоаннѣ IV.

Наконецъ въ отношеніи къ пятинамъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ есть вопросъ о правительственномъ значеніи пятинъ и половинъ. Кромѣ нѣсколькихъ словъ у митрополита Евгенія (стр. 50 текста), объ этомъ предметѣ до сихъ поръ ничего не было говорено. Нашъ авторъ, сколько это возможно было по источникамъ, разрѣшилъ вполнѣ удовлетворительно задачу о правительственномъ значеніи пятинъ и половинъ (стр. 66—68 текста).

Обращаюсь къ той части изслѣдованій, которая посвящена погостамъ.

Первое начало погостовъ было уже прежде приписываемо великой княгинѣ Ольгѣ, согласно извѣстному мѣсту лѣтописи Нестора. Но это мѣсто требовало основательнаго объясненія, которое и представлено нашимъ авторомъ: установлено чтеніе рукописей, утвержденъ смыслъ. Присемъ съ возможною полнотою исчислены по классамъ и критически пересмотрѣны явившіяся въ печати мнѣнія о словопроизводствѣ и значеніи погостовъ великой княгини Ольги. Наконецъ предложено собственное мнѣніе автора. Немногіе, можетъ быть, съ нимъ не согласятся; но никто при будущихъ изслѣдованіяхъ не долженъ пройти сего мнѣнія безъ самой тщательной повѣрки.

Каждый погостъ имѣетъ особенное названіе и большею частію составное, заимствованное отъ церкви, бывшей въ главномъ его селеніи, и отъ имени этого селенія. Никто не занимался пересмотромъ сихъ названій, не объяснилъ происхожденія ихъ. У г. Неволина находимъ распредѣленіе всѣхъ названій по классамъ, объясненіе каждаго класса названій и нѣкоторыя любопытныя сближенія и соображенія.

Подъ заглавіемъ «Географическое значеніе погостовъ», представлено нѣсколько общихъ замѣчаній о семъ предметѣ, никѣмъ доселѣ не сдѣланныхъ, и особенно признанъ и выставленъ на видъ тотъ важный фактъ, что погосты и равные имъ отдѣлы пятинъ не распредѣлялись по пятинамъ такъ, чтобы каждый погостъ принадлежалъ къ одной только пятинѣ; напротивъ,

было довольно погостовъ смежныхъ, которые лежали на границахъ двухъ пятинъ и принадлежали одною своею частію къ одной, а другою — къ другой пятинѣ.

Этотъ фактъ уже показываетъ, что правительственное значеніе погостовъ не совпадало съ правительственнымъ значеніемъ пятинъ. Оба раздѣленія не покрывались совершенно одно другимъ и существовали, отчасти по крайней мѣрѣ, одно наравнѣ съ другимъ, для разныхъ правительственныхъ цѣлей. О правительственномъ значеніи погостовъ, кромѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, что это были волости или нѣчто тому подобное, до сихъ поръ ничего не было высказано положительнаго, точнаго, опредѣленнаго. У нашего автора мы найдемъ вполнѣ раскрытымъ правительственное значеніе погостовъ, выведенное изъ соображенія всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ. По погостамъ прежде всего были разнолагаемы правительствомъ тѣ статистическія свѣдѣнія, которыя нужно было собирать ему о своихъ правительственныхъ силахъ. Но многіе доходы и повинности, слѣдовавшіе въ пользу правительства отъ погостовъ, были таковы, что платежъ и отправленіе ихъ должны были происходить по общей раскладкѣ, подъ общимъ наблюденіемъ всѣхъ жителей каждаго погоста по принадлежности. Уже отсюда необходимо образовалось въ каждомъ погостѣ между жителями его общественная связь; другія дѣла, касавшіяся цѣлаго погоста, также болѣе или менѣе часто соединяли людей, къ нему приписанныхъ, для общественныхъ собраній. Такимъ образомъ въ каждомъ погостѣ существовало общественное начальство, состоявшее изъ старостъ и другихъ должностныхъ лицъ, которыя избирались обывателями его на опредѣленный срокъ. Въ погостахъ были земли, состоявшія въ общемъ владѣніи всѣхъ жителей погоста. Въ нѣкоторыхъ погостахъ, особенно при первоначальномъ образованіи ихъ, даже большая часть земель могла принадлежать къ этому разряду. Постояннымъ и обыкновеннымъ мѣстомъ общественныхъ собраній жителей погоста была, кажется, именно та мѣстность, гдѣ находилась церковь погоста.

Каждый почти погостъ имѣлъ свою церковь, которая называлась погостскою церковію; иногда въ главной мѣстности погоста было нѣсколько такихъ церквей. Въ погостахъ съ одною церковію эта церковь была приходской для всѣхъ жителей погоста; они строили и содержали ее на свой счетъ; храмовые праздники не были праздниками цѣлаго погоста. Въ тоже время она съ ея празднествами представляла средоточіе для гражданскаго соединенія погощанъ. Въ погостахъ съ нѣсколькими приходскими церквами, церковь, находящаяся въ главной мѣстности погоста, или одна изъ такихъ церквей, будучи приходской для наибольшей части погощанъ, должна была постоянно удерживать значеніе главнаго для всѣхъ ихъ средоточія, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи. При церквахъ погостскихъ обыкновенно устроялись, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, трапезы. Онѣ для погощанъ были мѣстомъ собраній не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ. Это опредѣленіе правительственнаго значенія погостовъ позволяетъ намъ предполагать въ нихъ особенно живую дѣятельность во времена отдаленной древности, (стр. 90—93 текста). Вообще всѣ мысли автора, здѣсь изложенныя, представляютъ для ума пытливаго величайшій интересъ.

Кромѣ раздѣленія на пятины и погосты, Новгородская область раздѣлялась еще на уѣзды, которые иначе назывались присудами. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Новгородскихъ пригородовъ встрѣчаются еще раздѣленія на станы. По источникамъ авторъ показываетъ взаимную связь всѣхъ сихъ раздѣленій.

Разсмотрѣнныя главы отличаются обиліемъ новыхъ взглядовъ на предметъ изслѣдованій о пятинахъ и погостахъ въ его общности и совокупности; теперь слѣдуетъ глава, посвященная внимательнѣйшему разысканію частностей. Она надписана; «подробный каталогъ погостовъ, расположенный по пятинамъ, съ пріуроченіемъ главнаго селенія каждаго погоста къ опредѣленной мѣстности и съ назначеніемъ опредѣленныхъ границъ для каждой пятины». Этотъ каталогъ есть одна изъ драгоцѣнностей

цѣлаго сочиненія. Онъ долженъ былъ стоить автору множества самыхъ мелкихъ, самыхъ точныхъ изысканій. Мѣстность нѣкоторыхъ погостовъ, конечно, легко опредѣляется по картамъ; мѣстность другихъ была отчасти опредѣлена уже прежде (стр. 3 текста). Но число такихъ уже опредѣленныхъ или удобно опредѣляемыхъ мѣстностей погостовъ, въ сравненіи съ общимъ числомъ всѣхъ погостовъ, весьма незначительно. Для опредѣленія наибольшей части мѣстностей погостовъ надобно было дѣлать множество соображеній и изысканій, тѣмъ болѣе, что, какъ открывается изъ изслѣдованій автора, въ настоящее время весьма значительное число погостскихъ мѣстностей или старинныхъ названій ихъ совершенно исчезло. Это должно сказать особенно о погостахъ Бѣжецкой пятины. Честь и слава автору, что онъ преодолѣлъ трудности, непрерывно представлявшіяся въ сей области изысканій.

Въ послѣдней главѣ сочиненія изложена позднѣйшая судьба раздѣленія Новгородской области на пятины и погосты. Здѣсь доведена исторія этого раздѣленія до нашего времени. При чтеніи сей главы мы поражаемся особенно двумя обстоятельствами: во-первыхъ, какъ могущественны были преобразованія Петра Великаго и Екатерины II, ибо съ ними совершенно изгладилось изъ памяти народной раздѣленіе на пятины; во-вторыхъ, какъ мудро было установленіе погостовъ великою княгинею Ольгою, ибо въ общежитіи до настоящаго времени, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ уѣздахъ, обыватели тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно издревле существовало, опредѣляютъ мѣстоположеніе своихъ селеній по погостамъ. Справедливо авторъ говоритъ словами Нестора: «знаменья мудрой Ольги погостовъ ея суть и до сего дне.»

Кажется, довольно въ сочиненіи нашего автора новаго, до сихъ поръ остававшагося сокрытымъ, неизслѣдованнымъ. Ходаковскій, пересмотрѣвъ все, что было извѣстно о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ до его времени (1822 года), заключилъ свой пересмотръ восклицаніемъ (стр. 4 и 5 текста) «сло-

вомъ одинъ мракъ, похожій на Лапландское лѣто». Могу смѣло сказать: этотъ мракъ теперь разсѣянъ.

Какимъ же образомъ возможно было достигнуть до разысканія предмета, остававшагося въ глубокомъ мракѣ? Для отвѣта на сей вопросъ я обращу вниманіе на первую главу разсматриваемаго сочиненія, въ которой указаны источники, употребленные въ дѣло при изъисканіяхъ и при составленіи карты Новгородскихъ пятинъ и погостовъ. Сіи источники были: 1) всѣ вообще извѣстные матеріалы Русской Исторіи; въ особенности же 2) писцовыя книги; 3) изгонныя книги; 4) договоры, заключенные въ древнія времена Русскимъ правительствомъ съ Швеціею и Норвегіею; 5) древнія и новыя географическія карты Россіи; 6) списки селеній, составленныя по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и описаніе С. Петербургской губерніи, изданное отъ С. Петербургскаго Губернскаго Правленія; 7) свѣдѣнія, собранныя отъ разныхъ частныхъ лицъ. — Это перечисленіе источниковъ и сдѣланныя о каждомъ изъ нихъ авторомъ замѣчанія показываютъ, что онъ ничѣмъ не пренебрегъ для возможно удовлетворительнаго разрѣшенія предположенной себѣ задачи. Я позволяю себѣ остановиться здѣсь только на одномъ изъ поименованныхъ источниковъ: на писцовыхъ книгахъ. Кромѣ изданныхъ въ печати, впрочемъ весьма немногихъ, онъ пересмотрѣлъ 18 квартантовъ рукописныхъ писцовыхъ книгъ, доставленныхъ изъ Министерствъ Юстиціи и Иностранныхъ Дѣлъ. Онѣ писаны почерками трехъ вѣковъ, иногда крайне неразборчивыми; листы въ нихъ нерѣдко перемѣшаны. Надобно было все разобрать и привести для себя въ порядокъ. Авторомъ сдѣланы изъ книгъ обширныя выписки, въ 13 приложеніяхъ, занимающія 382 страницы мелкой печати. Извлечено при томъ только самое необходимое, и извлеченія сдѣланы очень искусно. Они соединены съ текстомъ неразрывною связію посредствомъ непрерывныхъ на нихъ указаній въ семъ послѣднемъ. Особенно же каталогъ погостовъ (пятая глава текста) есть какъ бы систематико-географическій указатель къ симъ извлеченіямъ. Но

извлеченія изъ писцовыхъ книгъ, особенно сдѣланныя съ такимъ искусствомъ, имѣютъ самостоятельное достоинство, независимо отъ связи ихъ съ текстомъ. Читатель на каждой страницѣ извлеченій найдетъ множество важнѣйшихъ указаній на древній бытъ нашего отечества. При такомъ обширномъ и самомъ тщательномъ, самомъ добросовѣстномъ изученіи многочисленныхъ источниковъ, возможно было написать превосходное сочиненіе и начертать прекрасную карту, ясно, точно, отчетливо изображающую всѣ географическіе выводы нашего автора.

Изслѣдованіе о пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ составляетъ эпоху въ разработкѣ исторической географіи нашего отечества. Оно превосходно разрѣшаетъ свою задачу, изобилуетъ богатствомъ выводовъ, проливаетъ яркій свѣтъ на географію нашего древняго сѣвера; для будущихъ дѣятелей въ области древней географіи Новгорода оно служитъ твердымъ основаніемъ, на которомъ безопасно можно углубляться въ даль вѣковъ; наконецъ по превосходстсу исполненія, по самому основательному изученію разнообразныхъ источниковъ, по необыкновенному искусству автора пользоваться ими, и ясно, вполнѣ отчетливо располагать и излагать свои выводы, оно будетъ навсегда служить образцомъ для разработки матеріаловъ исторической географіи. По всѣмъ симъ достоинствамъ, я присуждаю это сочиненіе, безъ всякаго ограниченія, безъ всякой оговорки, къ награжденію полною Демидовскою преміею.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Библіотекаря Имп. Публ. Библіотеки

Д-ра Э. фонъ-МУРАЛЬТА

подъ заглавіемъ:

ESSAI DE CHRONOGRAPHIE BYZANTINE

de 395 à 1057,

составленный

Академиками

Броссе и Куникомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ латинскій языкъ въ восточной римской имперіи пересталъ быть языкомъ оффиціальнымъ, число историческихъ книгъ на греческомъ языкѣ стало увеличиваться, и рядъ лѣтописцевъ, называемыхъ византійскими, идетъ съ той поры непрерывно до самаго паденія Царьграда. Всю эту массу исторической литературы пытались-было раздѣлить на разряды, которыхъ хотѣли установить четыре; но при этомъ встрѣтили затрудненіе, состоящее въ томъ, что весьма часто трудно бываетъ отнести какое-либо сочиненіе къ тому или другому разряду исключительно. Впрочемъ во всякомъ случаѣ можно, и для критической оцѣнки историческихъ памятниковъ весьма нужно отличать другъ отъ друга 1) Всемірныя византійскія лѣтописи, въ которыхъ византійская исторія излагается въ связи со всеобщею, или составляетъ заключительную часть всего сочиненія, и 2) сочиненія, въ которыхъ излагается исторія того или другаго, или нѣсколькихъ императоровъ, или нѣкоторыхъ періодовъ отдѣльно. Писателей втораго разряда обыкновенно называютъ византійскими лѣтописцами въ собственномъ смыслѣ, а первыхъ византійскими хронографами.

Византійскіе историки оставили намъ въ своихъ сочиненіяхъ драгоцѣнные источники не для одной византійской исторіи, и не только для исторіи разныхъ азіатскихъ и европейскихъ странъ: вся византійская исторіографія имѣетъ еще совершенно особенное значеніе для литературы и исторіи у Славянъ южныхъ и восточныхъ. Говоря объ этомъ значеніи, мы

не думаемъ собственно о томъ множествѣ драгоцѣнныхъ извѣстій для исторіи разныхъ славянскихъ племенъ, какое разсѣяно у византійскихъ писателей: мы разумѣемъ здѣсь умственное значеніе, которое византійская исторіографія имѣла для литературы цѣлой половины славянскихъ народовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ какъ въ IX столѣтіи переведены были на славянскій языкъ богослужебныя книги, вскорѣ начали являться въ церковно-славянскомъ переводѣ и другія произведенія византійской литературы. Всего больше занимались этими переводами въ Болгаріи, гдѣ даже нѣкоторые князья заботились объ нихъ. Изъ Болгаріи эти переводы и историческія компиляціи, составленныя на основаніи византійскихъ источниковъ, переносились въ Сербію и особенно въ Россію, гдѣ они списывались и переписывались во множествѣ, и до Петра Великаго составляли любимое чтеніе Русскихъ. Византійскіе лѣтописцы и хронографы не только пробудили у южныхъ и восточныхъ Славянъ историческую любознательность, но и нашли у нихъ даже подражателей. Такъ, именно русское дѣеписаніе можно считать только отблескомъ византійскаго. Не смотря на то, что русскіе лѣтописцы проложили себѣ особенный путь, византійскіе хронографы не потеряли своего значенія и уваженія: изъ нихъ то вносились въ русскія историческія сочиненія значительные отрывки, то въ списки хронографовъ вставляли чисто-русскія событія. Въ XVII вѣкѣ думали даже приступить къ печатанію греческаго хронографа, и притомъ подъ покровительствомъ царя Алексѣя Михайловича.

Введеніемъ ученаго образованія Петромъ Великимъ навсегда положенъ конецъ византійскому направленію русской исторіографіи, и начало критическому изученію русской исторіи. Уже и первымъ академикамъ не могла остаться не замѣтною внутренняя связь русской исторіи съ византійскою, хотя имъ, конечно, далеко еще было до ясныхъ о томъ понятій. Коль (Kohl) взялся-было особенно за изученіе богослужебныхъ византійско-славянскихъ книгъ; но по причинѣ болѣзни долженъ

былъ прекратить свои занятія, начатыя съ успѣхомъ. Байеръ напротивъ того ограничивался собираніемъ и извлеченіемъ только отдѣльныхъ византійскихъ извѣстій, относящихся къ первому періоду исторіи русскаго государства. Только Шлёцеръ высказывалъ съ 1764 г. обширнѣйшіе и опредѣленнѣйшіе взгляды: онъ тогда уже настаивалъ не только на необходимости полнаго собранія всѣхъ извѣстій, разсѣянныхъ у Византійцевъ, въ пользу исторіи странъ по Днѣпру, Дону, Волгѣ и у Кавказа, но нѣкоторымъ образомъ уже предчувствовалъ, что вся русская исторіографія есть только отраженіе византійской. Между тѣмъ, ему въ то время, конечно, не могло еще быть ясно, какимъ образомъ получила свое начало эта внутренняя связь византійской и русской исторіографіи, и какъ связь эта обнаруживается еще и въ позднѣйшихъ вѣкахъ русской исторіи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Шлёцеръ еще сильнѣе выставлялъ необходимость обширнѣйшаго изученія византійской исторіи, и именно не только по причинѣ ея собственнаго значенія, но особенно ради ея важности для познанія византійскаго элемента въ русской исторіи, которому онъ придавалъ немалую силу. Вслѣдствіе того онъ вмѣнялъ обработку византійской исторіи въ обширномъ смыслѣ слова въ обязанность русскимъ историкамъ. Его увѣщаніямъ оказалъ послушаніе ближайшимъ образомъ Кругъ, котораго Шлёцеръ вызвалъ рѣшить ему его сомнѣнія касательно хронологіи нѣкоторыхъ византинско-русскихъ событій. Такимъ образомъ возникъ въ 1808—1810 г. Круговъ «Критическій Опытъ объясненія византійской хронологіи, съ особеннымъ отношеніемъ къ древнѣйшей исторіи Россіи». Не смотря на то, что этотъ опытъ содержитъ въ себѣ хронологическія изысканія только объ отдѣльныхъ событіяхъ византійской и русской исторіи, онъ справедливо былъ названъ рѣдкимъ явленіемъ въ области историческаго изслѣдованія вообще.

Извѣдавъ теперь, въ какомъ жалкомъ положеніи находилась

византійская хронологія, Кругъ рѣшился содѣйствовать къ проясненію ея еще другимъ образомъ.

«Въ 1809 году Академія, по предложенію Круга, обнародовала, на соисканіе преміи, задачу о полной Византійской Хронологіи. (La Chronologie complètement comparée et autant que possible corrigée et vérifiée, des auteurs Byzantins, depuis la fondation de la ville de Constantinople jusqu'à sa conquête par les Turks), Изъ двухъ, представленныхъ на эту тему, сочиненій ни одно не было удостоено преміи; но рецензенты ихъ, Кругъ и Лербергъ, проникнутые убѣжденіемъ въ важности задачи (que sa solution complète sera d'une utilité éminente pour le perfectionnement des sciences historiques), въ 1811 году предложили Академіи возобновить ее.

На вторичный вызовъ Академіи не явилось ни одного соискательнаго сочиненія. Удивляться тутъ вовсе не-чему, равно какъ и тому, что сочиненія, явившіяся на соисканіе преміи въ 1811 г., не рѣшали своей задачи даже приблизительно. Чтобъ объяснить это опредѣлительно, надобно сказать прямо: Кругъ требовалъ невозможнаго: онъ хотѣлъ, чтобы въ два года сдѣлали то, чего самъ онъ въ такой срокъ не могъ бы сдѣлать, какъ видно уже изъ того, что онъ на исправленіе только сотни чиселъ употребилъ почти цѣлые два года. Вовсе не думая уменьшать заслуги Круга хронологіи, надобно однако замѣтить, что онъ не умѣлъ вполнѣ измѣрить объема и трудности предложенной имъ задачи, потому именно, что самъ онъ, какъ историческій изслѣдователь, раздѣлялъ недостатки своего времени и потому не могъ еще совершенно стать на критическую точку зрѣнія, которая въ то время только-что начинала прокладывать себѣ дорогу въ область исторической науки. Критическая оцѣнка историческихъ источниковъ, въ смыслѣ особенной исторической науки, существовала тогда больше въ идеѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, и многіе, даже изъ знаменитыхъ тогдашнихъ историковъ, вовсе еще не думали ни гадали о важности и необходимости подобной науки. Въ особенности же мало пони-

мали тогда, въ какой глубокой связи съ критическою оцѣнкою источника состоитъ испытаніе вѣрности его хронологіи. Кругъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ оказанныхъ хронологіи исправленіемъ отдѣльныхъ чиселъ, такъ мало понималъ эту связь, что даже не опредѣлялъ напередъ съ точностію вѣкъ лѣтописца, у котораго бралъ данныя, составляющія исходную точку его хронологическихъ изысканій. Таковы ли были обстоятельства' при которыхъ жилъ и писалъ лѣтописецъ, чтобы онъ, какъ современникъ, или при помощи другихъ, тогда доступныхъ источниковъ, могъ собрать и внести въ свою лѣтопись точныя данныя? Который изъ лѣтописцевъ, сообщающихъ одни и тѣ же данныя, старше и вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрнѣе? — Обо всемъ подобномъ Кругъ, за исключеніемъ рѣдкихъ, совершенно единичныхъ случаевъ, заботился весьма мало.

Нынѣ всѣ согласны, что въ историческихъ изысканіяхъ изслѣдователь долженъ стараться, сколько это возможно въ каждомъ частномъ случаѣ, достигнуть ясныхъ понятій о сочинителѣ источниковъ, о его вѣкѣ, личности, образованіи, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ собиралъ извѣстія касательно современныхъ ему лицъ и событій, и его отношеніяхъ къ источникамъ, которыми онъ пользовался и пр. Какъ ни трудны предварительныя разысканія такого рода, желательно однакожъ въ высшей степени, чтобъ именно Византійцы подвергались всей ихъ строгости. Намъ нѣтъ здѣсь надобности излагать подробно, почему этотъ досмотръ въ такой степени нуженъ именно для Византійцевъ: для нашей цѣли довольно замѣтить, что помянутая критическая оцѣнка Византійцевъ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ исправленіемъ Византійской хронологіи; т. е. съ одной стороны, относительное историческое достоинство византійскихъ лѣтописцевъ можно измѣрять вообще по качеству ихъ хронологическихъ данныхъ; съ другой же стороны, причины правильности и неправильности хронологическихъ данныхъ у византійскихъ лѣтописцевъ совершенно можно раскрыть только посред-

ствомъ полной ихъ критики. Противъ этихъ взглядовъ едвали кто можетъ сдѣлать возраженіе, и всего менѣе тотъ, кто знаетъ, какъ скупы иные изъ византійскихъ лѣтописцевъ на хронологическія показанія. Въ этомъ отношеніи есть нѣкоторая противоположность между латинскими и греческими монахами среднихъ вѣковъ. Первые были, говоря вообще, простые люди, съ ограниченнымъ образованіемъ, и должны были, сверхъ того, бороться съ языкомъ, на которомъ они излагали свои извѣстія. Византійцы же, напротивъ, съ своимъ языкомъ, ближе подходившимъ къ аттическому, чѣмъ латинскій языкъ западныхъ Христіанъ къ древне-римскому, — Византійцы были гораздо богаче знаніемъ и вообще образованнѣе; они стояли гораздо ближе къ древнимъ историкамъ, но за то нерѣдко и впадали, подобно имъ, въ риторическую высокопарность, при чемъ естественно, обозначеніе годовъ, мѣсяцевъ и дней или вовсе забывалось, или становилось дѣломъ маловажнымъ. Вслѣдствіе того, касательно матеріяла, сообщаемаго Византійцами нынѣшнему историку предстоитъ задача — разложить его на составныя части, расположить ихъ хронологически и показать относительную и безотносительную ихъ важность и точность. Выполненіе этой задачи возможно двоякимъ путемъ:

1) Посредствомъ критическаго употребленія всего матеріала византійской исторіи, какъ сообщается онъ въ византійскихъ и потомъ въ другихъ европейскихъ и азіатскихъ источникахъ.

2) Посредствомъ постепенной обработки отдѣльныхъ частей источниковъ, которыя особенно важны въ хронологическомъ отношеніи.

Первый путь такъ длиненъ и донынѣ такъ мало пробитъ, что въ настоящее время было бы вовсе безразсудно надѣяться, что онъ скоро и вмѣстѣ вѣрно приведетъ къ цѣли. Вслѣдствіе того намъ остается только второй путь; а въ этомъ отношеніи надо прежде всего позаботиться, чтобы собственно византійскіе источники обработывались отдѣльно отъ иностранныхъ источниковъ для византійской исторіи. Съ этой именно точки зрѣ-

нія, то-есть имѣя въ виду раздѣленіе труда, одинъ изъ насъ сдѣлалъ въ 1847 году III отдѣленію предложеніе — подражать примѣру, нѣкогда поданному Кругомъ, то-есть, стараться оживить византійскія занятія задачами на преміи и, вмѣстѣ съ тѣмъ въ частности, пріобрѣсти чрезъ то пособія къ исправленію византійской хронологіи. Но при этомъ тотчасъ же было высказано рѣшительно, что для вѣрнѣйшаго достиженія этой частной цѣли отнюдь не должно было снова повторить Кругову задачу, какъ она имъ была предложена, потому что такой обширной задачи нынѣ, въ короткое время, никто не могъ бы выполнить. Напротивъ, предложено было добиваться обработки византійской хронологіи мало по малу, посредствомъ монографій, обработываемыхъ по нѣскольку въ одно время, или одна за другою въ послѣдовательномъ порядкѣ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла обнаружилось, что для обработки полной и вѣрнѣйшей хронологіи византійской исторіи не довольно тѣхъ однихъ источниковъ, которыми пользовались Паги, Риттеръ и Кругъ, и что для этого нужно употребить, а отчасти еще отыскивать и доставать новые источники. Кромѣ того, припоминая, что прямыя хронологическія данныя, находящіяся у самихъ Византійцевъ, въ разныхъ рукописяхъ и у разныхъ компиляторовъ получаютъ иногда разныя видоизмѣненія, нельзя было не пожелать, чтобы эти данныя были повѣрены, сколько возможно, по исправнѣйшимъ текстамъ и по древнѣйшимъ рукописямъ. А это само собою указывало на церковно-славянскую письменность и повело къ мысли дать первой задачѣ на премію такое направленіе, чтобъ она и русскихъ ученыхъ побуждала къ изученію византійскихъ источниковъ и доставляла прямыя выгоды церковно-славянской и русской литературѣ. Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе, что именно обѣщаетъ будущимъ обработывателямъ византійской хронологіи славяно-русская письменность.

Въ то время, какъ Кругъ и Лербергъ задали задачу о византійской хронологіи, понятія о происхожденіи и постепен-

номъ распространенія церковно-славянской письменности и вмѣстѣ объ относительномъ значеніи ея для науки,—понятія, находившіяся въ общемъ оборотѣ, были еще очень неясны. Это надобно сказать особенно объ исторической ихъ части. Въ послѣднія десятилѣтія стало, правда, обнаруживаться нѣсколько больше участія къ такъ называемымъ хронографамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ высказывалось сожалѣніе, что о происхожденіи славянскихъ хронографовъ и внутреннемъ ихъ составѣ существующія свѣдѣнія такъ скудны и неудовлетворительны. Сожалѣніе это было тѣмъ естественнѣе, что въ составѣ хронографовъ не разъ находимы были замѣчательнѣйшіе по содержанію отрывки, о которыхъ однако ничего нельзя было сказать вѣрнаго, къ какому времени относится ихъ происхожденіе и гдѣ они были написаны первоначально. Таковы были именно нѣкоторыя извѣстія о византійско-русскихъ обстоятельствахъ. Въ такихъ случаяхъ въ настоящее время покуда, дѣйствительно, весьма трудно добиться желаемой ясности. Почти всѣ хронографы дошли до насъ безъ именъ ихъ сочинителей, отчасти въ разныхъ редакціяхъ, со вставками и прибавленіями, о которыхъ неизвѣстно, переведены ли онѣ изъ византійскихъ источниковъ, или внесены въ хронографъ въ какомъ нибудь славянскомъ краѣ съ устнаго преданія или изъ письменнаго источника? Итакъ, если мы хотимъ получить правильныя понятія о происхожденіи церковно-славянскихъ хронографовъ, и возможность отдѣлять въ нихъ вставки и прибавленія, то необходимо нужно отыскать самые первоначальные, византійскіе источники, изъ которыхъ они переведены вполнѣ, или заимствованы отчасти. Само собою разумѣется, что этотъ трудъ преимущественно, если неисключительно, принадлежитъ русскимъ ученымъ; разумѣется и то, что трудъ этотъ принесетъ немалую пользу и притомъ не только для исторіи церковно-славянской письменности, но и для изученія византійскихъ источниковъ. Постараемся обозначить нѣсколько отчетливѣе, что именно могутъ пріобрѣсть отсюда византійскія занятія.

1) *Церковно-славянскія рукописи могутъ вознаграждать намъ потерянныя византійскія извѣстія.* Многіе византійскіе историки дошли до насъ не вполнѣ или даже сохранились только въ извлеченіи у какого-нибудь позднѣйшаго компилятора. При этомъ легко можетъ быть, что иное историческое извѣстіе, нынѣ уже не существующее въ византійскихъ текстахъ, найдется гдѣ нибудь въ славянскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ византійскаго оригинала, бывшаго еще полнѣе нынѣшнихъ.

2) *Церковно-славянскіе переводы могутъ пояснять темныя и трудныя мѣста византійскихъ оригиналовъ.* Церковно-славянскіе переводчики были почти современники сочинителямъ византійскихъ оригиналовъ, или по крайней мѣрѣ не были удалены отъ нихъ длинными промежутками времени. По этому имъ могло быть понятно въ языкѣ византійцевъ, что со временемъ или вышло изъ употребленія или получило иное значеніе. Впрочемъ въ этомъ отношеніи много будетъ зависѣть отъ того, какъ выполнялъ свое дѣло славянскій переводчикъ или компиляторъ, съ самостоятельнымъ мышленіемъ или механически; получилъ ли онъ высшее образованіе у Грековъ, и вмѣстѣ съ разговорнымъ греческимъ языкомъ владѣлъ ли литературнымъ языкомъ образованныхъ Грековъ?

3) *Церковно-славянскіе переводы могутъ оказывать услуги при исправленіи испорченныхъ греческихъ текстовъ, и въ особенности хронологическихъ данныхъ.* Хотя списки Византійцевъ не представляютъ въ текстѣ ихъ столько порчи, какъ древніе классики, потому что первые не прошли чрезъ столько рукъ, какъ послѣдніе; при всемъ томъ славянскіе переводчики все-же могли имѣть подъ руками списки Византійцевъ исправнѣе нынѣшнихъ и передать изъ нихъ вѣрнѣйшія чтенія. По этому они не разъ могутъ пригодиться для исправленія византійскаго текста, особенно въ хронологическомъ отношеніи. Хронологическія данныя у Византійцевъ изображаются въ письмѣ нерѣдко числительными буквами, изъ которыхъ при списываніи рукописей многія легко принять одну за другую. Фактически извѣстно,

что нѣкоторыя изъ такихъ изображеній хронологическихъ данныхъ дѣйствительно испорчены, и что подобныя обстоятельства заставляютъ изслѣдователя хронологіи прибѣгать въ критикѣ текста къ догадкамъ или къ такъ называемой *догадочной критикѣ* (Conjecturalkritik). Къ этому вынужденъ былъ уже и Кругъ въ своей «Византійской Хронологіи», и нѣкоторыя изъ такихъ его поправокъ подтвердились византійскими рукописями, которыми онъ прежде не пользовался, тогда какъ другія не получили такого подтвержденія. Для исправленія испорченныхъ чтеній въ хронологическихъ данныхъ уже и Кругъ обращался къ церковно-славянскимъ хронографамъ. Примѣры этого рода есть и въ печатной его «Хронологіи;» но еще больше ихъ въ рукописныхъ его къ ней прибавленіяхъ.

Изъ сказаннаго ясно обнаруживается относительная важность церковно-славянскихъ хронографовъ для изученія византійской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ надобно также согласиться, что описывать и разбирать славянскіе хронографы невозможно безъ точнаго знанія византійскихъ оригиналовъ, на которыхъ они основываются. Къ сожалѣнію, критика самихъ византійскихъ лѣтописцевъ находится донынѣ на такой низкой степени, что многимъ изъ Византійцевъ не опредѣленъ еще въ точности ни вѣкъ, ни взаимныя между ними отношенія. Такъ какъ, по этому, русскимъ ученымъ, для разбора церковно-славянскихъ хронографовъ, нельзя было дать о византійскихъ лѣтописцахъ ни полнаго руководства, ни большаго количества монографій, то Академія сочла за лучшее предложить, на соисканіе преміи, задачу, которая была бы направлена *какъ въ пользу византійско-славянской исторіографіи, такъ и въ пользу византійской хронологіи*. Сочиненіемъ на такую задачу предполагалось 1) доставить будущимъ обработывателямъ церковно-славянской исторіографіи руководство, помощію котораго они легко могли бы находить первоначальные византійскіе источники церковно-славянскихъ хронографовъ, сколько они вообще дошли до насъ, и 2) положить основаніе возможно-полнѣйшему собранію хро-

нологическаго матеріала, сколько его содержится у Византійцевъ въ собственномъ смыслѣ.

Цѣль задачи довольно ясно выражена была въ программѣ: начинающейся слѣдующими словами:

«Издавая нѣкогда Штриттеровы Memoriae Populorum и вы-«зывая на изслѣдованія Византійской Исторіи преміями, Импе-«раторская Академія Наукъ старалась поощрять эти изслѣдо-«ванія, какъ важныя пособія для обработыванія Славянской «Исторіи. Теперь, когда значеніе такъ называемыхъ въ Цер-«ковно-Славянской Литературѣ Хронографовъ становится уже «понятнѣе, Академія снова обращаетъ вниманіе Русскихъ и «иностранныхъ ученыхъ на это, до сихъ поръ мало обработан-«ное поле, предлагая премію за удовлетворительное рѣшеніе «слѣдующей задачи:

«Представить исторію отъ 395 до 1056 года въ лѣто-«писной формѣ такъ, чтобы событія каждаго года, упоми-«наемыя въ собственно Византійскихъ лѣтописяхъ, сжато «были изложены по источникамъ, подобно тому, какъ это «сдѣлано для исторіи нѣкоторыхъ народовъ въ сочиненіяхъ, «извѣстныхъ въ исторической литературѣ подъ названіемъ «Regesta или Regesta chronologica».

«...Академія отнюдь не скрываетъ отъ себя трудностей «предложенной задачи, и готова принять ихъ въ разсчетъ при «обсужденіи, въ свое время, соискательныхъ сочиненій. Еслижъ «и за тѣмъ ни одно изъ нихъ не будетъ признано достаточно «удовлетворительнымъ и заслуживающимъ полную премію, то, «на сей случай, предполагается назначить второстепенную на-«граду (Accessit) для того изъ соискателей, котораго трудъ хотя «приблизительно удовлетворитъ требованіямъ задачи, и при-«знанъ будетъ полезнымъ началомъ или основаніемъ тому из-«данію, какое Академія собственно имѣла въ виду».

Такимъ образомъ изъ этой программы видно, что задачею на премію требовалась покуда только хронографія византійской исторіи по изданнымъ донынѣ лѣтописцамъ, а не исправленная

уже хронографія; но видно въ то же время, что эта хронографія, кромѣ своей главной цѣли въ отношеніи къ славянскимъ занятіямъ предполагалась способною проложить путь къ строго-ученой византійской хронологіи.

Премія предложена была во имя Круга; да и уплачена она, такъ сказать, Круговыми деньгами, вслѣдствіе чего, въ нѣкоторомъ отношеніи она выходитъ изъ ряда академическихъ. Г. Муральтъ, заслуживъ эту премію, (въ степени Accessit), представилъ свое сочиненіе еще на Демидовской конкурсъ, — и теперь спрашивается, какую премію можно присудить этому сочиненію по правиламъ этого учрежденія.

По программѣ отнюдь не требовалось въ строгомъ смыслѣ критическое сочиненіе: Хронографія должна была только подготовлять такой трудъ. Впрочемъ было бы, съ другой стороны, ошибочно считать хронографію и чисто-механическимъ трудомъ; напротивъ, и она должна быть произведеніемъ учености, лишь несравненно менѣе строгой и настойчивой. Это внутреннее ограниченіе задачи было необходимо для успѣха ея выполненія. По этому въ программѣ не требовалось отъ сочинителя преміи «никакихъ спеціальныхъ изысканій объ отношеніяхъ между источниками:» подобныя задачи въ настоящее время вообще могутъ быть рѣшаемы лишь весьма неудовлетворительно, пока не изданы нѣкоторые изъ старшихъ Византійцевъ, донынѣ скрывающихся въ рукописи въ разныхъ европейскихъ библіотекахъ. Уже по одной этой причинѣ нельзя было обременять задачу большими требованіями касательно объясненія *взаимныхъ отношеній между византійскими историками*. Но въ программѣ было высказано *желаніе*, чтобы историческія данныя въ хронографіи были основаны, по крайней возможности, на первоначальныхъ, а не на второстепенныхъ источникахъ и компиляторахъ. Какъ г. Муральтъ понимаетъ это отношеніе между Византійцами, видно изъ его хронологическаго перечня источниковъ, которымъ онъ руководствовался тамъ, гдѣ ему надобно было ссылаться не на одинъ источникъ.

Въ этомъ перечнѣ значится около 100 источниковъ, которые по своему внѣшнему объему и по внутреннему достоинству весьма различны. Нѣкоторые изъ нихъ содержатъ въ себѣ лишь немногія самостоятельныя извѣстія о Византіи, тогда какъ во многихъ другихъ г. Муральтъ нашелъ для себя весьма обильную добычу. По программѣ поставлено въ обязанность воспользоваться только византійскими историками въ собственномъ смыслѣ, потому что извлеченіе данныхъ изъ церковныхъ писателей, изъ житій Святыхъ, изъ Указовъ византійскихъ императоровъ и юридическихъ книгъ, изъ латинскихъ, восточныхъ и славянскихъ источниковъ и т. д., очевидно, должно составить нѣсколько особенныхъ задачъ, которыя, для удовлетворительнаго выполненія, потребовали бы не только много времени и труда, но, что особенно надо взять въ соображеніе, потребовали бы еще особенныхъ лингвистическихъ, литературныхъ и историческихъ познаній, которыя, по самому существу дѣла, не могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же лицѣ. Между тѣмъ г. Муральтъ не могъ удержаться въ показанныхъ границахъ задачи, но въ нѣкоторомъ отношеніи вышелъ изъ нихъ: именно, онъ не ограничился византійскими лѣтописцами въ собственномъ смыслѣ, но иной разъ пользуется церковными писателями, юридическими источниками, латинскими и восточными писателями, равно и нѣкоторыми славянскими источниками, приводя изъ тѣхъ и другихъ нѣкоторыя данныя. Не будемъ осуждать его за это произвольное распространеніе круга источниковъ: это заслуживаетъ даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ благодарности; но въ такомъ случаѣ желательно бы видѣть тамъ и сямъ въ его перечнѣ обозначеніе постепенной важности между иностранными источниками, чтобы можно было понять, почему онъ придаетъ въ иномъ случаѣ особенный вѣсъ тому, а не другому изъ иностранныхъ источниковъ. Между тѣмъ описанія источниковъ, не исключая и греческихъ, подъ весьма многими нумерами перечня, такъ недостаточны, что иной разъ не показано даже изданіе, которымъ пользовался составитель хроногра-

фіи: въ хронологическихъ изысканіяхъ, для которыхъ трудъ г. Муральта долженъ служить нѣкоторымъ образомъ руководительною нитью или по крайней мѣрѣ указателемъ, этотъ недостатокъ легко можетъ повести къ недоразумѣніямъ и ложнымъ заключеніямъ.

Вѣкъ источниковъ показанъ на основаніи обыкновенныхъ пособій, хотя эти пособія, какъ уже извѣстно изъ опыта, не вездѣ надежны, а иногда просто передаютъ наслѣдственные взгляды ученыхъ XVII и XVIII вѣка. Отъ г. Муральта никакъ не должно было ожидать подробныхъ изысканій въ этомъ отношеніи; однако онъ подъ нѣкоторыми нумерами Перечня источниковъ помѣстилъ объясненія и примѣчанія, которые заслуживаютъ нашего вниманія. Укажемъ напр. на № 69, гдѣ авторъ высказываетъ свое мнѣніе о лѣтописи, приписываемой такъ называемому магистру и логоѳету Симеону, современнику Великаго Князя Олега. Эта лѣтопись необыкновенно обильна хронологическими данными и г. Муральтъ имѣлъ вполнѣ достаточную причину поспорить съ своими предшественниками. Кругъ выставлялъ этого Симеона, впрочемъ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, за авторитетъ для хронологіи IX и X вѣка. Взглядъ, развитый въ 1848 г. издателемъ Круговыхъ сочиненій касательно вѣка и значенія сочинителя этой лѣтописи, г. Муральтъ вновь подвергнулъ критическому разбору,— и, надобно отдать ему справедливость, онъ не безъ успѣха трудился для дальнѣйшаго поясненія этого вопроса *). При многихъ же другихъ источникахъ желательно бы видѣть болѣе обстоятельныя опредѣленія. Мы не нашли этого напр. подъ № 12 Перечня, для латинской лѣтописи, приписываемой Просперу, между тѣмъ какъ въ разсужденіи ея уже не разъ увлекались къ опрометчивымъ заключеніямъ даже извѣстные историки, именно потому, что не знали взаимныхъ отношеній между разными ея

*) Впрочемъ дошедшее до насъ сочиненіе подъ именемъ Симеона Логоѳета, можетъ быть, есть только извлеченіе изъ подлиннаго его сочиненія.

редакціями. Такъ какъ достоинство хронологическихъ данныхъ такъ много зависитъ отъ подлинности источниковъ и отъ устраненія вставочныхъ мѣстъ, то г. Муральту слѣдовало бы показать въ своемъ Перечнѣ источниковъ, что ему взглядъ Вайца и др. не безъизвѣстенъ. Не мѣшало бы также видѣть ближайшія свѣдѣнія подъ № 63 о такъ называемыхъ Miscellae. Замѣтимъ также, что г. Муральтъ мало пользуется лѣтописью Скилицы въ самомъ сочиненіи. Правда, греческій текстъ ея еще не вполнѣ изданъ, но за то изданъ въ 1570 г. въ Венеціи старинный латинскій переводъ ея и въ сочиненіяхъ Петербургскихъ Академиковъ нерѣдко встрѣчаются на него ссылки. Какъ важенъ текстъ Скилицы для правильной оцѣнки отношеній этого лѣтописца къ Михаилу Атталіоту и Кедрину, объ этомъ не стоитъ распространяться. Далѣе, нельзя, конечно, требовать, чтобы г. Муральтъ въ области исторической литературы восточныхъ народовъ былъ какъ у себя дома. Но если онъ рѣшился воспользоваться написанною на сирійскомъ лѣтописью Баргебрэуса и привелъ ее въ своемъ Перечнѣ въ числѣ источниковъ на 99 мѣстѣ, то, чтобы не вводить другихъ въ ошибки, онъ непремѣнно долженъ бы былъ прибавить, — чего, замѣтимъ, не знаютъ многіе историки —, что латинскій переводъ этой лѣтописи весьма неточенъ, какъ доказали уже Арнольди и Майеръ. Можно бы и еще найти мѣсто у г. Муральта такимъ желаніямъ; но какъ бы ни были исправно поставлены на своихъ мѣстахъ эти и подобныя свѣдѣнія, все-же не надо выпускать изъ виду, что г. Муральтъ въ этомъ отношеніи не принималъ на себя обязанности подробно разсматривать темные и трудные вопросы о вѣкѣ и сочинителяхъ источниковъ византійской исторіи, и что это сочиненіе, по своей задачѣ, должно было представить обдуманно расположенный матеріалъ для будущей обработки полной и вѣрной византійской хронографіи, ближайшимъ образомъ приспособленной къ пользамъ славянской исторіографіи.

Въ этомъ отношеніи будущіе изслѣдователи — разумѣемъ

не однихъ изслѣдователей славянской исторической литературы — найдутъ обильный матеріалъ въ сочиненіи г. Муральта. Согласно желанію, прямо высказанному въ программѣ, авторъ позаботился составить Указатель личныхъ именъ и географическихъ названій, встрѣчающихся въ сочиненіи — принадлежность, при которой только и дѣлаются подобныя сочиненія доступными для употребленія. По приблизительному счету этотъ Указатель, совершенно готовый къ печати, содержитъ въ себѣ до 5000 названій. Въ самомъ сочиненіи собрано болѣе 3000 фактовъ, которые, съ небольшимъ исключеніемъ, всѣ извлечены изъ Византійцевъ въ собственномъ смыслѣ. По программѣ, авторъ долженъ былъ изложить собранные матеріалы, сколько возможно, ближе къ формѣ такъ называемыхъ Регестовъ (Regesta chronologica). Нашъ авторъ начинаетъ 395 годомъ и передаетъ событія, упоминаемыя Византійцами и др., по индиктіонамъ. Подъ каждымъ событіемъ онъ обозначаетъ источники, и тутъ приводитъ, на французскомъ языкѣ, встрѣчающіяся въ нихъ хронологическія данныя болѣе или менѣе обстоятельно, но обыкновенно въ сжатыхъ выраженіяхъ. На полѣ ставитъ соотвѣтствующій годъ, мѣсяцъ и число (или день) христіанскаго лѣтосчисленія и нѣкоторыя другія хронологическія принадлежности.

Кто знаетъ, какъ составляли свои сочиненія многіе изъ Византійцевъ, какъ небрежно они выписывали изъ сочиненій своихъ предшественниковъ и какъ склеивали самыя разнородныя извѣстія, не показывая первоначальныхъ источниковъ; кто знаетъ далѣе, какъ многіе изъ нихъ описывали современныя и даже лично ими видѣнныя событія, не заботясь о строгомъ хронологическомъ порядкѣ, тотъ легко пойметъ, сколько трудовъ долженъ былъ потратить г. Муральтъ на собираніе и приведеніе въ порядокъ матеріала, сообщаемаго въ его сочиненіи. При этомъ, къ сожалѣнію, онъ оставался на счетъ одного пункта въ недоразумѣніи, вліяніе котораго ощутительно въ его сочиненіи. Въ программѣ сказано:

«Тамъ, гдѣ источники нѐ показываютъ года событій или «противорѣчатъ другъ другу въ этомъ отношеніи, хронологи«ческое размѣщеніе матеріала предоставляется историческому «такту сочинителя. Неизбѣжное по свойству нѣкоторыхъ источ«никовъ раздробленіе матеріала или повтореніе однѣхъ и тѣхъ «же событій въ разныхъ мѣстахъ не повредитъ достоинству «сочиненія, если къ нему прибавленъ будетъ полный Index per«sonarum et rerum».

Этими словами данъ былъ намекъ, что нѣкоторыхъ событій, по недостатку прямыхъ хронологическихъ данныхъ, сочинителю хронографіи невозможно будетъ внести въ общій хронологическій рядъ событій, и что ему предоставляется ставить такія событія отдѣльно, или въ концѣ какого либо индиктіона, или въ концѣ царствованія какого либо императора. А г. Муральтъ позаботился изложить все, что онъ извлекъ, въ непрерывной хронологической цѣпи. Такъ, конечно, и должно быть, когда будетъ обработана *полная и* въ тоже время *вполнѣ вывѣренная въ хронологическомъ отношеніи византійская хронографія*; но при нынѣшнемъ состояніи историческаго изслѣдованія такое покушеніе вовсе несбыточно. Г. Муральтъ, безъ сомнѣнія, чувствуетъ это, — и вотъ почему именно онъ беретъ у писателей, скудныхъ хронологическими данными, вовсе не такъ много историческаго матеріала, какъ этого можно бы желать для цѣли хронографіи. Подробно приводить примѣры этого рода изъ сочиненія г. Муральта, было бы слишкомъ долго: довольно назвать для этого нѣсколько именъ византійскихъ писателей, какъ-то: Прокопія, Ѳеофилакта Симокатты, Ѳеофана, Кедрина и т. д. Но недостатокъ сочиненія съ одной стороны авторъ вознаграждаетъ съ другихъ сторонъ, и мы были бы несправедливы, если бы въ иныхъ случаяхъ не выразили ему нашей признательности. Такъ, онъ обстоятельнѣе другихъ фактовъ занимается извѣстіями о Россіи и о славянскихъ народахъ и т. п.; но при этомъ не совсѣмъ можно одобрить то, что иногда онъ вдается въ спеціальныя изслѣдованія, вовсе не принад-

лежащія къ кругу нашей задачи. Замѣтимъ, что для такихъ разысканій требуется точное знаніе современнаго состоянія специальныхъ историческихъ изслѣдованій; а такого знанія въ нѣкоторыхъ объясненіяхъ автора мы не находимъ.

Мы должны выставить еще одну сторону сочиненія, съ которой авторъ даетъ намъ больше, чѣмъ требовалось. Въ предложеніи о преміи было замѣчено, что «справки съ иностранны-«ми источниками для византійской исторіи могутъ быть умѣст-«ны особенно тамъ, гдѣ лѣтосчисленіе у Византійцевъ запутано, «или гдѣ они умалчиваютъ главныя обстоятельства и вмѣсто «ихъ упоминаютъ второстепенныя». Но въ тоже время автору предоставлялась полная свобода — пользоваться или не пользоваться иностранными источниками. Между тѣмъ г. Муральтъ счелъ за нужное присовокупить къ числу своихъ источниковъ нѣкоторые изъ иностранныхъ, особенно писанные на латинскомъ языкѣ. Извлеченія изъ этихъ источниковъ онъ умножилъ особенно во время печатанія книги. Выше мы уже показали нашу готовность принять это обогащеніе книги съ признательностью. Между тѣмъ, было бы, можетъ быть, лучше, если бы часть времени и труда, потраченная на иностранные источники, была употреблена собственно на Византійцевъ. Объемъ иностранныхъ источниковъ такъ великъ, что со стороны нашего автора нельзя было ожидать даже попытки — воспользоваться ими систематически. Да и пользоваться ими очень нелегко, покуда близко не ознакомимся съ ихъ происхожденіемъ и особеннымъ лѣтосчисленіемъ. Г. Муральту иностранные источники, конечно, нужны были преимущественно для отысканія хронологической нити у нѣкоторыхъ Византійцевъ, и они, безспорно, тамъ или индѣ, оказали ему въ этомъ отношеніи существенныя услуги. Но кто знаетъ, въ какомъ плохомъ состояніи находится вообще хронологія средневѣковой исторіи въ отношеніи къ подробностямъ событій и какъ даже знаменитые западные историки нашего времени нерѣдко оставляютъ хронологическія затрудненія нерѣшенными, тотъ легко

полагаемъ, что переложеніе хронологическихъ показаній въ источникахъ на годы отъ Р. Хр. у г. Муральта можетъ быть только приблизительно вѣрнымъ. Все же сдѣланное имъ въ этомъ отношеніи превышаетъ наши требованія, и будущіе обработыватели спеціальныхъ хронологическихъ вопросовъ неразъ будутъ благодарить его за то, что онъ облегчилъ для нихъ трудность задачи. Конечно, можно пожалѣть, что прямыя данныя, встрѣчающіяся въ источникахъ, авторъ не вездѣ передалъ въ подлинныхъ выраженіяхъ, на языкѣ самихъ источниковъ; но при объемѣ сочиненія г. Муральта это — недостатокъ довольно естественный и устраненіе его составитъ задачу позднѣйшихъ, болѣе подробныхъ обработокъ византійской хронологіи. Для ближайшей цѣли — анализа и разложенія славянскихъ хронографовъ и ихъ первоначальныхъ источниковъ — Муральтовъ «Опытъ Византійской Хронографіи» представляетъ немаловажное пособіе. Правда, въ этомъ Опытѣ, при его изложеніи, иногда напрасно, какъ убѣдились мы, стали бы искать именъ лицъ, причисляемыхъ къ историческимъ въ извѣстномъ отношеніи; но кто настойчиво занимается *такими* трудами, тотъ съумѣетъ извлечь для себя пользу и изъ этой сжатости содержанія въ сочиненіи г. Муральта. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ для общей византійской исторіи матеріалъ, котораго дальнѣйшая и всесторонняя обработка есть дѣло не *одного* лица, а многихъ и различныхъ силъ; да и при этомъ условіи обработка эта во многихъ случаяхъ не можетъ увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ, если не будутъ сдѣланы общедоступными новые, неизданные, греческіе и негреческіе источники *).

Показавъ такимъ образомъ относительное ученое достоин-

*) Соотвѣтственно своему прежнему обѣщанію Академія позаботится, чтобы мысль о строго ученой византійской хронографіи болѣе и болѣе приближалась къ осуществленію. Съ этою цѣлію III Отдѣленіе въ 1854 г. признало необходимымъ прежде всего возложить на одного изъ первыхъ византинистовъ изданіе византійскихъ источниковъ, которые донынѣ хранились лишь въ рукописи. Предпріятіе это теперь уже въ ходу.

ство Муральтова «Опыта», мы должны теперь окончательно рѣшить, можно ли присудить ему Демидовскую премію, и если можно, то — какую?

Въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, что съ постановленіями Демидовскаго Учрежденія совершенно согласно — оказать поощреніе автору сочиненія, которое дѣлаетъ возможнымъ строгое изученіе извѣстной области византико-славянской литературы и нѣкоторымъ образомъ заохочиваетъ къ такому изученію. Если бы въ «Опытѣ» г. Муральта мы имѣли полную, уже *критически* очищенную византійскую хронографію, то ему, безъ сомнѣнія, была бы присуждена полная премія. Но какъ «Опытъ» этотъ, во всемъ своемъ существѣ представляетъ только предварительные труды, хотя и полезные, то мы должны присудить ему только второстепенную премію. И мы можемъ надѣяться, что такое поощреніе способно побудить и другихъ къ предпріятію по крайней мѣрѣ такихъ же предварительныхъ трудовъ къ изученію византійско-славянской исторіографіи. Донынѣ Академія еще въ первый разъ имѣетъ случай оказать, посредствомъ Демидовской преміи, поощреніе византійскимъ занятіямъ.

РАЗБОРЪ

сочиненія

капитана 1-го ранга ТЕБѢНЬКОВА

подъ заглавіемъ:

АТЛАСЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫХЪ БЕРЕГОВЪ АМЕРИКИ

ОТЪ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА ДО МЫСА КОРРІЕНТЕСЪ И ОСТРОВОВЪ АЛЕУТСКИХЪ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ НѢКОТОРЫХЪ МѢСТЪ СѢВЕРОВОСТОЧНАГО БЕРЕГА АЗІИ

И ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ КЪ НЕМУ ТЕКСТЪ

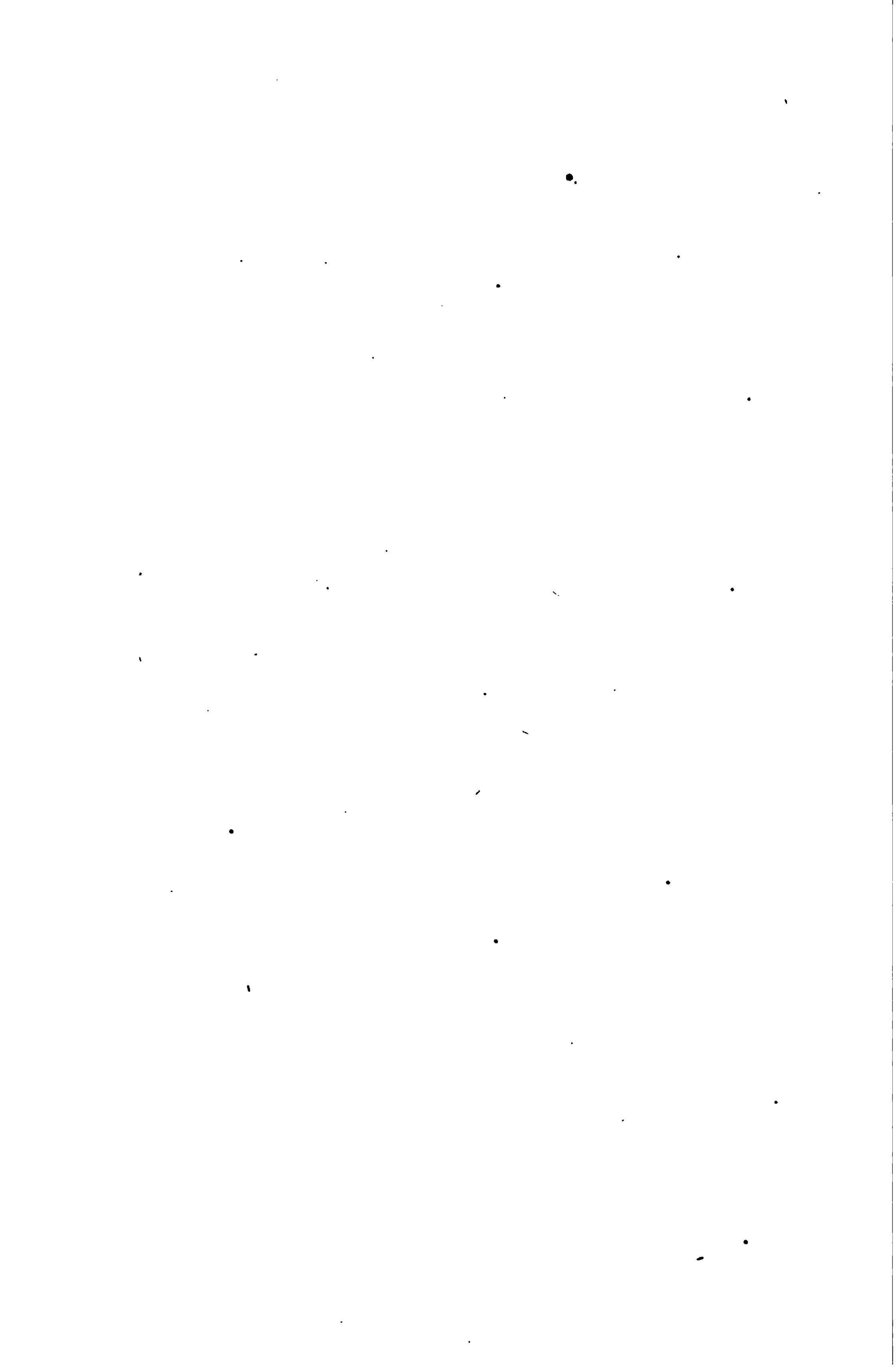
подъ заглавіемъ:

ГИДРОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ КЪ АТЛАСУ СѢВЕРОЗАПАДНЫХЪ БЕРЕГОВЪ АМЕРИКИ и проч.

С. Петербургъ, 1852 года,

составленный

вице-адмираломъ барономъ **Врангелемъ.**

Сочиненіемъ этимъ Капитанъ 1-го ранга Тебѣньковъ пополнилъ важный недостатокъ по части гидрографіи того объёма Великаго Океана, по которому совершаютъ обыкновенныя свои плаванія корабли Россійско-Американской Компаніи, заключающагося между широтами 19° и $66\frac{1}{4}$° и долготами $100\frac{1}{2}$° и $220\frac{1}{2}$°. Хотя знаменитый нашъ гидрографъ Адмиралъ Крузенштернъ обработалъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи и сѣверную часть Океана, однакожъ за неимѣніемъ въ то время довольно данныхъ, карты въ Атласѣ Крузенштерна не представляютъ тѣхъ подробностей и въ запискахъ его не встрѣчаются тѣ наставленія, въ которыхъ именно мореходцы нуждаются для безопаснаго совершенія рейсовъ около береговъ бурнаго, туманамъ и сильнымъ теченіямъ подверженнаго, моря. Капитанъ 1 ранга Тебѣньковъ пополнилъ этотъ недостатокъ: въ продолженіе 25 лѣтъ своего служенія въ Русскихъ колоніяхъ нѐ упускалъ онъ изъ виду однажды задуманный имъ планъ и постепенно собирая матеріалы со тщаніемъ, подвергая ихъ критическому разбору, былъ наконецъ въ состояніи привести ихъ въ систему и подарить мореходцевъ Атласомъ, вмѣщающимъ на 39 листахъ берега вышеозначеннаго пространства и сверхъ того 48 частныхъ плановъ для входовъ въ гавани и заливы; также изображенія видовъ большаго числа замѣчательныхъ пунктовъ. Атласъ этотъ тѣмъ бóльшую имѣетъ цѣну, что въ приложенныхъ къ нему «замѣчаніяхъ» въ особой книгѣ на 20 листахъ, мореходецъ

найдетъ для каждой частной карты не токмо отчетъ въ употребленныхъ для составленія ея матеріяловъ, но и во многихъ случаяхъ полезныя лоцманскія наставленія и общелюбопытныя свѣдѣнія. Къ сожалѣнію ограничился сочинитель тѣми указаніями, которыя упущены были въ другихъ напечатанныхъ уже сочиненіяхъ; трудъ его представлялъ бы болѣе полноты и практической пользы для мореходца, если бы свелъ онъ во едино все, для ознакомленія съ моремъ и берегами, мореходцу знать нужное, избавляя его отъ надобности отыскивать совѣты и наставленія въ многотомныхъ и дорогихъ сочиненіяхъ. Ситхинскихъ проливовъ, кажется, не помѣщены нѣкоторыя карты, хранящіяся въ рукописяхъ въ Депо Картъ.

Не имѣя подъ руками необходимыя пособія для справокъ, я долженъ въ нижеслѣдующемъ разборѣ ограничиться тѣми немногими замѣчаніями, которыя могу извлечь изъ рукописныхъ моихъ записокъ и повѣряя самыя карты Атласа съ данными, показанными въ «Замѣчаніяхъ» сочинителя.

Въ началѣ, въ особомъ «Предувѣдомленіи» сочинитель свелъ главные географическіе пункты, служившіе основаніемъ карты: числомъ ихъ 16; вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ онъ на источники откуда широты и долготы взяты. Такъ какъ нѣкоторыя долготы выведены по хронометрамъ, относя разности во времени или къ меридіану Петропавловска, или Ново-Архангельска; а другія опредѣлены непосредственно чрезъ долготныя обсерваціи, относя ихъ къ меридіану астрономическихъ таблицъ, то въ совершенной вѣрности взаимныхъ отношеній меридіановъ этихъ 16 основныхъ пунктовъ, можно сомнѣваться. Для удобнѣйшей оцѣнки принятыхъ сочинителемъ долготъ, было бы желательно, чтобы при выводахъ было показываемо къ какому именно меридіану каждое долготное опредѣленіе отнесено было. Вотъ долготы двухъ меридіановъ: Петропавловска и Ново-Архангельска, по опредѣленіямъ разныхъ обсерваторовъ:

Петропавловска по наблюденіямъ затмѣнія солнца астронома

Прейса на шлюпѣ «Предпріятіе», Кап. Коцебу...... 201° 19′ 45″
Красильниковымъ въ 1741 г........ 201 16 30

Ново-Архангельска отъ Петропавловска, хронометрическая разность долготы по наблюденіямъ

Головина.. въ 1818 году........	66°	03′	35″
Врангеля.. » 1826 »	65	51	06
Литке....... » 1828 »	65	55	45
Хромченко » 1832 »	65	57	21
Шанцъ.... » 1835 »	65	56	59½
Средняя......	65°	56′	57″

Карты I и II. Матеріалы взяты почти исключительно изъ напечатанныхъ уже сочиненій.

Карта III. Заключаетъ въ себѣ много новыхъ свѣдѣній, и «Замѣчанія» къ ней, критическій отчетъ въ употребленныхъ матеріалахъ.

Карта IV. Составлена съ большимъ тщаніемъ и трудомъ, исправляя погрѣшности прежнихъ картъ, по наблюденіямъ собраннымъ сочинителемъ изъ большаго числа рукописныхъ журналовъ, употребленныхъ имъ съ критическимъ разборомъ. Мореплаватель найдетъ въ «Замѣчаніяхъ» къ этой картѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Карта V. Тоже сказать можно и относительно этой карты и «Замѣчаній» къ ней.

Карта VI. Равно и къ этой; въ «Замѣчаніяхъ» помѣщены любопытныя историческія и геогностическія замѣтки о той отдаленной странѣ и ея обитателяхъ.

Карта VII. Тоже и въ этой.

Карта VIII. Тоже и здѣсь. Особенно важны наставленія мореходцамъ для входа въ заливъ Ситху и выхода изъ него.

Карты IX—XIII. Составлены изъ извѣстныхъ матеріаловъ.

Карта XIV. Снята также со старой карты.

— XV. Карта старая; однако же въ «Замѣчаніяхъ» есть полезные намеки мореходцу изъ рукописныхъ журналовъ.

Карта XVI. } Также и здѣсь.
— XVII. }

— XVIII. До С. Блаза въ широтѣ 21½° пополнено свѣденіями отъ командировъ русскихъ судовъ.

Съ этой затропической широты переходимъ опять къ широтѣ 64° и встрѣчаемъ въ описи О-ва С-го Лаврентія морскія полезныя замѣтки изъ русскихъ журналовъ самаго автора, многіе годы сряду посѣщавшаго эти мѣста.

Карта XX. Изъ извѣстныхъ уже матеріаловъ.

— XXI. Прежнія карты исправлены и пополнены опредѣленіями, взятыми изъ рукописныхъ русскихъ журналовъ.

Карты XXII и XXIII. И здѣсь введены исправленія съ наблюденій русскихъ мореходцевъ Компаніи. Въ Замѣткахъ о входѣ въ Павловскую гавань (стр. 82) нашли бы мѣсто замѣчанія, найденныя мною въ моихъ путевыхъ замѣткахъ, въ 1834 году, при посѣщеніи моемъ Кадьяка. Выпишу ихъ здѣсь:

«Между Ситхой и Кадьякомъ, въ лѣтніе мѣсяцы вѣтеръ переходя отъ S (по компасу) къ SO обыкновенно сопровождается дождемъ и мрачностью, которая прочищается при переходѣ вѣтра чрезъ O къ NO. Однакожъ по сему направленію S вѣтръ рѣдко вращается: чаще переходитъ N вѣтръ чрезъ O къ S, и потомъ чрезъ W къ NW. Южныя и SO вѣтра дуютъ тѣмъ продолжительнѣе чѣмъ воздухъ суше, а буде польется дождь и притомъ въ короткое время вѣтръ скрѣпчаетъ, то можно ожидать скораго направленія SW или W.

«Подходя съ восточной стороны къ Чиніатскому заливу, для входа въ Павловскую гавань, должно стараться усмотрѣть островокъ Угакъ, который представляется круглой сопкой и видѣть можно въ 30 миляхъ. Держа въ 4 — 5 миляхъ отъ Чиніатскаго мыса (отъ котораго тянется рядъ каменьевъ, куда и теченіе направлено), править въ заливъ, имѣя камень внѣшній Горбунъ по лѣвой рукѣ и продолжая итти на мысъ Утесовъ до тѣхъ поръ пока камень внутренній Горбунъ не пріидетъ на

траверсъ: тогда направить прямо въ проливъ между островами Лѣснымъ и Праздничнымъ, держась ближе къ Лѣсному, который подводныхъ опасностей не имѣетъ, между тѣмъ какъ лѣвая часть пролива не чиста отъ оныхъ. Коль скоро церковь откроется изъ-за мыса Праздничнаго, то можно заворачивать къ Гаванскому проливу, держась ближе праваго берега и бросить якорь въ углѣ между церковью и первымъ отъ него жилымъ флигелемъ. Этотъ южный входъ, хотя и извилистѣе восточнаго, однако же удобнѣе и безопаснѣе сего послѣдняго; ибо при измѣнившемся вѣтрѣ можно лавировать до якорной глубины, противъ Лѣснаго острова,—что сѣвернѣе сего острова несовсѣмъ безопасно дѣлать. Если берегъ усмотрится противъ Еврашечьяго острова или Еловаго или Афогнака и вѣтръ не позволитъ обогнуть острова Долгой миляхъ 9 южнѣе, дабы избѣжать Васильевскую банку, которая тѣмъ опаснѣе, что не всегда на ней бурунъ играетъ, — то не иначе рѣшиться должно итти въ гавань восточнымъ проходомъ, какъ при попутномъ вѣтрѣ. Такъ какъ NW и W вѣтра обыкновенно въ SW и S переходятъ, то и по этой причинѣ выгоднѣе входить въ Чиніатскій заливъ съ юга, дабы при перемѣнѣ вѣтра имъ можно было воспользоваться. Теченіе же дѣйствуетъ сильнѣе отъ N, чѣмъ въ противную сторону».

Карта XXIV. Она и «Замѣчанія» къ ней представляютъ много новыхъ матеріаловъ для связи пунктовъ, опредѣленныхъ разными обсерваторами и различными способами. Замѣчу здѣсь, что въ 1831 году проходя близь острова Нюняка (изъ Шумашанскихъ) опредѣлена мною по хронометрамъ разность долготъ меридіановъ средины острова и Павловской гавани 7° 09′, — до ½′ согласною съ положеніемъ, даннымъ сему острову въ разбираемомъ Атласѣ.

Карта XXV. Отчасти и здѣсь извѣстныя матеріалы пополнены новыми свѣдѣніями.

Карта XXVI. Равно и здѣсь.

— XXVII. Кажется взята безъ измѣненій съ картъ Ка-

питана Литке, котораго опредѣленія служатъ вообще главнѣйше основаніемъ для картъ Алеутской гряды и Азіятскаго берега.

Карта XXVIII. Равно и здѣсь.

— XXIX. Пополнена новыми описями и свѣдѣніями.

— XXX. Пополнена также новыми данными. Здѣсь замѣчу, что по моимъ наблюденіямъ въ 1826 году W мысъ острова Атту отстоитъ отъ Петропавловска въ 13° 38′ 50″ по долготѣ, а широта его 52° 55′ 22″. На картѣ же г. Тебѣнькова мысъ сей положенъ въ 14° 8½′ по долготѣ отъ Петропавловска (и въ 52° 56′ 45″ широты) — что не соотвѣтствуетъ ни одной изъ трехъ долготъ показанныхъ въ текстѣ (стр. 125), чему причина не объяснена.

Карта XXXI. Пополнена новыми данными.

— XXXII. Берега Камчатки взяты съ извѣстныхъ уже картъ, особенно съ описи Кап. Литке, и пополнены нѣкоторыми позднѣйшими осмотрами.

Карты XXXIII и XXXIV. Курильскіе острова, для очерка ихъ береговъ и въ замѣчаніяхъ сочинитель воспользовался также новыми свѣдѣніями чрезъ мореходовъ русской Американской Компаніи.

Карта XXXV. Сахалина N-я часть съ карты Крузенштерна безъ измѣненія; но устье Амура и Лимана по новѣйшимъ осмотрамъ.

Карта XXXVI. }
— XXXVII. } Съ извѣстныхъ картъ.

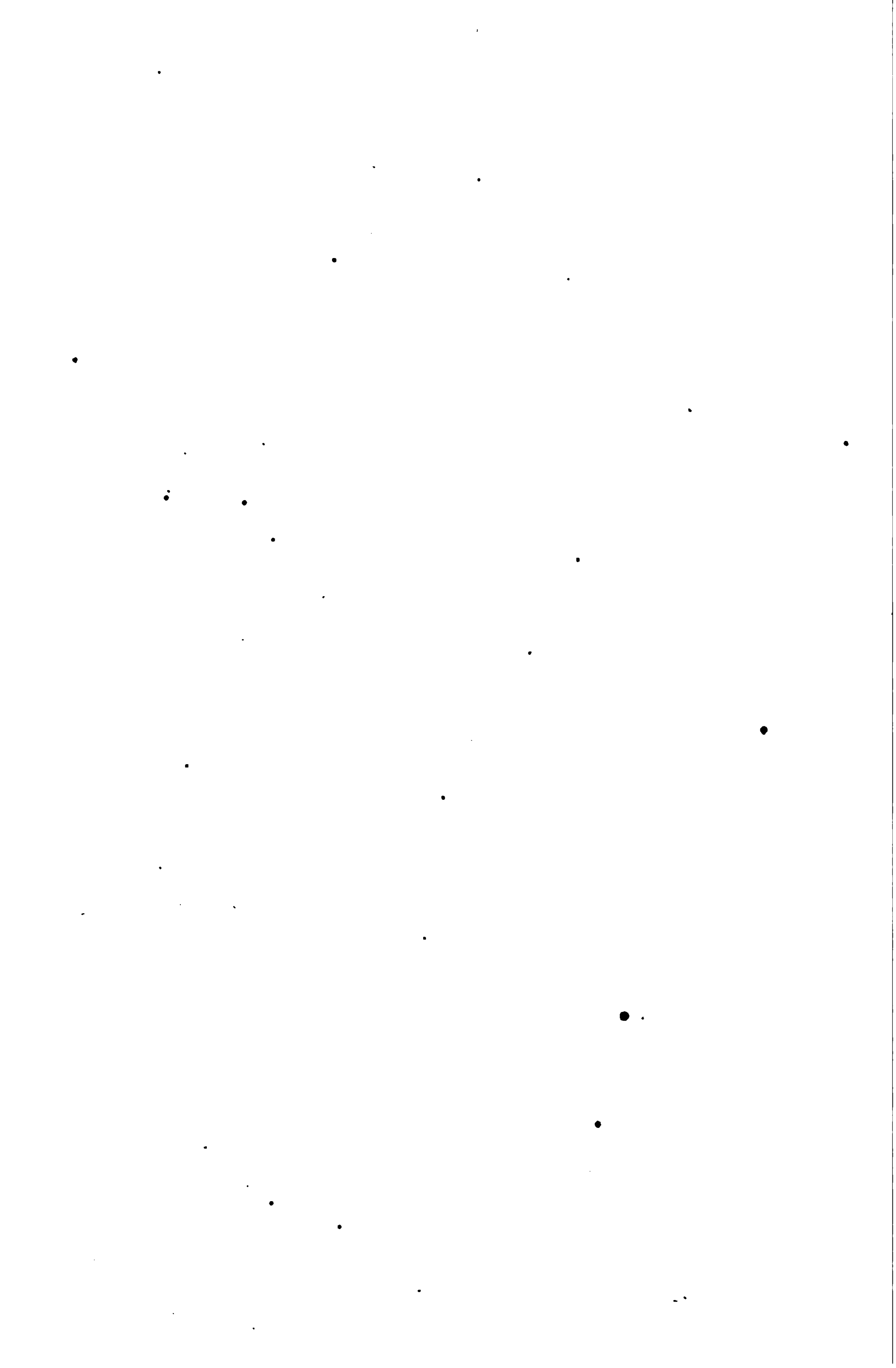
— XXXVIII. Заливъ Ситха; старыя карты исправлены.

Въ заключеніе «Гидрографическихъ замѣчаній» на 148 страницахъ, сочинитель пріобщилъ таблицу широтъ и долготъ 426 пунктовъ съ показаніемъ кѣмъ изъ мореплавателей каждый изъ сихъ пунктовъ опредѣленъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ 4 или 5 картъ, всѣ 38 листовъ въ Атласѣ г. Тебѣнькова представляютъ собраніе картъ исправленныхъ и пополненныхъ неизвѣстными намъ доселѣ описями и свѣдѣніями. Для доставленія этимъ кар-

тамъ возможной по настоящее время вѣрности и отчетливости, сочинитель исполнилъ огромный трудъ на пользу гидрографіи вообще, а отечественныхъ мореплавателей въ особенности. Принимая въ уваженіе то обстоятельство, что г. Тебѣньковъ извлекъ свои матеріалы для исправленія прежнихъ картъ, исключительно изъ рукописныхъ журналовъ отечественныхъ мореплавателей, сочиненіе его можно назвать оригинальнымъ русскимъ: онъ тѣмъ заслужилъ справедливую признательность отъ всѣхъ мореходцевъ и по моему мнѣнію трудъ его достоинъ знака одобренія со стороны Академіи, присужденіемъ ему Демидовской полной преміи.

Весьма желательно, чтобы г. Тебѣньковъ продолжалъ свои занятія симъ предметомъ и со временемъ пополнилъ представленные имъ сочиненія соотвѣтственными «дополненіями» по мѣрѣ учиненія новыхъ описей и наблюденій въ тѣхъ отдаленныхъ моряхъ.

РАЗБОРЪ

АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ЧАСТИ СОЧИНЕНІЯ

ЭКСТРА-ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА АСТРОНОМІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

М. КОВАЛЬСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

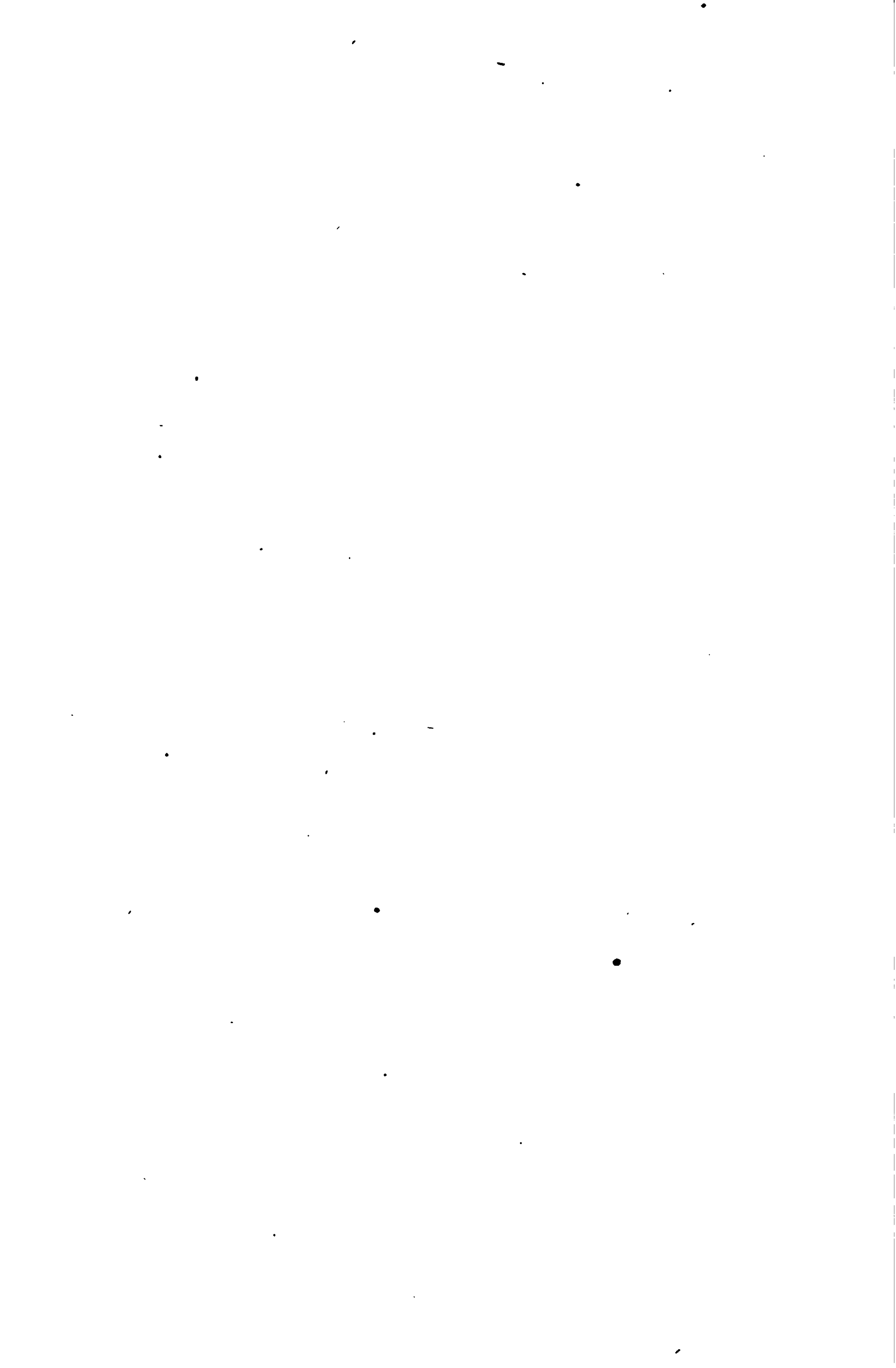
СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ И БЕРЕГОВОЙ ХРЕБЕТЪ ПАЙ-ХОЙ.

Томъ I. С. Петербургъ 1853 года.

СЪ ДВУМЯ КАРТАМИ И ЧЕТЫРЬМЯ ЧЕРТЕЖАМИ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ СТРУВЕ.

Изданное г. Ковальскимъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Сѣверный Уралъ и береговый хребетъ Пай-Хой», образуетъ собою первую часть подробнаго донесенія о трудахъ экспедиціи, которая въ 1847 —50 годахъ была отправлена Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія Сѣвернаго Урала. Г. Ковальскій, сопровождавшій экспедицію въ качествѣ астронома, излагаетъ въ этомъ сочиненіи свои собственныя наблюденія и извлеченные изъ нихъ результаты по части математической и физической географіи изслѣдованнаго края. Чтобы показать высокое значеніе этой работы, достаточно привести, что г. Ковальскій сообщаетъ здѣсь географическія положенія 186 пунктовъ и высоты 72 изъ нихъ надъ уровнемъ моря. Всѣ эти пункты, за исключеніемъ одного только, лежатъ между 60 и 70 градусами широты въ странахъ, прежде по большей части не посѣщенныхъ образованнымъ человѣкомъ.

Чтобъ вѣрно оцѣнить этотъ трудъ, необходимо напередъ ближе исторически разсмотрѣть происхожденіе и ходъ самой экспедиціи. Когда въ 1846 году совѣтомъ Географическаго Общества рѣшено было снарядить экспедицію для вышеуказанной цѣли и извѣстный изъ прежнихъ своихъ путешествій какъ осмотрительный и неутомимый путешественникъ, полковникъ Гофманнъ изъявилъ свою готовность принять надъ нею начальство, то прежде всего наряжена была коммисія съ порученіемъ изготовить потребныя для экспедиціи инструкціи и снабдить ее надлежащими инструментами. Задача этой коммисіи была не совсѣмъ простая, потому что инструкціи относились къ та-

кимъ странамъ, о которыхъ дотолѣ имѣлись только весьма скудныя свѣдѣнія. По благопріятному случаю въ то самое время пребывалъ здѣсь въ столицѣ на возвратномъ своемъ пути венгерскій путешественникъ Регули, который нѣсколько лѣтъ сряду изучалъ на самомъ мѣстѣ племена, обитающія вблизи Урала. Извѣстіями, полученными отъ него на счетъ способовъ сообщенія въ тѣхъ краяхъ, климатическихъ ихъ отношеній и пр., а равно совѣтомъ другихъ опытныхъ сѣверныхъ путешественниковъ, какъ-то Миддендорфа, Графа Кайзерлинга, Крузенштерна, коммисіи была доставлена возможность начертать общій планъ работамъ и снабдить членовъ экспедиціи инструкціями, которыя по крайней мѣрѣ относительно астрономической части оказались совершенно соотвѣтственными цѣли, потому что согласно съ предлежащими документами г. Ковальскій могъ строго придерживаться ихъ во всѣхъ существенныхъ ихъ пунктахъ. Случайныя отступленія, кое гдѣ проявляющіяся между инструкціями и исполненною работою, преимущественно относятся только ко времени исполненія. Такъ между прочимъ, когда неудалось съ достаточною вѣрностью опредѣлить положеніе исходнаго пункта Чердыни до перваго выступленія экспедиціи весною 1847 года, то назначенное къ веснѣ 1848 года опредѣленіе долготы Обдорска посредствомъ кульминацій луны, нужно было отложить до весны послѣдняго года.

Въ маѣ 1847 года всѣ участники экспедиціи собрались въ Чердыни, гдѣ въ тоже время глава ея принялъ всѣ мѣры, показавшіяся нужными для обезпеченія успѣха экспедиціи. По причинѣ обширности горной полосы, имѣвшей быть изслѣдованною, экспедиція раздѣлилась на два отряда, изъ которыхъ одинъ подъ начальствомъ маіора Стражевскаго долженъ былъ преимущественно преслѣдовать горный гребень Урала, а другой, предводимый самимъ полковникомъ Гофманномъ, принялъ на себя изслѣдованіе крайнихъ отростковъ хребта, и пограничной рѣчной области. Г. Ковальскій былъ прикомандированъ къ первому отряду, потому, что открытый видъ съ вер-

шинъ хребта обѣщалъ лучшій успѣхъ для геодезическихъ операцій.

Оба отряда въ одно время, 10 іюня н. ст. (*), оставили Чердынь. Отрядъ, къ которому принадлежалъ г. Ковальскій, сперва на ладьяхъ поднялся вверхъ по рѣкѣ Вишерѣ, потомъ вступилъ въ самыя горы и не прежде исхода іюня снова присоединился къ отряду полковника Гофманна, у истоковъ Малой Печоры. Здѣсь, — по необходимости увеличить число оленей, — нужно было остаться нѣсколько дней, послѣ чего оба отряда снова раздѣлились и продолжали свои отдѣльныя работы по 9 сентября, когда снова соединились у сопки Суомяхъ-Нёра подъ 64° широты. Здѣсь г. Ковальскій оставилъ своихъ спутниковъ, имѣя въ виду соединить хронометрически послѣднеуказанный пунктъ съ однимъ пунктомъ на Печорѣ (Усть-Щугуромъ), коего долготу нужно было точнѣе опредѣлить зимою. Эта операція была выполнена съ 9 по 24 сентября, между тѣмъ какъ Гофманнъ съ прочими членами экспедиціи, по изслѣдованіи сѣверной при-Уральской области, отправился въ Березовъ, а оттуда на зимовье. Между тѣмъ Ковальскій изъ Усть-Щугура возвратился въ Чердынь, гдѣ произвелъ первое свое наблюденіе 26 октября. Здѣсь онъ остался по 26 января 1848 года съ тѣмъ, чтобы отчасти точнѣе опредѣлить долготу самой Чердыни кульминаціями луны, отчасти же хронометрически соединить съ Чердынью нѣсколько ближнихъ пунктовъ. Сказаннаго числа онъ оставилъ Чердынь и преслѣдовалъ теченіе Печоры до самаго ея устья близъ Пустозерска, куда прибылъ 15 марта, хронометрически соединивъ дорогою еще рядъ пунктовъ, въ томъ числѣ Усть-Щугуръ. Пребываніе его въ Пустозерскѣ продолжалось только отъ 15 марта по 24 число того же мѣсяца и въ это время постоянно ясная погода дозволила ему сдѣлать пять надежныхъ наблюденій кульминацій луны.

Изъ Пустозерска Ковальскій перешелъ черезъ Уралъ

(*) Всѣ приведенныя числа даны по новому стилю.

подъ 65° широты въ Обдорскъ, куда прибылъ 15 апрѣля. Остававшимся ему свободнымъ временемъ по средину іюня, когда вся экспедиція снова должна была собраться въ Березовѣ, онъ воспользовался отчасти для лунныхъ наблюденій въ Обдорскѣ, отчасти для хронометрическаго соединенія съ Обдорскомъ нѣкоторыхъ пунктовъ по Оби, Щучьей и на Карскомъ морѣ, изъ которыхъ послѣдніе въ особенности должны были служить исходными точками для предстоявшаго лѣтняго путешествія.

18 Іюня 1848 года соединившіеся вмѣстѣ отряды выступили изъ Березова и преслѣдовали теченіе Войкара до 66° широты. Здѣсь они снова раздѣлились и одинъ, какъ и прежде, подъ начальствомъ Стражевскаго, направился къ югу, для изслѣдованія еще той части Урала до 64° 30′, гдѣ въ предъидущемъ году кончились работы, тогда какъ полковникъ Гофманнъ съ своимъ отрядомъ принялъ на себя труднѣйшую и болѣе обширнѣйшую часть работы, изслѣдованіе самой сѣверной части Урала до Ледовитаго моря.

Г. Ковальскій въ этомъ году принадлежалъ къ отряду полковника Гофманна. Въ слѣдствіе этого конечно произошелъ бы значительный пробѣлъ въ астрономическихъ опредѣленіяхъ между 64° и 66°; но съ другой стороны открытый видъ съ горнаго кряжа дозволялъ сдѣлать геодезическое опредѣленіе разныхъ другихъ отдаленныхъ южныхъ вершинъ внутри этого пространства, а къ тому же предполагаемый слѣдующею зимою г. Ковальскимъ вторичный переходъ за Уралъ подъ широтою 65° — 66° обѣщалъ нѣкоторымъ образомъ пополнить этотъ пробѣлъ.

Извѣстно, что путешествіе маіора Стражевскаго въ лѣто 1848 года осталось безуспѣшнымъ въ слѣдствіе падежа оленей. Съ другой стороны Гофманнъ и Ковальскій не только счастливо исполнили свою часть задачи, но первый еще преслѣдилъ весь простирающійся болѣе 300 верстъ, береговой кряжъ Пай-Хой до Вайгацкаго пролива, между тѣмъ какъ послѣдній, отдѣлясь

отъ перваго у устья Кары, старался снова скорѣе достигнуть исходной своей точки, Обдорска, чтобы тѣмъ придать своимъ хронометрическимъ долготамъ болѣе достовѣрности.

18 сентября Ковальскій снова прибылъ въ Обдорскъ. Здѣсь онъ сперва наблюдалъ еще бо́льшій рядъ лунныхъ кульминацій, потомъ совершилъ особую поѣздку для хронометрическаго соединенія Березова съ Обдорскомъ, а 10 января 1849 г. пустился въ путь черезъ хребетъ въ Чердынь, куда прибылъ 27 февраля. Отсюда ему оставалось еще совершить особую хронометрическую экскурсію, съ тѣмъ, чтобы непосредственно связать съ Чердынью одинъ изъ ближайшихъ пунктовъ собственнаго Урала Мониңъ-тумбъ у истоковъ Малой Печоры. Это соединеніе было желательно по двоякой причинѣ: во-первыхъ для того, чтобы сократить переноску времени въ лѣтнюю экспедицію 1847 года, а во-вторыхъ въ слѣдствіе того обстоятельства, что при началѣ первой лѣтней экспедиціи, 30 іюня, остановились всѣ 4 хронометра; эту окончательную операцію Ковальскій исполнилъ между 27 февраля и 18 марта 1849 года, а вслѣдъ за тѣмъ послѣ двухлѣтней непрерывной дѣятельности возвратился въ С. Петербургъ.

Вышесообщенный обзоръ путешествій, положившихъ основаніе картографіи сѣвернаго Урала, собранъ изъ различныхъ отдѣловъ сочиненія г. Ковальскаго. Но онъ еще требуетъ существеннаго дополненія. Обстоятельство, что путешествіе маіора Стражевскаго въ 1848 году не увѣнчалось успѣхомъ, заставляло желать, чтобы происшедшій отъ того пробѣлъ въ изслѣдованіи сѣвернаго Урала, между 64° 30′ и 66° широты былъ пополненъ по крайней мѣрѣ въ геогностическомъ и общегеографическомъ отношеніяхъ. Эту дополнительную работу совершилъ полковникъ Гофманнъ, въ сопровожденіи одного только топографа, лѣтомъ 1850 года; а вмѣстѣ съ тѣмъ воспользовался этимъ случаемъ для пополненія сѣти астрономическихъ пунктовъ и въ этой части, а именно присовокупивъ при помощи Писторова зеркальнаго круга и двухъ хронометровъ, къ опре-

дѣленнымъ уже г-мъ Ковальскимъ еще 6 важныхъ по своему положенію пунктовъ.

Чтобы представить въ общемъ обзорѣ результаты, добытые трудами Ковальскаго относительно географическаго опредѣленія мѣстъ, сообщаемъ здѣсь слѣдующую таблицу, раздѣляя въ ней 186 опредѣленныхъ имъ пунктовъ на два главные разряда, одинъ, заключающій въ себѣ пункты внѣ хребта, а другой пункты въ предѣлахъ самаго хребта лежащіе:

I. Пункты внѣ хребта:

городовъ	6
деревень	19
устьевъ рѣкъ	9
отдѣльныхъ хижинъ	5
пунктовъ по маршруту	10
итого	49.

II. Пункты въ предѣлахъ самаго хребта:

горныхъ вершинъ	100
источниковъ рѣкъ	9
устьевъ рѣкъ	3
озеръ	2
пунктовъ по маршруту	23
итого	137.

Означенные здѣсь 33 пункта маршрута лежатъ по большей части вдоль по берегамъ рѣкъ и главнѣйше содѣйствовали къ точнѣйшему опредѣленію теченія этихъ рѣкъ. Прочіе 153 пункта всѣ явственнѣе обозначены или самою природою, или какъ обитаемыя мѣста, а посему кромѣ ближайшаго ихъ назначенія — служить основою уже изготовленной карты Урала, — могутъ еще быть годными какъ точки опоры для послѣдующихъ работъ въ этихъ странахъ.

Но сверхъ того опредѣленные пункты можно раздѣлить также на разные разряды, смотря по способу опредѣленія географическаго ихъ положенія. Здѣсь отличительною характе-

ристикою служитъ главнѣйше способъ опредѣленія долготъ. Въ этомъ отношеніи получимъ:

1. Пунктовъ, коихъ долгота абсолютно опредѣлена кульминаціями луны, (города Чердынь, Пустозерскъ и Обдорскъ)...... 3
2. Пунктовъ, долгота которыхъ опредѣлена хронометрическими экскурсіями, менѣе продолжительными 26
3. Пунктовъ, долгота которыхъ опредѣлена хронометрически во время лѣтнихъ экспедицій или путешествій между главными пунктами, гдѣ путешествіе продолжалось долѣе трехъ недѣль............ 79
4. Пунктовъ, географическое положеніе которыхъ изслѣдовано геодезическими операціями на астрономически опредѣленномъ пунктѣ.. 36
5. Пунктовъ, географическое положеніе которыхъ опредѣлено измѣреніемъ ихъ азимута по крайней мѣрѣ съ двухъ астрономически опредѣленныхъ пунктовъ..... 36

итого...... 180

Разныя методы опредѣленія расположены здѣсь приблизительно, смотря по степени точности, какую онѣ представляютъ для долготъ. Относительно къ опредѣленіямъ высоты полюса мы можемъ различить только два разряда пунктовъ, для которыхъ точность существенно различна, а именно:

1. Пункты, на которыхъ широта непосредственно опредѣлена астрономическими наблюденіями.. 108
2. Пункты, которыхъ широта найдена посредствомъ геодезическихъ операцій съ другихъ пунктовъ.............................. 78

Для дополненія этихъ общихъ обзоровъ любопытно еще разсмотрѣть, въ какой относительной мѣрѣ опредѣленные пункты распредѣлены по всей обработанной экспедиціею области. Этотъ обзоръ облегчается тѣмъ, что хребетъ, равно какъ и рѣки Печора, Обь, Щучія имѣютъ преобладательно сѣверное направленіе. Итакъ если мы раздѣлимъ опредѣленные между 60° и 69° широты 183 пункта, по отдѣльнымъ градусамъ широты, то получимъ:

между 60° и 61°	широты	11	пунктовъ.
61 — 62	—	18	—
62 — 63	—	16	—
63 — 64	—	20	—
64 — 65	—	4	—
65 — 66	—	11	—
66 — 67	—	42	—
67 — 68	—	38	—
68 — 69	—	23	—

Это распредѣленіе показываетъ намъ, что сравнительно остается значительный пробѣлъ для страны между 64° и 66°, пробѣлъ, тѣмъ болѣе ощутительный, что изъ означенныхъ 15 пунктовъ только 8 принадлежатъ къ самому хребту, и всѣ эти 8 лежатъ на самой границѣ промежутка. Тѣмъ болѣе значенія имѣютъ дополнительныя для этой страны опредѣленія, произведенныя полковникомъ Гофманномъ въ 1850 году.

Съ другой стороны послѣднее сличеніе показываетъ, что г. Ковальскій лишь во второмъ году своихъ работъ точнѣе вникъ въ духъ операцій, потому что между 61° и 64° опредѣлено только 54, а между 66° и 69° — 103, и такъ почти вдвое бо́льшее число пунктовъ. Это главнѣйше произошло отъ того, что лишь во второмъ году сдѣлано было болѣе регулярное употребленіе универсальнаго инструмента, между прочимъ также для меньшихъ геодезическихъ операцій и для измѣренія азимутовъ. Это доказывается тѣмъ, что изъ числа 78 такимъ образомъ опредѣленныхъ пунктовъ только 13 принадлежатъ

осени 1847 г., а всѣ прочіе 65 лѣту 1848 года. Но конечно это бо́льшее употребленіе универсальнаго инструмента въ 1848 году, по замѣчанію самаго г. Ковальскаго, отчасти объясняется и тѣмъ, что въ самой сѣверной части Урала почти совершенное обнаженіе отъ лѣсовъ, являя на каждой стоянкѣ открытый видъ въ разныхъ направленіяхъ, дозволяло именно чаще наблюдать одни и тѣже самые предметы съ разныхъ точекъ, между тѣмъ какъ въ болѣе южной части хребта всякая новая стоянка открывала новые предметы, и показывала по большей части ограниченный горизонтъ.

Изъ выше изложеннаго достаточно явствуетъ, какой богатый матеріалъ собранъ г. Ковальскимъ въ двухлѣтнее его путешествіе для упроченія математической географіи того края. При ближайшемъ разсмотрѣніи дневника его наблюденій, нельзя не воздать должной похвалы настойчивости, съ какою онъ работалъ. Даже не взирая на физическія трудности и многоразличныя лишенія, которымъ онъ подвергался во все это время, одно собираніе столь объемлющаго матеріала, какой мы имѣемъ передъ глазами, уже требовало бы весьма значительнаго прилежанія и необыкновенной энергіи. Тѣмъ болѣе когда работы выполнены въ странахъ, гдѣ сама природа противопоставляетъ дѣятельности человѣческой величайшія затрудненія и надлежало отказываться отъ всего того, что въ другихъ краяхъ можетъ служить отдохновеніемъ послѣ работы.

Естественно было ожидать, что предлежащее сочиненіе дастъ намъ нѣкоторые намеки и о томъ, какое внутреннее достоинство слѣдуетъ приписывать собранному матеріалу. Правда мы знаемъ, что планъ для работъ начертанъ былъ знатоками дѣла, что г-нъ Ковальскій сплошь строго придерживался этого плана; далѣе и самъ г-нъ Ковальскій уже извѣстенъ также по другимъ своимъ трудамъ какъ свѣдущій астрономъ, а наконецъ и самая его работа ясно доказываетъ, что онъ не щадилъ въ продолженіе путешествія никакихъ трудовъ,

не убоялся никакихъ трудностей; — все это вмѣстѣ взятое должно бы было внушать намъ величайшее довѣріе къ собраннымъ имъ матеріаламъ. Однако этого чувства довѣренности еще одного недостаточно; оно должно было выразиться также въ числахъ и найти въ нихъ свое оправданіе. Къ сожалѣнію мы тщетно искали въ предлежащемъ сочиненіи такихъ доводовъ въ подтвержденіе нашего довѣрія. Они, конечно, нѣкоторымъ образомъ заключаются въ немъ самомъ въ той мѣрѣ, что здѣсь отпечатанъ самый дневникъ наблюденій; но если бы кто захотѣлъ извлечь ихъ оттуда, тотъ долженъ бы былъ снова провѣрить всѣ выкладки автора, а этого неудобства можнобъ было избѣгнуть, еслибы онъ пребылъ вѣренъ изъясненному имъ въ краткомъ предисловіи намѣренію. «При составленіи этого тома я руководствовался тою мыслію, чтобы изъ него можно было усмотрѣть, какой точности можно было ожидать во всѣхъ даваемыхъ мною результатахъ»; но этого-то мы, къ сожалѣнію своему, не находимъ.

Вообще мы не можемъ признать сочиненія г. Ковальскаго обработаннымъ съ тѣмъ тщаніемъ, какого требовали доброта и важность собраннаго имъ матеріала. Почти во всѣхъ его частяхъ обнаруживается нѣкоторая небрежность обработки, которая могла бы даже возбудить подозрѣніе на счетъ надежности выведенныхъ авторомъ результатовъ. По этой-то причинѣ рецензентъ счелъ своимъ долгомъ подвергнуть выкладки г. Ковальскаго строжайшей повѣркѣ непосредственнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Эта повѣрка привела къ тому результату, что хотя отдѣльныя выкладки и не сдѣланы со всѣмъ желательнымъ раченіемъ и точностью, однакоже произшедшія отъ опрометчивости ошибки не имѣютъ значительнаго вліянія на окончательные выводы опредѣленій мѣстъ и только немного увеличиваютъ необходимо проистекшія отъ случайныхъ промаховъ наблюденія невѣрности географическихъ положеній.

Поспѣшность обработки отчасти проглядываетъ уже и въ историческомъ введеніи, между прочимъ въ томъ, что оно едва

касается самого хода операцій, между тѣмъ какъ поставляетъ на видъ разныя другія случайно собранныя свѣдѣнія, которыя могутъ быть занимательны въ другомъ мѣстѣ, но не должны быть помѣщены въ введеніи къ обработкѣ географическихъ опредѣленій мѣстъ, отъ котораго должно ожидать поясненій на счетъ способа выполненія и условій работы.

Еще ощутительнѣе этотъ недостатокъ, если дѣло идетъ о томъ, чтобы составить себѣ понятіе на счетъ точности опредѣленія мѣстъ. Во всей книгѣ нигдѣ не обозначены вѣроятныя или среднія погрѣшности, хотя онѣ должны быть весьма различны при различныхъ способахъ наблюденія, неодинаковой силѣ инструментовъ и многоразличныхъ условіяхъ операцій. Нѣтъ сомнѣнія, что иныя позиціи могли бы быть означены вѣрными до нѣсколькихъ секундъ, а другія должны быть невѣрны на нѣсколько минутъ.

Относительно долготъ вѣрность опредѣленій преимущественно зависитъ отъ качества употребленнаго хронометра. Показанное на стр. XXXIX неполное обозрѣніе хода хронометровъ въ нѣкоторые произвольно выбранные мѣсяцы еще не дозволяетъ вывести надежное заключеніе объ относительной ихъ добротѣ. Оно могло бы быть гораздо достовѣрнѣе извлечено изъ согласія отдѣльныхъ хронометрическихъ долготъ съ средними ихъ величинами, потому что одного бѣглаго взгляда достаточно, чтобы убѣдиться, что два Гаутовы хронометра, а особенно его столовый хронометръ 18 далеко превосходили три Дентова хронометра. Такое сличеніе относительнаго достоинства хронометровъ было бы особенно желательно для лѣтняго путешествія 1848 г., когда отъ остановки двухъ хронометровъ данныя ими долготы должны быть менѣе достовѣрными. Мы сличимъ здѣсь напримѣръ для трехъ первыхъ, опредѣленныхъ въ это путешествіе пунктовъ среднія показанія долготъ, придавая сначала всѣмъ 4 хронометрамъ одинакій вѣсъ, какъ то сдѣлалъ Ковальскій, а потомъ давая обоимъ остановившимся хронометрамъ только половинный вѣсъ и наконецъ вовсе исключая оба эти хроно-

метра. Такимъ образомъ получимъ слѣдующія долготы, относительно къ Обдорску:

	одинакій вѣсъ.	разный вѣсъ.	изъ двухъ хронометровъ.
Пунктъ 26 іюня	$+0^h 10^m 40^s,0$	43ˢ8	51ˢ5
30 —	12 24,5	29,2	38,6
1 іюля	12 40,2	40,2	49,5

Не входя въ строжайшее обсуживаніе вѣсовъ отдѣльныхъ хронометровъ, можно для трехъ вышеприведенныхъ комбинацій принять почти равносильныя причины. Мы видимъ, что здѣсь долготы разнствуютъ на 14 секундъ, смотря по тому, одной или другой комбинаціи отдадимъ преимущество. На такія невѣрности автору слѣдовало бы по крайней мѣрѣ указать, тѣмъ болѣе, что большая часть хронометрическихъ долготъ, въ слѣдствіе вообще весьма удовлетворительнаго дѣйствія хронометровъ, могутъ притязать на гораздо большую степень точности.

О добротѣ хронометровъ между прочимъ въ особенности ясно свидѣтельствуютъ разныя опредѣленія мѣстечка Оранца. Авторъ для этого пункта вычислилъ только одно непосредственное его соединеніе съ Пустозерскомъ, между тѣмъ какъ различныя его путешествія представляютъ для опредѣленія долготы четыре разныя комбинаціи, а именно:

1848.

1) Чердынь 26 Янв. — Оранецъ 18 Февр. — Пустозерскъ 16 Марта...... 40 дней.
27 —
2) Оранецъ 27 Февр. — Пустозерскъ 16 Марта. — Оранецъ 31 Марта... 24 —
24 —
3) Пустозерскъ 24 Марта. — Оранецъ 31 Марта. — Обдорскъ 15 Апр.... 22 —

1849.

4) Обдорскъ 11 Янв. — Оранецъ 2 Февр. — Чердынь 27 Февраля....... 47 —

Изъ этихъ 4 комбинацій нужно исключить только послѣднюю, потому что отчасти болѣе продолжительное время, а съ другой стороны чрезвычайный холодъ, въ послѣднее путешествіе долго державшійся на — 38° Реом., должны были во многомъ повредить вѣрности переноса времени. Другія три комби-

націи, изъ которыхъ средняя есть именно вычисленная Ковальскимъ, даютъ почти съ совершеннымъ согласіемъ для отдѣльныхъ хронометровъ:

долготу Оранца	1)	$5^м$	18,7
	2)		20,5
	3)		18,5
средняя.....		5	19,2 къ вост. отъ Чердыни.

тогда какъ 4-я дала бы разнствующій результатъ $5^м$ 29,8, но съ гораздо меньшимъ вѣсомъ.

Если три опредѣленія разностей долготы Оранца съ одной стороны выгодно свидѣтельствуютъ о добротѣ хронометровъ, то съ другой онѣ возбуждаютъ въ насъ также большую довѣренность къ опредѣленнымъ г. Ковальскимъ преимущественно кульминаціями луны абсолютнымъ долготамъ Чердыни, Пустозерска и Обдорска, которыя составляютъ собою основу всѣхъ его прочихъ опредѣленій долготъ. Но въ то же время можно предположить съ большою достовѣрностью, что выведенная среднимъ числомъ изъ трехъ опредѣленій долгота Оранца = $3^ч$ $51^м$ 22,4 вполнѣ представляетъ такую же точность, какъ каждая изъ трехъ абсолютно опредѣленныхъ долготъ.

Мѣстечко Оранецъ лежитъ нѣкоторымъ образомъ въ самомъ центрѣ всѣхъ операцій Ковальскаго, и слѣдственно представило бы весьма вѣрную точку опоры для всей работы. Тѣмъ болѣе жаль, что и деревня Усть-Щугуръ, составляющая конечный пунктъ лѣтнихъ работъ 1847 г., и отстоящая отъ Оранца не болѣе одного дня пути, не была довольно тщательно соединена съ послѣднимъ мѣстомъ. Единственное опредѣленіе долготы этого мѣста выполнено зимою 1847 — 48 года при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, а посему и не съ достаточною точностью, такъ что отъ этого одного происходитъ для смежнаго Урала невѣрность 4-хъ секундъ во всѣхъ долготахъ. Для общей картографіи этой, столь мало посѣщенной страны, эта невѣрность, конечно, равно какъ и прежде нами указанныя

недостатки обработки Ковальскаго, не значительна; но все таки нельзя не сожалѣть о томъ, что превосходный матеріалъ не сплошь обработанъ соотвѣтственно его достоинства.

Еще существеннѣе нежели для хронометрическихъ долготъ, были бы показанія о надежности положеній, выведенныхъ изъ геодезическихъ операцій, или посредствомъ азимутовъ съ двухъ непосредственно опредѣленныхъ пунктовъ, — положенія, которыхъ точность, какъ извѣстно, значительно измѣняется болѣе или менѣе выгодными условіями задачи. Но объ этомъ въ сочиненіи ничего не встрѣчается. Единственное показаніе, которое оно даетъ о вѣрности опредѣленій, относится къ нѣкоторымъ опредѣленіямъ долготъ изъ лунныхъ разстояній, причемъ авторъ показываетъ, что онѣ во всѣхъ встрѣчающихся случаяхъ стоятъ гораздо ниже хронометрическихъ долготъ, почему только послѣднія употреблены при составленіи карты.

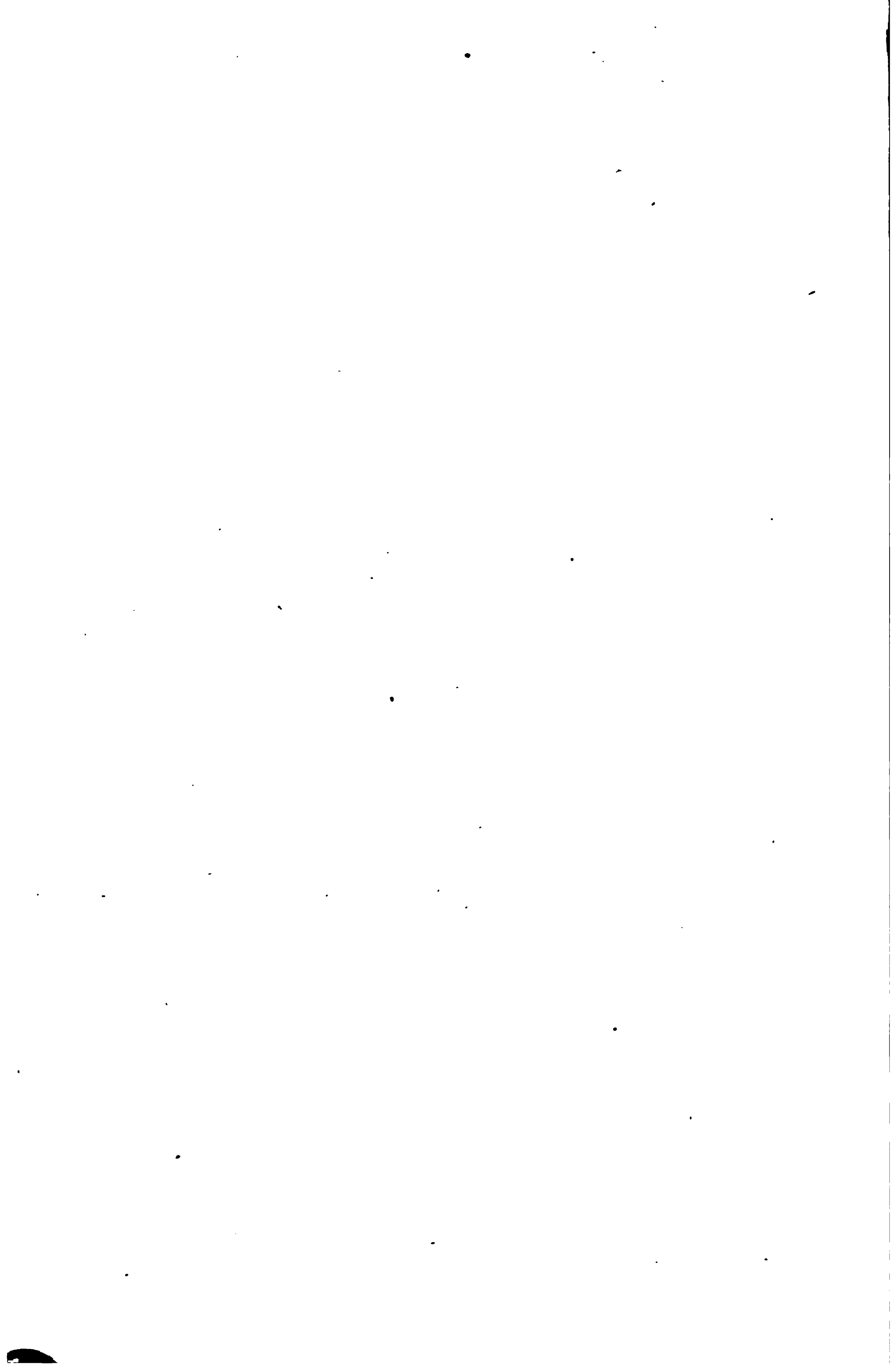
Особенно любопытнымъ мы находимъ еще данное на стр. XXXIV, сличеніе опредѣленій Ковальскаго и Крузенштерна для нѣкоторыхъ главнѣйше по рѣкѣ Печорѣ лежащихъ пунктовъ. Изъ него оказывается, что Крузенштернова работа 1843 года, хотя и исполненная съ гораздо меньшими пособіями, однако послѣ учиненія нѣкоторыхъ небольшихъ постоянныхъ поправокъ, отличается высокою степенью точности.

На счетъ геодезическихъ опредѣленій высотъ я дозволю себѣ только одно замѣчаніе, а именно, что оригинальныя къ нимъ относящіяся наблюденія не изданы въ самомъ сочиненіи. Данная на страницѣ 241 таблица, приводитъ уже вычисленныя зенитныя разстоянія отчасти даже въ дробяхъ секунды. Такое показаніе заставляло бы полагать, что зенитныя разстоянія вѣрно измѣрены по крайней мѣрѣ до нѣсколькихъ секундъ, но другія причины дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что въ нихъ индѣ попадаются невѣрности въ нѣсколько минутъ. Это естественно вовлекаетъ читателя въ ошибочныя заключенія касательно точности геодезическихъ опредѣленій высотъ, какъ самихъ по себѣ, такъ и сравнительно съ бароме-

трическими высотами. Въ этихъ заключеніяхъ онъ еще болѣе подтверждается увѣреніями автора, какъ напр. что постоянный коэффиціентъ земной рефракціи (хотя и по видимому ошибочно или по крайней мѣрѣ недостаточно) поправленъ для показанія барометра и термометра, поправка, которая вообще такъ незначительна, что уже заставляетъ предполагать вѣрность измѣренія до точности нѣсколькихъ секундъ. А съ другой стороны зависящее отъ времени дня измѣненіе постояннаго коэффиціента рефракціи, вліяніе котораго можетъ быть весьма значительнымъ, вовсе не принято во вниманіе.

Напослѣдокъ мы должны еще указать на то, что сочиненіе г. Ковальскаго искажено многими опечатками или описками. Взгляните напр. на формулы на стр. 194, данныя для вычисленія высоты полюса изъ наблюденій пассажнымъ инструментомъ въ первомъ вертикалѣ и вы легко убѣдитесь въ справедливости этого нареканія. Очевидно самъ авторъ не пользовался этими невѣрными формулами.

Изъ вышеизъясненнаго оказывается, что обработка матеріала наблюденій со стороны г. Ковальскаго еще много оставляетъ желать. Въ его оправданіе однако приведемъ, что принятіе имъ новой должности профессора при Казанскомъ Университетѣ, вѣроятно возложило на него другія важнѣйшія обязанности, воспрепятствовавшія ему приложить во всѣхъ частяхъ надлежащее раченіе къ труду, быстрое довершеніе котораго требовалось Географическимъ Обществомъ. Съ другой стороны нельзя упустить изъ виду, что эта работа, вопреки указаннымъ недостаткамъ, все же доставила прочную основу картографіи дотолѣ вовсе неизвѣстнаго сѣвернаго Урала, что собираніе матеріаловъ было сопряжено со многими трудностями и требовало значительной силы воли и настойчивости, что наконецъ въ самомъ сочиненіи даны необходимыя пособія къ дальнѣйшимъ работамъ на этомъ полѣ. По этому я считаю долгомъ своимъ предложить, чтобы Академія наградила усердныя старанія г. Ковальскаго присужденіемъ половинной преміи.

РАЗБОРЪ

МАГНИТНОЙ ЧАСТИ СОЧИНЕНІЯ

ЭКСТРА-ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА АСТРОНОМІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

М. КОВАЛЬСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

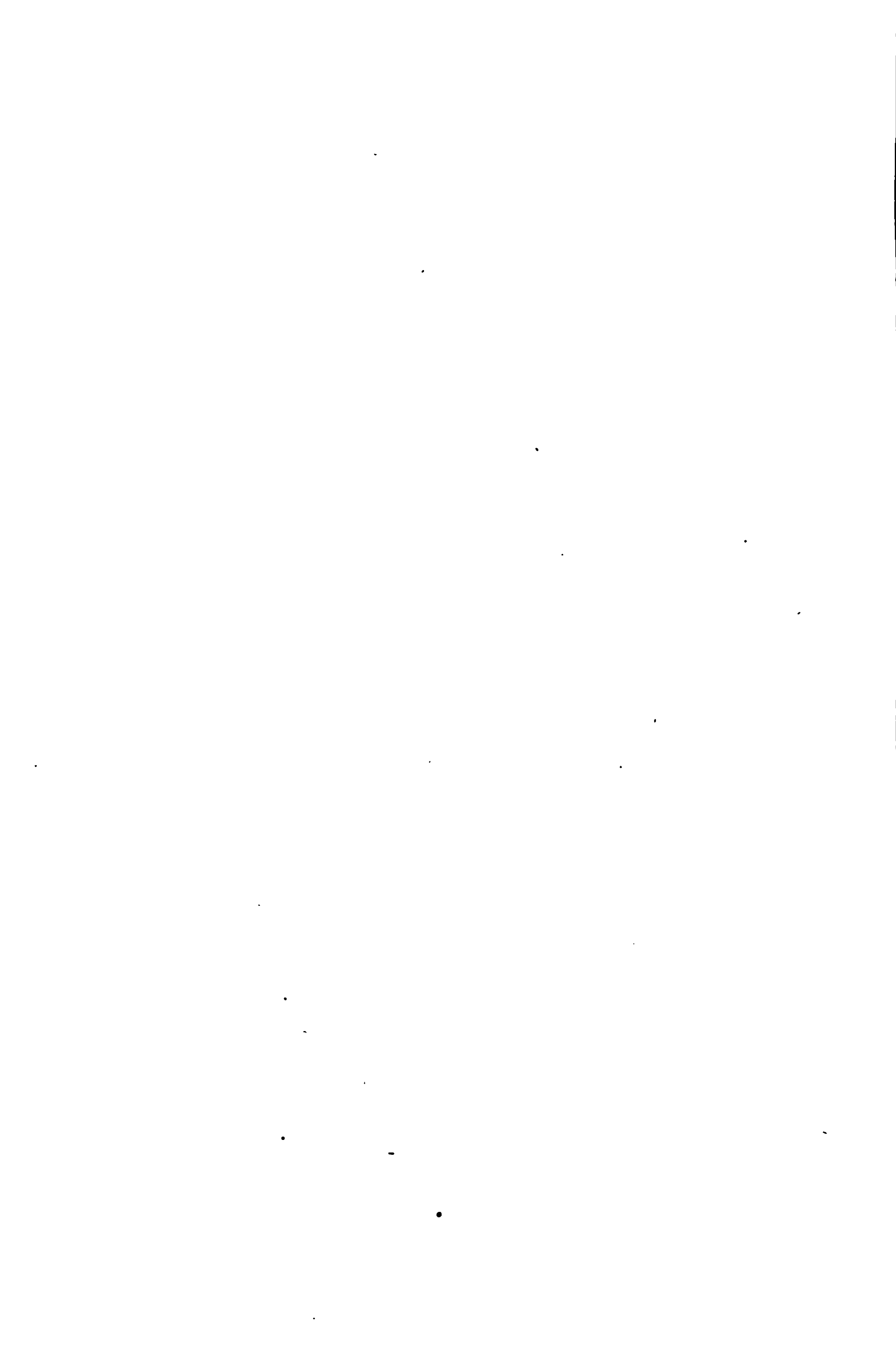
СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ И БЕРЕГОВОЙ ХРЕБЕТЪ ПАЙ-ХОЙ,

Томъ I. С. Петербургъ 1853 года.

СЪ ДВУМЯ КАРТАМИ И ЧЕТЫРЬМЯ ЧЕРТЕЖАМИ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

АКАДЕМИКОМЪ **Купферомъ.**

Г. Ковальскій во время своего путешествія по сѣверному Уралу производилъ на всѣхъ пунктахъ, гдѣ пребывалъ нѣсколько дней, наблюденія надъ склоненіемъ и наклоненіемъ магнитной стрѣлки и надъ напряженностію земнаго магнетизма; а именно:

въ Чердыни: широта 60°24′11″ долгота отъ Гринича 59°30′51″
высота надъ моремъ 600 англ. футовъ.
въ Оранцѣ: широта 64° 50′ 1″ долгота 57° 51′ 0″
высота надъ моремъ 444 англ. фута.
въ Пустозерскѣ: широта 67° 32′ 3″ долгота 52° 34′ 57″
высота надъ моремъ 112 англ. футовъ.
въ Березовѣ: широта 53° 55′ 53″ долгота 65° 3′ 45″
въ Обдорскѣ: широта 66° 31′ 13″ долгота 66° 35′ 17″.

Хотя число пунктовъ не велико, все таки они столь заннмательны для теоріи земнаго магнетизма и наблюденія произведены съ такимъ тщаніемъ и осмотрительностью, что они конечно составляютъ собою не маловажную часть сочиненія и будутъ весьма пріятны физикамъ.

Склоненіе было опредѣлено посредствомъ такъ называемаго магнетическаго теодолита, которыхъ нѣсколько вышло изъ мастерской Гиргенсона въ С. Петербургѣ и которые сходствуютъ по своей постройкѣ съ инструментомъ Бесселя, или по крайней мѣрѣ основаны на томъ же самомъ началѣ. Это такой теодолитъ, коего зрительная труба направляется сперва на отдаленный предметъ съ извѣстнымъ азимутомъ, длятого, чтобы опредѣлить азимутъ точки нуля дѣленія горизонтальнаго круга; потомъ зрительную трубу удаляютъ изъ ея положенія, и повѣсивъ магнитную стрѣлку поверхъ центра круга, опредѣляютъ направленіе ея от-

носительно къ кругу двумя горизонтальными микроскопами, которые будучи направлены къ обѣимъ оконечностямъ стрѣлки, состоятъ въ одной линіи съ оптическими ихъ осями и прикрѣплены къ кольцу, также имѣющему два цапфа, ровно прилаженные къ подставкѣ цапфовъ зрительной трубы. Этимъ способомъ г. Ковальскій нашелъ:

Магнитное склоненіе:

въ Чердыни въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1847 и Январѣ 1848, среднимъ числомъ изъ 9 наблюденій

9° 23′ 0″ вост.

въ Оранцѣ съ 24 по 27 Февраля 1848 года, среднимъ числомъ изъ 4 наблюденій

12° 0′ 1″ вост.

въ Пустозерскѣ съ 17 по 24 Марта 1848 года, среднимъ числомъ изъ 3 наблюденій

9° 6′ 7″ вост.

въ Березовѣ съ 26 Мая по 12 Іюня 1848 года, среднимъ числомъ изъ 13 наблюденій

13° 58′ 6″ вост.

въ Обдорскѣ съ 23 Апрѣля по 30 Декабря 1848 года, среднимъ числомъ изъ 36 наблюденій

16° 33′ 8″ вост.

Въ 1828 году Эрманнъ нашелъ склоненіе въ Обдорскѣ равнымъ 14° 28′; итакъ оно значительно прибыло съ того времени.

Для полученія этихъ среднихъ чиселъ, направленіе стрѣлки было наблюдаемо по нѣскольку разъ въ день, иногда съ часу на часъ, а однажды даже отъ 5′ до 5′, именно же 25 Февраля 1848 г.; но въ этотъ разъ къ сожалѣнію не случилось большихъ перемѣнъ въ склоненіи.

Магнитное наклоненіе было наблюдаемо посредствомъ Гамбеева инклинатора двумя стрѣлками, изъ которыхъ одна была худо уравновѣшена; центръ тяжести стрѣлки былъ, правда, очень близокъ къ магнитной оси; но довольно удаленъ отъ его центра вращенія. Въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, нельзя непо-

средственно употребить методу Борды, т. е. не дозволяется взять средину изъ 8 наблюденій, если не увѣрены въ томъ, что стрѣлка имѣла ту же самую магнитную силу до и послѣ перемагниченія. По этой причинѣ г. Ковальскій исчислилъ сдѣланныя этою стрѣлкою наблюденія по формулѣ, которую онъ самъ развилъ слѣдующимъ образомъ. Пусть Θ будетъ истинное наклоненіе, θ, θ', θ'', θ''', наклоненія, выведенныя изъ наблюденій, а m, m' магнитные моменты стрѣлки до и послѣ перемагниченія; γ уголъ, который образуетъ линія, проведенная чрезъ центръ тяжести и центръ вращенія стрѣлки, съ магнитною ея осью; тогда

$$m \sin\Theta \operatorname{cotg}\theta - m\cos\Theta = \operatorname{cotg}\theta\cos\gamma + \sin\gamma.$$
$$m \sin\Theta \operatorname{cotg}\theta' - m\cos\Theta = \operatorname{cotg}\theta'\cos\gamma - \sin\gamma.$$
$$m' \sin\Theta \operatorname{cotg}\theta'' - m'\cos\Theta = -\operatorname{cotg}\theta''\cos\gamma + \sin\gamma.$$
$$m' \sin\Theta \operatorname{cotg}\theta''' - m'\cos\Theta = -\operatorname{cotg}\theta'''\cos\gamma - \sin\gamma.$$

Изъ чего, чрезъ исключеніе m и m' получимъ:

$$2\operatorname{cotg}\Theta - \operatorname{cotg}\theta - \operatorname{cotg}\theta' = -\operatorname{cotg}\gamma\operatorname{cotg}\Theta\,(\operatorname{cotg}\theta - \operatorname{cotg}\theta')$$
$$2\operatorname{cotg}\Theta - \operatorname{cotg}\theta'' - \operatorname{cotg}\theta''' = +\operatorname{cotg}\gamma\operatorname{cotg}\Theta\,(\operatorname{cotg}\theta'' - \operatorname{cotg}\theta''').$$

а изъ этого:

$$\operatorname{cotg}\Theta = \tfrac{1}{4}(\operatorname{cotg}\theta + \operatorname{cotg}\theta' + \operatorname{cotg}\theta'' + \operatorname{cotg}\theta''') - \tfrac{1}{4}\operatorname{cotg}\gamma\operatorname{cotg}\Theta\,(\operatorname{cotg}\theta - \operatorname{cotg}\theta' - \operatorname{cotg}\theta'' + \operatorname{cotg}\theta''')$$

$$\operatorname{cotg}\gamma\operatorname{cotg}\Theta = \frac{\operatorname{cotg}\theta + \operatorname{cotg}\theta' - \operatorname{cotg}\theta'' - \operatorname{cotg}\theta'''}{\operatorname{cotg}\theta - \operatorname{cotg}\theta' + \operatorname{cotg}\theta'' - \operatorname{cotg}\theta'''}$$

Второй членъ перваго изъ сихъ двухъ уравненій всегда очень малъ и если γ приближается къ $90°$, то ариѳметическая средина котангенсовъ 4 наблюденныхъ наклоненій всегда будетъ подходить очень близко къ котангенсу истиннаго наклоненія. Дабы ближе узнать этотъ 2-й членъ, выведемъ изъ 4 первыхъ уравненій сперва слѣдующія:

$$\frac{\operatorname{cotg}\theta - \operatorname{cotg}\theta'}{\operatorname{cotg}\theta + \operatorname{cotg}\theta'} = \frac{1}{m}\cdot\frac{\sin\gamma}{\cos\Theta}$$

$$\frac{\operatorname{cotg}\theta'' - \operatorname{cotg}\theta'''}{\operatorname{cotg}\theta'' + \operatorname{cotg}\theta'''} = \frac{1}{m'}\cdot\frac{\sin\gamma}{\cos\Theta}.$$

изъ чего:

$$\frac{\cot\theta - \cot\theta'}{\cot\theta + \cot\theta'} = \frac{m'(\cot\theta'' - \cot\theta''')}{m(\cot\theta'' + \cot\theta''')}$$

Предположивъ для краткости:

$$\frac{m'(\cot\Theta'' + \cot\Theta''')}{m(\cot\theta + \cot\theta')} = k,$$

получимъ:

$$\cot\Theta = \tfrac{1}{4}(\cot\theta + \cot\theta' + \cot\theta'' + \cot\theta''') - \tfrac{1}{4}\,\frac{1-k}{1+k}\,(\cot\theta + \cot\theta' - \cot\theta'' - \cot\theta''')$$

Если теперь обозначимъ приближенное наклоненіе чрезъ $\Theta_{\prime}$ и вычислимъ его по формулѣ:

$$\cot\Theta_{\prime} = \tfrac{1}{4}(\cot\theta + \cot\theta' + \cot\theta'' + \cot\theta''')\ldots\ldots\ldots(1)$$

то истинное наклоненіе Θ можно будетъ вычислить изъ слѣдующей формулы:

$$\Theta = \Theta_{\prime} + \tfrac{1}{4}\left(\frac{1-k}{1+k}\right)\frac{\sin^2\Theta_{\prime}}{\sin 1'}\left(\frac{\sin(\theta+\theta')}{\sin\theta\,\sin\theta'} - \frac{\sin(\theta''+\theta''')}{\sin\theta''\,\sin\theta'''}\right)$$

или съ достаточною точностью:

$$\Theta = \Theta_{\prime} + \frac{1-k}{1+k}\left(\frac{\theta + \theta' - \theta'' - \theta'''}{4}\right).$$

Поелику величина:

$$\frac{1-k}{1+k}(\cot\theta + \cot\theta' - \cot\theta'' - \cot\theta''')$$

всегда положительная, то поправка величины $\Theta_{\prime}$ также будетъ всегда положительная, а какъ эта поправка составляетъ лишъ нѣсколько минутъ, то всегда можно положить $m = m'$; тогда величину k можно вычислить по слѣдующей формулѣ:

$$k = \frac{\cot\theta'' + \cot\theta'''}{\cot\theta + \cot\theta'}$$

Если на томъ же самомъ мѣстѣ сдѣлано нѣсколько наблюденій, то для облегченія счета можно избрать слѣдующій путь: берутъ ариѳметическую средину изъ всѣхъ наблюденныхъ угловъ θ, а равно средину угловъ θ', θ'' и θ''', и съ помощью этихъ срединъ вычисляютъ поправку:

$$\frac{1-k}{1+k}\left(\frac{\theta+\theta'-\theta''-\theta'''}{4}\right)$$

которою потомъ увеличиваютъ каждое отдѣльное значеніе $\Theta_{,}$. А чтобы не вычислять дост. $\Theta_{,}$ для каждаго наблюденія особо, можно поступить слѣдующимъ образомъ: вычисляютъ $\Theta_{,}$ по формулѣ (1), вставляя въ нее средній изъ всѣхъ наблюденныхъ величинъ $\theta, \theta', \theta'', \theta'''$ выводъ; эта величина будетъ разнствовать отъ средняго вывода 4 величинъ θ, θ', θ'', θ'''; но разница

$$\Theta_{,}-\frac{\theta+\theta'+\theta''+\theta'''}{4}=p$$

будетъ на одномъ и томъ же мѣстѣ постоянною, хотя бы отдѣльныя величины θ, θ', θ'' и θ''' измѣнились на многія минуты. Такимъ образомъ все вычисленіе упрощается тѣмъ, что къ ариѳметической срединѣ 8 наблюденій (или къ полученному по формулѣ Борды результату) придается слѣдующая поправка:

$$p+\frac{1-k}{1+k}\left(\frac{\theta+\theta'-\theta''-\theta'''}{4}\right).$$

Здѣсь примѣръ: изъ 7 сдѣланныхъ въ Обдорскѣ рядовъ наблюденій получаемъ слѣдующія среднія значенія θ, θ', θ'' и θ'''

Азимутъ. β	θ	θ'	θ''	θ'''	истинное склоненіе.
0°	77° 28',9	77° 42',2	74° 17',3	74° 25',6	76° 9',5
30	79 14,0	79 20,8	76 17,3	76 25,0	76 12,3
60	83 42,0	83 52,9	81 57,1	82 11,0	76 16,0

Послѣдній столбецъ содержитъ въ себѣ полученныя по формулѣ:

$$\operatorname{cotg}\Theta=\tfrac{1}{4}\sec\beta\,(\operatorname{cotg}\theta+\operatorname{cotg}\theta'+\operatorname{cotg}\theta''+\operatorname{cotg}\theta''')$$
$$-\tfrac{1}{4}\frac{1-k}{1+k}\sec\beta\,(\operatorname{cotg}\theta+\operatorname{cotg}\theta'-\operatorname{cotg}\theta''-\operatorname{cotg}\theta''')$$

значенія истиннаго наклоненія Θ.

Взявъ теперь средніе математическіе выводы наблюденныхъ наклоненій и приведя ихъ къ магнитному меридіану посредствомъ формулы

$$\cot g\,\Theta = \cot g\left(\frac{\theta + \theta' + \theta'' + \theta'''}{4}\right)\sec\beta$$

получимъ

75° 58,'5	изъ наблюденій сдѣланныхъ въ азимутѣ =				0°
76 0,4	—	—	—		30
76 4,0	—	—	—		60

Изъ чего найдемъ слѣдующія поправки для ариѳметическихъ среднихъ выводовъ, приведенныхъ къ меридіану:

+ 11,'0
+ 11,9
+ 12,0

среднiй выводъ + 11,6

Вычисленные такимъ образомъ наблюденія наклоненія, дали слѣдующіе результаты:

Чердынь. Средина изъ 10 наблюденій съ 27 Ноября 1847 по 25 Января 1848 г.	72° 0,'0
Оранецъ. Средина изъ 6 наблюд. въ Февр. 1848 г.	74°41,6
Пустозерскъ. Средина изъ 3 наблюденій въ Мартѣ 1848 года	75°38,2
Березовъ. Средина изъ 4 наблюд. въ Іюнѣ 1848 г.	74°59,0
Обдорскъ. Средина изъ 12 наблюденій съ 22 Апрѣля по 23 Декабря 1848 г.	76° 8,4

Эрманнъ въ 1828 году нашелъ наклоненіе въ Обдорскѣ 76° 5,'8; итакъ въ это продолжительное время оно не очень измѣнилось.

Магнитная горизонтальная напряженность была наблюдаема въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ съ помощью извѣстнаго Веберова прибора, который состоитъ изъ обыкновенной буссоли и отклоняющаго магнитнаго параллелопипеда. Въ введеніи къ этимъ наблюденіямъ г. Ковальскій предлагаетъ также новыя формулы и даже новую методу (послѣдняя состоитъ въ томъ, что при опредѣленіи значенія $\frac{M}{T}$ употребляются два отклоняющіе магнита, которые дѣйствуютъ на противоположные полюсы отклоненной стрѣлки, при чемъ исчезаетъ вліяніе индукціи откло-

няющей стрѣлки на отклоненную). Излишне было бы сообщать здѣсь эти формулы; я привожу это только для того, чтобы показать, сколько стараній приложилъ г. Ковальскій для извлеченія изъ своихъ наблюденій возможно точныхъ результатовъ. Здѣсь помѣщу только средніе выводы полученныхъ имъ результатовъ, при чемъ положены въ основаніе единицы французскихъ мѣръ и вѣсовъ.

	горизонтальн. напряженность.
Чердынь съ 29 Ноября 1847 г. по 25 Января 1848 года 5 наблюденій	1,6438
Оранецъ съ 19 по 29 Февраля 1848 г. 5 наблюденій	1,4243
Пустозерскъ съ 21 по 22 Марта 1848 г.	1,3431
Березовъ въ Іюнѣ 1848 г. 4 наблюденія	1,4279
Обдорскъ съ 22 Апр. по 23 Дек. 1848 г. 17 наблюд.	1,3272.

Еще книга г. Ковальскаго заключаетъ въ себѣ нѣсколько цѣнныхъ наблюденій о сѣверныхъ сіяніяхъ, изъ которыхъ оказывается, что происходящія въ этой странѣ сѣверныя сіянія являютъ не только обыкновенный черный сегментъ, но сверхъ того еще другой внутренній. Оба были концентричны; высшій пунктъ внутренняго сегмента имѣлъ отъ 4 до 5° вышины надъ горизонтомъ, а высшій пунктъ внѣшняго около 10°; оба были отдѣлены другъ отъ друга дугою бѣлаго свѣта. Величайшія неправильности въ ходѣ деклинаціонной стрѣлки оказывались не во время самаго явленія сѣвернаго сіянія, а передъ тѣмъ.

Важнѣйшіе пункты высотъ были опредѣлены отчасти съ помощью барометра, отчасти тригонометрически. Опредѣленія посредствомъ барометра всѣ основаны на соотвѣтствующихъ между собою наблюденіяхъ; г. Ковальскій оставилъ г-ну Боканину, учителю уѣзднаго училища въ Чердыни, барометръ, который ежедневно былъ наблюдаемъ имъ по три раза. Средняя высота барометра, приведенная къ 0, изъ учиненныхъ съ Августа 1847 г. по исходъ Іюля 1848 года наблюденій, най-

дена равною 588,32 англ. полулиніямъ; средняя же температура воздуха равною + 1° 85 Реом., изъ наблюденій, которыя были сдѣланы въ 9 часовъ утра, въ 12 полудня и 4 вечера. Но какъ эти часы дали слишкомъ высокую средину, то она еще должна быть приведена къ истинной средней температурѣ.

Въ Березовѣ подобныя наблюденія были дѣлаемы инспекторомъ тамошняго училища, Абрамовымъ, и дали для того же періода времени 29,77 для средней высоты барометра, — 2,34 Реом. для средней температуры, выведенной изъ наблюденій, производившихся въ 10 часовъ утра и въ 10 часовъ вечера.

Если мы примемъ среднюю высоту барометра близъ моря въ 601,10 полулиній, то Ковальскій получитъ слѣдующія высоты:

Чердынь...........	600 англ. фут.
Березовъ...........	297 —
Богославскъ......	770 —
Обдорскъ..........	206 —
Оранецъ...........	444 —
Пустозерскъ.....	112 —

Въ числѣ горныхъ высотъ находятся двѣ, превышающія 5,000 футовъ, — Пикъ-Сабла (широта 64° 47′, высота 5,400 футовъ надъ уровнемъ моря) и Тельпосъ-исъ (широта 63° 55′, высота 5,190 футовъ).

Верхнюю границу лѣсовъ г. Ковальскій нашелъ:

широта.	возвышеніе верхней границы лѣсовъ въ англ. фут. надъ уровнемъ моря.
61° — 61°½	2,500
61°½ — 62°	2,200
62° — 62°½	2,150
62°½ — 63	2,070
63 — 64	1,820

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, съ какимъ прилежаніемъ, тщательностію и знаніемъ дѣла г. Ковальскій разрѣшилъ порученную ему задачу и сколь драгоцѣнныя наблюденія онъ

вынесъ изъ страны, дотолѣ не посѣщенной ни однимъ физикомъ. Наблюденія его о земномъ магнетизмѣ пополняютъ собою весьма ощутительный пробѣлъ и тѣмъ важнѣе, что ихъ доселѣ всего болѣе не достаетъ изъ тѣхъ краевъ, гдѣ они были бы всего желательнѣе, т. е. изъ глубокаго сѣвера, собственнаго поприща магнетическихъ наблюденій. По этой причинѣ я полагаю, что часть труда г. Ковальскаго, переданная мнѣ на разсмотрѣніе, т. е. магнетическая и общефизическая, уже сама по себѣ, независимо отъ болѣе важной и обширной, заключающей въ себѣ астрономическія наблюденія, заслуживаетъ поощрительной преміи.

ОСОБОЕ МНѢНІЕ

АКАДЕМИКА ЛЕНЦА

О СОЧИНЕНІИ

ЭКСТРА-ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА АСТРОНОМІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАН-
СКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

М. КОВАЛЬСКАГО

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

СѢВЕРНЫЙ УРАЛЪ И БЕРЕГОВОЙ ХРЕБЕТЪ ПАЙ-ХОЙ,

Томъ I. С. Петербургъ 1853 года.

СЪ ДВУМЯ КАРТАМИ И ЧЕТЫРЬМЯ ЧЕРТЕЖАМИ.

Въ 4-й главѣ сочиненія г. Ковальскій сообщаетъ свои опредѣленія высотъ главныхъ пунктовъ Урала. Мы находимъ, что 48 пунктовъ опредѣлены посредствомъ барометрическихъ наблюденій, а 46 путемъ геодезическимъ. Всѣ высоты отнесены къ 2 пунктамъ, Чердыни и Березову, высоты послѣднихъ же выведены посредствомъ среднихъ годовыхъ чиселъ изъ барометрическихъ наблюденій.

Прежде всего нельзя не признать и въ этой части сочиненія прилежаніе и постоянство, съ какими онъ сверхъ многихъ другихъ, производилъ и эти изслѣдованія. Только въ одномъ пунктѣ, и къ сожалѣнію въ главномъ, а именно относительно вывода высотъ *Чердыни* и *Березова* мы находимъ себя вынужденными сдѣлать немаловажныя возраженія. Высота Чердыни была выведена изъ барометрическихъ наблюденій, которыя г. Баканинъ дѣлалъ въ этомъ же городѣ въ продолженіи болѣе года по три раза въ день. Г. Ковальскій пользовался изъ нихъ наблюденіями съ 1 Августа 1847 по 1 Августа 1848 года, присоединивъ къ барометрическимъ высотамъ въ Чердыни поправку въ + 0,76 англ. полулиній, которую онъ вывелъ изъ сличенія своего дорожнаго барометра съ барометромъ Баканина, а съ другой стороны съ барометромъ Паульсена съ Пулковской Обсерваторіи. Полковникъ Гофманнъ сличалъ тотъ же самый барометръ въ Чердыни съ нормальнымъ барометромъ Физическаго Кабинета Академіи посредствомъ своего дорожнаго барометра, сдѣлавъ это сличеніе здѣсь въ Петербур-

гѣ, какъ до начатія своего путешествія, такъ и по его окончаніи. При этомъ оказалось, что дорожный его барометръ Паррота во все продолженіе пути вовсе неизмѣнился въ сравненіи съ нормальнымъ барометромъ, а посему сличеніе полковника Гофманна между чердынскимъ и нормальнымъ барометрами можетъ быть сочтено весьма удовлетворительнымъ. Но нормальный барометръ не только поправленъ весьма тщательно, а еще хорошо согласуется съ Пулковскимъ нормальнымъ барометромъ, какъ то оказывается изъ сдѣланнаго г. Морицомъ сличенія. Какъ въ сочиненіи г. Ковальскаго при сличеніи чердынскаго барометра съ барометромъ Паульсена въ Пулковѣ нигдѣ не упомянуто, что переносный барометръ былъ снова сличенъ по возвращеніи и оказался неизмѣнившимся, и какъ по сему возможно, что переносный барометръ значительно измѣнился во время перевозки, то сличеніе полк. Гофманна заслуживаетъ преимущество. Оно даетъ для чердынскаго барометра поправку = 0,00, итакъ въ 0,76 полулиній меньше, чѣмъ ее принимаетъ г. Ковальскій. Въ слѣдствіе этого истинная высота Чердыни должна быть значительнѣе, чѣмъ она вычислена г. Ковальскимъ. Другая ошибка въ противоположномъ смыслѣ произошла оттого, что г. Ковальскій принимаетъ среднюю высоту барометра у моря, въ 601,1 аглійскихъ полулиній, не показывая тому дальнѣйшаго основанія. Изъ наблюденій Метеорологическаго Института при Горномъ Корпусѣ для тѣхъ же самыхъ 12 мѣсяцевъ, въ которыя производились наблюденія въ Чердыни, оказывается средняя барометрическая высота въ 600,96 при 13,3 Реом. или въ 599,1 при 0°, итакъ 2 полулиніями меньше, чѣмъ барометрическая высота, къ которой г. Ковальскій относилъ барометрическую высоту чердынскую. Сообразивъ оба вышеупомянутыя обстоятельства, мы находимъ, что высота Чердыни составляетъ не 600, а только 528 англ. футовъ.

Подобнымъ образомъ и для Березова оказывается значительно меньшая высота, чѣмъ ее выводитъ г. Ковальскій, какъ то изложено въ печатающемся уже 2-мъ томѣ сочиненія объ

Уралѣ, содержащемъ въ себѣ наблюденія полковника Гофманна. А именно высота Березова не 297 англ. футовъ, какъ то принимаетъ Ковальскій, а только 88. Уже незначительная быстрина теченія Оби у Березова дѣлаетъ весьма вѣроятною меньшую высоту; но сверхъ того этотъ результатъ еще подтверждается тѣмъ, что рядъ сравнительныхъ барометрическихъ наблюденій, произведенныхъ въ продолженіе одного мѣсяца, показываетъ разность уровней Чердыни и Березова въ 436, совершенно согласно съ разностью между 528 и 88 футами, которая составляетъ 440 футовъ. Слѣдуя показаніямъ г. Ковальскаго эта разность была бы не болѣе 303 футовъ.

Равнымъ образомъ и для Богословска выведенная изъ 6 лѣтнихъ наблюденій барометра высота надъ поверхностью моря составляетъ не 770 по показанію Ковальскаго, а только 651 футъ.

Мы сочли важнымъ въ отношеніи къ наукѣ обратить вниманіе на означенныя невѣрности опредѣленій Ковальскаго, въ слѣдствіе которыхъ всѣ его опредѣленія высотъ требуютъ поправки въ отрицательномъ смыслѣ; не можемъ однако не замѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти невѣрности, по крайней мѣрѣ отчасти, не должны быть ему приписаны, потому что онъ не имѣлъ подъ рукою матеріаловъ, которые могли бы служить къ ихъ избѣжанію.

РАЗБОРЪ

сочиненія

адъюнктъ-профессора (нынѣ экстра-ординарнаго), при Императорскомъ
Казанскомъ Университетѣ

М. КОВАЛЬСКАГО

подъ заглавіемъ:

ТЕОРІЯ ДВИЖЕНІЯ НЕПТУНА,

Казань. 1852 г.

составленный

академикомъ Остроградскимъ.

Академія поручила мнѣ изслѣдовать присланное къ Демидовскому конкурсу сочиненіе о теоріи Нептуна и представить ей объ немъ донесеніе.

Авторъ этого сочиненія, г. Ковальскій, профессоръ Казанскаго Университета, раздѣляетъ свой трудъ на двѣ части. Въ первой онъ излагаетъ способъ къ развитію пертурбаціонной функціи въ рядъ, подвигающійся по степенямъ эксцентриситетовъ и наклонностей орбитъ на неподвижной плоскости; во второй же, основываясь на вышеприведенномъ развитіи и бросивъ быстрый взглядъ на теорію пертурбацій вообще, переходитъ къ спеціальному предмету своего разсужденія. Въ заключеніе придана еще глава, относящаяся къ Кеплеровой задачѣ.

Чтобы развить пертурбаціонную функцію, авторъ дѣлитъ ее на двѣ части: первая есть та, которая зависитъ отъ посредственнаго дѣйствія возмущающей планеты на планету возмущенную, а вторая занимается разсматриваніемъ дѣйствія возмущающей планеты на солнце.

Г. Ковальскій даетъ общее выраженіе развитія этой послѣдней части, что впрочемъ не есть нововведеніе и не представляетъ трудностей, но способъ для полученія его принадлежитъ самому автору.

Развитіе первой части пертурбаціонной функціи являетъ болѣе трудностей. И въ этомъ случаѣ, г. Ковальскій также удаляется отъ извѣстныхъ методъ. Дознано, что сказанный предметъ, въ числѣ другихъ сюда относящихся развитій, заключаетъ въ себѣ также развитія радикаловъ триномія, состав-

ленной изъ суммы квадратовъ среднихъ разстояній отъ солнца, планетъ возмущенныхъ и возмущающихъ и двойнаго произведенія тѣхъ же самыхъ разстояній, косинусами угла, ими составляемаго. Слѣдуя обыкновенно употребительнымъ методамъ развиваютъ радикалы этой триномія сообразно съ потенціями отношенія наименьшаго къ наибольшему изъ двухъ вышесказанныхъ среднихъ разстояній. Г. Ковальскій предпочитаетъ путь этого развитія посредствомъ потенцій отношенія произведенія двухъ разстояній къ суммѣ ихъ квадратовъ; и этотъ способъ въ сравненіи съ общеупотребительнымъ представляетъ болѣе симметріи при той же самой степени приблизительности. Во всѣхъ прочихъ частяхъ относительнаго предмета г. Ковальскій слѣдуетъ уже извѣстнымъ методамъ.

Во второй части своего мемуара г. Ковальскій доказываетъ сначала извѣстными способами формулы, относящіяся къ измѣненію элементовъ эллиптическаго движенія, произведенному пертурбаціонными силами, потомъ излагаетъ теорію вѣковыхъ неравенствъ, но только общимъ образомъ, т. е. для извѣстнаго числа планетъ, а въ слѣдъ за тѣмъ переходитъ къ самой теоріи Нептуна. Здѣсь онъ не преминулъ сначала дополнить вѣковаго измѣненія элементовъ орбитъ Юпитера, Сатурна и Урана изъ дѣйствія Нептуна, ибо эти измѣненія были вычислены прежде Ковальскаго, не принимая въ разсчетъ дѣйствія Нептуна, планеты, тогда еще не извѣстной. За тѣмъ онъ подробно излагаетъ вѣковыя измѣненія элементовъ Нептуна, происходящія отъ дѣйствія Юпитера, Сатурна и Урана.

Что касается до измѣненія эпохи, то авторъ вычисляетъ вѣковой ея предѣлъ пропорціонально квадрату времени, какъ то и слѣдовало сдѣлать, потому что предѣлъ, соотвѣтственный первой потенціи времени смѣшивается для наблюдателя съ среднимъ движеніемъ. Предѣлъ вѣковой варіяціи эпохи, заключающій въ себѣ квадратъ времени, по вычисленію г. Ковальскаго очень малъ, а именно меньше $\frac{1}{10}$ секунды въ 10 вѣковъ, а посему можетъ быть пренебрегаемъ.

Г. Ковальскій оканчиваетъ вторую и послѣднюю часть своего мемуара теоріею періодическихъ неравенствъ Нептуна, а особенно тѣхъ, которыя имѣютъ длинные періоды. На этотъ счетъ онъ входитъ во всѣ необходимыя подробности, а особливо относительно къ большому продолжительному неравенству Нептуна, происходящему отъ того, что дважды среднее движеніе этой планеты бываетъ почти равно среднему движенію Урана. Это обстоятельство доставляетъ неравенство, коего періодъ превышаетъ $40\frac{1}{2}$ вѣковъ. Впрочемъ г. Ковальскій не ограничился только этими большими неравенствами: онъ вычисляетъ и всѣ такія, которыя ощутительны и относятся какъ къ радіусу вектору, такъ равно къ долготѣ и широтѣ планеты. Послѣднія однако, т. е. неравенства широты мало замѣтны. При производствѣ надлежащихъ выкладокъ долгота и широта отнесены къ постоянной площади. Авторъ даетъ неравенства ихъ редукцій къ подвижной эклиптикѣ и тѣмъ самымъ трудъ его достигаетъ желаемой полноты.

Въ прибавокъ къ своему сочиненію авторъ, какъ уже выше было сказано, сообщаетъ главу, относящуюся къ Кеплеровой задачѣ. Здѣсь онъ излагаетъ, по извѣстнымъ методамъ, развитіе въ прогрессіи выраженій, которыя заключаютъ въ себѣ радіусъ векторъ и двѣ аномаліи и нерѣдко встрѣчаются въ теоріи пертурбацій.

Г. Ковальскій доказалъ этимъ сочиненіемъ, что онъ обладаетъ пространными свѣдѣніями по части методъ, употребительныхъ въ небесной механикѣ. Онъ даже, по своему усмотрѣнію, измѣнилъ эти методы, какъ мы выше упомянули, говоря о развитіи пертурбаціонной функціи. Присовокупимъ къ тому, что сочиненіе есть плодъ продолжительныхъ и настойчивыхъ трудовъ, заключая въ себѣ множество выкладокъ, принадлежащихъ самому автору и относящихся къ теоріи не только Нептуна, но и Юпитера, Сатурна и Урана, теоріи, которою дополнены вѣковыя неравенства трехъ послѣднихъ планетъ. Опираясь на этомъ, я сталъ бы ходатайствовать у Академіи въ

пользу присужденія г. Ковальскому полной Демидовской премін, если бы его нельзя было упрекнуть сверхъ нѣкоторыхъ лишнихъ словъ, также въ ощутительныхъ пробѣлахъ. Такъ напримѣръ, сообщивъ дифференціальныя уравненія движенія планетъ въ прямоугольныхъ координатахъ, авторъ не дѣлаетъ изъ нихъ никакого употребленія; или далѣе, если онъ говоритъ, что такое-то количество *втораю и третьяю разряда*, между тѣмъ какъ оно есть втораго разряда, но заключаетъ въ себѣ также условія четвертаго. Не трудно впрочемъ усмотрѣть, что подобныя нареканія незначительны, а важнѣйшихъ въ сочиненіи не встрѣчается. По этому самому я надѣюсь, что Академія не откажется увѣнчать половинною Демидовскою преміею усилія, столько достойныя ея вниманія.

МНѢНІЕ

академиковъ

Буняковскаго, Якоби, Струве и Чебышева

объ

ИНСТРУМЕНТАХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО МЕЖЕВАНІЯ,

изобрѣтенныхъ П. ЗАРУБИНЫМЪ.

(Описаніе оныхъ и способъ ихъ употребленія).

(Рукопись).

Между различными приложеніями *Геометріи* въ общежитіи, *межеваніе* безспорно занимаетъ первое мѣсто: самое названіе ея свидѣтельствуетъ, что первоначальнымъ ея назначеніемъ было исключительно *землемѣріе*, составляющее для многихъ, даже въ настоящее время, главную цѣль изученія началъ Геометріи. Потребность въ межеваніи встрѣчается безпрестанно. Не говоря уже о необходимости разграниченія земель разныхъ владѣльцевъ, нерѣдко случается, что помѣщикъ имѣетъ необходимость какъ въ размежеваніи собственныхъ земель сообразуясь съ видами своего хозяйства, такъ и въ измѣреніи пространства участковъ земли, получающихъ различныя хозяйственныя назначенія.

Всѣ задачи, относящіяся до межеванія, не представляютъ особенной трудности въ теоретическомъ отношеніи. Но на практикѣ, рѣшеніе ихъ составляетъ работу, бо̀льшею частію весьма утомительную, въ особенности измѣреніе площадей, даже послѣ перенесенія земли на планъ; а это, разумѣется, самое существенное для всякаго владѣльца. Очень немногіе изъ нихъ въ состояніи опредѣлить количество земли, заключающейся въ томъ или другомъ участкѣ ихъ владѣній, или разбить свою землю на участки желаемой величины. Довольствуясь въ подобныхъ случаяхъ глазомѣрною оцѣнкою или примѣрнымъ измѣреніемъ, они, невольнымъ образомъ, впадаютъ въ ошибки, которыя нерѣдко влекутъ за собою бо̀льшіе или мѐньшіе для нихъ убытки. Для людей, хорошо знакомыхъ съ пріемами землемѣрія, такія неудобства конечно не существуютъ, но, съ другой стороны, рѣшеніе представляющихся имъ задачъ потребуетъ

вообще много времени и особенно вниманія при многочисленныхъ умноженіяхъ и сложеніи чиселъ: иначе ошибки почти неизбѣжны.

Многаго остается еще желать для облегченія пріемовъ землемѣрія; и дѣйствительно, мы видимъ до какой степени практическое примѣненіе правилъ межеванія бываетъ и продолжительнѣе и сложнѣе, напримѣръ, измѣренія длины, взвѣшиванія тяжестей, опредѣленія объема жидкостей; между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что измѣреніе квадратнаго содержанія земель и нарѣзка десятинъ очень часто такъ же необходимы, какъ и дѣйствія, о которыхъ сей-часъ упомянуто.

И такъ, все, что́ относится до облегченія землемѣрія, и въ особенности, опредѣленія количества земли, перенесенной на планъ, имѣетъ для насъ особенный интересъ: достиженіемъ этой цѣли съ одной стороны увеличивается кругъ землевладѣльцевъ, которые сами могутъ удовлетворить свои надобности въ землемѣріи, а съ другой, облегчается трудъ людей, посвятившихъ себя исключительно этому занятію. Въ 1848 году, на Демидовскій конкурсъ представленъ былъ *ручной планиметръ* г. **Ермакова**; этотъ инструментъ, какъ значительно облегчающій опредѣленіе площадей треугольниковъ, былъ удостоенъ почетнаго отзыва Академіи. Нынѣ, на Демидовскій конкурсъ, поступило отъ г. **Зарубина** *шесть* различныхъ инструментовъ; каждый изъ нихъ служитъ къ упрощенію или нанесенія нарѣзокъ, или измѣренія площади плана. Между прочимъ, одинъ изъ этихъ инструментовъ — *планиметръ* — приводитъ опредѣленіе поверхности плана къ крайней степени простоты: при помощи его, это измѣреніе дѣлается доступнымъ и чрезвычайно легкимъ для всякаго, даже вовсе незнакомаго съ началами землемѣрія. Во многихъ случаяхъ измѣреніе длины бываетъ не легче измѣренія площади плана при помощи этого инструмента.

Изъ *шести* представленныхъ въ конкурсъ г. Зарубинымъ инструментовъ, вмѣстѣ съ описаніемъ ихъ устройства и употребленія, *пять* были уже разсмотрѣны Академіею въ прош-

ломъ году, и удостоились вполнѣ одобрительнаго отзыва. Вотъ, что́ было сказано въ Донесеніи коммисіи, назначенной для разсмотрѣнія изобрѣтеній г. Зарубина:

«Для ближайшаго обсужденія представленныхъ снарядовъ, рецензенты, къ которымъ, по изъявленному съ ихъ стороны желанію, присоединился и г. Чебышевъ, нашли полезнымъ пригласить и самого изобрѣтателя. Въ ихъ присутствіи онъ подробно объяснилъ устройство главнаго снаряда — *планиметра*, показалъ его употребленіе на практикѣ, а также произвелъ опыты измѣренія прямолинейныхъ фигуръ посредствомъ такъ названной имъ *линейки-планиметръ*. По соображеніи всѣхъ данныхъ, имѣемъ честь представить слѣдующее заключеніе на благоусмотрѣніе Отдѣленія.

«Изобрѣтенныхъ г. Зарубинымъ инструментовъ *пять*, именно:

«1. *Планографъ*, который служитъ для измѣренія и нанесенія угловъ на планѣ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ обыкновеннымъ *транспортиромъ*.

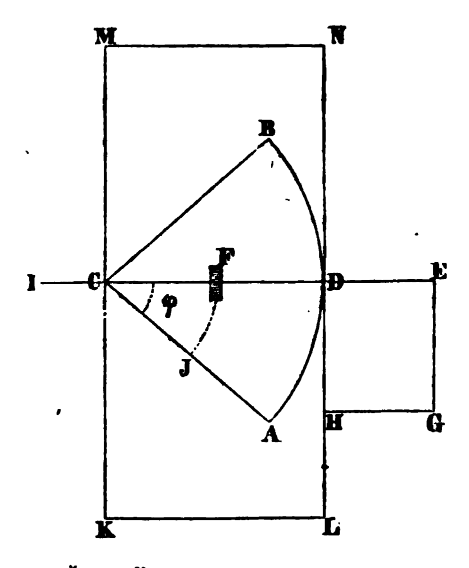
«2. *Исчислитель плановъ* (въ одномъ ящикѣ съ планографомъ). Двѣ отдѣльныя мѣдныя линейки, снабженныя приличными дѣленіями. Къ концу одной изъ нихъ придѣлана подъ прямымъ угломъ короткая пластинка. Прямое назначеніе этого инструмента состоитъ въ непосредственномъ опредѣленіи площадей треугольниковъ, безъ всякаго ариѳметическаго вычисленія.

«3. *Длиномѣръ*. Очень простаго устройства инструментъ, служащій для измѣренія линій большой длины, и чрезвычайно полезный при опредѣленіи площадей плановъ значительнаго размѣра. Такіе планы обыкновенно разбиваются на части; каждую часть превращаютъ потомъ въ равномѣрный съ нею треугольникъ, который приводятъ къ данному единичному основанію. Такимъ образомъ площадь плана будетъ пропорціональна суммѣ высотъ всѣхъ частныхъ треугольниковъ. Дѣленія на циферблатѣ *длиномѣра* означены такъ, что прокативъ инстру-

ментъ по всѣмъ линіямъ, означающимъ эти высоты, стрѣлки прямо покажутъ число десятинъ и частей ея, заключающихся въ измѣряемой площади.

«4. *Линейка-планиметръ.* Мѣдная линейка длиною около 20, а шириною отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ дюймовъ, постоянно сохраняющая параллельное положеніе, когда двигаютъ ее рукою по направленію, перпендикулярному къ ея длинѣ. Цѣль эта достигается посредствомъ извѣстнаго механизма, состоящаго изъ двухъ валиковъ, одинаковаго діаметра, утвержденныхъ на желѣзной оси, и пропущенныхъ сквозь линейку. Такимъ образомъ линейка, будучи положена на гладкую поверхность, свободно катится по ней, сохраняя свою параллельность, пока не отведутъ ее отъ первоначальнаго направленія, употребивъ на то нѣкоторое усиліе. Сверхъ того, съ правой стороны линейки придѣланъ часовой механизмъ, назначенный, какъ и механизмъ въ *длиномѣрѣ*, для непосредственнаго измѣренія площади треугольника, приведеннаго къ данному единичному основанію.

«5. *Планиметръ.* Посредствомъ этого инструмента задача объ опредѣленіи площадей плановъ рѣшается въ общемъ ея видѣ. Снарядъ устроенъ такъ, что обведя концомъ указателя периметръ плана, ограниченнаго какими ни есть линіями, прямыми или кривыми, стрѣлки прямо покажутъ на двухъ циферблатахъ количество десятинъ и сотенъ квадратныхъ саженъ, заключающихся въ измѣряемой фигурѣ. Теоретическое начало, на которомъ г. Зарубинъ основалъ свой *планиметръ*, весьма просто; оно состоитъ въ слѣдующемъ, очевидномъ предложеніи: *величинами, суммами, разностями дугъ, можно выразить величины, суммы, разности площадей параллелограммовъ, имѣющихъ стороны равныя радіусамъ описанныхъ дугъ.* Примѣненіе этой геометрической истины къ устройству *планиметра* очень остроумно.

«Вообразимъ мѣдный секторъ, произвольнаго числа градусовъ, напримѣръ четверть круга ABC, и положимъ, что онъ свободно катится по рейлсу LN; при такомъ вращеніи центръ его C постоянно движется по линіи KM, параллельной LN. Пусть будетъ сверхъ того линейка IE, проходящая чрезъ центръ C, и имѣющая свободное движеніе, вправо и влѣво, перпендикулярно къ рейлсу KM. Въ серединѣ F линейки помѣщается колесо, которое катится по сектору при его движеніи вверхъ или внизъ, а на правой оконечности E линейки придѣланъ указатель, которымъ обводятъ периметрѣ фигуры. Разстояніе колеса F отъ указателя E равно радіусу сектора, увеличенному шириною рейлса LN. Наконецъ, при обращеніи своемъ, колесо F сообщаетъ движеніе другимъ колесамъ числительнаго снаряда, на циферблатахъ котораго читается уже окончательный результатъ. Вотъ главныя части планиметра г. Зарубина; самое употребленіе его очень просто. Положимъ, напримѣръ, что измѣряемая фигура есть прямоугольникъ HGED. Приведемъ точку A сектора въ H, и выдвинемъ подвижную линейку вправо, такъ чтобы указатель E совмѣстился съ точкою G; обведемъ потомъ указателемъ линію GE, и когда онъ дойдетъ до поло-

женія E, то дѣйствіе кончено: стрѣлки на циферблатахъ покажутъ искомую площадь. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, надобно доказать, что пространство, пройденное колесомъ F, будетъ пропорціонально измѣряемой площади. Пусть $HD = a$, $HG = b$; площадь прямоугольника опредѣлится произведеніемъ ab. Означимъ также черезъ R и r радіусы сектора и колеса F, черезъ φ уголъ ACD, который получится, когда секторъ прокатится по всей высотѣ HD прямоугольника, и наконецъ чрезъ φ' уголъ, на который колесо F измѣнитъ свое начальное положеніе. При такихъ условіяхъ очевидно получимъ во первыхъ уравненіе

$$R\varphi = a,$$

откуда

$$\varphi = \frac{a}{R}.$$

Съ другой стороны, по устройству линейки, постоянное разстояніе указателя E отъ колеса F равно радіусу R, увеличенному шириною рейлса LN; слѣдовательно $CF = DE = b$, и какъ колесо опишетъ дугу $JF = b\varphi$, то и получимъ

$$r\varphi' = b\varphi, \text{ откуда } \varphi' = \frac{b\varphi}{r}.$$

«Подставивъ на мѣсто угла φ равную ему величину $\frac{a}{R}$, найдется окончательно

$$\varphi' = \frac{1}{rR} . ab.$$

«Итакъ, уголъ φ' дѣйствительно пропорціоналенъ искомой площади ab, почему и можетъ служить для непосредственнаго ея измѣренія. Легко усмотрѣть, что какъ всякая фигура разлагается на безконечное число прямоугольниковъ, имѣющихъ одно измѣреніе безконечно малое, то въ силу приведеннаго выше основнаго предложенія, планиметръ, по очертаніи всего периметра данной фигуры, опредѣлитъ полную ея площадь точно такимъ образомъ, какъ показано сей-часъ въ разсужденіе прямоугольника.

«Изъ *пяти* инструментовъ, изобрѣтенныхъ г. Зарубинымъ, мы обратимъ особенное вниманіе Отдѣленія на *линейку-планиметръ*. По простотѣ ея устройства, по испытанной точности доставляемыхъ ею результатовъ, и по скорости, съ которою, при нѣкоторой привычкѣ, получается окончательный результатъ, безъ всякихъ ариѳметическихъ вычисленій, она можетъ служить чрезвычайно полезнымъ пособіемъ для землемѣровъ. Употребленіе ея очень просто, а цѣна умѣренная — 10 рублей серебромъ; почему она и доступна всякому. Посредствомъ этого инструмента выполняется извѣстное геометрическое построеніе для превращенія многоугольника въ равномѣрный съ нимъ треугольникъ; дѣйствіе это производится съ возможною быстротою, которой въ высшей степени способствуетъ параллельность движенія линейки. Г. Зарубинъ показалъ, что основаніе окончательнаго треугольника можетъ быть взято и внѣ фигуры, на какомъ угодно направленіи, и эта произвольность выбора во многихъ случаяхъ очень полезна въ практическомъ отношеніи. Треугольникъ, замѣняющій многоугольную фигуру, обращаютъ потомъ въ другой, равномѣрный съ прежнимъ, но имѣющій основаніе, требуемое принятымъ дѣленіемъ на числительномъ снарядѣ. Прокативъ линейку какъ бы съ цѣлію опредѣлить высоту окончательнаго треугольника, стрѣлка на циферблатѣ покажетъ непосредственно число десятинъ и частей ея, заключающихся въ измѣряемомъ треугольникѣ, а слѣдовательно и искомую площадь первоначальнаго многоугольника.

«*Планиметръ* г. Зарубина, какъ мы сказали выше, есть инструментъ весьма остроумный по вымыслу, и удовлетворяетъ вполнѣ условіямъ, требуемымъ отъ подобныхъ снарядовъ. Стоитъ только обвести указателемъ периметръ плана, каковы бы ни были линіи его ограничивающія, и стрѣлки циферблата прямо покажутъ квадратное содержаніе измѣряемаго участка. Въ послѣдніе годы изобрѣтено довольно много планиметровъ; таковы, напримѣръ, снаряды Эрнста, Бёвьера (Bevière), Каспа-

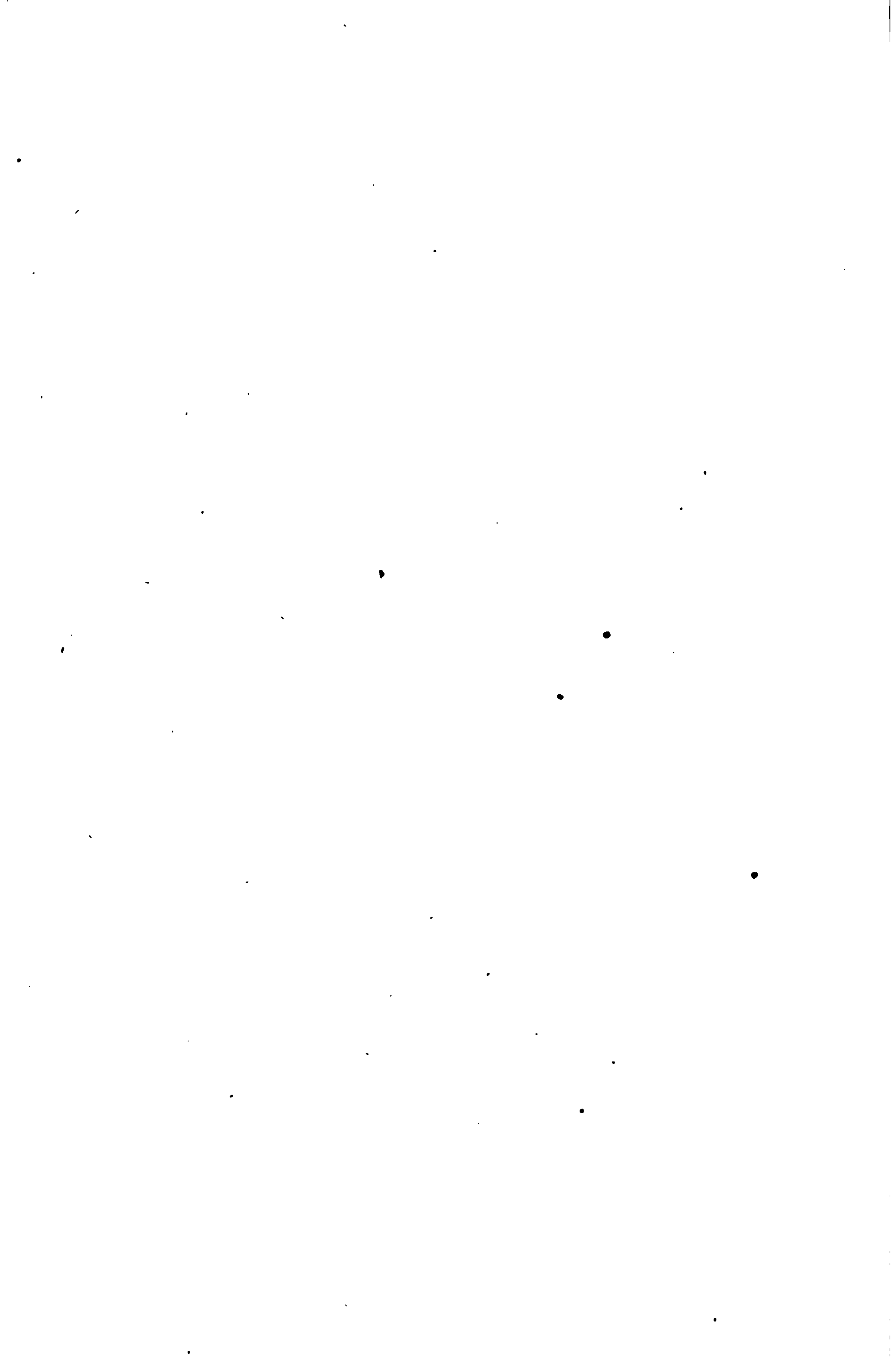
ра Ветли, Санга (Sang), Барановскаго. Но всѣ они, для землемѣровъ, имѣютъ общій недостатокъ, именно дороговизну, происходящую отъ сложности ихъ механизма. Къ тому же такой инструментъ легко подвергается поврежденіямъ, для исправленія которыхъ не всегда и не вездѣ, можно найти довольно опытныхъ мастеровъ. Правда, г. Зарубинъ утверждаетъ, что при заказѣ довольно значительнаго числа изобрѣтеннаго имъ планиметра, напр. ста экземпляровъ, каждый обойдется не дороже ста и даже впослѣдствіи сорока рублей серебромъ, что̀ составитъ примѣрно только половину средней цѣны снарядовъ этого рода. При такой умѣренной цѣнѣ, изобрѣтеніе г-на Зарубина можетъ конечно распространиться и принести пользу.

«Описанія инструментамъ составлены г. Зарубинымъ съ полною отчетливостію; равнымъ образомъ изложеніе способовъ, относящихся до межеванія, заслуживаетъ одобренія и по содержанію своему и по ясности. Чертежи, приложенные къ тексту, выполнены съ особеннымъ стараніемъ. Мы полагаемъ, что напечатаніе представленной г. Зарубинымъ рукописи подъ заглавіемъ: *Руководство къ практическому употребленію вновь изобрѣтенныхъ инструментовъ и способовъ относящихся до межеванія*, было бы очень полезно для землемѣровъ, и что многіе изъ нихъ, ознакомясь по описанію съ *линейкою-планиметромъ* станутъ употреблять ее, и тѣмъ самымъ избавятся отъ утомительнаго труда разбивать планъ на треугольники, и искать площадь каждаго изъ нихъ отдѣльно, какъ то̀ обыкновенно дѣлается».

Шестой инструментъ, представленный нынѣ г. Зарубинымъ въ *Демидовскій* конкурсъ, — *Ручной лонгиметръ*, служитъ также, въ нѣкоторомъ отношеніи, къ облегченію пріемовъ межеванія, и именно при сочиненіи плановъ: это линейка съ дѣленіями, по которымъ назначаются длины сторонъ прямолинейныхъ фигуръ, снабженная циферблатомъ, показывающимъ

въ тоже время угловое наклоненіе ея въ новомъ положеніи съ положеніемъ прежнимъ. Такая линейка много облегчаетъ составленіе плановъ, хотя этотъ инструментъ, въ отношеніи къ простотѣ устройства, уступаетъ первому инструменту г. Зарубина *планографу*.

Изъ выше приведеннаго разбора инструментовъ г. Зарубина видно, до какой степени облегчаются ими и сочиненіе плановъ, и измѣреніе ихъ площадей. Такіе инструменты, съ подробнымъ и отчетливымъ описаніемъ ихъ устройства и употребленія, составляютъ безъ сомнѣнія весьма важное пріобрѣтеніе въ дѣлѣ межеванія. Принимая во вниманіе столь успѣшные труды и дѣйствительныя заслуги г. Зарубина по *практическому землемѣрію*, рецензенты считаютъ долгомъ своимъ, по строгой справедливости, ходатайствовать о поощреніи изобрѣтеній его Демидовскою наградою.

РАЗБОРЪ

сочиненія

г. КОКШАРОВА

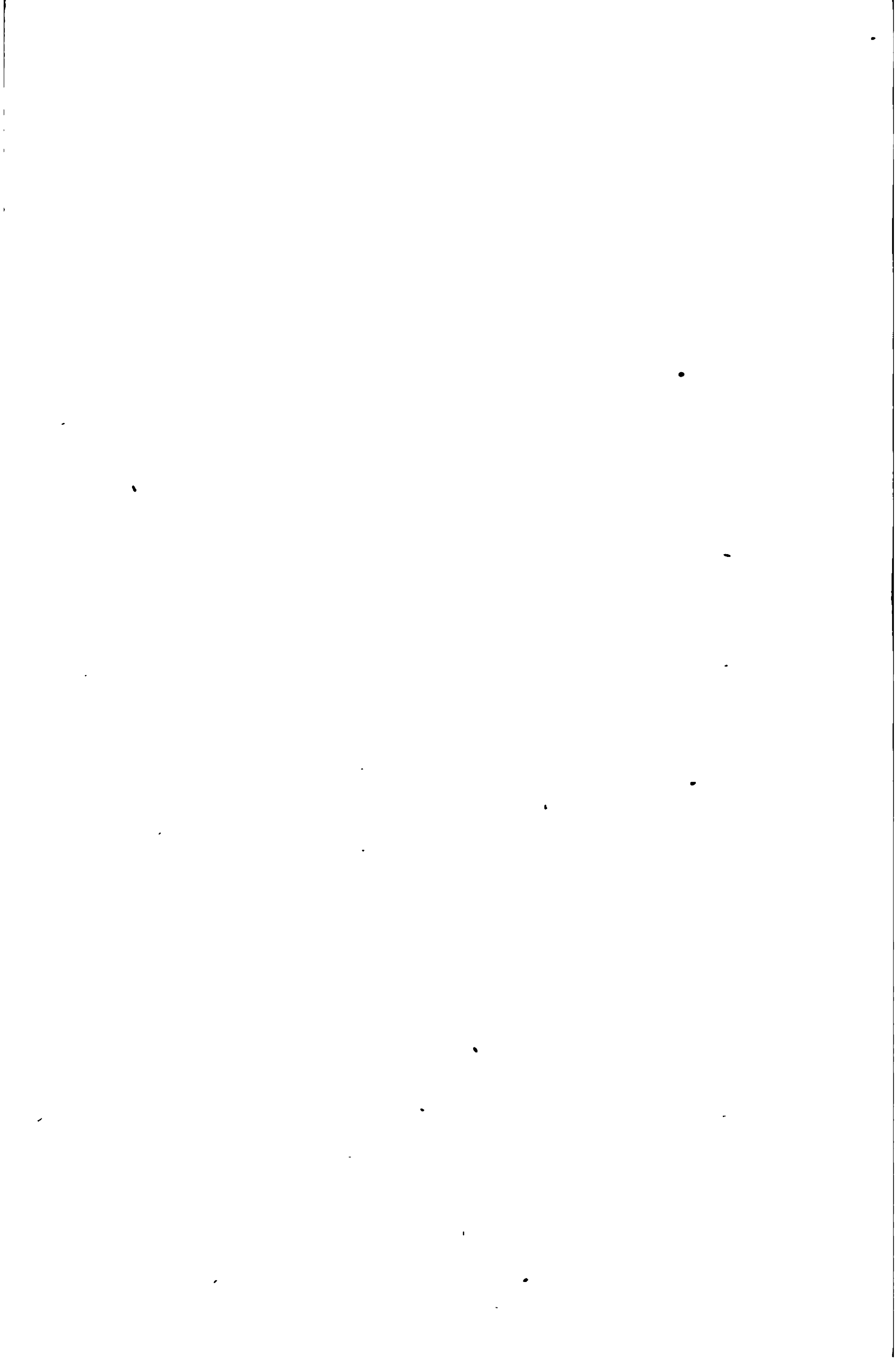
подъ заглавіемъ:

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ МИНЕРАЛОГІИ РОССІИ.

С. Петербургъ. 1853. 8.

составленный

Академикомъ **Купферомъ.**

Кристаллографія тѣми успѣхами, которые она сдѣлала въ новѣйшее время, обязана усовершенствованіямъ въ методахъ наблюденія и преимущественно отражательному гоніометру. Этотъ, столь соотвѣтственный своему назначенію и строгій инструментъ, далъ минералогіи средство опредѣлять съ математическою точностью формы неодушевленной природы и основывать на этихъ несомнѣнныхъ примѣтахъ различеніе породъ, тогда какъ зоологъ и ботаникъ, ища тщетно подобнаго незыблемаго начала различенія, по большей части бываютъ вынуждены прибѣгать къ изображеніямъ, ибо отличительные признаки не могутъ быть выражены словами, коль скоро хотятъ ихъ представить съ достаточною полнотою. Правда, и значеніе угловъ при опредѣленіи минеральныхъ породъ было черезъ чуръ преувеличено, такъ что многіе минералы мы видимъ раздробляемыми на значительное число видовъ только потому, что углы ихъ кристаллическихъ формъ оказываютъ уклоненія на нѣсколько минутъ; на самомъ же дѣлѣ минералы эти, какъ по химическому составу такъ и по внѣшней формѣ, столь близки между собою, что всѣ упомянутыя разницы по самой большей мѣрѣ едва могутъ быть приписаны незначительнымъ, зависящимъ отъ мѣстности, измѣненіямъ одной и той же формы. Впрочемъ это такія злоупотребленія, которыя разрушатся сами собою: ибо, если окажется на лицѣ множество столь исправныхъ и полныхъ измѣреній, каковыя мы находимъ въ предлежащемъ сочиненіи, то тотчасъ обнаружится, какъ велики уклоненія, которыя дозволяетъ себѣ сама природа, не выходя за

предѣлы понятія о видѣ; тогда узнаютъ на сколько именно одинъ и тотъ же уголъ одного и того же недѣлимаго, можетъ уклоняться, въ томъ же самомъ недѣлимомъ, отъ своей средней величины Если зоологъ имѣетъ предъ собою двухъ животныхъ, которыхъ коренные зубы оказываютъ нѣкоторыя различія, но если эти различія менѣе нежели уклоненія, встрѣчающіяся иногда у тѣхъ же самыхъ недѣлимыхъ, то конечно онъ не въ правѣ, ради этихъ только причинъ, установить изъ обоихъ животныхъ двѣ особенныя породы. Тоже самое должно разумѣть и относительно кристаллографическихъ признаковъ: только одно строгое измѣреніе не нѣсколькихъ опредѣленныхъ, но вообще всѣхъ измѣримыхъ угловъ одного и того же недѣлимаго, можетъ навести на истинный путь.

Всякій, смотрящій на предметъ съ этой точки зрѣнія и убѣжденный, что новая кристаллографія нуждается въ точныхъ, многочисленныхъ и исполненныхъ по хорошимъ кристалламъ измѣреніяхъ угловъ, конечно будетъ слѣдить съ большимъ участіемъ за работою г. Кокшарова; въ доказательство моего сужденія изложу здѣсь главныя ея черты.

Цѣль труда г. Кокшарова, какъ сказано на заглавномъ листѣ, доставить матеріалы для Русской минералогіи. Всякому извѣстны красота и разнообразіе минераловъ обширнаго царства. Г. Кокшаровъ безъ сомнѣнія не могъ избрать для своихъ занятій достойнѣйшаго предмета, который сверхъ того представлялъ еще ту выгоду, что матеріалъ для его обработки легко могъ быть собранъ въ Россіи, а особенно въ С. Петербургѣ.

Скромное заглавіе «Матеріалы» дозволило ему, не связываясь опредѣленнымъ порядкомъ, изслѣдовать матеріалы, смотря по представлявшемуся случаю, имѣя при томъ въ виду не столько разнообразіе породъ, сколько удовлетворительную полноту каждой отдѣльной обработки. Кристаллографическому описанію минераловъ и показанію, исполненныхъ самимъ г. Кокшаровымъ измѣреній, предшествуетъ синонимика, общая характеристика и исчисленіе лучшихъ химическихъ анализовъ. Нѣ-

сколько примѣровъ послужатъ къ поясненію образа обработки автора.

1. Желѣзный блескъ. Общія отличительныя признаки. Подраздѣленія: а) желѣзный блескъ въ кристаллахъ. Указаніе формъ, въ каковыхъ находятъ его въ Россіи. Въ числѣ кристалловъ, которыхъ измѣрены были углы, кромѣ кристалловъ изъ Полевскаго рудника, находятся также кристаллы изъ Везувія и съ острова Эльбы. Результаты измѣренія были слѣдующіе.

Уголъ наклоненія плоскости главнаго ромбоедра въ среднихъ краяхъ (кристаллы изъ Везувія).

93°	58′	40″
93	58	40
94	0	0
93	58	0
94	0	0
94	0	0
94	0	0
94	0	0
94	0	0
94	0	0
Средній = 93	59	32.

Уголъ наклоненія плоскости главнаго ромбоедра въ конечныхъ краяхъ (кристаллы изъ Везувія)

86° 0′ 0″

Уголъ наклоненія главнаго ромбоедра къ прямой конечной плоскости (кристаллы изъ Везувія)

122°	24′	30″
122	22	30
122	25	0
Средній = 122	24	0

Уголъ наклоненія плоскости шестиугольной пирамиды 2-го рода въ конечныхъ краяхъ (кристаллы съ острова Эльбы).

128° 0′ 0″
128 1 20
128 0 0

Средній = 128 0 26

Уголъ наклоненія той же самой плоскости въ среднихъ краяхъ (кристаллы съ острова Эльбы)

122° 24′ 30″

Уголъ наклоненія плоскости скаленоедра въ длинныхъ тупыхъ краяхъ, совпадающихъ съ краями главнаго ромбоедра (кристаллы изъ Полевскаго рудника)

155° 48′ 0″
155 48 0
155 47 30

Средній = 155 47 50

Уголъ наклоненія той же самой плоскости въ болѣе короткихъ и острыхъ краяхъ (кристаллы изъ Полевскаго рудника)

130° 24′ 0″
130 25 30

Средина 130 24 45

Каждая изъ вышеприведенныхъ цифръ была получена при особой вставкѣ кристалла и представляетъ собою средину 6-ти измѣреній.

Изъ найденныхъ наблюденіемъ величинъ наклоненія плоскостей главнаго ромбоедра въ конечныхъ краяхъ (86° 0′ 0″) не трудно найти вычисленіемъ и прочіе измѣренные углы. Сличеніе между собою вычисленныхъ и наблюденныхъ величинъ дастъ слѣдующую разность:

Уголъ наклоненія главнаго ромбоедра въ боковыхъ краяхъ:	По вычисленію.	По наблюденію.	Разность.
$R:R$	94° 0′ 0″	93° 59′ 32″	— 28″
$R:o$	122 22 56	122 24 0	
		122 22 42 (Купферъ)	
$z:z$	155 47 24	155 47 50	

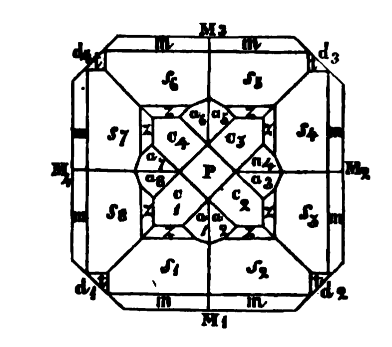
Уголъ наклоненія главнаго ромбоедра въ боковыхъ краяхъ:	По вычисленію.	По наблюденію.
$z:z$	130° 24′ 20″	130° 24′ 45″
$n:n$	128 0 54	128 0 26
$n:n$	122 26 50	122 24 30

Гоніометръ, которымъ пользовался г. Кокшаровъ, построенъ Эртлингомъ въ Берлинѣ, по указаніямъ Мичерлиха. Эти инструменты слишкомъ извѣстны, чтобы здѣсь нужно было войти въ ихъ описаніе, которое опущено и въ предлежащемъ сочиненіи.

2. Везувіанъ. Этотъ минералъ уже былъ предметомъ многихъ споровъ, какъ относительно химическаго состава, такъ и формы. Не касаясь преній на счетъ химической его формулы, замѣтимъ, что видъ его такъ хорошо опредѣленъ тщательнымъ измѣреніемъ г. Кокшарова, что къ этой части его работы можно сдѣлать множество замѣчаній, глубоко входящихъ въ теорію кристаллографіи. Везувіанъ попадается въ столь многоразличныхъ мѣстностяхъ и въ кристаллахъ столь различнаго образованія, что при опредѣленіи его кристаллографической формы необходимо поступить критически. Только хорошіе кристаллы, какъ говоритъ г. Кокшаровъ, могутъ дать хорошіе результаты. Подъ хорошими же кристаллами, пользующійся отражательнымъ гоніометромъ для опредѣленія угловъ, разумѣетъ такіе, коихъ плоскости блестящи и совершенно ровны, безъ полосъ, безъ выпуклостей и впадинъ, и безъ слабыхъ недостаточно развитыхъ мѣстъ. Углы наклоненія такихъ плоскостей съ помощью сказаннаго гоніометра могутъ быть опредѣлены съ большою точностью, т. е. до дробностей минутъ; но, разумѣется, только тогда, когда не будетъ пренебрежено ни одно изъ необходимыхъ при употребленіи этихъ инструментовъ условій. Только такія измѣренія могутъ дать намъ точное понятіе о формѣ кристалловъ и постоянствѣ этой формы. Всѣ же на несовершенно образованныхъ кристаллахъ исполненныя измѣренія къ тому неспособны, потому

что неизвѣстно, служатъ ли наблюденныя уклоненія дѣйствительнымъ основаніемъ строенія кристалловъ, или они только слѣдствіе несовершенства наблюденій. При помянутыхъ благопріятныхъ условіяхъ г. Кокшаровъ произвелъ слѣдующія измѣренія:

На многихъ кристаллахъ везувіана, коихъ конечныя плоскости были обозначены каждая особенною цифрою, по слѣдующей фигурѣ:

1. Кристаллы изъ окрестностей Поляковскаго рудника (въ Кумачинскихъ горахъ).

$c_8 : P = 142°46'\frac{3}{4}$	средина	изъ	8	измѣреній;	наибол.	уклоненіе	$1'$
$c_4 : P = 142°46'\frac{1}{4}$	—		3	— ;	—	—	$\frac{1}{2}'$
$c_1 : P = 142°46'\frac{3}{4}$	—		3	— ;	—	—	$1'\frac{1}{2}$

Послѣ каждаго отдѣльнаго измѣренія кристаллы всякій разъ были вставляемы вновь; измѣренія сдѣланы съ отдаленнымъ предметомъ. Въ слѣдующихъ измѣреніяхъ отдаленный предметъ былъ замѣненъ 2-ю зрительною трубкою.

$$c_8 : P = 142° \ 46' \ 0''$$
$$c_4 : P = 142 \ \ 46 \ \ 0$$
$$c_8 : c_4 = 129 \ \ 20 \ \ 30.$$

Плоскость c_1 была въ кристаллахъ очень мала и отражала предметы не такъ ясно, какъ двѣ предъидущія c_8 и c_4, почему г. Кокшаровъ не могъ измѣрить ея наклоненія къ прямой

конечной плоскости двумя зрительными трубами. Отъ того и наклоненіе $c_1:P$, измѣренное отдаленнымъ предметомъ, не имѣетъ такой точности, какъ прочія. Плоскость c_2 въ кристаллахъ была такъ мала и вмѣстѣ неровна, что рѣшительно невозможно было измѣрить ея наклоненіе къ смежной плоскости. Но во всякомъ случаѣ совершенное согласіе предъидущихъ измѣреній доказало, что мнѣніе Брейтгаупта, будто главная квадратная пирамида есть косая (Tetragonpyramidales Triploeder) совершенно несправедливо.

Еще г. Кокшаровъ нашелъ:

$c_1:c_3 = 105°\,33\frac{1}{4}$ средину изъ 3 наблюденій, коихъ крайнія величины разнятся между собою на $1'\frac{1}{2}$.

Если изъ этого вычислимъ наклоненіе $c:P$, то найдемъ $142°\,46'\frac{1}{2}$, итакъ опять въ точности вышеприведенную, найденную изъ непосредственныхъ наблюденій величину.

2. Кристаллы изъ Піемонта.

$$c_1:c_2 = 129°\;21'$$
$$c_1:P = 142°\;46'$$
$$c_4:P = 142°\;46'$$

3. Кристаллы изъ Назямскихъ горъ (первая разность Ахматовскаго везувіана)

$$c_1:c_2 = 129°\;21'$$
$$c_3:c_4 = 129\;\;21$$

4. Кристаллы изъ Везувія

$c_1:d_1 = 127°\;13'\frac{1}{2}$ средина изъ 3 измѣреній.

Согласно съ этимъ измѣреніемъ должно быть:

$$c:P = 142°\;46\frac{1}{2}'$$

5. Кристаллы A и $n°$ 1 — 6 изъ окрестности Поляковскаго рудника. Я приведу здѣсь только средины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вычисленныя величины, предполагая, что

$c:c = 129°\,21'$ изъ чего найдемъ $c:P = 142°\,46'\,32''$ и $c:c = 105°\;33'\;5''$.

		По наблюденію.	По вычисленію.
Кристаллъ *A*	$z_1 : c_1$	$= 161° 54'$	$161° 54'$
— *n*° 2	$a_1 : a_2$	$= 156\ 22'\frac{1}{2}$	$156\ 22\frac{1}{2}$
	$a_2 : a_3$	$= 146\ 21$	$146\ 20\frac{1}{2}$
— *A*	$a_1 : c_1$	$= 163\ 10\frac{1}{3}$	$163\ 10\frac{1}{4}$
	$a_1 : P$	$= 139\ 39\frac{1}{2}$	
— *n*° 2	$a_1 : P$	$= 139\ 39\frac{1}{2}$	
n° 3	$a_5 : P$	$= 139\ 39\frac{1}{2}$	
	$a_6 : P$	$= 139\ 40$	
	$a_7 : P$	$= 139\ 39\frac{1}{2}$	
— *n*° 6	$a_8 : P$	$= 139\ 40$	
Средній	$a : P$	$= 139\ 39\frac{1}{2}$	$139\ 39\frac{1}{2}$

Кристаллъ *n*° 1	$s_1 : P$	$= 120° 29'$
	$s_2 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
	$s_3 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
n° 2	$s_1 : P$	$= 120\ 28$
	$s_2 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
	$s_7 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
n° 3	$s_1 : P$	$= 120\ 29$
	$s_2 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
	$s_3 : P$	$= 120\ 28$
	$s_6 : P$	$= 120\ 30$
Кристаллъ *n*° 4	$s_1 : P$	$= 120\ 29\frac{1}{2}$
— *n*° 5	$s_2 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
	$s_3 : P$	$= 120\ 28$
	$s_6 : P$	$= 120\ 27\frac{1}{2}$
— *n*° 6	$s_1 : P$	$= 120\ 28$
	$s_5 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
Кристаллъ *A*	$s_1 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$
	$s_2 : P$	$= 120\ 27\frac{1}{2}$
	$s_3 : P$	$= 120\ 27\frac{7}{8}$

			По наблюденію.	По вычисленію.
		$s_4 : P$	$= 120\ 31$	
		$s_8 : P$	$= 120\ 28\frac{1}{2}$	
Средній		$s : P$	$= 120\ 28\frac{3}{4}$	$120°\ 29'$
Кристаллъ	A	$s_1 : s_2$	$= 148°\ 21\frac{1}{2}$	
—	$n°\ 1$	$s_1 : s_2$	$= 148\ 20$	$148\ 22\frac{1}{4}$
—	$n°\ 3$	$s_1 : s_2$	$= 148\ 22\frac{1}{2}$	
Кристаллъ	A	$s_2 : s_3$	$= 134\ 41\frac{1}{2}$	
	$n°\ 1$	$s_1 : s_8$	$= 134\ 42\frac{1}{2}$	$134\ 39\frac{3}{4}$
	$n°\ 4$	$s_1 : a_1$	$= 160\ 50$	$160\ 49\frac{3}{4}$
	$n°\ 5$	$s_2 : s_6$	$= 60\ 56$	$60\ 58$
	$n°\ 6$	$s_1 : c_1$	$= 150\ 29\frac{3}{4}$	$150\ 29$

Эти измѣренія большимъ своимъ согласіемъ между собою доказываютъ, до какой степени можно довести точность, прилагая, какъ г. Кокшаровъ, надлежащее тщаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ доказываютъ также съ какою точностью сама природа поддерживаетъ величины этихъ угловъ, дозволяя себѣ, при хорошо образованныхъ кристаллахъ, развѣ самое малое отступленіе, рѣдко превышающее одну минуту. Такъ ли это впрочемъ со всѣми кристаллами? Измѣренія г. Кокшарова, точныя до полминуты, показываютъ, что даже при хорошо образованныхъ кристаллахъ являются отступленія, далеко превышающія границу ошибокъ въ наблюденіи; и такъ наблюдатель подвергся бы большимъ заблужденіямъ, если бы измѣрялъ одинъ только уголъ (гдѣ ихъ есть нѣсколько одного и того же рода) и лишь согласіе между собою нѣсколькихъ угловъ того же самаго рода, можетъ удостовѣрить насъ въ томъ, что мы нашли истинныя величины угловъ. Въ кристаллѣ A изъ Поляковска напр. только плоскости s_1, s_2, s_3 и s_8 наклонены къ прямой конечной плоскости подъ угломъ, требующимъ знака $3P3$, между тѣмъ какъ прочія, именно s_4, s_5, s_6 и s_7 наклонены къ прямой конечной плос-

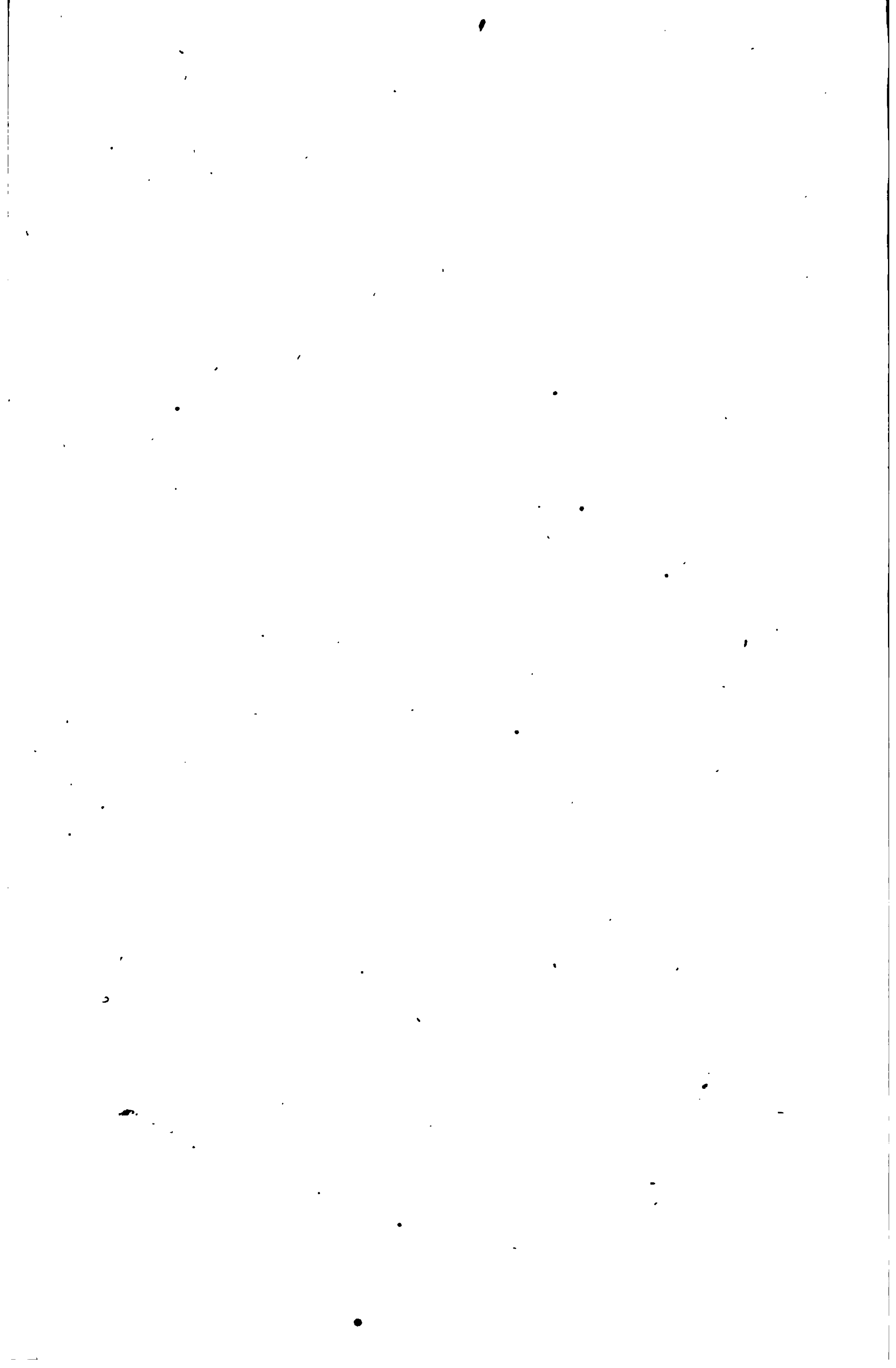
кости подъ нѣсколько различнымъ угломъ, а именно $= 120° 33'\frac{1}{2}$. Что это не ошибка въ наблюденіи, то достаточно доказываетъ уголъ склоненія $s_8 : s_4$ или $s_8 : s_7$, который найденъ среднимъ числомъ $= 148°\ 17'\frac{1}{2}$. Такъ какъ плоскости s_8, s_4 и P, а равно плоскости s_8, s_7 и P образуютъ грани, коихъ углы можно вычислить одинъ изъ другаго совершенно независимо отъ всякой кристаллографической теоріи, посредствомъ формулы сферической тригонометріи, то изъ склоненій $120° 29'$ и $120° 33'\frac{1}{2}$ можно вычислить третье склоненіе и найдемъ $148° 16'\frac{3}{4}$, что отъ найденнаго непосредственнымъ измѣреніемъ результата уклоняется только менѣе минуты. Кристаллы $n°$ 3 и 6 являютъ подобныя уже отступленія.

Большая часть приведенныхъ кристалловъ имѣетъ также притупленіе граней $\frac{s}{M}$, которыя въ вышеизображенной фигурѣ обозначены m и коихъ склоненія къ прямой конечной плоскости отнюдь не могутъ быть выражены въ простомъ отношеніи къ основной формѣ.

И здѣсь измѣренія выполнены съ такою точностью и въ такомъ большомъ числѣ, что нельзя и помышлять о погрѣшимостяхъ наблюденія; итакъ онѣ неопровержимо доказываютъ, что могутъ быть плоскости, не совершенно соотвѣтствующія простымъ отношеніямъ. Случайныя ли это только уклоненія, или законъ простыхъ отношеній не такъ общъ, какъ доселѣ полагали? Какъ даже при несомнѣнно правильныхъ формахъ одного и того же минерала, да и одного и того же недѣлимаго, какъ мы видѣли выше, могутъ попадаться такія отступленія, то по справедливости можно склониться на сторону перваго изъ сказанныхъ объясненій. Но какъ здѣсь во всякомъ случаѣ еще открывается поле для новыхъ изслѣдованій, то столь точныя и тщательныя измѣренія, каковы г. Кокшарова, не только весьма уважительны, но дѣйствительно могутъ почитаться необходимою потребностью новѣйшей кристаллографіи.

Сочиненіе г. Кокшарова сопровождается столь отличными, совершенно вновь проэктированными кристаллографическими чертежами, что оно и въ этомъ отношеніи заслуживаетъ стоять на ряду съ наилучшими въ этомъ родѣ.

Излишне было бы еще входить въ дальнѣйшія подробности объ этомъ сочиненіи; уже изъ вышеприведенныхъ примѣровъ достаточно явствуетъ, что оно выполнено съ большимъ прилежаніемъ, что оно, за исключеніемъ характеристики минераловъ, заключаетъ въ себѣ почти только новое, основанное на собственныхъ подлинныхъ наблюденіяхъ и что оно совершенно соотвѣтствуетъ той задачѣ, какую себѣ поставилъ авторъ. Оно представляетъ собою рядъ кристаллографическихъ монографій отличнѣйшихъ русскихъ минераловъ, которыя составятъ необходимое основаніе всѣхъ послѣдующихъ обработокъ минеральной исторіи Россіи. Поэтому-то мы предлагаемъ его къ награжденію поощрительною преміею и надѣемся, что г. Кокшаровъ будетъ продолжать и впредь свои изслѣдованія съ тѣмъ же самымъ тщаніемъ и съ такою же полнотою.

МНѢНІЕ

академика **Абиха**

о сочиненіи

г. КОКШАРОВА

подъ заглавіемъ:

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ МИНЕРАЛОГІИ РОССІИ.

С. Петербургъ. 1853. 8.

Будучи приглашенъ г. Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи, подать мнѣніе свое о первыхъ выпускахъ Матеріаловъ для Минералогіи Россіи г. Кокшарова, представленныхъ къ соисканію Демидовской преміи, имѣю честь сообщить слѣдующее:

Мнѣ кажется, что обсуживая трудъ, подобный предлежащему, нельзя избрать другой точки воззрѣнія, кромѣ той, которая съ достаточною опредѣлительностью обозначена самимъ авторомъ, какъ на заглавномъ листѣ, такъ преимущественно въ предисловіи. Съ этой то точки, обѣщающей не полную, систематическую обработку предмета, а только послѣдовательное разсмотрѣніе болѣе или менѣе развитыхъ частей его, нельзя не признать права автора обращаться съ полною свободой въ очертанной имъ такимъ образомъ сферѣ.

Однажды признавъ за авторомъ это право, должно отказаться и отъ притязаній на соблюденіе строгой методы. Форма работы ускользаетъ отъ всякаго объективнаго суда и вмѣстѣ съ вопросомъ: какъ исполнены изъявленныя въ предисловіи начала обработки? выступаетъ на передній планъ научное содержаніе цѣлаго въ его особенности.

Относительно только что выраженнаго нами вопроса прежде всего бросается въ глаза, что объявленныя авторомъ начала въ монографическихъ описаніяхъ обработанныхъ минераловъ не всегда исполнены съ одинакою послѣдовательностью и съ тою подробностью, какой можно было бы ожидать отъ намека автора — представлять только матеріалы, способные къ возможно

полнѣйшей обработкѣ. Далѣе высказанная имъ цѣль: сообщать болѣе или менѣе подробныя описанія и изображенія русскихъ минераловъ предполагаетъ, что при этомъ будутъ приняты въ соображеніе, кромѣ признаковъ внѣшняго вида и ихъ видоизмѣненій, также и всѣ прочія физическія отличія породы, — но это не въ одинаковой степени соблюдено при всѣхъ вошедшихъ въ составъ сочиненія минераловъ.

Явно также, что обѣщаніе автора: «въ началѣ описанія каждаго минерала, сперва излагать общую его характеристику», не повсюду удачно исполнено и что въ слѣдствіе опущеній или неизбѣжныхъ повтореній затрудняется точное понятіе діагнозы. Вообще въ изложеніи самой работы, рѣшительнѣе чѣмъ въ предисловіи проглядываетъ собственно цѣль автора преимущественно распространяться при описаніяхъ минераловъ на счетъ изображенія правильнаго образованія, т. е. кристаллографическаго момента. Этихъ-то предварительныхъ замѣчаній достаточно, чтобы навести читателя на ту именно точку, съ которой всего выгоднѣе является намъ разбираемое сочиненіе.

Отличное призваніе г. Кокшарова по геометрической части минералогическаго изслѣдованія конечно признаетъ за нимъ всякій, кто подвергнетъ тщательному испытанію тѣ работы, въ которыхъ авторъ вполнѣ прослѣдилъ развитіе формъ 11 важныхъ породъ минераловъ на основаніи многочисленныхъ и строгихъ измѣреній и обнаружилъ всѣ попадающіяся у нихъ въ Россіи комбинаціи.

Главное достоинство этихъ кристаллографическихъ опредѣленій, по моему мнѣнію, заключается въ результатахъ критическаго изслѣдованія, основаннаго на собственныхъ измѣреніяхъ наилучшими инструментами и въ открытіи истинныхъ отношеній между собою осей основныхъ формъ, отношеній коихъ справедливость доказывается близкимъ соотвѣтствіемъ между величинами плоскостей и граней, вычисленными по этимъ отношеніямъ и тѣми, которыя были измѣрены въ самомъ дѣлѣ.

Но измѣренія эти и сдѣланныя вмѣстѣ съ ними выкладки кромѣ теоретической пользы приносятъ еще практическую, а именно облегчая некристаллографу распознаваніе загадочныхъ формъ и приведеніе ихъ подъ надлежащій видъ и образъ.

Но главнѣйшую цѣну я придаю чертежамъ, на которыхъ г. Кокшаровъ съ свойственнымъ ему талантомъ и образцовымъ совершенствомъ изобразилъ правильные первообразы всѣхъ наблюденныхъ и измѣренныхъ имъ комбинацій, по проекціямъ, имъ самимъ начертаннымъ и построеннымъ. Эти ясныя и превосходныя конструкціи, которыя всегда берешь въ руки съ возобновленнымъ удовольствіемъ, служа сочиненію г. Кокшарова особенною типографическою красою, придаютъ ему рѣшительное преимущество передъ большею частью кристаллографическихъ работъ настоящаго времени.

Сколько это одобрительное мнѣніе раздѣляется и въ дальнѣйшихъ ученыхъ кругахъ, въ этомъ я могъ удостовѣриться въ послѣднее мое путешествіе въ чужіе краи. Весьма благопріятно отзывались о предлежащихъ трудахъ г. Кокшарова, именно Густавъ Розе въ Берлинѣ, Квенштедтъ въ Тюбингенѣ и Дефренуа, а равно Делессъ въ Парижѣ. Повсюду радовались преуспѣянію труда, который особенно въ кристаллографической его части считаютъ вполнѣ достойнымъ и соотвѣтствующимъ минералогіи Россіи и ея важности.

Опираясь въ особенности на этомъ послѣднемъ мнѣніи, которое столько соотвѣтствуетъ участію возбужденному трудами г. Кокшарова и въ отечественныхъ кругахъ науки, считающей у насъ столько знатоковъ и друзей, я полагаю, что поступлю не въ противность намѣреніямъ основателя ученыхъ призовъ въ Россіи, если предложу г. Кокшарова къ поощрительной преміи за уважительныя его усилія по части одной изъ труднѣйшихъ и важнѣйшихъ областей русской минералогіи.

Я считаю, что это мнѣніе мое, согласно съ которымъ я въ сочиненіи г. Кокшарова преимущественно обратилъ вниманіе

на кристаллографическую его часть, какъ самую въ немъ отличную и заслуженную, не состоитъ въ противорѣчіи съ сдѣланными мною въ началѣ моей рецензіи замѣчаніями, относящимися къ такимъ частямъ работы, которыя особенно принимая въ соображеніе свободную ея форму, менѣе важны, а притомъ и могли себѣ въ предлежащихъ разсужденіяхъ найти только постороннее примѣненіе.

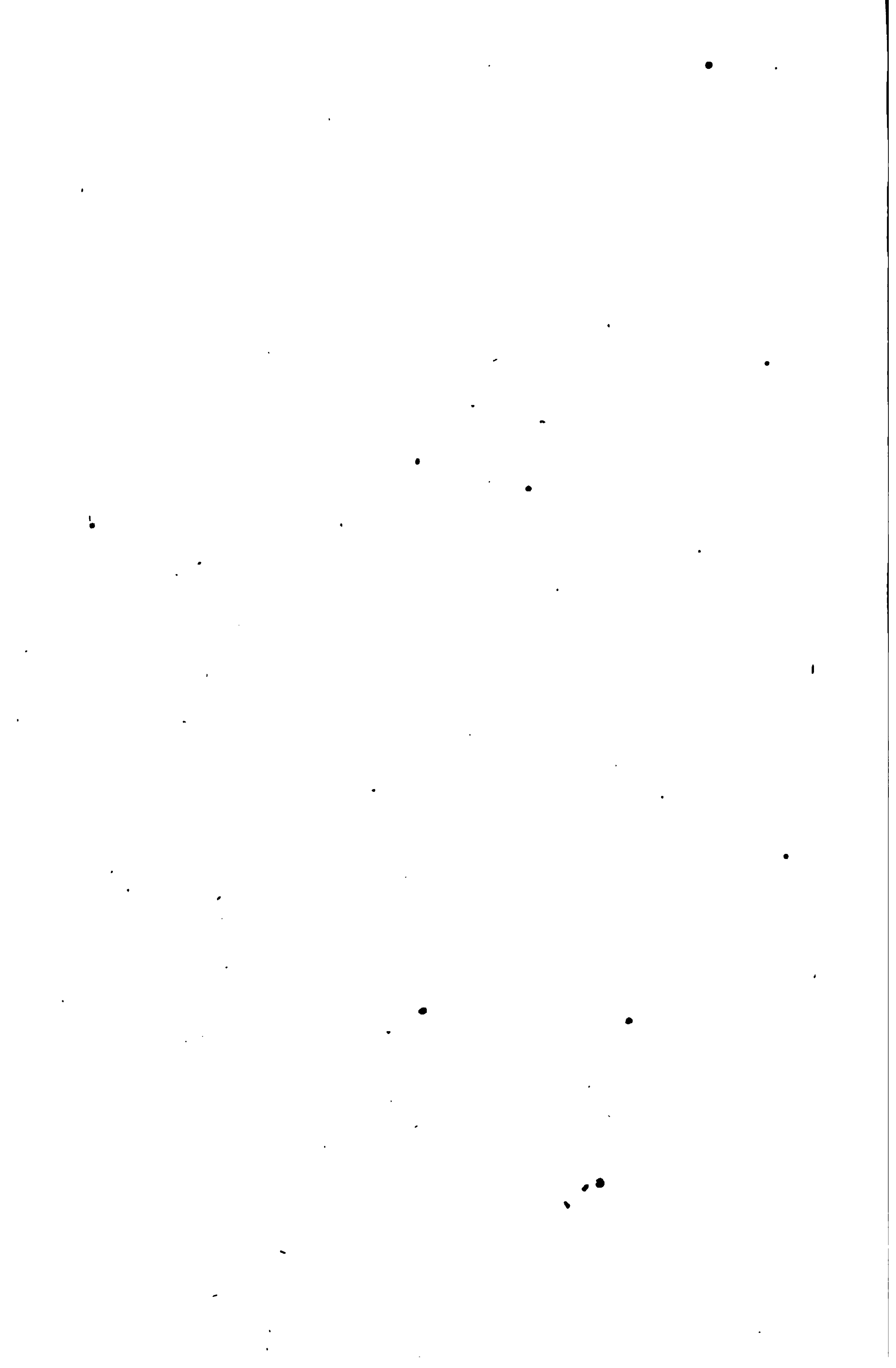
СОЧИНЕНІЯ

УДОСТОЕННЫЯ

ПО ДЕМИДОВСКОМУ КОНКУРСУ

1853 ГОДА

ПОЧЕТНАГО ОТЗЫВА.

РАЗБОРЪ

сочинений

пастора ЕД. АРЕНСА

подъ заглавиемъ:

GRAMMATIK

DER EHSTNISCHEN SPRACHE REVALSCHEN DIALEKTES.

Reval 1853. 8.

и

SPRACHFEHLER DER EHSTNISCHEN BIBEL,

gesammelt

UND DEN PREDIGERN DER EHSTEN ZUR UNBEFANGENEN PRÜFUNG EMPFOHLEN.

Reval. 1853. 8.

составленный

академикомъ **Шегреномъ.**

Уже въ 1843 году авторъ названныхъ двухъ сочиненій, пасторъ въ приходѣ Кусалъ въ Эстляндіи, по предварительномъ, тщательномъ изученіи не одного только эстонскаго языка, какъ изъ имѣющихся на немъ письменъ, такъ и изъ устъ народа, но и сроднаго съ нимъ финскаго, издалъ въ свѣтъ первую часть новой эстонской грамматики ревельскаго нарѣчія, а именно этимологію, и тѣмъ самымъ, положивъ начало болѣе умозрительной и научной обработкѣ этого языка, чѣмъ прежде, открылъ совершенно новыя стороны своего предмета и хотя еще на самомъ дѣлѣ удержалъ старинный образъ письменъ, но по крайней мѣрѣ теоретически изобличилъ его недостатки и превратность и указалъ на необходимость приличныхъ въ немъ преобразованій.

Для дальнѣйшаго развитія этихъ существенно необходимыхъ измѣненій въ правописаніи сообразно съ болѣе правильною финскою ороографіею, и въ поясненіе прочихъ своихъ грамматическихъ нововведеній, г. Аренсъ два года спустя напечаталъ небольшую брошюру въ 51 страницу ин-октаво подъ заглавіемъ: «Johann Hornung, der Schöpfer unserer ehstnischen Kirchensprache. Zur Ehrenrettung des Unterdrückten». Здѣсь кромѣ весьма занимательныхъ данныхъ по части исторіи и литературы эстонскаго языка можно найти доводы тому, что уже Горнунгъ, молодой пасторъ, издавшій въ исходѣ XVIII вѣка грамматику, объясненіе катехизиса и церковный пѣсенникъ для Эстонцевъ, а сверхъ того переложившій съ греческаго основ-

наго текста на эстонскій языкъ также весь Новый Завѣтъ, имѣлъ справедливое понятіе о чисто-эстонскомъ языкѣ и вѣрно писалъ на немъ въ сравненіи съ своими предшественниками и послѣдователями. Мы убѣждаемся изъ этой брошюры, что эстонское правописаніе и грамматика получили бы совсѣмъ другой видъ, если бы болѣе подражали Горнунгу и исправляли его ошибки, вмѣсто того чтобы методически устранить его и его сочиненія по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ издалъ, по той только причинѣ, что между тѣмъ уже привыкли къ другой ореографіи, умышленно искаженной и испорченной болѣе изъ пристрастія къ германизму, чѣмъ по невѣдѣнію, и что эта ореографія уже вошла въ употребленіе у большей части духовенства, которое, почти исключительно состоя изъ Нѣмцевъ, изучая эстонскій языкъ болѣе изъ книгъ, и опираясь на свой авторитетъ старалась поддерживать болѣе удобный для него образъ письменъ. «Всякое нововведеніе, весьма справедливо говоритъ Аренсъ въ своей защитѣ Горнунга стр. 12, сопряжено съ неудобствами, а посему неохотно принимается, особенно старшимъ поколѣніемъ, любящимъ старину и имѣющимъ средство успѣшно защищать ее, потому что оно облечено будучи оффиціальною властью, оказываетъ большое вліяніе на своихъ подчиненныхъ».

Естественно, что и Аренсъ долженъ былъ на самомъ себѣ испытать подобную же участь. И его новое ученіе встрѣчено было какъ въ формальномъ, такъ и въ реальномъ смыслѣ болѣе съ недоброжелательствомъ, чѣмъ съ согласіемъ и одобреніемъ, какъ то явственно видно изъ помянутаго слова въ защиту Горнунга, а еще болѣе изъ написанной съ нѣкоторымъ раздраженіемъ ѣдкой брошюры, которую авторъ, вообще, повидимому, слишкомъ чувствительный къ хулѣ и противорѣчію, вскорѣ послѣ появленія двухъ статей въ актахъ ученаго эстонскаго общества въ Дерптѣ (Verhandlungen der gelehrten ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat), а именно въ 1848 году, напечаталъ какъ возраженіе подъ заглавіемъ: Zur ehstnischen Declinationslehre. Съ

тѣхъ поръ въ прошедшемъ году вышла грамматика автора вторымъ вновь исправленнымъ изданіемъ, съ приложеніемъ второй части, заключающей въ себѣ главу о предложеніяхъ.

Касательно отношенія этого втораго изданія къ первому самъ авторъ въ предисловіи изъясняется слѣдующими словами: Это второе изданіе отличается отъ перваго кромѣ многихъ отдѣльныхъ поправокъ и дополненій, еще слѣдующими перемѣнами:

1) На мѣсто прежде употреблявшейся ороографіи принята *финская*, безъ которой законы измѣненія словъ не могли бы быть изложены съ надлежащею вѣрностью.

2) Глава о склоненіяхъ передѣлана на основаніи моей диссертаціи объ этомъ предметѣ («Zur Declinationslehre. Reval 1848»).

3) Въ облегченіе начинающему учиться, къ эстонскимъ словамъ, приложено нѣмецкое ихъ истолкованіе.

4) Присовокуплены двѣ новыя главы: «о нарѣчіяхъ» и «о народныхъ пѣсняхъ».

И объемъ сочиненія увеличился отъ 134 страницъ перваго изданія (вмѣстѣ съ заглавнымъ листомъ и оглавленіемъ) до 173, а слѣдовательно 39 страницами, или если считать также оставленныя нынѣ безъ отмѣтки страницъ, заглавный листъ, предисловіе и оглавленіе, собственно 45 страницами. Распредѣленіе и порядокъ статей остались, какъ и въ первомъ изданіи, а именно сперва введеніе; послѣ историческаго взгляда, въ которомъ вкратцѣ оговорены отношеніе эстонскаго языка къ финскому и главныя нарѣчія перваго изъ нихъ, приведены пособія къ изученію финскаго *); потомъ исчислены предшество-

---

*) Изъ числа новѣйшихъ авторъ однако, по видимому, незнакомъ съ оставшеюся недоконченною грамматикою покойнаго Коллана: Fab. Collan's Finsk Språklära. Helsingfors. 1847. 8°.

вавшія эстонскія грамматики и другія грамматическія работы съ критическою ихъ оцѣнкою, далѣе въ 2 главахъ: ороэпія и ороографія, въ слѣдъ за тѣмъ подъ заглавіемъ первая часть: этимологія (Formenlehre) въ 5 главахъ: измѣненіе буквъ, склоненіе, спряженіе, частицы и словопроизведеніе. За симъ слѣдуютъ уже упомянутыя нами послѣ предисловія 2 новыя главы *о нарѣчіяхъ* и *о народныхъ пѣсняхъ*, а въ заключеніе первой части, какъ и въ первомъ изданіи, въ видѣ приложенія небольшой умноженный многими новыми словами этимологическій словарь. Вторая, вновь прибавленная часть (VIII и 138 стр.) въ 5 отдѣльныхъ главахъ разсуждаетъ о подлежащемъ, сказуемомъ, придаточномъ (Attribut), предметномъ (Object) и о соединеніи словъ въ предложенія. Въ добавокъ наконецъ приданъ еще реэстръ на 2 страницахъ.

Если мы ближе разсмотримъ уже указанныя нами словами автора перемѣны, то конечно между ними первое мѣсто занимаетъ введенное нынѣ авторомъ вмѣсто употребительной ороографіи правописаніе финское. Оно, правда, не сплошь сообразовано съ послѣднимъ, да и не могло быть вовсе съ нимъ согласно уже по самымъ видамъ автора, который въ иныхъ частяхъ находитъ ороографію даже въ самомъ финскомъ (!), совершенно превратною (!) *), но за всѣмъ тѣмъ финское правописаніе даже и въ томъ видѣ, въ какомъ оно введено авторомъ въ новое изданіе его грамматики, должно почесть рѣшительнымъ успѣхомъ, даже такимъ, который дѣлаетъ въ эстонскомъ

*) Сличи стр. 149 со стр. 11. Я не намѣренъ здѣсь вдаваться въ новый споръ съ авторомъ, тѣмъ болѣе, что я уже прежде публично высказалъ свое мнѣніе какъ на счетъ финскихъ двоегласныхъ *іе*, *ио* и *уӧ*, такъ и о разныхъ другихъ отдѣльныхъ мысляхъ и утвержденіяхъ автора и неоднократно хотя и, по видимому, безполезно вооружался противъ него. Можетъ быть современемъ, когда я болѣе практически ознакомлюсь съ настоящимъ произношеніемъ Эстонцевъ, представится къ тому удобнѣйшій случай, чѣмъ здѣсь.

языкѣ эпоху и чрезвычайно важенъ, потому что при новой ороографіи не только вѣрнѣе постигаются законы измѣненія словъ, какъ то именно показываетъ авторъ, но и значительно облегчается первое изученіе правильнаго фактическаго произношенія эстонскаго языка какъ для самого Эстонца, такъ и для другихъ, которые по какой бы то ни было причинѣ, интересуются его языкомъ; между тѣмъ какъ при доселѣ общеупотребительной ороографіи въ иныхъ случаяхъ ровно невозможно угадать правильное произношеніе, если не знаешь его уже прежде.

Столь же рѣшительнымъ успѣхомъ и также эпохою въ исторіи эстонской грамматики должно почесть и новую систему склоненій, да и вообще всю формальную часть сочиненія. Ничего не могло быть легче, какъ порицать автора за многосложность и затруднительность для памяти его новой системы склоненій, вмѣсто того, чтобы вмѣнить ему въ заслугу и благодарить его за огромный трудъ, которому онъ подвергся, чтобы составить ее, хотя бы то было на первый разъ только какъ полновѣсный матеріалъ для науки. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить реальную сторону новой его грамматики, послушаемъ самого автора: «Въ оправданіе мое», пишетъ онъ въ предисловіи, «да будетъ мнѣ еще дозволено донести, какимъ образомъ возникла моя система склоненій? Я выбралъ претрудный путь, потому что никакой, болѣе удобный, не привелъ бы меня къ цѣли. Для достиженія ея нужно было напередъ совершить три продолжительныя работы. *Во-первыхъ* я выписалъ изъ лексикона всѣ имена существительныя, умноживъ ихъ еще нѣкоторыми недостававшими въ немъ, изъ собственнаго моего запаса. *Потомъ* я прошелъ всю эту коллекцію именъ съ Эстонцами, заставляя ихъ изустно просклонять каждое изъ нихъ порознь и вызывая приличными короткими вопросами одинъ за другимъ всѣ падежи склоненія. Наконецъ я сличилъ между собою флекціи всѣхъ отдѣльныхъ словъ и сгруппировалъ вмѣстѣ тѣ изъ нихъ,

которыя склоняются одинаковымъ образомъ. Такимъ образомъ, безъ моего вѣдома и желанія, составилось восемьнадцать разныхъ отдѣловъ словъ. Совладавъ такимъ образомъ со всѣмъ матеріаломъ, я могъ уже приняться за умственную его переработку. Все неодинаковое было отдѣлено мною, а одинаковое совокуплено во едино, передо мною открылись сокровенные законы языка и только оставалось еще отдѣлить общее отъ частнаго и облечь его въ слова. Отрадою этого окончательнаго труда щедро были вознаграждены трудности предуготовительныхъ работъ. Итакъ все раздѣленіе моей системы склоненій не было сдѣлано искусственно, а составилось естественнымъ образомъ, не было придумано, а открыто и предписано самою природою языка. Безъ всякаго съ моей стороны содѣйствія оказалось, что опредѣлительный и относительный падежи встрѣчаются въ восемьнадцати разныхъ формахъ, между тѣмъ какъ неопредѣлительный имѣетъ ихъ не болѣе четырехъ. Посему надобно было принять восемьнадцать разрядовъ, которые однако всѣ были подведены подъ четыре склоненія. — Подобнымъ образомъ произошли и шесть разрядовъ моей системы спряженія. Итакъ я былъ вполнѣ правъ, сказавши то, что было мнѣ поставлено въ нареканіе (Zur Decl. стр. 11): «что нужно изучить 18 разрядовъ, это не моя вина. Развѣ я ихъ сдѣлалъ? Нѣтъ, я нашелъ ихъ уже готовыми и только изъ устъ народа перенесъ на бумагу. Пусть попытаются вычеркнуть хотя одинъ изъ нихъ! Того, кому это удастся, я готовъ немедленно признать моимъ грамматическимъ наставникомъ.

Всякому безпристрастному, не ослѣпленному предразсудками, цѣнителю дѣла само собою ясно, сколько наука должна быть обязана автору за то, что онъ, признавъ за нужное совершить такую сплошную критическую ревизію грамматическихъ формъ во всемъ запасѣ эстонскаго языка, какъ необходимое по нынѣшнему состоянію эстонскаго письменнаго и простонароднаго языка условіе для сооруженія новой его грамматики, под-

визался на этотъ трудъ и исполнилъ его съ желѣзнымъ терпѣніемъ и постоянствомъ. Отнынѣ можно по крайней мѣрѣ надѣяться, что всѣ тѣ, которые серіозно захотятъ заняться эстонскимъ языкомъ, воспользуются собраннымъ трудами автора, дѣльнымъ матеріаломъ и уже созданнымъ имъ изъ него зданіемъ въ замѣнъ прежняго пришедшаго въ ветхость и разрушеніе и развѣ останется имъ только пещись о томъ, чтобы по возможности устроить его проще и удобнѣе.

О второй части сочиненія, синтаксисѣ, замѣтимъ напередъ, что ее до сихъ поръ собственно недоставало въ эстонскихъ грамматикахъ; хотя и въ непосредственно предшествовавшей труду автора грамматикѣ Гупеля значится синтаксисъ обоихъ нарѣчій, какъ четвертая ея часть на 23 страницахъ. И такъ для г. Аренса было бы немалою заслугою уже то, что онъ впервые обогатилъ эстонскую грамматику болѣе подробнымъ и полнымъ синтаксисомъ; но онъ и этой части своего сочиненія посвятилъ большой трудъ и стараніе, чтобы сдѣлать ее возможно полною и основательною. На этотъ-то конецъ онъ, по собственнымъ его словамъ въ предисловіи «твердо рѣшился, не составлять самому ни одного даже малѣйшаго предложенія, а только принимать такіе примѣры, которые были подслушаны изъ устъ Эстонцевъ въ бесѣдахъ съ ними». Много пользы ему принесли состоящія изъ двухъ томовъ ин-кварто сборники его покойнаго трудолюбиваго предшественника въ должности пастора, Кнюпфера, сборники, составленные изъ словъ и фразъ, собранныхъ частію самимъ Кнюпферомъ, а частію разными другими лицами, въ томъ числѣ также уже умершимъ извѣстнымъ основательнымъ и глубокимъ знатокомъ эстонскаго языка, пробстомъ въ с. Михаэлисѣ, Гланстрёмомъ. Кромѣ вышепомянутыхъ 2 томовъ ин-кварто самъ Кнюпферъ составилъ изъ нихъ извлеченіе въ одномъ томѣ въ осьмушку, заключающее въ себѣ именно фразы въ поясненіе синтаксиса по старинной грамматической формѣ. И этотъ томъ также состоялъ въ

распоряженіи Аренса. Этими коллекціями онъ пользовался слѣдующимъ образомъ: всякую фразу сперва прочитывалъ Эстонцамъ и принималъ только такія, которыя безпрекословно были признаваемы ими сообразными съ духомъ языка. Такимъ образомъ произошло около половины примѣровъ въ новомъ синтаксисѣ, другую же половину авторъ непосредственно почерпнулъ изъ устъ самихъ Эстонцевъ, а потомъ еще до напечатанія давалъ просмотрѣть все свое сочиненіе извѣстному лингвисту, коллежскому совѣтнику Видеманну, старшему учителю ревельской гимназіи.

Нѣкоторый родъ дополненія къ цѣлой грамматикѣ автора составляетъ второе и новѣйшее его сочиненіе, также напечатанное въ прошломъ году подъ заглавіемъ: «Sprachfehler der ehstnischen Bibel», тѣмъ болѣе, что показанныя въ немъ ошибки противъ языка расположены въ порядкѣ параграфовъ самой грамматики. Стоитъ только бросить на эту книгу бѣглый взглядъ, чтобы удостовѣриться какъ въ огромномъ трудѣ, котораго она, хотя и состоитъ не болѣе какъ изъ 94 страницъ, должна была стоить автору, такъ и въ изумительномъ множествѣ всякаго рода погрѣшностей, какими наполнена эстонская библія и другія ихъ церковныя книги, даже въ новѣйшихъ и слывущихъ лучшими изданіяхъ. Мы раздѣляемъ съ авторомъ надежду, что предложеніе къ преобразованію церковнаго языка, на которомъ онъ и здѣсь снова настаиваетъ съ благороднымъ и пламеннымъ рвеніемъ, будутъ наконецъ приняты въ уваженіе, и поведутъ къ тому, что обезчещенный сосудъ, въ которомъ доселѣ предлагалось и еще предлагается бѣднымъ Эстонцамъ священное слово Божіе, явится въ достойнѣйшемъ видѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь письменный языкъ будетъ согласованъ съ дѣйствительнымъ языкомъ самого народа. Я же съ своей стороны не исполнилъ бы своего долга противъ науки, если бы преминулъ отрекомендовать къ полнѣ заслуженной поощрительной преміи этихъ новѣйшихъ трудовъ автора, во

уваженіе ихъ высокой важности, ученаго содержанія и огромнаго изумительнаго труда, съ которымъ они составлены; хотя скромный авторъ ни самъ не прислалъ этихъ трудовъ къ конкурсу, ни какимъ бы то ни было образомъ не побуждалъ меня къ ихъ поддержанію; причемъ я долженъ еще присовокупить, что я лично его еще вовсе незнаю и доселѣ не состоялъ съ нимъ ни въ какихъ другихъ сношеніяхъ, кромѣ того, что я, какъ выше было указано, публично и неоднократно оспаривалъ нѣкоторыя изъ его мыслей и предположеній.

РАЗБОРЪ

сочиненія

корпуса горныхъ инженеровъ

штабсъ-капитана А. ВЛАНГАЛИ,

подъ заглавіемъ:

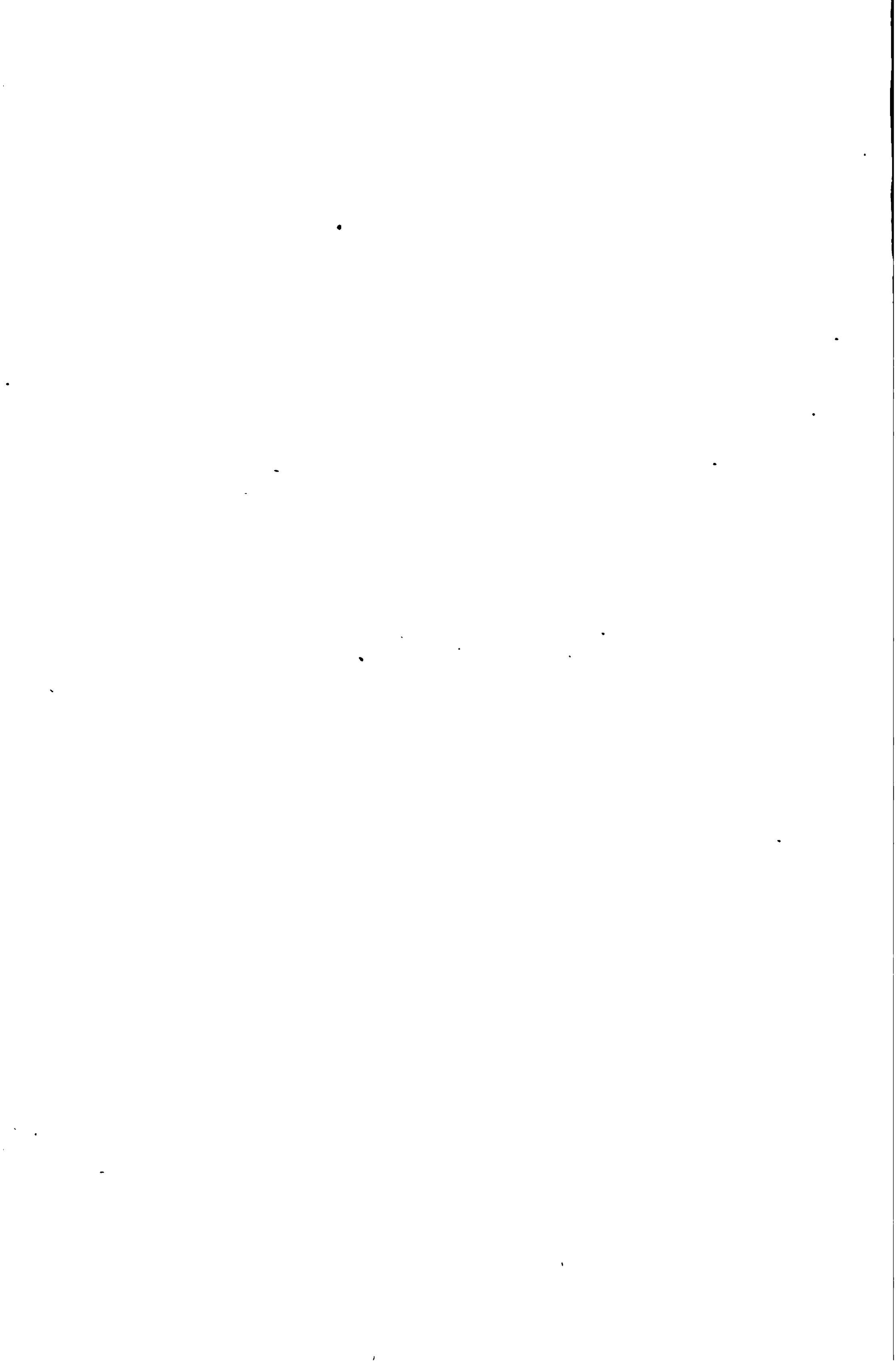
ГЕОГНОСТИЧЕСКІЯ ПОѢЗДКИ

ВЪ ВОСТОЧНУЮ ЧАСТЬ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

въ 1849 и 1851 годахъ.

составленный

академикомъ **Гельмерсеномъ.**

Сочиненіе это мнѣ было сообщено самимъ авторомъ въ рукописи еще въ 1852 году, съ просьбою разсмотрѣть какъ этотъ трудъ, такъ и обширную коллекцію горнокаменныхъ породъ, собранныхъ авторомъ во время своихъ поѣздокъ и представляющихъ такимъ образомъ самое надежное средство для оцѣнки достоинства произведенныхъ имъ геогностическихъ наблюденій. Исполнивъ просьбу г. Влангали и убѣдившись, что замѣчательный и добросовѣстный трудъ его существенно обогатитъ познаніе Восточной Киргизской степи въ отношеніяхъ геогностическомъ, географическомъ и этнографическомъ, я тогда же просилъ автора издать сочиненіе свое въ свѣтъ. Будучи лично знакомъ съ г. Влангали и цѣня его разнообразныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основательныя свѣдѣнія, я позволю себѣ сказать, что Горное Начальство назначеніемъ этого офицера въ ученую экспедицію для изслѣдованія столь мало извѣстнаго края, сдѣлало нетолько удачный выборъ, но показало также, что признаетъ эти изслѣдованія важными. Если сожалѣть о чемъ нибудь, то о томъ, что г. Влангали не имѣлъ возможности посвятить на свои розысканія столько времени, сколько желалъ. Въ 1849 году, равно и въ 1851 проѣздъ его продолжался только въ теченіе нѣкоторой части лѣта и потому былъ быстръ; но не смотря на это неблагопріятное, впрочемъ не отъ автора зависѣвшее обстоятельство, онъ успѣлъ собрать множество новыхъ, любопытныхъ и поучительныхъ свѣдѣній, и хотя результаты сдѣланныхъ наблюденій не могутъ дать окончательнаго мнѣнія

объ этой части Азіи, какъ говоритъ самъ г. Влангали въ предисловіи къ первой части, но они могутъ служить данными для руководства при послѣдующихъ ученыхъ и, въ особенности, горныхъ въ ней изслѣдованіяхъ. Приступаю къ обзору содержанія первой части.

Во вступленіи авторъ упоминаетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, о всѣхъ горныхъ и другихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ восточной степи съ 1751 по 1849 годъ. Изъ этого очерка усматривается, что цѣль бывшихъ здѣсь горныхъ экспедицій всегда состояла въ развѣдкѣ уже извѣстныхъ мѣсторожденій благородныхъ металловъ, или же въ открытіи новыхъ мѣсторожденіи сего рода, и что ни въ одной изъ этихъ экспедицій не было обращено вниманія собственно на геогностическій составъ пройденнаго путешественниками пространства. Посѣтившіе восточную киргизскую степь ботаники, Сиверсъ, въ 1795 году и почтенный сочленъ нашъ, Академикъ Мейеръ въ 1826 году, хотя доставили нѣкоторыя геогностическія и горныя свѣдѣнія, но онѣ не могли быть удовлетворительными, потому что главная цѣль путешествій, въ которыя онѣ собраны, состояла въ изученіи произведеній растительнаго царства.

Горная партія, въ которую назначенъ былъ авторъ въ 1849 году, вступила въ степь въ августѣ мѣсяцѣ, переправившись чрезъ Иртышъ, близъ устья рѣки Нарыма, составляющаго границу Россіи съ Китаемъ; потомъ пересѣкла Колбинскій горный кряжъ въ сѣверо-восточномъ его концѣ и слѣдовало по юго-восточному его отклону до Кокбектинскаго Приказа. Отсюда осмотрѣна была правая часть пикетнаго кордона отъ Кокбектинскаго Приказа до Устькаменогорской крѣпости и потомъ, слѣдуя вверхъ по лѣвому берегу Иртыша, партія возвратилась къ устью рѣки Нарыма, т. е. къ мѣсту выѣзда въ степь, осмотрѣвъ такимъ образомъ и сѣверо-западный отклонъ Колбинскаго кряжа. Главное мѣсто между изслѣдованіями, произведенными во время этой поѣздки, занимаютъ изслѣдованія геогностическія.

Г. Влангали не ограничивался сообщеніемъ отдѣльныхъ наблюденій, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, но составилъ изъ нихъ общій геогностическій очеркъ Кокбектинскаго округа (стр. 150) и геогностическую карту и разрѣзы всего, осмотрѣннаго въ 1849 году пространства. Этотъ очеркъ и приложенная къ нему карта, представляя окончательные результаты всѣхъ наблюденій, совершенно достаточны для того, чтобы дать читателю ясное понятіе о главныхъ геогностическихъ отношеніяхъ описываемаго края, именно о свойствахъ, пластованіи и распредѣленіи господствующихъ горныхъ породъ и формацій. Не входя въ подробный разборъ геогностическихъ данныхъ вообще, ограничиваюсь указомъ на одно изъ важнѣйшихъ, именно на присутствіе въ восточной степи формаціи горнаго или каменноугольнаго известняка, доказанное нахожденіемъ въ известнякахъ этихъ окаменѣлыхъ раковинъ, совершенно характеризующихъ каменноугольную почву, какъ-то Productus gigas и Productus antiquatus. Наблюденія г. Влангали ведутъ даже къ заключенію, что вѣроятно всѣ осадочныя горныя породы, находящіяся въ Кокбектинскомъ округѣ, принадлежатъ къ каменноугольной почвѣ. Между огненными породами степи первое мѣсто, по распространенію, занимаетъ гранитъ; онъ наиболѣе обнаруживается въ сѣверномъ отклонѣ Колбинскаго кряжа и повидимому производилъ главные перевороты въ наружномъ видѣ этой мѣстности. Къ югу и юго-востоку отъ кряжа, хотя являются толщи гранита, но онѣ образуютъ довольно пологія небольшія возвышенности. Порфиры являются предпочтительно на юго-восточномъ отклонѣ Колбинскихъ горъ, проходя жилами или образуя небольшія поднятія въ осадочныхъ породахъ.

По малому времени, данному г. Влангали для осмотра Кокбектинскаго округа, отъ него требовалось, въ практическомъ отношеніи, только указать на нѣкоторые пункты, болѣе благонадежные, являющіе рудныя обнаженія, для того, чтобы въ послѣдующій годъ прямо отправить къ этимъ мѣстамъ развѣ-

дочныя партіи. Но экспедиція не сдѣлала никакихъ открытій, такъ что на слѣдующій годъ эти партіи должны были продолжать осмотръ самой южной и западной части Кокбектинскаго округа. Золотоносныхъ же розсыпей искать было нельзя, потому что всѣ рѣчки въ этой части степи, закортомлены частными людьми и заявлены ими въ окружныхъ приказахъ.

Вмѣстѣ съ геогностическими данными авторъ сообщаетъ въ первой части много географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ онъ описываетъ наружный видъ всего изслѣдованнаго имъ пространства, описываетъ ловлю рыбы на озерѣ Зойсанъ-Норѣ и на Иртышѣ (стр. 14 и слѣд.) описываетъ самыми живыми красками бытъ Киргизъ-Кайсаковъ и въ особенности любимое ихъ занятіе, воровство лошадей (стран. 37) и сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія объ исторіи нынѣшняго Кокбектинскаго округа.

Обращаюсь ко второй части сочиненія, въ которой заключается описаніе юго-восточной части Киргизской степи или такъ называемый Семирѣчинскій край, лежащій между 44° и 46° 30′ сѣверной широты и 94° 30′ до 99° 30′ восточной долготы отъ острова Ферро. Этотъ край доселѣ былъ еще менѣе извѣстенъ въ геогностическомъ и географическомъ отношеніяхъ, нежели сѣверная часть восточной степи, а потому наблюденія, произведенныя въ немъ г. Влангали можно назвать открытіями; почти на каждой страницѣ второй части находимъ новыя свѣдѣнія болѣе или менѣе интересныя и поучительныя для всѣхъ, занимающихся изученіемъ центральной Азіи, страны, столь важной для Россіи и поэтому достойной полнаго вниманія правительства и частныхъ людей. Геогностическихъ свѣдѣній объ этой части степи было еще менѣе чѣмъ географическихъ. Хотя извѣстный ботаникъ г. Шренкъ, по порученію Директора Императорскаго С. Петербургскаго Ботаническаго Сада и осматривалъ въ 1840 году берега озера Балкашъ, и, большую часть Семирѣчинскаго края, и хотя замѣчательное путешествіе его доходило до озера Иссыкъ-куль, но онъ до сихъ поръ необна-

родовалъ свои изслѣдованія, о чемъ должно сожалѣть тѣмъ болѣе, что г. Шренкъ, будучи весьма свѣдущь въ геогнозіи, кромѣ ботаническихъ свѣдѣній также собралъ множество данныхъ о геогностическомъ составѣ изслѣдованнаго имъ края. Краткій предварительный отчетъ о результатахъ его наблюденій напечатанъ въ издаваемомъ Академикомъ Беромъ и мною сборникѣ подъ заглавіемъ: «Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens». Нельзя не упомянуть также о путешествіи по этой части Азіи надворнаго совѣтника Карелина, но путешествіе его недало собственно научныхъ результатовъ; оно было предпринято болѣе съ цѣлью собирать коллекціи разныхъ предметовъ, относящихся къ естественнымъ наукамъ съ тѣмъ, чтобы коллекціи эти сообщить ученымъ заведеніямъ нашего отечества.

Описываю, словами г. Влангали, совершенный имъ въ 1851 году путь. Прибывъ въ началѣ іюня въ городъ Семипалатинскъ, экспедиція проѣхала довольно скоро чрезъ Киргизскую степь до Копальскаго укрѣпленія *), расположеннаго въ 612 верстахъ къ югу отъ Иртыша. Медленность движенія позволяла дѣлать при этомъ поверхностный геогностическій осмотръ мѣстности и даже, кое-гдѣ, небольшія развѣдочныя работы. Выступивъ изъ Копала 22 іюня, экспедиція слѣдовала по направленію къ юго-западу, чрезъ рѣчки Копалъ, Кошконталъ и Акъ-Ичке, принадлежащія къ системѣ рѣки Біенъ; потомъ отрядъ отправился на востокъ и перевалившись чрезъ хребетъ Алатку, расположился на восточномъ склонѣ его. Во время пребыванія здѣсь отряда, выслѣжены были рѣки Аганакатты и Коксу до ихъ вершинъ, и потомъ, въ срединѣ августа, экспедиція возвратилась въ Копалъ, а въ концѣ того же мѣсяца выѣхала изъ Копала обратно въ Семипалатинскъ.

Въ 1-й главѣ второй части сочинитель описываетъ геогно-

---

*) Копальское селеніе находится въ разстояніи около 200 верстъ къ СЗ. отъ китайскаго города Кульджы, главнаго мѣста въ Китайскомъ Туркестанѣ.

стическій составъ и наружный видъ пространства между Аягузскимъ Приказомъ и Копаломъ, и теплые минеральные ключи, находящіеся близъ Теплоключинскаго или Арасанскаго пикета. Слѣдуютъ, во второй главѣ, краткое описаніе Копальскаго поселенія, свѣдѣнія о составѣ и разныхъ племенахъ большой Орды Киргизъ-Кайсаковъ, геогностическій очеркъ мѣстности отъ Копала до рѣки Кашканталъ, описаніе пашень Копальскихъ казаковъ, и описаніе проѣзда до рѣки Караталъ. Въ главѣ 3-й помѣщены геогностическія наблюденія, произведенныя между рѣками Караталъ и Коксу, геогностическій очеркъ горъ, въ которыхъ находится проходъ Уйгенъ-Ташъ, также горъ отъ Уйгенъ-Таша до китайскаго пикета Бурогуджиръ. Въ этой же главѣ, какъ и во всѣхъ другихъ сообщаются многія географическія и другія свѣдѣнія.

Въ 4-й главѣ, въ которой сочинитель описываетъ слѣдованіе отряда чрезъ Уйгенъ-Ташъ, чрезъ рѣки Аганакотты и Коксу обратно въ Копальское селеніе, достойны особаго вниманія: наблюденія надъ температурою и сыростью воздуха въ Уйгенъ-Ташѣ и на рѣкѣ Аганакатты, описаніе теплаго минеральнаго ключа, находящагося на вершинахъ р. Чимильды-Карагай, и изслѣдованіе геогностическаго состава окрестностей Копальскаго селенія (стр. 71 до 114). Но еще большаго вниманія заслуживаютъ двѣ статьи, помѣщенныя въ концѣ второй части, первая подъ заглавіемъ: «Геогностическій очеркъ Семирѣчинскаго края и рудные признаки въ немъ находящіеся», вторая: «Общій взглядъ на восточную часть Киргизской степи». Къ геогностическому очерку приложены: Геогностическая карта Семирѣчинскаго края въ масштабѣ 10 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, опытъ геогностической карты всей восточной части Киргизской степи въ масштабѣ 20 верстъ въ англійскомъ дюймѣ, и геогностическіе размѣры, объясняющіе взаимныя отношенія встрѣчающихся въ Семирѣчинскомъ краѣ формацій и горныхъ породъ.

Представивъ содержаніе замѣчательной и полезной книги

г. Влангали, перехожу къ оцѣнкѣ ея достоинства. Изслѣдованія и наблюденія въ ней заключающіяся, произведены добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Если географическіе отдѣлы этого сочиненія составляютъ важное къ нему дополненіе, весьма любопытное для всѣхъ, желающихъ ближе ознакомиться съ этою частью Азіи, то главное достоинство заключается въ геогностическихъ свѣдѣніяхъ и въ приложенныхъ къ нимъ картахъ и разрѣзахъ. Это трудъ самостоятельный и не смотря на его неполноту, весьма полезный и заслуживающій полнаго признанія потому, что даетъ намъ ясное понятіе о краѣ, который въ новѣйшее время, въ слѣдствіе заключенія торговыхъ договоровъ съ Китайскимъ Правительствомъ, получилъ для Россіи новое и весьма важное значеніе; для подтвержденія сказаннаго здѣсь, достаточно привести, что Семирѣчинскій край граничитъ съ тою частью Китайскаго Туркестана, въ которой находится главный его городъ Кульджа (Или-тожъ). Копальское же укрѣпленіе выстроено въ разстояніи только двухъ сотъ съ небольшимъ верстъ отъ Кульджи. Если ко всему этому присовокупить, что путешествіе г. Влангаля было сопряжено съ немалыми трудностями и многими лишеніями, о которыхъ онъ впрочемъ умалчиваетъ, то я себя считаю въ полномъ правѣ предложить сочиненіе это къ увѣнчанію половинною преміею, при чемъ могу тѣмъ болѣе полагаться на согласіе Академіи, что подобныя сочиненія всегда удостоивались полнаго ея вниманія и признанія.

РАЗБОРЪ

сочиненія

профессора турецкаго языка при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ

БЕРЕЗИНА,

подъ заглавіемъ:

RECHERCHES SUR LES DIALECTES PERSANS.

Казань. 1853 г. 8.

составленный

академикомъ **Дорномъ**.

Хотя мнѣніе г. Березина (Предисловіе стр. 2), что только съ помощью собранія словъ (еще поныне существующихъ) нарѣчій персидскаго языка можно будетъ снова оживить древній языкъ Ахеменидовъ, лишь отчасти справедливо, однакоже вѣрно то, что эти нарѣчія сами по себѣ весьма важны *для* глубочайшаго изученія иранскаго семейства языковъ. Они отчасти, какъ я полагаю, вопреки мнѣнію другихъ, не должны быть принимаемы за одни только испорченные ублюдки нынѣшняго персидскаго языка, а напротивъ того очевидно что они, какъ напр. мазандеранское, табаристанское и гилеки существовали уже и прежде, и въ слѣдствіе того нерѣдко ближе подходятъ въ своихъ формахъ къ древнему пеглеви и парси, чѣмъ новоперсидскій языкъ. Къ такимъ-то формамъ словъ должно отнести число ويست *(wist)* двадцать, вмѣсто нынѣшняго بيست *(bist)*, которое уже попадается на монетахъ Сасанидовъ; употребленіе و *(в)* вмѣсто ب *(б)*, было, какъ видно изъ зенда, пеглеви и санскрита, въ большей части случаевъ первобытнѣе, чѣмъ новоперсидское ب *(б)*. Показывая намъ персидскій языкъ въ разныхъ его явленіяхъ, они дозволяютъ намъ бросить глубокій взглядъ на степени его развитія. Къ этому ученому ихъ значенію еще присоединяется *для* Россіи важность ихъ въ политическомъ отношеніи, потому что они, какъ напр. тати, талышъ и гилеки болѣе или менѣе употребительные въ такихъ полосахъ земли, которые подвластны Россіи, или граничатъ съ русскими владѣніями. Если эти нарѣчія не пользовались уже прежде ближайшимъ изслѣдованіемъ и обработкою, то

этому причиною было самое время. Страны, въ которыхъ они водятся, были менѣе доступны; попадавшіеся туда путешественники или не были филологами, а посему чуждались лингвистическихъ изслѣдованій, или же считали такія мнимо-искаженныя нарѣчія слишкомъ неважными, чтобы удостоиться особой обработки: важность такихъ лингвистическихъ изслѣдованій еще не была дознана. Это нынѣ измѣнилось къ лучшему и мы именно можемъ сказать, что часть этихъ нарѣчій впервые обратила на себя вниманіе такихъ мужей, которые или принадлежали къ самой Россіи или состояли съ нею въ ближайшей связи, какъ-то Гмелинъ, Эйхвальдъ, Ходзько. А именно послѣдній въ своемъ сочиненіи: Specimens of the popular poetry of Persia etc. London 1842, сообщилъ весьма цѣнныя грамматическія и лексикальныя замѣчанія о талишѣ, гилеки и мазандеранскомъ вмѣстѣ съ краткими текстами.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ двое питомцевъ Казанскаго Университета *Диттель* и *Березинъ* предприняли путешествіе на востокъ съ цѣлью дальнѣйшаго своего усовершенствованія, то одною изъ ихъ задачъ было ближайшее изученіе нарѣчій персидскаго языка. Оба юные оріенталиста исполнили возложенное на нихъ порученіе достохвальнымъ образомъ. Труды Диттеля, который, какъ извѣстно, былъ похищенъ преждевременною смертью, отчасти находятся въ азіатскомъ музеумѣ Академіи и заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя сообщенія о талишѣ, гилеки и мазандеранскомъ. Г. Березинъ же выступаетъ въ предлежащемъ сочиненіи передъ ученымъ свѣтомъ результатами своихъ относительныхъ разысканій. Они объемлютъ собою тати, талишъ, гилеки, мазандеранское, гебри и курдское нарѣчія. Онъ пользовался при этомъ, хотя и не съ такою полнотою, какъ было бы желательно, также работами своихъ предшественниковъ: Гмелина, Эйхвальда, коихъ сочиненій впрочемъ несправедливо ближе не указываетъ, — Ходзько, Гарцони и другихъ; но только нельзя не сожалѣть, что онъ, по видимому, еще не былъ знакомъ съ изслѣдованіями

Потта и Рёдигера, относительно послѣдняго изъ вышеназванныхъ языковъ; по крайней мѣрѣ онъ нигдѣ не упоминаетъ объ нихъ. О каждомъ изъ вышеприведенныхъ нарѣчій г. Березинъ сообщилъ столько, что мы можемъ составить себѣ предварительное понятіе о ихъ строеніи и ему во всякомъ случаѣ принадлежитъ заслуга сооруженія перваго станка для грамматикъ нарѣчій тати, талиша, гилеки, мазандеранскаго и гебри. Конечно я не вездѣ могу согласиться съ его показаніями, а еще менѣе съ образомъ обработки цѣлаго: я желалъ сплошь болѣе основательности и осмотрительности. Авторъ, судя по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ не весьма явственнымъ выраженіямъ, исходитъ отъ того предположенія, что сказанныя нарѣчія суть большею частью не что иное, какъ испорченныя отрасли персидскаго языка и сдѣлались таковыми именно въ слѣдствіе измѣненія и обмѣна употребительныхъ въ немъ буквъ и формъ, мнѣніе, котораго отнюдь нельзя поддержать. Мнимое измѣненіе въ буквахъ и формахъ словъ напротивъ того оказывается въ большей части случаевъ первоначальнымъ ихъ видомъ, хотя и отступающимъ отъ новоперсидскаго; напр. کسپن *(гуспен)* вмѣсто کسفند *(гусфендъ)*; او *(у)* вмѣсто آب *(āб)*, ويشه *(вишегъ)* вмѣсто بيشه *(бишегъ)* и т. д., какъ то уже явствуетъ изъ сличенія съ подобными же словами на санскритѣ, зендѣ, парси и т. д. А посему я вмѣсто безпрестанно повторяющагося: *la lettre... se change en...* сказалъ бы, что вмѣсто употребительной на новоперсидскомъ буквы употребляется такая-то. Что талишское слово *var* вѣтръ (стр. 6), если это не есть ошибка вмѣсто *wad*, въ слѣдствіе таковыхъ-то мнимыхъ измѣненій, есть только искаженная форма вмѣсто باد *bād*, въ этомъ я очень сомнѣваюсь. И не состоитъ ли изъявленный здѣсь гипотезъ на счетъ перемѣны буквъ въ противорѣчіи съ вышеприведеннымъ нами изъ предисловія книги утвержденіемъ, что именно измѣненныя такимъ образомъ слова должны служить къ оживленію вновь древняго языка Ахеменидовъ? Впрочемъ это мнѣніе относи-

тельно измѣненія буквъ въ персидскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ и въ новѣйшихъ персидскихъ грамматикахъ, хотя его можно подтвердить доводами изъ писателей только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и оно вообще обязано своимъ происхожденіемъ только поверхностному объясненію сюда относящихся показаній восточныхъ лексикографовъ и грамматиковъ. Чтобы ک *(к)* измѣнялось въ و *(в)* едва ли вѣроятно; приведенное стран. 57 وشدن *(вашаден)* вмѣсто кушаденъ, кажется, не что иное какъ واشدن *(вашуден)*. Столь же мало я могу согласиться съ тѣмъ, чтобы въ словѣ ورک, *вуркъ* стр. 77 و *(в)* стояло вмѣсто *к* и чтобы это самое слово произошло изъ персидскаго *гургъ*, волкъ; мы находимъ *в* даже въ нѣмецкомъ *Wolf*, въ славянскомъ *волкъ* и т. д. Что на стр. 79 *zou* (رو) есть только опечатка вмѣсто *ru*, это я готовъ уступить; но опечатокъ вообще попадается не малое число, какъ напр. стр. 72 *La deluge* вмѣсто *Le deluge*. Выраженіе (на стр. 79): *L'article est persan à la fin des mots* не ясно; приведенный въ мазандеранскомъ склоненіи стр. 80 дательный падежъ شاه *шахъ* невѣренъ; должно быть شاهه

или по крайней мѣрѣ شاهٔ *шахе*. Старинною формою мазандеранскаго множественнаго числа, какъ и другихъ, оканчивающихся на ان *(ан)* словъ, было, кажется, ون *(унъ)*; г-нъ же Березинъ безпрестанно приводитъ вмѣсто этого ان *(ан)*, хотя и произноситъ это окончаніе *ун*, и, придерживаясь этого правила, не опускаетъ замѣчать тамъ, гдѣ попадается *ун*, что слѣдовало бы писать *ан*. Показанію нынѣшнихъ мазандеранцевъ, на которое въ этомъ отношеніи могъ бы сослаться г. Березинъ, нельзя придать слишкомъ большаго вѣса: оно прекословитъ извѣстнымъ мнѣ сюда относящимся текстамъ. По этому-то на стр. 65 ارزون арзунъ, совершенно вѣрно и не должно быть измѣнено въ ارزان арзанъ, по замѣчанію г. Березина. Вѣрна ли на стр. 83 форма شر (шеръ) même, этого я сказать не могу; однако сомнѣваюсь въ томъ, но форма شه *шехъ* безспорно вѣрна. Если далѣе авторъ стр. 60 — 63 почти несмѣтно замѣ-

чаетъ, что конечная буква ر *(r)*, должно писать ره *(reh)*, то это замѣчаніе подлежитъ нѣкоторому ограниченію. Полная форма ره *(reh)* есть, правда, первобытная, но такъ же какъ въ афганистанскомъ, въ подобныхъ случаяхъ опущено, т. е. не пишется конечное придыханіе *h*, а равно и въ мазандеранскомъ; выговоръ же все остается *pe*. Вмѣсто مردنو (мердену) на стр. 61 вѣроятно слѣдуетъ читать مردون (мердунъ), а вмѣсто *Dans le Iououmin* должно было бы перевести au milieu de la mer دریوکمیون (дерьюкміунъ). Тамъ же приведенное показаніе, что вмѣсто مدعار (муддаа̃ре) нужно будто бы (il faut) مدعی را мудда-а-pâ, не можетъ быть допущено; развѣ автору неизвѣстно, что въ извѣстныхъ случаяхъ конечное ی может измѣняться въ элифъ? По какой причинѣ онъ со стр. 67 вдругъ перестаетъ сообщать подлинные тексты, не понятно. Наконецъ г. Березинъ стр. 71 — 72 подъ статьею chants populaires mazanderans помѣщаетъ еще два двоестишія, означенныя у Захиръ-эддина табаристанскими, первое съ невѣрною орѳографіею и переводомъ, между тѣмъ какъ онъ вовсе оставляетъ безъ вниманія еще встрѣчающіяся у сказаннаго персидскаго историка объясненія мазандеранскихъ и таберистанскихъ словъ, а равно и подобные тексты.

Мы могли бы еще значительно увеличить число нашихъ уликъ и замѣтокъ, которыхъ можно было бы большею частью избѣгнуть болѣе основательною и осмотрительною обработкою даннаго матеріала; но я ограничусь вышеприведенными тѣмъ болѣе, что значимость ихъ оказалась бы въ надлежащемъ свѣтѣ только тогда, когда могли бы располагать болѣе полными и въ особенности болѣе достовѣрными пособіями, нежели нынѣ. Съ другой стороны я не могу не похвалить въ разбираемомъ мною сочиненіи, что оно сообщеніемъ значительнаго числа дотолѣ неизвѣстныхъ неправильныхъ глаголовъ языка гилеки (стр. 70 — 73) и мазандеранскаго, разныхъ поучительныхъ свѣдѣній о языкѣ гебри, разговоровъ на разныхъ нарѣчіяхъ мазандеранскаго текста (стр. 76 — 79) и другихъ замѣтокъ,

доставило новый матеріалъ для новѣйшей разработки, а слѣдовательно и къ ближайшему познанію сказанныхъ языковъ и, какъ уже выше было упомянуто, пріобрѣло себѣ заслугу быть первою попыткою грамматической и лексикальной ихъ обработки, за исключеніемъ курдскаго. И какъ г. Березинъ также сверхъ того оказываетъ рачительное прилежаніе и весьма достохвальную дѣятельность на поприщѣ восточной литературы и заслуживаетъ тѣмъ поощренія, то все это вмѣстѣ взятое, даетъ ему право на удостоеніе со стороны Академіи половинною демидовскою преміею.

РАЗБОРЪ

сочиненія

флота-лейтенанта В. ШУЛЬЦА

подъ заглавіемъ:

СЛОВАРЬ

МОРСКИХЪ СЛОВЪ И РѢЧЕНІЙ

ПАРУСНАГО И ПАРОХОДНАГО ФЛОТА.

часть французская.

С. Петербургъ, 1853 года. 8.

составленный

капитаномъ 1-го ранга Зеленымъ 2.

Морское искусство въ нашемъ отечествѣ съ самаго начала учрежденія флота, постоянно развиваясь, стремилось къ усовершенствованію и тотчасъ усвоивало себѣ всѣ изобрѣтенія и усовершенствованія, сдѣланныя въ другихъ флотахъ, старѣйшихъ нашего, какъ по времени учрежденія, такъ и по матеріальному превосходству. Но чтобы слѣдить за всѣми усовершенствованіями и изобрѣтеніями въ иностранныхъ флотахъ, и такимъ образомъ изучать морское искусство во всей его полнотѣ, въ теоретическомъ и въ практическомъ отношеніяхъ, необходимы многоразличныя пособія. Въ числѣ однихъ изъ важныхъ пособій стоятъ иностранные морскіе словари съ объясненіемъ на русскомъ языкѣ. До сихъ поръ у насъ было два такіе словаря: Треязычный Морской Словарь на англійскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ, изданный Адмираломъ *Шишковымъ* 1795 года и Словарь морскихъ словъ и рѣченій съ англійскаго на французскій и русскій языки, составленный *Бутаковымъ* 1837 года. Оба эти словаря, принесшіе въ свое время большую пользу нашему флоту, не достигаютъ своего назначенія при теперешнемъ состояніи морскаго искусства и особенно когда такъ сильно развивается пароходство. Въ упомянутыхъ словаряхъ вовсе нѣтъ пароходныхъ словъ.

Словарь морскихъ словъ и рѣченій парусназо и пароходнаю флота, составленный *В. Шульцомъ* и одобренный Морскимъ Ученымъ Комитетомъ, заключаетъ въ себѣ до семи тысячъ словъ и рѣченій. Основаніемъ трехлѣтнему постоянному труду

г. Шульца служилъ лучшій и новѣйшій словарь парусного и пароходнаго флотовъ гг. Бонефу и Пари (Dictionnaire de marine à voiles et à vapeur par MM. Le Baron de Bonnefoux et Paris). Для перевода на англійскій языкъ служили ему извѣстные англійскіе морскіе словари гг. Фалконера и Юнга. Что же касается до перевода на русскій языкъ, то онъ не имѣлъ непосредственныхъ матеріаловъ, а долженъ былъ извлекать и собирать изъ книгъ, изданныхъ по разнымъ частямъ морскаго искусства и распросами у спеціальныхъ людей, что конечно сопряжено съ большими трудностями. И въ этомъ отношеніи г. Шульцъ достигъ возможнаго совершенства, въ чемъ можно убѣдиться какъ тщательнымъ разборомъ словаря, такъ и познаніями и опытностію извѣстныхъ въ морской ученой литературѣ лицъ, о которыхъ упомянуто въ предисловіи словаря, разсматривавшихъ словарь г. Шульца еще въ рукописи. Не говоря уже о пользѣ, которую сочиненіе это вообще принесетъ всѣмъ занимающимся морскимъ дѣломъ и чтеніемъ иностранныхъ морскихъ книгъ, главная польза, принесенная г. Шульцомъ, есть помѣщеніе *пароходной терминологіи*, которая въ первый разъ появляется въ русской книгѣ. Эта часть словаря тщательно обработана; каждое пароходное слово точно объяснено и сдѣлано указаніе на чертежъ пароходной балансирной машины. Точно также при каждомъ словѣ, означающемъ какую либо вещь, входящую въ оснастку корабля сдѣлано указаніе на два чертежа корабля въ полномъ вооруженіи; такъ что при такомъ способѣ поясненія словарь г. Шульца можетъ служить и для людей мало знакомыхъ съ морскимъ и пароходнымъ дѣломъ. О полнотѣ словаря г. Шульца можно судить не только по числу словъ и рѣченій въ него входящихъ, но и потому, что въ него внесены и такія слова, которыя хотя и не морскія, однако въ соединеніи съ другими словами означаютъ нѣсколько различныхъ значеній, совершенно отличныхъ отъ значенія въ общемъ языкѣ, такъ напримѣръ Aller, Faire, Faux, Fermer, Pattes, Rentrer и проч. Помѣщены старинныя, мѣстныя и галерныя

слова съ краткимъ объясненіемъ, чѣмъ г. Шульцъ оказалъ большую услугу всѣмъ имѣющимъ надобность заниматься чтеніемъ старинныхъ книгъ, что необходимо при историческихъ розысканіяхъ. Къ книгѣ приложено три чертежа: 1. Рангоута и стоячаго такелажа 84 пушечнаго корабля. 2. Парусовъ и бѣгучаго такелажа 84 пушечнаго корабля. 3. Пароходной паровой машины съ балансирами и пароваго задвижнаго золотника. При нихъ находится таблица на французскомъ языкѣ, объясняющая всѣ предметы, входящіе въ составъ чертежей, и показаны страницы, на которыхъ находятся эти слова въ словарѣ. Жаль, что въ таблицахъ не помѣщено перевода этихъ словъ на русскій языкъ, тогда для пріискиванія значенія предмета, представленнаго на чертежѣ на русскомъ языкѣ, не нужно было бы искать перевода въ самомъ словарѣ. Въ заключеніе должно отдать полную справедливость г. Шульцу и относительно исправнаго изданія; словарь напечатанъ изящно, чисто, прекраснымъ шрифтомъ и въ форматѣ весьма удобномъ для употребленія; опечатокъ весьма мало и тѣ незначительны, что также составляетъ не малое достоинство словаря.

Показавъ достоинства словаря морскихъ словъ и рѣченій, считаю пріятною обязанностію сказать, что этотъ трудъ приноситъ много чести трудолюбію и познаніямъ г. Шульца, какъ по пользѣ, которую принесетъ его словарь, такъ и потому, что составляетъ единственную въ этомъ родѣ книгу на русскомъ языкѣ. И по моему мнѣнію словарь морскихъ словъ и рѣченій вполнѣ достоинъ Демидовской преміи. Если Императорская Академія Наукъ удостоитъ словарь г. Шульца этой чести, то она воздастъ этимъ присужденіемъ заслуженную награду и поощритъ г. Шульца продолжать свои занятія на пользу Русскаго Флота и всѣхъ занимающихся морскимъ дѣломъ и морскою литературою.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ

учрежденныхъ

П. Н. ДЕМИДОВЫМЪ

НАГРАДЪ.

28 Мая 1855 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1855.

Издано по опредѣленію Императорской Академіи Наукъ. 20 Декабря 1855 года.

Непремѣнный Секретарь *А. Миддендорфъ.*

ОБЩІЙ ОТЧЕТЪ

о

двадцать четвертомъ присужденіи

ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ,

читанный

въ публичномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

Г. непремѣннымъ секретаремъ

Академикомъ А. Ѳ. Миддендорфомъ.

28 Мая 1855 года.

На соисканіе Демидовскихъ наградъ, въ 1854 году, представлено было отъ самихъ авторовъ 24 сочиненія, внесено Академиками одно, и наконецъ принято изъ отложенныхъ отъ послѣдняго конкурса 3; такимъ образомъ на нынѣшній 24-й конкурсъ явилось всего 28 сочиненій.

Нельзя не остановить вниманія на томъ, что эта цифра совершенно соотвѣтствуетъ среднему числу сочиненій, ежегодно являющихся на состязаніе для полученія Демидовскихъ премій; это обстоятельство очевидно свидѣтельствуетъ о томъ, что неимовѣрныя напряженія, съ которыми соединенныя силы враговъ устремились на предѣлы нашего отечества, оказались безсильными для нарушенія умственнаго спокойствія сѣвернаго исполина. И среди тревоги бранной, Россія, какъ мы видимъ, по прежнему безостановочно продолжала дѣло умственнаго развитія своего; по прежнему трудилась на поприщѣ ученой дѣятельности, для преуспѣянія коей спокойствіе духа столь необходимо.

Если исключить четыре первыхъ года существованія учрежденія, о послѣднемъ годѣ коего мы сегодня должны представить отчетъ, то въ числѣ ежегодно поступавшихъ на состязаніе сочиненій, въ остальные за тѣмъ годы, вообще говоря, не замѣтно возрастанія. Въ теченіе 20 лѣтъ количество ихъ, безъ слишкомъ значительныхъ колебаній, вращается около 28.

Это постоянство, въ такомъ дѣлѣ въ которомъ по-видимому

столь многое зависитъ отъ различныхъ случайностей, по истинѣ поразительно! Оно напоминаетъ собою тѣ замѣчательные выводы, обнаруженные изысканіями новѣйшей статистики, что и самыя проявленія духа человѣческаго подчинены едва объяснимому для насъ закону правильной послѣдовательности и равномѣрности. Наука непрерывно изумляетъ мыслителя новыми откровеніями Высшаго разума, котораго всемогущество и премудрость обнаруживаются въ самомалѣйшихъ по видимому проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. Одно только неразуміе могло видѣть въ этихъ откровеніяхъ какое-то дерзновенное посягательство науки: они, напротивъ того, ясно указываютъ, что премудрость Всевышняго неизмѣнно управляетъ нашими мыслями и дѣйствіями, даже и тогда, когда мы, въ своей гордости, считаемъ себя наиболѣе самостоятельными.

Во всякомъ случаѣ невѣрно было предположеніе, что возрастаніе умственной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ будетъ обнаруживаться умноженіемъ числа сочиненій, ежегодно являющихся на соисканіе Демидовскихъ премій. Число это остается почти одно и тоже; но нельзя не замѣтить, что внутреннее ихъ достоинство вообще постепенно возвышается. Этому обстоятельству и должно приписать, что по нынѣшнему конкурсу, кромѣ 7 твореній, увѣнчанныхъ преміями, 6 другихъ удостоены почетныхъ отзывовъ, за неимѣніемъ достаточнаго количества премій. Черезъ такое присужденіе почетныхъ отзывовъ, интересующіеся успѣхами наукъ выигрываютъ то, что рецензіи сочиненій, удостоенныхъ сего отличія, дѣлаются извѣстными посредствомъ печати, тогда какъ разборы, на долю которыхъ досталась печальная обязанность осужденія, не обнародываются, хотя они, сами по себѣ, часто имѣютъ несомнѣнное ученое достоинство, стоили составителямъ не малаго труда и могли бы имѣть интересъ для занимающихся науками.

Сочиненія, удостоившіяся премій по 24 конкурсу, относятся къ области механики, теоретической и прикладной физики и химіи, палеонтологической ботаники, этнографіи, во-

сточной лингвистики, исторіи, географіи, политической экономіи и законовѣдѣнія. Военныя науки, имѣвшія на прежнихъ конкурсахъ почти постоянно своихъ представителей и являвшіяся почти столь же часто, какъ географія и статистика, нынѣ не явились; но это понятно: онѣ дѣйствуютъ теперь не перомъ, а мечемъ; онѣ въ настоящее время вписываютъ не чернилами, а кровью, безсмертныя строки въ скрижали исторіи.

I.

Первостепенную премію получило на нынѣшій разъ одно сочиненіе, которое удовлетворитъ весьма ощутительной современной потребности. Академія не безъ удовольствія воспользовалась случаемъ, который позволилъ ей, посредствомъ поощренія, присужденнаго такому сочиненію, оказать несомнѣнную пользу существеннымъ интересамъ страны. Россія, какъ обширнѣйшее государство, отличается отъ остальной Европы — въ естественно-историческомъ, географическомъ и слѣдовательно экономическомъ отношеніяхъ — континентальнымъ своимъ характеромъ, который въ настоящее время, когда морскіе наши пути заграждены, выказывается еще разительнѣе. Поэтому облегченіе внутреннихъ сообщеній составляетъ несомнѣнно одну изъ главныхъ нашихъ потребностей, а отсюда сама собою понятна современная важность сочиненій, содержащихъ въ себѣ плоды основательныхъ теоретическихъ и практическихъ познаній по этой части, и притомъ тѣмъ болѣе должны мы съ признательностію встрѣчать каждое сколько нибудь выдающееся на этомъ поприщѣ литературы явленіе, что число ихъ у насъ еще не очень значительно.

Такимъ явленіемъ нельзя не признать сочиненіе, бо̀льшею частію рукописное, г. инженеръ-подполковника Журавскаго, подъ заглавіемъ:

«О мостахъ по системѣ Гау» (How).

Академія просила одного изъ самыхъ заслуженныхъ у насъ знатоковъ инженерно-строительной части, почетнаго члена сво-

его, г. инженеръ-генерала М. Г. Дестрема, принять на себя оцѣнку этого труда, и онъ представилъ намъ подробный разборъ, изъ котораго оказывается слѣдующее:

Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ въ 1-й авторъ излагаетъ результаты изслѣдованій системы Гау, примѣненной къ мостамъ С. Петербурго-Московской желѣзной дороги; а во 2-й разсуждаетъ о прочномъ сопротивленіи матеріаловъ, употребляемыхъ въ частяхъ фермъ моста, по той же самой системѣ.

Въ составъ первой части входятъ изслѣдованія о фермахъ мостовъ; о томъ вліяніи, какое имѣютъ на напряженіе частей фермы придаваемый ей подъемъ, и осадка отъ поѣздовъ, которая по С. Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ въ мостахъ въ 15 сажень отверстія, при движеніи поѣзда не превышаетъ $\frac{1}{2}$ дюйма; далѣе говорится о предварительномъ натягиваніи болтовъ, о фермахъ съ однимъ, съ двумя, тремя и пятью пресѣченіями крестовинъ и о фермахъ въ нѣсколько пролетовъ.

По отзыву г. рецензента, всѣ эти статьи, и въ особенности вопросы относительно послѣдней изъ нихъ, весьма важные въ теоріи мостовъ по системѣ Гау, авторъ обработалъ самымъ полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ.

Вторая часть посвящена разсмотрѣнію слѣдующихъ двухъ главныхъ вопросовъ:

1. Опредѣлить прочное сопротивленіе составныхъ брусьевъ или поясовъ фермъ, какой бы то ни было системы, принявъ въ соображеніе расположеніе стыковъ, качество матеріаловъ, форму и размѣры составныхъ частей поясовъ фермы, и величину силъ, производящихъ раздвиженіе въ сращиваніяхъ.

2. Опредѣлить прочное сопротивленіе бруса, подверженнаго силѣ перпендикулярной къ его длинѣ, принявъ въ соображеніе раскалывающую силу, т. е. производящую разложеніе вдоль фибровъ, отъ дѣйствія сгибающей силы.

Оба эти вопроса авторъ разрѣшилъ, основываясь на новой мысли, и выведенныя при этомъ случаѣ формулы, а равно при-

ложенія ихъ, привели его къ весьма любопытнымъ и полезнымъ заключеніямъ, и между прочимъ къ повѣркѣ относительныхъ достоинствъ и недостатковъ въ разныхъ иностранныхъ способахъ постройки и къ введенію нѣкоторыхъ усовершенствованій, польза которыхъ уже оправдалась на самомъ опытѣ.

Но не довольствуясь разрѣшеніемъ вопросовъ, относящихся къ проэктированію и построенію американскихъ мостовъ системы Гау, авторъ, по свидѣтельству рецензента, сообщаетъ въ своемъ трудѣ также много практическихъ данныхъ, весьма полезныхъ для инженеровъ-строителей, и заслуживающихъ полное довѣріе потому, что они извлечены изъ опыта постройки одного изъ важнѣйшихъ мостовъ С. Петербурго-Московской желѣзной дороги, — чрезъ Веребьинскій оврагъ, — сооруженіемъ котораго г. Журавскій самъ завѣдывалъ отъ начала до конца.

Въ заключеніе ученый рецензентъ такъ оканчиваетъ разборъ свой: «долгомъ считаю отдать полную справедливость отличнымъ познаніямъ г. подполковника Журавскаго. Трудъ его доказываетъ, по мнѣнію моему, необыкновенную ловкость въ аналитическихъ пріемахъ и въ приложеніи положительныхъ наукъ къ строительному искуству.

«По заключающимся же въ немъ выводамъ и формуламъ, сочиненіе это безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми записками и изслѣдованіями о выгодахъ и недостаткахъ мостовъ системы Гау, и, что еще важнѣе, оно обнаружило ошибочность нѣкоторыхъ изъ заключеній извѣстнаго ученаго, Навье, принятіе которыхъ за правильныя могло бы имѣть послѣдствіемъ поврежденіе, и даже разрушеніе самыхъ фермъ и составныхъ брусьевъ.

«Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы разсмотрѣнное мною сочиненіе, стоившее автору многолѣтнихъ трудовъ и постоянныхъ наблюденій, для удачнаго разрѣшенія трудныхъ вопросовъ по предмету новому и крайне интересному для стро-

ителей — обратило на себя вниманіе Императорской Академіи Наукъ».

Въ доставленномъ впослѣдствіи дополненіи къ своему разбору, тотъ же самый рецензентъ присовокупляетъ: «что сдѣланныя авторомъ выкладки прилагаются не только къ мостамъ по системѣ Гау, но и ко всѣмъ вообще раскосной системы, деревяннымъ или желѣзнымъ, каковые мосты играютъ весьма важную роль при построеніи новѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ у насъ, въ Россіи, такъ и за границею, и что составленная г. Журавскимъ теорія была имъ изложена прежде, нежели гдѣ нибудь былъ напечатанъ разборъ раскосной системы, и до сихъ поръ самый разборъ нигдѣ не былъ сдѣланъ столь полно и удовлетворительно, какъ въ упомянутомъ сочиненіи».

Столь лестный отзывъ, изъ устъ такого извѣстнаго знатока дѣла, каковъ г. рецензентъ, а равно и мнѣніе члена Академіи г. Чебышева, разсмотрѣвшаго математическую часть этого сочиненія, послужили для Академіи основаніемъ для присужденія г. Журавскому полной преміи. Сверхъ того Академія единогласно опредѣлила выдать автору денежное пособіе къ изданію его сочиненія и особенно многочисленныхъ, приложенныхъ къ оному, рисунковъ.

II.

Исторія не перестаетъ быть однимъ изъ любимыхъ предметовъ занятія отечественныхъ ученыхъ. Академія уже неоднократно имѣла случай отличать преміями изслѣдованія по этой отрасли наукъ, и въ нынѣшній разъ она нашла достойнымъ увѣнчанія сочиненіе по части исторіи Лифляндіи, первоначальная исторія которой вообще столь тѣсно связана съ исторіею Русскою.

Печатное сочиненіе, получившее вторую премію конкурса, первую въ ряду половинныхъ, носитъ заглавіе:

«Liv-Esth-und-Curländisches Urkundenbuch» и пр., т. е. «Собраніе Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ грамотъ, съ

хронологическимъ перечнемъ событій. Издалъ Фридрихъ Георгъ фонъ-Бунге».

О происхожденіи и значеніи онаго, экстраординарный академикъ Куникъ въ своемъ разборѣ выразился слѣдующимъ образомъ:

«Исторія Лифляндіи много была воздѣлываема въ послѣднія десятилѣтія; но разработка обращалась болѣе на отдѣльныя ея части, чѣмъ на цѣлую совокупность внѣшней или внутренней исторіи, во всемъ ея объемѣ. Это ограниченіе допущено лифляндскими историками не безъ умысла: они поняли, что всего прежде нужно сдѣлать доступными источники, очистить ихъ критикою, и вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснить посредствомъ монографій нѣкоторыя темныя стороны, чтобы такимъ образомъ подготовить настоящую исторію Лифляндіи, которая доселѣ была дѣйствительно еще не возможною, если разумѣть подъ исторіей нѣчто большее, чѣмъ одинъ только общій ея очеркъ».

«Можетъ быть намъ не долго придется ждать обстоятельной исторіи Лифляндіи и связанныхъ съ нею провинцій Эстляндіи и Курляндіи. По крайней мѣрѣ нужные для того источники въ послѣднія 20 лѣтъ почти удвоились, полагая въ томъ числѣ и грамоты, которыя нынѣ уже стало возможнымъ обозрѣть въ цѣломъ ихъ объемѣ и оцѣнить по внутреннему ихъ значенію. Пріобрѣтеніемъ этого рода источниковъ историческая литература особенно обязана двумъ ученымъ, г. Напьерскому въ Ригѣ, и г. Бунге въ Ревелѣ.

«Георгъ фонъ-Бунге, нынѣ бургомистръ города Ревеля, до 1843 года былъ профессоромъ Лифляндскаго областнаго права при Императорскомъ Дерптскомъ Университетѣ. Какъ юристъ по своимъ спеціальнымъ занятіямъ, онъ старался собирать, издавать и пояснять источники Лифляндскаго права, имѣя въ виду составить подробную исторію мѣстнаго права остзейскаго края.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ представилъ намъ свое введеніе въ исторію остзейскаго права — сочиненіе, всѣми уважаемое, которое однакожъ не было тогда увѣнчано преміею,

отчасти по тому что ограничивалось одною только областью, отчасти же потому, что этобыло лишь введеніе, а не самая исторія. На нынѣшній же конкурсъ онъ представилъ сочиненіе, имѣющее болѣе общій интересъ».

«Какъ историкъ права, г. Бунге не могъ не замѣтить, что собраніе Лифляндскихъ грамотъ, изданныхъ и неизданныхъ, составляетъ настоятельную потребность. Потому онъ уже въ 1828 году возъимѣлъ намѣреніе составить такое собраніе и тогда же началъ предварительныя, на этотъ конецъ, работы. Грамотъ тогда было издано еще весьма немного; вскорѣ онѣ, и въ томъ числѣ очень важныя, стали довольно часто появляться въ печати, но бо̀льшею частію порознь, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Къ тому же г. Бунге имѣлъ случай пріобрѣсть нѣсколько собраній, начатыхъ другими, вслѣдствіе чего онъ вошелъ въ сношеніе съ иногородными и иностранными учеными, и получилъ доступъ къ разнымъ городскимъ и частнымъ архивамъ въ остзейскомъ краѣ, которыми до тѣхъ поръ мало кто пользовался, или вовсе никто не пользовался. Особенно же обильное приращеніе, получило его собраніе по переселеніи его, въ 1843 г., въ Ревель, гдѣ для него сдѣлались доступными архивы Эстляндскаго дворянства и Ревельскаго магистрата. Не мало также доставлено ему грамотъ учеными друзьями изъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ архивовъ, въ томъ числѣ изъ Литовской метрики. Нѣкоторыя грамоты, напечатанныя прежде съ ошибками, исправлены имъ по подлинникамъ.

«Конечно, иные, и притомъ немаловажные, памятники, даже въ самомъ остзейскомъ краѣ, еще остались для г. Бунге недоступными; но ему надобно же было наконецъ приступить къ изданію своего богатаго собранія, которое въ настоящемъ объемѣ должно наполнить собою болѣе пяти томовъ. Первая часть, содержащая въ себѣ грамоты съ XI до начала XIV вѣка, отпечатана еще въ 1853 году; нынѣ вышла вторая часть.

«Но изданіе въ свѣтъ однихъ текстовъ грамотъ, какъ бы оно ни было полезно, еще не даетъ права на полученіе Деми-

довской премiи. Для этого требуется собственныхъ изслѣдованiй автора, изслѣдованiй, проливающихъ свѣтъ на самые тексты. Цѣлью г. Бунге не было написать коментарiи къ изданному имъ собранiю грамотъ, хотя онъ, за исключенiемъ г. Напьерскаго, конечно способнѣе къ тому всякаго другаго. Въ замѣнъ того онъ составилъ перечень событiй, упомянутыхъ въ 603 грамотахъ 1-й части. Этотъ перечень представляетъ собою нѣчто въ родѣ коментарiя, потому что авторъ, передавая, и часто весьма подробно, содержанiе грамотъ, старается болѣе или менѣе пояснять ихъ. Будучи не только историкомъ, но вмѣстѣ также юристомъ и административнымъ практикомъ, г. Бунге, при своемъ короткомъ знакомствѣ съ источниками Лифляндской исторiи и при долговременномъ изученiи грамотъ и всего объ нихъ писаннаго, могъ придать этому труду ученое достоинство. И дѣйствительно нельзя не признать вѣрности его взгляда на всѣ грамоты и правильности оцѣнки каждой изъ нихъ порознь, по историческому ея значенiю. Всякiй, кому доводилось пользоваться въ историческихъ разысканiяхъ такими подробными регестами, знаетъ какихъ трудовъ, какого постоянства занятiй и какой обширной начитанности требуетъ ихъ составленiе. Перечень г. Бунге уже прiобрѣлъ похвальные отзывы тѣхъ, которые имѣли случай съ нимъ ознакомиться.

«Можно бы конечно, по словамъ рецензента, индѣ желать еще большихъ пояснений, и между прочимъ болѣе частыхъ ссылокъ на Лифляндскiя и Русскiя лѣтописи и другiе источники; но это составило бы новый трудъ, который надолго замедлилъ бы осуществленiе настоящаго предпрiятiя.

«Особенное значенiе труда г. Бунге для Русской исторiи состоитъ не только въ томъ, что часть грамотъ и содержанiе перечня прямо касается Новгорода, Пскова, западной Руси и Литвы, но еще и въ томъ, что предлагаемыя здѣсь хронологическiя данныя, при помощи другихъ Лифляндскихъ источниковъ, служатъ къ возстановленiю хронографiи Литвы и сѣверо-западной Руси.

«Въ слѣдующихъ частяхъ собранія будетъ еще больше не изданныхъ грамотъ, чѣмъ въ первой, а въ числѣ ихъ должно быть больше и такихъ, которыя прямо относятся къ Россіи.

«По всѣмъ этимъ уваженіямъ нельзя не желать обширному предпріятію г. Бунге успѣшнаго продолженія; но какъ подобнаго рода изданіе не можетъ расчитывать на большое число подписчиковъ и средства автора, главнѣйше состоявшія изъ единовременныхъ пожертвованій частныхъ лицъ, истощились, то надобно опасаться, чтобы это не имѣло вреднаго вліянія на продолженіе изданія».

Принимая это въ расчетъ и ссылаясь на 10-й параграфъ положенія о Демидовскихъ наградахъ, гдѣ сказано: что книги на общеупотребительныхъ иностранныхъ языкахъ могутъ быть допускаемы къ конкурсу, когда заключаютъ въ себѣ изслѣдованіе о предметахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Россіи, и изученіе коихъ требовало постоянныхъ и долголѣтнихъ трудовъ, г. Куникъ предложилъ назначить автору премію.

Академія, соглаcясь съ этимъ мнѣніемъ, присудила г. Бунге поощрительную премію.

III.

Третье изъ увѣнчанныхъ сочиненій есть спеціальный трудъ по части русской палеонтологіи:

Palaeodendrologicum rossicum. Vergleichende anatomisch-mikroskopische Untersuchungen fossiler Hölzer aus Rußland. т. е. «Сравнительныя анатомическія и микроскопическія изслѣдованія ископаемыхъ въ Россіи деревъ»; рукопись съ атласомъ рисунковъ. Сочиненіе доктора Мерклина.

Какъ въ первобытномъ мірѣ, уже по причинѣ большаго изобилія водъ и вѣроятно высшей температуры земли, древесныя растенія должны были играть весьма важную роль, то эта часть палеонтологіи представляетъ пытливому уму особенную занимательность. У насъ уже первые ученые путешественники

по Россіи, Мессершмидтъ, Лепехинъ, Георги и Палласъ собирали нѣкоторыя свѣдѣнія объ ископаемомъ деревѣ; но опредѣленія ихъ были поверхностны и основаны на одной только наружной формѣ. Основательное изученіе началось лишь недавно, вмѣстѣ съ развитіемъ геогнозіи. Наибольшее количество этихъ остатковъ описано въ Пермской и каменноугольной почвахъ, между тѣмъ какъ въ новѣйшихъ отложеніяхъ число ихъ было очень скудно; особенно не было извѣстно ни одного вида лиственнаго дерева, опредѣленнаго на основаніи анатомическихъ признаковъ. Это самое отчасти и побудило автора предлежащаго сочиненія заняться вышесказаннымъ предметомъ.

Адъюнктъ Желѣзновъ, коему, вмѣстѣ съ академиками Абихомъ и Рупрехтомъ, былъ порученъ разборъ этого труда, отозвался о немъ слѣдующимъ образомъ:

«Сочинитель избралъ для своей дѣятельности довольно новое въ Россіи поприще, опредѣленіе такихъ ископаемыхъ растеній, въ которыхъ сохранились слѣды внутренняго устройства. Этотъ трудъ можетъ быть предпринятъ только при помощи тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій и основательнаго знанія анатоміи нынѣ живущихъ растеній, и потому отъ г. Мерклина можно было заранѣе ожидать удачнаго выполненія предпріятія, не только судя по прежнимъ его работамъ, но и по нахожденію его при Императорскомъ Ботаническомъ Садѣ, имѣющемъ прекрасное собраніе образцовъ разнаго рода деревъ.

«Эта работа представляла не малыя трудности. Такъ какъ относящіеся сюда остатки первобытной флоры состоятъ большею частію изъ обломковъ древесины, проникнутой твердыми минеральными веществами — кремнеземомъ и углекислою известью — то прежде всего нужно было подготовлять это дерево, а именно оттачивать осколки до той степени прозрачности, чтобы можно было надъ ними производить наблюденія. Работа столь копотливая и утомительная, что на опредѣленіе 22 видовъ дерева надобно было употребить около трехъ годовъ времени.

«Добытые изъ этихъ наблюденій выводы изложены такъ подробно и удовлетворительно, что всякій, занимающійся тѣмъ же предметомъ, будетъ имѣть вѣрное средство для сличенія и опредѣленія вновь находимыхъ окаменѣлостей того же рода.

«Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на пять главъ: въ первой онъ разсматриваетъ важность анатомическихъ изслѣдованій для опредѣленія какъ живыхъ, такъ и ископаемыхъ растеній; во второй указываетъ на трудности, встрѣчающіяся при соединеніи различныхъ видовъ въ роды, даже и живыхъ растеній, подлежащихъ изслѣдованію во всей ихъ полнотѣ, а тѣмъ болѣе ископаемыхъ, рѣдко находимыхъ въ цѣлости; въ третьей излагаетъ причины, по которымъ до сихъ поръ число видовъ ископаемаго дерева такъ незначительно, въ сравненіи съ огромною массою древесныхъ растеній первобытнаго міра; въ четвертой бросаетъ взглядъ на историческій ходъ развитія этой отрасли науки въ Россіи, и наконецъ, въ пятой, объясняетъ ходъ изслѣдованія ископаемаго дерева и способъ, обыкновенно употребляемый для приготовленія весьма тонкихъ и прозрачныхъ пластинокъ.

«Г. Мерклинъ приложилъ къ своему сочиненію многочисленные рисунки, которые онъ самъ сдѣлалъ при помощи новаго прибора Ноберта, и за точность которыхъ можно посему ручаться въ полной мѣрѣ.

«Главную часть труда составляетъ описаніе тѣхъ видовъ ископаемаго дерева, которые имѣлъ случай изслѣдовать авторъ. Изъ наблюденій своихъ онъ дѣлаетъ выводъ, что не только роды этихъ растеній, но и виды имѣютъ отличительные признаки въ микроскопическомъ строеніи, по которымъ безошибочно можно различать ихъ, хотя во многихъ случаяхъ это различіе трудно выразить словами, а тѣмъ болѣе стѣснить въ общеупотребительныя описательныя формы (діагнозы). Всѣ тонкости устройства вполнѣ можно передать только рисунками.

«Авторъ не преминулъ изучить литературу своего предмета. При опредѣленіи лиственныхъ породъ, почти единственнымъ источникомъ служили извѣстныя сочиненія Унгера. Число тамъ

описанныхъ видовъ простирается до 50-ти, но найденные въ Россіи, и въ первый разъ описанные авторомъ четыре вида не подходятъ ни подъ одинъ изъ опредѣленныхъ Унгеромъ, хотя и относятся къ извѣстнымъ уже родамъ. Эти виды составляютъ новое у насъ явленіе палеонтологіи.

Изъ описанныхъ 18 видовъ окаменѣлаго хвойнаго дерева, 5 причислены къ роду Pinites, 3 къ Araucarites, а остальные къ Cupressinoxylon. Эти роды также извѣстны; но виды, за исключеніемъ двухъ, опредѣлены вновь, и такимъ образомъ число извѣстныхъ на русской почвѣ ископаемыхъ хвойныхъ теперь удвоилось. Потомъ слѣдуетъ разсужденіе о большомъ родѣ Cupressinoxylon, который до сихъ поръ не былъ отличенъ съ достаточною опредѣлительностью отъ растѣній изъ отдѣла пихтовыхъ (abietineae).

Къ концу сочиненія приложенъ подробный списокъ всѣхъ, до сихъ поръ найденныхъ въ Россіи, ископаемыхъ растеній, числомъ 300 видовъ, расположенныхъ по естественной системѣ.

Указавъ за симъ на нѣкоторые недостатки сочиненія, впрочемъ отнюдь не умаляющіе его достоинства, г. Желѣзновъ заключаетъ свой разборъ слѣдующими словами:

«Это есть весьма отчетливая обработка лишь ограниченнаго по объему предмета; но такъ какъ исполненіе труда не оставляетъ почти ничего желать по тщательности и добросовѣстности изслѣдованій, то во всякомъ случаѣ авторъ заслуживаетъ особеннаго вниманія Академіи».

По отобраніи голосовъ, трудъ г. Мерклина оказался удостоеннымъ второй половинной преміи. Кромѣ того опредѣлено выдать автору особую сумму на изданіе его сочиненія, соразмѣрную съ стоимостью выполненія многочисленныхъ, приложенныхъ къ нему, рисунковъ.

IV.

Четвертое сочиненіе, пріобрѣвшее награду при нынѣшнемъ состязаніи, есть также специіальное; оно относится къ области

высшей физики, а именно къ электродинамикѣ, и имѣетъ заглавіе:

«О галванической проводимости жидкостей». Сочиненіе А. Савельева, доктора физики и профессора Императорскаго Казанскаго Университета.

Сколь ни велики были успѣхи въ новѣйшее время по всѣмъ естественнымъ наукамъ вообще, и каждой ихъ отрасли порознь, но ни по одной изъ нихъ не достигнуты такіе изумительные результаты, какъ по электрогалванизму. То, что показалось бы въ старину баснословнымъ и могло бы развѣ умѣститься въ одномъ воображеніи человѣка, какъ напр. передавать мысль изъ края въ край съ неимовѣрною, почти мгновенною быстротою, нынѣ дѣйствительно совершилось передъ нашими глазами, помощью галванизма.

«Два обстоятельства, говоритъ авторъ по этому поводу въ своемъ предисловіи, характеризующіе эту науку, уже при первомъ, поверхностномъ взглядѣ на историческій ходъ ея, должны безспорно поразить насъ. Это: быстрое и безпримѣрное развитіе ея и практическія приложенія, непрерывно ее сопровождающія. Будучи одолжена началомъ своимъ концу прошедшаго столѣтія, наука эта по настоящее время насчитываетъ уже четыре эпохи своего развитія. Она своими важными и истинно чудесными примѣненіями, въ настоящее время глубоко входитъ въ жизнь общественную, такъ что нѣкоторыя изъ ея практическихъ примѣненій нынѣ составляютъ отдѣльныя, обширныя отрасли техники.

Смѣло можно сказать, что каждое изслѣдованіе, каждый трудъ ученыхъ въ этой наукѣ представляетъ бóльшее или меньшее отношеніе къ практикѣ, каждый шагъ, сдѣланный въ ней, влечетъ за собою бóльшее или меньшее усовершенствованіе въ ея техническихъ приложеніяхъ. И такъ не удивительно, что въ настоящее время галванизмъ сдѣлался предметомъ изслѣдованій столь многихъ ученыхъ, что онъ по преимуществу, изъ всѣхъ другихъ частей физики, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе.

Г. Савельевъ избралъ себѣ предметомъ настоящаго труда своего одинъ только изъ числа вопросовъ въ области гальванизма, а именно о гальванической проводимости жидкостей, предположивъ себѣ критически разсмотрѣть всѣ доселѣ произведенныя изслѣдованія и современное состояніе нашихъ познаній по этой части.

Этотъ трудъ былъ разсмотрѣнъ академиками Ленцомъ и Якоби, и первый изъ нихъ такъ изъясняется въ своемъ разборѣ:

«Между тѣмъ какъ наши познанія о прочихъ явленіяхъ гальваническаго тока въ сравнительно короткое время доведены были до нѣкоторой степени совершенства, одно изъ нихъ доселѣ оставалось намъ весьма мало извѣстнымъ, не смотря на то, что оно съ самаго начала въ высокой степени привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ и, безъ сомнѣнія, служитъ ключемъ къ важнѣйшимъ для науки послѣдствіямъ: мы разумѣемъ здѣсь проводимость жидкостей въ отношеніи къ гальваническому току. Поэтому авторъ разсматриваемаго нами сочиненія поступилъ весьма удачно, избравъ именно этотъ, еще столь мало изслѣдованный отдѣлъ, предметомъ особаго разсужденія.

«Причина медленныхъ успѣховъ въ этой части электродинамики, по мнѣнію автора, заключается въ томъ, что при пропусканіи тока чрезъ жидкость, почти всегда съ проводимостью жидкостей соединяется другое, еще болѣе загадочное явленіе, такъ называемая поляризація электродовъ, вліяніе которой весьма трудно отдѣлить отъ дѣйствія проводимости, а именно по причинѣ непостоянства поляризаціи во время дѣйствія тока.

«Представивъ сперва историческій обзоръ всего того, что до сихъ поръ сдѣлано по этой части науки, — обзоръ, доказывающій какъ хорошо авторъ знакомъ съ литературою своего предмета и какъ вѣрно и безпристрастно оцѣниваетъ заслуги своихъ предшественниковъ, онъ переходитъ къ тѣмъ опытамъ, которые онъ самъ производилъ въ Казани. Сюда относятся между прочимъ опыты его надъ измѣненіемъ проводимости разведенной

съ водою сѣрной кислоты, при измѣненіи степени разведенія. Эти опыты, отчасти уже напечатанные въ Бюллетенѣ Академіи, и отчасти впервые появляющіеся въ разбираемой нами брошюрѣ, занимаютъ собою значительную часть сочиненія и, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ самымъ точнымъ своего рода, хотя они, какъ въ томъ сознается и самъ авторъ, еще не достаточны для полнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся этого предмета.

«Наконецъ авторъ входитъ въ изслѣдованіе весьма важнаго вопроса: «проводятъ ли жидкости галваническій токъ, только вслѣдствіе своего разложенія, или существуетъ ли для нихъ подобная проводимость, какъ напримѣръ въ металлахъ?»

«Хотя и не успѣвъ еще въ полной мѣрѣ ознакомиться съ новѣйшими изслѣдованіями по этой части, г. Савельевъ склоняется въ пользу перваго изъ сказанныхъ мнѣній, т. е. что жидкости проводятъ галваническій токъ только при своемъ разложеніи. Справедливость этого мнѣнія онъ подтверждаетъ собственными своими опытами, доказавшими, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда при пропусканіи галваническаго тока чрезъ жидкость не замѣтно было ни слѣда химическаго разложенія, все таки поляризовались электроды».

Опираясь на то, что сочиненіе г. Савельева принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ въ нашей литературѣ явленіямъ, гдѣ чисто ученый и въ настоящее время весьма важный вопросъ физики излагается съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ основательною критикою, и гдѣ въ тоже время разрѣшенію задачи не мало содѣйствуютъ собственныя опытныя разысканія самаго автора, рецензенты нашли его достойнымъ второстепенной преміи; каковой приговоръ и былъ подтвержденъ Академіею.

V.

По нѣкоторымъ отраслямъ естественныхъ наукъ въ Русской литературѣ еще ощутителенъ недостатокъ хорошихъ учебниковъ. Такъ доселѣ недоставало подобнаго руководства по части

аналитической химіи. Чтобы устранить это неудобство, преподаватель химіи въ Горномъ Институтѣ, подполковникъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Ивановъ 1-й, издалъ, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ горнаго вѣдомства:

«Начальныя основанія аналитической химіи». 3 части.

Академикъ Фрицше представилъ объ этомъ трудѣ слѣдующій отзывъ:

«Начальныя основанія аналитической химіи, составленныя подполковникомъ Ивановымъ содержатъ въ трехъ томахъ ученіе о качественномъ и количественномъ анализѣ неорганическихъ тѣлъ. Въ 1-й части разсматриваются пріемы, употребительные при аналитическихъ работахъ, и реактивы, необходимые для произведенія анализовъ; при семъ показаны способы приготовленія реактивовъ, условія ихъ чистоты и употребленіе ихъ для открытія присутствія различныхъ тѣлъ, а равно средства отдѣленія послѣднихъ, одного отъ другаго.

«Во 2-й части изложено общее ученіе о качественномъ анализѣ и примѣненіе его къ изслѣдованію болѣе обыкновенныхъ минеральныхъ соединеній, находимыхъ въ природѣ. Не ограничиваясь одними легкими случаями, авторъ входитъ здѣсь также въ разборъ бо̀льшей части особенностей, встрѣчающихся при подобныхъ изслѣдованіяхъ.

«Въ 3-й части описано количественное разложеніе въ надлежащей для достиженія предположенной цѣли полнотѣ, и показаны способы отдѣленія, другъ отъ друга, и опредѣленія количествъ всѣхъ минеральныхъ веществъ, за исключеніемъ только такихъ, которыя рѣдко попадаются въ природѣ и мало употребительны.

«Вслѣдъ затѣмъ объяснено примѣненіе общихъ правилъ къ изслѣдованію важнѣйшихъ рудъ, сплавовъ, горнозаводскихъ продуктовъ, а также веществъ, имѣющихъ большую важность, или при изслѣдованіи которыхъ потребны особые пріемы, каковы: известняки, марганецъ, поваренная соль, минеральныя воды, горючіе матеріалы и порохъ. Въ заключеніе, ясно и удовлетво-

рительно изложенъ способъ анализа посредствомъ нитрованныхъ растворовъ, съ примѣненіемъ его къ количественному изслѣдованію нѣкоторыхъ веществъ, для которыхъ наиболѣе ощутительна польза и важность этого новаго пріобрѣтенія науки.

«Рецензентъ отдаетъ полную справедливость тщательной обработкѣ сочиненія. Частное изложеніе каждаго отдѣльнаго предмета составлено съ полнотою, ясностью и отчетливостью, какихъ только можно требовать отъ учебника, такъ что онъ не только даетъ вѣрное понятіе о настоящемъ состояніи излагаемой въ немъ отрасли химическихъ знаній, но можетъ научать также практическимъ работамъ, потому что вмѣщаетъ въ себѣ всѣ потребныя для того данныя.

«Приложенные къ тексту и очень хорошо исполненные, художникомъ г. Куренковымъ, рисунки способствуютъ къ уразумѣнію пріемовъ и даютъ точное, легко усвояемое учащимися понятіе о различныхъ, описываемыхъ въ книгѣ, снарядахъ и ихъ употребленіи.

«Весьма понятно — такъ оканчиваетъ академикъ Фрицше разборъ свой — что книга такого рода не представляетъ новыхъ фактовъ, и не можетъ имѣть особеннаго значенія для самой науки; но, по всему вышесказанному, и какъ первое самостоятельное руководство по своей части, книга г. Иванова заслуживаетъ одобренія Академіи, и присужденіе второстепенной преміи будетъ заслуженною наградою автору за полезный трудъ его».

Этотъ приговоръ одобренъ Академіею.

VI.

Одинъ изъ сыновъ дружественнаго съ нами восточнаго народа, усыновленный Россіею и уже оказавшій ей не мало услугъ на учебномъ и ученомъ поприщѣ, г. профессоръ здѣшняго Университета, Казембекъ, предполагая, что Русскимъ офицерамъ можетъ пригодиться знакомство съ турецкимъ языкомъ, выз-

вался открыть для этого предмета безвозмездно курсъ въ одномъ изъ заведеній военнаго вѣдомства. Предложеніе это было Высочайше одобрено, и ему дозволено читать свои лекціи въ Военной Академіи. Здѣсь около него собрался довольно многочисленный кругъ слушателей, которые подъ его искуснымъ руководствомъ сдѣлали быстрые успѣхи въ изученіи Турецкаго языка.

Но при самомъ началѣ своего курса профессоръ Казембекъ встрѣтилъ большое затрудненіе въ томъ, что на Русскомъ языкѣ недоставало руководства, которое соотвѣтствовало бы избранной для этого преподаванія цѣли. Всѣ употребительныя при обученіи Турецкому языку грамматики написаны на иностранныхъ языкахъ — на Русскомъ же имѣется только грамматика Казембека — и всѣ онѣ расчитаны на болѣе продолжительный срокъ курса; въ сокращенномъ же, но, за всѣмъ тѣмъ, хотя отчасти удовлетворительномъ руководствѣ на Русскомъ языкѣ доселѣ былъ совершенный недостатокъ. По этой причинѣ г. Казембекъ рѣшился самъ составить подобнаго рода руководство, и такимъ образомъ возникъ настоящій трудъ его, имѣющій заглавіе:

«Учебныя пособія для временнаго курса Турецкаго языка, открытаго профессоромъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ мирзою Александромъ Каземъ-Бекомъ».

Изъ представленной академикомъ Дорномъ рецензіи этого сочиненія, видно, что оно состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: грамматики, хрестоматіи и словаря.

Грамматика, изложенная въ сжатомъ видѣ и весьма удобопонятнымъ образомъ, представляетъ учащемуся возможность, въ сравнительно короткое время, даже и безъ посредства учителя, освоиться съ главными основаніями Турецкаго языка до той степени, что онъ можетъ вникнуть въ его существенные свойства, и потомъ легко далѣе совершенствоваться въ немъ, какъ теоретически, такъ и практически. А какъ въ Турецкомъ языкѣ попадается

очень много арабскихъ словъ, въ многоразличныхъ формахъ, то авторъ въ пользу тѣхъ, кто не знакомъ съ Арабскимъ, присоединилъ полное указаніе, въ объясненіе заимствованныхъ оттуда формъ. Это есть преимущество нынѣшняго руководства, какого, въ такомъ по крайней мѣрѣ объемѣ, лишена даже пространная Турецко-Татарская грамматика того же автора. Отдѣльныя правила и показанія вездѣ пояснены достаточнымъ числомъ примѣровъ, и тѣмъ самымъ книгѣ придано также практическое направленіе.

«Далѣе нельзя не поблагодарить автора за приложеніе семи употребительныхъ въ Турціи различныхъ почерковъ письменъ. Наши печатныя книги обыкновенно знакомятъ насъ только съ однимъ изъ нихъ Нес-хи; но этого недостаточно, чтобы быть въ состояніи разбирать писанныя другимъ какимъ либо почеркомъ рукописи. Въ предлежащемъ руководствѣ собраны связные образцы всѣхъ этихъ почерковъ. Практическая польза этого приложенія, какъ для драгомана, такъ и для ученаго, очевидна.

«Съ другой стороны и хрестоматія, также разными почерками, сообщаетъ старо и ново-печатные Турецкіе тексты, въ прозѣ и стихахъ, съ соблюденіемъ надлежащей постепенности, отъ легчайшаго къ болѣе трудному, и тѣмъ самымъ представляетъ учащемуся средство прослѣдить османлы или Константинопольское нарѣчіе, обратнымъ путемъ, въ историческомъ ходѣ его развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ также читать и понимать писанные на старинно-Турецкомъ языкѣ тексты.

«Русско-Турецкій словарь заключаетъ въ себѣ собранія отличающихся въ самомъ текстѣ книги словъ, а слѣдовательно даетъ учащемуся возможность прямо переводить восточные тексты, не прибѣгая къ пособію другаго лексикона. Чтобы увеличить практическую пользу этого словаря, авторъ, по примѣру Фрейтагова Арабскаго лексикона, придалъ особо приведеннымъ Турецкимъ словамъ цифры, для ссылки на соотвѣтственныя слова Русско-Турецкой росписи словъ, такъ что это

замѣняетъ собою нѣкоторымъ образомъ Турецко-Русскій словарь. Наконецъ нельзя не одобрить и того, что авторъ присовокупилъ также реестръ собственныхъ именъ, правописаніе которыхъ иногда представляетъ довольно трудностей».

Относительно самой обработки сочиненія, по отзыву академика Дорна, никакихъ важныхъ нарѣканій сдѣлать нельзя, а какъ притомъ это руководство есть первое и единственное своего рода въ Русской литературѣ и существенно содѣйствуетъ къ изученію столь важнаго для Россіи Турецкаго языка и его почерковъ, и польза его уже оправдалась на самомъ дѣлѣ, то рецензентъ предлагаетъ наградить половинною преміею почтеннаго автора, столь неутомимо трудящагося у насъ на поприщѣ восточной литературы; тѣмъ болѣе, что онъ въ предшествовавшій конкурсъ, по причинѣ изобилія состязательныхъ сочиненій, обойденъ былъ преміею, хотя представленный имъ тогда трудъ, изданіе Дербенд-наме, былъ признанъ достойнымъ увѣнчанія. Этотъ приговоръ Академія вполнѣ одобрила.

VII.

Наконецъ половинная премія на нынѣшнемъ конкурсѣ присуждена весьма любопытному и остроумному изобрѣтенію, имѣющему цѣлью: помощью механизма облегчить какъ составленіе календарей, такъ еще болѣе различныя вычисленія, необходимыя при хронологическихъ изслѣдованіяхъ.

Всякому извѣстно, что хронологія, какъ необходимое пособіе исторіи, представляетъ свои особыя, немаловажныя трудности. Хронологъ долженъ быть въ состояніи не только легко и вѣрно вычислять разныя данныя по своей наукѣ, но также согласовать между собою нерѣдко, по видимому, противорѣчащія или сбивчивыя, или даже вовсе невѣрныя показанія времени, въ историческихъ сочиненіяхъ. Всякая оплошность, всякая ошибка въ исчисленіяхъ, въ одной цифрѣ, можетъ привести изслѣдователя къ большимъ недоразумѣніямъ, или даже ввергнуть его въ совершенное заблужденіе. Поэтому нельзя не при-

знать пользы стараній, направленныхъ къ облегченію этой задачи.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, Двора Его Величества конюшенный офицеръ Александръ Головацкій, изобрѣлъ хронологическую машину для вычисленія разныхъ данныхъ употребительнаго у насъ Юліанскаго времясчисленія, и представилъ ее, къ конкурсу 1853 года, на судъ Академіи.

Разсмотрѣніе ея было поручено первоначально академику Вишневскому, какъ опытному математику-хронологу; но впослѣдствіи Академія сочла необходимымъ ввѣрить разборъ особой коммисіи, составленной изъ академиковъ Вишневскаго, Перевощикова, Коркунова и Куника.

Первый изъ нихъ, принявъ въ этомъ изобрѣтеніи особое участіе, составилъ объ немъ подробное донесеніе, отдѣльно напечатанное подъ заглавіемъ:

«Описаніе Хронологической Машины Головацкаго, составленное академикомъ Вишневскимъ». Съ 4-мя таблицами.

Указавъ сперва на пособія, прежде существовавшія у насъ по части Юліанскаго времясчисленія, а именно на изданныя покойнымъ академикомъ Шубертомъ, профессоромъ Московскаго Университета, нынѣ экстраординарнымъ членомъ Академіи Перевощиковымъ и г. Хавскимъ, по этому предмету сочиненія, академикъ Вишневскій переходитъ къ изслѣдованію новоизобрѣтенной хронологической машины и сообщаетъ подробное описаніе ея устройства и употребленія.

Изъ этого донесенія явствуетъ, что машина г. Головацкаго заслуживаетъ особаго вниманія по остроумному приложенію механики къ рѣшенію хронологическихъ задачъ, безъ помощи ариѳметическихъ дѣйствій. Она показываетъ для каждаго даннаго года по Р. Х., дни недѣли, принадлежащіе даннымъ числамъ мѣсяцевъ, или на оборотъ, также числа для Св. Пасхи и главныхъ подвижныхъ церковныхъ праздниковъ; а что еще болѣе, показываетъ хронологическія данныя вдругъ для всѣхъ лѣтъ того столѣтія, въ которомъ заключается данный годъ, и

тѣмъ самымъ способствуетъ разнымъ хронологическимъ соображеніямъ.

Главное же преимущество машины состоитъ въ томъ, что она показываетъ искомые дни и числа безъ помощи круговъ и ключа, прямо для даннаго года по Р. Х., чѣмъ не только устраняется всякая возможность ошибки или недосмотра, но и сберегается много труда и времени. Особенно же важно то, что всѣ эти данныя отыскиваются на ней съ совершенною точностью, потому что получаются механическимъ путемъ; между тѣмъ какъ хронологическія данныя, отыскиваемыя, съ немалымъ трудомъ и съ потерею времени, посредствомъ ариѳметическихъ дѣйствій, не всегда безошибочны.

Въ заключеніе своего разбора академикъ Вишневскій замѣчаетъ, что машина г. Головацкаго можетъ почесться самою совершенною числительною машиною, по той скорости, съ какою она показываетъ искомыя хронологическія данныя, и, на основаніи всего этого, представляетъ ее къ награжденію половинною Демидовскою преміею.

Съ другой стороны разсмотрѣвъ машину съ точки зрѣнія историка, академикъ Куникъ донесъ объ ней слѣдующее:

«Изобрѣтенная г. Головацкимъ хронологическая машина уже разсмотрѣна двумя опытными хронологами-математиками, сперва академикомъ Вишневскимъ, а потомъ академикомъ Перевощиковымъ. Оба засвидѣтельствовали, письменно и изустно, вѣрность механизма и воздали полную справедливость изобрѣтательности г. Головацкаго. Относительно же практическаго приложенія машины, а въ особенности для обработывателей Византійско-Русской хронологіи, я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочленами, для опыта вычислялъ на машинѣ разныя историческія данныя, вѣрно высчитанныя прежде нашими обыкновенными способами, и нашелъ, что *машина блистательно выдержала свой историческій экзаменъ.*

«Это конечно еще не значитъ, чтобы машина возводила Ви-

зантійско-Русскую хронологію на ту степень точности, которой она должна нѣкогда достигнуть. На эту степень можетъ возвести ее только хронологическая критика; но машина способна — сколько вообще посредствомъ механизма рѣшать можно — существенно облегчать хронологу механическую часть его труда; а такихъ механическихъ пріемовъ придется сдѣлать въ области Византійско-Русской хронологіи безчисленное множество».

За симъ, изъявивъ нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, чтобы машина могла войти въ большое употребленіе, а именно по причинѣ ея объема, г. Куникъ задаетъ себѣ вопросъ: какіе историки будутъ пользоваться машиною?

Въ этомъ отношеніи онъ дѣлитъ историковъ на два разряда: на такихъ, которые никогда не брались за хронологическія выкладки, и такихъ, которые донынѣ употребляли на этотъ конецъ извѣстныя таблицы.

«Для первыхъ машина г. Головацкаго въ настоящее время имѣетъ безусловное значеніе. Кромѣ того всякій начинающій историкъ навѣрное скорѣе возмется за машину, чѣмъ за существующія понынѣ хронологическія таблицы.

«Но для послѣднихъ машина имѣетъ только относительную цѣну, потому что способъ вычисленія на ней проще, нежели на существующихъ доселѣ таблицахъ, изъ которыхъ многія притомъ еще не совсѣмъ благонадежны. Въ сравненіи съ этими пособіями, машина г. Головацкаго представитъ гораздо больше удобствъ, особенно если будетъ сдѣлана въ мѣньшихъ размѣрахъ.

«Но со временемъ, когда будутъ изготовлены болѣе простыя и болѣе исправныя таблицы, — г. Куникъ называетъ ихъ хронологическими логариѳмами, — машина г. Головацкаго сдѣлается излишнею для историковъ.

«И такъ способъ изобрѣтателя остается между другими, у насъ извѣстными, самымъ простымъ; — но только покуда. И такъ, если Академія присудитъ г. Головацкому премію, то это

собственно во вниманіе къ отличному механическому таланту изобрѣтателя».

Хотя этотъ отзывъ академика Куника заставляетъ заключать, что практическая польза машины не можетъ быть нынѣ обширна, однако Академія, принявъ въ соображеніе: съ одной стороны удивительную природную смѣтливость, выказанную изобрѣтателемъ, при составленіи всего механизма его машины; съ другой, что машина была представлена еще въ 1852 году, когда, по тогдашнему состоянію хронографіи, она имѣла свою важность; наконецъ, основываясь на бывшихъ примѣрахъ выдачи премій за подобныя изобрѣтенія (за числительную машину и планиметръ), Академія нашла совершенно справедливымъ удостоить г. Головацкаго поощрительной преміи.

По причинѣ большаго числа сочиненій, которыя рецензентами въ нынѣшній разъ удостоены одобрительныхъ отзывовъ, Академія, по ограниченности бывшихъ въ ея распоряженіи премій, не могла присудить нѣкоторымъ изъ нихъ наградъ, и въ замѣнъ того удостоила ихъ *почетныхъ отзывовъ*.

Эти сочиненія, по порядку полученныхъ ими, при балотировкѣ, одобрительныхъ голосовъ, суть слѣдующія:

«Пѣсни разныхъ народовъ». Переводъ Берга. Рецензенты академики Плетневъ и Срезневскій.

«О цѣнностяхъ въ древней Руси». Историческое изслѣдованіе Михаила Заблоцкаго. Рецензентъ академикъ Устряловъ.

«Руководство къ сахарному производству», составленное Виттомъ. Рецензенты академикъ Фрицше и профессоръ Ильенковъ.

«Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprocess in Livland, Esthland und Kurland von M. v. Wolfeldt». Рецензенты: профессоръ Дерптскаго Университета Циглеръ и экстраординарный академикъ Шифнеръ.

«Учебный курсъ географіи Россійской Имперіи», составлен-

ный Яковомъ Кузнецовымъ. Изданіе второе. Рецензентъ адъюнктъ Академіи Веселовскій.

«Историческо-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго Учебнаго Округа съ 1829 по 1853 годъ», составленное А. Вороновымъ. Рецензентъ экстраординарный академикъ Куникъ.

Всѣ эти рецензіи будутъ напечатаны въ подробномъ отчетѣ о XXIV присужденіи Демидовскихъ наградъ.

Въ заключеніе своего отчета о Демидовскомъ конкурсѣ за 1854 годъ Академія не можетъ не изъявить совершенной своей признательности стороннимъ ученымъ, содѣйствовавшимъ ей при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ соискательныхъ сочиненій, и въ ознаменованіе такой признательности присудила: двѣ медали перваго достоинства генераламъ Дестрему и Ласковскому, и двѣ медали втораго достоинства профессорамъ Циглеру и Ильенкову.

РАЗБОРЪ

сочиненія

г. подполковника ЖУРАВСКАГО

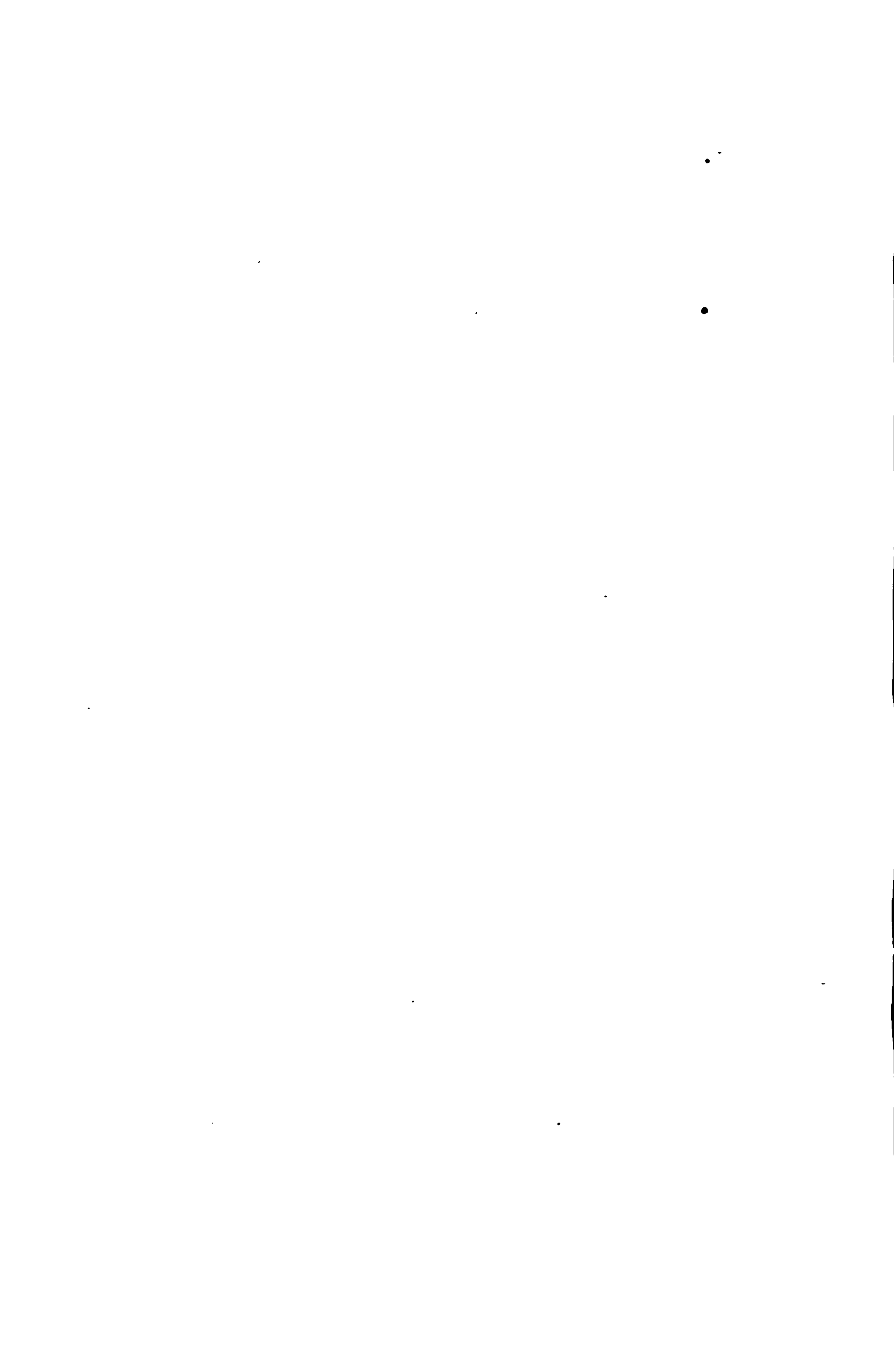
подъ заглавіемъ:

РЕЗУЛЬТАТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ СИСТЕМЫ ГАУ,

ПРИМѢНЕННОЙ КЪ МОСТАМЪ С. ПЕТЕРБУРГО-МОСКОВСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ,

составленный

инженеръ-генераломъ Дестремомъ.

Первая часть сочиненія г. подполковника Журавскаго, подъ заглавіемъ:

«Результатъ изслѣдованій системы Гау, примѣненной къ мостамъ С. Петербурго-Московской желѣзной дороги», помѣщена въ трехъ статьяхъ въ журналѣ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, за 1850 и 1852 годы.

Въ первой статьѣ, при изслѣдованіи фермъ, приняты были пояса за двѣ паралельныя прямыя линіи, допущено было, что болты системы неподвержены никакой силѣ, независимо отъ нагрузки, и кромѣ того оставленъ безъ вниманія изгибъ поясовъ; но въ самомъ дѣлѣ фермамъ придаютъ небольшой подъемъ въ срединѣ, такъ что пояса, составляютъ двѣ концентрическія дуги круга, болты обыкновенно бываютъ болѣе или менѣе натянуты при ихъ завинчиваніи во время сборки фермъ и ферма болѣе или менѣе изгибается при движеніи по ней поѣзда.

Инженеръ-капитанъ (нынѣ подполковникъ) Журавскій, находя полезнымъ изучить до какой степени эти обстоятельства могутъ имѣть вліяніе на напряженіе всей системы, произвелъ аналитическое изслѣдованіе системы Гау и, изложивъ результатъ этихъ изслѣдованій, представилъ особую по сему предмету записку.

Имѣя въ виду, что выводы аналитическихъ изслѣдованій, въ такомъ только случаѣ могутъ быть приняты за норму въ практическомъ приложеніи, когда выводы эти получены вычисленіемъ, основаннымъ или на аксіомахъ, или на предположе-

ніяхъ достовѣрныхъ, я, при первомъ разсмотрѣніи въ Департаментѣ проэктовъ и смѣтъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, находилъ нѣкоторыя изъ предположеній, изложенныхъ въ сказанной запискѣ, недостаточно вѣрными, а именно:

Аналитическое изслѣдованіе системы Гау, привело г. Журавскаго къ заключенію, что натянутость болтовъ отъ завинчиванія ихъ во время сборки фермъ, имѣетъ вліяніе на измѣненіе натянутости этихъ болтовъ дѣйствіемъ нагрузки. Это заключеніе основано:

1) На предположеніи, что при завинчиваніи болтовъ, длина болта, заключающагося между поясами, будетъ уменьшаться пропорціонально силамъ, стягивающимъ болты.

2) На предположеніи, что если одинъ болтъ въ панели неподвиженъ, то грузъ, положенный на вершину другаго болта, перемѣститъ эту вершину по вертикальному направленію.

Оба эти предположенія не показывались мнѣ имѣющими достаточную вѣрность, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Натянутость болта отъ завинчиванія во время сборки, можетъ происходить отъ двухъ причинъ:

а) Отъ проявленія частичныхъ силъ при сгибаніи крестовинъ и поясовъ въ случаѣ малой толщины оныхъ въ сравненіи съ длиною.

б) Отъ проявленія частичныхъ силъ при одномъ сжатіи поясовъ и крестовинъ.

Въ первомъ случаѣ, когда сила, стягивающая болтъ, уравновѣшивается сопротивленіемъ крестовинъ къ сгибанію, по формулѣ Навье, зависимость между этою силою и измѣненіемъ длины болта, заключающагося между поясами, выражается трансцендентнымъ уравненіемъ, которое безъ большихъ погрѣшностей, не можетъ быть упрощено.

Во второмъ случаѣ, хотя эта зависимость и выражается алгебраически, но все таки она не можетъ быть выражена пропорціональностію уменьшенія длины болта съ стягивающею

силою, а въ особенности, если принять въ соображенie, что Годкинсонъ выводитъ, на основанiи опытовъ для матерiаловъ разныхъ родовъ, что растягивающая сила $F = ax - bx^2$, гдѣ (x) означаетъ соотвѣтствующее удлиненie.

2) При правильномъ измѣренiи брусьевъ въ панели, удовлетворяющемъ условiю прочности, стягивающiя силы болтовъ должны встрѣчать сопротивленiя въ предѣлахъ одного сжатiя.

Въ удовлетворенie этому условiю, второе изложенное выше сего предположенie находилъ я невозможнымъ принять за достовѣрное, ибо жесткость системы недозволитъ пониженiя вершины одного болта, отъ какой бы то ни было нагрузки съ условiемъ неподвижности смежнаго болта.

Г. Журавскiй, по сообщенiи ему упомянутыхъ возраженiй противъ его предположенiй, счелъ нужнымъ представить слѣдующiя дополнительныя объясненiя и послѣдствiя произведенныхъ имъ опытовъ.

Аналитическiя изысканiя относительно влiянiя предварительной натянутости болтовъ на натянутость ихъ послѣ нагрузки, основаны на слѣдующихъ опытахъ:

1) Особо устроенная модель, состоявшая изъ опорнаго столба, на которомъ расположенъ былъ горизонтальный брусъ съ раскосами, упирающимися въ помянутый опорный столбъ, была подвержена различнымъ грузамъ, привѣшеннымъ къ горизонтальному брусу въ точкахъ соединенiя его съ раскосами, и на бумагѣ, наклѣенной на доскѣ, укрѣпленной къ опорному столбу, отмѣчались измѣненiя формы треугольниковъ, образуемыхъ этимъ брусомъ и раскосами съ опорнымъ столбомъ.

Много разъ повторенные опыты показали, что точки бруса, къ коимъ привѣшены были грузы, опускаются на величины почти пропорцiональныя грузамъ. На основанiи сего, въ представленной 2-й статьѣ изслѣдованiя системы Гау и принято, что, при неизмѣняемомъ соединенiи поясовъ панели съ одного конца ея, если болтъ на другомъ ея концѣ стягивать, то стягиваемыя точки поясовъ будутъ приближаться на величины

почти пропорціональныя силамъ, стягивающимъ болтъ; причемъ прибавлено было, что эти точки не будутъ сближаться на величины совершенно пропорціональныя силамъ, стягивающимъ болтъ, но что строгая точность здѣсь не нужна для разъясненія вопроса, такъ какъ цѣль изслѣдованія, была показать только вліяніе предварительной натянутости болтовъ на натянутость ихъ послѣ нагрузки; для чего нѣтъ надобности знать, что сказанныя точки приближаются пропорціонально силѣ, стягивающей болтъ, но достаточно только допустить, что эти точки приближаются, при натягиваніи болта, что очевидно.

2) Сзади модели цѣлой фермы, въ которой болты были натянуты, ставилась доска съ наклеенною на ней чистою бумагою; ферма нагружалась, и на бумагѣ обчерчивались положенія частей фермы, при различныхъ нагрузкахъ модели.

Каждая панель измѣняла свой видъ, такъ, что каждый болтъ измѣнялъ свое положеніе, понижаясь относительно болта въ панели, находяшейся сзади; можно принять его за неподвижный, когда разсматривается измѣненіе въ панели, находящейся передъ этимъ болтомъ. По этому съ достовѣрнымъ основаніемъ можно сказать, что если въ панели одинъ болтъ неподвиженъ, то грузъ, положенный на вершину втораго болта, перемѣститъ эту вершину по вертикальному направленію.

Тоже самое объясняется и независимо отъ опытовъ, разсматривая возможное перемѣщеніе точки верхняго пояса, при натягиваніи болта, принимая задній болтъ неподвижнымъ.

Вліяніе предварительной натянутости болтовъ на натянутость ихъ при нагрузкѣ, можетъ быть еще доказана независимо отъ доводовъ, изложенныхъ въ приведенной 2-й статьѣ изслѣдованія системы Гау.

Если бы въ фермѣ не было обратныхъ крестовинъ, то болтовъ нельзя было бы натянуть такъ сильно, какъ въ фермахъ съ обратными крестовинами, ибо напряженіе болтовъ при натягиваніи ихъ, встрѣчало бы сопротивленіе только въ изгибѣ, по-

ясовъ, несравненно меньшее сопротивленія крестовинъ сжатію, при размѣрахъ частей фермъ Американскихъ мостовъ.

Если бы крестовины главныя и обратныя имѣли одинакія сѣченія, то ферма бы вовсе не изгибалась при натягиваніи болтовъ, и напряженіе ихъ встрѣчало бы сопротивленіе только въ дѣйствіи обратныхъ крестовинъ.

При нагрузкѣ ферма гнется, что повѣрено опытами надъ мостами Гау въ Америкѣ, въ Германіи и въ Россіи на С. Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ; слѣдствіемъ изгиба фермы бываетъ удлиненіе обратныхъ крестовинъ, составляющихъ діагонали соотвѣтственныхъ имъ паралелограмовъ въ системѣ. Если при предварительномъ натягиваніи болтовъ, обратныя крестовины сжались на нѣкоторыя величины, а при нагрузкѣ фермы, эти крестовины удлинились на тѣ же величины, то очевидно, что при нагрузкѣ, обратныя крестовины утратили бы первоначальное ихъ напряженіе.

Напряженіе двухъ среднихъ главныхъ крестовинъ уравновѣшивалось бы только съ грузомъ, положеннымъ по срединѣ фермы, и слѣдовательно они имѣли бы тѣ же величины, какъ бы болты предварительно вовсе натянуты не были, отъ изгиба же частей верхняго пояса на длинѣ этихъ двухъ среднихъ панелей, при нагрузкѣ фермы, напряженіе сказанныхъ крестовинъ еще уменьшилось бы, ибо часть груза поглощалась бы изгибомъ пояса.

Если же при нагрузкѣ фермы обратныя крестовины двухъ среднихъ панелей утратили все первоначальное напряженіе, то очевидно, что и средній болтъ между этими панелями то же утратитъ всю первоначальную натянутость.

Болтъ, предшествующій помянутому среднему, будетъ натягиваемъ только составляющею отъ дѣйствія нагрузки по соотвѣтствующей ему средней главной крестовинѣ; всѣ остальныя главныя крестовины и болты будутъ имѣть тѣ же напряженія, какъ бы болты не были вовсе предварительно натянуты. Если же при нагрузкѣ фермы обратныя крестовины не теряютъ всего

первоначальнаго напряженія, произведеннаго предварительнымъ натягиваніемъ болтовъ, то эти болты, кромѣ напряженія отъ нагрузки, будутъ натягиваемы еще дѣйствіемъ обратныхъ крестовинъ и слѣдовательно будутъ имѣть тѣмъ большую натянутость, чѣмъ болѣе остается напряженія въ обратныхъ крестовинахъ при нагрузкѣ фермы.

По этому не подлежитъ сомнѣнію, что предварительная натянутость болтовъ имѣетъ вліяніе на напряженіе ихъ послѣ нагрузки.

Въ мостахъ, хорошо собранныхъ, напряженія обратныхъ крестовинъ послѣ нагрузки, должны оставаться незначительными, такъ чтобы концы обратныхъ крестовинъ, имѣли только упоръ, дабы могли укрѣплять главныя крестовины, подраздѣляя ихъ на части. Въ такихъ мостахъ напряженія частей, послѣ нагрузки, немного разнятся отъ напряженій, вычисленныхъ въ первой статьѣ изслѣдованія системы Гау, напечатанной въ 1-й книжкѣ журнала Путей Сообщенія на 1850 годъ.

При изслѣдованіи вліянія предварительной натянутости болтовъ на ихъ натянутость послѣ нагрузки, имѣлось въ виду показать, что напряженіе болтовъ при нагрузкѣ, не состоитъ изъ суммы предварительнаго напряженія ихъ отъ завинчиванія и напряженія, производимаго собственно нагрузкою, какъ это могло бы показаться съ перваго взгляда.

Съ другой стороны считалось важнымъ, показать, что по величинѣ осадки фермы подъ грузомъ, нельзя судить о крѣпости моста, потому что, если крѣпко натянуты болты, то мостъ будетъ садится менѣе, хотя онъ и ближе къ разрушенію, нежели когда бы болты не были такъ сильно натянуты.

Полагалось также полезнымъ показать ошибочность идей нѣкоторыхъ строителей Американскихъ мостовъ, полагающихъ, что придавая большое напряженіе обратнымъ крестовинамъ предварительною натянутостью болтовъ уменьшится боковое давленіе, производимое на врубку въ полеѣ подъ дубовою подушкою, отъ дѣйствія нагрузки на главную крестовину.

Ошибочность этой идеи видна изъ того, что если обратная крестовина сохранитъ при нагрузкѣ часть первоначальнаго напряженія, то какъ въ запискѣ выведено, и главная крестовина будетъ имѣть напряженіе бо́льшее производимаго однимъ грузомъ.

По внимателвномъ разсмотрѣніи и обсужденіи этихъ новыхъ объясненій и соображеній послѣ новыхъ произведенныхъ г. Журавскимъ опытовъ, я признаю возможнымъ заключить:

1) Что предположеніе г. Журавскаго о томъ, что при завинчиваніи болта въ панели, сближеніе поясовъ будетъ пропорціонально силѣ стягивающей болтъ, можетъ быть допущено, какъ приблизительное и основано на особо произведенныхъ опытахъ, показавшихъ, что сближеніе поясовъ будетъ почти пропорціонально силѣ стягивающей болтъ; при ономъ не имѣлось въ виду точной величины сближенія поясовъ, соотвѣтственно силѣ стягивающей болтъ, но допущена приблизительная величина этого сближенія и необходимая лишь для разъясненія вопроса.

2) Что разсматривая пониженіе болтовъ фермы отъ нагрузки, взято во вниманіе, что каждый болтъ понижается относительно болта, находящагося въ панели сзади его, и только въ этомъ относительномъ разсматриваніи перемѣщенія болтовъ, можетъ быть допущено пониженіе передняго болта въ панели, съ предположеніемъ въ то же время неподвижности задняго болта.

При этомъ находя, что прописанныя выше сего дополнительныя объясненія г. подполковника Журавскаго, необходимыя для полноты и ясности анализа, должны, при напечатываніи вновь сочиненія его, быть помѣщены въ ономъ во всей подробности.

Слѣдующія за тѣмъ статьи 1-й части сочиненія подполковника Журавскаго заключаютъ въ себѣ:

1) *Изслѣдованія вліянія, какое имѣютъ на напряженіе частей*

фермы придаваемый ей подъемъ при сборкѣ, осадка отъ поѣздовъ и предварительное натягиванiе болтовъ.

Объ этомъ сочинитель излагаетъ:

a) *О влiянiи на напряженiе частей фермы, подъема, придаваемаго фермѣ при сборкѣ.*

Взявъ для примѣра ферму въ 20 саж. отверстiя, съ однимъ пересѣченiемъ крестовинъ и 12 панелями и, полагая подъемъ ея въ 6 дюймъ или 0,07 саж., сообразно подъему, допускаемому при такомъ отверстiи строителями Американскихъ мостовъ, найдется, что радiусъ верхняго пояса составитъ 714 саж.; поясъ, приведенный такимъ образомъ въ дугу круга, въ концѣ каждой панели производитъ давленiе по направленiю радiусовъ.

Вычисливъ силы, способныя привести поясъ изъ положенiя прямолинейнаго въ упомянутое дугообразное, притомъ для приблизительности, принимая силы эти паралельными, по незначительности подъема пояса, и полагая сопротивленiе пояса равнымъ сопротивленiю бруса 30 дюйм. широты и 10 дюйм. высоты *), при коэфицiентѣ упругости сосны 51,240, получается для величины каждой изъ силъ въ концѣ панели 1,13 пуда.

Обратно, когда поясу придать выгибъ въ 0,07 саж., то онъ производитъ въ концѣ каждой панели давленiе около 1,13 пуд. Принимая въ соображенiе, что давленiе это ничтожно въ сравненiи съ грузомъ болѣе 300 пуд., вѣса одной панели моста, полагается возможнымъ вовсе пренебречь влiянiемъ изгиба пояса на напряженiе частей моста.

b) *О влiянiи осадки фермъ при проѣздѣ.*

Осадка фермы отъ груза поѣзда имѣетъ еще меньшее влiянiе на напряженiе частей системы, потому что мостъ въ 20 саж. отверстiя не долженъ садится болѣе $\frac{1}{2}$ дюйма или 1 дюй-

---

*) Соотвѣтственно размѣрамъ поясовъ при отверстiи моста взятымъ въ 20 саж. для примѣра.

ма. Устроенные на С. Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ мосты въ 15 саж. отверстія, садятся отъ $\frac{1}{4}$ дюйма до $\frac{1}{2}$ дюйма при движеніи поѣзда.

c) *О вліяніи предварительнаго натягиванія болтовъ.*

Разсматривается одна панель, которой пояса съ одного конца были бы связаны неизмѣнно, а на другихъ концахъ соединены болтомъ, при одинакихъ размѣрахъ главной и обратной крестовины. Если предположить, что этотъ болтъ будетъ натягиваемъ, то крестовины, дубовыя подушки и самыя пояса, по направленію стягиваемаго болта, будутъ сжиматься; при чемъ эти оконечности поясовъ будутъ сближаться. Допуская измѣненіе формы этихъ частей фермъ отъ сжиманія пропорціональнымъ силамъ, пока они не превосходятъ прочнаго сопротивленія дерева, при чемъ не имѣется въ виду строгой точности, непризнаваемой въ этомъ случаѣ нужною для разъясненія вопроса, выводится, что оконечности поясовъ будутъ сближаться на величины, почти пропорціональныя силамъ, стягивающимъ болтъ, что оправдалось опытами.

Полагая за симъ, что на оконечность панели, стянутой болтомъ, положенъ будетъ какой нибудь грузъ, эта точка верхняго пояса опустится, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ слѣдствіе упругости обратной крестовины, соотвѣтственная точка нижняго пояса опустится на столько же, если необратить вниманіе на измѣненіе при этомъ длины болта; что предположено разсмотрѣть въ послѣдствіи.

При этомъ, если бы помянутая точка нижняго пояса опустилась до положенія ея, которое она занимала до предварительнаго стягиванія болта, то обратная кресговина, равно и болтъ, утратили бы все предварительно-сообщенное напряженіе; но когда пониженіе помянутой точки нижняго пояса отъ дѣйствія груза, будетъ менѣе того, на сколько она поднялась при предварительномъ натягиваніи болта, то обратная крестовина и болтъ сохранятъ часть ихъ предварительнаго напряженія, которое, согласно вышесказанному, будетъ приблизительно пропорціо-

нально разности этихъ двухъ перемѣщеній; эти напряженія крестовины и болта уравновѣсятся съ противодѣйствіемъ главной крестовины и пояса.

Уравнивая силы, дѣйствующія по направленію болта въ точкахъ верхняго и нижняго пояса, выводится:

Что если положить на конецъ панели грузъ, вдвое бо́льшій предварительной натянутости болта, то обратная крестовина и болтъ не будутъ подвержены ни какимъ силамъ, какъ бы болтъ вовсе не былъ натянутъ до нагрузки; то же будетъ, если грузъ этотъ будетъ болѣе удвоенной предварительной натянутости болта.

Что въ случаѣ нагрузки, меньшей удвоенной предварительной натянутости болта, главная крестовина, а также верхній поясъ, будутъ сжимаемы силами большими, нежели въ томъ случаѣ, когда бы болтъ не былъ натянутъ.

Для оцѣнки вліянія отъ измѣненія длины болта на осадку стянутаго конца панели при нагрузкѣ берется во вниманіе, что дабы точка нижняго пояса, отъ дѣйствія нагрузки, опустилась до того первоначальнаго положенія ея передъ стягиваніемъ болта, при которомъ обратная крестовина и болтъ утратили бы предварительное ихъ напряженіе, соотвѣственная точка верхняго пояса должна будетъ опуститься болѣе, нежели въ предъидущемъ случаѣ, когда удлиненіе болта не было принято во вниманіе; а потому, въ настоящемъ случаѣ, потребуется положить грузъ нѣсколько большій удвоенной предварительной натянутости болта.

Подобнымъ же образомъ выводится, что если обратная крестовина тонѣе главной, то грузъ, при которомъ болтъ и обратная крестовина, утрачиваютъ ихъ первоначальное напряженіе, будетъ нѣсколько больше того, какой найденъ при равныхъ размѣрахъ главной и обратной крестовины.

Изъ предъидущаго выводится:

Что при предварительномъ натягиваніи болта, нагруженный

конецъ панели опускается менѣе, нежели, если бы болтъ не былъ натянутъ.

Что если болты цѣлой фермы, предварительно натянуты такъ, что при нагрузкѣ системы, обратныя крестовины освобождаются отъ сжимающихъ ихъ силъ, то напряженіе всѣхъ частей фермы будетъ то же, какъ будто болты вовсе не были предварительно натянуты; но если болты натянуты предварительно такъ, что при нагрузкѣ фермы, обратныя крестовины сохранятъ часть сжимающихъ ихъ силъ, то болты и главныя крестовины будутъ подвержены большимъ напряженіямъ, нежели когда бы болты не были натянуты.

Что чѣмъ болѣе будутъ натянуты болты, тѣмъ менѣе будетъ осадка фермы при нагрузкѣ; изъ чего слѣдуетъ, что нельзя судить объ устойчивости моста подобной системы, по величинѣ осадки отъ нагрузки, или отъ давленія по мосту поѣзда. Обратныя крестовины имѣютъ назначеніемъ укрѣплять главныя крестовины, подраздѣляя ихъ на части, для чего крестовины эти связываютъ болтами; а потому необходимо натягивать болты предварительно такъ, чтобы, при наибольшей нагрузкѣ фермы, обратныя крестовины не освобождались бы совершенно отъ сжимающихъ ихъ силъ. По трудности опредѣленія потребной для того степени натянутости различныхъ болтовъ фермы, и какъ строгая точность неполагается тутъ необходимою, предлагается ограничиться на дѣлѣ рѣшеніемъ этого вопроса практически: натягивая болты такъ, чтобы ни одна обратная крестовина не отставала совершенно отъ дубовыхъ подушекъ, при наибольшей нагрузкѣ фермы, избѣгая въ то же время излишняго завинчиванія болтовъ, потому что отъ того главныя крестовины и самые болты будутъ подвергаться излишнимъ напряженіямъ.

II. *Изслѣдованіе фермъ съ тремя и пятью пересѣченіями крестовинъ:*

Ферма съ тремя пересѣченіями, разсматривается какъ соединеніе двухъ системъ раскосовъ, пересѣкающихся одинъ разъ

и имѣющихъ особенные болты, но связанные вмѣстѣ общими поясами.

Пренебрегая, согласно изложенному выше, вліяніемъ изгиба фермъ на напряженіе частей ея и допуская, что сами пояса, изгибаясь при нагрузкѣ системы, не могутъ передавать груза отъ одного болта другому, полагается возможнымъ, отдѣльно разсматривать передачу силъ по двумъ системамъ объ одномъ пересѣченіи крестовинъ, съ тѣмъ только, чтобы для опредѣленія точки, откуда начинается въ нихъ передача силъ въ обѣ стороны къ устоямъ, при составленіи уравненія равновѣсія силъ дѣйствующихъ вдоль поясовъ (какъ это дѣлано было въ 1-й статьѣ при изученіи системы съ однимъ пересѣченіемъ крестовинъ), въ сумму силъ, дѣйствующихъ по поясу въ одну сторону, включать составляющія по поясу обоихъ системъ. По опредѣленіи начала передачи силъ, напряженіе каждой части системы опредѣлится также, какъ изложено при разсматриваніи системы съ однимъ пересѣченіемъ крестовинъ.

Примѣняя вышесказанное къ опредѣленію напряженія частей фермъ разсмотрѣно:

а) *Напряженіе частей фермы, которая кромѣ собственнаго вѣса, поддерживаетъ грузъ поѣзда, двигающагося вдоль фермы.*

Для примѣра, взятъ одинъ изъ мостовъ С. Петербурго-Московской желѣзной дороги, о 24-хъ паneляхъ, при вѣсѣ фермы на длинѣ панели, въ 210 пудъ.

Принимая за единицу грузъ одной панели фермы, выведены давленія, производимыя поѣздомъ на разныя точки фермы, при постепенномъ вступленіи его на одну, двѣ и такъ далѣе панелей.

Вычисливъ напряженія болтовъ и поясовъ, производимыя давленіемъ поѣзда въ этихъ различныхъ его положеніяхъ, изъ нихъ наибольшія напряженія принимаются данными, для опредѣленія размѣровъ частей фермы, къ составленію проэкта моста.

Сообразно выводамъ, полученнымъ исчисленіемъ, въ таб-

лицѣ (слѣдующей къ стран: 41), помѣщены величина коэфиціентовъ, посредствомъ которыхъ, соотвѣтственно извѣстной длинѣ фермы, высотѣ ея и вѣсу, получаются различныя напряженія болтовъ и поясовъ, при различномъ положеніи поѣзда на фермѣ.

Въ слѣдующей таблицѣ помѣщены наибольшія величины тѣхъ коэфиціентовъ, для различныхъ болтовъ и для пояса, при движеніи поѣзда въ одну и въ другую сторону, а также при движеніи его взадъ и впередъ.

Напряженіе крестовинъ неопредѣлено, такъ какъ по извѣстнымъ напряженіямъ болтовъ, напряженіе крестовинъ опредѣлится, какъ изложено о семъ въ 1-й статьѣ, при изслѣдованіи системы съ однимъ пересѣченіемъ крестовинъ.

b) *Напряженіе частей фермы, когда она нагружена равномѣрно.*

Начало передачи силъ въ этомъ случаѣ, полагая четное число панелей, опредѣляется по срединѣ фермы, принимая въ соображеніе, что оно не можетъ быть ближе къ одному концу фермы нежели къ другому.

Вычисливъ натянутости болтовъ и напряженія нижняго пояса въ различныхъ точкахъ фермы, выведена сумма силъ, дѣйствующихъ вдоль этого пояса, изъ которой выводится, что:

1) Напряженіе пояса, независитъ отъ числа панелей, какъ это уже было доказано, для системы съ однимъ пересѣченіемъ крестовинъ.

2) Напряженіе поясовъ фермы, равномѣрно нагруженной, не зависитъ отъ того, имѣетъ ли ферма три пересѣченія или одно, потому что, въ обоихъ случаяхъ, это напряженіе выражается одинаково.

3) Натянутость пояса останется та же, если бы даже панели были различной длины, при равномѣрной нагрузкѣ фермъ.

Если число панелей въ фермѣ было бы нечетное, тогда передача силъ въ обѣ стороны полагается отъ оконечностей средней панели. Въ такомъ случаѣ сумма силъ, дѣйствующихъ

вдоль пояса, выразилась бы сложнѣе; но въ практикѣ полагается достаточно точнымъ руководствоваться выводами, полученными, какъ сказано выше, необращая вниманія на то, будетъ ли четное или нечетное число панелей въ фермѣ; какъ уже было допущено въ 1-й статьѣ, при разсмотрѣніи системы съ однимъ пересѣченіемъ крестовинъ.

Прикладывая это къ такому же мосту, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, вычислены напряженія различныхъ болтовъ и пояса, и въ таблицѣ (стран. 43) помѣщены величины коефиціентовъ, дающія эти напряженія.

На основаніи этихъ исчисленій и таблицы, выводится, что:

1) Напряженія болтовъ и раскосовъ въ срединѣ и при концахъ фермы весьма различны, изъ чего усматривается большой недостатокъ системы Гау, въ томъ видѣ, какъ она была предложена покойнымъ Уйтлеромъ (бывшимъ совѣщательнымъ инженеромъ по устройству С. Петербурго-Московской желѣзной дороги), ибо въ системѣ его діаметры всѣхъ болтовъ и сѣченія всѣхъ крестовинъ одинаковы по всей длинѣ фермы.

Сказанное о вліяніи изгиба, придаваемаго фермамъ, и о вліяніи предварительной натянутости болтовъ на напряженіе частей фермы при одномъ пересѣченіи крестовинъ, прилагается къ фермамъ и съ тремя пересѣченіями ихъ.

При составленіи проэкта фермы, назначенной для поддержанія поѣздовъ, полагается вычислять сперва напряженіе частей, зависящее отъ движенія поѣздовъ, и сообразно съ этими данными назначить размѣръ частей фермы: потомъ, вычислить напряженіе частей фермы, зависящее отъ ея собственнаго вѣса, и назначить размѣры каждой части, сообразно съ суммою напряженія, отъ движенія поѣзда и вѣса фермы, и продолжать такимъ образомъ далѣе, пока не получатся для частей фермы, два ряда величинъ, мало разнящихся между собою.

Сравнивая фермы съ однимъ нересѣченіемъ крестовинъ съ фермою о двухъ пересѣченіяхъ крестовинъ, приводится преимущество вторыхъ надъ первыми, основываясь на слѣдующемъ:

Если двѣ фермы, изъ коихъ одна будетъ объ одномъ пересѣченіи, а другая съ тремя пересѣченіями крестовинъ, но съ вдвое большимъ числомъ панелей при равной длинѣ и высотѣ фермъ, будутъ нагружены равномѣрно и одинакимъ грузомъ, то пояса обоихъ фермъ подвергнутся одинаковой продольной силѣ; наибольшія же натянутости болтовъ и наибольшія силы, приложенныя въ разныхъ точкахъ пояса вдоль онаго, будутъ вдвое менѣе для фермы съ тремя пересѣченіями, отъ чего пояса будутъ подвержены вдвое меньшимъ сжимающимъ силамъ, нормальнымъ къ ихъ длинѣ, равно какъ и врубки подушекъ въ пояса будутъ подвержены вдвое меньшимъ давленіямъ въ фермѣ съ тремя пересѣченіями крестовинъ, нежели въ фермѣ съ однимъ пересѣченіемъ.

Въ фермѣ же съ 5 пересѣченіями той же высоты и длины, но съ числомъ панелей втрое большимъ, нежели въ фермѣ съ однимъ пересѣченіемъ, наибольшія напряженія болтовъ и крестовинъ будутъ въ $1\frac{1}{2}$ раза менѣе, нежели въ фермѣ съ тремя пересѣченіями крестовинъ: а потому, при весьма большихъ пролетахъ, можетъ оказаться выгоднымъ приложить систему съ пятью пересѣченіями.

Для облегченія вычисленія напряженій частей въ такой системѣ, предлагается ее разсматривать какъ соединеніе трехъ системъ съ однимъ пересѣченіемъ крестовинъ, въ которыхъ передачу силъ въ каждой, полагается возможнымъ разсматривать независимо отъ прочихъ, пренебрегая изгибомъ пояса.

c) *О фермахъ мостовъ въ нѣсколько пролетовъ.*

До приступа къ вычисленію напряженій частей такой фермы, принято за нужное разсмотрѣть сопротивленіе бруса въ нѣкоторыхъ случаяхъ и доказать нѣкоторыя предложенія, необходимыя для дальнѣйшаго изученія.

Во всѣхъ слѣдующихъ соображеніяхъ брусъ предполагается имѣющимъ одинаковое сѣченіе по всей длинѣ, и притомъ имѣющимъ постоянныя сѣченія, или не имѣющимъ ихъ.

a) *О напряженіи частей свободнаго бруса, подверженнаго си-*

ламъ, приложеннымъ въ различныхъ сѣченіяхъ его, направленнымъ по длинѣ бруса отъ концовъ къ срединѣ, и взаимно уравновѣшивающимся.

Выводы, полученныя для напряженія различныхъ частей бруса между сѣченіями, въ коихъ приложены силы, показываютъ, что напряженія этихъ частей увеличиваются прогрессивно, отъ концовъ бруса къ срединѣ его.

b) *Опредѣленіе напряженія частей бруса, имѣющаго два постоянныхъ сѣченія и подверженнаго силамъ, вдоль его дѣйствующимъ.*

Принимая въ соображеніе, что отъ дѣйствія вдоль бруса силы, приложенной въ какомъ ни есть сѣченіи онаго, часть бруса, лежащая отъ этого сѣченія въ сторону направленія силы, будетъ подвержена сжатію, а другая растягиванію, и принимая силы упругости ихъ пропорціональными сѣченію бруса, измѣненію длины частей его и обратно пропорціональными длинѣ ихъ, изъ уравненія равновѣсія между этими силами упругости и силою дѣйствующею по длинѣ бруса выводится зависимость, посредствомъ которой опредѣляются давленія на крайнія постоянныя сѣченія бруса, по даннымъ:

a) Силѣ дѣйствующей по длинѣ бруса, приложенной въ какомъ ни есть сѣченіи его.

b) Разстоянію этого сѣченія, отъ крайнихъ постоянныхъ сѣченій бруса.

Въ случаѣ, если брусъ, имѣющій крайнія сѣченія постоянными, будетъ, по длинѣ его, подверженъ нѣсколькимъ силамъ, въ одну сторону направленнымъ, то давленіе на каждое изъ постоянныхъ сѣченій, производимое всѣми силами, дѣйствующими вдоль бруса, можно получить, взявъ сумму давленій, производимыхъ на это сѣченіе, каждою силою отдѣльно.

Для примѣра взятъ брусъ, подверженный силамъ, дѣйствующимъ въ одну сторону, по длинѣ его, равнымъ между собою и приложеннымъ въ различныхъ сѣченіяхъ бруса.

Въ таблицѣ (стран. 48) помѣщены найденныя напряженія

частей бруса, отъ дѣйствія каждой изъ силъ, приложенныхъ къ различнымъ точкамъ.

Предполагая, что брусъ будетъ составной, на основаніи изложеннаго выше объ напряженіи частей бруса подверженнаго силѣ по длинѣ его, и что коэфиціентъ упругости при сжатіи, болѣе нежели коэфиціентъ упругости при разтягиваніи, выведено, что въ этомъ случаѣ, напряженіе сжимаемой части бруса болѣе, а разтягиваемой менѣе, нежели въ томъ случаѣ, когда брусъ цѣльный.

Если брусъ имѣетъ не равныя сѣченія, то выведено, что съ увеличеніемъ сѣченія разтягиваемой части увеличились бы силы, разтягивающія брусъ и уменьшились бы силы сжимающія; при увеличеніи же сѣченія сжимаемой части будетъ на оборотъ.

c) *Опредѣленіе напряженія частей бруса, имѣющаго крайнее постоянное сѣченіе и подверженнаго продольнымъ силамъ, изъ коихъ на свободное сѣченіе бруса дѣйствуетъ сила, направленная къ постоянному сѣченію; а въ какихъ ни есть сѣченіяхъ бруса приложены силы, направленныя къ свободному концу его.*

a) Когда сумма силъ, направленныхъ къ свободному концу бруса, менѣе силы, направленной къ постоянному сѣченію его, крайняя часть бруса, прилежащая къ свободному концу его, подвергнется сжиманію всею силою, дѣйствующею на этотъ конецъ бруса, каждая же изъ остальныхъ частей будетъ сжимаема тою силою, уменьшенною суммою силъ, направленныхъ въ противную сторону; по этому напряженіе частей бруса опредѣляется безъ затрудненія.

b) Когда сумма силъ, направленныхъ къ свободному концу бруса, болѣе силы, дѣйствующей на него въ противоположную сторону.

Въ этомъ случаѣ принято во вниманіе, что часть первыхъ силъ будетъ уравновѣшиваться со второю, сжимая часть бруса къ свободному концу его; а другая часть этихъ силъ, растягивая остальную часть бруса, будетъ давить на постоянное сѣченіе.

При такомъ сжатіи одной части бруса и растягиваніи другой, въ первой части бруса, сѣченія его, начиная отъ свободнаго конца его, будутъ перемѣщаться по направленію къ постоянному, а сѣченія, начиная отъ послѣдняго, будутъ перемѣщаться въ противную сторону, почему по длинѣ бруса будетъ какое нибудь сѣченіе, не получающее движенія вдоль бруса, какъ будто оно было бы постоянное. Такое сѣченіе, сочинитель статьи называетъ постояннымъ сѣченіемъ сжатія.

Для опредѣленія этого сѣченія въ брусѣ, часть его между крайнимъ постояннымъ его сѣченіемъ и постояннымъ сѣченіемъ сжатія, принята за брусъ, имѣющій два постоянныхъ сѣченій; давленія на оныя, согласно вышеизложенному о семъ, выражены въ функціи разстоянія искомаго сѣченія отъ одного изъ постоянныхъ сѣченій бруса: составлено уравненіе равновѣсія между всѣми силами, дѣйствующими по длинѣ бруса и изъ него выведена формула, дающая искомое разстояніе.

Посредствомъ выведенной зависимости, сочинитель предлагаетъ находить напряженіе частей бруса, по извѣстному положенію постояннаго сѣченія сжатія.

Для поясненія, это приложено къ примѣру, при чемъ присовокуплено, что хотя во взятомъ примѣрѣ, напряженіе частей бруса можетъ быть опредѣлено проще, но когда силы, дѣйствующія по длинѣ бруса, даны въ функціи разстоянія постояннаго сѣченія сжатія отъ одного изъ сѣченій бруса, какъ это встрѣчается при изученіи фермъ въ нѣсколько пролетовъ, то необходимо бываетъ прибѣгнуть къ принятому имъ способу разложенія силъ, опредѣливъ напередъ положеніе постояннаго сѣченія сжатія.

На основаніи изложеннаго выше, сочинитель предположилъ разсмотрѣть опредѣленіе напряженія частей фермъ моста, объ какомъ ни есть числѣ пролетовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ.

a) Изложить вычисленія напряженій частей фермъ объ двухъ пролетахъ, и потомъ объ нѣсколькихъ пролетахъ въ

предположеніи, что всѣ пролеты равной длины нагружены равномѣрно, и что пояса фермъ — непрерывные цѣльныя брусья.

b) Указать вліяніе неравности коэфиціентовъ сжатія и растягиванія на напряженіе частей фермы. И наконецъ:

c) Изложить приблизительное исчисленіе напряженій частей фермъ моста объ нѣсколькихъ пролетахъ, неравномѣрно нагруженныхъ и поддержанныхъ или неподдержанныхъ въ нѣсколькихъ крайнихъ точкахъ, подкосами.

Изъ сего, въ представленной второй статьѣ сочинитель разсматриваетъ только первое, а именно:

D. *Опредѣленіе напряженій частей фермъ объ двухъ пролетахъ, когда фермы нагружены равномѣрно на всей длинѣ и пояса непрерывные цѣльные брусья.*

Основываясь на томъ, что почти исключительно употребляются системы съ тремя пересѣченіями крестовинъ, разсмотрѣніе фермъ объ нѣсколькихъ пролетахъ начато прямо съ этой системы.

Взявъ во вниманіе, что по причинѣ цѣльныхъ непрерывныхъ поясовъ, по предположенію, коэфиціенты сжатія и растягиванія равны, что крайнія сѣченія верхняго пояса съ концевъ моста свободны; а сѣченіе того же пояса, надъ среднею опорою фермы, при равномѣрномъ расположеніи нагрузки, неимѣетъ причины перемѣщаться болѣе въ одну нежели въ другую сторону, почему сѣченіе это можетъ быть разсматриваемо за постоянное, сочинитель принимаетъ весь верхній поясъ моста, за брусъ, съ однимъ постояннымъ сѣченіемъ.

Чтобы найти величину и направленіе силъ, приложенныхъ вдоль пояса въ сѣченіяхъ его, соотвѣтствующихъ болтамъ, опредѣляется напередъ въ поясѣ такое сѣченіе, которое раздѣляетъ грузы, передаваемые въ обѣ отъ него стороны концамъ пролета.

Для опредѣленія таковаго сѣченія, берется въ соображеніе, что оно, по свойству своему, не приметъ перемѣщенія ни въ ту ни въ другую сторону; но какъ при разсматриваемомъ состоя-

ніи пояса, онъ уподобляется брусу съ однимъ постояннымъ сѣченіемъ, то искомое сѣченіе, разграничивающее грузы, будетъ то же, что названо было выше, постояннымъ сѣченіемъ сжатія.

Постоянное сѣченіе сжатія не находится посрединѣ пояса, ибо въ такомъ случаѣ суммы силъ, дѣйствующихъ вдоль бруса въ одну и въ другую сторону, были бы равны, между тѣмъ, сумма силъ, дѣйствующихъ на половинѣ бруса къ свободному концу его, вся дѣйствовала бы на постоянное сѣченіе сжатія, сумма же силъ на другой половинѣ бруса только частію передавалась бы на постоянное сѣченіе бруса, а потому, тогда небыло бы равновѣсія силъ, дѣйствующихъ на постоянное сѣченіе сжатія.

Основываясь на этомъ, найдено, что постоянное сѣченіе сжатія, ближе къ свободному концу пояса.

Для опредѣленія точнаго положенія постояннаго сѣченія сжатія, полагается сперва, что оно соотвѣтствуетъ одному изъ болтовъ; въ этомъ предположеніи ищется неизвѣстное число панелей отъ сказаннаго сѣченія въ обѣ стороны, для чего, начиная съ средины фермы, выводятся сжимающія силы вдоль пояса, выражая ихъ посредствомъ числа панелей, соотвѣтствующаго разстоянію точки ихъ приложенія къ поясу, отъ постояннаго сѣченія сжатія, составляется изъ нихъ уравненіе равновѣсія, изъ котораго опредѣляется неизвѣстная величина.

Для примѣра, взята ферма моста съ 24 панелями; прикладывая къ ней вышесказанное, найдено, что постоянное сѣченіе сжатія находится на разстояніи 9,297 панелей отъ свободнаго конца, и на 14,703 панелей отъ постояннаго сѣченія, соотвѣтствующаго средней опорѣ.

Въ таблицѣ (на страницѣ 57) показаны напряженія различныхъ болтовъ фермы, по которымъ, извѣстнымъ образомъ, получается напряженіе крестовинъ.

Верхній поясъ, до 18-го болта *) будетъ сжиматься, при

*) Считая отъ устоя.

18-мъ же болтѣ часть составляющей по поясу отъ нагрузки, разложится на двѣ половины, изъ которыхъ одна будетъ сжимать часть пояса отъ этого болта до постояннаго сѣченія сжатія, а другая растягивать часть пояса отъ помянутаго болта къ средней опорѣ.

Сравнивая силы, растягивающія верхній поясъ съ сжимающими его въ этомъ случаѣ, найдено, что поясъ подвергается растягиванію почти вдвое бо̀льшему сжатія.

Для убѣжденія въ томъ, что вышепомянутый способъ исчисленія напряженій частей фермы недаетъ невѣрныхъ выводовъ отъ того, что число панелей до постояннаго сѣченія предположено было цѣлымъ, между тѣмъ, какъ оно дѣйствительно дробное, сдѣлано особое исчисленіе, въ которомъ, постоянное сѣченіе сжатія предположено между 9 и 10 болтами, и предположивъ неизвѣстными разстоянія его отъ этихъ болтовъ, снова опредѣлены составляющія нагрузки вдоль поясовъ и составлено уравненіе, изъ котораго для этихъ неизвѣстныхъ получены выводы, весьма близкіе къ тѣмъ, которые найдены были прежде.

Затѣмъ подполковникъ Журавскій разсматриваетъ случаи, относящіеся до фермъ мостовъ о нѣсколькихъ пролетахъ, изложивъ сперва нѣкоторыя общія свойства фермъ мостовъ о нѣсколькихъ пролетахъ, полагая пояса цѣльными непрерывными брусьями; что облегчитъ опредѣленіе напряженій частей фермъ моста имѣющаго болѣе двухъ пролетовъ.

Главнѣйшіе предметы, разсматриваемые г. подполковникомъ Журавскимъ въ этой послѣдней статьѣ первой части его сочиненія суть слѣдующія:

1) *Условія перемѣщеній сѣченій раздѣла грузовъ, расположенныхъ надъ опорами.*

2) *Вліяніе силы, приложенной вдоль пояса на напряженіе поясовъ и на перемѣщеніе сѣченій раздѣла грузовъ, расположенныхъ надъ опорами.*

3) *Доказательство неравенствъ между относительными вели-*

чинами напряженій: поясовъ въ фермахъ о различномъ числѣ панелей и верхняго пояса фермы о нѣсколькихъ пролетахъ, равномѣрно нагруженныхъ.

4) *Относительныя величины напряженій верхнихъ поясовъ въ различныхъ пролетахъ фермы равномѣрно нагруженной при нечетномъ и четномъ числѣ пролетовъ.*

5) *Распредѣленіе величинъ пролетовъ.*

6) *Вліяніе неравностей коэфиціентовъ сжатія и растягиванія на напряженіе частей фермы.*

7) *Опредѣленіе напряженія частей фермы моста о нѣсколькихъ пролетахъ, неравномѣрно нагруженныхъ.*

8) *Вліяніе временной нагрузки, неравномѣрно на фермѣ расположенной, на напряженіе частей крайняго пролета.*

9) *Вычисленіе напряженія частей промежуточнаго пролета моста о нѣсколькихъ пролетахъ, равномѣрно нагруженнаго, и кромѣ того, поддерживающаго неравномѣрно расположенную временную нагрузку.*

10) *Точнѣйшее опредѣленіе напряженій частей фермъ, при неравномѣрной нагрузкѣ моста.*

11) *Вліяніе подкосовъ на напряженіе частей фермы*, и наконецъ.

12) *О числѣ фермъ въ одномъ пролетѣ.*

Всѣ эти вопросы, предметъ которыхъ представляетъ большую важность въ теоріи мостовъ системы Гау, разрѣшены г. подполковникомъ Журавскимъ самымъ полнымъ и удовлетворительнымъ образомъ.

Вторая часть сочиненія подполковника Журавскаго подъ заглавіемъ:

«*О прочномъ сопротивленіи матеріаловъ, употребляемыхъ въ частяхъ фермъ моста по системѣ Гау*» *), имѣетъ предметомъ рѣшеніе слѣдующихъ двухъ главныхъ вопросовъ:

*) 1-я половина этой части разсмотрѣна въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, одобрена и разрѣшена къ напечатанію въ журналѣ Главнаго Управленія.

1) Опредѣлить прочное сопротивленіе составныхъ брусьевъ или поясовъ фермъ какой бы то ни было системы, принявъ въ соображеніе расположеніе стыковъ, качество матеріаловъ, форму и размѣры составныхъ частей поясовъ фермъ и величину силъ, производящихъ раздвиженіе въ сращиваніяхъ? — и

2) Опредѣлить прочное сопротивленіе бруса, подверженнаго силѣ, перпендикулярной къ его длинѣ, принявъ въ соображеніе раскалывающую силу, то есть силу, производящую разслоеніе вдоль фибровъ отъ дѣйствія сгибающей силы?

Первый вопросъ подполковникъ Журавскій рѣшилъ, опредѣливъ зависимость между зазорами въ составныхъ частяхъ фермы, образующимися отъ дѣйствія растягивающихъ силъ, частичными силами матеріала и величинами силъ, производящихъ раздвиженіе въ сращиваніяхъ.

Второй вопросъ подполковникъ Журавскій разрѣшилъ, опредѣливъ зависимость между формою и размѣромъ бруса, изъ матеріала даннаго качества, и силою, производящею разслоеніе вдоль фибръ отъ дѣйствія сгибающей силы.

Опредѣленіе, какъ 1-й такъ и 2-й зависимости, основано на *новой мысли*.

Въ теоріи сопротивленія брусьевъ перелому; Навье не разсматривалъ проявляющіяся въ сгибаемомъ брусѣ частичныя силы, которыя стремятся произвесть разслоеніе фибръ, о чемъ онъ упоминаетъ самъ въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Résumé des leçons sur l'application de la mécanique» (стран. 42), а о составныхъ брусьяхъ, соединенныхъ шпонками и стянутыхъ хомутами Навье, полагаетъ, что сопротивленіе такой связи изгибу или перелому не разнится чувствительно отъ сопротивленія, представляемаго одною штукою такихъ размѣровъ. Но этого недостаточно. Надобно опредѣлить сколько нужно шпонокъ? на какомъ разстояніи помѣщать ихъ? какая должна быть толщина хомутовъ? Эти всѣ вопросы разрѣшаются *въ первый разъ* формулами, выведенными подполковникомъ Журавскимъ, при опредѣленіи вышеупомянутыхъ зависимостей.

Подполковникъ Журавскій, разсмотрѣвъ проявляющіяся въ сгибаемомъ брусѣ частичныя силы, которыя стремятся произвесть разслоеніе фибръ, ввелъ эти силы въ формулу, приложеніе которой разрѣшило 2-й вопросъ и привело его къ любопытнымъ и полезнымъ выводамъ, какъ на примѣръ: прикладывая эту формулу къ сосновому брусу даннаго размѣра, онъ опредѣлилъ, что отъ дѣйствія даннаго груза, привѣшеннаго къ одному концу бруса, брусъ долженъ расколоться на четыре части, а потомъ уже каждая часть должна разломиться на двое.

Сверхъ того вышеупомянутымъ анализомъ подполковникъ Журавскій доказалъ ошибочность предположенія Навье, будто короткій брусъ, вдѣланный однимъ концемъ въ стѣну и нагруженный на другомъ концѣ, долженъ отломиться по сѣченію, которымъ онъ вдѣланъ въ стѣну.

Подполковникъ Журавскій столь же ясно доказалъ и существующее весьма важное различіе въ прочномъ сопротивленіи между цѣльными и составными брусьями; о каковомъ сопротивленіи Навье полагалъ, что оно почти одно и то же для составнаго и цѣльнаго бруса.

Что же касается до формулъ, разрѣшающихъ 1-й вопросъ, то признавая эти формулы вѣрными, мнѣ весьма желательно было бы, чтобъ зазоры, которыя въ формулахъ вводятся какъ величины, пропорціональныя растягивающимъ силамъ, опредѣлялись не изъ одних опытовъ, а выставлялись бы по величинамъ сжатія шпонокъ и врубокъ и удлиненія досокъ въ предѣлахъ упругости матеріала, принявъ за основаніе таблицы коэфиціентовъ упругости сосноваго и дубоваго дерева; по сообщеніи мною о семъ г. подполковнику Журавскому, онъ объявилъ мнѣ, что и онъ, при составленіи формулъ для вычисленія сопротивленія составнаго бруса растягивающимъ силамъ, дѣйствующимъ вдоль бруса, также очень желалъ вычислять величины зазоровъ на основаніи коэфиціентовъ упругости дубоваго и сосноваго лѣса, но это оказалось совершенно невозможнымъ: ни въ какомъ сочиненіи неимѣлось таковыхъ коэфиціентовъ,

для величинъ сжатія дубоваго лѣса, когда силы дѣйствуютъ нормально къ фибрамъ.

Равномѣрно и для величинъ: сжатія фибръ врубки силами, направленными вдоль фибръ и вдавливанія сосновыхъ фибръ врубки въ фибры дубовыхъ шпонокъ; каковое вдавливаніе, составляетъ значительную часть зазора, ни въ одномъ сочиненіи не оказалось надлежащихъ коэфиціентовъ, и потому г. Журавскому было невозможно вычислить величины зазоровъ, принявъ за основаніе таблицы коэфиціентовъ упругости сосноваго и дубоваго лѣса.

Но такъ какъ всѣ приведенные элементы величины зазоровъ пропорціональны силѣ, дѣйствующей поперегъ бруса, то имъ и принято, что и вся величина зазора пропорціональна силѣ p.

Съ этимъ заключеніемъ я съ своей стороны совершенно согласенъ.

Приложеніе опредѣленныхъ формулъ привело подполковника Журавскаго къ весьма любопытнымъ и полезнымъ выводамъ, а именно:

1) Изъ сравненія сопротивленія растягиванію поясовъ фермы, опредѣлены правила, какъ слѣдуетъ располагать, сращивать и связывать между собою части деревянныхъ или металлическихъ брусьевъ.

2) Указаны недостатки въ растягиваемой части Британскаго трубчатаго моста.

3) Опредѣлены достоинства и недостатки поясовъ различныхъ Американскихъ мостовъ.

4) Опредѣлены условія, при которыхъ желѣзныя связи, употребляемыя въ деревянныхъ поясахъ, приносятъ наибольшую пользу.

5) Выведены прочныя сопротивленія различныхъ частей фермъ Гау и опредѣлены приличныя назначенія размѣровъ для составныхъ частей другихъ системъ.

6) Опредѣлено прочное сопротивленіе брусьевъ въ зависимости отъ различнаго расположенія фибръ.

7) Опредѣлено число и размѣры заклепокъ, необходимыхъ для связей верхней и нижней части котельной балки съ ея среднею частію. — И

8) Опредѣлена возможность упроченія системы, посредствомъ дополнительной связи въ такихъ случаяхъ, когда растягивающія силы встрѣчаютъ сопротивленіе въ совокупномъ дѣйствіи частичныхъ силъ въ системѣ и дополнительной связи; безъ удовлетворенія этому условію, дополнительная связь могла бы только упрочить поврежденную или ослабѣвшую часть системы, а не самую систему.

Польза предположеннаго способа упроченія системы дознана уже изъ опыта.

Разсматриваемое мною сочиненіе подполковника Журавскаго, кромѣ упомянутыхъ выше сего формулъ и выводовъ, для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, относящихся до проэктированія и построенія Американскихъ мостовъ системы Гау, заключаетъ также практическія данныя, весьма полезныя для инженеровъ-строителей, а какъ эти данныя извлеченны изъ опыта построенія одною изъ важнѣйшихъ мостовъ С. Петербурго-Московской желѣзной дороги (чрезъ Веребьинскій оврагъ), сооруженіе котораго отъ самаго проэктированія до совершеннаго окончанія возложено было на подполковника Журавскаго, то онѣ могутъ внушать полное довѣріе.

Главнѣйшія изъ сказанныхъ практическихъ данныхъ суть слѣдующія:

1) О сборкѣ фермъ на мѣста.

2) 66 различныхъ рабочихъ уроковъ, которые по новости работъ этого рода не могли найти мѣста въ изданныхъ Урочныхъ Положеніяхъ.

3) Объ осадкѣ фермъ Веребьинскаго моста при движеніи по оному поѣзда.

4) Объ осадкѣ средней фермы средняго пролета, когда локомотивы поѣздовъ находились на различныхъ пролетахъ.

5) О размѣрахъ частей фермъ различныхъ отверстій мостовъ.

построенныхъ на С. Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ, — и

6) О ремонтѣ и исправленіи мостовъ по системѣ Гау.

Сочиненіе подполковника Журавскаго заключается тремя прибавленіями. Первое показываетъ вѣсъ фермы на протяженіи одного пролета и на протяженіи одной панели Веребьинскаго моста. Второе заключаетъ общія соображенія при проэктированіи моста по роскосной системѣ, и наконецъ третье прибавленіе — содержитъ замѣчанія на сопротивленіе бруса, подверженнаго силѣ, нормальной къ его длинѣ. Всѣ эти прибавленія могутъ быть весьма полезными для инженеровъ-строителей.

Въ заключеніе считаю долгомъ отдать полную справедливость отличнымъ познаніямъ г. подполковника Журавскаго; трудъ его доказываетъ, по мнѣнію моему, необыкновенную ловкость въ аналитическихъ пріемахъ и въ приложеніяхъ положительныхъ наукъ къ строительному искуству.

По заключающимся же въ его сочиненіи выводамъ и формуламъ, сочиненіе это безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми записками и изслѣдованіями о выгодахъ и недостаткахъ мостовъ системы Гау, и что еще важнѣе, оно обнаружило ошибочность нѣкоторыхъ изъ заключеній извѣстнаго ученаго Навье, принятіе которыхъ за правильныя могло бы имѣть послѣдствіемъ поврежденіе и даже разрушеніе самыхъ фермъ изъ составныхъ брусьевъ *).

Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы разсмотрѣнное мною сочиненіе подполковника Журавскаго, стоившее ему многихъ лѣтъ трудовъ и постоянныхъ наблюденій для удачнаго разрѣшенія трудныхъ вопросовъ по предмету новому и крайне интересному для строителей, обратило на себя вниманіе Императорской Академіи Наукъ. Всякое поощреніе со стороны пер-

---

*) Этимъ заключеніямъ слѣдовали извѣстные Англійскіе инженеры: Стефенсонъ, Годкинсонъ и Фербернъ при составленіи растягиваемыхъ частей трубчатыхъ мостовъ: Кенуэйскаго и Британскаго. Сдѣланная ими, въ слѣдствіе сего, важная ошибка въ расположеніи стыковъ, вынудила ихъ придать большее сѣченіе стягиваемымъ составнымъ частямъ, и тѣмъ ввела въ лишній расходъ.

ваго ученаго въ Имперіи сословія, побудило бы подполковника Журавскаго къ предпріятію къ пользѣ науки, новыхъ ученыхъ трудовъ.

Въ дополненіе къ приложенному разбору сочиненія подполковника Журавскаго *О мостахъ по системѣ Гау*, считаю не излишнимъ присовокупить, что вычисленія, въ этомъ сочиненіи изложенныя, прилагаются не только къ упомянутымъ мостамъ, но и вообще къ мостамъ раскосной системы деревяннымъ или желѣзнымъ, каковые мосты играютъ весьма важную роль при построеніи новѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ.

Сколько мнѣ извѣстно, составленная г. Журавскимъ теорія была изложена имъ прежде, нежели гдѣ нибудь былъ напечатанъ разборъ раскосной системы; и до сихъ поръ самый разборъ нигдѣ не былъ сдѣланъ столь полно и удовлетворительно какъ въ упомянутомъ сочиненіи подполковника Журавскаго.

Изъ результатовъ теоріи г. Журавскаго мостовъ раскосной системы, выводы относящіеся до опредѣленія различныхъ размѣровъ желѣзныхъ болтовъ для извѣстнаго пролета были въ первый разъ приложены въ практикѣ у насъ въ Россіи, а именно при построеніи большихъ мостовъ С. Петербурго-Московской желѣзной дороги и при сооруженіи кружалъ Николаевскаго чрезъ рѣку Неву моста.

РАЗБОРЪ

сочиненія

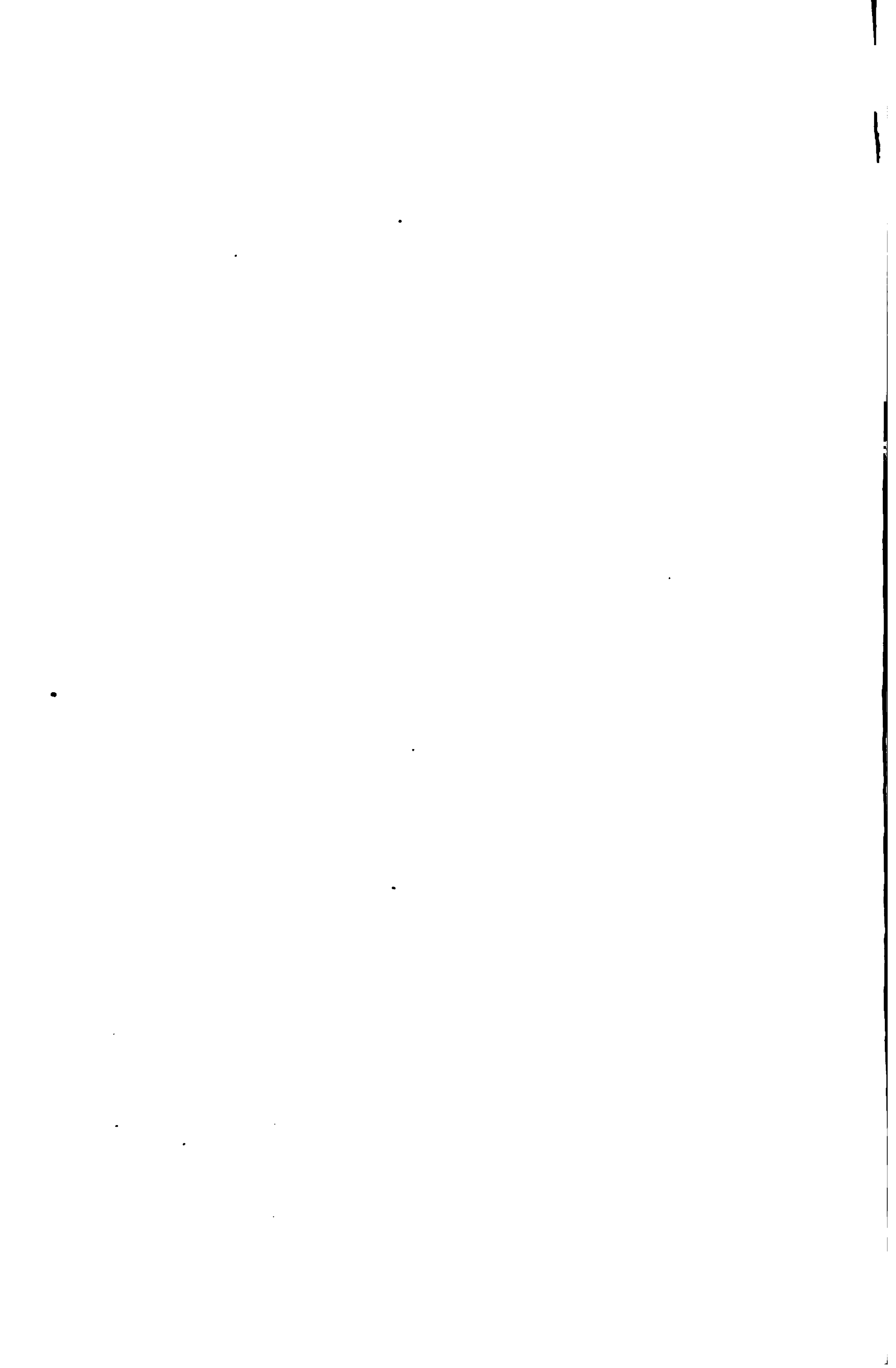
Фридриха Георга фонъ-БУНГЕ

подъ заглавіемъ:

LIVLÄNDICHES URKUNDENBUCH,

составленный

Академикомъ **Куникомъ.**

Liv-, Esth-und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Herausgegeben von Friedrich Georg von Bunge. Erster Band. 1093—1300. Reval 1853. Zweiter Band. Reval 1854.

Собраніе Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ грамотъ, съ Регестами. Издалъ Фридрихъ Георгъ фонъ-Бунге. Часть первая. 1093 — 1300. Ревель 1853. (Предисловіе XII стр., перечень — 188, текстъ грамотъ — 776, оглавленіе 778 — 800). Часть вторая. Ревель. 1854. (Всего около 160 листовъ).

Исторія Лифляндіи, въ обширномъ смыслѣ слова, много разработана въ послѣднія десятилѣтія; но разработка эта обращена была больше на отдѣльные предметы порознь, чѣмъ на цѣлую совокупность внѣшней или внутренней исторіи во всемъ ея объемѣ. Это ограниченіе круга изслѣдованій допущено лифляндскими историками обдуманно и очень благоразумно: они поняли, что всего прежде нужно сдѣлать доступными источники, очистить ихъ посредствомъ критики и вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснить, посредствомъ монографій, нѣкоторыя темныя стороны, чтобы такимъ образомъ подготовить настоящую исторію Лифляндіи, которая до позднѣйшаго времени дѣйствительно была еще невозможна, если разумѣть подъ исторіей что нибудь больше, чѣмъ общій ея очеркъ.

Можетъ быть, намъ не долго придется ждать обстоятельной исторіи Лифляндіи и связанныхъ съ нею провинцій Эстляндіи

и Курляндіи. По крайней мѣрѣ нужные для того источники въ послѣднія двадцать лѣтъ почти удвоились, полагая въ томъ числѣ и грамоты, которыя теперь есть возможность обозрѣть въ цѣломъ ихъ объемѣ и оцѣнить по внутреннему значенію. Пріобрѣтеніемъ этого рода источниковъ историческая литература обязана особенно двумъ ученымъ — г. Напѣрскому въ Ригѣ и г. Бунге въ Ревелѣ.

Георгъ фонъ-Бунге, нынѣ бургомистръ города Ревеля, до 1843 года былъ профессоромъ Лифляндскаго областнаго права. Какъ юристъ по своимъ спеціальнымъ занятіямъ, онъ старался собирать, издавать и пояснять источники Лифляндскаго права, имѣя въ виду составить обстоятельную исторію мѣстнаго права остзейскаго края *). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ представлялъ намъ свое введеніе въ исторію остзейскаго права, сочиненіе всѣми уважаемое, которое однако не было тогда увѣнчано, частію потому что ограничивалось одною только областью, частію же потому, что это было лишь введеніе, а еще не исторія. На нынѣшній же конкурсъ онъ представилъ сочиненіе, имѣющее болѣе общаго интереса.

Какъ историкъ права, г. Бунге не могъ не замѣтить, что собраніе Лифляндскихъ грамотъ, изданныхъ и неизданныхъ, составляетъ настоятельную потребность. Потому онъ уже въ 1828 году возъимѣлъ намѣреніе составить такое собраніе, и тогда же началъ предварительныя работы. Грамотъ тогда было издано еще весьма немного; но вскорѣ онѣ, и въ томъ числѣ очень важныя, начали довольно часто являться въ печати, по бо́льшею частію порознь, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Притомъ г. Бунге имѣлъ случай пріобрѣсть нѣсколько собраній, начатыхъ другими, вслѣдствіе чего онъ вошелъ въ сноше-

*) О его литературной дѣятельности можно получить свѣдѣнія изъ книги: «Die Literatur der Geschichte Liv-, Ehst-und Curlands aus den Jahren 1836 bis 1847 in übersichtlicher Zusammenstellung». Von Jul. Paucker. Dorpat 1848.

нія съ иногородными и иностранными учеными, и получилъ доступъ въ разные городскіе и частные архивы въ остзейскомъ краѣ, которыми до тѣхъ поръ мало кто, или даже вовсе никто не пользовался. Особенно же обильное приращеніе получило его собраніе по переселеніи его, въ 1843 году, въ Ревель, гдѣ для него сдѣлались доступными архивы Эстляндскаго дворянства и Ревельскаго магистрата. Не мало также доставлено ему грамотъ учеными друзьями изъ разныхъ Русскихъ и иностранныхъ архивовъ, въ томъ числѣ изъ Литовской метрики. Нѣкоторыя грамоты, напечатанныя прежде съ ошибками, исправлены имъ по оригиналамъ. Остались еще, конечно, иные, и притомъ немаловажные памятники, даже въ самомъ остзейсконъ краѣ, для г. Бунге недоступными; но ему надобно же было наконецъ приступить къ изданію своего богатаго собранія, которое въ настоящемъ объемѣ должно наполнить болѣе пяти томовъ. Первая часть, содержащая грамоты съ XI до начала XIV вѣка, отпечатана еще въ 1853 году; печатаніе второй части нынѣ приводится къ концу.

По положенію о Демидовскихъ наградахъ, не изданіе текстовъ само по себѣ, а только изслѣдованія и пріобрѣтаемыя ими объясненія текста берутся въ разсчетъ на конкурсѣ. А г-нъ Бунге, по самой цѣли своего предпріятія, не могъ имѣть намѣренія написать комментарій къ своему собранію, хотя онъ, за исключеніемъ г. Напѣрскаго, конечно способнѣе къ тому всякаго другаго. За то онъ предлагаетъ, на 188 страницахъ in-4°, на Нѣмецкомъ языкѣ, перечень событій, извлеченныхъ изъ 603 грамотъ, помѣщенныхъ въ I-й части. Фактовъ же въ перечнѣ или регестахъ больше чѣмъ грамотъ, именно 689; потому что въ перечень внесены еще факты изъ другихъ грамотъ. Перечень представляетъ собою нѣчто въ родѣ комментарія; онъ уже снискалъ себѣ похвальные отзывы тѣхъ, которые испытали его употребленіе, и впредь, безъ сомнѣнія, пріобрѣтетъ сочинителю глубокую благодарность всякаго, кто будетъ пользо-

ваться собранными имъ грамотами. Авторъ не только передаетъ, часто весьма подробно, содержаніе грамотъ, но и старается болѣе или менѣе пояснять ихъ.

Кому доводилось пользоваться такими перечнями, т. е. подробными регестами, въ историческихъ изысканіяхъ, тотъ знаетъ, какихъ трудовъ должно стоить ихъ сочиненіе, какого постоянства въ занятіяхъ, сколько особеннаго искусства и какой обширной начитанности требуетъ ихъ составленіе. Мы сейчасъ покажемъ условія, которыя дали г. Бунге возможность отчетливо составить такой перечень и сдѣлать его столь удобнымъ для употребленія.

1) Г. Бунге занимался изданными имъ грамотами не въ одну опредѣленную пору, а въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, какъ видно уже изъ множества историческихъ статей и объясненій на отдѣльныя грамоты, изданныхъ имъ въ послѣднія двадцать лѣтъ.

2) Вѣрный взглядъ на каждую грамоту и правильная оцѣнка каждой по историческому значенію, какъ видимъ въ перечнѣ г. Бунге, легко удаются ему и могли удаваться только потому, что онъ вообще близко знакомъ съ источниками Лифляндской исторіи и прослѣдилъ свой предметъ по всему объему журнальныхъ статей, писанныхъ его предшественниками и современниками. На многія изъ этихъ статей онъ и ссылается въ своемъ перечнѣ.

3) Г. Бунге не просто историкъ, но вмѣстѣ историкъ-юристъ и административный практикъ. При такомъ благопріятномъ совмѣщеніи трехъ разныхъ сторонъ, онъ умѣетъ дать вѣсъ и такимъ вещамъ, которыя ускользаютъ изъ глазъ даже у опытныхъ историковъ, тогда какъ онѣ дѣйствительно важны и заслуживаютъ вниманія для внутренней исторіи края.

Можно бы, конечно, пожелать въ перечнѣ тамъ или индѣ поясненій, и именно желательно бы почаще встрѣчать ссылки

на Лифляндскія и Русскія лѣтописи и другіе источники; но это составило бы новый трудъ, который могъ задержать осуществленіе настоящаго предпріятія на неопредѣленно-долгое время. Только одинъ можно замѣтить дѣйствительный и довольно ощутительный недостатокъ, именно въ хронологическомъ вычисленіи годовъ, какіе значатся въ грамотахъ.

Если бы г. Бунге не вдавался въ такое подробное изложеніе историческаго содержанія грамотъ, какое находимъ въ его регестахъ, то ему никто не могъ бы сдѣлать за то упрека: это вполнѣ зависѣло отъ его воли. Но какъ скоро онъ ввелъ въ перечень хронологическія изслѣдованія, то мы имѣемъ неоспоримое право не только ожидать правильной хронологической методы въ вычисленіи данныхъ лѣтъ, но и требовать хотя краткаго, но отчетливаго изложенія основаній этой методы въ особомъ предисловіи. Да и самъ онъ вовсе не расположенъ считать свои хронологическія справки и ссылки за избытокъ учености, безъ котораго могла бы обойтись его книга: напротивъ, въ предисловіи онъ прямо говоритъ, что «его критическія замѣтки, особенно относительно хронологіи, иногда разрастаются до небольшихъ разсужденій (Excurse)». За это можно только благодарить сочинителя, особенно если принять въ соображеніе, что въ иныхъ, важныхъ по содержанію, грамотахъ вовсе нѣтъ годовыхъ чиселъ, въ другихъ нѣтъ мѣсяца и дня, а между тѣмъ многія грамоты, своими обстоятельными показаніями времени, исправляютъ не только числа въ лѣтописяхъ, но иногда тѣми же показаніями вмѣстѣ съ упоминаемыми при томъ лицами и событіями, даютъ средство мѣтко возстановлять въ настоящемъ видѣ цѣлый рядъ событій, и не только въ собственной исторіи Лифляндіи, но и у другихъ, соприкосновенныхъ съ ней странъ. Замѣтимъ впрочемъ, что тѣ изъ историковъ, которые предпринимаютъ въ этомъ родѣ точныя и обстоятельныя изслѣдованія, имѣя въ виду пользу прагматической исторіи, донынѣ составляютъ лишь исключеніе изъ общаго правила, господствующаго

въ большинствѣ обработывателей средней исторіи. Г. Бунге въ своемъ перечнѣ дѣлаетъ ссылки на многихъ знаменитыхъ историковъ, которые, при всѣхъ своихъ ученыхъ достоинствахъ и заслугахъ, обнаруживаютъ лишь свою несостоятельность, какъ скоро въ извѣстныхъ случаяхъ вдаются въ хронологическія объясненія. Да и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ перечень г. Бунге можетъ иной разъ ввести неопытнаго хронолога въ заблужденіе.

Такъ какъ самыя основанія, на какихъ производятся вычисленія въ перечнѣ событій, не изложены въ особой статьѣ, то мы можемъ судить объ нихъ только по отдѣльнымъ примѣрамъ. У г. Бунге, конечно, не мало опытовъ вычисленія, вполнѣ заслуживающихъ одобренія. Но вездѣ, гдѣ только приводятся у него годы Русскаго лѣтосчисленія, непремѣнно предполагается, что въ Россіи въ XIII в. было уже употребительно сентябрское лѣтосчисленіе отъ С. М., тогда какъ со времени Круга и Карамзина извѣстно, что въ то время въ дѣлахъ гражданскихъ употреблялось только мартовское лѣтосчисленіе съ новолѣтіемъ 1 Марта. Г. Бунге ссылается на примѣчанія Карамзина, которыя онъ читаетъ въ Русскомъ оригиналѣ, также на Лерберга и непрямымъ образомъ на Круга; но всѣ они въ нѣкоторыхъ случаяхъ не умѣли правильно перелагать мартовскіе годы на нынѣшніе: вслѣдствіе того сдѣланное г-мъ Бунге вычисленіе времени, когда заключены два важные договора Лифляндскихъ Нѣмцевъ съ Смоленскомъ и Новгородомъ, должно предпринять снова. Да и касательно лѣтосчисленій, бывшихъ въ употребленіи у католиковъ, не видно въ перечнѣ г. Бунге совершенно яснаго понятія. Онъ знаетъ, конечно, открытіе, сдѣланное покойнымъ Ганзеномъ, что въ первой половинѣ XIII вѣка въ Лифляндіи были въ употребленіи благовѣщенскіе годы, — съ 25 Марта. Но въ такомъ случаѣ надобно было поступать послѣдовательно, и хронологическія показанія источниковъ не принимать безъ дальнихъ околичностей за такія же числа на-

шего январскаго лѣтосчисленія по Юліанскому календарю, потому что оно начинаетъ свой годъ почти тремя мѣсяцами раньше благовѣщенскаго. Чтобы привести хотя одинъ примѣръ, указываю день кончины Лифляндскаго архіепископа Альберта, который въ первые найденъ въ источникахъ, можетъ быть, независимо отъ Арндта, Кругомъ и имъ же, а теперь и г-мъ Бунге приведенъ для опредѣленія времени договора между Ригою и Смоленскомъ. Но ихъ заключеніе покуда еще слишкомъ поспѣшно, потому что они не обращали вниманія ни на новолѣтіе благовѣщенскаго года, ни на новолѣтіе декабрскаго года. О декабрскомъ *новолѣтіи* у г. Бунге нѣтъ и помину *), а между тѣмъ это вовсе не было бы лишнимъ, потому что декабрское лѣтосчисленіе было довольно употребительно, и нельзя представить, чтобы во всѣхъ, изданныхъ г-мъ Бунге, грамотахъ: лифляндскихъ, сѣверно-нѣмецкихъ, прусскихъ и папскихъ, были только благовѣщенскіе годы. А декабрскій годъ начинался около 90 дней раньше благовѣщенскаго.

Послѣ всѣхъ искаженій, какимъ подвергался у историковъ естественный ходъ событій по недостатку строгихъ хронологическихъ вычисленій, послѣ всѣхъ неестественныхъ сближеній, въ какія по той же причинѣ ставились событія начиная съ 25 декабря даже до апрѣля — помянутый недостатокъ донынѣ составляетъ еще почти всеобщій недугъ въ исторической литературѣ у всѣхъ народовъ. Г. Бунге съ своей стороны, конечно не откажется сдѣлать, въ прибавленіяхъ къ третьей части, необходимыя поправки для неопытныхъ хронологовъ и особенно для молодыхъ историковъ, которые такъ склонны полагаться на авторитеты. Отвѣтственность же за каждое вообще невѣрное хронологическое показаніе на него не можетъ быть возложена, потому что для многихъ фактовъ хронологія можетъ быть твердо установлена только послѣ по-

*) На стр. 28 говорится только объ индиктѣ Папы.

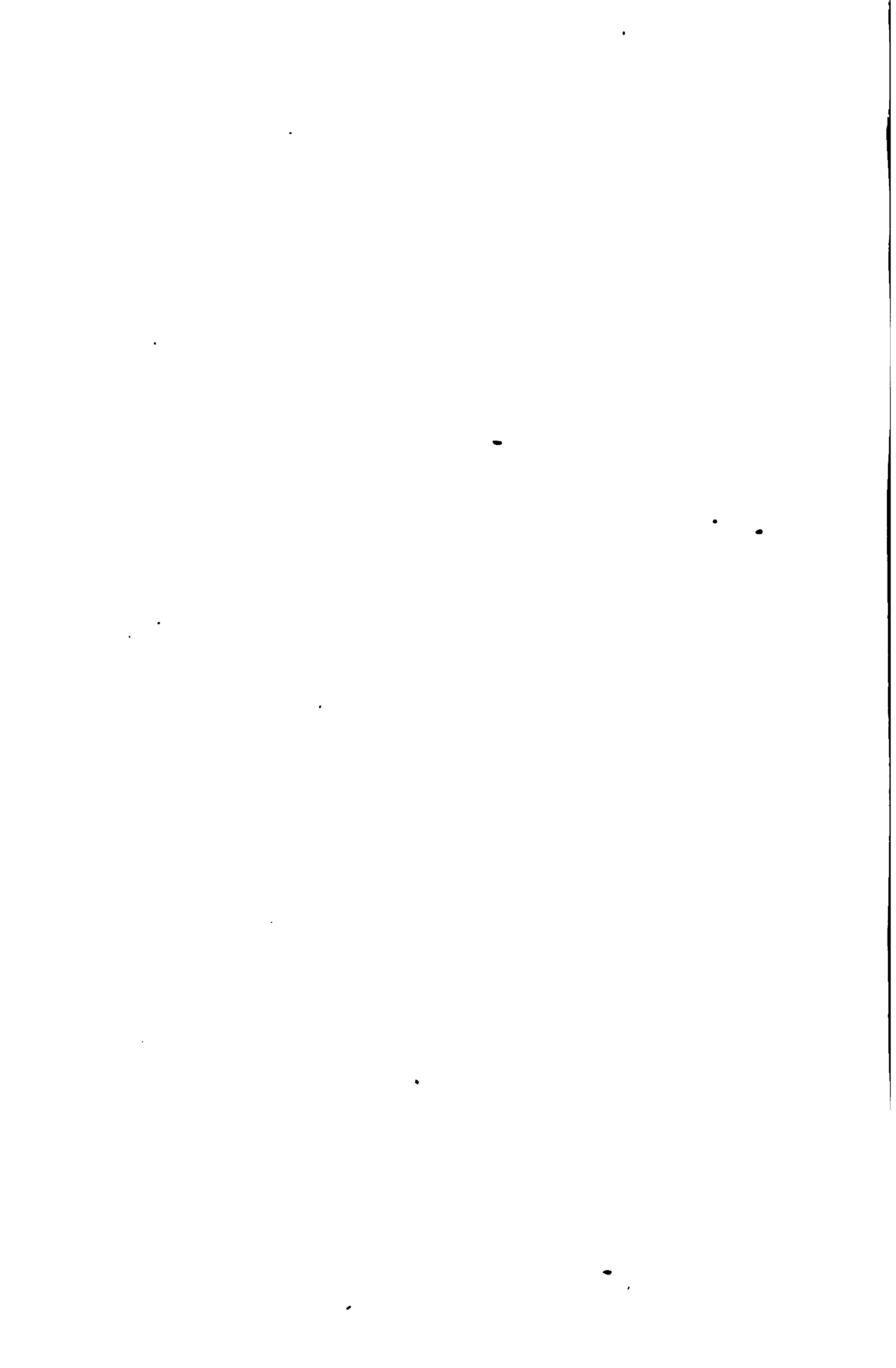
дробнаго разбора естественнаго хода цѣлаго ряда событій лифляндской и русской исторіи. Покуда же не сдѣлано такого разбора, тѣ изъ русскихъ историковъ, которые будутъ пользоваться лифляндскими грамотами безъ обстоятельнаго знанія лифляндской исторіи, въ хронологическомъ отношеніи непремѣнно будутъ опираться на перечень г-на Бунге.

И вотъ мы дошли до особеннаго значенія собранія г-на Бунге съ его перечнемъ, для русской исторіи. Это значеніе состоитъ не въ томъ только, что часть грамотъ и содержанія перечня прямо касается Новгорода, Пскова, западной Руси и Литвы; но, сверхъ того, предлагаемыя здѣсь хронологическія данныя, вмѣстѣ съ другими лифляндскими источниками, вообще служатъ средствомъ къ возстановленію хронографіи Литвы и сѣверо-западной Руси. Въ слѣдующихъ частяхъ собранія, неизданныхъ грамотъ будетъ еще больше, чѣмъ въ первой, а въ числѣ ихъ должно быть больше и такихъ, которыя прямо относятся къ Россіи.

Послѣ всѣхъ, изложеньыхъ нами, общихъ и частныхъ основаній, нельзя не пожелать обширному предпріятію г-на Бунге хорошаго продолженія. Число подписчиковъ, разумѣется, не велико; но до сихъ поръ единовременныя пожертвованія частныхъ лицъ и другія того же рода пособія давали издателю возможность продолжать собраніе безъ затрудненія. Но теперь эти средства, какъ слышно, истощились, и отчасти вслѣдствіе того онъ предполагаетъ впредь убавить размѣры, въ какихъ первоначально хотѣлъ издавать тексты грамотъ и составлять перечень событій. Независимо отъ того участія, какое я, какъ историкъ, могу питать къ этому предпріятію, я могу сослаться на Демидовскій Уставъ, гдѣ говорится: «10. Книги, писанныя на общеупотребительныхъ иностранныхъ языкахъ (Французскомъ, Нѣмецкомъ или Англійскомъ) могутъ состязаться въ наградѣ только тогда, когда заключаютъ въ себѣ *ученыя изслѣдованія о предметахъ, имѣющихъ непосредственное*

отношеніе къ Россіи, и изученіе коихъ требовало постоянныхъ и долголѣтнихъ трудовъ».

А присудивъ г-ну Бунге премію, коммисія употребитъ ее именно во благо россійской исторіи. Кромѣ того, не могу не выразить желанія, чтобы г-ну Бунге назначена была сумма на изданіе третьей и слѣдующихъ частей собранія, дабы онъ могъ продолжать свое предпріятіе, не стѣсняясь и не думая, къ ущербу для науки, слишкомъ сокращать его размѣры.

РАЗБОРЪ

сочиненія

г. доктора МЕРКЛИНА

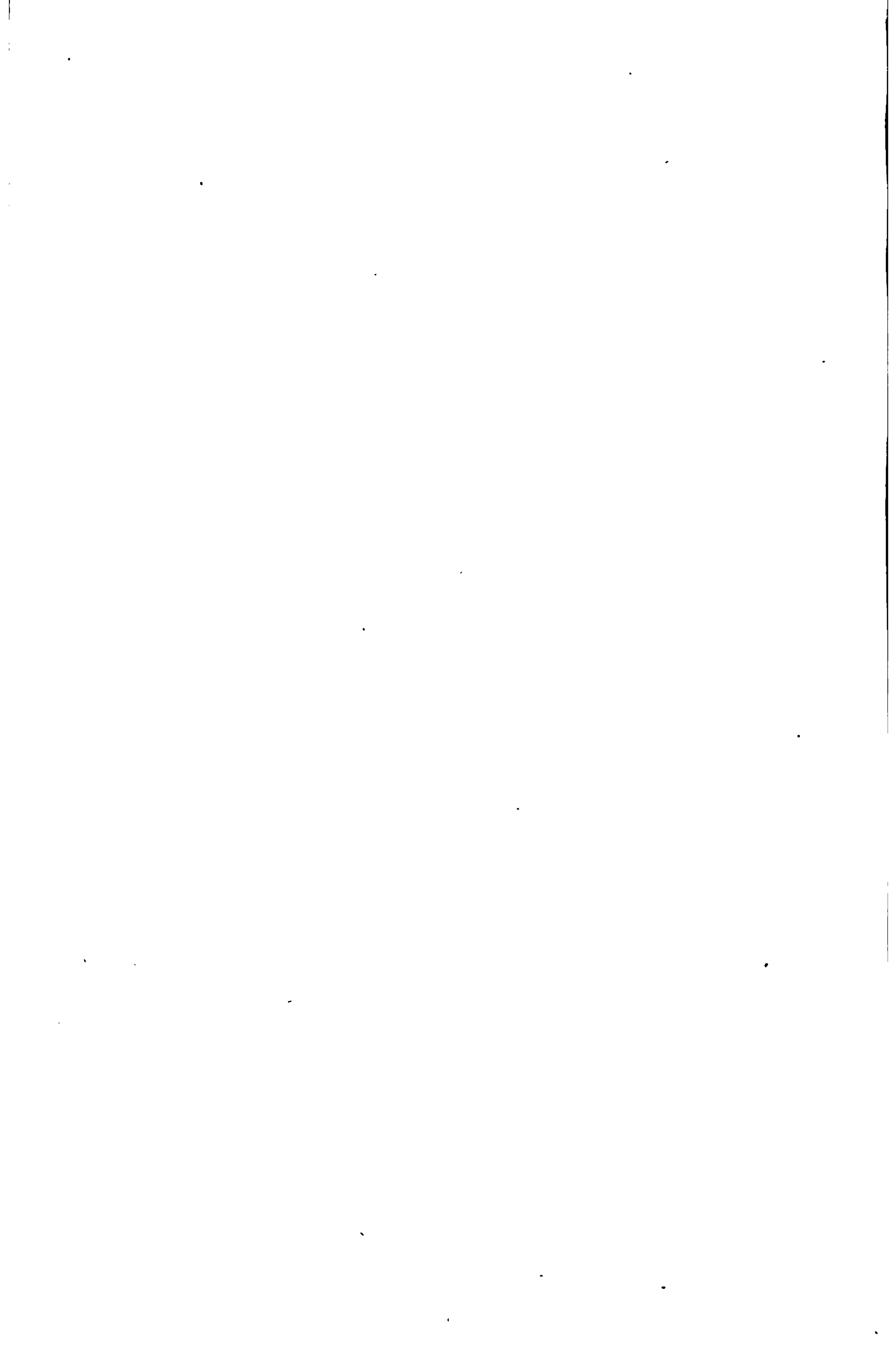
подъ заглавіемъ:

PALAEODENDROLOGICON ROSSICUM,

составленный

академиками

Железновымъ, Рупрехтомъ и Абихомъ.

PALAEODENDROLOGICON ROSSICUM.

VERGLEICHENDE ANATOMISCH-MICROSKOPISCHE UNTERSUCHUNGEN FOSSILER HÖLZER AUS RUSSLAND. EIN BEITRAG ZUR VORWELTLICHEN FLORA, VON DR. C. E. VON MERCKLIN, PHYSIOLOG AM KAISERLICHEN BOTANISCHEN GARTEN ZU ST. PETERSBURG.

Рукопись состоящая изъ 45 листовъ, съ атласомъ изъ 26 таблицъ большаго размѣра.

Сочинитель избралъ для своей дѣятельности довольно новое въ Россіи поприще — опредѣленіе такихъ ископаемыхъ растеній, въ которыхъ сохранились слѣды внутренняго устройства. Этотъ трудъ можетъ быть предпринятъ только при помощи тщательныхъ микроскопическихъ изслѣдованій и основательнаго знанія анатоміи нынѣ живущихъ растеній и потому отъ г. Мерклина можно было заранѣе ожидать удачнаго выполненія этого предпріятія, не только судя по прежнимъ его работамъ по этой части, но и по нахожденію его при Императорскомъ ботаническомъ садѣ, имѣющемъ прекрасное собраніе образцовъ дерева.

Такъ какъ относящіяся сюда остатки первобытной флоры состоятъ большею частію изъ обломковъ древесины, проникнутой твердыми минеральными веществами — кремнеземомъ и углекислою известью, то предварительное подготовленіе такого дерева, состоящее въ оттачиваніи тонкихъ осколковъ до той степени прозрачности, при которой наблюденіе дѣлается возможнымъ, составляетъ продолжительную и утомительную работу;

поэтому неудивительно, что прошло около трехъ лѣтъ въ опредѣленіи 22 видовъ дерева.

Выводы изъ этихъ наблюденій изложены такъ подробно и удовлетворительно, что всякій занимающійся тѣмъ же предметомъ, будетъ имѣть вѣрное средство для сличенія и опредѣленія вновь находимыхъ окаменѣлостей этого же рода.

Слѣдующее за краткимъ предисловіемъ вступленіе раздѣлено на пять главъ: въ первой изъ нихъ разсматривается важность анатомическихъ изслѣдованій для опредѣленія какъ живыхъ, такъ и ископаемыхъ растеній. Для многихъ отдѣловъ растительнаго царства уже найдены отличительные анатомическіе признаки доказывающіе, что внутреннее устройство растеній отражается и во внѣшнемъ ихъ видѣ такъ, что теперь не только нѣкоторые роды но даже виды, по крайней мѣрѣ всѣми признанные, могутъ быть опредѣлены съ достовѣрностію по небольшой части ствола.

Во второй главѣ сочинитель указываетъ на трудности, встрѣчающіяся при соединеніи различныхъ видовъ въ роды даже и живыхъ растеній, подлежащихъ изслѣдованію во всей ихъ полнотѣ, а тѣмъ болѣе ископаемыхъ, рѣдко находимыхъ въ цѣлости.

Далѣе слѣдуетъ изложеніе причинъ, по которымъ опредѣленное до сихъ поръ число видовъ ископаемаго дерева такъ незначительно въ сравненіи съ огромною массою древесныхъ растеній первобытнаго міра. Онѣ должны были имѣть большое значеніе въ тогдашней флорѣ, а потому здѣсь обращается вниманіе на изученіе этой части Палеонтологіи.

Въ четвертой главѣ развивается исторически ходъ этой отрасли науки въ Россіи. Первыя свѣдѣнія объ ископаемомъ деревѣ были собраны путешественниками: Мессершмитомъ, Лепехинымъ, Георги, Палласомъ, но опредѣленіе ихъ было поверхностно, по одной наружной формѣ. Основательное изученіе началось недавно, вмѣстѣ съ успѣхами Геогнозіи. Наибольшее

количество этихъ остатковъ описано въ пермской и каменноугольной почвахъ, между тѣмъ какъ въ новѣйшихъ отложеніяхъ число ихъ было очень скудно: особенно не было извѣстно ни одного вида лиственнаго дерева, опредѣленнаго на основаніи анатомическихъ признаковъ, что отчасти и побудило г. Мерклина особенно заняться этимъ предметомъ.

Наконецъ въ пятой главѣ изложенъ ходъ изслѣдованія ископаемаго дерева и способъ, употребляемый обыкновенно для приготовленія весьма тонкихъ и прозрачныхъ пластинокъ. Для того чтобъ составить себѣ ясное понятіе объ устройствѣ и отличительныхъ признакахъ древесины, необходимо разрѣзать ее по крайней мѣрѣ по тремъ различнымъ направленіямъ: 1) поперечному, 2) продольному, чрезъ сердцевину и 3) продольному по годовымъ слоямъ, а потому можно себѣ представить каковъ долженъ быть одинъ механическій трудъ, предпринятый собственноручно г. Мерклинымъ для приготовленія этихъ пластинокъ. — Многочисленные рисунки имъ же самимъ сдѣланы совершенно удовлетворительно, при помощи новаго прибора Ноберта, а потому можно вполнѣ ручаться за ихъ точность, въ которой мы отчасти лично убѣдились.

Главная часть труда заключаетъ описаніе тѣхъ видовъ ископаемаго дерева, которое г. Мерклинъ имѣлъ случай изслѣдовать. Нѣкоторыя воззрѣнія на анатомическое изученіе и опредѣленіе ископаемыхъ, особенно лиственныхъ деревъ, основываясь на сличеніи со сходными формами нынѣ живущихъ видовъ, предшествуютъ частному изложенію предмета. Изъ многихъ подобныхъ наблюденій выведено заключеніе, что не только роды этихъ растеній, но и виды имѣютъ отличительныя признаки, по которымъ безошибочно можно различать ихъ, хотя во многихъ случаяхъ это различіе трудно выразить словами, а тѣмъ болѣе стѣснить въ общеупотребительныя описательныя формы (діагнозы). Всѣ тонкости устройства вполнѣ

передаются одними лишь рисунками, а они, какъ мы сказали, исполнены такъ, что могутъ замѣнить самые предметы.

Изученіемъ литературы дополнены условія, составляющія достоинство ученаго труда и, надобно сказать, что при опредѣленіи лиственныхъ породъ, почти единственнымъ источникомъ служили извѣстныя сочиненія Унгера,- въ которыхъ описано ихъ 50; но найденные въ Россіи и первый разъ описанные сочинителемъ четыре вида не подходятъ ни подъ одинъ изъ опредѣленныхъ Унгеромъ, хотя и относятся къ извѣстнымъ уже родамъ. Эти виды: Rhoidium Ungeri, Evonyminium Auerbachi, Quercinium rossicum и Betulinium rossicum, сходные съ живущими формами Rhus, Evonymus, Quercun Betula, составляютъ новое у насъ явленіе въ области Палеонтологіи.

Изъ описанныхъ 18 видовъ окаменѣлаго хвойнаго дерева 5 причислены къ роду Pinites, 3 къ Araucarites, остальные къ Cupressinoxylon. Эти роды также извѣстны, но виды, за исключеніемъ двухъ, опредѣлены вновь и такимъ образомъ число извѣстныхъ на русской почвѣ ископаемыхъ хвойныхъ теперь удвоилось. За симъ помѣщено разсужденіе о большомъ родѣ Cupressinoxylon, который до сихъ поръ не былъ отличенъ съ достаточною опредѣлительностію отъ растеній изъ отдѣла пихтовыхъ (Abietineae). Для указанія на ближайшее сходство вновь опредѣленныхъ видовъ послѣдняго рода сочинитель распредѣлилъ ихъ соотвѣтственно нынѣшнему раздѣленію кипарисовыхъ (Cupressineae).

При частномъ описаніи видовъ сперва помѣщены, какъ обыкновенно, краткія опредѣлительныя выраженія; но какъ изъ подобныхъ опредѣленій весьма трудно составить себѣ ясное понятіе о признакахъ вида, то вслѣдъ за тѣмъ находятся: подробное описаніе ископаемаго образца и замѣчанія, сдѣланныя сочинителемъ во время наблюденій. Здѣсь-то мы находимъ множество любопытныхъ подробностей. — Бо́льшею частію разсматриваемыя растенія подвергались, во время ока-

менѣнія, сильному давленію, отъ котораго весеннія части годовыхъ слоевъ, состоящія изъ большихъ ячеекъ съ тонкими стѣнками, потеряли первоначальное положеніе и форму. Ячейки сдавлены, отчасти перепутаны и ряды ихъ, образующіе обыкновенно прямыя линіи, расходящіяся по направленію сердцевинныхъ лучей, приняли видъ ломаныхъ линій такъ, что весенняя часть слоя сдавлена въ сторону, тогда какъ осенняя, состоящая изъ утолщенныхъ ячеекъ, сохранилась безъ измѣненія. — Внутреннее устройство нѣкоторыхъ видовъ дерева, проникнутыхъ кремнеземомъ, сохранилось съ такимъ совершенствомъ, что при разсматриваніи тонко отточенной пластинки можно видѣть тѣ же анатомическія подробности, какія наблюдаются въ удачномъ разрѣзѣ живаго дерева. Особенно замѣчательны смолистые ходы, составляющіе важный признакъ для различія хвойной древесины. Въ нихъ сохранились остатки смолы даже съ отличительнымъ цвѣтомъ; примѣромъ можетъ служить Cupressinoxylon sanguineum, у котораго смолистые ходы въ древесинѣ и сердцевинныхъ лучахъ наполнены каплями темнокрасной смолы. Въ другихъ видахъ, прежде окаменѣнія, дерево обуглилось, разбухло, проточилось животными и отчасти сгнило, отъ чего очертанія ячеекъ, особенно внутреннія, сдѣлались неясными. Когда окаменяющее вещество состоитъ изъ углекислой извести, дѣйствіе слабыхъ кислотъ облегчаетъ наблюденіе, но употребленіе ихъ должно быть ограниченно, потому что древесина такъ измѣнилась, что отъ продолжительнаго дѣйствія кислотъ, она растворяется безъ остатка.

Относительная древность описанныхъ видовъ должна быть опредѣлена со временемъ самими геогностами, потому что большая часть этихъ остатковъ найдена не въ первоначальныхъ мѣсторожденіяхъ. Особенно хвойныя изъ рода Cupressinoxylon значительно измѣнены, проточены животными и часто несутъ на себѣ ясные слѣды водяныхъ потоковъ. По нѣкоторымъ даннымъ г. Мерклинъ почитаетъ себя въ правѣ предположить,

что, по происхожденію, они гораздо древнѣе тѣхъ третичныхъ осадковъ, въ которыхъ найдены, и вѣроятно принадлежатъ мѣловой почвѣ.

Къ концу сочиненія приложенъ подробный списокъ всѣхъ до сихъ поръ найденныхъ въ Россіи ископаемыхъ растеній, составленный по находящимся въ печати источникамъ. Это до сихъ поръ самый полный списокъ, содержащій 300 видовъ, расположенныхъ по естественной системѣ и распредѣленныхъ въ 96 родахъ и 30 семействахъ; по естественной причинѣ отъ этого списка нельзя требовать критическаго характера.

Мѣстонахожденіе нѣкоторыхъ видовъ вовсе неизвѣстно, почему они, въ настоящее время, не имѣютъ для палеонтолога особеннаго достоинства. Относительная древность многихъ другихъ видовъ, найденныхъ не въ первоначальныхъ мѣсторожденіяхъ и часто имѣющихъ на себѣ ясные слѣды дѣйствія водяныхъ потоковъ, должна быть опредѣлена въ послѣдствіи при дальнѣйшихъ геогностическихъ изслѣдованіяхъ. Сочинитель относитъ эти образцы древесины къ мѣловой почвѣ, потому что масса, наполняющая червоточины и окружающая порода состоятъ изъ песчаника съ зернами зеленаго песку и блестками слюды; но эти доводы ненадежны, потому что одни и тѣже минераллогическіе признаки не рѣдко повторяются въ различныхъ почвахъ, притомъ же и настоящій зеленый песокъ мѣловой почвы могъ облечь собою остатки дерева какъ древнѣйшаго такъ и новѣйшаго образованія. При всей осторожности въ заключеніяхъ, сочинитель увлекся предметомъ и приписалъ слишкомъ большое значеніе внутреннимъ признакамъ сравнительно съ наружными, тогда какъ для палеонтолога всякій признакъ драгоцѣнецъ, когда онъ ведетъ къ точному опредѣленію окаменѣлости. По наружнымъ же признакамъ отдѣльныхъ органовъ часто нельзя еще сдѣлать окончательнаго заключенія, не потому чтобъ они не были такъ же

надежны какъ и внутренніе, но потому, что живыя растенія, служащія основаніемъ для сравненія, еше не обработаны съ тою подробностію, которая необходима для палеонтологіи. Не смотря на эти недостатки, трудъ г. Мерклина такъ удовлетворителенъ въ анатомическомъ отношеніи, что онъ можетъ имѣть притязаніе на полученіе полной преміи.

Отдавая полную справедливость достоинствамъ этого сочиненія, нельзя не указать однакоже и на нѣкоторые недостатки.

Сочинитель увлекся весьма понятною любовью къ предмету и по этому выпустилъ изъ вида основаніе, которое должно служить палеонтологу путеводною нитью при его изслѣдованіяхъ, и хотя въ первой главѣ вѣрно оцѣнено достоинство морфологичвскихъ и анатомическихъ признаковъ, но въ послѣдствіи, въ разныхъ частяхъ труда (л. 21, ст. 2, ск. 11) неразъ высказано мнѣніе, что единственное надежное средство къ опредѣленію ископаемыхъ видовъ растеній, состоитъ въ изученіи ихъ внутренняго устройства, что наружные признаки недостаточны и что трудно узнать растеніе по отпечаткамъ листовъ. Но не должно забывать, что палеонтологъ не въ силахъ измѣнять природы окаменѣлостей, что онъ обреченъ на разсматриваніе ихъ въ томъ состояніи, въ которомъ они сохранились и опредѣлять часто не только по одному органу, но даже по одному признаку этого органа, а потому онъ долженъ дорожить всякимъ признакомъ, будетъ ли онъ наружный или внутренній (12. 2). Отпечатокъ поверхности листа со свойственнымъ ему расположеніемъ формою жилокъ, отъ которыхъ не осталось ни малѣйшаго слѣда органическаго вещества, точно также драгоцѣненъ палеонтологу, какъ и осколокъ окаменѣлаго дерева, котораго нельзя опредѣлить безъ помощи микро-

скопа и предварительнаго, часто труднаго подготовленія къ наблюденію.

Затрудненіе въ опредѣленіи ископаемаго дерева по однимъ наружнымъ признакамъ зависитъ не столько отъ шаткости ихъ, потому что между формою и устройствомъ растеній существуетъ тѣсная связь, сколько отъ того, что ископаемыя растенія находятъ въ видѣ обломковъ и что сравнительное изученіе наружныхъ формъ каждаго отдѣльнаго органа живаго растенія въ связи съ общимъ его видомъ и внутреннею организаціею, сдѣлавшееся теперь совершенною необходимостью, еще очень не достаточно.

Съ другой стороны нѣтъ недостатка въ примѣрахъ (23. 1. 1), что признаки, заимствованные изъ одного анатомическаго разсматриванія также шатки какъ и предъидущіе. Самъ сочинитель на основаніи своихъ изслѣдованій (23, 4, 5) замѣчаетъ, что опредѣленіе по одной древесинѣ крайне трудно, что нѣкоторые виды, установленные прежде, должны быть перемѣщены въ другіе роды и даже упрекаетъ Гепперта, перваго знатока анатоміи хвойныхъ, за односторонность установленнаго имъ дѣленія формъ древесины этого семейства по однимъ сердцевиннымъ лучамъ. Онъ говоритъ что этотъ признакъ не всегда ведетъ къ вѣрнымъ заключеніямъ и что разсматриваніе коры бываетъ часто необходимо. Но въ томъ-то и состоитъ услуга Гепперта наукѣ, что онъ сдѣлалъ опытъ опредѣлять растенія по одной древесинѣ, потому что обломки дерева часто находятъ безъ коры.

Изъ желанія объясняться слишкомъ обстоятельно, сочинитель впадаетъ иногда въ противоположную погрѣшность — неточность опредѣленій (8. 4) повторенія (25. 3. посл. 31. 1. пос. 30. 3. посл.) и высказываетъ такія понятія, которыя рѣшительно не требуютъ объясненія. (Л. 10. 3). Кому неизвѣстна важность срисовыванія микроскопическихъ предметовъ и ка-

кую цѣль оно имѣетъ на л. 10. сп. 4. 1. Сдѣланное замѣчаніе, что срисовывать ячейки никогда бы не слѣдовало отъ руки, должно бы кажется относиться только къ тѣмъ наблюдателямъ, которые неумѣютъ хорошо рисовать.

26. 4. 8. При описаніи Pinites mosquensis сказано, что онъ особенно рѣзко отличается устройствомъ смолистыхъ ходовъ, которые къ сожалѣнію не могли быть вполнѣ разпознаны.

На Т. XXII, f. 8. Изображено нѣсколько ячеекъ Protococcus и замѣчено, что они образовались во время лежанія препарата на воздухѣ. — Какъ совершенно постороннія образованія эти ячейки ни сколько не относятся къ предмету и могутъ лишь подать поводъ къ недоразумѣнію.

24. 1. О Пандерѣ, сообщившемъ для разсматриванія окаменѣлость, сказано: vir magno ingenio et disciplina. Подобный аттестатъ умѣстенъ тогда, когда говорится о человѣкѣ неизвѣстномъ еще въ ученомъ мірѣ, но о Пандерѣ приличнѣе сказать, просто: сообщено Пандеромъ. 31. 1. посл. заключеніе, что нѣкоторые изъ окаменѣлыхъ деревъ должны быть причислены къ мѣловой почвѣ, потому что червоточины и окружающая порода содержатъ зерна зеленаго песка и блестки слюды, неможетъ быть признано надежнымъ, потому что одни и тѣ же минералогическія признаки повторяются въ различныхъ осадкахъ и что даже настоящій зеленый песокъ мѣловой (формаціи) почвы, могъ попасть въ полости дерева точно также древнѣйшаго какъ и новѣйшаго образованіи. Вообще трудъ этотъ не имѣетъ теперь особеннаго геогностическаго достоинства, въ чемъ сознается и самъ сочинитель и даже жаль что онъ часто употреблялъ столь огромный трудъ на опредѣленіе такихъ растеній, которыхъ мѣсто нахожденія неизвѣстно.

Это есть весьма отчетливая обработка лишь ограниченнаго по объему предмета, но такъ какъ исполненіе труда почти ничего не оставляетъ желать по тщательности и добросовѣстности изслѣдованій, то во всякомъ случаѣ оно заслуживаетъ осо-

беннаго вниманія Академіи, и если сдѣланныя замѣчанія и особенно соображенія объ ограниченности обработаннаго предмета и можно сказать случайности избранныхъ матеріаловъ, сравнительно съ другими палеонтологическими сочиненіями, гораздо полнѣйшими въ этомъ отношеніи, не могутъ служить препятствіемъ, то разсматривавшіе считаютъ обязанностію ходатайствовать о назначеніи ему полной преміи.

РАЗБОРЪ

сочиненія

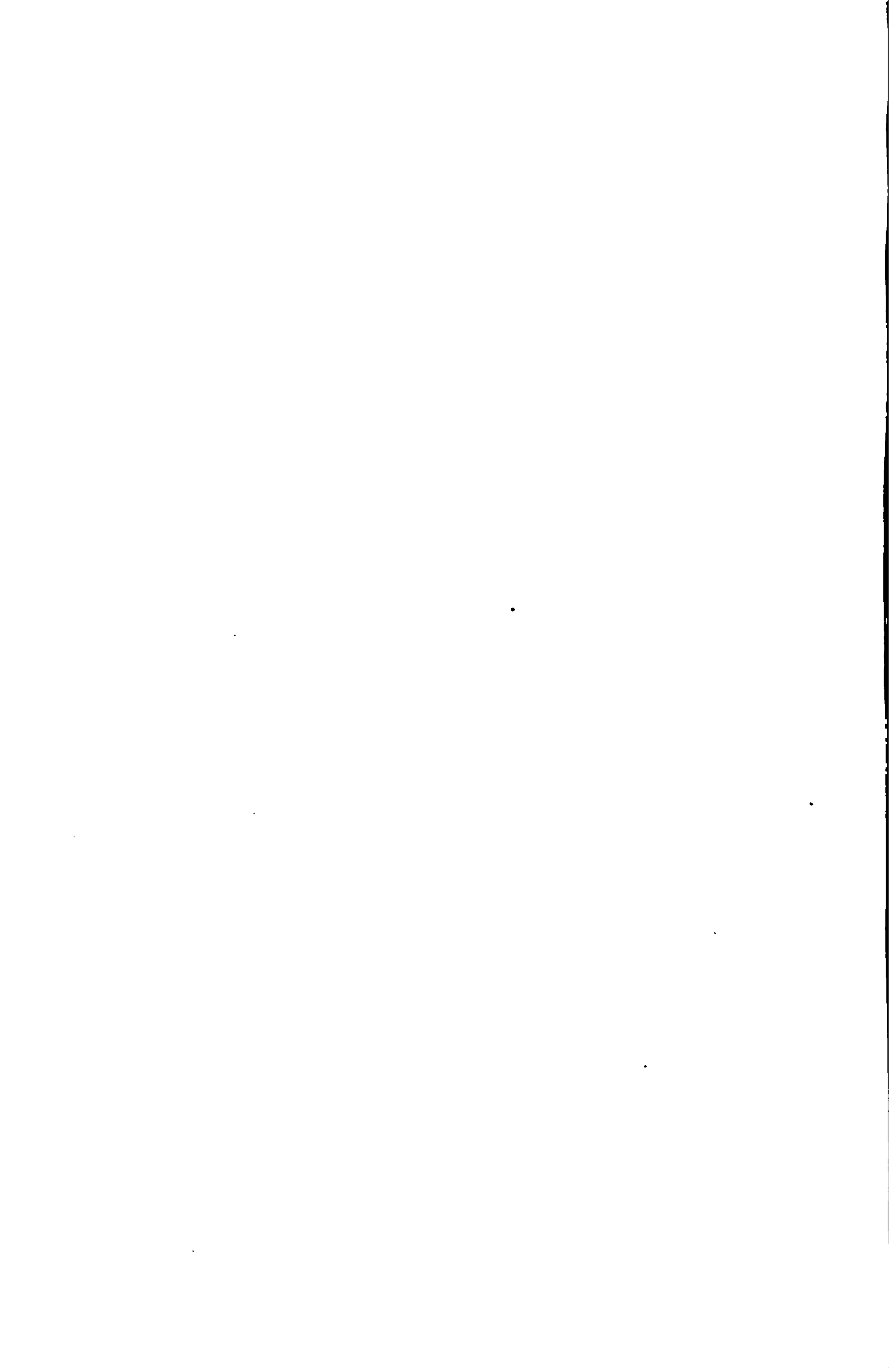
Профессора САВЕЛЬЕВА

подъ заглавіемъ:

О ГАЛЬВАНИЧЕСКОЙ ПРОВОДИМОСТИ ЖИДКОСТЕЙ,

составленный

Академиками Якоби и Ленцомъ.

Между тѣмъ какъ наши познанія о прочихъ явленіяхъ гальваническаго тока, въ сравнительно короткое время, доведены были до нѣкоторой степени совершенства, одно изъ нихъ доселѣ оставалось намъ весьма мало извѣстнымъ, не смотря на то, что оно съ самаго начала привлекало на себя вниманіе ученыхъ въ весьма высокой степени, и что оно заключаетъ въ себѣ безъ сомнѣнія ключь къ весьма важнымъ для науки послѣдствіямъ; мы говоримъ здѣсь о проводимости жидкостей въ отношеніи къ гальваническому току. Итакъ авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, по нашему мнѣнію, поступилъ весьма удачно, избравъ именно эту столь мало еще извѣстную отрасль ученія о гальванизмѣ предметомъ особеннаго разсужденія.

Сочинитель сперва показываетъ, что причина малыхъ успѣховъ по этой части электродинамики заключается въ томъ обстоятельствѣ, что при пропусканіи тока чрезъ жидкость почти всегда соединяется съ проводимостію жидкостей другое, еще болѣе загадочное явленіе, такъ называемая поляризація электродовъ, вліяніе которой весьма трудно отдѣлить отъ дѣйствія проводимости по причинѣ непостоянства поляризаціи во время дѣйствія тока; по этому отвѣты на 5 главныхъ вопросовъ, которые сочинитель выставляетъ въ началѣ своего сочиненія, до сихъ поръ можно почесть удовлетворительными только въ весьма немногихъ случаяхъ.

Приступая потомъ къ историческому изложенію того, что

до сихъ поръ сдѣлано въ этой части науки, онъ во первыхъ раздѣляетъ всѣ наблюденія о сопротивленіи жидкостей на два разряда, на тѣ, которыя сдѣланы до узнанія закона Ома, и на тѣ, которыя произведены были уже послѣ открытія этого закона.

Наблюденія перваго періода начинаются съ 1800 года и оканчиваются въ 1830 году; сочинитель совершенно справедливо замѣчаетъ, что эти наблюденія представляютъ теперь одинъ только историческій интересъ; весьма часто изъ нихъ нельзя опредѣлить даже порядка сопротивленій испытуемыхъ жидкостей, а если это въ самомъ дѣлѣ и возможно, то по крайней мѣрѣ количественные выводы объ этихъ опытахъ не заслуживаютъ никакого вниманія; это г. Савельевъ строго выводитъ изъ закона Ома. По этой причинѣ сочиненіе его содержитъ только краткое обозрѣніе всѣхъ опытовъ, принадлежащихъ къ этому періоду, а именно опытовъ: Деви, Гейлюссака, Тенара, Ферстемона (Förstemon), Валкера и Деларива.

Съ 1830 года разысканія ученыхъ о гальванической проводимости жидкостей достигаютъ гораздо важнѣйшаго значенія. Изъ нихъ сочинитель во первыхъ разсматриваетъ довольно подробно опыты Фехнера, которые несравненно точнѣе предыдущихъ уже по тому, что Фехнеръ первый принималъ въ расчетъ поляризацію электродовъ, хотя онъ и понялъ значеніе ея въ совершенно другомъ видѣ и назвалъ ее «сопротивленіемъ при переходѣ»; однако для узнанія явленій проводимости жидкостей, независимо отъ поляризаціи, взглядъ Фехнера доводитъ до тѣхъ же самыхъ результатовъ, какъ и предположеніе дѣйствія поляризаціи. Сочинитель здѣсь съ полнымъ правомъ выражаетъ свое удивленіе, какимъ образомъ Фехнеръ, не зная еще нашихъ постоянныхъ батарей и нашихъ усовершенствованныхъ измѣрительныхъ приборовъ, достигъ столь важныхъ и точныхъ выводовъ, какъ тѣ, которые обнародованы въ его прекрасномъ сочиненіи «Maassbestimmungen der galvani-

schen Kette». Къ опытамъ Фехнера присоединяетъ г-нъ Савельевъ опыты Бижона (Bigeon), произведенные съ помощію гальваническихъ крушительныхъ вѣсовъ и вполнѣ утверждающіе справедливость двухъ главныхъ законовъ Фехнера о зависимости проводимости жидкостей отъ разстоянія и размѣровъ электродовъ. Потомъ въ сочиненіи г. Савельева разсматриваются многочисленные опыты италіянскаго физика Матеучи; эти опыты, произведенные безъ знанія закона Ома, хотя и послѣ публикаціи разысканій Фехнера, не давали никакого вѣрнаго результата. За ними слѣдуютъ опыты Пулье, которому удалось вновь открыть уже десять лѣтъ извѣстный законъ Ома; г. Савельевъ показываетъ, что по незнанію дѣйствія поляризаціи электродовъ, изъ всѣхъ результатовъ, полученныхъ г-мъ Пулье, только немногіе, а именно тѣ, въ которыхъ поляризація не дѣйствовала, могутъ быть принимаемы еще и понынѣ.

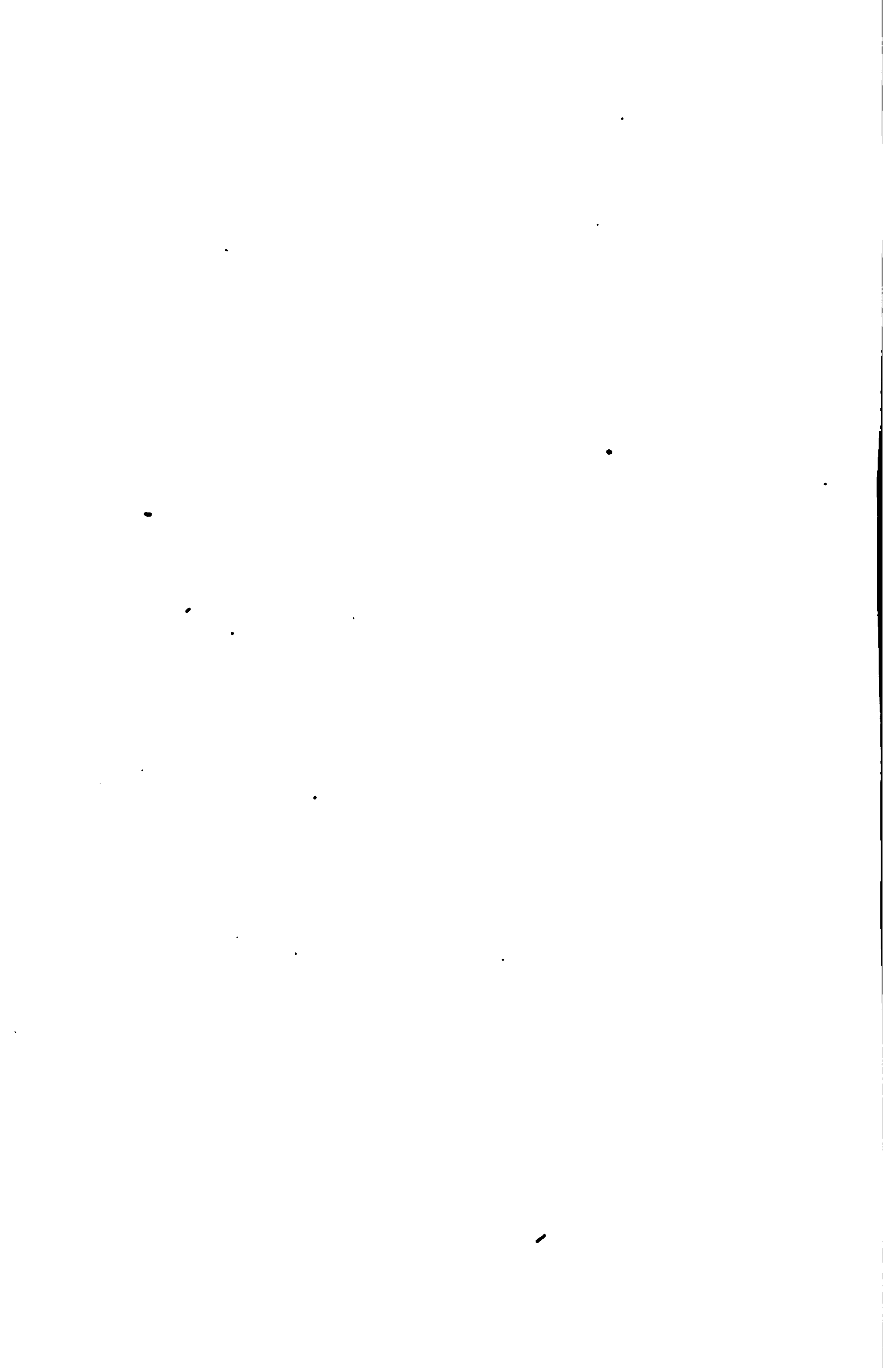
Въ слѣдующемъ параграфѣ сочинитель сперва упоминаетъ о томъ, какъ значительно наши познанія о проводимости вообще двинуты были впередъ открытіемъ новаго измѣрительнаго прибора, агометра, сдѣланнымъ однимъ изъ насъ (Якоби) въ 1840 году; съ помощію этого прибора результаты при опредѣленіи сопротивленій представляютъ гораздо болѣе точности, противъ прежнихъ выводовъ. Какъ первое приложеніе этого прибора къ измѣренію сопротивленія жидкостей, г. Савельевъ приводитъ нѣсколько рядовъ разысканій одного изъ насъ (Ленцъ); они произведены были частію только для опредѣленія сопротивленія жидкостей, частію же, вмѣстѣ съ г-мъ Савельевымъ, для точнѣйшаго опредѣленія поляризаціи электродовъ. За тѣмъ разбираются опыты Бекереля, Генкеля (Henkel), Горсфорда (Horsford) и Беккера, произведенные или для опредѣленія вліянія температуры на проводимость жидкостей, или для узнанія зависимости ея отъ содержанія разныхъ солей въ растворахъ. Далѣе здѣсь помѣщены опыты Даніеля о сопротивленіи жидкостей, заключаемыхъ въ кольцеобразныхъ сосудахъ, какъ оно

безпрестанно встрѣчается въ такъ называемыхъ постоянныхъ гальваническихъ элементахъ.

Послѣ этого авторъ переходитъ къ собственнымъ своимъ опытамъ, произведеннымъ въ Казани; частію они уже были помѣщены въ нашемъ Бюллетенѣ, частію же обнародываются въ первый разъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи; къ послѣднимъ именно принадлежатъ опыты сочинителя надъ измѣненіемъ проводимости разведенной съ водою сѣрной кислоты при измѣненіи степени разведенія. Эти опыты занимаютъ значительную часть сочиненія и безъ сомнѣнія принадлежатъ къ самымъ точнымъ своего рода; но что и они еще недостаточны для полнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, касающихся этого предмета, объ этомъ авторъ упоминаетъ самъ.

Наконецъ сочинитель разбираетъ весьма важный вопросъ: «проводятъ ли жидкости гальваническій токъ только въ слѣд«ствіе своего разложенія, или существуетъ ли для нихъ подоб«ная проводимость, какъ напр. въ металлахъ?» Объ этомъ вопросѣ именно въ новѣйшее время много писали, что еще немогло быть извѣстно автору при составленіи его сочиненія; тѣмъ пріятнѣе видѣть, что онъ разрѣшаетъ вопросъ въ пользу перваго мнѣнія, т. е. что жидкости проводятъ гальваническій токъ только при своемъ разложеніи. Г-нъ Савельевъ доказываетъ справедливость этого мнѣнія изъ того обстоятельства, что при опытахъ его, даже въ такихъ случаяхъ, когда при пропусканіи гальваническаго тока чрезъ жидкость не замѣчено было ни слѣда химическаго разложенія, все таки электроды поляризовались и этимъ самымъ доказали существованіе химическаго дѣйствія. Въ новѣйшее время не менѣе убѣдительный доводъ нашли въ томъ фактѣ, что и въ такихъ случаяхъ, когда токъ проходитъ чрезъ жидкость безъ видимаго разложенія ея, эта проводимость при увеличиваніи температуры жидкости не уменьшалась, какъ въ металлахъ, но увеличивалась, какъ то всегда бываетъ въ жидкостяхъ.

По уваженію того, что сочиненіе г-на Савельева «О гальванической проводимости жидкостей» принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ въ нашей литературѣ явленіямъ, гдѣ чисто ученый и въ настоящее время весьма важный вопросъ физики излагается съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ основательною критикою, и гдѣ въ тоже время разрѣшенію задачи способствуютъ достойнымъ образомъ собственныя опытныя разысканія сочинителя, — мы полагаемъ, что это сочиненіе заслуживаетъ *полупреміи*.

РАЗБОРЪ

сочиненія

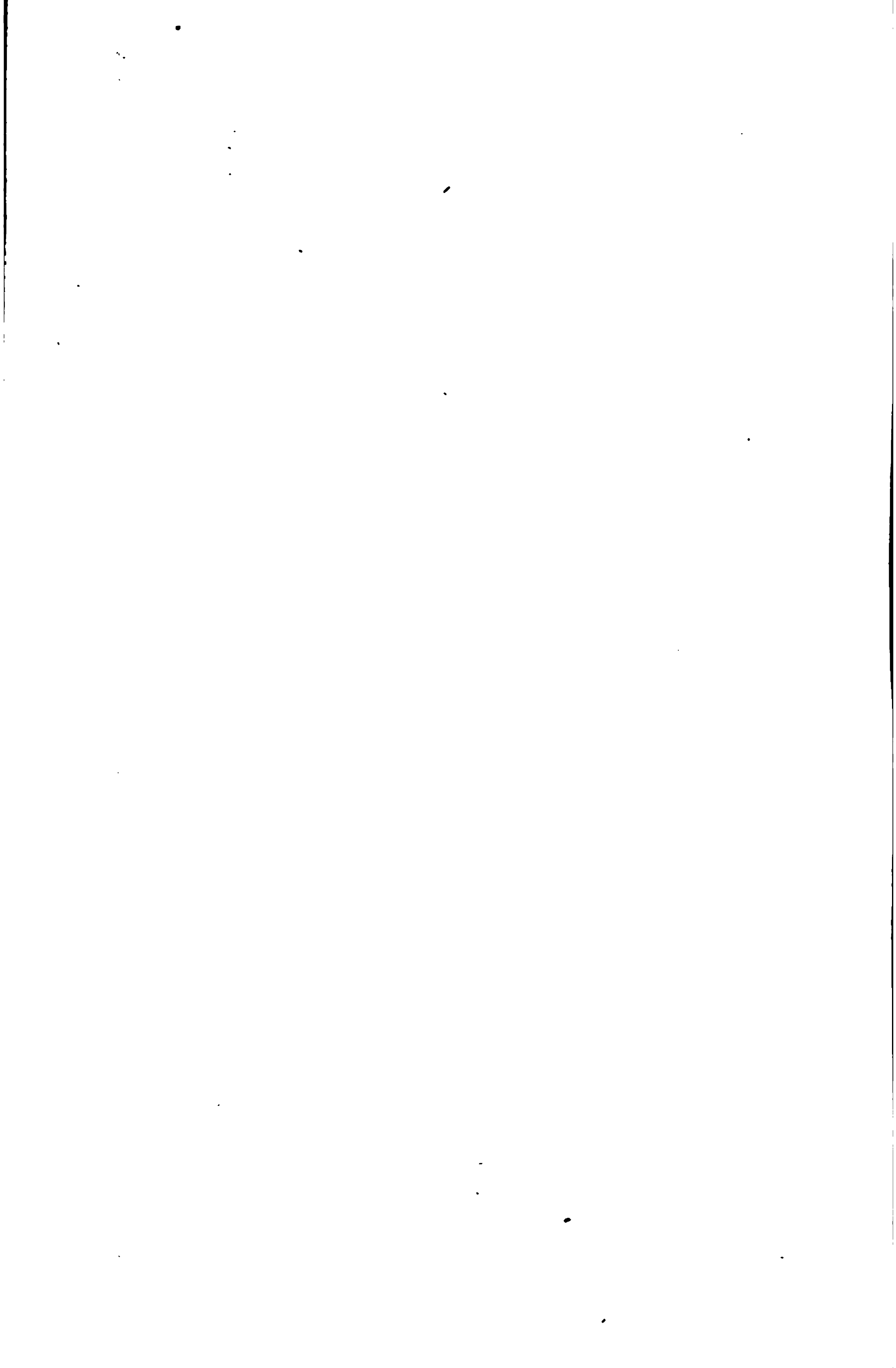
подполковника ИВАНОВА

подъ заглавіемъ:

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ХИМІИ,

составленный

Академикомъ Фрицше.

Начальное основаніе аналитической химіи, составленное г-мъ подполковникомъ Ивановымъ 1-мъ, содержитъ въ трехъ томахъ ученіе о качественномъ и количественномъ анализѣ неорганическихъ тѣлъ. Въ 1-й части описываются пріемы употребляемые при аналитическихъ работахъ и реактивы необходимые для произведенія анализовъ; причемъ показаны способы приготовленія реактивовъ, условія ихъ чистоты и употребленіе для открытія присутствія различныхъ тѣлъ, и отдѣленіе послѣднихъ другъ отъ друга. Вторая часть содержитъ общее ученіе о качественномъ анализѣ и примѣненіе его къ изслѣдованію болѣе обыкновенныхъ минеральныхъ соединеній, находимыхъ въ природѣ. Здѣсь авторъ не ограничивается одними легкими случаями, а напротивъ приводитъ большую часть особенностей, встрѣчающихся при подобныхъ изслѣдованіяхъ. Въ 3-й части излагается количественное разложеніе въ надлежащей для предположенной цѣли полнотѣ, съ показаніемъ способовъ отдѣленія другъ отъ друга и опредѣленія количествъ всѣхъ минеральныхъ веществъ, за исключеніемъ рѣдко встрѣчающихся въ природѣ и мало употребительныхъ. За тѣмъ дано примѣненіе общихъ правилъ къ изслѣдованію важнѣйшихъ рудъ, сплавовъ, горнозаводскихъ продуктовъ и веществъ, имѣющихъ большую важность или требующихъ при изслѣдованіи нѣкоторыхъ особенныхъ пріемовъ, каковы: известняки, марганецъ, поваренная соль, минеральныя воды, горючіе матеріалы

и порохъ. Наконецъ изложенъ ясно и достаточно способъ анализа посредствомъ титрованныхъ растворовъ съ примѣненіемъ его къ количественному изслѣдованію нѣкоторыхъ веществъ, при которыхъ болѣе ощутительна польза и важность этого новаго пріобрѣтенія науки.

Частное изложеніе каждаго предмета составлено съ полнотою, ясностію и отчетливостію, какихъ только можно требовать отъ учебника, такъ что онъ нетолько даетъ вѣрное понятіе о современномъ состояніи излагаемой въ немъ отрасли химическихъ знаній, но можетъ научить и практическимъ работамъ, ибо содержитъ всѣ необходимыя для того данныя. Чертежи, помѣщенные въ текстѣ, способствуютъ къ уразумѣнію многихъ пріемовъ и даютъ точное и легко усвояемое понятіе о различныхъ снарядахъ и объ употребленіи ихъ.

Весьма понятно, что книга такого рода не можетъ содержать новыхъ фактовъ и имѣть особеннаго значенія для самой науки; но по всему вышесказанному и какъ первое самостоятельное въ этомъ родѣ сочиненіе, книга г-на Иванова заслуживаетъ одобренія Академіи, такъ что присужденіе второстепенной демидовской преміи будетъ заслуженною наградою сочинителю за полезный трудъ его.

РАЗБОРЪ

сочиненія

профессора

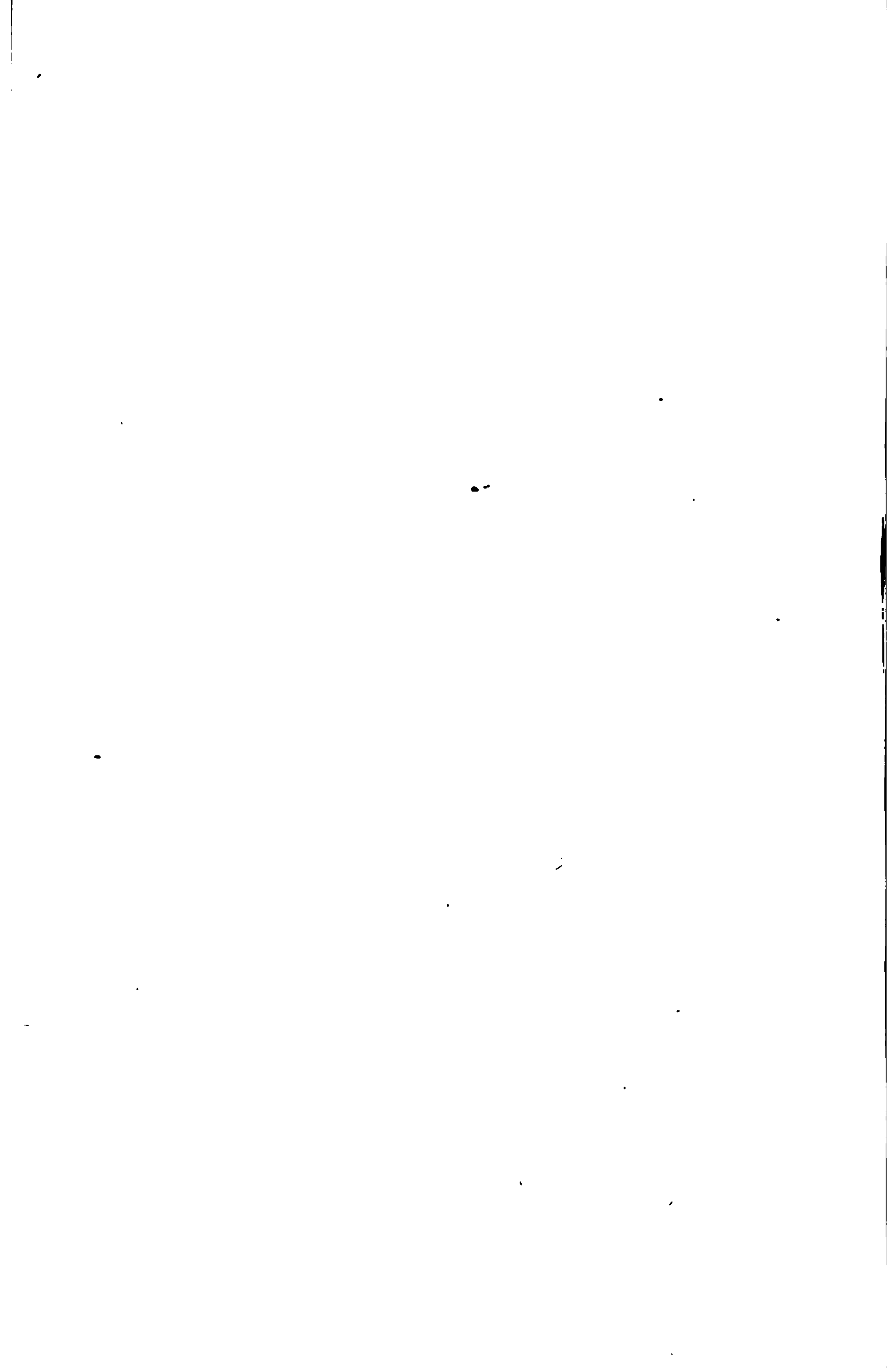
Александра КАЗЕМЪ-БЕКА

подъ заглавіемъ:

УЧЕБНЫЯ ПОСОБІЯ ДЛЯ ВРЕМЕННАГО КУРСА ТУРЕЦКАГО ЯЗЫКА,

составленный

Академикомъ Дорномъ.

Учебныя пособія для временнаго курса турецкаго языка, съ Высочайшаго разрѣшенія открытаго въ Императорской Военной Академіи профессоромъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ мирзою Александромъ Казимъ-Бекомъ. С. Петербургъ, 1854. in-fol. (литографировано).

Профессоръ здѣшняго Университета, Каземъ-Бекъ, уже извѣстный ученому свѣту многими прекрасными сочиненіями, и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ умѣлъ употребить свою науку въ пользу и ко благу отечества. Въ справедливомъ предположеніи, что и офицерамъ русской арміи можетъ пригодиться изученіе и познаніе турецкаго языка, онъ вызвался читать по этому предмету лекціи въ Военной Академіи. Этотъ вызовъ удостоился Высочайшаго разрѣшенія, и г. Каземъ-Бекъ имѣлъ удовольствіе видѣть около себя собраннымъ значительное число образованныхъ воиновъ, которые подъ его руководствомъ сдѣлали весьма отрадные успѣхи въ изученіи сказаннаго предмета. Но всякому оріенталисту извѣстно, съ какими трудностями сопряжено изученіе именно турецкаго языка и сколько эта трудность еще должна была увеличиться краткостью назначеннаго для преподаванія его времени и недостаткомъ надлежащаго учебника. Обыкновенно употребительныя при обученіи турецкому языку грамматики написаны на иностранныхъ языкахъ;

на русскомъ же имѣется только грамматика Каземъ-Бека, — и всѣ онѣ разсчитаны на болѣе продолжительное время курса; въ сокращенномъ же, но за всѣмъ тѣмъ заключающемъ въ себѣ все необходимое для изученія предмета въ руководствѣ на русскомъ языкѣ, доселѣ былъ совершенный недостатокъ. Посему г. Каземъ-Бекъ рѣшился самъ изготовить такое руководство и предлежащая литографированная книга назначена пособить упомянутой потребности. Она состоитъ изъ грамматики, хрестоматіи и словаря съ приложеніемъ встрѣчающихся въ самомъ сочиненіи собственныхъ именъ.

Грамматика (№ 1 — 98) представляетъ учащемуся въ сжатомъ видѣ и весьма удобопонятнымъ образомъ возможность въ сравнительно короткое время, даже и безъ посредства учителя, освоиться съ главными основаніями турецкаго языка, въ той мѣрѣ, что онъ можетъ вникнуть въ сущность его и легко далѣе совершенствоваться въ немъ какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніяхъ. А такъ какъ въ турецкомъ языкѣ попадается очень много арабскихъ словъ въ различныхъ формахъ, то мы здѣсь въ особенности обращаемъ вниманіе на §§ 86 — 90 и № 33, въ которыхъ тотъ, кто не знакомъ съ арабскимъ, найдетъ полное указаніе къ объясненію себѣ заимствованныхъ Турками оттуда формъ. Это есть преимущество сочиненія, какого въ такомъ объемѣ лишена даже подробная грамматика турецко-татарскаго языка нашего автора. Отдѣльныя правила и показанія вездѣ въ потребныхъ случаяхъ пояснены достаточными примѣрами и тѣмъ самымъ книгѣ дано также практическое направленіе.

Далѣе особеннаго вниманія заслуживаетъ приложеніе о семи разныхъ употребительныхъ въ турецкомъ граматномъ людѣ, почеркахъ письменъ. Наши печатныя книги обыкновенно знакомятъ насъ съ такъ называемымъ Несхи; но тотъ, кто даже и вполнѣ освоился съ такимъ родомъ почерка, все же не въ состояніи, или только съ большимъ трудомъ, можетъ разбирать

писанныя другими почерками рукописи. Въ предлежащей книгѣ собраны связные образцы всѣхъ этихъ почерковъ такимъ образомъ, что всякій легко можетъ разомъ вникнуть въ ихъ тайны. Практическая польза этого приложенія какъ для драгомана, такъ и для ученаго очевидна, словомъ, нельзя не поблагодарить автора за такую придачу.

Съ другой стороны и хрестоматія также разными сопоставленными почерками сообщаетъ старо и ново-турецкіе тексты въ прозѣ и стихахъ съ постепеннымъ соблюденіемъ лингвистическихъ трудностей и тѣмъ самимъ доставляетъ учащемуся средство прослѣдить османлы или константинопольское нарѣчіе обратно въ его историческомъ развитіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ читать и понимать также писанные на старинно-турецкомъ тексты.

Русско-Турецкій словарь вмѣщаетъ въ себѣ попадающіяся въ книгѣ слова, числомъ 6,764, и слѣдовательно даетъ читателю возможность какъ разъ переводить восточные тексты безъ помощи другаго лексикона. Нельзя не одобрить того, что авторъ не преминулъ при этомъ замѣтить, какія слова суть турецкія, персидскія или арабскія, а въ практическомъ отношеніи весьма полезно, что онъ потщился также присовокупить нѣкотораго рода турецко-русскій словарь, а именно, по примѣру Фрейтага въ его Арабскомъ Словарѣ, особо приведеннымъ турецкимъ словамъ приданы цифры для ссылки на соотвѣтственныя слова русско-турецкой росписи словъ. Не менѣе того достойно одобренія также присовокупленіе реэстра собственныхъ именъ, коихъ правописаніе иногда очень трудно угадать.

Относительно къ способу разработки всего этого сочиненія, разсчитаннаго, по самому естеству дѣла, болѣе для практическаго употребленія, мы никакихъ важныхъ порицаній сдѣлать не можемъ. Нѣкоторые пункты, которые другой можетъ быть обработалъ бы иначе, принадлежатъ къ числу тѣхъ, кои еще подлежатъ спору. Объ одномъ только надобно пожалѣть, хотя

это конечно есть только дѣло постороннее, а именно, что книга не сплошь пагинирова. Вообще же говоря, нельзя не узнать въ авторѣ Учебныхъ Пособій опытнаго наставника и ученаго, вполнѣ знающаго свое дѣло.

Итакъ принимая въ соображеніе, что эта книга есть первая и единственная своего рода въ Россіи и существенно облегчаетъ и дѣлаетъ возможнымъ изученіе столь важнаго для Россіи турецкаго языка и его почерковъ (сличи Положеніе о Демидовскихъ наградахъ стр. 11 § 6), что польза ея уже оправдалась на опытѣ и конечно не преминетъ еще болѣе оправдываться и впередъ, и что авторъ ея уже однажды, а именно за изданіе въ свѣтъ Дербенд-Наме въ 1853 году, по стеченію обстоятельствъ, не получилъ дѣйствительной награды, хотя и былъ признанъ достойнымъ ея, и наконецъ во уваженіе неутомимой его дѣятельности на поприщѣ восточной литературы, я предлагаю, чтобы ему на этотъ разъ удѣлена была половинная Демидовская премія.

РАЗБОРЪ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ МАШИНЫ

для Юліанскаго времясчисленія Гражданскаго и Церковнаго Православнаго Исповѣданія,

изобрѣтенной

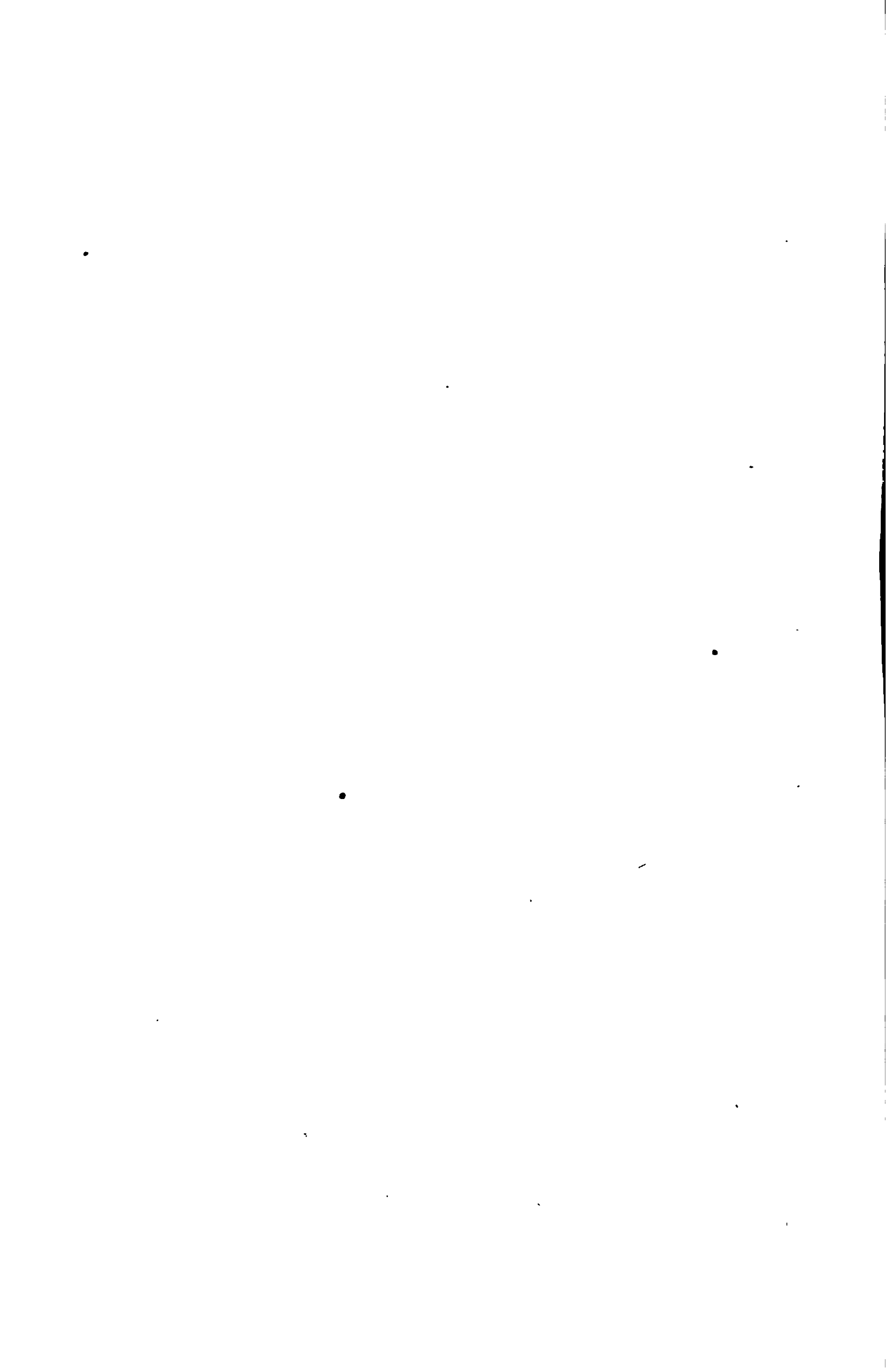
Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Конюшеннымъ Офицеромъ, Г. Александромъ ГОЛОВАЦКИМЪ;

составленный

ординарнымъ академикомъ

Вишневскимъ.

Хронологическая Машина для Юліанскаго времясчисленія Гражданскаго и Церковнаго Православнаго Исповѣданія, представленная Академіи изобрѣтателемъ ея, Двора Его Императорскаго Величества Государя Императора Конюшеннымъ Офицеромъ, *Г. Александромъ Головацкимъ*, заслуживаетъ особеннаго вниманія по остроумному приложенію механики къ рѣшенію Хронологическихъ задачъ безъ пособія ариѳметическихъ дѣйствій. Она представляетъ Хронологамъ и Историкамъ удобное и самое вѣрное пособіе, для ученыхъ изслѣдованій въ Русскихъ Лѣтописахъ, Историческихъ сочиненіяхъ, Грамотахъ и Документахъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эти изслѣдованія касаются Математической Хронологіи. Она показываетъ для каждаго даннаго года по Рожд. Хр. дни недѣли принадлежащіе даннымъ числамъ мѣсяцевъ или на-оборотъ; также числа для Святой Пасхи и главныхъ подвижныхъ Церковныхъ праздниковъ, съ великою скоростію и совершенною точностію. Но что еще болѣе, она показываетъ Хронологическія данныя вдругъ для всѣхъ лѣтъ того столѣтія, въ которомъ заключается данный годъ; и такимъ образомъ способствуетъ она Хронологическимъ соображеніямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Лѣтописяхъ и Историческихъ сочиненіяхъ или Грамотахъ и Документахъ показанные годы, числа мѣсяцевъ и дни недѣли несогласуются между собою, а для открытія ошибки въ нихъ имѣется въ виду возможность. Главное же преимущество этой машины состоитъ въ томъ, что она показываетъ искомые дни и числа безъ по-

мощи круговъ и ключа, прямо для даннаго года по Рожд. Хр.; чѣмъ не только устраняется всякая возможность ошибки или недосмотрѣнія, но и сберегается много времени и труда. Хронологическія данныя расположены на Машинѣ въ такомъ порядкѣ, что списываніе ихъ на особые листы производится безъ особеннаго умственнаго труда, просто и удобно. И потому не только изучается ея употребленіе очень скоро и твердо, но и приводитъ оно къ познанію времясчисленія Юліанскаго Гражданскаго и Церковнаго прямо, безъ затрудненій происходящихъ отъ употребляемыхъ круговъ и ключа. Особенно же весьма важно то, что употребляющій эту машину всегда можетъ быть увѣренъ въ совершенной точности сыскиваемыхъ на ней Хронологическихъ данныхъ; потому, что онѣ получаются посредствомъ механическаго дѣйствія, которое по непрерывной связи всѣхъ частей механизма остается всегда вѣрнымъ и правильнымъ; въ чемъ можно всегда удостовѣрится въ нѣсколько секундъ времени. — Напротивъ того изъ опытовъ извѣстно, что Хронологическія данныя, сыскиваемыя съ немалымъ трудомъ и потерею времени посредствомъ ариѳметическихъ дѣйствій, не всегда бываютъ безошибочны; а тѣ которыя показываются въ хронологическихъ таблицахъ также бываютъ иногда неточны по причинѣ опечатокъ. Оттого въ двухъ послѣднихъ способахъ остается всегда нѣкоторая недовѣренность, заставляющая повѣрять сысканныя уже числа или дни, на что требуется лишняго труда и времени. — Изъ сего уже явствуетъ, что машина Г. Головацкаго есть весьма полезное Хронологическое изобрѣтеніе.

Разсмотрѣвъ и изслѣдовавъ тщательно выше упомянутыя преимущества Хронологичеткой Машины, счелъ я своимъ долгомъ представить Физико-Математическому Классу: что она заслуживаетъ благосклоннаго вниманія Академіи, по той пользѣ, которую можетъ принести въ Хронологическихъ и Историческихъ изслѣдованіяхъ. Такъ какъ Г. Головацкій не представилъ полнаго описанія своей машины, то желая содѣйствовать успѣш-

ному введенію ея въ употребленіе на пользу Отечественной Хронологіи, предложилъ я: не только составить отъ себя таковое описаніе; но и употребить машину для повѣрки и изслѣдованія Хронологическихъ данныхъ, содержащихся въ пяти томахъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, изданныхъ по Высочайшему повѣленію Археографическою Коммиссіею; чтобы при этомъ случаѣ разрѣшить нѣкоторые спорные вопросы касательно времясчисленія употреблявшагося въ Русскихъ Лѣтописяхъ. Эти выводы желалъ я помѣстить въ концѣ Описанія Хроноловической машины, и присовокупить къ нимъ краткую Исторію Юліанскаго времясчисленія. Академія принявъ благосклонно это предложеніе, благоволила вмѣстѣ съ тѣмъ не только разрѣшить напечатаніе моего труда въ пользу Г. Головацкаго, но и допустить его Хронологическую Машину къ соисканію Демидовской награды.

Теперь, въ качествѣ Разбора этой Машины, имѣю честь представить Коммиссіи Демидовскихъ наградъ за 1853 годъ, краткое извлеченіе изъ печатаемаго ея описанія, присовокупляя къ тому нѣкоторыя свѣденія о полученныхъ мною Хронологическихъ выводахъ.

Г. Головацкій представилъ Академіи модель, построенную отъ части имъ самимъ въ размѣрахъ гораздо больше тѣхъ, которые имѣть будутъ его Хронологическія Машины, дѣлаемыя изъ металла искусными механиками. Сіи послѣднія будутъ посему уютны и для употребленія болѣе удобны, что и слѣдуетъ здѣсь принять въ уваженіе.

На верхней доскѣ модели наклеены таблицы, которыя означимъ буквами *A*, *B*, *C*, *F*, *H*, *J* и *K*. Первая изъ нихъ, круглая *A*, содержитъ въ семи круглыхъ строкахъ годы Юліанскіе по Рожд. Хр. отъ 0 до 13200 включительно, считаемыя по столѣтіямъ. Въ ея центрѣ вышелъ наружѣ верхній конецъ вертикальной оси, вооруженный мѣдною ручкою, посредствомъ

которой приводится въ движеніе механизмъ находящійся подъ верхней доскою модели. На той же оси насажена стрѣлка *c*, указывающая выше упомянутыя столѣтія въ 19 секторахъ таблицы *A*.

Таблица *B*, помѣщенная подъ круглою таблицею *A*, составлена изъ двадцати столбцевъ, раздѣленныхъ горизонтальными линіями на 28 строкъ, соотвѣтственно 28 годамъ круга солнца. Въ ней показаны дни недѣли принадлежащіе первымъ числамъ двѣнадцати мѣсяцевъ въ Январскихъ и Мартовскихъ годахъ; и тутъ же сыскиваются таковые дни и для Сентябрскихъ годовъ. Сверхъ сего показаны въ той таблицѣ: качества годовъ, дни Рождества Христова, Вруцѣ-Лѣта и годы круга солнца.

Таблица *C*, находящаяся на правой сторонѣ таблицы *B*, содержитъ въ себѣ *числа Святой Пасхи* для всѣхъ 532 лѣтъ Великаго Индиктіона, помѣщенныя въ ней въ 19 столбцахъ, имѣющихъ въ заглавіи числа 19 лѣтъ круга луны. Сіи столбцы раздѣлены горизонтальными линіями на 28 строкъ, продолжающихся отъ 28 годовъ круга солнца изъ таблицы *B*. Въ краткой Исторіи Хронологіи показанъ способъ опредѣленія чиселъ Св. Пасхи посредствомъ круга солнца и круга луны. По причинѣ зависомости отъ обоихъ круговъ, каждое изъ сихъ чиселъ вписано въ томъ маломъ четыреугольникѣ таблицы *C*, который находится на самомъ перекресткѣ двухъ линій проведенныхъ, одной горизонтально въ правую сторону отъ года круга солнца, а другой вертикально въ низъ отъ года круга луны. Но впрочемъ сіи два круга уже не употребляются далѣе; потому, что на машинѣ Г. Головацкаго сдѣлано остроумное устройство, посредствомъ котораго, безъ ихъ пособія, сыскиваются въ таблицѣ *C* числа Св. Пасхи прямо для данныхъ годовъ по Рожд. Хр., весьма скоро и удобно. Вотъ въ чемъ состоитъ это устройство:

Такъ какъ произведеніе 28 годовъ круга солнца на 19 годовъ круга луны составляетъ 532 лѣтній періодъ, такъ называемый Великій Индиктіонъ; то въ немъ составляются уже всѣ

возможныя сочетанія разныхъ годовъ круга солнца съ разными годами круга луны. По сему, по истеченіи одного Великаго Индиктіона начинается непосредственно слѣдующій, который имѣетъ въ томъ же порядкѣ бывшія сочетанія круговъ предшествующаго, и т. д. Изъ сего слѣдуетъ что и числа Св. Пасхи возвращаются въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдовали въ предшествующемъ Великомъ Индоктіонѣ. Но какъ годы круга солнца въ таблицѣ *B*, и годы круга луны въ таблицѣ *C* остаются на своихъ мѣстахъ неподвижно; то, для произведенія ихъ сочетаній, надлежало употребить особыхъ подвижныхъ указателей, на которыхъ Г. Головацкій избралъ прямо годы по Рожд. Хр., и употребилъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

На лѣвомъ концѣ таблицы *B* находится четыреугольное отверстіе, въ которомъ усматривается верхняя сторона семистоpонней призмы *D*, подвижной на своей горизонтальной оси. На семи сторонахъ призмы, въ 28-строкахъ, вписаны въ нисходящемъ порядкѣ годы столѣтія отъ 0 до 99 включительно; но такъ, что на каждой слѣдующей сторонѣ цифры сіи находятся на 16 строкъ далѣе цифръ предъидущей стороны; потому, что $\frac{100}{28}$ даетъ въ остаткѣ 16. Такимъ образомъ, не только послѣдовательные годы столѣтій, но самыя послѣдовательныя столѣтія находятся всегда между собою въ безпрерывной связи въ отношеніи 28 годовъ круга солнца.

А надъ таблицею *C*, въ четыреугольномъ отверстіи усматривается 19-ая часть поверхности большаго цилиндра *E*, подвижнаго на горизонтальной оси. Поверхность этого цилиндра раздѣлена горизортальными линіями на 19 равныхъ частей; изъ коихъ каждая составлена изъ 19 столбцевъ, имѣющихъ въ заглавіи выше упомянутые 19 годовъ круга луны. Сіи столбцы раздѣлены горизонтальными линіями на 7 строкъ, въ которыя вписаны въ послѣдовательномъ порядкѣ годы столѣтія отъ 0 до 99 включительно; но такъ, что на каждой слѣдующей 19-ой части цилиндрической поверхности цифры сіи подаются

на 5 мѣстъ далѣе предъидущей части; потому, что $\frac{100}{19}$ даетъ въ остаткѣ 5. Такимъ образомъ не только послѣдовательные годы столѣтій, но и самыя послѣдовательныя столѣтія находятся между собою въ безпрерывной связи въ отношеніи 19 годовъ круга луны.

Большая призма *D* и цилиндръ *E*, съ написанными на нихъ столѣтіями, приводятся въ общее обращеніе посредствомъ упомянутой мѣдной ручки, находящейся надъ центромъ круглой таблицы *A*. Ручка сія насажена на верхній конецъ оси главнаго горизонтальнаго колеса *L*, имѣющаго 57 зубцевъ; колеса, которое посредствомъ двухъ другихъ приводитъ большій цилиндръ *E* въ равное съ собою обращеніе. Это же главное колесо *L* зацѣпляетъ сверхъ того вертикальное колесо *S*, имѣющее 21 зубецъ. По сему на одинъ оборотъ колеса *L* и цилиндра *E* приходится по $\frac{57}{21}$ оборотовъ, то есть по 2 цѣлыхъ и $\frac{5}{7}$ оборота колеса *S*. Но сіе послѣднее колесо, посредствомъ двухъ другихъ приводитъ большую призму *D* въ равное съ собою обращеніе. Изъ сего слѣдуетъ, что на одинъ оборотъ цилиндра *E* приходится по 2 цѣлыхъ и $\frac{5}{7}$ оборота призмы *D*. Выше сказано, что въ 19 частяхъ поверхности цилиндра *E* вписано 19 столѣтій; и что на семи сторонахъ призмы *D* находится 7 столѣтій. Отношеніе сихъ столѣтій $\frac{19}{7}$, въ простѣйшемъ видѣ, есть 2 и $\frac{5}{7}$. Слѣдовательно оно тождественно съ выше найденнымъ отношеніемъ оборотовъ цилиндра *E* и призмы *D*. Симъ доказывается очевидно, что во время дѣйствія механизма, въ каждое изъ двухъ отверстій *D* и *E* въ верхней доскѣ модели приходится по одному столѣтію вмѣстѣ; какъ это и быть должно, для одновременной и безпрерывной послѣдовательности сихъ столѣтій, и для вѣрнаго показанія Хронологическихъ данныхъ, содержащихся въ таблицахъ *B* и *C*. А изъ сего явствуетъ и совершенная вѣрность самаго механизма модели.

Остается еще показать, какъ установляется Хронологиче-

ская Машина на данный годъ по Р. Х. Уже въ самомъ началѣ сего описанія упомянуто, что въ таблицѣ A вписаны въ семи круглыхъ строкахъ годы по Р. Х., отъ 0 до 13200 включительно, считаемые по столѣтіямъ. Эти годы указываются тамъ въ 19 секторахъ стрѣлкою *c*, насаженною на верхній конецъ оси главнаго колеса *L*, которое, какъ извѣстно, дѣлаетъ равные обороты съ цилиндромъ *E*. Слѣдовательно стрѣлка *c* указываетъ въ этихъ 19 секторахъ, въ каждой изъ 7 круглыхъ строкъ, по 19 столѣтій вписанныхъ на поверхности цилиндра *E*. Чтобы узнать къ которой изъ 7 строкъ таблицы A относится указаніе стрѣлки *c*, сдѣлано слѣдующее устройство: на правомъ концѣ горизонтальной оси цилиндра *E* насажено малое колесо, которое посредствомъ другаго равнаго колеса и его шестерни о 10 цѣвкахъ вращаетъ вертикальное колесо *R*, имѣющее 70 зубцевъ. По сему на одинъ цѣлой оборотъ колеса *R* приходится по 7 цѣлыхъ оборотовъ цилиндра *E*. Чрезъ правую стѣнку модели просунуть правый конецъ оси колеса *R*; на немъ насажена стрѣлка *r*, которая на кругломъ циферблатѣ, раздѣленномъ на 7 секторовъ, означенныхъ Римскими цифрами I, II, III... VII, указываетъ число оборотовъ цилиндра *E*, слѣдовательно также число оборотовъ колеса *L* и упомянутой стрѣлки *c*, насаженной на верхнемъ концѣ его оси. Стрѣлки *r* и *c*, находясь между собою въ связи, посредствомъ описаннаго механизма, дѣйствуютъ вмѣстѣ. Когда стрѣлка *r* находится въ I секторѣ, то стрѣлка *c* указываетъ годы по Р. Х. между 0 и 1800 включительно, вписанные въ первую ближайшую къ центру таблицы A круглую строку. Когда же стрѣлка *r* во II секторѣ, то указаніе стрѣлки *c* относится тогда до годовъ второй круглой строки, между 1900 и 3700 включительно, и т. д. А когда стрѣлка *r* заключается въ VII секторѣ своего циферблата, то стрѣлка *c* указываетъ тогда уже годы послѣдней круглой строки въ таблицѣ A, между 11400 и 13200 лѣтъ включительно.

Изложивъ въ предъидущемъ все что нужно для установленія Хронологической Машины Г. Головацкаго на данный годъ

по Р. Х., объяснимъ теперь это дѣйствіе слѣдующимъ примѣромъ:

Пусть требуется: *установить матину на 1852-й Январскій годъ по Р. Х., и сыскать на ней главныя хронологическія данныя этого года?*

Усматривая, что 1800-й годъ находится въ таблицѣ А въ концѣ первой круглой строки, приводимъ правою рукою, посредствомъ вышеупомянутой мѣдной ручки, механизмъ въ движеніе, чтобы навести сперва стрѣлку *r* почти къ концу I сектора циферблата, находящагося снаружи на правой стѣнкѣ модели. Потомъ медленнымъ движеніемъ наводимъ стрѣлку *c* на средину того сектора таблицы А, въ которомъ вписанъ 1800-й годъ. Симъ дѣйствіемъ уже установлены большая призма *D* и цилиндръ *E* на 19-е столѣтіе. Тогда ищемъ двѣ послѣдніе цыфры 1852 года на видимой верхней сторонѣ призмы *D* во второй ея половинѣ, подъ заглавіемъ: съ 5508 отъ Сотворенія міра. Мы находимъ 52 въ 24-й строкѣ сверху; и выписываемъ изъ этой строки въ таблицѣ *B*, *дни недѣли принадлежащіе первымъ числамъ 12 мѣсяцевъ 1852 Январскаго года*, а именно:

1 Января, вторникъ.	1 Іюля, вторникъ.
1 Февраля, пятница.	1 Августа, пятница.
1 Марта, суббота.	1 Сентября, понедѣльникъ.
1 Апрѣля, вторникъ.	1 Октября, среда.
1 Мая, четвергъ.	1 Ноября, суббота.
1 Іюня, воскресенье.	1 Декабря, понедѣльникъ.

Послѣ сего, для сысканія *числа Святой Пасхи*, ищемъ послѣднія двѣ цифры 1852 года и въ видимой 19-й части цилиндра *E*, гдѣ 52 находимъ въ 7 столбцѣ. Указательнымъ пальцемъ правой руки отъ цифръ 52 двигаясь въ этомъ столбцѣ перпендикулярно внизъ въ таблицу С, а указательнымъ пальцемъ лѣвой руки подвигаясь въ вышеупомянутой 24-й строкѣ горизонтально въ правую сторону изъ таблицы *B* въ туже таблицу *C*; видимъ, что сіи два пальца соединяются въ томъ четыреуголь-

никѣ таблицы *C*, въ которомъ вписано 30-е число Марта, число Святой Пасхи въ 1852 году по Р. Хр.

Такъ какъ подвижные церковные праздники, мясоястія и посты зависятъ отъ чиселъ Св. Пасхи; то Г. Головацкій показалъ ихъ прямо для этихъ чиселъ въ таблицѣ *K*, наклееной по обѣимъ сторонамъ круглой таблицы *A*. Мы находимъ въ четвертомъ ея столбцѣ, подъ заглавіемъ: *Числа Пасхи Христовой*, 30-е число Марта въ 9-й строкѣ сверху; и выписываемъ изъ этой строки слѣдующія данныя для 1852 года:

Мясоястіе 5 недѣль и 6 дней.
Начало Великаго Поста, Сыропустъ, 10 Февраля.
Благовѣщеніе во вторникъ, 7 недѣли поста.
Преполовеніе 23 Апрѣля.
Вознесеніе 8 Мая.
Петровъ мясопустъ 25 Мая.
Петрова поста 4 недѣли 6 дней.
Петра и Павла (неподвижный праздникъ) въ воскресенье.

Съ помощію сысканныхъ всѣхъ этихъ главныхъ хронологическихъ данныхъ 1852 года, легко уже можемъ составить мѣсяцословъ того года. Но на модели сверхъ сего находится еще механическое устройство, для скораго сыскиванія дней недѣли принадлежащихъ даннымъ числамъ мѣсяца и наоборотъ. Такъ какъ это послѣднее устройство извѣстно, то будетъ довольно здѣсь упомянуть, что оно состоитъ изъ малой подвижной семисторонней призмы *G*, зубчатаго горизонтальнаго колеса *H* и двухъ таблицъ *F* и *J*.

Изъ сего описанія явствуетъ: что машина Г. Головацкаго показываетъ искомыя главныя хронологическія данныя скоро, удобно и совершенно вѣрно, просто механически безъ малѣйшаго пособія ариѳметическихъ дѣйствій. Будучи совершенно увѣренъ въ преимуществѣ этой машины, и желая содѣйствовать

введенію ея въ употребленіе для изслѣдованій касающихся Русской Хронологіи и Исторіи, старался я пополнить это описаніе не только техническими свѣдѣніями по части составленія Юліанскаго Русскаго мѣсяцослова, но также и руководствомъ къ просто-механическому рѣшенію разныхъ хронологическихъ задачъ посредствомъ этой машины. Для сего показанъ мною порядокъ всѣхъ воскресныхъ дней въ году, ихъ обыкновенныя названія и нумерація, съ присовокупленіемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ извѣстныхъ древнихъ названій. Также сообщенъ списокъ большей части тѣхъ неподвижныхъ церковныхъ праздниковъ, которые часто упоминаются въ Русскихъ Лѣтописяхъ; съ присовокупленіемъ древнихъ названій къ нѣтоторымъ изъ сихъ праздниковъ. Даны точныя правила, для вѣрнаго перевода мартовскихъ и сентябрскихъ годовъ считаемыхъ отъ сотворенія міра на январскіе годы по Р. Хр. Показано рѣшеніе посредствомъ машины разныхъ хронологическихъ задачъ, даже и тѣхъ, которыя относятся до употребляемыхъ круговъ солнца и луны, и до нахожденія тѣхъ годовъ, въ которые Св. Пасха приходится въ тождественныя числа мѣсяца, и т. д.

За симъ помѣщены изслѣдованія по части Русской хронологіи, произведенныя мною на машинѣ Г. Головацкаго. Въ нѣсколькихъ спискахъ показаны повѣрки тѣхъ полныхъ хронологическихъ данныхъ съ означеніемъ года, числа мѣсяца, дня недѣли или подвижнаго церковнаго праздника, которыя находятся въ первыхъ пяти томахъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. Какъ бо́льшая часть сихъ данныхъ оказалась при повѣркѣ совершенно вѣрною, что весьма важно для Русской хронологіи, то такимъ образомъ имѣется уже значительное число вѣрныхъ выводовъ; которые, послѣ сравненія и разбора съ помощію историческихъ фактовъ, послужатъ къ исправленію или утвержденію другихъ хронологическихъ данныхъ, содержащихся въ разныхъ спискахъ Лѣтописей. Изъ небольшаго же числа тѣхъ полныхъ хронологическихъ дан-

ныхъ, которые уже на первый взглядъ оказались невѣрны, исправлена мною большая часть посредствомъ критическаго разбора ихъ въ разныхъ спискахъ Лѣтописей, и также по указанію самыхъ текстовъ. Теперь осталось уже не много ошибочныхъ полныхъ хронологическихъ данныхъ, которыя по видимому останутся на долго неисправленными. Посредствомъ этой систематической повѣрки получено вѣрное познаніе употреблявшагося времясчисленія въ разныхъ Лѣтописяхъ, и рѣшенъ вопросъ о мартовскихъ годахъ. Эти успѣшные выводы могли быть получены только теперь, когда, въ слѣдствіе Монаршихъ щедротъ, собраны многочисленные древніе списки Русскихъ Лѣтописей, и ихъ содержаніе сдѣлалось уже доступнымъ для всѣхъ, послѣ многолѣтнихъ трудныхъ разборовъ и сравненій сихъ Лѣтописей, произведенныхъ Археографическою Коммиссіею.

Особенно заслуживаетъ вниманія исправленіе ошибки въ году древняго Договора, заключеннаго Великимъ Княземъ Олегомъ съ Греческимъ Императоромъ Львомъ Премудрымъ; ошибки, по причинѣ которой происходили споры между историками на счетъ подлинности этого Договора. Къ счастію число мѣсяца и нумерація показаннаго въ немъ воскресенья болѣе чѣмъ достаточны, съ помощію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, для того, чтобы точно рѣшить, по правиламъ математической хронологіи, что годъ сего Договора вѣрно переводится на 910 январскій годъ по Р. Хр. Такимъ образомъ устранено нынѣ всякое сомнѣніе на счетъ подлинности сего весьма драгоцѣннаго историческаго документа. Изъ него и договора, заключеннаго Великимъ Княземъ Игоремъ съ Греческими Императорами: Романомъ, Стефаномъ и Константиномъ въ 945 году, какъ кажется, могутъ быть выведены доказательства на счетъ введенія въ употребленіе въ Кіевѣ славянской грамоты и Греческаго счисленія годовъ отъ сотворенія міра, не позже 910 года, потому что это тогда уже нужно было для сношеній съ Царѣградомъ. Слѣдовательно счисленіе годовъ отъ сотворенія міра

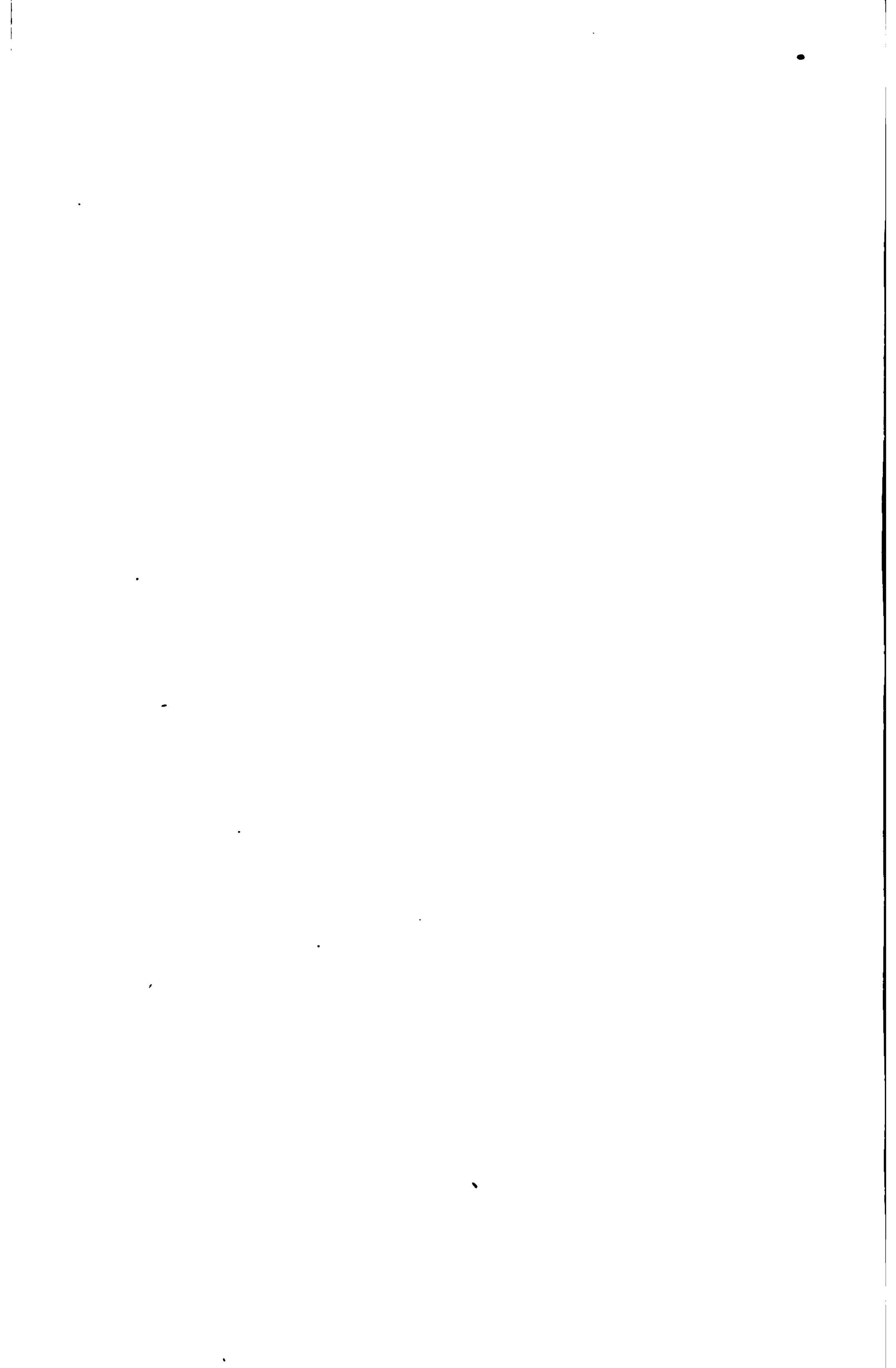
въ офиціальныхъ запискахъ, вошедшихъ въ составъ Несторовой Лѣтописи, съ того времени уже могло быть вѣрно. По сему встрѣчающіяся ошибки должны по бо̀льшей части быть случайныя, происшедшія отъ неисправности писцовъ. Онѣ могутъ быть отъ части исправлены критическимъ разборомъ и сравненіемъ разныхъ списковъ. А нѣкоторые годы могутъ быть повѣрены или исправлены и по иностраннымъ источникамъ. Что же касается годовъ отъ сотворенія міра, показанныхъ въ Несторовой Лѣтописи прежде выше упомянутаго введенія ихъ въ употребленіе въ Кіевѣ; то годы сіи могли быть вѣрно приписаны послѣ 910 года, къ тѣмъ послѣдовательнымъ годамъ, которые Варяго-Руссами тщательно отмѣчаемы были посредствомъ руновъ на деревянныхъ доскахъ. И такъ и въ этихъ годахъ ошибки должны быть по бо̀льшей части случайныя, происшедшія отъ неисправности писцовъ.

Такъ какъ хронологія и исторія начала Русскаго Государства имѣетъ большую цѣну для всѣхъ истинныхъ любителей отечественной исторіи, то изученіе ихъ весьма занимательно и полезно. Но къ сожалѣнію всѣ старанія историковъ и хронологовъ по̀ сей части еще не увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Желая содѣйствовать къ поясненію сихъ важныхъ предметовъ, изучалъ я тщательно Лѣтопись Нестора того времени и всѣ мнѣ доступные иностранные источники. И какъ мнѣ кажется, удалось мнѣ довольно хорошо повѣрить два изъ первыхъ годовъ, показанныхъ въ Лѣтописи Нестора; что можетъ быть послужитъ къ утвержденію первоначальной хронологіи этой драгоцѣнной лѣтописи. При семъ случаѣ коснулся я и исторіи, стараясь изложить удовлетворительно тѣ обстоятельства, которыя имѣли рѣшительное вліяніе на основаніе Русскаго Государства. Прилагая упомянутыя мои хронологическія и историческія изслѣдованія къ описанію Хронологической Машины Г. Головацкаго, питаюсь надеждою, что во уваженіе большей трудности ихъ предмета, будутъ онѣ приняты историками снисходительно. Что же касается до приложенной тамъ краткой

исторіи времясчисленія гражданскаго и церковнаго православнаго исповѣданія; то она составлена мною по лучшимъ мнѣ доступнымъ источникамъ.

Изъ сего благоволитъ Коммисія удостовѣриться, что предпринимая печатаемое въ пользу Г. Головацкаго описаніе его Хронологической Машины, и довольно пространныя хронологическія и историческія изслѣдованія въ Русскихъ Лѣтописяхъ, я этимъ трудомъ моимъ желалъ содѣйствовать введенію въ употребленіе этой машины на пользу Русской хронологіи; и что посему, на самомъ опытѣ, я уже имѣлъ весьма много случаевъ узнать подробно всѣ хорошія качества, удобность и паче всего постоянную вѣрность этой машины. Въ заключеніе ограничусь замѣчаніемъ: что разсмотрѣнная мною Хронологическая Машина можетъ быть почтена самою совершенною числительною машиною, но той скорости, съ которою она показываетъ искомыя главныя хронологическія данныя. Въ доказательство того да будетъ мнѣ дозволено представить *слѣдующій опытъ*. При дѣйствій этою машиною въ продолженіе 56 секундъ времени, составилось столѣтнихъ показаній всего 133. По сему употребила она на составленіе одного столѣтняго показанія главныхъ хронологическихъ данныхъ, *только мгновеніе*, менѣе полусекунды времени; точнѣе $\frac{56''}{133} = 0'',42$.

На основаніи всего того, имѣю честь покорнѣйше представить: что Хронологическая Машина Г. Головацкаго, по всей справедливости, заслуживаетъ половинной Демидовской преміи; и сверхъ того уже предоставленнаго въ пользу Г. Головацкаго, печатаемаго описанія ея.

ОТЗЫВЪ

Академика КУНИКА

о хронологической машинѣ г. Головацкаго по отношенію къ исторической хронологіи.

Изобрѣтенная г. Головацкимъ хронологическая машина была уже разсмотрѣна двумя опытными хронологами-математиками, — сперва Академикомъ В. К. Вишневскимъ, а потомъ Д. М. Перевощиковымъ. Оба засвидѣтельствовали, письменно и изустно, вѣрность механизма и воздали полную справедливость изобрѣтательности г. Головацкаго. Относительно же практическаго приложенія машины, оба указывали главнымъ образомъ на употребленіе ея въ историко-хронологическихъ изысканіяхъ.

Какъ членъ нынѣшней коммисіи, равно и вслѣдствіе прежняго опредѣленія конференціи, я долженъ опредѣлительно высказать свое мнѣніе о значеніи машины для обработывателей византійско-русской хронологіи. Я исполню это какъ можно короче, но, надѣюсь, къ удовольствію коммисіи.

Всякій историкъ, какъ бы ни мало зналъ онъ толку въ механикѣ, удивится простотѣ механизма, придуманнаго г. Головацкимъ, и конечно не поперечитъ тому, чтобы Академія воздала справедливость таланту изобрѣтателя. Рѣшительный отзывъ нашихъ двухъ математическихъ хронологовъ о вѣрности машины не требуетъ дальнѣйшихъ подтвержденій, но, исполняя

8*

прежнее опредѣленіе конференціи, я объявляю, что и я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими сочленами, для опыта вычислялъ на машинѣ разныя историческія данныя, вѣрно высчитанныя прежде нашими обыкновенными способами, — и *машина блистательно выдержала этотъ историческій экзаменъ.* Это не значитъ конечно, чтобы машина возводила византійско-русскую хронологію на ту высоту, которой она должна нѣкогда достигнуть. На эту высоту можетъ ее возвести только *хронологическая критика*; но машина способна при этомъ существенно облегчать хронологу механическую часть его труда, а такихъ механическихъ манипуляцій придется сдѣлать въ области византійско-русской хронологіи безчисленное множество.

Теперь спрашивается: въ какой мѣрѣ она способна войти въ употребленіе по удобству этого употребленія? Отвѣтъ на это, конечно, уже данъ въ разборѣ, равно и въ описаніи сочлена нашего, В. К. Вишневскаго; но по зрѣломъ размышленіи и я не могу не дозволить себѣ нѣкоторыхъ дополнительныхъ замѣчаній.

Надобно опасаться, что войти въ употребленіе машинѣ много будетъ мѣшать наружный объемъ ея. Оба наши хронологи-математики убѣждены, что ее можно значительно уменьшить. Все же впрочемъ это возможно, по причинѣ таблицъ, едва ли больше, чѣмъ на половину.

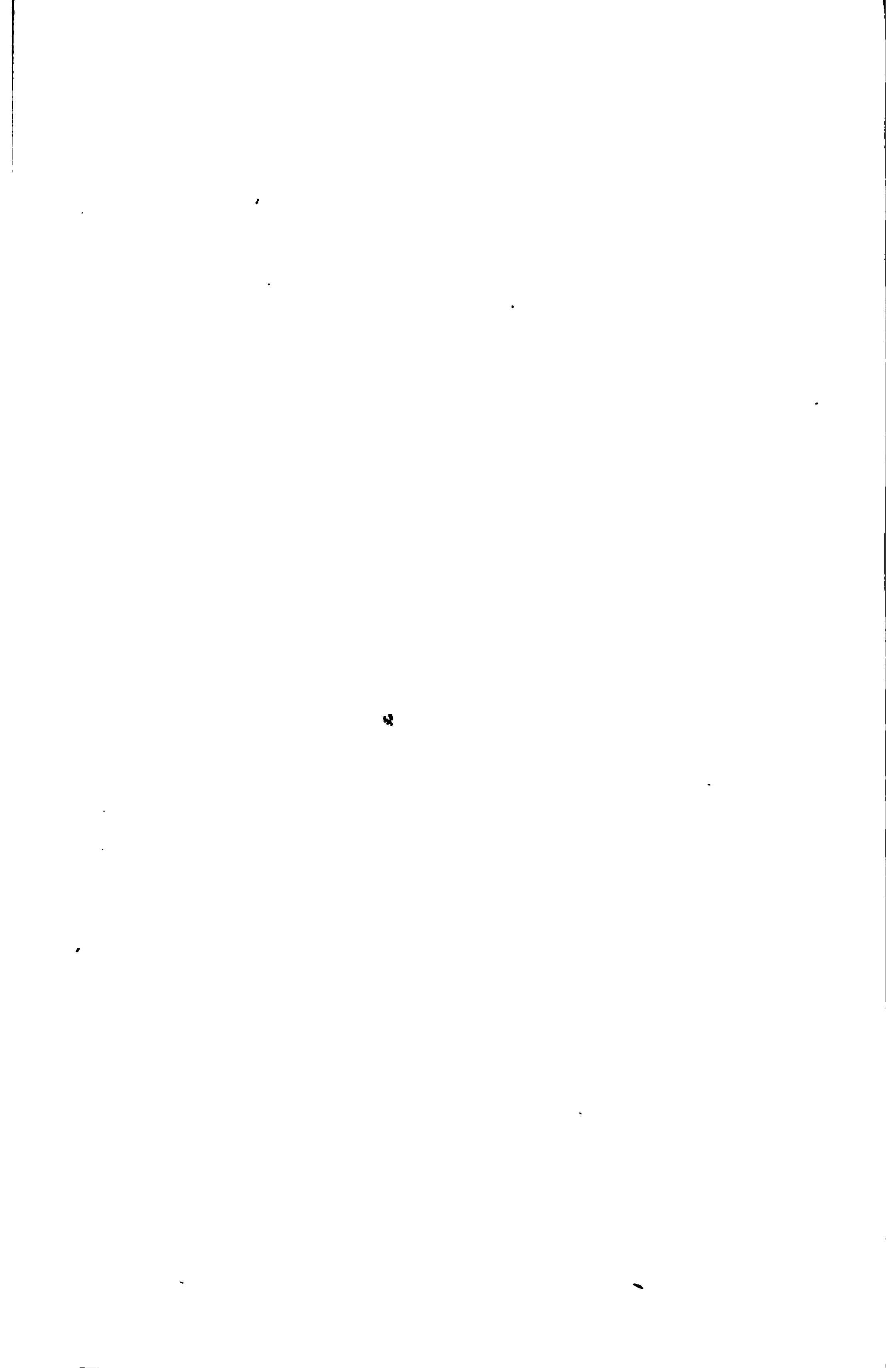
Какіе историки будутъ пользоваться машиной? Въ этомъ отношеніи ихъ надо раздѣлить на два разряда:

1) На такихъ, которые никогда не брались за хронологическія вычисленія,

и 2) На такихъ, которые донынѣ употребляли для хронологическихъ вычисленій извѣстныя таблицы.

Для историковъ 1-го разряда, которыхъ довольно много, машина г. Головацкаго въ настоящее время имѣетъ безусловное значеніе. Кромѣ того, всякій начинающій историкъ, навѣрное, скорѣе возмется за машину, чѣмъ за существующія хронологическія таблицы.

Для втораго же разряда историковъ машина едва ли можетъ имѣть безусловное значеніе, а развѣ только болѣе или менѣе относительное. Существующія у насъ пособія, именно таблицы, посредствомъ которыхъ донынѣ вычисляются Св. Пасха съ зависящими отъ нея подвижными праздниками, дни недѣли и т. д. вовсе не такъ просты, какъ способъ Головацкаго на его машинѣ, и притомъ можно доказать изъ примѣровъ, что тѣ вводили иныхъ въ ошибки, что́ на машинѣ рѣшительно невозможно при самой обыкновенной степени вниманія. Кромѣ того, надобно еще сказать, что многія изъ напечатанныхъ у насъ таблицъ и другихъ подобныхъ пособій или не обнимаютъ всѣхъ способовъ опредѣленія времени, или содержатъ въ себѣ, по причинѣ дурной методы, грубыя ошибки. Въ сравненіи съ этими пособіями употребленіе машины г. Головацкаго представитъ гораздо больше удобствъ, особенно если будетъ сдѣлана въ меньшихъ размѣрахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ я не могу умолчать, что будетъ время, когда эта машина много или даже вовсе потеряетъ значеніе для историковъ. Теперь, конечно, нѣтъ еще въ наличности такихъ простыхъ таблицъ, которыя дѣлали бы машину г. Головацкаго излишнею для историковъ и которыя я не безъ причины называю *Практическими хронологическими таблицами* или просто *Хронологическими Логариѳмами*. Итакъ изобрѣтенный г. Головацкимъ способъ вычисленія остается покуда, между другими извѣстными у насъ, самымъ простымъ, — но только покуда. Поэтому, если коммисія присудитъ г. Головацкому премію, то это должно быть сдѣлано собственно во вниманіе къ отличному механическому таланту изобрѣтателя.

BEURTHEILUNG
DES NEUESTEN WERKES

von

M. von WOLFFELDT,

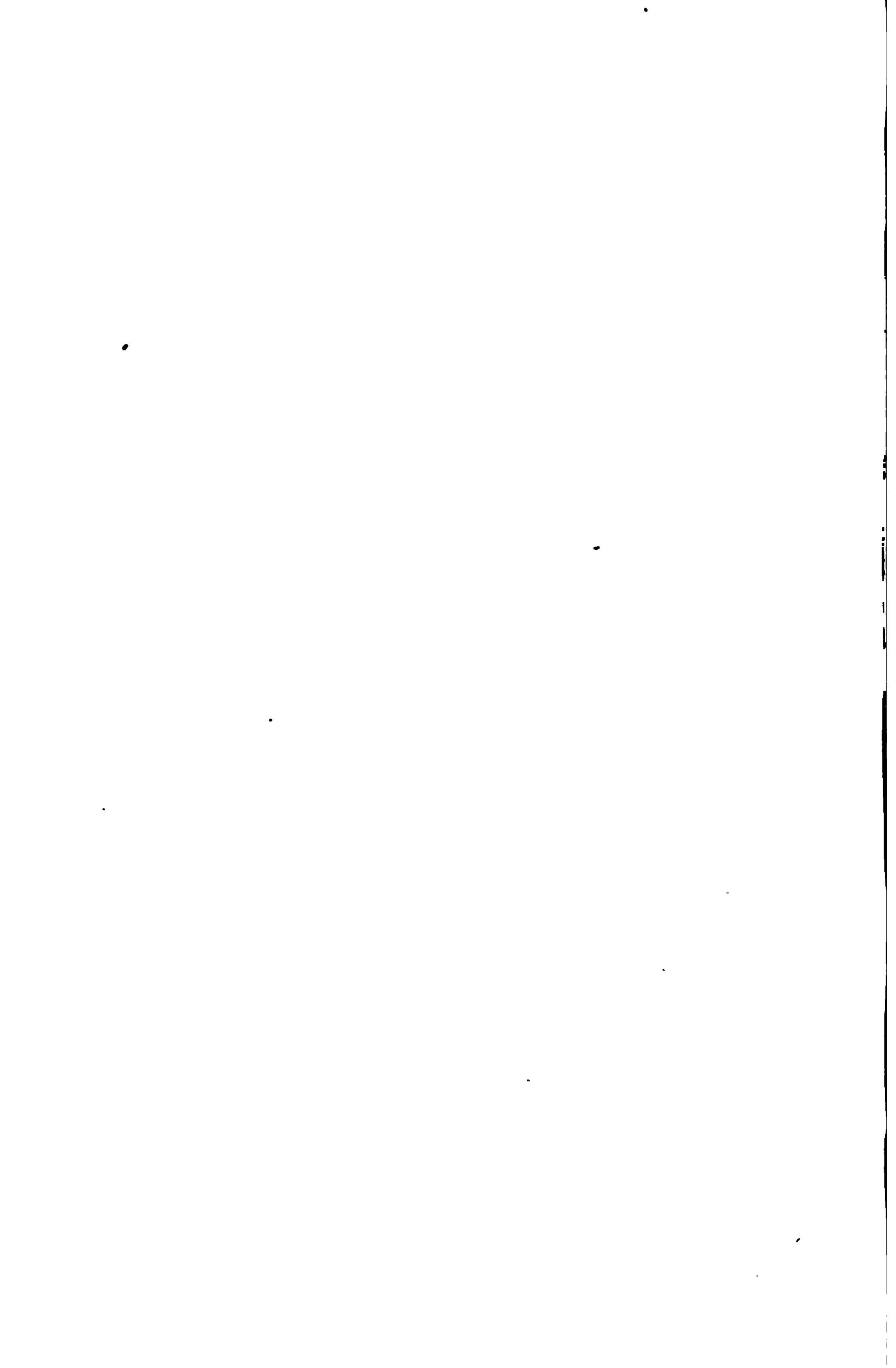
«MITTHEILUNGEN AUS DEM STRAFRECHT UND DEM STRAFPROCESS IN LIVLAND, EHSTLAND UND KURLAND; 3. BÄNDE VON 1848—53.»

von

Dr. Franz Victor Ziegler,

AUSSERORDENTL. PROFESSOR DES CRIMINALRECHTS, CRIMINALPROCESSES, DER RECHTSGESCHICHTE UND JURIST. LITERATUR IN DORPAT.

Примѣчаніе. Содержаніе сочиненія Г. Вольфельдта, удостоеннаго почетнаго отзыва на основаніи рецензіи, написанной на нѣмецкомъ языкѣ профессоромъ Дерптскаго Университа Циглеромъ, относится къ предмету столь спеціальному, и притомъ столь тѣсно связанному съ знаніемъ источниковъ нѣмецкой юриспруденціи, что оказалось необходимымъ сообщить эту рецензію на нѣмецкомъ языкѣ подлинника ея.

§ 1.

Einleitung und Plan der Beurtheilung.

Wenn irgendwo, auf einem Gebiete der Rechtswissenschaft, so ist es bei der Beurtheilung von strafprocessrechtlichen Schriften erforderlich, sich die herrschenden wissenschaftlichen Richtungen zu vergegenwärtigen, um zu finden, ob und inwieweit denselben die Leistungen des zu prüfenden Schriftstellers entsprechen. Merkwürdige Verbrechen können aber offenbar, von einem dreifachen Standpunkte aus, mit Erfolg dargestellt werden. **Erstlich** kann der Schriftsteller sein Hauptaugenmerk richten auf die inneren Entstehungsgründe der strafbaren Handlungen, auf die Beschaffenheit der wahren, nicht immer verwerflichen Motive, welche in Verbindung mit äusseren Umständen den rechtswidrigen Entschluss hervorriefen, auf die specifischen Neigungen, Gefühle und Begierden des Verbrechers, welche in der Missethat ihren Ausdruck fanden, um durch dieses Alles für die Anwendung und klare Auffassung criminalistischer Begriffe und Regeln, ja selbst für die Einsicht in manche hervorragende Begebenheit der Welt- und Staatengeschichte eine tüchtige Vorarbeit zu liefern. Der Repräsentant einer solchen, vornehmlich **psychologischen** Erörterung ist bekanntlich **Feuerbach**, welcher in seinem so geistreichen, als scharfsinnigen Werk [1]) eine reiche Welt- und Menschenkenntniss niedergelegt hat. Nichtsdesto weniger bietet selbst dieses Werk erneuten Forschungen einen

[1]) A. R. v. **Feuerbach**. Actenmässige Darstellung merkwürdiger Verbrechen. 1 und 2. Bd. Giessen 1828. 1829.

weiten Raum dar, und hat die bezeichnete Richtung keineswegs erschöpft; der Grund liegt, meines Erachtens, darin, dass Feuerbach unterlassen hat, mit Hülfe einiger Naturwissenschaften, aus den mitgetheilten Thatsachen des menschlichen Geistes allgemeine psychologische Gesetze abzuleiten, nach Trieben und Neigungen zu classificiren, und Natur- und Wesen so mancher socialen Begriffe schärfer zu formuliren. Erst von diesem Standpunkte aus möchte es dereinst gelingen, eine Aussicht zu eröffnen in alle jene psychischen Entwickelungen und in jene Triebfedern, welche im Guten wie im Bösen auf der tragischen Bühne der Verbrechen ihre Rolle spielen. Zweitens können das Interesse und die Wichtigkeit gerichtlicher Untersuchungen, die Schwierigkeiten bei den Fragestellungen, bei der Erlangung eines Geständnisses, das z. B. von verstockten Verbrechern oftmals nur durch rasches Einschreiten gewonnen wird, bei der Abfassung von Vertheidigungsschriften, von Gutachten der Sachverständigen u. s. w. den Schriftsteller veranlassen, Strafrechtsfälle hauptsächlich in dem Sinne zu bearbeiten, um aus ihnen bestimmte wissenschaftliche Grundsätze über die Untersuchungs- und Vertheidigungskunst überhaupt abzuleiten. Eine gediegene juristische Arbeit dieser Art hat geliefert Pfister [2]), dem sich dann Jagemann [3]) in würdiger Art anreiht. Und wenn dem Pfisterschen Werk mehr Schärfe und Präcision, mehr Geschmack im Ausdruck und in der ganzen Behandlung des Stoffs zu wünschen wäre; so entschädigt für diese offenbaren Mängel die reiche Erfahrung des hochverdienten Praktikers, die tüchtige Individualisirung und die Umsicht, mit welcher jede Untersuchung vor unsern Augen ausgebreitet wird. Drittens kann der Plan des Schriftstellers vornehmlich darauf gerichtet seyn, die abstrakten, positiven Sätze der gesammten Strafrechtswissenschaft durch anziehende und

---

[2]) Pfister, Merkwürdige Criminalfälle mit besonderer Rücksicht auf die Untersuchungsführung. 1 — 4. Bd. Heidelberg 1814 — 19.

[3]) Jagemann, Handbuch der gerichtlichen Untersuchungskunde. 1. Bd.

lehrreiche Rechtsfälle zu veranschaulichen, unbekannte Wahrheiten des materiellen Rechts oder des Processes zu entwickeln, oder schon bekannte Thatsachen an ihrem Gegensatze zur Klarheit zu bringen, um durch eine solche Rechtspraxis die ganze Theorie neu zu beleben, vor willkührlichen, irrigen Ansichten zu bewahren und auf mögliche Lücken der Gesetze hinzudeuten. Wenn daher z. B. die Frage entsteht, was Zeugen mit ihren äusseren Sinnen wahrgenommen haben müssen, um durch ihre Aussage eine rechtswidrige Handlung zu beweisen, und wenn manche Praktiker, wie dies aus vielen Entscheidungsgründen von Straferkenntnissen hervorgeht, sogar verlangen, dass der Zeuge den Causalzusammenhang der Handlung mit ihrem Erfolg, als äussere Erscheinung, mit eigenen Sinnen beobachtet haben müsse; so dürfte diese über alle Maassen auffallende Ansicht, welche die Möglichkeit eines vollgültigen Zeugenbeweises in den meisten Fällen beinahe ausschliesst, am schlagendsten widerlegt werden durch lichtvolle Beispiele, die entnommen sind aus der Reihe der s. g. materiellen Verbrechen, z. B. der Tödtung, Körperverletzung, Brandstiftung, Erpressung u. s. w. Die bekanntesten Schriftsteller in dieser dritten Richtung sind Klein[4]), Bauer[5]) und ganz besonders Hitzig[6]).

Es ist nun wohl natürlich und auch leicht zu erklären, dass Uebergänge innerhalb dieser Richtungen nicht nur möglich, sondern ganz unbedenklich sind, ja die concrete Beschaffenheit einzelner Rechtsfälle kann zuweilen, ganz unbeschadet des Hauptplans des Schriftstellers, die besondere Hervorhebung des entgegengesetzten Standpunktes geradezu nöthig machen.

Legen wir diesen Massstab an das vor uns liegende von Wolfeldt'sche Werk an, so können wir über den Plan und über die

---

4) Klein, Annalen, besonders aber dessen merkwürdige Rechtssprüche der Hallischen Juristen-Facultät. 5. Bde.

5) Bauer, Strafrechtsfalle 4. Bde.

6) Hitzig, Zeitschrift für die Criminalrechtspflege in den preussischen Staaten 16. Bde. — Annalen der deutschen und ausländischen Criminalrechtspflege. 9. Bde.

Richtung desselben keinen Augenblick in Zweifel seyn. Der geehrte Herr Verfasser erklärt im Vorwort zum ersten Bande ausdrücklich, er habe ursprünglich mit einem Freunde und früheren Amtsgenossen eine Zeitschrift für die Criminalrechtspflege gründen wollen, nach dem Vorbild des bereits oben genannten Werkes von Hitzig, das dann später von Demme fortgesetzt wurde. Nach dem Tode jenes Freundes habe er sich zur Herausgabe der nachfolgenden merkwürdigen Verbrechen und Untersuchungen entschlossen, um an ihnen, ausser ihrem factischen Inhalt, die Erfordernisse der strafrechtlichen Beurtheilung und einer umsichtigen Processführung ins Licht zu stellen.

Das ganze Werk zerfällt in drei Bände, von welchen der erste Strafrechtsfälle enthält aus der Provinz Livland, der zweite aus der Provinz Kurland, der dritte aus der Provinz Ehstland. Jedem einzelnen Bande sind ausserdem Skizzen vorangestellt über den Zustand des Strafrechts und der Strafgerichtsverfassung in den betreffenden Provinzen, Umrisse, die ganz abgesehen von ihrem specifischen wissenschaftlichen Werth, jedenfalls ein historisches Interesse für die Ostseeprovinzen beanspruchen dürfen. Die Darstellung selbst, die in dem Werke herrscht, ist klar und lichtvoll, ja oftmals mit so geist- und gemüthvollen Reflexionen verwebt, dass niemand dieses Werk ohne vielfache Belehrung und Anregung aus der Hand legen wird.

Ich werde nun, um den Plan und den Gang meiner Beurtheilung gleich hier, im Eingang, klar darzulegen, soweit als nur möglich, die wichtigsten in diesem Werk abgehandelten Gegenstände, die ein allgemeineres Interesse darbieten, zur Sprache bringen. Es sollen daher zunächst der Inhalt der an die Spitze eines jeden einzelnen Bandes gestellten materiellen Rechtsinstitute, sodann die besonders anziehenden und merkwürdigen Untersuchungsfälle im Einzelnen betrachtet werden.

§ 2.

BEURTHEILUNG DES ERSTEN BANDES.

I. Gegenstände des materiellen Rechts.

Der Verf. berührt von S. 3 — 40 grossentheils provinzielle Bestimmungen [7]), von denen wir um so mehr Umgang nehmen dürfen, als dieselben, in Folge der von der Kaiserlichen Staatsregierung erfolgten Promulgation eines Strafgesetzbuchs, ausschliesslich ein rechtshistorisches Interesse für Livland besitzen [8]). Die von S. 41 — 51 folgende Lehre über die Grundlagen der Imputation handelt der Verf. in der Einleitung zum dritten Band wiederholt ab, weswegen denn auch dort meine Beurtheilung derselben ihren schicklichen Platz finden wird. Demnach werde ich hier besonders zwei, vom dogmatischen und legislativen Standpunkte aus, gleich wichtige und interessante Lehren ins Auge fassen, über den Versuch eines Verbrechens, und über den Grad der Schuld in Hinsicht auf das Maass der Theilnahme.

1) Ein Strafgesetz wird bekanntlich übertreten theils durch die Vollendung des im Gesetz bedrohten Verbrechens, theils durch einen Versuch, welcher eine den Charakter des Verbrechens bestimmende und erkennbare, wenngleich unterbrochene oder erfolglose Thätigkeit des Individuums voraussetzt. Diese Unterscheidung findet vornehmlich da ihre Anwendung, wo erst durch die Aufhebung oder Störung eines gewissen physischen oder factischen Zustandes das Recht selbst als verletzt betrachtet werden kann, wo also zur Vollendung des Verbrechens ein von der verbrecherischen Handlung selbst getrennter, durch sie bewirkter Erfolg gehört, wie z. B. bei den Verbrechen gegen das Leben und die Gesundheit

---

[7]) Mit Ausschluss von S. 9 — 15., wo vom rechtsphilosophischen Standpunkte aus Criminalverbrechen von Polizeivergehen unterschieden werden, Ausführungen, die wohl füglich auf sich beruhen können.

[8]) Mit Recht geht Neumann im Inland № 36. 1848. S. 749. bei Beurtheilung des 2. Bandes des Wolffeldt'schen Werkes von derselben Ansicht aus.

(Tödtung, Vergiftung, Körperverletzung), bei der Nöthigung, bei dem Betrug, bei der Brandstiftung u. s. w. Allein auch bei andern Verbrechen, die schon mit der Handlung selbst vollendet sind, wie z. B. bei dem Diebstahl [9]) und der Fälschung, lässt sich unterscheiden, ob diese Handlung selbst schon vollendet, oder blos unternommen sey. Besteht dagegen der Thatbestand eines Verbrechens nur darin, dass die verbrecherische Absicht in eine ihr entsprechende und sie ausdrückende That übergegangen sey, wie z. B. bei Verbalinjurien, in der Regel bei der Kindesaussetzung [10]), bei dem Todtschlag, bei dem Missbrauch des Züchtigungsrechts u. s. w.; so kann von einem blossen Versuch, im Gegensatz der Vollendung, gar keine Rede seyn, mit der völlig beendigten Handlung coincidirt offenbar auch das Vorhandensein des vollendeten Verbrechens.

Untersuchen und specialisiren wir also die Natur und das Wesen namentlich der s. g. formellen Verbrechen etwas näher, so ist es klar, dass die im positiven Strafrecht nicht begründete, von vielen neueren Criminalisten [11]), mit oder ohne Einschränkungen, angenommene, von Herrn v. Wolffeldt aber S. 53. ganz unbedingt vertheidigte Ansicht über die drei Grade des Versuches in dieser Allgemeinheit sich schwer möchte rechtfertigen lassen. Der Herr Verf. behauptet nämlich: «nach gemeinem deutschen Recht, soweit sich diesem das livländische Strafrecht hierin anschliesse, gebe es

---

[9]) Nach römischem Recht wurde (wie überhaupt bei allen Privatdelicten, vgl. auch Zachariä, die Lehre vom Versuche des Verbrechens, I. § 88. ff.) kein Versuch des Diebstahls angenommen, vielmehr griff in dergleichen Fällen die subsidiäre Injurienklage ein, D. 47. 2. de furtis fr. 21. § 7. Paul. Sent. Rec. II. 31. § 35.

[10]) Schon Mittermaier im N. Arch. des. Crim. R. IV. S. 17. macht die treffende Bemerkung, dass die Kindesaussetzung in eine versuchte und vollendete Handlung juristisch nicht getrennt werden könne. Geht nämlich die Mutter, mit der Absicht, das Kind auszusetzen, an einen bestimmten Ort, so ist in der That eine strafbare Aussetzung nicht früher vorhanden, als bis die Mutter das Kind wirklich verlassen hat. — Mit Recht nimmt daher auch das Russ. Gesetzbuch der Criminal- und Correctionsstrafen Art. 1986. ff. in dieser Sache keinen Versuch an.

[11]) Vgl. Feuerbach, Lehrb. des peinl. Rechts § 43, Abegg, Lehrb. der Strafr. W. § 95, Heffter, Lehrb. des Crim. R. § 74.

überhaupt drei Grade des Versuches, den vollendeten Versuch (das s. g. delictum perfectum, im Gegensatz zum consummatum), den nächsten Versuch (conatus proximus), und den entfernten Versuch (conatus remotus), P. G. O. Art. 178». — Allein die Carolina stellt, in formeller Beziehung, entschieden keine bestimmten Grade der Versuchshandlungen auf, deren Anzahl vielmehr eben so unbestimmt ist, wie z. B. bei der Verschuldung, ja wir werden blos die Zulässigkeit einer formellen [12]) Unterscheidung von Stufen des Versuches annehmen dürfen, je nach dem grössern oder geringern rechtswidrigen Erfolg, den der Verbrecher bereits wirklich bewirkt hat.

Was ferner der Herr Verf. über die Erfordernisse des Versuches anführt, ist denn doch etwas zu fragmentarisch und dürftig. Er sagt: «von dem Versuch im Allgemeinen gilt aber, 1) dass kein Versuch vorhanden, wenn sich nicht der delinquirende Wille wirklich in äusserer Handlung ausgesprochen. 2) Dass auch der in äusserer Handlung begonnene Versuch, wenn er ohne äusseres Hinzuthun oder Hinderung durch eigene freie Entschliessung des Handelnden aufgegeben worden, völlig straflos bleiben muss. 3) Dass der Versuch niemals culposer, sondern immer doloser Natur sein muss, D. 48. 8. ad l. Cornel. de sic fr. 1. § 3., fr. 3. § 2., fr. 7. [13])». Hätte der Herr Verf. als erstes Requisit einer Versuchshandlung eine auf die Vollendung des Verbrechens gerichtete Ab-

---

[12]) Die Behauptung Ludens, Ueber den Versuch des Verbrechens S. 423., bes. 510. ff. «Dass, im Sinne der Carolina, auch in materieller Hinsicht kein Unterschied der Grade des Versuches existire, in so fern man darunter die grössere Nähe oder Entfernung verstehe, welche der Verbrecher bis zur Vollendung der Haupt-Handlung noch zurückzulegen habe, — diese Behauptung, sage ich, ist allerdings sehr irrig, und bezieht sich im besten Fall, wie bereits Zachariä a. a. O. II. S. 18. richtig gezeigt hat, nur auf die Frage über die relative Strafbarkeit der Versuchshandlungen an sich.

[13]) Diese Stellen des römischen Rechts, auf die sich der Verf. beruft, gehören gar nicht hierher; sie handeln nur von der geringeren Strafbarkeit der fahrlässigen und im Affect begangenen Tödtung, keineswegs aber von der Frage, ob ein culposer Versuch zulässig sey, oder nicht.

sicht hervorgehoben, so wäre dadurch mit innerer Nothwendigkeit die Nichtexistenz eines culposen Versuches gegeben gewesen. Allein es muss ausserdem, ganz abgesehen von dem Dasein eines objectiven Rechts, das verletzt wird, vorhanden sein eine zur Ausführung der verbrecherischen Absicht unternommene Handlung, die den beabsichtigten Erfolg nicht gehabt hat, und eine Erkennbarkeit der rechtswidrigen Absicht aus der begonnenen Handlung. So kann, nach Befinden, die Herbeischaffung der Mittel zur Begehung eines Verbrechens sowohl die Ernstlichkeit der widerrechtlichen Absicht, als die bestimmte Richtung derselben klar herausstellen, weshalb z. B. die Verschwörung bestraft wird, ohne dass auch nur entfernt mit der Anwendung der Mittel der Anfang gemacht worden ist [14]). — Als ein negatives Erforderniss des Versuches ist endlich zu betrachten, dass die Ausführung des Verbrechens nicht aus freier Willensbestimmung unterblieben sey [15]). Allein die Reue, die Furcht vor der Strafe, das Mitleiden, überhaupt die Willensänderung des Zurücktretenden tilgt nur dann die Strafe, wenn die begangene Handlung noch zweideutig ist, der Wille, dem Gesetz unbeschadet, zurückgenommen, wenigstens die Absicht des Urhebers ohne erneute Thätigkeit und Vorbereitung nicht ausgeführt werden kann.

2) Bei einem Verbrechen, mag dasselbe im Verhältniss zu dem im Strafgesetz genannten Falle versucht oder vollendet seyn, ist die Anwendung der Strafgesetze weiter bedingt durch die Zurechnung. Diese Zurechnung bezieht sich einzig auf den Willen, und setzt eine äussere Handlung voraus; es ist daher zunächst zu untersuchen, welche verschiedene Fälle hinsichtlich der äusseren That, oder der

---

[14]) Russ. Gesetzbuch der Criminal- und Correktionsstrafen, Art. 271.

[15]) D. 48. 10. ad l. Cornel. de fals. fr. 19. Schlägt daher z. B. jemand fälschlich Münzen, deren Vollendung er zur rechten Zeit unterlässt, z. B. vor dem Aufdrücken des Wappens, der Inschrift, kurz des Gepräges, D. 18. 1. de contrah. emt. fr. 1. pr., so ist die Münze kein Maasstab für den Werth der Waaren, der Gebrauch derselben für den Verkehr unmöglich, ja der Zweck des Handelnden unsicher, und dadurch die Aufhebung der Strafe gerechtfertigt.

Causalität des Handelnden dem Strafgesetze, von dessen Anwendung die Rede ist, unterzuordnen seien. Hierbei sind die beiden Hauptfälle zu unterscheiden, ob die Uebertretung des Strafgesetzes von einem oder von mehreren Verbrechern ausgegangen ist. Haben sich zwei oder Mehrere, die denselben rechtswidrigen Zweck verfolgen, zur Vollbringung eines Verbrechens vereinigt, so muss dasjenige, was in Folge der Berathschlagung von dem einen ausgeführt wird, auch den übrigen so zugerechnet werden, als hätten sie es selbst gethan. Demnach fordert das Complott die vorbedachte Absicht der Genossen, durch eine gemeinsame Thätigkeit das bestimmte Verbrechen zu vollbringen. Im Gegensatz zu dieser Rechtsansicht behauptet der Verf. S. 54: «die Verbindung mehrerer Personen durch Versprechen wechselseitiger Hülfe eines Verbrechens heisst Complott». — Allein auf welche Consequenzen müsste, nach der gemeinrechtlichen Theorie, die der Verf. zunächst im Auge hat, diese Begriffsbestimmung führen? Wenn z. B. ein Gehülfe, in Folge vorhergegangener Verabredung, das Volk aufwiegelt, um den Complottanten die gewaltsame Zerstörung eines Staatsgebäudes zu erleichtern, wenn er den Fälschern Stempel und Matrizen in die Hände spielt, um die Verfertigung von Creditmünzen zu befördern, oder, ohne Kuppler zu sein, zu einem Ehebruch oder einer Nothzucht Vorschub leistet; so handelt der Gehülfe nicht im eigenen, sondern im Interesse der Urheber, er ist das Mittel oder die Bedingung, nicht Grund und Ursache des Verbrechens, seine Absicht ist auf die Hülfeleistung, und nur indirect auf den rechtswidrigen Erfolg gerichtet.

Also nicht das vorhergegangene Versprechen gegenseitiger Hülfe bildet das characteristische Merkmal des Complotts, sondern der gemeinschaftliche Zweck, der die Miturheber verbindet, die gemeinsame auf die Verübung des Verbrechens gerichtete Absicht. Und nur dieses ist der Sinn von P. G. O. Art. 148, worauf sich der Verf. beruft: «So etlich personen mit fürgesetztem und vereinigtem

willen und mut jemandt bösslich zu ermorden einander hilff und beystandt thun, dieselben thätter alle haben das leben verwirkt» [16]).

Wenn ferner der Herr Verf. S. 55 sagt: «Im Fall des Complotts ist, wenn auch nur einer das Verbrechen wirklich physisch ausführt, doch ein jeder der Andern intellectueller Urheber, und Alle sind gleich strafbar;» so vermag ich ihm auch in dieser Behauptung nicht beizustimmen. Allerdings haben namhafte Criminalisten, wie Feuerbach [17]), Stübel [18]) u. s. w. die Ansicht vertheidigt, dass die Mitverbündeten gegenseitig in dem Verhältnisse eines intellectuellen Urhebers zu einander stehen. Allein diese practisch wichtige Ansicht ist aus folgenden Gründen gänzlich zu verwerfen [19]). Wer nämlich vor Eingehung des Complotts zum Verbrechen bestimmt ist, oder nach dessen Eingehung z. B. zum Aufruhr ausdrücklich hinzutritt, selbst wer durch die Verabredung erst Muth, Kraft und Kühnheit zur Ausführung empfängt, der vollzieht keinen fremden Willen, sein Entschluss wird (mit Ausnahme der Anstiftung im engern Sinne), durch die Andern nicht erzeugt,

---

16) Einen ähnlichen Fehler bei der Interpretation dieses Artikels begeht übrigens schon Luden, Ueber den Thatbestand des Verbrechens S. 374, 376, 383, welcher bei der Begriffsbestimmung des Complotts ebenfalls die gemeinsame böse Absicht ausschliesst, und alles auf die theilnehmenden Handlungen bezieht, die so beschaffen sein sollen, dass die Andern auf ihre Mitwirkung gerechnet haben. — Allein dadurch wird offenbar aller Unterschied zwischen Complott und verabredeter Beihülfe aufgehoben.

17) Feuerbach, Lehrb. des peinl. Rechts § 47.

18) Stübel, Ueber den Thatbestand der Verbrechen § 64.

19) Bereits ein früherer Beurtheiler des Wolffeldt'schen Werks macht im Inland № 40. 1844. S. 632. diese richtige Bemerkung, nur hat er sie nicht gehörig begründet, und irrt er darin, wenn er meint, dass jetzt wohl allgemein von den Criminalisten Feuerbachs Behauptung aufgegeben werde. Denn Manche, wie z. B. Wächter, Lehrb. des Strafrechts § 89, Luden, Handbuch des Strafrechts § 81, gehen auf diese Frage gar nicht ein, Andere, wie Abegg a. a. O. § 74, Heffter a. a. O. § 87, äussern sich hierüber schwankend, und nur Mittermaier zu Feuerbach, § 47. Note 3, und Breidenbach, Commentar. II. S. 300, haben sich beistimmend erklärt. — v. Wolffeldt nahm seine Ansicht im Inland № 44. 1844. S. 694. wiederholt in Schutz, aber auf eine Weise, die ich nach der oben im Text folgenden Ausführung nicht für überzeugend halten kann.

sondern allein bestärkt. Demnach liegt in der Berathschlagung über die Mittel und in der gemeinsamen Theilnahme nur ein gegenseitiges Wirken sammt einer gleichen Absicht. Ferner stehen die intellectuellen Urheber auf gleicher Stufe der Strafbarkeit mit den vorsätzlichen physischen Urhebern. Soll nun, und dies wäre die nothwendige Folge jener Ansicht, ein Mitverbündeter, der, ohne ausdrücklich zurückzutreten, bei der Ausführung z. B. des Mordes nicht gegenwärtig ist, mit der Strafe des vollendeten Mordes belegt werden? Keinem Gesetzgeber ist dies wohl je in den Sinn gekommen, jener ist vielmehr nur wegen eines Versuches strafbar. Denn es bedurfte nicht, wie der Ausgang zeigt, seiner Theilnahme zur Vollendung, seine Thätigkeit bildet keinen Theil der Gesammthandlung, und deshalb wird ihm der schädliche Erfolg nicht zugerechnet. Wiederum haben die Uebrigen seinen Beistand erwartet, den er ursprünglich zugesagt, dann nicht ausdrücklich zurückgenommen hat, er hat selbst eingewirkt auf die Festigkeit ihres Entschlusses, und durch die Eingehung des Complotts, als einer vorbereitenden Handlung, einen bestimmten Dolus an den Tag gelegt. Darum ist er wegen des Versuches strafbar.

Doch ich breche hier ab und wende mich von nun an zu der Beurtheilung der einzelnen Criminalfälle.

§ 3.

FORTSETZUNG.

II. Einzelne Criminalfälle.

Mit welcher Sorgfalt und Umsicht der Herr Verf. bei der Auswahl der meisten Straffälle zu Werke gegangen sey, beweist sogleich der erste Rechtsfall (S. 67 — 82), dessen rechtliches Interesse von doppelter Art ist. Der Fall selbst ist folgender: Eine Dienstmagd Greete hatte sich mit ihrem unehelichen Kinde längere Zeit aus dem Gesinde entfernt, gab zunächst bei ihrer Rückkehr den Verkauf des Kindes an fremde Reisende vor, bekannte jedoch sehr bald

vor dem Gemeindegerichte, dass sie das Kind durch Auflegen ihrer Hand auf den Mund desselben getödtet und den Leichnam im Walde vergraben habe.

Der Leichnam selbst kam bald darauf in die Gewalt des Gerichts, und von nun an mussten, nach anerkannten criminalprocessualischen Grundsätzen, folgende wesentliche Punkte aufgeklärt werden:

a) Die Identität des Leichnams mit demjenigen, woran die That begangen worden ist; der Leichnam muss in dieser Beziehung wo möglich von dem Verbrecher selbst recognoscirt werden. Dieses ist in dem vorliegenden Fall in der That auch geschehen.

b) Die Gewissheit des Todes dieses Menschen mit den dafür sprechenden Gründen. Gewöhnlich nun wird hierüber kein Zweifel obwalten, es genügt daher, wenn im Protocoll ein solcher Zustand des Leichnams beschrieben ist, woraus die Sicherheit des eingetretenen Todes zur Klarheit gebracht wird, z. B. Trennung des Kopfs vom Rumpf, eingetretene Verwesung oder Fäulniss.

c) Die Beschaffenheit der Causalität zwischen der Handlung des Urhebers und dem Tode des Gemisshandelten. Zum Behufe einer vollständigen Aufklärung des Causalnexus darf nun die Zuziehung der Aerzte niemals unterbleiben, dieselben müssen die Legalsection, die seit uralter Zeit in der Gerichtspraxis eingeführt ist, vornehmen [20]), ja verschiedene Particulargesetze bestimmen, dass bei unterbliebener Section, oder wäre dieselbe nicht umfassend genug veranstaltet worden, die Strafe der vollendeten dolosen Tödtung cessiren, und die des Versuches, oder eine arbiträre eintreten solle. — Und in Wahrheit war dieses auch, wie der Verf. S. 81 berichtet,

---

[20]) Selbst in dem Fall, dass die Leiche bereits in Fäulniss übergegangen ist, muss die Legalsection erfolgen, weil die gewaltsame Todesart immer noch an bleibenden Merkmalen, z. B. an zerbrochenen Knochen erkannt werden kann, vgl. auch Tittmann, Handbuch der Strafrechts-Wissenschaft III. S. 313., Mittermaier, das deutsche Strafverfahren II. §. 115. — Uebrigens ordnet P. G. O. Art. 149. die Section nicht namentlich an, sondern handelt nur von der Besichtigung des Entleibten.

namentlich die Ansicht des Oberrichters. Derselbe erkannte, unter Bestätigung der höchsten Stelle, auf eine dreijährige Arbeitshausstrafe, weil das Gutachten des Arztes über den objectiven Thatbestand der Tödtung formwidrig und lückenhaft, die legale Section aber gänzlich unterblieben sey, und weil die Weibsperson, in Folge ihrer höchst gedrückten und bedrängten Lage, den Act der Tödtung aus Verzweiflung vollzogen habe.

Nur eine Bemerkung sey mir über diesen interessanten Rechtsfall noch hinzuzufügen verstattet. Der Verf. hat die Ueberschrift gewählt: «Greete, die Kindesmörderin aus Verzweiflung». Das gemeine Strafrecht und ganz übereinstimmend die neueren Strafgesetzgebungen [21]) beschränken mit Recht den specifischen Begriff des Kindesmordes, oder richtiger der Kindestödtung, auf ein uneheliches neugeborenes Kind. Die Gründe der milderen Bestrafung der Kindestödtung liegen theils in der Eigenthümlichkeit der Motive, der Furcht vor Schande und der Verzweiflung, in welcher die ausserehelich Geschwängerte die That als ein Rettungsmittel ihrer Ehre betrachtet, theils in dem physischen und geistigen Zustande einer Gebährenden, deren Ueberlegung und Bewusstsein, in Folge der übergrossen Nervenaufregung, oftmals getrübt ist. Da nun aber, wie S. 67 bemerkt wird, das uneheliche Kind der Greete bereits die Taufe erhalten, und über drei Wochen, als es getödtet wurde, alt war: so können wir entschieden nicht den Begriff des Kindesmordes, sondern einzig des Verwandtenmordes annehmen.

Die von S. 103 — 164 abgehandelten Rechtsfälle «die Raubmörder Weber Carl und Jak Martinow, sodann der Invalide Belt und seine Genossen» stehen insofern in einer gewissen Verwandschaft und in einem innern Zusammenhang zu einander, als

---

[21]) Vgl. z. B. P. G. O. Art. 131, Russ. Gesetzb. der Criminalstrafen Art. 1922 Würtemb. Strafgesetzb. Art. 249, Sächs. Strafgesetzb. Art. 126.

sie, allerdings nach verschiedenen Seiten hin, dazu bestimmt sind, die Wichtigkeit des vorbereitenden Theils im Untersuchungsverfahren zur Anschauung zu bringen.

Die Voruntersuchung hat vor allem die Ausmittelung des Thatbestandes zum Gegenstand, der Untersuchungsrichter ist verpflichtet, unverzüglich nähere Nachforschungen anzustellen, um die erforderlichen Beweismittel für das Dasein des Verbrechens zu erhalten. Existirt aber ein Verdacht, eine Vermuthung der Schuld gegen ein bestimmtes Individuum, so ist die Aufhellung derselben ebensosehr Zweck des Strafverfahrens, als die Ausmittelung der Unschuld [22]). Dieses geht unter anderm daraus hervor, dass der einmal Angeschuldigte eine Fortsetzung der Untersuchung verlangen kann, so lange ein positiver Beweis seiner Unschuld möglich ist, er braucht sich also nicht mit dem allgemeinen Resultate, er sei nicht schuldig befunden worden, zu begnügen [23]).

Diesen rechtlichen Grundsätzen entsprach in den vorliegenden Criminalfällen die von den Behörden geführte Generaluntersuchung vollkommen. Der Schädel eines Menschen, um zuerst die Raubmörder «Weber Carl und Jak Martinow» zu betrachten, war auf einem Moraste zwischen Livland und Witepsk im Herbste des Jahres

---

[22]) Ich kann also der Behauptung Martin's, Lehrb. des Criminalprocesses §. 8. nicht beitreten, welcher annimmt, dass der Beweis der Unschuld niemals Zweck, sondern nur zufälliger Erfolg des Criminalverfahrens sei. — Allerdings aber findet kein Criminalprocess statt, (worin Bauer, Grundsätze des Criminalprocesses 1. Aufl. §. 2. irrt), um da, wo eine Vermuthung für die Unschuld vorhanden ist, diese Vermuthung bis zur Gewissheit zu bringen, denn dieses wäre kein Criminal, sondern ein Unschuldsprocess.

[23]) Im Grunde, streng juristisch, möchte man allerdings sagen, dass dies eigentlich über den Zweck, den das Strafverfahren seinem Begriffe nach hat, hinaus geht. Dasselbe müsste vielmehr aufhören, sobald die bei seinem Anfang vorhandenen Verdachtsgründe völlig widerlegt sind, sobald also die Vermuthung der Unschuld wiederhergestellt ist. Allein zum Behufe der Wahrung des guten Rufs, überhaupt zur Sicherstellung des fraglichen Individuums, hat ihm von jeher eine mildere Gerichtspraxis jenes Recht eingeräumt, und selbst im dritten Bande unseres Werkes «die kleine Lehne» begegnen wir einem ähnlichen Beispiel. Ja, die Bemerkung des Verf. S. 164. über Saweljew, muss ebenfalls hierher gerechnet werden.

1820 aufgefunden worden, an welchem noch die obersten vier Halswirbelbeine befindlich und mit einem rothen Halstuche umwunden waren. Die von der Gutsverwaltung mitgetheilte Vermuthung, der Verstorbene werde wahrscheinlich zufällig im Wasser verunglückt sein, entbehrte alles zureichenden Grundes, vielmehr glaubte man anfangs annehmen zu müssen, dass der bereits genannte Weber Carl, welcher plötzlich spurlos verschwunden war, durch Selbstmord sein Leben geendigt habe. Allein auch diese Vermuthung löste sich bald in einen täuschenden Schein auf, denn es ergab sich später, der Leichnam sei bereits vor der Flucht Carl's aufgefunden worden, wodurch zugleich aller und jeder, ursprünglich gegen Herrn v. F.... geschöpfte, Verdacht (Seite 112) beseitigt wurde. Das vom Untersuchungsgericht eingeforderte Gutachten des Kreisarztes, dessen der Verf. S. 110 sehr rühmend gedenkt, desgleichen die Besichtigung der Stelle, wo das Gerippe war aufgefunden worden, brachten vielmehr zuerst Licht in diese von Anfang an dunkle Untersuchungssache. Man fand, dass der vorgefundene Körper bekleidet ins Wasser gekommen, und dass derselbe der eines Juden in den ersten zwanzig Jahren gewesen sein müsse, eines Juden, der wahrscheinlich auf dem Gange aus einem Gouvernement in das andere meuchlings sei getödtet worden. Der Verf. beschreibt von nun an (S. 116. ff.) umständlich und mit Sorgfalt zuerst die Ergebnisse der über die Person des getödteten Juden angestellten Nachforschungen, sodann die allmählig gegen den Weber Carl aufsteigenden Verdachtsgründe, die sich auf seine durch nichts gehörig motivirte Flucht, auf sein mürrisches und verschlossenes Wesen, anstatt dass er sonst heiter und gesprächig gewesen, vor allem aber auf den unrechtlichen Besitz von Budenwaaren stützten. Allein erst nach Verlauf eines Jahres gelang es, den Jungen Jak Martinow, der wissentlich, wie sich ergab, an dem Raubmorde Antheil genommen, und einen Monat später den Weber Carl zu verhaften, und vor die Schranken des Gerichts zu stellen. Beide

bekannten übereinstimmend die Verübung der schweren Missethat, und erlitten die gesetzliche Strafe.

Ganz anderer Natur und Art, wenngleich denselben Gegenstand, die Wichtigkeit der Voruntersuchung betreffend, ist der andere Rechtsfall «der Invalide Belt und seine Genossen». In Riga wurde im Jahre 1832 in dem Comptoir eines angesehenen Handelsherrn ein grosser Diebstahl durch Einbruch begangen, der ein allgemeines Aufsehen erregte, und der zugleich die angestrengteste Thätigkeit der Policeibehörde in Anspruch nahm. Nach vielen erfolglosen Versuchen und Nachforschungen wurden endlich die Verbrecher entdeckt[24]), inhaftirt, zum Geständniss gebracht und der verdienten Strafe unterworfen. — Soll oder darf ich nun diesen Rechtsfall specialisiren, so müssen folgende drei Beziehungen unterschieden werden:

a) Der Act des Diebstahls war im November Abends 8 Uhr wahrscheinlich im Dunkeln vollzogen worden; es lag in der That so nahe anzunehmen, dass die diebische Handlung von Personen, die im Hause besonders bekannt waren, sei begangen worden, der Verdacht fiel auf einen Kutscher des Bestohlenen Saweljew, welcher deshalb mit den andern Dienstboten sogleich vernommen wurde. Allein dieser allgemeine Verdacht gegen Saweljew verschwand, das Alibi wurde von ihm vollständig nachgewiesen, ja der bestohlene Kaufmann stellte für seinen vieljährigen Diener ein günstiges Zeugniss vor Gericht aus. Saweljew verstarb, ohne seine Freisprechung zu erleben (S. 164). — Wir finden aber nirgends in des Verfassers Darstellung besonders hervorgehoben, dass die auf den ersten Blick ganz begründete Voraussetzung der Stadtpolicei, die

---

[24]) Es soll nicht unerwähnt bleiben, dass die Entdeckung der Verbrecher ein junger gebildeter Mann veranlasste und herbeiführte. [Fälle dieser Art sind übrigens dem juristischen Publicum aus Hitzig's Annalen (oben Note 6. cit.) hinreichend bekannt]. Jener begab sich eines Abends, als Arbeitsmann verkleidet und vom Regen durchnässt, in die Belt'sche Schenke, genoss hier Branntwein und etwas Brot, schlief scheinbar ein, belauschte das Gespräch Belt's und Consorten, theilte dasselbe sofort der Policeibehörde mit, und bewirkte so die Verhaftung der Verbrecher.

Diebe müssten im Hause des Bestohlenen besonders bekannt gewesen sein, habe aufgeklärt werden können.

b) An Belt, der in diesem Drama die Hauptrolle spielt, und an seinen Genossen finden wir des Dichters Wort bestätigt:

«Das eben ist der Fluch der bösen That,
Dass sie, fortzeugend, immer Böses muss gebähren».

Denn nachdem unter ihnen, nach Vollführung der That, Zwist entstanden war, nachdem sich die Verdachtsgründe gegen Belt und Ohsoling zu häufen begonnen hatten, fanden diese letzteren die Ermordung von Krikanow, eines der Diebscomplottanten, zu ihrer eigenen Sicherheit für nothwendig. Dieses alles beschreibt der Verf. sehr ausführlich und anschaulich, und nur die Mittheilung wäre offenbar wünschenswerth gewesen, welcher Strafe die 21jährige Marie Bause wegen Mitwissenschaft des Diebstahls und des Mordes unterzogen worden sei.

c) Die Policeibehörden sind sonst gewöhnlich verbunden, durch Aufsicht den Verbrechen, so viel als möglich, vorzubeugen, darüber zu wachen, dass die Spuren der That bis zur Vornahme des richterlichen Augenscheins unverändert erhalten werden, und Anstalten zu treffen, um die Flucht der Schuldigen zu verhindern, oder die noch unbekannten Verbrecher zu entdecken. Keineswegs sind aber in der Regel die Policeibehörden befugt, in Untersuchungssachen das Verhör des Verdächtigen weiter zu erstrecken, als nöthig ist, um eine Anzeige an das zuständige Gericht zu begründen. — Ganz anders in dem vorliegenden Fall, wo die ganze Voruntersuchung, mit vielem Scharfsinn und mit einer bewundernswerthen Umsicht, ausschliesslich von der Stadtpolicei Riga's geführt worden ist. Es ist dieses offenbar eine Eigenthümlichkeit des Strafverfahrens in den Ostseeprovinzen, denn wir begegnen in dem 1., 2. und 3. Bande des v. Wolffeldt'schen Werkes einer grossen Zahl von Beispielen, in welchen die Generaluntersuchung entweder von der Stadt- oder Landpoliceibehörde, musterhaft oder verfehlt, ist geführt worden.

Mit Uebergehung des fünften und sechsten Falles, welche beide mit einer Lossprechung von der Instanz abschliessen, und wovon namentlich der erstere: «Katharina Renzit» (wegen Verwandtenmordes angeklagt) in rechtlicher Beziehung keine weiteren Schwierigkeiten macht, wende ich mich sogleich zu dem siebenten Rechtsfall: «die Mordbrenner Peter Andressen und Gabriel Frank», welcher einen höchst lehrreichen und anziehenden Beitrag zur Geschichte von den Missbräuchen der Folter darbietet.

Um die Schuld eines Verdächtigen zu erweisen, sind bekanntlich Geständniss desselben und Zeugen die beiden natürlichsten Mittel. Allein die Möglichkeit einer falschen Wahrnehmung der Zeugen ist unläugbar [25]), und oft ist es schwer, für ein Verbrechen einen rechtsgültigen Zeugenbeweis zu erlangen. Legt man aber auf das Geständniss einen zu grossen Werth, und sucht man bei einem jeden Strafprocesse dasselbe à tout prix zu erzwingen; so muss man nothwendig zu einem Mittel greifen, den Sinn des Leugnenden zu brechen, und ein solches Mittel war Jahrhunderte lang die Folter. Zwar beschränkte die Gesetzgebung auf eine zweckmässige Art die Tortur [26]), allein die Richter hielten sich in der Praxis wenig an diese Beschränkungen, nur wendeten sie die Folter blos bei schweren Verbrechen an, bei leichtern Verbrechen aber behielten sie das Losschwören ohne Eidhelfer, den Reinigungseid, bei, und erkannten allmählig hier auch ausserordentliche Strafen wegen Verdachts, sofern die Beschuldigung abgeläugnet wurde. Allein bei schweren Verbrechen wurde nur gar zu oft, auf Grund eines leichten Verdachts, durch die Folter ein wenngleich unwahres Geständniss von dem Angeschuldigten erpresst.

---

[25]) Einen Beweis hierzu giebt im vorliegenden Rechtsfall die Aussage der Carsten E....schen Ehefrau, die der Herr Verf. S. 126. 136. mit vollem Recht als völlig unbegründet bezeichnet.

[26]) P. G. O. Art. 45—61, Tittmann, Geschichte der Strafgesetze S. 274, der nur darin irrt, dass er die Anwendbarkeit der Tortur ganz allgemein behauptet, anstatt dass sie sich, im Sinne der Carolina, nur auf die schweren Verbrechen bezieht.

Einen schlagenden Beleg für dieses Alles liefert der vorliegende Rechtsfall. Im Mai des Jahres 1677 brach in Riga ein bedeutender Brand aus, welcher einen grossen Theil der Stadt in Asche legte. Sofort wurde eine Commission unter dem Vorsitz eines Burggrafen und unter dem Beisitz eines General-Auditeurs und eines Auditeurs, so wie vier anderer Mitglieder, zusammengesetzt, welche sogleich ihr Inquisitionsprotocoll eröffnete. Ein Schwede, ein gewisser Peter Andressen wurde ergriffen, der Brandstiftung bezüchtigt, inquirirt, und gibt auf wiederholtes Andringen des Richters an, dass unter den sechs Verschworenen Gabriel Frank (stud. jur.) gewesen sei. Diese Angabe widerruft er zwar (S. 78), bekräftigt sie aber von neuem durch den Anblick der Marterinstrumente geschreckt. Frank seinerseits läugnet beharrlich (S. 84, 92, 96), gewisse dritte Personen, deren Zeugniss ihm hätte nachtheilig sein müssen, z. B. Helmsing (S. 87) kennen ihn nicht, die Aussagen einzelner Zeugen sind falsch, gesetzlich unbegründet (S. 126, 136), — nichts desto weniger wurde er der schärfsten Tortur unterworfen. Mit Qualen, welche furchtbarer waren, als jede Strafe sein konnte, verhöhnt, bedrängt, gemartert bekennt er, was er nicht gethan, nicht einmal gedacht hat, um nur der unerträglichen Pein der Folter zu entgehen (S. 96, 97). — Man muss die ausführliche und gründliche Darstellung dieses ganzen Rechtsfalls, die scharfe, aber wohl begründete Kritik der richterlichen Schritte und Acte, die gelungene Interpretation einzelner, hierher gehöriger Artikel der P. G. O. (S. 128, 134) selbst kennen lernen, um sich eine Vorstellung von der Umsicht, von der Sachkenntniss und von dem Scharfsinn machen zu können, die Herr v. Wolffeldt unverkennbar hier entwickelt hat. Ich kann mir nicht versagen, seine ebenso schönen, als treffenden Schlussworte hierher zu setzen (S. 138): «Wir schliessen hiermit unsere Betrachtung der vorliegenden Untersuchungsacten, dieses merkwürdigen Denkmals der Strafrechtspflege jenes Zeitalters. Wir wollen kein Wehe rufen über jene Richter, wir mögen aber die Aufklärung unseres Zeitalters preisen, welche das Schreckensinstitut der Folter,

als des menschlichen Verstandes und Gemüths unwürdig, für immer verbannt hat!»

Den achten, sehr ausführlich abgehandelten Fall «Johanna Ostermann» glaube ich hier schon um deswillen gänzlich übergehen zu dürfen, weil er, wie S. X. im Vorwort bemerkt wird, nicht von dem Herrn Verf., sondern von dessen würdigem Freunde, Grothuss, bearbeitet worden ist.

§ 4.

BEURTHEILUNG DES ZWEITEN BANDES.

I. Gegenstände des historischen Rechts.

Einen von der Beurtheilung der zwei anderen Bände abweichenden Gang muss hier nothwendig unser Bericht nehmen. Der geehrte Herr Verf. handelt von S. 1—56 nicht Lehren vom allgemeineren Interesse ab, sondern gibt einzig und ausschliesslich Umrisse der Strafrechtsverfassung des ehemaligen Herzogthums Kurland und Semgallen. Und wenn nicht verschwiegen werden darf, dass gerade hier, in den meisten Punkten, der Verf. eine besondere, auf die Sache eingehende Kenntniss des Rechtszustandes von Kurland an den Tag gelegt hat; so haben doch alle diese Ausführungen nur ein rechtshistorisches Interesse. Es wird daher für unseren Zweck ausreichen, einige wichtigere historische Behauptungen des Verf. zu berühren, mit denen ich nicht übereinzustimmen vermag.

Vom historischen Standpunkte aus ist zunächst interessant die Darstellung über die Periode der Ordensregierung in Kurland vor 1561, und was § 2 und 3 bemerkt wird, als vollkommen richtig anzuerkennen. Weniger dürfte dies vom § 1 zu sagen sein, wo es heist: «Während dieser Periode galt in Kurland überall nur das deutsche Recht, die Reichstagsabscheide und deutschen Constitutionen, und die gegen das Ende dieser Periode erscheinende peinliche Gerichtsordnung Carl's V, ferner die goldene Bulle von

1356, die Concordate deutscher Nationen von 1448, der Landfriede von 1495, die Wahlcapitulationen, der Passauische Vertrag von 1552, der Religionsfriede von 1555 u. s. w. Das römische Recht bildete überall das Hülfsrecht». — Diese Ansicht ist aus folgenden Gründen gänzlich unhaltbar:

Erstens. Die Carolina war nicht, wie unsere neuern Strafgesetzbücher, eine neue, durchgreifende Gesetzgebung in dem Sinne, dass der Zeittermin bestimmt werden musste, an welchem sie in Kraft und Wirksamkeit treten sollte. Vielmehr wurde durch sie kein neues Recht eingeführt, sondern das Wissenswürdigste des vorhandenen Rechts von Missbräuchen gereinigt und namentlich den gemeinen, ungelehrten und ungeübten Leuten[27]), mit denen damals die Halsgerichte gewöhnlich besetzt waren, verständlich gemacht. Diesem Zwecke gemäss beruht die Carolina auf den vorhandenen Rechtsquellen, sie schloss sich an das bereits Bestehende an, liess es in Form und Inhalt in seinen Grundlagen grossentheils fortbestehen, und reformirte nur im Einzelnen. So war der Uebergang des alten Zustandes in den neuen nur ein successiver, ja für eine schleunige Verbreitung im ganzen Reiche konnte, im Hinblick auf die socialen und politischen Zustände jener Zeit, nur wenig geschehen, es mochten wohl Jahre darüber hingehen, bis manche entfernte Gegenden und Gerichte von der Promulgation des neuen Reichsgesetzes in Kenntniss gesetzt wurden[28]). — Gehen wir nun, wie wir

---

[27]) Vgl. bes. Bambergensis Art. 2, wo ausserdem bemerkt wird, dass es nicht dermassen, wie für Rechtsgelehrte zu halten, sondern zu bedenken gewesen sei, wie man der Unbegreiflichkeit solcher Leute zu Hülfe kommen könne, weshalb auch soviel auf das Rathsuchen gestellt werde.

[28]) Es ist seit Malblank, Geschichte der peinl. Gerichtsordnung S. 209 ff. eine fast allgemeine Tradition geworden, welche in den verschiedensten Schriften (vgl. Henke, Geschichte des peinl. R. II. S. 176, Biener, Beiträge zur Geschichte des Inquisitionsprocesses S. 150, Birnbaum, im N. Archiv des Crim. R. XII. S. 422 ff.) immer an derselben Stelle dem Leser begegnet, dass die P. G. O. von den Landesherrn missliebig aufgenommen, anfangs ganz unbeachtet geblieben, und erst allmählig wie ein fremdes, die Territorien ursprünglich nicht berührendes Recht recipirt worden sei. — Allein diese Ansicht ist entschieden zu verwerfen, vgl. hierüber bes. Wächter, Gemeines Recht Deutschlands S. 32. ff.

müssen, von dieser unläugbaren historischen Thatsache aus, so dürfen wir wohl unbedingt annehmen, dass für die Periode der Ordensregierung, die erst 1532 erschienene Carolina keinen wesentlichen Einfluss auf die Strafrechtspflege Kurlands geübt haben werde.

Zweitens. Ob für das Strafrecht die goldene Bulle von 1356., der Landfriede von 1495, die Wahlcapitulation u. s. w. irgend massgebend und von praktischem Einfluss gewesen, muss ich gar sehr bezweifeln. Zwar enthält die goldene Bulle im Kap. 24 einzelne Bestimmungen über das Majestätsverbrechen, die übrigens fast sämmtlich, was oftmals gar nicht beachtet wird, aus dem römischen Recht[29]) entlehnt sind. Allein die s. g. *aurea bulla* ist, ihrem Zwecke nach, ein Reichsgesetz, welches die Wahl und Krönung des deutschen Kaisers, besonders die Vorrechte der Kurfürsten festsetzt, daher zuweilen *Codex jurium et privilegiorum principum electorum* genannt. Dieses Gesetz bestimmt also die Verfassung des deutschen Reichs als eines Wahlreichs, und hat seinen Namen von der grossen an den Originalien hängenden goldenen Bulle, oder Majestätssiegel [30]). — Noch mehr gilt dies von der Kaiserlichen Wahlcapitulation [31]), das heisst der Staatsacte, die jedesmal dem Kaiser bei seiner Wahl vom kurfürstlichen Collegium im Namen aller Reichsstände zu seiner Annahme vorgelegt wurde. Diese Acte war einzig von staatsrechtlicher Natur, sie bestimmte die Verpflichtungen des deutschen Kaisers über die Regierung des Reichs, sie war seit 1519 im Gebrauch, und wurde allmählig durch neue Bestimmungen vermehrt. — Die Grundsätze endlich des ewigen Landfriedens (*pax profana* von 1495) beziehen sich allein auf die Reichsunmittelba-

---

[29]) D. 48. 4. ad Jul. maj., C. 9. 8. ad l. Jul. maj., Paul. Sent. Rec. V. 29, mit Ausschluss davon, dass in der goldenen Bulle die Kurfürsten als Objecte des Verbrechens genannt werden.

[30]) Vgl. auch Olenschlager, neue Erläuterung der goldenen Bulle Carls IV. 1766, wodurch die älteren Commentare, z. B. Ludwig's antiquirt worden sind.

[31]) Das Nähere hierüber, was nicht hierher gehört, s. bei Eichhorn, deutsche Staats- und Rechtsgeschichte IV. § 477.

ren [32]). Durch dieses Reichsgesetz sollten nämlich eigenmächtige Befehdungen und Selbsthülfe, überhaupt das Faustrecht, aufgehoben, und die innere Ruhe im ganzen Reiche aufrecht erhalten werden. Welcher Reichsstand den Frieden brach und Gewaltthätigkeiten verübte, gegen den sprach der Kaiser die Achtssentenz oder Achtserklärung aus [33]). Der Kaiser verglich sich, wie es im § 1. heisst, mit den Ständen eines gemeinen Friedens, nicht als ob sie mit einander Krieg geführt hätten, sondern weil künftighin die Fehde unter den Ständen nicht mehr stattfinden, alle Waffengewalt ausgeschlossen sein sollte.

Drittens. Wenn der Verf. behauptet, «das römische Recht bildete überall das Hülfsrecht», so fehlt freilich aller und jeder Nachweis, in welchem Umfange das römische Recht subsidiäre Geltung gehabt habe. Man wird hierüber in der That nur sagen können: die Carolina reformirte, dem römischen Recht gegenüber, unter andern viele Lehren des materiellen Rechts, z. B. vom Versuche eines Verbrechens, von der Theilnahme Mehrerer an einem Verbrechen, von der Tödtung, vom Diebstahl, vom Aufruhr u. s. w. Dagegen sollte und musste das römische Recht in allen von jenem Rechtsbuch übergangenen Lehren subsidiär zur Anwendung kommen, z. B. in der Criminalverjährung, in der Rechtsfrage, ob an einem Einwilligenden ein Verbrechen begangen werden könne, im *crimen vis*, *crimen plagii* u. s. w.

---

[32]) Dies geht schon daraus hervor, dass die Strafe von 2000. Mark feinen Goldes, Landfr. vom J. 1495. III. § 11., ebenso wie z. B. die wegen Dardanarials (100. Mark.), R. P. O. vom J. 1577. Tit. 18. § 8, nur die Reichsunmittelbaren und deren connivirende Gerichte treffen sollte.

[33]) So wurde z. B. in dem Streit zwischen Pfalzgraf Ruprecht und den Herzogen von Baiern das damals in Regensburg versammelte Kammergericht nach Augsburg berufen, um ein rechtliches Urtheil zu fällen; allein der Kaiser selbst sprach gegen den Pfalzgrafen die Achtserklärung aus, s. Häberlin, Reichsgeschichte IX. S. 253. ff. Ganz ebenso wurde im J. 1516. Herzog Ulrich von Würtemberg, nur nach vorhergegangenen Verhandlungen am Kaiserlichen Hofe, in die Acht erklärt.

Für die Periode, als Kurland Lehnsherzogthum war von 1561—1795 (S. 7—14.), ist, abgesehen von den staatsrechtlichen Mittheilungen des Verf., als bemerkenswerth hervorzuheben, dass der kurländischen Ritterschaft, in Folge des *privilegii Gotthardiani* vom J. 1570., nicht nur, wie anderwärts, die niedere, sondern auch die hohe peinliche Gerichtsbarkeit auf ihren Gütern zustand (S. 9.). — Das in früherer Zeit für die kurländischen gerichtlichen Processformen und Gebräuche wichtige, seit dem J. 1844. von Rummel veröffentlichte «*Instructorium* des kurländischen Processes» wird S. 12. erwähnt. — Höchst beachtenswerth sind aber die Veränderungen, welche seit 1795. eintraten, wo Kurland unter die Kaiserlich russische Regierung kam. In Folge eines Allerhöchsten Ukas vom 20. April 1799. wurde die seither in Kurland übliche Todesstrafe aufgehoben, nach Beseitigung der Leibeigenschaft dem Landadel die Criminaljurisdiction entzogen, und Strafen für Forstfrevel und Forstdiebstahl festgesetzt (S. 14.).—Von S. 22. an werden die gesetzlichen Bestimmungen im Hinblick auf die einzelnen Verbrechen erwähnt, Strafbestimmungen, welche durch die Publication des neuen russischen Gesetzbuchs der Kriminal- und Korrektionsstrafen wesentliche Modificationen erlitten haben, die denn auch der Herr Verf. S. 31. ff. mit vollem Rechte übersichtlich zusammengestellt hat. — Den Schluss (S. 48. ff.) bilden Skizzen über die Organisation der Behörden, über ihren Geschäftskreis und über die Form des Untersuchungsverfahrens in Kurland.

§ 5.

FORTSETZUNG.

II. Einzelne Criminalfälle.

Peter G., wegen Verwandtenmordes angeklagt (S. 57.—72.), wird von der Instanz losgesprochen, aber wegen unterlassener Liebespflichten gegen seinen alten Vater mit 15 Ruthenhieben ge-

züchtigt. Soviel aus den mitgetheilten Thatsachen erhellt, war die ungestüme Presserin, die **Noth**, einzig die Ursache dieser Verschuldung, in juristischer Beziehung bietet der Rechtsfall selbst keine Schwierigkeiten dar.

Ungleich interessanter und subtiler ist der unmittelbar darauf folgende Untersuchungsfall «**die Schatzgräber**» (S. 73.—108.). Ein gewisser **Simon** P. hatte im Sommer des Jahres 1830., in der Absicht Fische zu stechen, während seines Ganges beim Aufstossen mit einem s. g. Fischstecher auf den Boden, einen dumpfen Ton wahrgenommen. Nach einer alten halbverklungenen Sage sollte in der Umgegend seines Wohnorts eine Kriegscasse vergraben sein, er glaubte daher annehmen zu dürfen, dass an jenem Ort der fragliche Schatz verborgen liege. Sogleich begab er sich in der nächsten Nacht an die bezeichnete Stelle, grub nach, entdeckte eine Kiste, öffnete und fand dieselbe mit Silbermünzen angefüllt, wovon er zwei der grössten an sich nahm. In Folge dieser nächtlichen, mit vielen Anstrengungen verbundenen Beschäftigung, noch mehr aber in Folge des Einathmens der in der Kiste verschlossenen Luft erkrankte er, und wurde mehrere Wochen auf das Krankenlager geworfen. Der Wahn, die Einbildung wirkt in Schwachen am stärksten, er nahm an, dass ihm der Besitz der bezauberten Silbermünzen die ganze Krankheit zugezogen habe, des Nachts, wie er wieder allein war, trug er daher dieselben zurück, zwängte sie in oder neben dem Kasten hinein — und schwieg zwei Jahre lang. Allein der Zufall wollte, dass er seinem Vater die ganze Begebenheit vertraute, welcher sie, geschwätzig wie er war, weiter verbreitete, so dass sie unter andern zur Kenntniss des Gutsarrendators **Andreas** Z. gelangte. Dieser lüstern nach dem Erwerb des Geldes bewog, bei der ersten ihm dargebotenen Gelegenheit, den **Simon** P., ihm den Ort der versteckten Kriegskasse zu entdecken. Dieses geschah, und so

wurde, vorbehaltlich der Hälfte des Gewinns, die dem Simon P. zufallen sollte, unter Mitwirkung von Gottlieb und Jurka P. der Schatz gehoben. Nun verbreitete sich bald das Gerücht von der erfolgten Entdeckung des Schatzes, Simon P. sah sich in seiner Hoffnung an dem Antheile des Gewinns getäuscht und hintergangen, er denuncirte daher den ganzen Hergang der Sache dem Kirchspiels- und Policeirichter des Orts. Demnach begann die Untersuchung gegen Andreas Z. und gegen Gottlieb und Jurka P., welche im Verhör ganz übereinstimmend zwar das Factum des Nachgrabens eingestanden, dagegen den Act des Auffindens des Schatzes beharrlich läugneten, und daher von der Instanz absolvirt wurden. — Das ist der Inhalt der vorliegenden Verhandlung im allgemeinen.

Versuchen wir nun eine Analyse dieses Rechtsfalls zu geben, so mag es gestattet sein, bevor wir weitergehen, einige Bemerkungen von allgemeinerer Bedeutung voranzusenden.

Unter einem Schatze wird jede verborgene Habe von Werth verstanden, deren Eigenthümer durch die Länge der Zeit völlig ungewiss geworden ist [34]). Wird ein Schatz auf fremden Grund und Boden gefunden, so erwirbt die Hälfte der Finder, die andere Hälfte der Eigenthümer, hat aber jemand absichtlich, ohne des Eigenthümers Einwilligung, nach einem Schatz gesucht und ihn gefunden, so ist er zur Restitution des Ganzen an den Eigenthümer verpflichtet [35]). Ueber die Frage aber, ob ausserdem noch ein strafbares Delict angenommen werden könne, entscheidet ausschliesslich der Umstand, ob die Sache in der That lange Zeit verborgen gewesen sei, oder nicht, ob also die Sache juristisch als herrenlos betrachtet

---

34) D. 41. 1. de adquir. dom. fr. 31. § 1. «Thesaurus est vetus quaedam depositio pecuniae, cujus non exstat memoria, ut jam dominum non habeat». Savigny, Recht des Besitzes § 17.

35) J. 2. 1. de rerum divisione § 39, C. 10. 15, de thesauris c. un. in f.

werden müsse, oder nicht. Im letztern Fall, aber nur in einem solchen Fall ist der Finder als Dieb zu behandeln [36]).

Wenden wir nun, wie wir müssen, diese rechtligen Grundsätze auf den vorliegenden Rechtsfall an, so dürften gegen v. Wolffeldt's Auffassung folgende Einwände zu erheben sein:

1) Die Kriegscasse, von der hier zunächst die Frage ist, muss entschieden als eine herrenlose Sache angesehen werden. Denn die Sage von dem Verbergen derselben geht zurück in jene fernen Zeiten (S. 75), wo Livlands Fürsten mit den benachbarten Russen und Polen im Kriege und in der Fehde begriffen waren. Der Ort aber, wo der Schatz verborgen liegen sollte, war allgemein unbekannt.— Nun erstreckt sich zwar das Eigenthum über Grundstücke auf die Oberfläche, auf alles, was über und unter der Erde ist, auf Haus, Pflanzen, Quellen, Metalle, Steine, als ergänzende Bestandtheile des Bodens, der Eigenthümer hat offenbar das Recht zu verlangen, dass Niemand sein Eigenthum unmittelbar berühre, beschädige, abgrabe u. s. w. Occupirt daher ein Fremder auf seinem Grundstück, ohne sein Vorwissen, einen Schatz als eine herrenlose Sache, so hat der Grundeigenthümer, wegen dieser Verletzung des Eigenthum's, eine Forderung auf Erstattung des Ganzen und überdies des Interesses. Allein wenn er, wie dies hier der Fall ist, nicht weiss, dass eine Sache in seiner Verwahrung sei, dass also z. B. ein Schatz in seinem Hause, in seinem Garten, auf seiner Wiese verborgen liege, so besitzt er ihn nicht, denn dazu gehört, nach anerkannten civilistischen Grundsätzen, ein genau bestimmtes Wissen des körperlichen Objects. Da nun aber zum Diebstahle erfordert wird eine eigenmächtige Entziehung der Sache aus fremdem Besitz, so

[36]) Der gleichen Ansicht sind, ganz abgesehen von den älteren Rechtslehrern, wie z. B. Crell, Richter u. s. w., unter andern Höpfner, Commentar über die Institutionen § 305, Wächter, Lehrb. des Strafrechts II. S. 276, Puchta, Vorlesungen über das heutige römische Recht § 151, welche freilich diese wichtige Rechtsfrage mehr nur angedeutet, als ausgeführt haben. Dagegen drückt sich Heffter, Lehrb. des gemeinen Criminalrechts § 507. Note 3. hierüber nicht mit der gehörigen Schärfe aus.

cessirt offenbar im vorliegenden Fall der Begriff des Diebstahls. Noch viel weniger aber kann

2) eine Unterschlagung oder ein Funddiebstahl, wie der Verf. S. 100. 104. behauptet, angenommen werden. Denn die Unterschlagung (*interversio*) setzt, auf Seiten des Verbrechers, den Naturalbesitz der Sache voraus, sie bezieht sich auf die eigenmächtige Zueignung oder auf die unbefugte Benutzung eines z. B. dem Depositar, Mandatar, Sequester u. s. w. anvertrauten Gegenstandes. Der Funddiebstahl (das s. g. *furtum inventionis*) aber, eine Unterart der Unterschlagung [37]), ist das rechtswidrige Vergreifen an einer vom Besitzer verlorenen Sache, man wird nicht Funddieb durch Ergreifen der Detention, sondern dadurch, dass man sich der Restitutionspflicht entzieht, dass man sich die zufällig gefundene Sache mit Ausschliessung des Berechtigten aneignet [38]).

3) Wenn endlich der Verf. S. 101. behauptet: «Andreas Z. habe die Absicht gehegt, im Fall der Auffindung eines Schatzes ihn jedenfalls zu verheimlichen, für sich zu behalten, und der Grundbesitzerin nichts davon abzugeben, der böse Wille des Inculpaten sei durch dieses Zugeständniss schon von vorn herein festgestellt»; so vermag ich ihm auch hierin nicht beizustimmen. Denn um nur den Begriff einer strafbaren Versuchshandlung zu constatiren, wird erfordert die Erkennbarkeit der widerrechtlichen Absicht aus der begonnenen Handlung. Schon das römische Recht drückt sich hierüber schlagend dahin aus: «*Sane post veterum auctoritatem eo perventum est, ut nec consilium habuisse noceat, nisi et Factum secutum fuerit*» — «*Oportere crimina assumto actu intelligi, et ideo maleficum non secundum propositionem solam, sed cum aliquo actu intelligi constat*» [39]).

---

[37]) Dies schon aus dem Grunde, weil die Sache nicht arglistig aus fremder Detention entzogen wird.

[38]) Dieselben Grundsätze stellt mit vollem Recht auch auf das Russ. Gesetzb. für Kriminalstrafen Art. 2192. 2193.

[39]) D. 50. 16. de V. S. fr. 53. § 2., fr. 225.

Abgesehen nun von diesen offenbar unhaltbaren Behauptungen des Verf. ist dagegen rühmend anzuerkennen, dass er S. 86. 87. 105. ff. die Illegalitäten des Untersuchungsrichters, den Mangel einer tüchtigen Voruntersuchung, und die Unanwendbarkeit des Indicienbeweises auf Grund der P. G. O. Art. 22. 67., mit Sachkenntniss und mit sicherem juristischen Takte hervorgehoben hat.

Ein criminalistisches Curiosum bildet in gewissem Sinne der folgende Rechtsfall «der verhängnissvolle Kuss» (S. 109—128), den der Verf. sehr lebendig und geistreich geschildert hat. Zwei Studenten Christian S. und Magnus D. stiegen in der Nacht vom 1.—2. Juli um 2. Uhr, in Gesellschaft des Disponenten eines Gutes Johann D., in einem Kruge ab, wo sie kurz vorher die Bekanntschaft der Pflegetochter des Krügers W., Minna, gemacht hatten. Nachdem sie in das Schenkzimmer, wo zugleich der Krüger mit seiner Frau zu schlafen pflegte, getreten waren und sich sofort nach der abwesenden Minna erkundigt hatten, welche für diese Nacht mit ihrer Tante im s. g. deutschen Zimmer schlief, entfernten sie sich, begehrten, was durch eidliche Zeugenaussage erwiesen ist (S. 117.) an der Thür der Schlafkammer Minna's Einlass, und rissen endlich, nach Verweigerung des Eintritts, das Fenster auf, Christian S. stieg ein, und öffnete dem Magnus D. die Thür. Eine Umarmung der Minna von Seiten des C. S. misslang zwar (S. 117. 125.), sie gewährte ihm aber einen Kuss unter der Bedingung, dass er und sein Begleiter augenblicklich das Zimmer verlasse (S. 120.). — Der Criminalrichter erkannte für Recht: «dass den beiden inculpirten Studenten Christian S. und Magnus D. für den verübten Policeiverstoss die erlittene criminelle Haft als hinlängliche Zurechtweisung anzurechnen, der Inculpat Johann D. aber von aller Strafe frei zu sprechen sei.»

Gegen ein solches Urtheil (ein Vorwurf, der nicht den geehrten Herrn Verf., sondern den Richter trifft), dürften doch wohl gegründete Zweifel zu erheben sein. Soll, müssen wir fragen, die rechtliche Persönlichkeit eines unbescholtenen Individuums, und als ein solches erscheint Minna (S. 119), der frechen und frivolen Zudringlichkeit Dritter schutzlos anheimgegeben werden? Mitten in der Nacht in einem fremden Hause das Fenster eines Schlafzimmers aufreissen, in dasselbe einsteigen, und nach dem misslungenen Versuche einer Umarmung von dem züchtigen Mädchen einen Kuss erpressen (*coacta voluit*) — das alles soll in der That keine Injurie bilden? — Der Sitz des Missgriffs in der richterlichen Entscheidung scheint zu liegen in der unrichtigen Auffassung des subjectiven Thatbestandes der ganzen Handlung (121). Der *animus injuriandi* begreift aber, abgesehen von den Fällen, wo die Eheverletzung Endzweck des Urhebers ist, auch diejenige Willensstimmung, bei der man weiss, dass die Handlung einen ehrverletzenden Erfolg nach sich ziehen, dass sie Anderen zur Kränkung gereichen könne [40]). Es reicht also hin, wenn der Urheber die beleidigende Eigenschaft seiner Handlung kennt und sie dennoch begeht, das heisst wenn er wissentlich beleidigt, obgleich es ihm auf die Beleidigung selbst nicht ankommt. Ohnehin ist wohl zu beachten, dass der Beweis des Dolus in der Regel nur ein künstlicher sein kann, dass das Ehrenrührige bereits in dem Factum selbst liegen wird, und blosse Versicherungen des Gegentheils oder nachherige Protestationen hierbei nicht zu berücksichtigen sind.

Weit gerechter sprach sich in einem ähnlichen Falle die Leipziger Juristenfacultät im J. 1634 aus. Ein Student hatte auf einer Hochzeit einer Jungfer, die sich dessen nicht versehen, einen Kuss gegeben, und vorgestellt, dass es aus geschöpfter Liebe von ihm

---

[40]) Diese Rechtsansicht ist in der Theorie und Praxis allgemein anerkannt, vgl. auch Feuerbach, Lehrb. des peinl. R. § 278, Wächter, Lehrb. des Strafrechts § 151, Weber, Ueber Injurien und Schmähschriften, I. S. 51. ff.

geschehen, und der Kuss ein Zeichen seiner gegen sie tragenden Wohlgewogenheit gewesen sei. Die Juristenfacultät erkannte für Recht: «der Student müsse der Jungfer Ehrenerklärung leisten, er sei mit Gefängniss, oder mit einer tapfern Geldbusse abzustrafen, auch die Processkosten zu tragen verpflichtet [41]).

Der Rechtsfall «Magdalena O., Selbstanklage im Irrthum» (S. 149—189) ist besonders für die Frage von praktischer Wichtigkeit, ob an einem Todten das Verbrechen der Tödtung begangen werden könne. — Eine unverehelichte Dienstmagd, Magdalena O., hatte im Mai 1820. ein Kind heimlich geboren und in dem nahgelegenen Garten verscharrt. Nachdem der Leichnam war aufgefunden worden, und nachdem die s. g. Lungenprobe, überhaupt die ganze ärztliche Obduction den Beweis geliefert hatte, dass das Kind bei oder nach der Geburt geathmet habe, wurde sie dem Criminalgerichte zur ferneren Befragung übergeben. Sie sagte aus, sie sei am Sonntag Mittags, gerade zur Zeit, als ihr Schwängerer Andreas K. seine Hochzeit mit einer anderen gefeiert, zu Bette liegend von heftigen Geburtswehen befallen worden, habe nach Hülfe, aber vergebens, gerufen, brennenden Durst empfunden, und habe nun, um einen Trunk zu holen, aus dem Bette springen wollen. Wie sie nun auf den vor dem Bette befindlichen Tritt getreten, wäre sie von der Entbindung überrascht worden, die Geburtswehen hätten mit solcher Gewalt die Leibesfrucht hervorgedrängt, dass diese unauf-

[41]) Vgl. hierüber besonders Weber a. a. O. S. 95. — In Italien zählt man das Küssen einer gezwungenen Frauensperson zu den fleischlichen Verbrechen, und nimmt man sogar ein s. g. crimen osculationis an, M. Renazzi, elementa jur. crim. p. 210. — Die Glossatoren zum canonischen Recht, C. 11. qu. 3. c. 14, nehmen in solchen Fällen die Geistlichen sehr in Schutz «clericus amplectens mulierem praesumitur id facere benedicendi causa, et ex zelo caritatis;» Novizianus spottete ganz treffend hierüber in seiner Litaney, indem er sagt «a tali caritate libera nos Domine!»

haltsam zu Boden geschossen, sie selbst aber ohnmächtig in das Bett zurückgesunken sei. Man fand in der That, dass die Todesursache des Kindes dieser Weibsperson nicht bewiesen werden könne, und schon war das Gericht im Begriff, sie von der Instanz loszusprechen und unter gutsherrliche Aufsicht zu stellen (S. 165), als sie (Magdalena) dringend um ein neues Verhör bitten liess. Sie bekannte unter Händeringen und Schluchzen, dass sie ihr armes Kind ermordet habe. Sie habe, so sagte sie, nachdem die Ohnmacht vorübergegangen, das ruhig daliegende Kind von hinten um den Hals gefasst und denselben dergestalt zusammengedrückt, dass sie ein gewisses Knirschen, wie von einem Bruche oder Quetschung gefühlt. Allein die ganze Handlung, wie der Verf. (S. 169.—187) näher und ausführlich beschreibt, war an einem bereits todten Kinde vollzogen worden, es wurde daher nur ein Versuch der Kindestödtung angenommen, und wegen vorhandener Milderungsgründe auf eine arbiträre Strafe erkannt.

Lässt sich nun wohl dieses richterliche Erkenntniss, neben der unverkennbar sachkundigen und scharfsinnigen Beweisführung des Herrn Verfassers, irgend rechtfertigen? Gewiss ist, dass dergleichen Criminalfälle gewöhnlich so feiner Art sind, dass oftmals alles von der factischen Ermittelung des Thatbestandes, diese aber wieder von der subjectiven Auffassung des erkennenden Richters abhängt, so dass bereits ganz gleiche oder doch analoge Fälle von verschiedenen Gerichtshöfen höchst verschieden sind beurtheilt worden. Nichts desto weniger können hierüber folgende juristische Grundsätze aufgestellt und scharf von einander unterschieden werden:

a) Die Handlung beruht auf der Causalität, wenn das Frauenzimmer zur Zeit der Geburt absichtlich ihr lebendiges Kind auf den Erdboden schiessen läst, dann z. B. die Hirnschale gewaltsam verletzt, und so das Kind umbringt. In diesem Falle entscheidet der ganze Act des bösen Willens, nicht allein die Wirkung der gewaltsamen Handlung über die Zurechnung, und zugleich über die Strafe

der vollendeten Kindestödtung [42]). Nur dann leidet diese Regel eine Ausnahme, wenn

b) zur Zeit der Thathandlung die Bedingung des Causalzusammenhangs cessirt. Lässt z. B. die Weibsperson, von der Entbindung überrascht, und ohne ihre Schuld hülflos das Kind auf den Erdboden fallen, und entschliesst sie sich nun erst zur Tödtung; so ist in der Regel ein Affect, und daneben die Möglichkeit vorhanden, das Kind habe in Folge des Sturzes sein Leben verloren. Da nun das Object des Beweises bei dem Thatbestande einer Kindestödtung darin besteht, dass das Kind keines natürlichen, sondern eines gewaltsamen Todes gestorben, die Möglichkeit aber, dass es im Augenblick der gewaltsamen Behandlung nicht mehr lebendig gewesen sei, nicht bestritten werden kann; so darf in solchen Fällen nur eine Strafe der versuchten Kindestödtung verhängt werden. Ist endlich juristisch erwiesen, dass

c) zur Zeit des gewaltsamen Actes das Kind bereits todt gewesen sei, so existirt freilich in der Wissenschaft, wie in den einzelnen Strafgesetzgebungen eine grosse Meinungsverschiedenheit über die Frage, ob alle und jede Criminalstrafe (im Gegensatz zur Policeistrafe) cessiren, oder eine Bestrafung wegen Versuches eintreten dürfe. Geht man davon aus, dass zu jedem Verbrechen erfordert werde ein Object des Rechts, das verletzt wird, bei der Tödtung aber dieses Object die Persönlichkeit in ihrer Totalität, also ein menschliches, lebendiges Individuum sein müsse; so ist es klar, dass die gewaltsame Behandlung eines Todten zwar policeilich, wegen Verletzung der Sittlichkeit, aber nicht nach dem Strafgesetz über Tödtung geahndet werden könne, der Zuwiderhandelnde be-

---

[42]) Selbst dann beruht die Handlung auf dem Causalitätsverhältniss, wenn z. B. der Mörder seinen Gegner, den er verwundet hat und irrig für todt hält, zur Verbergung in das Wasser wirft, worin dieser ums Leben kommt. (Ueber diese übrigens sehr bestrittene Frage vgl. bes. Grolman, Bibliothek für die peinl. Rechtswissenschaft I. S. 235). Die Tödtung des Gegners nämlich ist hier der Zweck, welcher in einem Acte fortdauert, der die Möglichkeit des ferneren Fortlebens desselben ausschliesst.

findet sich vielmehr in einem factischen Irrthum und ist juristisch ebenso straflos, wie z. B. jeder, der ein gesetzlich ungültiges Testament unterschlägt [43]), oder wie die vermeintlich Schwangere, welche Abortivmittel anwendet.

Zum Schluss erlaube ich mir noch den Criminalfall «Gustav von Wildschütz. Ein Meuchelmord (S. 123—186)» kurz zu berühren, der auf den ersten Blick dadurch den Leser in Erstaunen setzt, dass vom Richter dem Angeschuldigten ein Reinigungseid ist auferlegt worden. Wer wegen des Motivs der Rache, wie hier, einen Meuchelmord begangen zu haben dringend verdächtig ist, mag sich wohl leicht zur Bekräftigung der Unwahrheit vor Richter und Gericht durch eine eidliche Versicherung zu reinigen suchen. Auf die Ableistung des Reinigungseides kann aber nur, wie bekannt, bei geringen, nicht bei solchen Verbrechen erkannt werden, welche die Todesstrafe, oder eine schwere Freiheitsstrafe nach sich ziehen: wie mochte es also zugehen, dass im Falle eines Meuchelmordes das Gericht dem Augeklagten einen Reinigungseid auferlegen konnte? Es ist ein besonderes Verdienst des Herrn Verf.'s, gezeigt zu haben, dass der Reinigungseid nur dazu gedient habe, den bereits geführten Beweis des Alibi zu verstärken.

§ 6.

BEURTHEILUNG DES DRITTEN BANDES.

I. Gegenstände des materiellen Rechts.

In Folge der Zusicherung des Allerhöchsten Manifestes vom 1. Juli 1845 soll für die baltischen Gouvernements eine eigene Criminalprocessordnung promulgirt werden, bis dahin haben offenbar die Richter die seither geltenden Rechtsgrundsätze anzuwenden.

[43]) D. 48. 19. de poenis fr. 38. § 6.

Demnach musste es von Interesse sein, darüber aufgeklärt zu werden, ob das bis jetzt in Ehstland geltende Strafverfahren mit dem gemeinrechtlichen ganz übereinstimme, oder ob und inwieweit es davon abweiche, ob also z. B. über die ganze Führung einer Untersuchung, über die Erlangung oder den Widerruf eines Geständnisses, über die Form der Anwendbarkeit einer Nichtigkeitsbeschwerde u. s. w., die gemeinrechtlichen, oder ob besondere provinzielle Bestimmungen eingreifen. Ich habe nach solchen Aufklärungen, nach bestimmten, materiellen criminalprocessualischen Grundsätzen in dem Berichte des Verfassers über die strafrechtliche Verfassung Ehstlands (S. 1.—40.) vergebens gesucht. Statt dessen erhalten wir eine allerdings sehr dankenswerthe, grossentheils publicistische Darstellung der politischen Schicksale Ehstlands, woran verschiedene, mehr das Criminalrecht, als den Process betreffende Gesetze und Bestimmungen angereiht werden, nämlich aus der Zeit, als Ehstland der Krone Dänemark angehörte (S. 14. 15), aus der Periode der Ordensregierung (15.—17.), aus der Periode, wo Ehstland dem schwedischen Scepter unterworfen war (S. 17.—28.). Warum aber der Verf. die vierte Periode, welche mit der Unterwerfung Ehstlands unter das russische Scepter 1710. beginnt, hier nicht unmittelbar angeschlossen, sondern bereits S. 10. ff. getrennt und isolirt dargestellt hat, weiss ich nicht zu sagen; jedenfalls erscheint eine solche Behandlung als kein Gewinn für die systematische Einheit. Im Grunde also bleiben als eigentliche Ausbeute für den Process nur übrig, die S. 38.—40. gegebenen formellen Mittheilungen über die Competenz und die Organisation der Untersuchungsbehörden, und über den Gang der Untersuchungsverhandlungen in Ehstland. — Als der wahre Kern dieser an die Spitze des dritten Bandes gestellten Umrisse müssen demnach die Ausführungen betrachtet werden, welche in S. 29.—37. enthalten sind über die Grundlagen der Imputation, über strafmildernde und strafschärfende Umstände bei Zurechnung eines Verbrechens, über die Gründe, welche die Strafe gänzlich aufheben und über die Grundlagen,

nach welchen die Criminalverjährung beurtheilt wird, — und auf diese wichtigen Lehren soll hier näher eingegangen werden.

1) Nothwendiges Erforderniss eines jeden Verbrechens ist, dass der rechtswidrige Erfolg dem Handelnden zugerechnet werden könne. Jemandem aber eine verletzende That zurechnen, heisst urtheilen, dass er dieselbe bewirkt oder hervorgebracht habe. Ein solches Urtheil wird nun in zwei Gattungen eingetheilt:

a(in die rein physische Imputation (*imputatio facti s. physica*), das heisst der Ausspruch, wornach jemand als Grund oder Ursache einer äusseren Verletzung erklärt wird. Hier kommt es also gar nicht auf den Willen und die Selbstbestimmung des Handelnden, überhaupt nicht auf die juristischen Folgen, sondern nur darauf an, ob die Verletzung eine äussere, und wie gross der Grad der Wirkung einer bestimmten Handlung sei [44]). Wenn daher z. B. jemand im Zustande der Nothwehr, der Trunkenheit, des Wahnsinns, der Kindheit, ja aus Zufall irgend eine Verletzung hervorgebracht hat; so liegt in seiner unmittelbaren Thätigkeit der Grund des wirklichen Erfolgs, dessen Zurechnung oder Nichtzurechnung eine Thatfrage bleibt.

b) in die juristische oder wirksame Imputation (*imputatio juris s. ad effectum*), das heisst das Urtheil über die Wirksamkeit

---

[44]) Neuere Criminalisten, wie z. B. Köstlin, Revision der Grundbegriffe des Criminalrechts S. 138. meinen, die imputatio facti sei eine werthlose, da diese Art von Causalität gerade eben so gut von reinen Naturursachen prädicirt werden könne, z. B. von einem Ziegel, der vom Dache falle und einen auf der Strasse wandelnden Menschen erschlage. — Allein diese Ansicht ist ganz entschieden zu verwerfen. Abgesehen davon, dass es niemandem in den Sinn kommen wird, einem Ziegel die Schuld an dem Tode eines Menschen zuzuschreiben; so kann in sehr vielen Fällen die Verletzung mittelst einer realen Bedingung entstehen, und nicht im Willen oder in der Vorstellung des Urhebers, sondern ausserhalb seiner Reflexion liegen, wie wenn z. B. jemand zufällig eine Feuersbrunst veranlasst, wenn der Arbeiter Aeste an einem Orte herabwirft, und einen Vorübergehenden tödtet, oder wenn Jemand durch ein geladenes Gewehr zufällig den Tod eines Andern bewirkt. In allen diesen Fällen hat die Thätigkeit des Individuums den Erfolg in Verbindung mit äusserlichen Gegenständen hervorgebracht, und es ist nun eine factische Frage, Sache der richterlichen Untersuchung, dass es straflos ausgeht, vgl. auch Russ. Gesetzb. der Kriminal- und Correctionsstrafen Art. 1941.

einer Handlung in der Absicht, um hieraus juristische Folgen abzuleiten. In der Person des Urhebers treffen hier der auf die Begehung der Handlung gerichtete Wille, sowie die Selbstbestimmung und eine positive Thätigkeit zusammen. So ist der Dieb, der Falschmünzer, des Diebstahls, der Münzfälschung schuldig, das ist unzweifelhaft. — Wer die Zollabgabe zu entrichten versäumt, verfällt in die Zollstrafe, unangesehen, ob er aus Rechtsunwissenheit, oder aus Dolus gehandelt hat [45]). — Eine Injurie begeht der Unbesonnene, der Beleidigungen gegen Andere, welche im Familienkreise gemacht werden, wissentlich in das Publicum bringt, während den Gewährsmann keine Strafe trifft [46]). — Einer fahrlässige Tödtung vollbringt der Richter, durch dessen sehr nachlässige Untersuchung ein Unschuldiger zum Tode verurtheilt und enthauptet wird. Ferner der Arzt, der aus Unfleiss, oder durch groben Missbrauch mit Arzneimitteln dem Kranken das Leben verkümmert [47]).

Fragt man nun, was ist der Grund der juristischen Zurechnung, so haben die älteren Rechtslehrer und Philosophen als die allgemeine Grundlage derselben die Willensfreiheit des Handelnden betrach-

---

[45]) D. 39. 4. de publicanis fr. 16. § 5., mit Ausnahme eines entschuldbaren factischen Irrthums, und der Minderjährigen, D. 4. 4. de minoribus fr. 9. § 5.

[46]) Wer nämlich den Dritten im Familienkreise, unter vier Augen, oder brieflich gegen Freunde und Verwandte beleidigt, der äussert sich im Vertrauen der Verschwiegenheit, Cicero, Philipp. II. 4. Demnach ist nur die geflissentliche Bekanntmachung strafbar. Und ein Gleiches gilt von der Verbreitung eines ehrenrührigen, aber unwahren Gerüchts, das eingeht in das Einzelne des angeblichen Factums, und dadurch materiell glaubwürdig erscheint. Dann injuriirt jeder durch die Thatsache der Erzählung, wie z. B. derjenige, wer in einer Schrift die Ehre eines Andern angreift, D. 47. 10. de injuriis fr. 15. § 29. — Straflos dagegen bleibt die einfache Mittheilung der Injurie eines Dritten, da es hier keine Pflicht zum Geheimhalten gibt. Anderer Meinung ist über den letzteren Punkt Heffter, Lehrb. des Criminalrechts § 301. Note 6.

[47]) Allerdings ist kein Arzt, von den Quacksalbern ganz abgesehen, in der Ausübung seiner Kunst untrüglich, deshalb wird in der Regel nicht die falsche Diagnose, sondern die naturwidrige Behandlung der Krankheit, desgleichen die Vernachlässigung einer nothwendigen Kur, überhaupt die grobe Fahrlässigkeit bestraft, D. 1. 16. de officio praes., fr. 6. § 7., 9. 2. ad l. Aquil. fr. 8. pr., 50. 13. de extraord. cognit. fr. 3., P. G. O. Art. 134.

tet, und diese mithin zur ersten Bedingung eines jeden Verbrechens gemacht. Man verstand aber unter Willensfreihet die Fähigkeit des Menschen, nach eigenem Entschlusse Ursache eines Ereignisses zu werden, ohne dabei von äusseren Eindrücken abzuhängen [48]). — Allein da die Entschlüsse des Menschen in der Regel von äusseren Einwirkungen bestimmt werden, so muss diese Ansicht verworfen und unter Willkühr oder Willensfreiheit die Fähigkeit verstanden werden, Entschlüsse nach vorhergegangener Erwägung der Gründe für und gegen dieselben zu fassen.

Betrachten wir nun die Darstellung des Verf.'s über die Imputation (S. 29 ff.), so fällt vor allem auf, dass er die oben hervorgehobene Unterscheidung in *imputatio facti* und *juris* gänzlich übergangen hat. Die Folgen dieser Unterlassung sind manche gewagte Behauptungen, mit denen ich in dieser Allgemeinheit nicht übereinzustimmen vermag. So ist z. B. die Ansicht nicht gehörig motivirt und begründet, dass, wie der Herr Verf. sagt, «die Zurechnung wegfalle im Zustande der Naturnothwendigkeit, wie wenn z. B. jemand in einer augenscheinlichen und gegenwärtigen Gefahr zur Rettung seines eigenen Lebens etwas gethan habe». — Bekanntlich ist eine Handlung nur dann ein Verbrechen, wenn sie rechtsverletzend ist. Hieraus folgt, dass kein Verbrechen existirt, wenn man jemanden in Fällen verletzt, in denen zwischen ihm und uns gar kein Rechtsverhältniss statt findet. Hierher gehört namentlich der Nothstand, das heisst der Zustand einer solchen Lage, in welcher jemand zur Erhaltung seiner Existenz nothwendig in die Rechte anderer Personen eingreifen muss. Denn der Gesetzgeber kann von seinen Unterthanen den Gehorsam gegen die Strafgesetze nur unter der Voraussetzung verlangen, wenn keine ungewöhnliche Charakterstärke bei vorhandener Collision mehrerer Uebel gefordert wird, um streng rechtmässig zu handeln. Daraus ergeben sich aber fol-

---

[48]) Vgl. Feder Untersuchungen über den menschlichen Willen I. cap. 1. § 6., Püttmann, element. jur. crim. § 38., Kleinschrod, Grundbegriffe des peinl. Rechts I. § 44.

gende Bedingungen, ohne welche der Nothstand keine völlige Straflosigkeit begründen kann: es muss zur Zeit des begangenen Delicts eine wahrhafte Gefahr eines andern drohenden Uebels vorhanden sein, ferner muss dasselbe auf keine andere Weise, als nur durch einen Eingriff in fremde Rechte, haben abgewendet werden können, endlich darf das aus Noth begangene Delict keinen unerlaubten Zweck, z. B. Rachsucht oder die Absicht, sich zu bereichern, gehabt haben [49]). — Wenn ferner der Herr Verf. bemerkt: «die Zurechnung fällt hinweg im Zustande der erlaubten Vertheidigung Nothwehr»; so dürfte gegen diesen viel zu allgemein gehaltenen Satz Folgendes zu entgegnen sein. Allerdings haben übereinstimmend alle Gesetzgebungen [50]) den Nothwehrübenden mit vollem Rechte in Schutz genommen. Denn in der Nothwehr liegt die Idee der Selbsterhaltung, wornach jeder das ihm bevorstehende Unrecht [51]) abwendet. Der Angriff ist die Verneinung des freien Willens des Andern, der, schutzlos wie er ist, im Namen des Staates reagirt, um sein Recht zu bewahren. Damit dasselbe in kein Unrecht übergehe, hat jeder die Nothwehr zu beweisen, der sich darauf beruft, und, wie z. B. nach geschehener Pfändung, eine gerichtliche Anzeige zu machen [52]): er hat zu erklären, unter welchen Umständen er den Gegner verletzt habe, damit diese Gewissheit jeden Verdacht gegen Schuldlose, und zugleich eines Excesses entferne. Denn ein Excess der Nothwehr ist dann vorhanden, wenn die Nothwehr an sich begründet war, jemand also ungerechter Weise angegriffen wurde, er aber widerrechtlich eine grössere Verletzung zufügte, als nöthig war, um den Angriff abzuwenden. Wegen des Excesses ist aber jeder strafbar, obgleich auch hier Strafmilderung eintritt, wenn je-

---

[49]) Unter diesen Voraussetzungen verschwinden die in der That ungegründeten Bedenken, welche mehrere Schriftsteller, z. B Collmann, die Lehre vom Strafrecht S. 285, gegen die rechtliche Zulässigkeit der Grundsätze über den Nothstand erhoben haben.

[50]) Vgl. auch Russ. Gesetzb. für Kriminalstrafen Art. 107. 1942.

[51]) Sp. Sax. II. 14, Sp. Suev. c. 167., P. G. O. Art. 141. 151.

[52]) P. G. O. Art. 140, Zöpfl im N. Arch. des Crim. R. 1842. S. 158.

mand im Affecte des Zorns oder der Furcht, oder aus blosser Fahrlässigkeit weiter ging, als nöthig war [53]). — Wenn endlich der Verf. S. 30. hinzufügt: «die Zurechnung sei ausgeschlossen, im Zustande der Unwissenheit und des Irrthums, wenn jemand Umstände und Thatsachen, die eine Handlung strafbar machen, nicht kenne oder deshalb in einer irrigen Meinung stehe, und daher wider seine Absicht eine bei Strafe verbotene Handlung begehe», so möchte dagegen folgendes zu bemerken sein. Abgesehen von dem Rechtsirrthum, der nur dann Straflosigkeit erzeugt, wenn der Handelnde auf eine entschuldbare Weise die Rechtswidrigkeit seiner That gar nicht kannte [54]), sind im Hinblick auf den factischen Irrthum besonders folgende zwei Fälle sorgfältig zu unterscheiden. Erstens wenn der Handelnde bei möglichster Aufmerksamkeit seinen Irrthum nicht vermeiden konnte, so fällt alle Strafbarkeit hinweg. So ist z. B. der Mann völlig entschuldigt, der seine Schwester heirathet, ohne zu wissen, dass sie seine Schwester sei. Zweitens wenn dagegen der Urheber bei gehöriger Sorgfalt wissen konnte, dass seine Handlung widerrechtlich sei, wenn er also bei möglichster Aufmerksamkeit seinen Irrthum vermeiden konnte; so ist er zwar nicht wegen Dolus, wohl aber wegen Culpa strafbar. Denn wer aus Trägheit, aus Leichtsinn, aus Frivolität, auch wider seine Absicht, andere Personen verletzt, legt eine Nichtachtung der Rechtsverhältnisse und einen offenbaren Mangel des gesetzlichen Willens an den Tag.

2) Die Lehre von der Strafmilderung (*mitigatio poenae*), weniger die von der Strafschärfung (*exasperatio poenae*) ist eine so bestrittene und im Grund noch so wenig aufgeklärte, dass man es dem Verf. wird kaum zum Vorwurf machen können, wenn er, auf

---

[53]) P. G. O. Art. 142.

[54]) Dahin gehört z. B. der incestus, qui per matrimonium contrahitur, die rechtzeitige Trennung einer unerlaubten Ehe soll dem Minderjährigen bei vorhandenem Rechtsirrthum zur Entschuldigung gereichen; und ebenso werden die Frauen bei einem incestus juris civilis, sofern ihnen kein Ehebruch zur Last fällt, durch error juris von aller Strafe befreit, D. 48. 5. ad leg. Jul. de adult. fr. 38. § 2. 4. 7., C. 5. 5. de incestis nuptiis cst. 4.

die Auctorität einzelner Rechtslehrer sich stützend, zu mehreren unrichtigen Behauptungen verleitet wurde. Denn wenn er S. 34. sagt: «als strafmildernde Umstände sind zu betrachten: a) wenn das Verbrechen nicht mit Vorsatz begangen, b) wenn es nicht vollbracht wurde, c) wenn der Verbrecher nicht Urheber des rechtswidrigen Erfolgs, sondern nur Gehülfe oder Begünstiger war»; so ist gewiss das alles entschieden zu verwerfen [55]). In allen diesen Fällen nämlich treten, auf Grund der herrschenden Doctrin und der meisten neueren Gesetzgebungen, die specifischen Begriffs- und Strafunterschiede ein, so dass wir offenbar den Begriff von Strafmilderung auf diejenigen Fälle beschränken müssen, wo die verbrecherische Handlung die in dem Strafgesetze angegebenen Merkmale an sich trägt, und nun dennoch nicht auf die gesetzlich bestimmte, sondern auf eine mildere Strafe erkannt werden muss. Dagegen sind die übrigen vom Herrn Verf. genannten Beispiele, mit Ausschluss von g, h, i (Note 55), als durchaus richtig anzuerkennen. — Was nun die Schärfungsgründe anlangt, so gehört vor allem hierher der Rückfall, wenn der Verbrecher wegen eines Delicts derselben Art oder einer gleichen Gattung schon einmal ist bestraft worden. Ferner das persönliche Verhältniss des Thäters zur Person des Verletzten [56]), abgesehen von den mehrfachen Anwendungen bei einzelnen Verbrechen, z. B. bei Verwandtenmord, bei Injurien, Verrath u. s. w. Es muss dies jedoch auf Verbrechen, deren Gegenstand die Person ist, beschränkt werden, bei blossen Sach- und Eigenthumsverletzungen, z. B. dem Diebstahle der Hausfrau, des

---

[55]) Unter andern rechnet der Verf. sub g. auch die Reue zu den Milderungsgründen, unter Berufung auf D. 48. 10. ad l. Cornel. de fals. fr. 19. Allein diese Stelle, wie bereits oben Note 15 gezeigt wurde, handelt gar nicht von der Strafmilderung, sondern von der gänzlichen Straflosigkeit. Dagegen gehören die sub. h. i. angeführten Fälle heutzutage zu den Strafminderungsgründen, auch beziehen sich P. G. O. Art. 112. 113. 160 keineswegs, wie der Verf. meint, auf den Schadenersatz beim Diebstahl.

[56]) D. 37. 15. de obsequiis fr. 1. pr., 48. 19. de poenis fr. 18. § 8.

Haussohns u. s. w. gilt gerade das Gegentheil [57]). Endlich darf als Schärfungsgrund betrachtet werden die Grösse des materiellen, besonders des intellectuellen Schadens, welcher z. B. in dem Aergerniss der Mitbürger, in der Gefahr des bösen Beispiels und des fortgesetzten Ungehorsams gegen die Rechtsordnung durch das Verbrechen besteht [58]). — Hiernach dürfte die vom Verf. S. 33 gegebene Ausführung zu berichtigen sein [59]).

3) Die Analogie, aus welcher das römische Strafrecht die Criminalverjährung abgeleitet hat, ist nicht, wie Feuerbach behauptet [60]), eine blos logische, sondern eine rationelle Consequenz. Denn sie beruht auf einer Gleichheit nicht des Begriffes, sondern des Grundes (*paritas rationis*). Es soll auch niemand fortwährend darüber in Ungewissheit sein, ob er seiner Handlung wegen einer Anklage oder Untersuchung ausgesetzt sei [61]); dazu kommt die Schwierigkeit der ganzen Untersuchung durch Verlauf längerer Zeit, und ferner, dass es unpassend scheint, ein Verbrechen noch dann zu bestrafen, wenn bei dem Verbrecher das Bewustsein seiner Schuld und bei den Uebrigen das Andenken an seine That schon erloschen

---

57) In diesen Fällen cessirt nämlich die infamirende Strafklage in honorem matrimonii, propter reverentiam personarum, D. 25. 2. de act. rer. amot. fr. 2., fr. 3. § 2, unerachtet der Thatbestand des Delicts vorhanden ist, und die Gehülfen wegen Diebstahls in duplum haften, J. 4. 1. de oblig. ex del. § 12., D. 47. 2. de furtis fr. 17. pr., fr. 34., fr. 36. § 4., fr. 52. pr.

58) Manche zählen noch zu den Strafschärfungsgründen die Heiligkeit oder Befriedigung des Orts oder der Sache, wo und woran ein Verbrechen begangen wird, z. B. beim «sacrilegium», bei der «injuria atrox» u. s. w. Allein dies ist unrichtig. In diesen Fällen liegt entweder ein besonderes Verbrechen, oder eine besondere Eintheilung des Verbrechensbegriffs vor.

59) Besonders ist es nicht richtig, wenn der Verf. S. 33. zu den Schärfungsgründen rechnet, «wenn die That, wie er sagt, auf grausame Art verübt war», «wenn bei derselben ungewöhnliche Hindernisse überwunden wurden.» Diese Fälle gehören heutzutage, nach den meisten Strafgesetzgebungen, zu den s. g. Straferhöhungsgründen, und früherhin durfte wohl wegen solcher Beziehungen kein Richter wagen, über das gesetzliche Strafmaass hinauszugehen.

60) Vgl. Feuerbach, Lehrb. des peinl. Rechts § 64. Note 3.

61) D. 41. 3. de usurpat. fr. 1.

ist [62]). Die Wirkung der Criminalverjährung besteht in der Straflosigkeit des Verbrechens. Da aber dieselbe nur eine Folge der Unstatthaftigkeit einer Untersuchung ist, so muss das verjährte Verbrechen überhaupt als nicht verübt angesehen werden: es ist daher auch in den Fällen nicht zu berücksichtigen, wo die Gesetze etwas von der Wiederholung oder dem Rückfalle abhängig machen [63]). — Die Sätze, welche der Verf. S. 37 über dieses wichtige Institut aufgestellt hat, sind, wenngleich nicht gehörig begründet, doch im Ganzen als richtig und zutreffend zu bezeichnen.

§ 7.

FORTSETZUNG.

II. Einzelne Criminalfälle.

Wenn ich mich bei der Beurtheilung der Rechtsfälle dieses dritten Bandes etwas kürzer fassen darf, so liegt der Grund darin, dass in den meisten derselben weniger des specifisch juristische, wie in denen der beiden ersten Bände, als das psychologische und novellistische Element vorwiegt. Und so ist der Verf. seinem ursprünglichen Vorhaben, das er uns im Vorwort zum ersten Bande eröffnet, «der allgemeinen Liebhaberei für Criminalgeschichten entgegen zu kommen» treu geblieben, er hat durch die reiche Mannigfaltigkeit der so verschiedenen, als wichtigen Untersuchungsfälle, die er

---

[62]) Ganz mit Unrecht behauptet Martin, Lehrb. des Criminalrechts § 103, besonders nach dem Vorbild Tittmann's und Stübel's, dass in unserm heutigen Untersuchungsprocesse eine Criminalverjährung überhaupt unzulässig sei. Diese Ansicht ist schon deshalb ungegründet, weil bei der Untersuchung von Amtswegen der Richter die Stelle des Anklägers vertritt, und eine verspätete Untersuchung ebenso statthaft ist, als eine verspätete Anklage. Dass die Carolina von der Criminalverjährung nichts enthält, kann nicht in Betracht kommen, da sie überhaupt kein vollständiges Gesetzbuch ist.

[63]) Anderer Meinung hierüber ist Heffter, Lehrb. des Criminalrechts, § 190, der übrigens richtig bemerkt, dass der Strafrichter die Einrede der Verjährung von Amtswegen berücksichtigen müsse, und dass hier kein Verzicht von Seiten des Angeschuldigten gelte.

uns darbietet, gleichsehr das juristische, wie das gebildete Publicum überhaupt befriedigt.

Der erste Rechtsfall, der uns entgegentritt, ist «die Ulme. Eine Mordgeschichte (S. 41 — 64)» überschrieben. Auf den ersten Blick möchte es bedenklich erscheinen, der hier erörterten Mordscene diese Ueberschrift zu geben. Zwar ist allgemein bekannt, dass oftmals von Dichtern und Romanschriftstellern leblose Gegenstände zur Ueberschrift gewählt werden, aber in der Regel wohl nur dann, wenn dieselben den Mittelpunkt der zu entwickelnden Katastrophe bilden. Dieses ist aber hier nicht der Fall, denn die Ulme tritt vor und während des tragischen Actes sehr bescheiden in den Hintergrund. — Im vorigen Jahrhundert, so sagt der Verf., lebte in der Nähe eines Hafens am Gestade der Ostsee ein alter, sehr vermöglicher Hafenbaumeister Schmidt, der in seinem Hause ein Schenkereigeschäft betrieb, mit Beihülfe seiner jüngsten Tochter Karoline. Um aber des Nachts in dem isolirten Hause nicht allein zu sein, übernachtete gewöhnlich bei ihm sein Enkel Adolph, ein starker, achtzehnjähriger Jüngling, welcher mit seiner Mutter ganz in der Nähe in einem kleinen, ebenfalls am Ostseegestade liegenden, Häuschen wohnte. Eine Ulme, die zwischen beiden Häusern lag, war von Adolph, wie man sich im Volke erzählte, in trüben wie in freudigen Ereignissen, gewissermassen zu seiner Vertrauten gewählt worden. Nun war an einem Abend Adolph sehr verstimmt, nichts, auch seine Ulme nicht, konnte ihn aufheitern, es war der erste Abend, an welchem er nicht zum Grossvater gehen wollte. Die Mutter bat, drang ernsthaft in ihn; der seine Mutter kindlich liebende Sohn gehorchte. Mittlerweile waren vier Hafenrussen in die Trinkstube des bejahrten, ehemaligen Hafenbaumeisters Schmidt gekommen, tranken dort bedeutend, einer von ihnen, Wassili, machte hierauf den ersten Angriff auf Adolph, zerschmetterte ihm mit einem grossen eisernen Bolzen den Kopf, und tödtete unmittelbar darauf auch Schmidt's Tochter, die zur Thür hinauseilen wollte, während zwei Andere Anton und Monucha den alten Schmidt gleichfalls mit

einem eisernen Bolzen erschlugen. Nach vollbrachtem, grausenhaften Morde wurden die Schlüssel zusammengesucht und aus einem Kasten neun grosse Geldbeutel, die mehr als tausend Thaler enthielten, hervorgebracht, und das Geld zu gleichen Quoten an jeden Einzelnen vertheilt. Nachdem sich hierauf Wassili fortgemacht hatte, um seinen Antheil sogleich zu vergraben, trugen die Zurückgebliebenen die drei Leichen in die Holzkammer, legten sie dort neben einander hin, stellten eine Tonne voll Theer mit einem brennenden Licht daneben, und zündeten von innen das ganze Gebäude an mehreren Stellen an, um auf diese Art jede Spur ihrer schweren Missethaten zu vertilgen. Aufgeschreckt durch den Feuerlärm, eilte Adolph's Mutter zur Brandstätte, rief jammernd nach ihrem Sohne und sank, von dessen Tode unterrichtet, in todtengleiche Ohnmacht. Sie verfiel bald darauf in Geistesabwesenheit, und nach Verlauf mehrerer Monate, hatte sie, mit gefalteten Händen an den Stamm der Ulme gelehnt, ihre irdische Bahn vollendet. — Viele Jahren waren darüber hingegangen, als eine versetzte goldene Dose auf die Spur der Missethäter leitete. Der Verf. beschreibt S. 49. ff. sehr anschaulich und ausführlich die allmähliche Aufhellung dieses Drama's, und fügt zuletzt S. 64 die harte, aber gerechte Bestrafung dieser Verbrecher hinzu. Ich kann mir nicht versagen, seine ebenso schönen, als treffenden Schlussworte hier hervorzuheben: «Das Gesetz war versöhnt. — Wir gönnen es aber der armen Mutter des gemordeten Adolph, dass sie von dem Ende der Mörder ihres Sohnes nichts gesehen, und dass das reine Gefühl der Trauer um ihr verlorenes Erdenglück sie hinübergeführt hat, ohne Beimischung des Gefühls befriedigter Rache».

Im vorhergegangenen Falle stützte sich die Ermittelung der That und die Entdeckung der Verbrecher vornehmlich auf die tüchtige Voruntersuchung der Stadtpolicei. Ganz anders in dem unmittel-

bar darauf folgenden Straffalle «Friedrich Reller. Ein Ueberfall S. 65—101», welchen ich hier nur kurz berühre. Er zeigt, dass die Mängel einer ungenügenden Generaluntersuchung, selbst durch die tüchtigste Specialuntersuchung und trotz aller Umsicht des Strafrichters, nicht wieder ausgeglichen werden können. Zugleich aber macht er uns auf eine wesentliche Lücke in dem Criminalprocess der Ostseeprovinzen aufmerksam. — Aus Schlussfolgerungen kann sich in der That eine Gewissheit ergeben, die ebenso überzeugend ist, wie die auf sinnlicher Wahrnehmung, also auf einem directen Beweismittel beruhende. In beiden Fällen ist die Gewissheit keine absolute, so wie aber in dem letztern die blosse Möglichkeit einer falschen Wahrnehmung oder einer falschen Mittheilung des Wahrgenommenen nicht berücksichtigt wird, ebenso wird auch in dem ersteren Falle, wenn die Richtigkeit der Schlussfolgerung aller bisherigen Erfahrung entspricht, die Möglichkeit, dass dieselbe doch unrichtig sei, der juristischen Ueberzeugung keinen Abbruch thun. Wenn daher P. G. O. Art. 22 bestimmt, dass niemand auf einigerlei Anzeigung, Argwohn u. s. w. zu einer peinlichen Strafe verurtheilt, sondern, wenn die Anzeige genugsam [64]) sei, blos peinlich gefragt werden soll; so ist offenbar, (ob ich gleich diese weitaussehende Streitfrage hier nur kurz berühren kann), diese Vorschrift nicht anwendbar:

---

[64]) Allerdings ist die Ansicht derjenigen Processualisten unbegründet (vgl. hierüber Konopak im N. Arch. des Crim. R. III. S. 495), welche diese Stelle von solchen Anzeigen verstehen wollen, die schon an sich unzureichend sind. Denn die Carolina redet ganz allgemein von einigerlei Anzeige und thut dieses, wie die zweite Hälfte des Artikels zeigt, im Gegensatz von Bekenntniss und Beweisung, zu welcher letzteren aber nirgends die Anzeigen, sondern blos die Zeugen gerechnet werden. Ferner unterscheidet die Carolina bei dem Bekenntnisse und bei den Zeugen sehr genau, ob sie zur Verurtheilung hinreichend oder unzureichend seien, während bei den Anzeigen nirgends eine solche Unterscheidung gemacht, sondern umgekehrt im Art. 16. (welcher von unzweifelhaften Missethaten handelt) gegen den frevelhaft läugnenden Missethäter, der nicht durch Zeugen überführt ist, blos die peinliche Frage gestattet wird.

1) auf den Entschuldigungsbeweis, denn die Carolina handelt nur von dem Beweise zur Verurtheilung [65]).

2) auf den Beweis des verbrecherischen Vorsatzes und überhaupt der Verschuldung. Denn die Verschuldung ist kein Gegenstand der äusseren Wahrnehmung, mithin auch kein Gegenstand des Zeugenbeweises oder des richterlichen Augenscheins, und ob sie gleich von dem Angeschuldigten eingestanden werden kann, so hat doch die Carolina die peinliche Frage darauf nirgends bezogen. Sie redet nur von Anzeigen der That, nicht der Absicht.

3) auf den Thatbestand des Verbrechens, sofern die Schlussfolge, worauf der Beweis derselben beruht, ihren Grund in einem physisch nothwendigen Gesetze hat. Dieses ist der Fall:

a) bei den negativen Erfordernissen des Thatbestandes, welche dadurch gewiss werden können, dass die physisch nothwendigen Bedingungen ihrer Möglichkeit cessiren. Ist z. B. ein Verbrechen zur Nachtzeit verübt worden, so darf man mit Nothwendigkeit daraus folgern, dass der Angeschuldigte kurz vor Anfang der Nachtzeit sich noch an einem von dem Orte des Verbrechens entfernten Platze aufgehalten haben könne. Bisweilen besteht selbst der ganze Thatbestand des Verbrechens in einer durch eine solche Schlussfolgerung bewiesenen Negation, z. B. dass der Soldat zu einer bestimmten Zeit, nicht auf seinem Posten gewesen ist, lässt sich aus seinem Alibi folgern. Der Beweis des Alibi kann demnach nicht blos ein Entschuldigungsbeweis [66]) sein, sondern auch ein Anschuldigungsbeweis.

b) Ferner da, wo die zum Thatbestande erforderliche Thatsache mit einer andern nach dem Gesetz der physischen Causalität zusammenhängt. Hierher gehören namentlich alle Fälle, in denen zum Thatbestande des Verbrechens ein Effect gehört, von welchem die rechts-

---

[65]) Dazu kommt noch, dass in P. G. O. Art. 143 ausdrücklich ein künstlicher Beweis der Nothwehr zugelassen wird.

[66]) Mit Unrecht schränkt z. B. **Martin**, Lehrbuch des Criminalprocesses § 91. Note 9, diesen Beweis nur auf die Unschuld oder auf die **verringerte** Schuld ein.

widrige Handlung nur die Ursache ist, wie z. B. bei dem Verbrechen der Tödtung, der Brandstiftung u. s. w. Zunächst ist nun soviel ausser Zweifel, dass, wenn bei Thatsachen z. B. die Verwundung oder der Tod sonst schon bewiesen sind, der Causalzusammenhang beider nur künstlich bewiesen werden kann, da er an sich kein Gegenstand der äusseren Wahrnehmung ist. Der Beweis beruht auf der Schlussfolgerung, dass, da nach aller bisherigen Erfahrung eine solche Wunde stets den Tod bewirkt hat, dies auch hier anzunehmen sei. Dass in dem bemerkten Falle ein Kunstverständiger die Schlussfolgerung macht, ändert hieran nichts, denn in andern Fällen thut dies der Richter, wie z. B. wenn er denjenigen, der einen brennenden Zunder in die gleich darauf brennende Scheune geworfen hat, als Brandstifter bestraft. Ferner aber kann sogar, wo blos die eine Thatsache erwiesen ist, aus der Causalität derselben selbst das Dasein der andern, sonst nicht bewiesenen, mit Sicherheit gefolgert werden [67]).

Wendet man nun, soweit im Einzelnen zulässig, diese processualischen Grundsätze auf den vorliegenden Criminalfall Reller an, der wegen des Versuches eines Mordes lange Zeit dringend verdächtig und in Untersuchung befindlich, endlich über die Gränze verwiesen wurde (S. 98), so will ich anheimstellen, ob die Unsicherheit der richterlichen Schritte und Urtheile nicht darin ihre Erklä-

[67]) Bisweilen wird auf solche Weise auch rückwärts geschlossen, z. B. aus der Schwangerschaft einer unverehelichten Weibsperson auf das Stuprum, oder bei der Ehefrau, deren Mann abwesend ist, auf den Ehebruch. Allein nie kann die Handlung selbst, also auch nie die Urheberschaft aus einer physischen Nothwendigkeit gefolgert werden, denn die Handlung ist nicht die Wirkung einer Ursache sondern die Folge des Willens. Daher beruhen zuletzt alle Anzeigen gegen einen Urheber nur auf psychologischen Gründen. Deshalb ist hier immer eine Mehrzahl erforderlich und selbst in dieser lassen sie noch Zweifel übrig, ob die That wirklich aus denselben hervorgegangen sei, so höchst wahrscheinlich sie auch nach den vorhandenen Motiven, also nach den Gesetzen der psychologischen Causalität sein mag. Es kann demnach gar wohl der Fall sein, dass eine umsichtige Gesetzgebung diesen Zweifel berücksichtigt und daher hier keinen künstlichen Beweis zulässt, wenngleich sie die Möglichkeit einer Ausnahme von erfahrungsmässigen, ganz allgemeinen Naturgesetzen nicht beachtet.

rung finde, dass in Ehstland die gerichtlige Beweistheorie in zu enge Gränzen eingezwängt ist.

In psychologischer Hinsicht interessant und anziehend von dem Herrn Verf. geschildert ist der Kindermord, welcher von Louise R. begangen wurde (S. 103 — 112). Dieses Mädchen, dem niedern Stande angehörig, trat, jung und schön wie sie war, in ein näheres geschlechtliches Verhältniss zu einem Gutsverwalter, der zugleich ihr erklärter Bräutigam wurde. Louise kam hierauf, entfernt von den Ihrigen, als Kammermädchen in eine adelige Familie, der Bräutigam gab ihr beim Abschied die Versicherung und wiederholte dieselbe auch brieflich, dass er sie sobald wie möglich als seine Ehefrau in sein neues Haus einführen werde; allein erfolglos verstrich ein Monat nach dem andern, die Zeit der Entbindung rückte immer näher heran, sie setzte Mistrauen in ihren Bräutigam und in ihre Mutter, der Spott ihrer Dienstgenossen war ihr unerträglich, — und in dumpfer Stille zogen sich die Wetter der Blutthat über ihrem Haupte zusammen. Der hatte sie verlassen, wie sie wähnte, in dem sie allein ihr Dasein fühlte, jede Hoffnung, jeder Trost war erloschen, alles war Nacht um sie her und Finsterniss, ihr unbewusst erfolgte die Geburt, sie erwachte aus ihrer Ohnmacht, ein rascher Entschluss — und die That war vollbracht [68]).

Mir aber, weil einmal der Gegenstand die Hand dazu bietet, mag es gestattet sein, einige Bemerkungen von allgemeinerer Be-

---

[68]) Ueber einen Punkt kann ich mit dem Herrn Verf. nicht gleicher Meinung sein. «Jeder Mensch, so sagt er (S. 105), selbst der Gediegenste, kann dem Ausbruch der Leidenschaft, dem Affect zugangbar sein», er stellt also Affect und Leidenschaft auf gleiche Linie.—Allein die criminalistische Theorie unterscheidet scharf zwischen Affect und Leidenschaft; die Leidenschaft schliesst den Vorbedacht (animus praemeditatus) nicht aus. Der Leidenschaftliche raffinirt über die Beschaffenheit der Mittel, er geht in sich und ist selbstthätig. Der Affectvolle handelt in der ersten Aufwallung des Gefühls, er fasst die äusseren Verhältnisse falsch auf. Vgl. bes. Henke, Handb. des Criminalrechts, I. S. 548, Elvers, Practische Arbeiten S. 260 — 346.

deutung hier niederzulegeen, theils um meine oben in der Einleitung ausgesprochene Ansicht zu unterstützen, theils um eine Reihe von Criminalfällen dadurch theilweise zu veranschaulichen, die seither kurz dargestellt worden sind, — ich meine den socialeu Begriff der Beschränktheit.

Das Wesen der Beschränktheit ist noch wenig oder gar nicht erforscht, die Schwierigkeit liegt darin, dass man oftmals Schwächen des Charakters für Mängel des Verstandes zu nehmen geneigt ist, und umgekehrt. Der Beschränkte ist überhaupt derjenige, der in der Regel von dem Urtheile Anderer, oder von äusseren Eindrücken abhängt, und der Mangel eignen Urtheils ist der Tod alles geistigen Lebens. Man darf sagen, der Beschränkte unterscheide sich dadurch von dem Klugen, dass jener nur die That, den Erfolg, gleichsam den erleuchteten Gegenstand sieht, dieser die Kraft selbst und die Beweggründe erkennt, dass jener mehr der Willkühr, dem Wechsel und allem Schwankenden dient, dieser in das Wesen der Dinge eindringt, mit sich selbst übereinstimmt und eine Einheit bildet. Darum ist es ein Gebot der gesammten menschlichen Natur, dessen Wahrheit die Geschichte aller civilisirten Völker bezeugt, dass der Klügere und Kräftigere den Schwächeren schützt, und dieser ihm wieder treu ist und gehorcht. Ja welchen Namen, welche Stellung der beschränkte Mensch auch führen und einnehmen mag, er wird, sobald er einen Willen hat und auf Andere einzuwirken strebt, — ein Taugenichts oder ein Verbrecher. Ich will mich hierüber etwas näher erklären.

Man kann zuvörderst nach der Art und Weise, wie jemand einen Widerspruch oder eine Verneinung entgegennimmt, nicht selten das Maass seiner geistigen Kräfte schätzen. Der Kluge sieht im Widerspruch nur die reiche Mannigfaltigkeit in der Auffassung und Anschauung der Dinge, oder niedern Neid und Missgunst, die er schweigend hintansetzt. Dagegen erregt das Widerstreben derer, auf die der Einfältige wirken will, in ihm zunächst Kleinmuth und Niedergeschlagenheit, sodann in der That Argwohn und Verdruss.

Nicht die Missbilligung des besonderen in Frage gestellten Falles sieht er im Verneinen, sondern eine Geringschätzung, eine Verachtung seiner Thätigkeit und seines Urtheils überhaupt. Es kann daher nicht befremden, dass die Aeusserungen desselben, in mehr als einer Hinsicht, denen des schuldbewussten Thäters gleichen. Wie dieser Schatten für wirkliche Gegenstände nimmt, wie ihn jedes Zufallswort, jedes Rauschen in den Blättern schreckt, so verletzt jenen jede zweideutige Aeusserung, jeder leichte Tadel und Spott. Wie dieser vor den nackten Gesichten seiner Schuld starr und sprachlos es für eine Wohlthat hält, eine wahre Ursache zum Schaudern zu haben, so ergreift jener, einmal verletzt und ergrimmt wie er ist, eifrig jede Gelegenheit, sich zu rächen und die üble Meinung zu vertilgen. Dann tritt er um so heftiger, um so kecker und vermessener hervor, je weniger er die Folgen seiner Uebereilung kennt, je wahrer und dauernder er die Beleidigung hält, dann ist ihm jedes Mittel recht, seinem Gegner Aerger und Verdruss und Pein zu schaffen, dann schadet er sich wohl gar selbst, schwört und flucht, wüthet und tobt gegen sich selbst, — denn die Luft, die er athmet ist feucht.

Eine neue Wandelung, das Leben im Wahn und in der Einbildung, tritt heran. Der Wahn setzt eine falsche, aus einzelnen zufälligen Dingen geschöpfte Erkenntniss voraus, er entsteht durch Nichtbegreifen der Gegenwart und der äusseren Wirklichkeit, durch Sichhinneigen zu einer unsicheren, dunkeln Zukunft, durch Unkenntniss der inneren Kraft, und wirkt um so rascher, je weniger der Mensch bei Begehung einer That durch den Gedanken von Unrecht abgehalten wird. Selten nimmt der ungebildete Mensch ein wenngleich begründetes Unrecht auf sich, die Zurücksetzung anderer nöthigt ihn wie zum Widerspruch, ja zur Böswilligkeit, um nicht einfältig zu scheinen, und so geht ihm der Gewinn verloren, den ein Anderer durch das Erkennen eines Irrthums empfängt. Irren kann in Wahrheit nur der Besonnene, denn jeder Irrthum bedingt das Aufsuchen eines Wegs, das Streben nach einem Ziele.

Jene Menschen aber reden wohl viel und oft über eine Sache herum, ohne sie je recht zu begreifen, sie sind deshalb unangreifbar, weil wir nicht wissen, wo wir sie fassen sollen, und dieses ist der Grund, warum sie oft hohnlachen. — Von bei weitem grösserer Bedeutung ist indessen der innere Widerstreit, der zwischen ihrem Charakter und Verstand zur Erscheinung kommt. Es begegnet oft, dass ein Mensch durch Zufall, durch Missgeschick, oder durch eigne Schuld vom Schicksal schwer und hart getroffen wird. Die falschen Begriffe, die er von Glück und Ehre hegt, die Vorstellung seines guten Rechts, das durch nichts in der Welt geschmälert werden müsse, verkehren seinen Schmerz in Grimm und Trotz, die Sünde der Niedrigen und Gemeinen. Es dünkt ihm Schwäche, die Schmach mit Geduld zu tragen, und je sicherer er die Blicke Anderer auf sein Thun gerichtet wähnt, um so mehr wird jedes bessere Gefühl zu einem Fluch und zu einer Quelle neuer Leiden.

Bis hierher ist der beschränkte Mensch als selbständig handelnd, und sein Bestreben, die ihm von der Natur vorgezeichnete Bahn zu überschreiten, als eitel und vermessen dargestellt worden. Diese Bemerkungen dürften wohl in der That ihre Anwendung auf mehrfache Verbrechen finden, wie z. B. auf Injurien, auf Selbstmord, Kinderaussetzung, Kindestödtung u. s. w.

Marie v. Waldung, so erzählt der Verf. S. 113 bis 136, hatte sich, uneingedenk ihres Standes und ihrer Geburt, mit einem Kutscher Martin fleischlich vermischt, ward schwanger, und gebar unter alleiniger Anwesenheit und Beihülfe ihrer Mutter, der Capitänin v. W. — Diese übergab den (nach ihrer Angabe todten) Kindeskörper dem Schwängerer mit dem Befehl, denselben in das s. g. Gastzimmer zu tragen. Tags darauf ertheilte sie die Weisung, den Leichnam in einen Korb zu legen und aus dem warmen Zimmer in die Kleete zu bringen. Während das Kind nun hier gele-

gen, hat Martin, durch ein Traumgesicht[69]), wie er vorgiebt, dazu bewogen, dem Kinde den Hals abgeschnitten.

Das rechtliche Interesse dieses Criminalfalls ist offenbar von dreifacher Art:

1) Das Factum des Halsabschneidens hat Martin zugestanden, aber freilich erst zu einer Zeit, wo das Kind bereits todt gewesen sein soll. Bekennt nun der Angeschuldigte eine ihm nachtheilige Thatsache, sucht er jedoch die Wirkung dieses Geständnisses durch einen auf der Stelle beigefügten Zusatz zu beschränken, so liegt ein s. g. qualificirtes Geständniss vor[70]). Dann bedarf offenbar derjenige Theil der Thatsachen, welche der Inquisit auf rechtsgültige Art für wahr anerkennt, keines weiteren Beweises, wogegen die Einschränkung, die dem Criminalbekenntniss beigefügt ist, noch auf andere Weise aufgeklärt werden muss. Dabei macht es keinen Unterschied, ob darin eine Einrede liegt, oder eine partielle negative Litiscontestation; in beiden Fällen hat der Untersuchungsrichter den Criminalbeweis zu erbringen. Kann dagegen diese Aufklärung nicht bewirkt werden, so kommt es in Ansehung der Folgen einer solchen Einschränkung,

a) darauf an, ob dadurch ein Factum in Abrede gestellt ist, welches erwiesen sein muss, um den vollen Beweis des untersuchten Verbrechens festzustellen; dann muss nämlich, soweit dieses Institut noch besteht, entweder eine *absolutio ab instantia* erfolgen, oder es kann nur das einzelne Delict als Versuch oder culpos bestraft werden, vorausgesetzt dass die nöthigen Erfordernisse dazu vorhanden sind.

---

69) Im Laufe des Verhörs gestand aber Martin reumüthig, dass sein Vorgeben, eine Vision gehabt zu haben, eine Erdichtung gewesen sei. Ganz mit Recht macht hier v. Wolffeldt S. 122. auf den Missgriff des Untersuchungsrichters aufmerksam, welcher im entscheidenden Moment das Verhör plötzlich abbrach.

70) Wird jedoch eine Beschränkung erst später dem Geständnisse hinzugefügt, so gehört sie zum Widerruf; vgl. auch Clarus, Sent. Rec. qu. 55. № 16. Quistorp, Grundsätze des peinl. Rechts § 683, Stübel, Criminalverfahren § 798.

b) Ob die Einschränkung nur einen Thatumstand enthält, welcher ausnahmsweise den Urheber straflos machen, oder ihm eine gelindere Strafe zuziehen kann; dann greift die Vorschrift der P. G. O. Art. 141 ein [71]), das heisst, die gesetzliche Strafe wird zuerkannt, wenn die Einrede nicht erwiesen ist.

Die meisten der hier aufgestellten processualischen Grundsätze finden auf den vorliegenden Rechtsfall ihre Anwendung. Zuvörderst hat ganz mit Recht der Criminalhof die Beweiskraft des vollgültigen Bekenntnisses der v. Waldung und des Martin (S. 124) entkräftet durch einen entgegenstehenden Beweis. Dieser entgegenstehende Beweis liegt:

2) in dem Gutachten der Medicinalverwaltung, welches dahin geht, dass die Todesursache des neugeborenen, lebendigen Kindes keine natürliche, sondern eine gewaltsame gewesen, und dass die absolut lethale Halsverletzung dem Kinde im Leben beigebracht worden sei. Da nun die ärztlichen Gutachten die vollständige Beschreibung alles bei der äusseren Besichtigung sowohl, als bei der Section Beobachteten enthalten, so bilden sie zugleich einen vollkommenen Beweis [72]). Dadurch aber ist gegen Martin die Strafe des vollendeten, dolosen Verwandtenmordes gerechtfertigt. Ebenso lässt sich

3) das gegen die verwittwete Frau v. Waldung (S. 132) gesprochene Urtheil, d. h. Entbindung von der Instanz wegen Theilnahme am Morde, vertheidigen (s. oben sub. 1. a.). Allein nach dem Befund der Thatsachen scheint es mehr als zweifelhaft zu sein, ob

---

[71]) Allerdings handelt die Carolina zunächst von der Nothwehr; sie bestimmt, dass der Nothwehrübende, nach vorheriger gerichtlicher Anzeige, beweisen müsse, sonst werde er für schuldig gehalten. Allein dass hier eine ausdehnende Auslegung (interpretatio extensiva) zulässig sei, zeigt z. B. schon die Art, wie, nach meiner Ueberzeugung, ganz mit Fug P. G. O. Art. 148. von den Criminalisten interpretirt wird.

[72]) P. G. O. Art. 147. 149., Russ. Reichsgesetzb. Band XV. § 1192.

noch ausserdem mit Recht (cumulativ) die Strafe der culposen Kindestödtung habe verhängt werden dürfen.

Doch genug. Es ist unmöglich und wohl auch unnöthig, alle einzelnen, vom Herrn Verf. dargestellten Criminalfälle zu beleuchten. Es mag hinreichen, ein allgemeines Bild von der Art und Weise der Behandlung und von der dem Verf. eigenthümlichen Zergliederungskunst gegeben zu haben.

Zum Schluss erlaube ich mir das allgemeine Resultat meiner Beurtheilung dahin zusammenzufassen. Nach Hitzig's Vorbild (s. oben S. 125) wäre allerdings in vielen wesentlichen Punkten eine tiefere, in die Sache mehr eingehende Darstellung des materiellen Rechts und des Processes wünschenswerth gewesen. Dennoch hat selbst in dieser Beziehung der Herr Verf. nich selten eine tüchtige Sachkenntniss und eine scharfsinnige Begründung an den Tag gelegt (s. z. B. S. 141). Dagegen besitzt Herr v. Wolffeldt ganz unverkennbar in der thatsächlichen Hervorhebung der entscheidenden Momente, überhaupt in der ganzen factischen Ermittelung des Stoffs eine Gewandheit, ja eine Meisterschaft, wodurch er seinem Vorgänger Hitzig vollkommen an die Seite gestellt zu werden verdient. Ich kann daher den Wunsch nicht unterdrücken, dass die Anerkennung, die bisher in weiten Kreisen dem Wolffeldt'schen Werke zu Theil geworden ist, ihm auch fernerhin erhalten bleibe.

По вышеизложеннымъ причинамъ мы сообщаемъ здѣсь читателямъ точный переводъ одного лишь заключенія рецензіи г. профессора Циглера.

Въ заключеніе я дозволяю себѣ совокупить во едино общій результатъ моего разбора въ слѣдующихъ словахъ. Послѣ того образца разработки уголовныхъ дѣлъ, который намъ оставилъ Гитцигъ, конечно можно было бы желать болѣе глубокаго во многихъ существенныхъ пунктахъ и болѣе обстоятельнаго изложенія матеріальнаго права и судопроизводства. Но за всѣмъ тѣмъ авторъ даже и въ этомъ отношеніи нерѣдко обнаруживаетъ

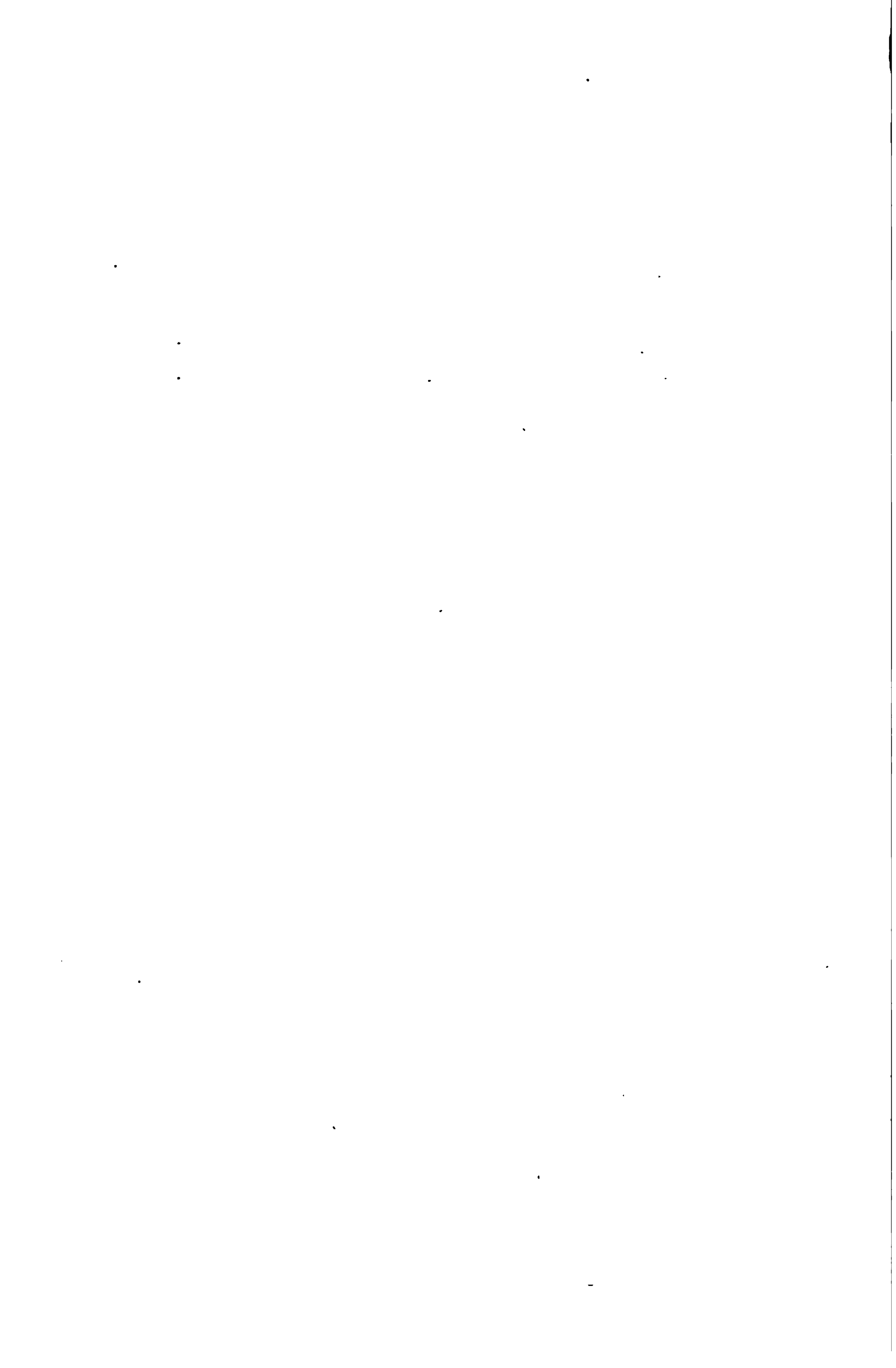
весьма дѣльное знаніе предмета и остроумную послѣдовательность въ доводахъ. Съ другой стороны Г. фонъ Вольфельдтъ явно обладаетъ такою ловкостью, и даже такимъ мастерскимъ искусствомъ въ распознаваніи рѣшительныхъ моментовъ, да и вообще въ фактическомъ изслѣдованіи дѣлъ, что въ этомъ отношеніи смѣло можетъ быть поставленъ на ряду съ его предшественникомъ, Гитцигомъ. Посему я не могу не изъявить здѣсь желанія, чтобы то признаніе, которымъ до сихъ поръ пользовалось сочиненіе автора въ обширныхъ кругахъ, было ему сохранено и на будущее время.

Не находя въ этомъ заключеніи прямаго указанія относительно того, считаетъ-ли г. рецензентъ разсмотрѣнное имъ сочиненіе достойнымъ награды или нѣтъ, Академія поручила Академику Шифнеру по разсмотрѣніи сочиненія и рецензіи положительнѣе отозваться въ этомъ отношеніи. По этому присовокупляемъ и донесеніе академика Шифнера:

Разборъ г. экстраорд. профессора Циглера въ Дерптѣ составленъ съ большою тщательностію и заключаетъ въ себѣ много весьма занимательныхъ замѣчаній. Каждый изъ трехъ томовъ сочиненія Вольффельдта содержитъ отчасти замѣчанія относительно судебныхъ учрежденій и уголовнаго судопроизводства въ трехъ Остзейскихъ Губерніяхъ, а за ними слѣдуетъ ученое изложеніе отдѣльныхъ уголовныхъ процессовъ особенно замѣчательныхъ по какому либо обстоятельству. Г. Циглеръ пользовался даннымъ случаемъ чтобы излагать въ подробности неправильность или неточность нѣкоторыхъ взглядовъ господина сочинителя, но вообще отзывается довольно выгодно о заслугахъ его, такъ какъ онъ именно выполнилъ довольно чувствительный пробѣлъ въ Исторіи Уголовнаго Права Остзейскихъ Губерній. О первомъ томѣ существуетъ критика написанная бывшимъ профессоромъ Дерптскаго Университета Озенбрюггеномъ въ Журналѣ «Das Inland» за 1844 годъ, а о I и II томахъ извѣстнаго адвоката Неймана въ Митавѣ, въ

томъ же Журналѣ за 1848, наконецъ о III томѣ неизвѣстнаго ученаго тутже въ 1853 г.

Всѣ эти критики болѣе или менѣе признаютъ заслуги г. Вольфельдта. Принимая въ соображеніе общій результатъ ихъ и самое вниманіе которое г. Циглеръ въ своемъ ученомъ разборѣ обращаетъ на сочиненіе Вольфельдта, мы того мнѣнія что оно заслуживаетъ поощрительную Демидовскую премію.

РАЗБОРЪ

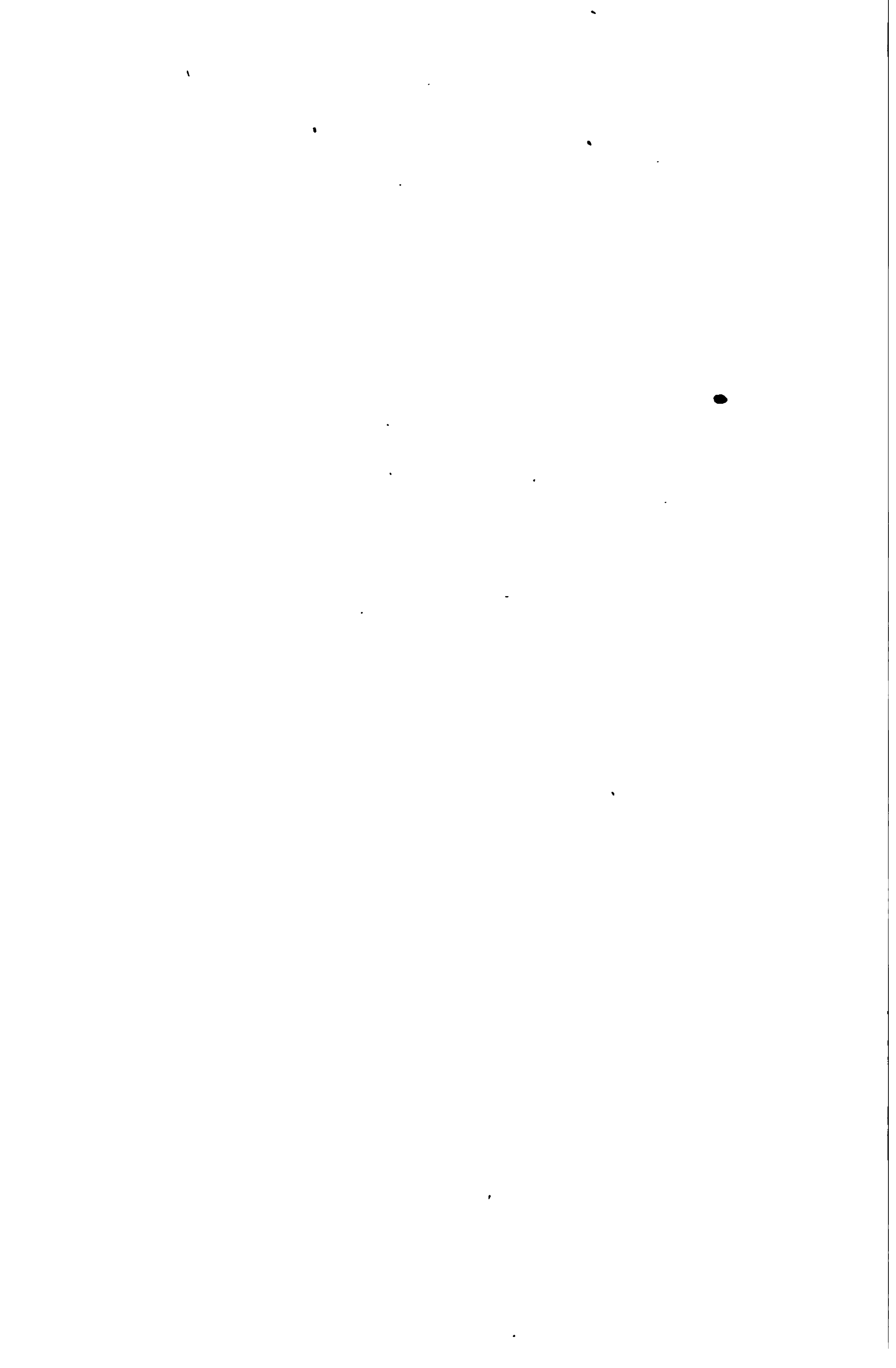
сочиненія подъ заглавіемъ:

ПѢСНИ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ,

переводъ Н. БЕРГА,

составленный

Академиками Плетневымъ и Срезневскимъ.

Напрасно было бы здѣсь говорить о литературной, исторической и филологической важности народныхъ пѣсень, этихъ, такъ сказать, естественныхъ произведеній словесности, слагаемыхъ въ народѣ безъ помощи грамотности и учебныхъ правилъ риторики и піитики, оцѣняемыхъ народнымъ чувствомъ безъ помощи ученыхъ критиковъ, и тѣмъ не менѣе доходящихъ иногда до такой степени художественности, до какой не можетъ дойти никогда произведеніе литературнаго искусства. Признаніе важности народныхъ пѣсень въ такой же мѣрѣ выражаетъ успѣхи науки нашего времени, въ какой и признаніе необходимости изслѣдовать языкъ только какъ естественное произведеніе и пользоваться имъ только по законамъ его природы, а не по правиламъ самовольно придумываемыхъ теорій. Признаніе важности народныхъ пѣсень одно могло быть общей причиной того общаго вниманія къ нимъ, которое не ослабляется ни неудачами принимания за народное всего простонароднаго, ни фактами омертвѣнія народной поэзіи у нѣкоторыхъ народовъ, и замѣнѣнія плодовъ ея въ народѣ стихотвореніями писателей, нерѣдко или дурными, или искаженными, ни открытіями новыхъ сокровищъ художественной литературы, объясняющихъ судьбы образованности народовъ, ни тѣмъ менѣе успѣхами современнаго литературнаго искусства, которые, хотя отчасти, зависѣли и отъ разумѣнія законовъ народной словесности. Въ слѣдствіе признанія важности народныхъ пѣсень наша Академія не разъ поощряла и вниманіемъ, и пособіемъ, и наградою за трудъ тѣхъ ученыхъ, которые направляли свою дѣятельность на изслѣдованія народной поэзіи, на собираніе и изданіе памятни-

ковъ ея или на ихъ объясненія. Тоже показала она и принятіемъ книги г. Берга «Пѣсни разныхъ народовъ» въ конкурсъ на Демидовскую награду — очевидно съ желаніемъ одобрить трудъ автора въ той мѣрѣ, въ какой сочтетъ его достойнымъ и возможнымъ.

Что трудъ г. Берга достоинъ одобренія въ какой бы то ни было мѣрѣ, это, какъ намъ кажется, должно быть ясно для каждаго, кто вникнетъ внимательно въ содержаніе книги и въ тѣ трудности, которыя долженъ былъ авторъ преодолѣть не только при подборѣ того, что надобно было внести въ нее, но и при передачѣ по Русски всего имъ отобраннаго.

Останавливая вниманіе коммиссіи на содержаніи книги, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Предисловіи, значительномъ столько же по величинѣ, сколько и по мыслямъ и соображеніямъ, въ немъ высказаннымъ. Познакомясь, какъ любитель усердный, съ пѣснями большей части народовъ Европейскихъ и нѣкоторыхъ изъ Азіатскихъ, г. Бергъ сообщилъ здѣсь выводы о ихъ характерѣ и относительномъ достоинствѣ. Многія изъ его соображеній столь же остроумны, какъ и новы: таковы напримѣръ тѣ, которыя относятся къ пѣснямъ Русскимъ, какъ лучшимъ изъ лирическихъ и т. д. Въ первый разъ на Русскомъ языкѣ представляется здѣсь такое разнообразное сопоставленіе характеристическихъ чертъ поэзіи разныхъ народовъ.

Пѣсни, выбранныя г. Бергомъ для его сборника, и сообщенныя въ самыхъ подлинникахъ, распредѣлены имъ по-народно въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: 1) пѣсни лирическія и 2) пѣсни эпическія. Чтобы наглядно доказать, сколько усилій долженъ былъ употребить г. Бергъ для того, чтобы довести свой выборъ пѣсень разныхъ народовъ до желаемаго разнообразія, мы обозримъ его выборъ по народамъ, указывая на источники, бывшіе у г. Берга, и для бóльшей ясности подчиняемъ наше обозрѣніе порядку чисто этнографическому.

I. Пѣсни народовъ *Славянскихъ*, какъ и должно было ожидать, заняли въ книгѣ г. Берга главное мѣсто.

1. Пѣсни *Малорусскія*, исключительно лирическія, заняты изъ сборниковъ М. А. Максимовича (Малороссійскія народныя пѣсни. М. 1827) и В. изъ Олеска (Pieśni ludu Galicyjskiego. Lwow. 1833). Это безспорно, вмѣстѣ съ изданіемъ Ж. Паули (Pieśni ludu Ruskiego i Galicyi. Lwow. 1839) и немногими другими, лучшіе изъ сборниковъ Малорусскихъ пѣсень.

2. Пѣснямъ *Болгарскимъ*, за исключеніемъ первоначальныхъ попытокъ, до сихъ поръ не было посвящено ни одного изданія, и потому г. Бергъ постарался достать себѣ рукописный сборникъ г. Априлова, важнѣйшій изъ доселѣ извѣстныхъ по крайней мѣрѣ по величинѣ, доказывающій между прочимъ и то, что народная поэзія Болгаръ оживлена еще до сихъ поръ духомъ эпическимъ.

3. *Для* пѣсень *Сербскихъ* былъ у г. Берга лучшій какой есть и превосходный во всѣхъ отношеніяхъ источникъ, знаменитый трудъ В. С. Караджича (Српске народне пjесме. Беч. 1841—1845). Г. Бергъ не забылъ рядомъ съ образцами эпопей представить нѣсколько образцовъ лирическихъ пѣсень. Уже прежде, въ отдѣльномъ сборникѣ и потомъ въ повременныхъ изданіяхъ, г. Бергъ познакомилъ Русскую публику съ несравненными образцами народной поэзіи Сербской.

4. Пѣсни *Словаковъ* заняты изъ богатаго изданія Я. Коллара (Narodnié zpiewanky čili písně Swětské Slowáků w Uhrách. Budin. 1831—1835): это изданіе остается лучшимъ источникомъ для всякаго, кто хочетъ познакомиться съ поэзіей Карпатскихъ горцевъ.

5. Пѣсни *Чешскія* и *Моравскія*, бывшія предметомъ трудовъ многихъ собирателей, подобраны лучше всего *К. Эрбеномъ* (Písně narodní w Čechach. Praha. 1842—1843) и *Ф. Сушиломъ* (Morawské narodni pjsné. Brno. 1835. 1840. 1853): трудами этихъ изыскателей и пользовался г. Бергъ, умѣя остановиться на самомъ характеристическомъ.

6. Пѣсни *Сербовъ Лужицкихъ*, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ (отличающихся по языку) заимствованы г. Бергомъ изъ превосходнаго сборника, изданнаго *Я. Смоляромъ* и *Л. Гауптомъ* (Pjesnièki hornych a delnych Lužickich Serbow. Gryma. 1841. 1843).

7. Пѣсни *Польскія* въ послѣдніе двадцать лѣтъ были издаваемы многими любителями, но за немногими исключеніями очень неудачно, потому что въ ихъ сборникахъ не только смѣшивались пѣсни чисто народныя со стихотвореніями, написанными для пѣнія, но рядомъ съ тѣмъ, что такъ или иначе было найдено, печатались и разныя поддѣлки. По невозможности достать сборниковъ *Ж. Паули* и г. *Кольберга*, г. Бергъ обратился къ сборнику *В. изъ Олеска* (Pieśni ludu Galic.) и умѣлъ выбрать изъ него пѣсни, въ которыхъ ясно выражается характеръ чисто народной поэзіи Польской.

Изъ этого перечня Славянскихъ пѣсень видно, что въ книгѣ г. Берга нѣтъ пѣсень Хорватскихъ и Хорутанскихъ. Для Хорватскихъ пѣсень нѣтъ еще ни одного печатнаго сборника; есть только пробы въ журналахъ и газетахъ Хорватскихъ, и то болѣе годныя для лингвиста. Что касается до Хорутанскихъ пѣсень, то сборникъ изд. книгопродавцемъ *I. Блазникомъ* (Slovenske pesni. Lubljana. 1838—42) лишенъ достоинства, а сборникъ *С. Враза* (Narodne pěsme ilirske Zagreb. 1839) принадлежитъ уже къ библіографическимъ рѣдкостямъ.

II. Пѣсни *Литвы*, племени столь близкаго къ Славянамъ, какъ по языку и быту, такъ и по судьбамъ, оставались до сихъ поръ въ Русской литературѣ совершенно неизвѣстными, а между тѣмъ д-ръ *Реза* издалъ ихъ сборникъ уже за 30 лѣтъ передъ симъ (Daines oder Litthauische Volkslieder. Königsberg, 1825; второе изданіе: Berlin, 1843). *Лудвигъ изъ Покевья* (Litwa pod względem starożytnych zabytków и пр. Wilno, 1846), *С. Довконтъ* (Dajnos zjamajtiû. Petropol. 1846) и сотрудники Neuen Preus. Provinzial-Blätter (томы I, V, VI, VIII, X, XI), кромѣ другихъ менѣе счастливыхъ собирателей увеличили количество данныхъ,

замѣченныхъ Резой (пѣсень и обычаевъ), къ которымъ онѣ относятся почти втрое. Кое что новое умѣлъ собрать и д-ръ *Нессельманъ* (Littauische Volkslieder. Berlin 1853). Г. Бергъ пользовался сборникомъ д-ра Резы. Сборника Нессельманова онъ еще не могъ достать, какъ позже вышедшаго, а другія изданія доступны и извѣстны у насъ столько же, какъ древнія рукописи. Впрочемъ, выборъ г. Берга отъ этого не могъ нисколько пострадать.

III. Пѣсни *Тевтонскихъ* народовъ. Изъ нихъ вошли въ книгу г. Берга только Скандинавскія, т. е. Датчанъ, Норвежцевъ и Шведовъ, и въ этомъ случаѣ важнымъ пособіемъ были для него указанія и извѣстія знатока ихъ, сочлена нашего по Академіи, Я. К. Грота.

1. При выборѣ пѣсень *Датскихъ* и *Норвежскихъ* г. Бергъ пользовался сборникомъ *А. Берггреена* (Folke Sange og melodier. Kjöbenhavn. 1844—1845), который имѣлъ для себя пособіемъ и трудъ *Нирупа* (Udvalg of Danske viser. Kjøbenh. 1821). Сборникъ *М. Ландстада* (Norske Folkeviser. Christiania. 1853) вышелъ позже.

2. Пѣсни *Шведскія*, находящіяся у г. Берга, взяты изъ знаменитаго сборника *Э. Гейера* и *А. Афцеліуса* (Svenska Folk. visor. Stockholm. 1814 — 1816), незатемненнаго гораздо позже вышедшей книгой *А. Арендсона* (Svenska Fernsänger: en samling af kämpevisor, folkvisor, lekar, dansar, barn- och vall-sänger. Stockholm. 1834).

Такимъ образомъ нѣтъ у г. Берга пѣсень Англичанъ и Голландцевъ, нѣтъ и пѣсень Нѣмцевъ, хотя и Нѣмцы вовсе не такъ бѣдны чисто народными пѣснями, какъ нѣкоторые думаютъ, судя по тѣмъ сборникамъ, гдѣ вмѣсто народныхъ пѣсень глазъ встрѣчаетъ старыя и новыя стихотворенія, написанныя для пѣнія. Что это такъ, легко убѣдиться изъ любопытнаго сочиненія *Талфи* (Versuch einer geschichtlichen Charasteristik der Volkslieder germanischer Nationen. Leipz. 1840), изъ обширнаго изданія *А. Фирменича* (Germaniens Völkerstimmen. Berlin. 1846 — 1854),

до сихъ поръ еще продолжающагося, и еще лучше изъ недавно изданной книги *Ф. Миттлера* (Deutsche Volkslieder. Cassel. 1854), не говоря уже о другихъ сборникахъ, не столь общихъ. Вѣроятно, невозможность ближе познакомиться съ народной поэзіей Нѣмецкой по хорошимъ сборникамъ, которыми въ самомъ дѣлѣ очень бѣдны всѣ наши библіотеки, была причиною пропуска въ книгѣ г. Берга, а между тѣмъ онъ же прежде познакомилъ Русскую публику съ пѣснію о Гудибрандтѣ и Гильдебрандтѣ, и приготовилъ къ изданію нѣсколько другихъ переводовъ памятниковъ древней Нѣмецкой поэзіи.

IV. Пѣсни *Кельтскихъ* народовъ до сихъ поръ бо̀льшею частію остаются загадкою, какъ и многое, что касается Кельтовъ, особенно въ литературномъ отношеніи. По этому очень естественно было г. Бергу ограничиться только *пѣснями Бретонскими*, для выбора которыхъ онъ пользовался прекраснымъ сборникомъ *Ѳ. Вильмарке* (Barzaz-breiz. Chants populaires de la Bretagne. Paris. 1839. Изданіе 4-е вышло въ 1846). Пѣсни *Валлисскія* до сихъ поръ, сколько извѣстно, не изданы, кромѣ тѣхъ, которыя помѣщены у Вильмарке. Сборники *Ирландскихъ пѣсенъ* существуютъ, но трудно сказать, дѣйствительно ли народныхъ, или произведеній новыхъ бардовъ-писателей, шедшихъ по слѣдамъ древнихъ и старыхъ, наведшихъ Макферсона на его странную работу передѣлки и поддѣлки, а потомъ и всю Европу на вопросъ до сихъ поръ нерѣшеный, какъ не рѣшенъ и вопросъ о бардахъ Валлиса. Пѣсни *Шотландскія* извѣстны изъ сборника *В. Даунея* (W. Dauney: Ancient Scotish melodies. Lond. 1841).

V. Пѣсни *Романскихъ* народовъ, не смотря на то, что онѣ могли бы быть извѣстны въ Европѣ, гораздо болѣе чѣмъ Кельтскія, остаются такъ же мало извѣстны. У г. Берга есть только Французскія и Испанскія.

1. Пѣсни *Французскія* выбраны г. Бергомъ изъ книги *Г. Деллоа* (Chants et chansons populaires de la France. Paris. 1843), какъ изъ сборника до сихъ поръ считающагося лучшимъ, хотя въ немъ и перемѣшаны чисто народныя съ мѣщанскими и тому

подобными. Трудъ выбора чисто народныхъ Французскихъ пѣсень очень тяжелъ, судя по тому, что для этого изданія надобно заглядывать даже въ такія книги, какова напр. изданная *Л. Курмеромъ* (Les Francais peints par eux-mêmes. Province. Tome second. Paris. 1841).

2. Чтобы хоть сколько нибудь познакомить съ *пѣснями Испанскими*, г. Бергъ принужденъ былъ обратиться къ Romancero (Romancero e historia del Cid, por J. de Escobar. Francfort. 1828), и къ кое-какимъ побочнымъ пособіямъ.

Не льзя не сожалѣть, что недостатокъ пособій заставилъ его миновать народную поэзію горной и сѣверной Италіи (тутъже Итальянской Швейцаріи) и Румуновъ Валахіи и Молдавіи.

VI. Пѣсни *Грековъ* извлечены г. Бергомъ изъ превосходнаго сборника *Форіеля* (Chants populaires de la Grèce moderne. Paris. 1824), незамѣнимаго ни чѣмъ лучшимъ и до сего времени, не смотря на появленіе нѣсколькихъ другихъ, изъ которыхъ одинъ изъ самыхъ полныхъ и новыхъ приготовленъ былъ въ самой Греціи *Спир. Зампеліемъ* (*Ασματα δημοτικα της Ελλαδος*. *Κερκυρα*. 1852: пѣсни числомъ 196, занимаютъ здѣсь стр. 599—766, а передъ ними помѣщено огромное энциклопедическое введеніе). Кое-что въ добавокъ къ Форіелю взято г. Бергомъ изъ книги *Фирмениха* (*Τραγούδια Ρωμαϊκά*. Berlin. 1844).

VII. Пѣсни *Албанцевъ* оставались почти неизвѣстны до появленія записокъ д-ра *I. Гана* (Albanesische Studien. Iena. 1854), гдѣ въ первый разъ собрано ихъ довольно много (II. стр. 127—150). Не имѣя возможности пользоваться этой книгой, которая печаталась въ одно время съ его книгой, г. Бергъ, по необходимости долженъ былъ обратиться къ какому нибудь побочному пособію, и взялъ Албанскія пѣсни изъ примѣчаній къ Чайльдъ-Гарольду л. Байрона.

VIII. Пѣсни *Басковъ* остаются почти совершенно неизвѣстны. Не знаемъ источника, изъ котораго г. Бергъ заимствовалъ ту пѣсню, которая вошла въ его выборъ, и считаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь неумѣстнымъ сомнѣнія въ дѣйствительности ея

народности. Самый доступный изъ источниковъ, гдѣ находятся отрывки если не вполнѣ, то хоть до половины народныхъ пѣснопѣній Баскскихъ, есть трудъ В. Гумбольдта (Berichtigungen zum Mithridates *).

IX. Пѣсни *Мадьяровъ*, за которыя нерѣдко выдавались произведенія новыхъ писателей, ни сколько и не думавшихъ о своей народности въ смыслѣ филолого-этнографическомъ, оставались бы и теперь неизвѣстными, если бы г. Бергъ не далъ имъ мѣста въ своей книгѣ: пѣсни Мадьярскія, имъ сообщенныя, взяты изъ рукописнаго сборника, присланнаго ему самимъ собирателемъ А. Штуромъ, судьею въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе безпристрастнымъ, что самъ онъ не Мадьяръ, а Словакъ, ни сколько не увлеченный мадьяроманіей.

X. Пѣсни *Финновъ*, племени до сихъ поръ сохраняющаго богатства народной поэзіи, очень важныя во всѣхъ отношеніяхъ, сообщены г. Бергу изъ хорошихъ источниковъ знатокомъ дѣла, Я. К. Гротомъ, къ сожалѣнію только въ небольшомъ числѣ и только пѣсни собственно *Финновъ* или *Суоми*, тогда какъ желательно было бы видѣть рядомъ съ ними и пѣсни *Эстовъ*, нынѣ уже изданные въ очень значительномъ числѣ **).

Кромѣ пѣсень всѣхъ десяти племенъ Европейскаго народо-

---

*) Менѣе доступны: *A. Chaho*, Voyage en Navarre. Paris. 1836. стр. 29, 82, 347 и 356. *A. du Mège*, Histoire générale de Languedoc. Paris. 1840. стр. 646—649. Diccionario géografico-historico de España por la R. Academia de la Historia. Madr. 1802. I. стр. 72, 164, 397.—Не можемъ кстати не вспомнить о любопытной книги *А. Эльсена* (Versuch einer Polyglotte dcr Europ. Poesie. Leipzig. 1846. I. стр. 4—6, 8), гдѣ приведены два замѣчательные отрывка.

**) На случай надобности сообщаемъ здѣсь указанія изданій пѣсень Суоми и Эстовъ, составленное нами отчасти при пособіи Академика О. А. Шифнера: — *Z. Topelius*, Suomen kansan wanhoja runoja, ynnä myös nykysempiä lauluja. Åbo. 1822—1831. — *E. Lönnrot*, Kantele taikka Suomen kansan sekä wanhoja että nykyisiä runoja ja lauluja. Helsingfors. 1829—1831. G. v. *Schröter*, Finnische Runen. Stuttgart. 1834.—*E. Lönnrot*, Kanteletar taikka Suomen kansan wanhoja lauluja ja wirsiä. Helsingfors. 1840.— *H. Neus*, Ehstnische Volkslieder. Reval. 1850—1851.—*F. Kreutzwald* u. *H. Neus*, Mythische und magische Lieder der Ehsten. S. P. B. 1854.—Kalewala. Hels. 1845 и 1849. Нѣмецкій переводъ О. А. Шифнера: Kalewala, das National-Epos der Finnen. Hels. 1852.

населенія, находимъ въ книгѣ г. Берга еще до 20 пѣсень народовъ Азіатскихъ на Санскритскомъ, Персидскомъ, Арабскомъ, Армянскомъ, Татарскомъ, Калмыцкомъ, нашедшихъ себѣ въ ней мѣсто при пособіи знатоковъ.

Употребивъ всѣ возможныя усилія для подбора и вѣрнаго разумѣнія пѣсень, г. Бергъ былъ не менѣе старателенъ и въ отношеніи къ тому, чтобъ довести свой переводъ пѣсень до возможнаго совершенства и объяснить ихъ разными примѣчаніями. Сколько позволяло намъ знаніе, сличали мы подлинники съ переводами г. Берга, и хотя не всегда находили буквальную вѣрность, тѣмъ не менѣе не могли не удивляться искуству г. Берга въ передачѣ духа пѣсень и тѣхъ выраженій, которыми обрисовываются особенности народности. Здѣсь кстати привести слова г. Берга о томъ, какъ должно переводить народныя пѣсни.

«Не важенъ стихъ, а важенъ духъ, важенъ результатъ впечатлѣнія... Если станете ловить каждый изгибъ, всякую подробность, вы свяжете себѣ руки. А тутъ, въ народномъ языкѣ, всего нужнѣе свобода слова. Нужно, чтобы все было народно, откликалось бы сердцу вашего народа, точно такъ же, какъ откликается подлинникъ сердцу, кому онъ свой.»—Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что г. Бергъ допускаетъ передѣлки, пропуски чего бы то ни было, что рисуетъ своенародность пѣсни; напротивъ: онъ считаетъ необходимымъ дорожить вѣрностью не только отдѣльныхъ выраженій, но и общаго строенія языка, общей выразительности переводимыхъ пѣсень. «А главное — прибавляетъ г. Бергъ — не надо мудрствовать, хитрить: пѣсня проста какъ природа; и создается она безъ всякой хитрости, и записывать ее надо не хитря, и переводить также.» Все это не просто слова, а результатъ испытаній и размышленій человѣка, преданнаго предпринятому имъ дѣлу, умѣющему дать себѣ отчетъ въ его трудностяхъ.

Оцѣняя достоинства труда г. Берга, мы долгомъ считаемъ напомнить о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, его опредѣляющихъ.

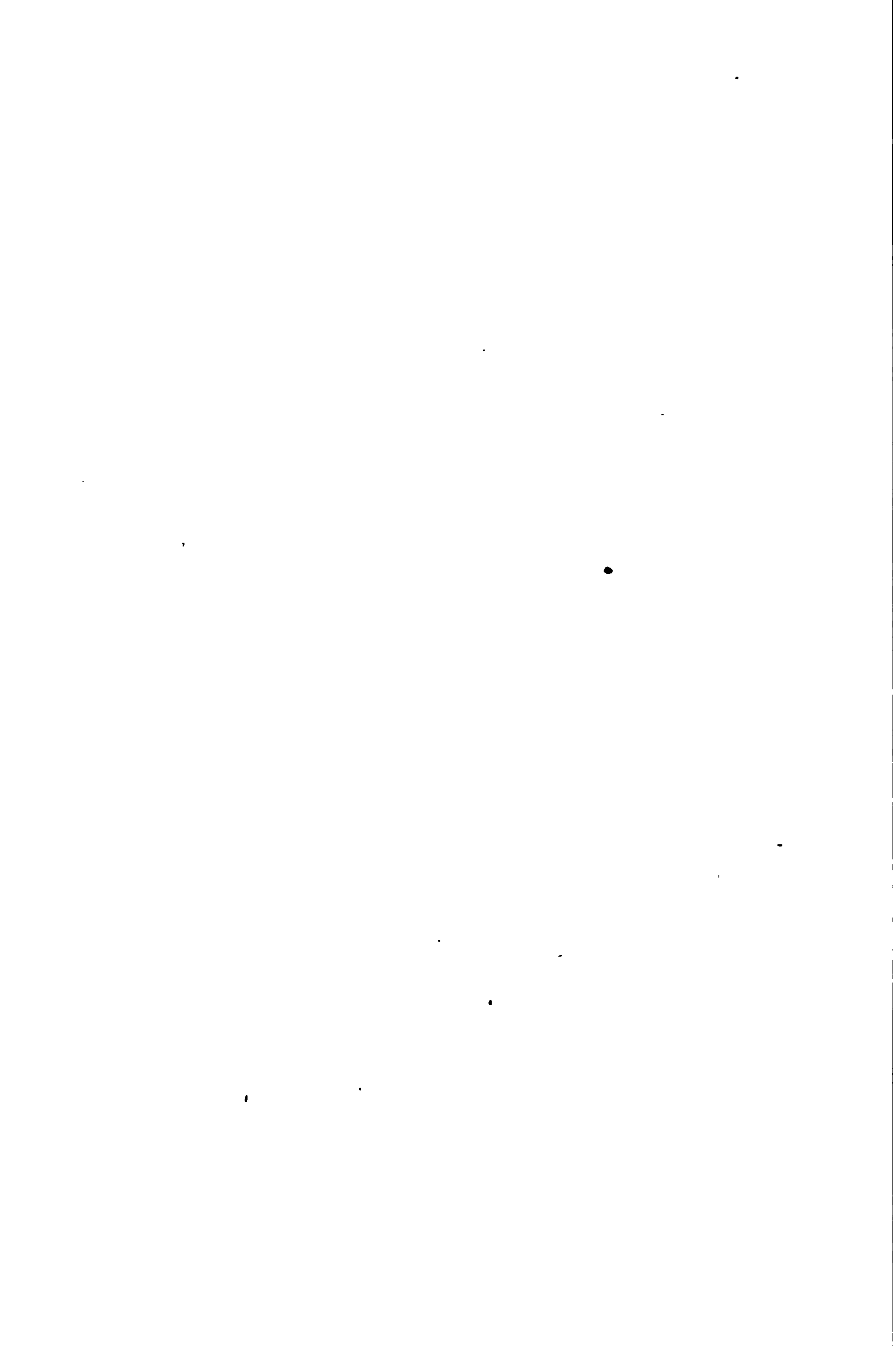
Тяжело бываетъ самымъ даровитымъ художникамъ возсоз-

давать на своемъ языкѣ писателей, себѣ подобныхъ (говоримъ о художникахъ, каковы были Крыловъ, Жуковскій, Пушкинъ); что же сказать о тѣхъ усиліяхъ, какія нужно для уразумѣнія духа и мысли не одного человѣка, а цѣлаго народа. Кто рѣшается усвоивать своему языку произведенія какого нибудь чужаго писателя, всегда имѣетъ право облегчать себя свободою выбора, подчиняя его своему личному вкусу и разумѣнію, останавливаясь только на томъ, что можетъ себѣ усвоить; въ выборѣ произведеній народной словесности личность исчезаетъ передъ голосомъ народа, потому что въ ней не то лучшее, что кому нибудь нравится, а то, въ чемъ народъ выражаетъ себя яснѣе. И если есть возможность сочувствовать произведеніямъ народной словесности, то это сочувствіе вовсе не то, что усвоеніе: истинное усвоеніе возможно только для человѣка, не отдѣлившагося отъ народа, живущаго съ нимъ одною жизнію, а слѣдовательно не для горожанина, глядящаго на свѣтъ иначе, чѣмъ селянинъ-пахарь, пастухъ, рыболовъ, звѣроловъ, тѣмъ менѣе для горожанина чужой земли. Кромѣ того, кто возсоздаетъ поэзію того или другаго народа, долженъ владѣть роднымъ языкомъ вполнѣ, съ разными его мелочами, не только матеріально, что одно для многихъ остается навсегда непобѣдимымъ, но и духовно, душой сочувствуя каждому избираемому звуку, душой, а не внѣшними требованіями вкуса времени. И все это тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе было опытовъ прежде.

Тутъ не льзя не вспомнить, что Русская литература до сихъ поръ была бѣдна переводами народныхъ пѣсень иноземныхъ. Нѣкоторые изъ даровитыхъ нашихъ писателей (Карамзинъ, Гнѣдичь, Востоковъ, Пушкинъ, Жуковскій) представили попытки въ этомъ родѣ, безспорно счастливыя, но только попытки болѣе или менѣе случайныя, — и не было ни одного писателя, который бы, подобно Чешскому поэту Челяковскому, или даровитой Нѣмкѣ Тальфи, на изученіе памятниковъ народной словесности разныхъ народовъ глядѣлъ какъ на источникъ новыхъ, драгоцѣнныхъ сокровищъ поэзіи вообще.

Г. Бергъ первый выступилъ на это поприще съ такимъ убѣжденіемъ и (что всего важнѣе) съ полною рѣшимостью остаться на немъ исключительно — и первые его шаги на немъ (переводы древнихъ Чешскихъ и Нѣмецкихъ пѣсень и пѣсень новыхъ Сербскихъ и Малорусскихъ), были такъ удачны, какъ только можно ожидать отъ писателя даровитаго и заботливаго. Новый, здѣсь разсматриваемый трудъ г. Берга, есть продолженіе прежде начатаго предпріятія. Онъ доказываетъ, что г. Бергъ взялся за дѣло не легко, не какъ беллетристъ, а какъ писатель, соединяющій въ одно требованія литературныя и ученыя и обладающій истиннымъ дарованіемъ и любовію къ столь нелегкому труду. Тѣмъ болѣе надобно дорожить этимъ, что отъ изученія народной поэзіи не льзя не ожидать для нашей литературы послѣдствій благодѣтельныхъ.

Считая изданный нынѣ трудъ г. Берга счастливымъ продолженіемъ прекраснаго начала, видя въ его дѣятельности залогъ надеждъ на правильное обогащеніе Русской литературы переводами всѣхъ лучшихъ памятниковъ народной поэзіи иноземной вмѣстѣ съ изданіемъ памятниковъ, доселѣ неизданныхъ, мы полагаемъ, что Академія обязана опредѣлить надлежащую цѣну столь важнаго труда, наградить усилія учености и таланта, и такимъ образомъ утвердить писателя на избранномъ имъ поприщѣ, присудивъ ему нынѣ половинную Демидовскую премію, что мы признаемъ съ ея стороны не болѣе, какъ справедливостію.

РАЗБОРЪ

сочиненія

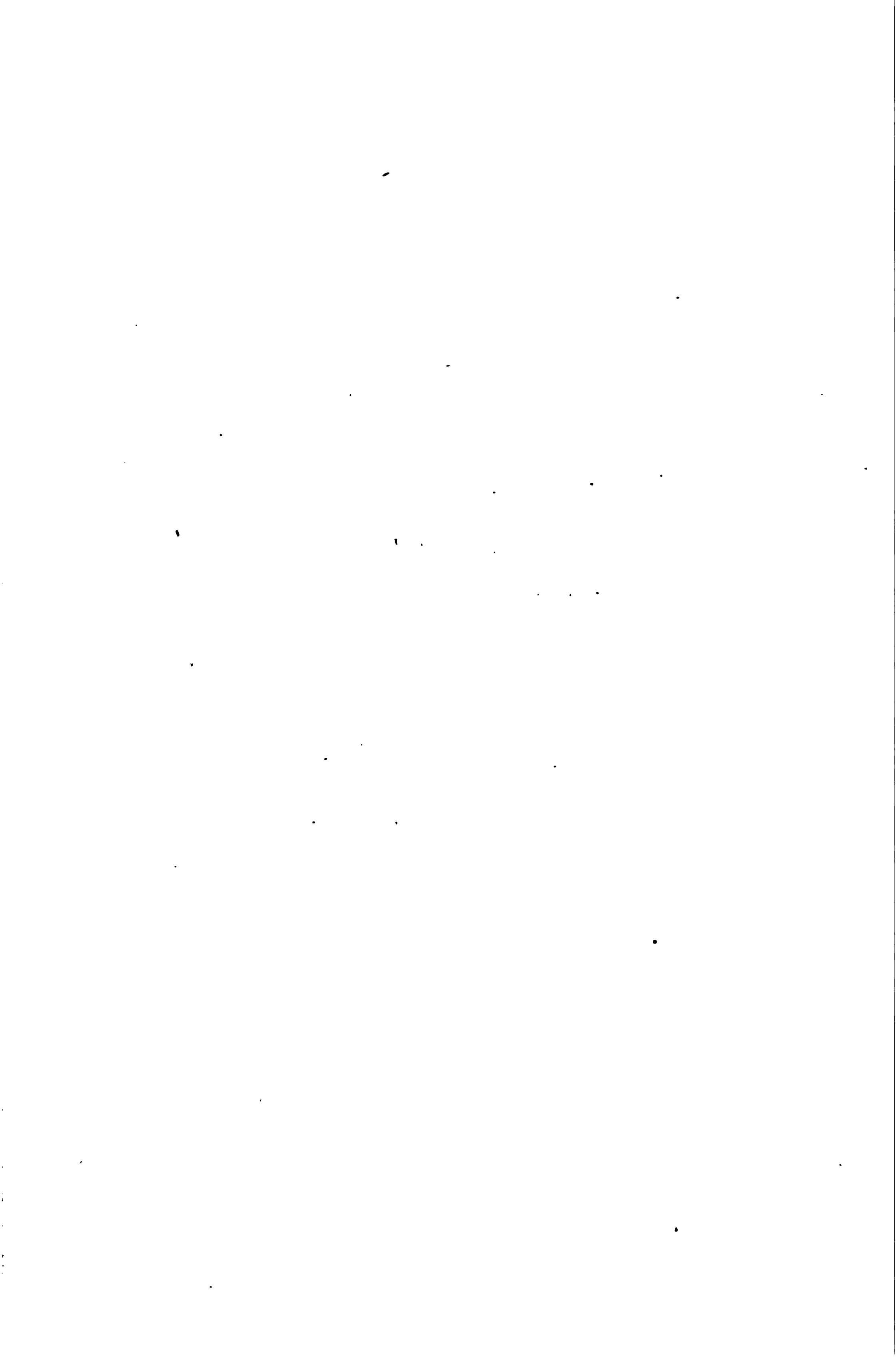
М. ЗАБЛОЦКАГО

подъ заглавіемъ:

О ЦѢННОСТЯХЪ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ,

составленный

Академикомъ Н. Устряловымъ.

Цѣлью сочиненія г. Заблоцкаго было разсмотрѣть значеніе древнихъ цѣнъ по отношенію къ общественной жизни. Для сего онъ опредѣляетъ сначала значеніе цѣны и указываетъ на предметы изслѣдованія для полученія вѣрныхъ результатовъ сравненія цѣнъ въ разныя эпохи. По мнѣнію автора, въ Исторіи монетныхъ цѣнностей, обращавшихся въ нашемъ отечествѣ, три главные періода: порабощеніе Россіи Татарами и царствованіе Петра Великаго служатъ гранями, раздѣляющими эти періоды. О монетной цѣнности до временъ Татарскихъ онъ говоритъ весьма кратко, по недостатку свидѣтельствъ; начинаетъ свое изслѣдованіе монетной системы нашей со втораго періода, и разсматриваетъ предварительно труды Круга, Френа, барона Шодуара, Черткова и другихъ изслѣдователей по части Нумизматики. Послѣ того переходитъ къ подробному изслѣдованію гривны, рубля, полтины и денегъ; показываетъ отношеніе литаго рубля и полтины къ нынѣшнему серебряному рублю и полтинѣ и подтверждаетъ свидѣтельство барона Герберштейна о началѣ у насъ монеты. Потомъ занимается изслѣдованіемъ средняго вѣса монетъ отъ временъ Димитрія Донскаго до Іоанна IV, объясняетъ чрезвычайную разновѣсность и вообще упадокъ денегъ при Василіи Темномъ; далѣе подробно говоритъ объ учрежденіи новыхъ монетъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и въ заключеніе дѣлаетъ окончательные выводы о размѣрѣ рубля въ разное время до 1704 года, основываясь на выводѣ средняго вѣса монетъ.

Сочиненіе г. Заблоцкаго, при всей краткости своей и при нѣкоторыхъ недостаткахъ, весьма важно для нашей Нумизматики: авторъ основательно разсмотрѣлъ извѣстія современныхъ писателей, своихъ и чужеземныхъ, о древней монетѣ нашей, удачно представилъ свои выводы, опредѣлилъ значеніе гривны, рубля, денегъ въ разное время. По мнѣнію моему, онъ заслуживаетъ поощрительной Демидовской преміи.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Н. ВИТТА

подъ заглавіемъ:

РУКОВОДСТВО КЪ САХАРНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ,

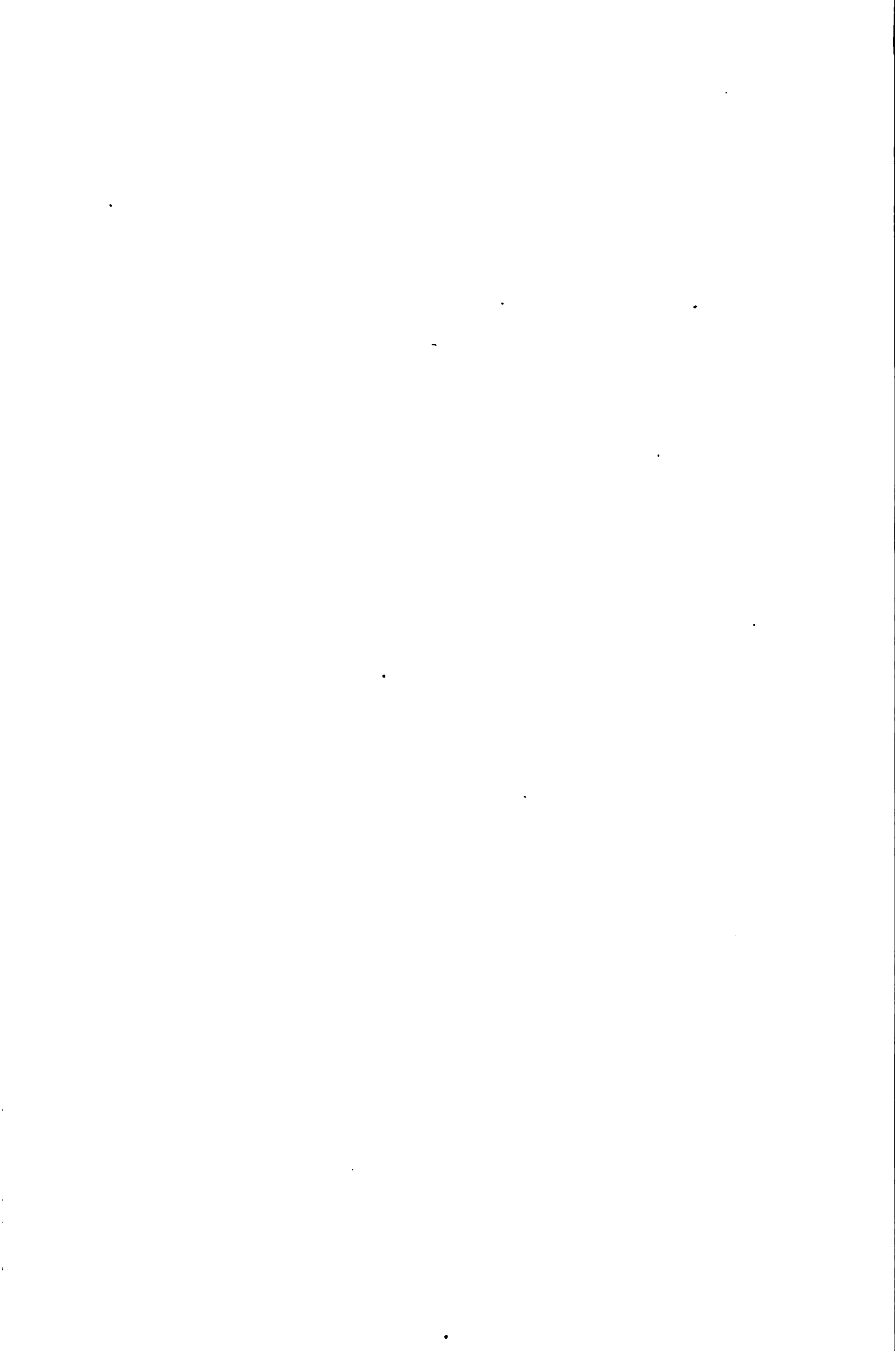
СЪ ДОПОЛНЕНІЕМЪ И СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КЪ ДОПОЛНЕНІЮ,

составленный

академикомъ **Фрицше**

и

профессоромъ **Ильенковымъ**.

Изъ названныхъ трехъ книгъ г. Витта только двѣ первыя удовлетворяютъ условіямъ Демидовскаго конкурса; послѣдняя же заключаетъ въ себѣ письма, полученныя авторомъ отъ различныхъ лицъ и содержащія въ себѣ различныя свѣдѣнія о свекло-сахарной промышленности; письма эти помѣщены цѣликомъ, и только кое гдѣ между ними находятся незначительныя, и по объему и по содержанію, замѣтки самого г. Витта; сверхъ того въ «Приложеніяхъ» есть нѣсколько статеекъ частію переведенныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, частію перепечатанныхъ изъ русскихъ періодическихъ изданій. Такимъ образомъ «Приложенія», какъ книга, не подходящая подъ условія Демидовскаго конкурса, не требуетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Двѣ другія книги: «Руководство» и «Дополненіе» къ нему — заключаютъ въ себѣ технологію полученія кристаллическаго сахара изъ тростника и свекловицы и добываніе крахмальнаго сахара; къ этому присоединена статья о приготовленіи и оживленіи костянаго угля.

«Руководство» начинается статьею подъ заглавіемъ: *Введеніе и общія соображенія о сахарѣ* — чрезвычайно слабою. Авторъ впадаетъ тутъ въ сантиментальныя похвалы сахару и природѣ, позаботившейся произвести для человѣка столь пріятное и, по мнѣнію автора, самое необходимое для питанія вещество (стр. 2). Тутъ же сообщаются (стр. 4—5) не имѣющія никакого достоинства свѣдѣнія о томъ, откуда древніе Греки и Римляне доставали сладкія вещества; далѣе (стр. 6—11) — о распростра-

ненiи Сахарнаго Тростника изъ Азiи, черезъ Европу, въ Америку, объ открытiи сахара въ свекловицѣ и кое что о постепенномъ развитiи свеклосахарной промышленности на континентѣ Европы; далѣе (стр. 11—14) сообщаются, заимствованныя изъ сочиненiя Пайена, числа о ежегодномъ производствѣ сахара въ колонiяхъ и въ Европѣ и о потребленiи сахара въ Европейскихъ государствахъ. На стр. 14—15 авторъ, касаясь слегка литературы своего предмета, говоритъ, что при составленiи своего труда, находя статьи въ иностранныхъ учебникахъ по этому предмету неполными въ отношенiи новѣйшихъ изобрѣтенiй, онъ пользовался техническими журналами за послѣднiе годы, собственными наблюденiями и свѣдѣнiями, сообщенными ему отъ земледѣльцевъ и заводчиковъ. «Люди свѣдущiе, говоритъ авторъ, легко замѣтятъ, сколько наша статья отличается отъ упомянутыхъ (статей въ руководствахъ Кнаппа, Отто, Шубарта, Дюма, Пайена и Юра) не только по полнотѣ и послѣдовательности изложенiя, но и относительно самыхъ полезныхъ для заводчика свѣдѣнiй и замѣчанiй.» — Появленiе къ этому «Руководству» черезъ два года «Дополненiя», которое значительно превышаетъ его объемомъ, доказываетъ достаточно нѣкоторое отсутствiе полноты и современности въ первомъ, и безъ сомнѣнiя приведенный отзывъ самого автора долженъ быть отнесенъ къ числу его увлеченiй.

Въ главѣ *о разныхъ родахъ сахара* (стр. 16—26) излагаются химическiя и физическiя свойства различныхъ видовъ сахара. Изложенiе это оставляетъ много желать въ отношенiи полноты и отчетливости. Авторъ раздѣляетъ вещества, относящiяся къ роду *Сахаръ*, на бродящiя и небродящiя. Къ первымъ онъ относитъ только виноградный сахаръ (glucôse), тогда какъ извѣстно, что сахаръ, получаемый изъ кристаллическаго дѣйствiемъ кислотъ, такъ же способенъ приходить въ броженiе, безъ предварительнаго превращенiя въ виноградный. Вообще подъ именемъ винограднаго сахара авторъ смѣшиваетъ два различные вида сахара — виноградный или глюкозу и собственно

некристаллическій или паточный сахаръ, тогда какъ отношеніе растворовъ этихъ видовъ сахара къ поляризованному свѣту, показываетъ, что они различны.

Отношеніе сахара къ щелочнымъ основаніямъ, весьма важное для сахарнаго производства, изложено не полно и не безъ погрѣшностей; такъ на пр. авторъ говоритъ, что сахаристая известь нерастворима въ горячей водѣ, но растворяется въ холодной, упуская изъ виду, что известковое соединеніе, осаждающееся при кипяченіи сахаристой извести, нерастворимо и въ холодной и въ горячей водѣ, но растворимо въ растворѣ сахара. Ничего не сообщено авторомъ о дѣйствіи кали и натра на сахаръ, тогда какъ при фабрикаціи, какъ показываютъ изслѣдованія Михаэлиса, напечатанныя въ нѣмецкихъ техническихъ журналахъ въ 1852 году, это дѣйствіе не остается безъ вліянія на успѣхъ дѣла. Какъ сбивчиво авторъ представилъ химическое дѣйствіе щелочныхъ основаній на сахаръ, покажутъ слѣдующія, противорѣчащія одно другому мѣста его сочиненія:

Стр. 25 Руководства: «При кипяченіи дѣйствіе щелочей производитъ на растворъ небродящаго сахара (т. е. кристаллическаго) подобныя явленія, какія производятъ кислоты, значитъ образуется отъ этого такъ же бродящій виноградный сахаръ.»

Стр. 183: «Невыгодныя послѣдствія отъ употребленія этого средства (т. е. насыщенія извести въ сокѣ), основаннаго большею частію на ошибочномъ мнѣніи о вредномъ вліяніи щелочей на кристаллизующійся сахаръ.»

Стр. 205: «Сахаръ остается неприкосновеннымъ до образованія всѣхъ этихъ новыхъ произведеній, т. е. онъ при выпариваніи сока не участвуетъ въ разложеніи органическихъ составныхъ частей сока, до тѣхъ поръ пока еще существуетъ въ сокѣ свободная известь или вообще щелочь.»

Глава *О добываніи кристаллическаго сахара изъ тростника* (Руководство стр. 28 — 39) обработана весьма поверхностно; назначая свою книгу для русскихъ производителей, авторъ не

считалъ нужнымъ входить въ подробности колоніальнаго производства.

Глава II, заключающая описаніе свеклосахарнаго производства, состоитъ изъ Введенія и 3-хъ отдѣловъ. Введеніе разсуждаетъ о важности свеклосахарнаго производства для народной промышленности въ Россіи слишкомъ бѣгло и поверхностно; замѣтимъ только, что, въ своихъ политикоэкономическихъ мнѣніяхъ, авторъ придерживается еще того убѣжденія, что покупка нужныхъ намъ продуктовъ внѣ отечества, уменьшаетъ наше народное богатство.

1-й отдѣлъ II-й главы имѣетъ предметомъ земледѣльческую часть свеклосахарной промышленности. Эта часть, (при составленіи которой авторъ пользовался сочиненіемъ Отто: Rationelle Praxis der landwirthschaftlichen Gewerbe) изложена удовлетворительно, въ той степени, какъ вообще въ настоящее время могутъ быть излагаемы статьи, касающіяся практической стороны земледѣлія.

2-й Отдѣлъ заключаетъ въ себѣ статьи о пріемѣ, изслѣдованіи и храненіи свекловицы. Этотъ Отдѣлъ, занимающій въ Руководствѣ 16 страницъ, получилъ дополненіе въ 46 стр. (Дополн. стр. 29 —75). Въ Дополненіи особенно развита статья о сохраненіи свекловицы: она заключаетъ въ себѣ многія полезныя указанія для заводчиковъ, выведенныя впрочемъ, по сознанію самого автора, изъ свѣдѣній собранныхъ имъ на нѣкоторыхъ лучшихъ нашихъ заводахъ. Эта часть, если не обратить вниманія на растянутость изложенія, можетъ быть одобрена.

Статья 4 въ Дополненіи (стр. 50 — 52) указывающая на недостаточность испытанія ареометромъ для опредѣленія содержанія сахара въ свекловичномъ сокѣ, грѣшитъ только неразлучною съ авторомъ многословностью изложенія.

Статья 3-я Дополненія (стр. 43 — 50) излагаетъ причины, почему анализы свекловичныхъ корней, даже взятыхъ съ одной мѣстности, представляютъ разности. Растеніе, по мнѣнію автора, принимаетъ изъ воздуха и почвы все, что та и другая среда

можетъ доставить имъ въ видѣ газа или раствора, но что растеніе усвоиваетъ изъ принятыхъ такимъ образомъ матеріаловъ только то, что ему нужно, а остальное извергаетъ чрезъ особые выдѣлительные органы. Это мнѣніе конечно не можетъ найти никакихъ фактическихъ доказательствъ въ свою пользу въ изслѣдованіяхъ растительной физіологіи. Далѣе авторъ разсуждаетъ о трудностяхъ опредѣлять составъ минеральныхъ веществъ, заключающихся въ свекловичномъ корнѣ.

Статья *Опредѣленіе достоинства бураковъ* (Руков. стр. 69 — 74) описываетъ способъ для опредѣленія количества сахара въ свекловицѣ посредствомъ спирта; тутъ же упоминается о способѣ Шаттена для той же цѣли и о возможности примѣнить для этой цѣли Баллинговъ способъ испытанія пива. Оба эти послѣдніе способа только упомянуты, но не описаны такъ, чтобы незнакомый съ ними по другимъ источникамъ, могъ произвести изслѣдованіе свекловицы по этимъ способамъ. Въ Дополненія (стр. 48 — 50) описанъ способъ для опредѣленія не только воды и сахара въ свекловичномъ корнѣ, но такъ же, хотя съ довольно грубымъ приближеніемъ, пектина, веществъ нерастворимыхъ въ водѣ и растворимыхъ солей.

Отдѣлъ 3-й Руководства (стр. 82 — 100 и 121 — 123) и статьи 8, 9 и 10 Дополненія (стр. 75 — 149) заключаютъ въ себѣ описаніе фабричныхъ работъ свеклосахарнаго производства до дефекаціи и относящихся сюда приборовъ и машинъ. Подробно описано только прессовое производство, извлеченіе же сока другими способами (стр. 261 — 272) представлено только въ краткомъ очеркѣ; это мы считаемъ недостаткомъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время снова извлеченіе сока вымочкою начинаютъ нѣкоторые считать выгоднымъ. Спеціальныя техническія руководства тогда только, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуютъ своему назначенію, когда въ нихъ практикъ найдетъ не только подробное описаніе общеупотребительнаго способа, но такъ же критическое изложеніе и другихъ способовъ, хотя бы авторъ считалъ ихъ невыгодными и неудобопримѣнимыми.

Въ томъ же 3-мъ отдѣлѣ Руководства (стр. 107—120) помѣщена статья *О расположенiи свеклосахарныхъ заводовъ*, переведенная изъ книги Отто: Rationelle Praxis der landwirtsschaftlichen Gewerbe. Статья эта заключаетъ въ себѣ полезныя замѣчанiя объ устройствѣ свеклосахарныхъ заводовъ и переведена удовлетворительно.

Статья 8 Дополненiя (стр. 115 — 120) содержитъ разсужденiе о томъ, выгодно или нѣтъ обрѣзывать и не брать въ работу боковыя вѣтви корня, головку, до той глубины, до которой доходятъ основанiя листьевъ, и хвостъ корня. Авторъ, основываясь на изслѣдованiяхъ Зѣринга о содержанiи сахара въ разныхъ частяхъ свекловичнаго корня, помѣщенныхъ въ Zeitschrift des Vereins für die Rübenzuckerindustrie, совѣтуетъ обрѣзывать боковыя вѣтви и головку корня до основанiя листьевъ, но оставлять хвостъ. Мы полагаемъ, что мнѣнiе автора въ этомъ отношенiи не лишено основательности, но замѣтимъ, что хвостъ корня легко завядаетъ и потому скоро портится при храненiи, такъ что заводчики все таки будутъ вынуждены его отбрасывать, пока не найдено будетъ средствъ предотвратить его порчу.

Статья о дефекацiи въ Руководствѣ (стр. 143—171) представляетъ подробное изложенiе общепринятаго способа дефекацiи, извѣстнаго подъ именемъ колонiальнаго. Это изложенiе, какъ въ отношенiи прiемовъ, такъ и касательно химической части процесса, сдѣлано такъ же хорошо, какъ во многихъ другихъ сочиненiяхъ по этому предмету. Тутъ же кратко сообщается старый французскiй способъ дефекацiи и богемскiй или нѣмецкiй способъ, въ которыхъ употреблялась сѣрная кислота и известь: въ оцѣнкѣ этихъ способовъ авторъ повторяетъ то, что было уже высказано до него касательно ихъ достоинства. Въ особой статьѣ (стр. 272 — 277) авторъ разсуждаетъ о способахъ Мельсона и Руссо производить дефекацiю; въ оцѣнкѣ перваго, впрочемъ вѣрной, онъ повторяетъ сужденiя, которыя были высказаны объ этомъ способѣ вскорѣ послѣ его появленiя; о способѣ Руссо онъ не считаетъ нужнымъ говорить и для

доказательства его негодности считаетъ достаточнымъ привести то, что онъ не удался на одномъ большомъ русскомъ заводѣ. Въ Дополненіи (стр. 149 — 168) статья о дефекаціи главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ критикѣ способа Руссо. Эта критика доказываетъ, что способъ Руссо не представляетъ выгодъ, но и здѣсь доказательства состоятъ не въ изслѣдованіи химической стороны способа, а въ томъ, что на многихъ заводахъ онъ былъ введенъ и оставленъ, и въ томъ, что углекислота можетъ вредно дѣйствовать на сахаръ. Мы соглашаемся съ авторомъ въ томъ, что употребленіе огромныхъ количествъ извести для дефекаціи, какъ предлагаетъ Руссо, вовсе не нужно, но не можемъ сказать, чтобъ употребленіе углекислоты такъ безусловно могло быть отвергаемо, какъ дѣлаетъ авторъ. Авторъ объявляетъ (стр. 159), что онъ обладаетъ болѣе выгоднымъ способомъ производить дефекацію, но въ чемъ состоитъ этотъ способъ, онъ не счелъ нужнымъ сообщить въ своемъ сочиненіи.

Нельзя не замѣтить, какъ подтвержденіе нашего мнѣнія о способности автора къ увеличеніямъ, его выраженій противъ французскихъ изобрѣтеній (стр. 273, 24, 26): между тѣмъ французскія изобрѣтенія въ описываемой авторомъ промышленности занимаютъ весьма почетное мѣсто, какъ вообще и въ другихъ отрасляхъ техники.

Слѣдующія за тѣмъ статьи въ Руководствѣ (стр. 171 — 255) содержатъ описаніе работъ съ свекловичнымъ сокомъ послѣ дефекаціи и аппаратовъ при нихъ употребляемыхъ; Дополненіе (стр. 168 — 239) представляетъ нѣкоторыя части этого описанія въ большемъ развитіи: вся эта часть составлена удовлетворительно.

Статья 23 и 24 Дополненія (стр. 243 — 263) содержитъ описаніе работъ для извлеченія изъ послѣдней патоки спирта и солей. Статья 25 говоритъ объ употребленіи побочныхъ продуктовъ свеклосахарнаго производства, статья 26 объ отчетности по заводу; статья 27 разсуждаетъ о недостаткахъ свеклосахарнаго производства: съ замѣчаніями автора можно отчасти

согласиться. Въ концѣ помѣщено извлеченіе изъ статьи М—ва, напечатанной въ Журн. Мануф. и Торговли, въ 1853 году, о развитіи свеклосахарной промышленности въ Россіи.

Статья о рафинированіи (Руководство стр. 287—356 и Дополненіе стр. 305 — 372) подробны и, по нашему мнѣнію, излагаютъ это производство такъ, что могутъ принести пользу для желающихъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ на столько, на сколько вообще чтеніе можетъ быть полезно для практики. Статья 54 Дополненія содержитъ описаніе способа Дюбренфо для извлеченія изъ послѣднихъ патокъ кристаллическаго сахара посредствомъ барита.

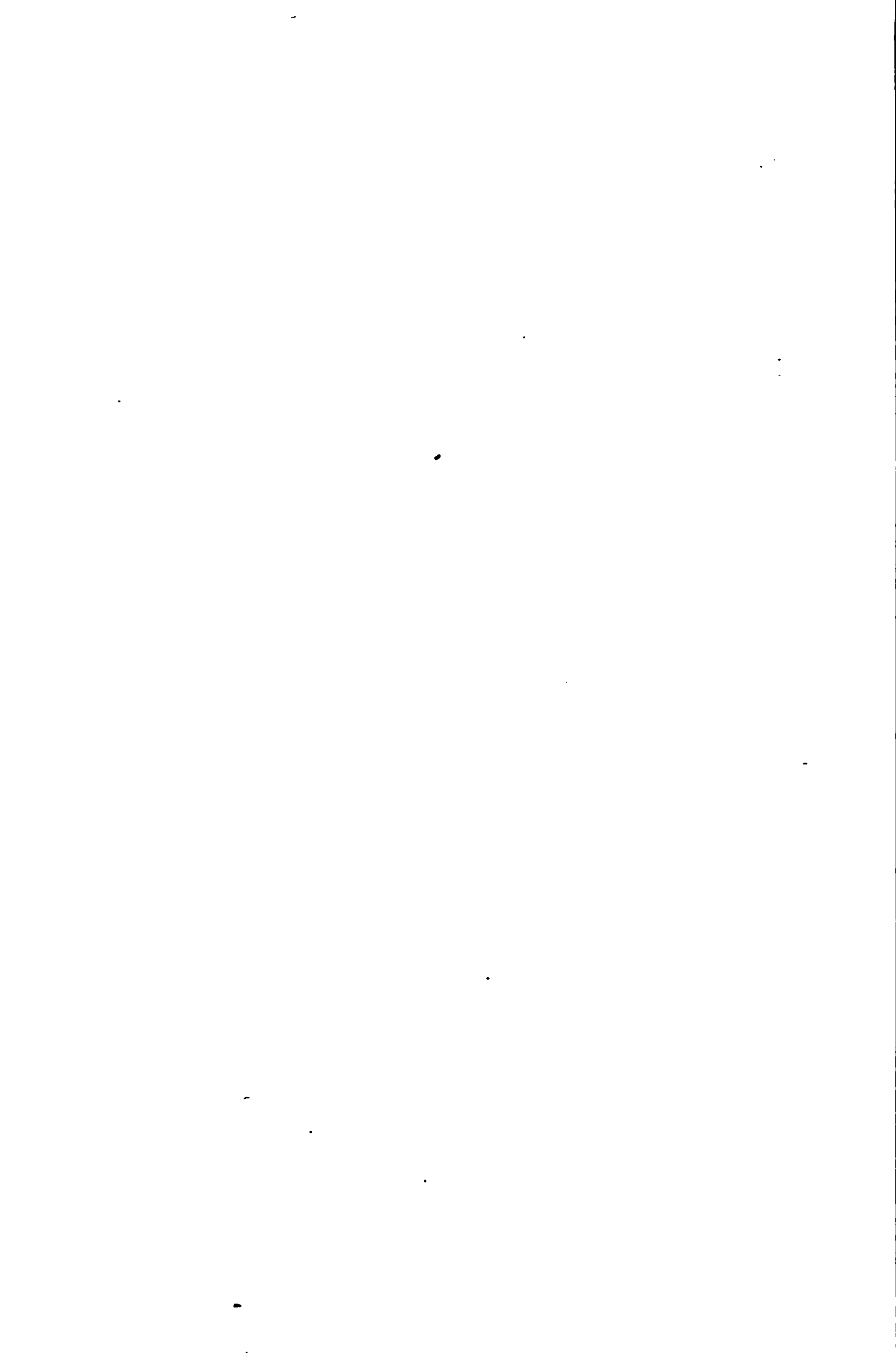
Глава V Руководства содержитъ описаніе приготовленія картофельной патоки. Эта часть, не содержа ничего кромѣ описанія работъ и приборовъ, изложена съ удовлетворительною отчетливостью.

Статья о приготовленіи и оживленіи костянаго угля (Руков. стр. 386—410 и Дополн. стр. 395 — 442) представляетъ это дѣло въ современномъ видѣ и изложена ясно и отчетливо.

Остается сказать о чертежахъ, относящихся къ сочиненію г. Витта. Къ Руководству приложены 23 листа чертежей и къ Дополненію такъ же 23; въ текстѣ находится подробное ихъ описаніе. Чертежи эти представляютъ изображенія приборовъ, машинъ и печей, описанныхъ въ иностранныхъ техническихъ сочиненіяхъ и журналахъ, введенныхъ или предложенныхъ для употребленія въ сахарномъ производствѣ. Эта часть труда г. Витта можетъ быть очень полезною для тѣхъ изъ сахароваровъ, которые не имѣютъ возможности слѣдить за литературою своего дѣла въ иностранныхъ сочиненіяхъ и журналахъ.

Мнѣніе, составившееся у насъ о трудѣ г. Витта можетъ быть выражено слѣдующими словами: авторъ подробно описалъ всѣ работы по свеклосахарному производству и рафинированію: эти описанія сдѣланы отчасти по собственнымъ наблюденіямъ, отчасти по руководствамъ и относящимся къ предмету статьямъ техническихъ журналовъ на иностранныхъ языкахъ. Эта

часть труда, по самой сущности ея, не можетъ требовать отъ автора самостоятельныхъ изысканій: ясность изложенія должна быть въ этомъ случаѣ сочтена достаточнымъ достоинствомъ для одобренія труда, и въ этомъ отношеніи трудъ г. Витта мы признаемъ заслуживающимъ одобренія. Но тѣ части разсмотрѣннаго нами сочиненія, въ которыхъ авторъ долженъ былъ, на основаніи химическихъ изслѣдованій, построить, такъ сказать, теорію описываемаго имъ производства, представляются значительно слабыми: авторъ не воспользовался многими произведенными въ отношеніи свеклосахарной промышленности изысканіями, и потому сужденія его во многихъ случаяхъ ошибочны и неточны. Не смотря на эти недостатки, трудъ г. Витта представляетъ подробную картину значительной отрасли промышленности и можетъ быть полезенъ для тѣхъ изъ нашихъ заводовъ, которые управляются лицами, не могущими слѣдить самостоятельно за техническою литературою. Съ этой точки зрѣнія трудъ г. Витта удовлетворяетъ содержащемуся въ концѣ 6-й статьи X параграфа Положенія о Демидовскихъ наградахъ требованію («Практическія руководства по всѣмъ отраслямъ промышленности» см. Полож, о Демид. Наград. стр. 14) и потому мы признаемъ возможнымъ удостоить его второстепенной Демидовской награды.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ

Г. КУЗНЕЦОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

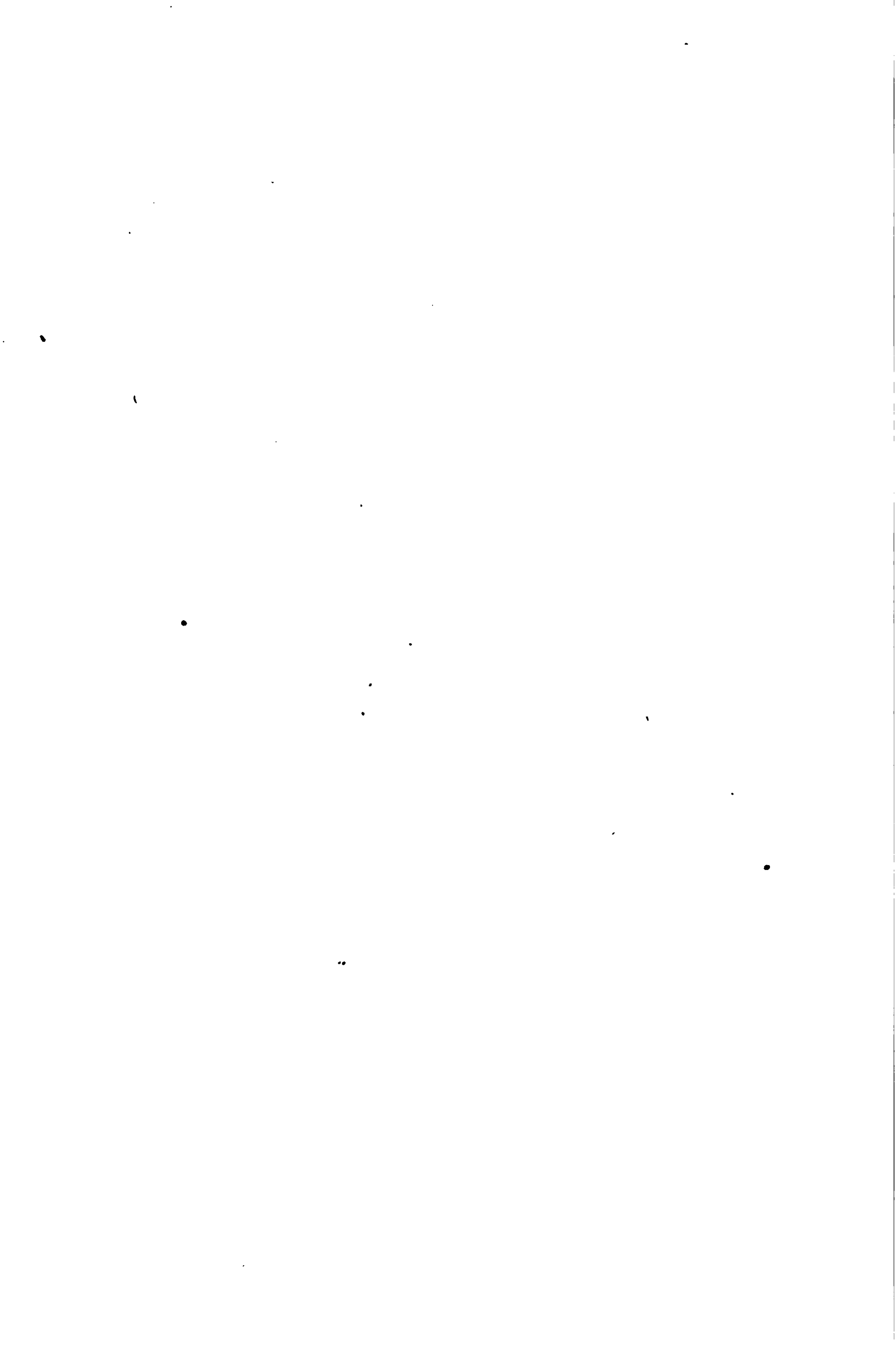
УЧЕБНЫЙ КУРСЪ

ГЕОГРАФІИ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ,

Изданіе второе. С. Петербургъ. 1854. въ 8-ю. стр. XIV и 230.

СОСТАВЛЕННЫЙ

Академикомъ К. Веселовскимъ.

О географическихъ учебникахъ можно тоже сказать, что о словаряхъ; они совершенствуются лишь постепенно, и для всякаго послѣдующаго труда ошибки и недостатки предшествовавшихъ, указанныя критикою, служатъ предостереженіемъ и облегчаютъ путь къ улучшенію.

Въ послѣднее время у насъ явилось нѣсколько учебниковъ Географіи Россіи. Изъ нихъ особенно заслуживаютъ вниманія труды гг. Соколовскаго и Павловскаго. Первый изъ нихъ издалъ, въ видѣ руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній, «Географію Россійской Имперіи» въ 1841 году, а второе, исправленное, изданіе вышло въ 1846 году, какъ 4-я часть «Учебнаго Курса Географіи» для означенныхъ заведеній. Г. Павловскій издалъ 1-е, «Начертаніе Географіи Россійской Имперіи» (Дерптъ, 1841), принятое въ руководство въ уѣздныхъ училищахъ Дерптскаго Учебнаго Округа; это сочиненіе достигло въ 1852 году четвертаго изданія, подъ заглавіемъ «Руководство къ Географіи Россійской Имперіи»; при каждомъ новомъ изданіи оно дополнялось и переправлялось; и 2-е, «Географія Россійской Имперіи» (Дерптъ, 1843), въ двухъ частяхъ, изданная вторымъ тисненіемъ въ 1846 году, подъ заглавіемъ «Пространная Географія Россійской Имперіи». Сіе послѣднее сочиненіе, въ изданіи 1843 года удостоено, по 13 присужденію учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ, почетнаго отзыва.

Такого же отличія удостоилась, по 12 присужденію сихъ наградъ, изданная на Нѣмецкомъ языкѣ Географія Россійской Имперіи Ольдекопа (Спб. 1842).

Нынѣ г. Кузнецовъ явился съ новымъ учебникомъ Географіи Россіи, который вышелъ первымъ изданіемъ въ 1852 году (Спб., въ 12 д. л.), а въ 1854 году — вторымъ, исправленнымъ изданіемъ (Спб., въ 8 д. л.)

Такимъ образомъ, здѣсь естественно рождается вопросъ: была ли надобность въ новомъ учебникѣ по такому предмету, по которому уже имѣются еще недавно изданныя и, говоря вообще, удовлетворительныя руководства?

Если сообразить, что Географія Россіи входитъ въ кругъ преподаванія всѣхъ, весьма различныхъ по назначенію, общихъ, низшихъ и среднихъ, а равно многихъ *специальныхъ* учебныхъ заведеній, и что поэтому большій или меньшій объемъ сего преподаванія, выборъ для него предметовъ, расположеніе ихъ и способъ изложенія подчиняются различнымъ условіямъ, въ особенности числу часовъ, для него назначенныхъ, и степени развитія учениковъ, то должно сознаться, что большое число географическихъ учебниковъ есть необходимость для удовлетворенія потребностей разнородныхъ училищъ. Прибавимъ къ этому, что географическія свѣдѣнія о столь обширномъ краѣ, какъ Россійская Имперія, благодаря тому просвѣщенному вниманію, которое нынѣ обращено на нихъ, обогащаются и совершенствуются весьма быстро, такъ что почти съ каждымъ годомъ являются важные труды, озаряющіе новымъ свѣтомъ тотъ или другой предметъ географическаго познанія нашего отечества, и что наконецъ, не говоря уже о статистическихъ данныхъ, вносимыхъ въ географическіе учебники и подверженныхъ постояннымъ измѣненіямъ, разные элементы политической географіи, напримѣръ составъ губерній и областей, претерпѣваютъ отъ времени до времени перемѣны; такъ что само собою оказывается надобность въ подновленіи уже изданныхъ или въ составленіи новыхъ учебниковъ, сообразно современному состоянію всегда двигающейся науки.

Вообще уже и по этимъ соображеніямъ нельзя признать появленіе новаго учебника Географіи Россіи излишнимъ, конечно

если выполненіе его удовлетворительно. Но кромѣ того, учебникъ г. Кузнецова отличается отъ изданныхъ гг. Соколовскимъ и Павловскимъ. Въ отношеніи полноты изложенія, онъ пространнѣе Краткой Географіи сего послѣдняго и короче Пространной его же, такъ что по объему своему онъ занимаетъ между ними средину; въ сравненіи же съ учебникомъ Соколовскаго онъ не разнится по объему, но разнится въ томъ, что нѣкоторыя статьи у г. Кузнецова изложены короче, другія пространнѣе, чѣмъ у г. Соколовскаго. Такъ какъ область географическихъ знаній весьма обширна и разнообразна, а въ учебникѣ должно по необходимости ограничиваться изложеніемъ существеннѣйшаго и нужнѣйшаго, то преподаваніе той или другой статьи въ болѣе краткомъ или въ болѣе пространномъ видѣ — до нѣкоторой степени почти не можетъ быть подводимо подъ теоретическія начала: оно въ извѣстной мѣрѣ должно быть предоставлено усмотрѣнію преподавателя и подчиняться тому взгляду, какой онъ имѣетъ на необходимый объемъ преподаванія для извѣстнаго училища или въ данномъ случаѣ.

Здѣсь я нахожу только умѣстнымъ замѣтить, что какой бы мы ни имѣли взглядъ на географію, какъ науку, каковъ бы ни былъ объемъ преподаванія ея и къ какому бы возрасту она ни относилась, всячески цѣль этого преподаванія состоитъ единственно въ томъ, чтобы въ головѣ ученика оставить ясное, отчетливое, живое понятіе о землѣ вообще или какой либо ея части въ особенности. Достиженіе этой цѣли конечно много зависитъ отъ самыхъ пріемовъ преподаванія и отъ педагогическаго таланта преподавателя; тѣмъ не менѣе нельзя отвергать вліянія въ семъ случаѣ и самаго учебника. Удачный выборъ предметовъ, изложеніе ихъ краткое, ясное и отчетливое, устраненіе такихъ понятій и предметовъ, которые не соотвѣтствуютъ умственному развитію того возраста, къ коему относится преподаваніе, — таковы необходимыя условія хорошаго учебника географіи; и въ этомъ отношеніи нельзя не желать, чтобы составители подобныхъ учебныхъ руководствъ, прежде составленія

плана для своей работы, проникались смысломъ и духомъ превосходнаго творенія Зельтена: *Hodegetisches Handbuch der Geographie, zum Schulgebrauch, bearbeitet von F. C. Selten. 4 Aufl. Halle.* 1840; во второмъ томѣ сего сочиненія, назначенномъ собственно для учителей, изложены весьма важныя и опытностью внушенныя мысли о способѣ и объемѣ преподаванія географіи. Я думаю, что тотъ, кто бы изложилъ учебникъ для географіи Россіи по началамъ, развитымъ въ семъ образцовомъ твореніи Зельтена, оказалъ бы истинную услугу для педагогіи и для прочнѣйшаго укорененія, въ молодомъ поколѣніи учащихся, твердыхъ познаній о нашемъ отечествѣ.

Обращаясь къ «Учебному Курсу Географіи Россійской Имперіи» г. Кузнецова, я долженъ сказать, что онъ составленъ хорошо; въ выборѣ предметовъ и ихъ расположеніи бо̀льшею частью соблюдена благоразумная соразмѣрность; при обработкѣ нѣкоторыхъ статей замѣтно, что авторъ пользовался новѣйшими и возможно вѣрными данными; статья о климатѣ изложена здѣсь лучше, чѣмъ въ другихъ, изданныхъ доселѣ учебникахъ. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ «Курсъ» г. Кузнецова представляетъ и нѣкоторые недостатки, устраненіе которыхъ желательно было бы видѣть при новыхъ изданіяхъ сей книги. Съ цѣлью способствовать ея исправленію, я счелъ неизлишнимъ указать здѣсь нѣкоторые важнѣйшіе.

1) Нѣтъ сомнѣнія, что одно изъ требованій учебника состоитъ въ томъ, чтобы данныя объ однородныхъ предметахъ были излагаемы однообразно. Объяснюсь примѣрами. Въ иныхъ мѣстахъ книги г. Кузнецова градусы долготы показаны отъ *перваго* меридіана, проводимаго 20° западнѣе Парижскаго (стр. 1 и др), въ другихъ отъ Гринича (стр. 4). Для учениковъ, не знающихъ разницы долготъ разныхъ меридіановъ, это можетъ служить лишь поводомъ къ сбивчивости понятій. — О Бѣломъ морѣ показано между какими градусами долготы и широты оно находится, а о другихъ моряхъ этихъ свѣдѣній не помѣщено. Точно также положеніе горъ Уральскихъ опредѣлено градусами

долготы и широты, тогда какъ этихъ свѣдѣній нѣтъ о горахъ Таврическихъ, Кавказскихъ и другихъ; а между тѣмъ одно изъ двухъ: знаніе математическаго положенія географическихъ предметовъ или отъ ученика не требуется — и тогда излишне было помѣщать ихъ при нѣкоторыхъ предметахъ, или же оно требуется, и тогда нужно было помѣстить эти данныя при всѣхъ однородныхъ предметахъ.

2) Въ учебникѣ, который назначается не для чтенія и справокъ, а для заучиванія, весьма важно, чтобы изъ огромной массы географическихъ данныхъ былъ сдѣланъ строгій выборъ лишь важнѣйшихъ, заучиваніе которыхъ дѣйствительно нужно, и чтобы устранены были по возможности неважные предметы, ибо лишнія географическія имена и названія лишь затрудняютъ ученика и спутываютъ его. Этому требованію учебникъ г. Кузнецова бо́льшею частью удовлетворяетъ; однако при пересмотрѣ своей книги, въ случаѣ новаго изданія ея, авторъ вѣроятно найдетъ полезнымъ еще болѣе очистить ее отъ ненужныхъ подробностей. Напримѣръ, при указаніи положенія городовъ, кажется, было бы достаточно именовать главныя рѣки и опускать маловажныя. Между тѣмъ г. Кузнецовъ часто́ употребляетъ названіе весьма неважныхъ рѣкъ для обозначенія положенія городовъ. Напр. *Черниговъ при рѣкѣ Деснѣ и Стрыженѣ* (стр: 130); не довольно ли было одной первой рѣки? *Глуховъ при Ямани* *) (стр. 130); чѣмъ же замѣчательна эта рѣчка, чтобъ стоило затверживать ея названіе? Такъ точно *Овручъ* при *Норинѣ* (стр. 123), *Красный* при р. *Свиной* (стр. 118), *Владиміръ Волынскій* при р. *Лугѣ* (стр. 123), и т. д. Въ этихъ же видахъ требовали бы болѣе строгаго пересмотра, въ отдѣлѣ топографіи (начиная съ стр. 80), напечатанныя болѣе мелкимъ шрифтомъ описанія *почвы*, *климата* и *промысловъ* каждой губерніи.

*) Въ *Статистич. таблицахъ о состояніи городовъ Россійской Имперіи*, составленныхъ *въ Статистическомъ Отдѣленіи Совѣта Минист. Внутр. Дѣлъ*, Спб. 1842 года сказано, что Глуховъ при Есманѣ.

въ этихъ описаніяхъ мѣстами замѣчается мало опредѣлительности, и попадаются фразы безъ положительно опредѣленной мысли; а заучиваніе такихъ фразъ, не возбуждающихъ въ умѣ никакого яснаго представленія, есть истинная пытка для ученика. Напримѣръ, о почвѣ большей части губерній сказано, что она состоитъ изъ песка и глины; но это суть вообще наиболѣе распространенныя и главныя составныя части всякой почвы, слѣдовательно такимъ образомъ нисколько не характеризуется почва той или другой губерніи. О климатѣ Тверской губерніи сказано, что онъ *довольно суровый* (стр. 155); при Ярославской губерніи (которая лежитъ и восточнѣе, и нѣсколько сѣвернѣе Тверской) сказано, что климатъ въ ней *умѣренный* (стр. 157); а наконецъ при Костромской, которая находится еще восточнѣе двухъ предъидущихъ (стр. 159) замѣчено, что въ ней климатъ составляетъ *переходъ отъ умѣреннаго къ холодному*. Спрашивается какія опредѣленныя понятія соединитъ ученикъ съ этими эпитетами, дабы отличить одну губернію отъ другой? а при отсутствіи опредѣлительныхъ понятій, остается одно затверживаніе словъ, самое безплодное и утомительное.

3) Хотя г. Кузнецовъ употребилъ похвальное стараніе дабы географическія данныя были изложены по возможно достовѣрнымъ источникамъ, однако онъ це избѣгъ нѣкоторыхъ неточностей и ошибокъ въ отношеніи фактическомъ. Напр.

На стр. 7 сказано, что *Балтійское море съ каждымъ годомъ мелѣетъ, вслѣдствіе постепеннаго возвышенія его береговъ*. Тутъ есть двоякая ошибка: во первыхъ, этого нельзя сказать столь общимъ образомъ о Балтійскомъ морѣ, ибо если дѣйствительно берега его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подымались, то въ замѣнъ того въ другихъ мѣстахъ (у южныхъ оконечностей Швеціи и по берегамъ Пруссіи) они въ то же время понижались или оставались въ одинаковомъ уровнѣ *); во вторыхъ, изъ того, что

*) Forchhammer: *Lond. and Edinb. Phil. Mag.* Sept. 1837. стр. 309, и Berghaus, *Phys. Atlas.* 10-е Lief. стр. 121 и 122.

берега этого моря въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ послѣднее время возвышались, еще не слѣдуетъ, чтобы море мелѣло, т. е. чтобы измѣнялась его глубина.

О Каспійскомъ морѣ (стр. 8) сказано, что «по малому со-«держанію въ немъ соли, оно въ сѣверныхъ частяхъ своихъ «ежегодно покрывается льдомъ отъ декабря до марта». Я думаю, что вѣрнѣе было бы приписать замерзаніе сѣверныхъ частей Каспійскаго моря главнѣйше сильной стужѣ бывающихъ здѣсь зимъ, что видно изъ направленія изохименныхъ линій.

На стр. 9, въ числѣ причинъ, затрудняющихъ плаваніе по Восточному океану между прочимъ приведена «необыкновенно большая глубина.» Кто же согласится съ тѣмъ, что большая глубина океана можетъ затруднять плаваніе по оному?

На стр. 12 сказано, что поверхность Россіи хребтомъ Уральскимъ раздѣляется на двѣ части: на Восточно-Европейскую и на Сѣверно-Азіятскую, и о послѣдней замѣчено, что она заключаетъ въ себѣ восточные уѣзды Пермской Губерніи и Сибирь и *простирается слишкомъ на 186,000 кв. миль;* эта цифра — очевидно ошибка: самъ г. Кузнецовъ на 2-й страницѣ своей книги говоритъ, что Россійскія владѣнія въ Азіи занимаютъ 284,000 кв. миль.

Неправильно также названіе климата южнаго берега Крыма *тропическимъ* (стр. 18).

Не зная, на чемъ основано показаніе г. Кузнецова о величинѣ большихъ озеръ сѣверозападной части Россіи, я не могу судить о вѣрности приводимыхъ имъ чиселъ, но долженъ замѣтить, что они не согласны съ числами, коими опредѣлилъ величину сихъ озеръ г. Швейцеръ, измѣреніемъ по картѣ, а именно:

Пространство	*По книгѣ г. Кузнецова.*		*По опредѣленію г. Швейцера.*	
Ладожскаго озера	15,710	кв. верстъ.	15,682	кв. верстъ.
Онежскаго	10,045	—	11,091	—
Воже	343½	—	405	—
Бѣло-озера	880	—	988	—
Ильменя	655	—	791	—

Перечисляя равнины внутренности Россіи, г. Кузнецовъ между прочимъ называетъ равнину между Западною Двиною и сѣвернымъ свѣсомъ Карпатовъ, т. е. Полѣсье — *впадиною Литовскою* (стр. 49). На чемъ основано такое названіе? Не на присутствіи ли большаго здѣсь числа болотъ? Но болота не суть признаки низменности *страны*; они обязаны своимъ существованіемъ свойству подпочвы или геогностическому характеру, а что Полѣсье не есть *впадина*, сравнительно съ окружающими ее странами, это достаточно подтверждаютъ какъ направленіе рѣчныхъ токовъ, такъ и гипсометрическія опредѣленія, по коимъ изъ 50 пунктовъ въ Минской Губерніи, которыхъ высота опредѣлена надъ уровнемъ океана *), пять имѣютъ возвышенія больше 1000 р. фут. (слѣдов. такую высоту, какой достигаютъ лишь высшія точки во всей Русско-Европейской равиннѣ), пятнадцать отъ 720 до 950 ф., двѣнадцать отъ 600 до 700, одиннадцать отъ 500 до 600, и наконецъ нѣтъ ни одного ниже 436 ф.

Равнину между *Среднимъ* Днѣпромъ (такъ названо теченіе рѣки отъ Орши до Кременчуга) и *Среднею* Волгою (т. е. отъ впаденія Оки до впаденія Сарпы), и между *Валдайскими* горами и Урало-Карпатскою Грядою (такъ названы однимъ общимъ именемъ: Общій Сыртъ, Донецкій Кряжъ и Каменная Гряда, отдѣляющаяся отъ Карпатовъ), г. Кузнецовъ называетъ Центральною и говоритъ, что *вся эта полоса имѣетъ почву черноземную* (стр. 49). Но одинъ взглядъ на почвенную карту, находящуюся въ изданномъ отъ Департамента Сельскаго Хозяйства *Хозяйственно-Статистическомъ Атласѣ Россіи*, показываетъ, что черноземъ не распространенъ по всей полосѣ, заключающейся между означенными предѣлами.

Говоря о степной полосѣ Европейской Россіи, авторъ не совсѣмъ правильно относитъ къ числу отличительныхъ свойствъ оной *обиліе соляныхъ озеръ* (стр. 50). Подобныя озера находятся главнѣйше въ Заволжьи, въ Бессарабскомъ Буджакѣ, въ степ-

---

*) См. *Записки Военно Топографическаго Депо*. XIII.

ной части Крыма; но въ прочихъ частяхъ степей ихъ нѣтъ. Тутъ же неправильно сказано, что *«Таврическій полуостровъ по «положенію своему*, хотя и принадлежитъ къ степной полосѣ, но *«имѣетъ совершенно другой характеръ и отличается разнообразі-«емъ видовъ растительнаго царства.»* Въ этихъ словахъ двоякая невѣрность: во-первыхъ, Крымскій полуостровъ отъ сѣверныхъ скатовъ горъ до Перекопа принадлежитъ къ степной полосѣ, не только по своему положенію, но и по характеру земной поверхности; во-вторыхъ, *характеръ растительнаго царства*, какъ степной части Крыма, такъ и вообще степной Россіи, совершенно въ противоположность утвержденія г. Кузнецова, отличается именно *однообразіемъ*, бѣдностью видовъ растеній, какъ извѣстно всякому ботанику и какъ еще недавно показалъ г. Радде въ своей прекрасной статьѣ: *Versuch einer Pflanzen-Physiognomik Tauriens.* (См. *Bulletin de la Société der Naturalistes de Moscou* 1854 № III. стр. 216).

Не совсѣмъ точно авторъ опредѣляетъ, на стр. 69, географическое распредѣленіе Великороссіянъ, говоря между прочимъ, что *они распространены на югъ до Кіева* (едва ли это вѣрно) *и на западъ до предѣловъ Остзейскихъ* (нужно бы прибавить: и *Бѣлорусскихъ*) *Губерній.*— Тутже сказано, что отъ Донскихъ Казаковъ произошли между прочимъ, *Хоперскіе* а отъ Малороссійскихъ *Запорожскіе* (стр. 69).

На стр. 70, къ *Зауральскимъ Финнамъ* отнесены *Зыряне* и Вогуличи. — Для насъ Зауральскій Край находится къ востоку отъ Уральскаго Хребта, а тамъ Зырянъ нѣтъ. Также едва ли хорошо поступилъ авторъ, что Мордву рѣшительно причислилъ къ народамъ Турецко-Татарскаго происхожденія.

Якуты, на стр. 71, причислены къ народамъ Турецко-Татарскаго племени, а на стр. 72 (по языку), къ Монголо-Манджурской фамиліи. Такимъ же образомъ Самоѣдскій языкъ, на стр. 72, причисленъ къ Монголо-Манджурскимъ, а на стр. 70 Самоѣдское племя показано особо, и это кажется лучше.

О Нѣмецкомъ племени въ Россіи сказано, что *«главное* пре-

«бываніе Нѣмцевъ сосредоточено въ *Остзейскихъ* Губерніяхъ «(около 100,000), въ Петербургской, въ В. К. Финляндія и въ «Колоніяхъ». Для бо́льшей опредѣлительности нужно бы во-первыхъ сказать, въ какихъ именно Колоніяхъ, по крайней мѣрѣ въ колоніяхъ какихъ Губерній, ибо не всѣ Колоніи состоятъ изъ Нѣмцевъ; во-вторыхъ, поставить колоніи выше Остзейскихъ Губерній, ибо въ Нѣмецкихъ Колоніяхъ Россіи — Нѣмцевъ почти вдвое болѣе, чѣмъ въ Остзейскихъ Губерніяхъ.

Не лишне было бы, говоря о Евреяхъ (стр. 71), упомянуть о Евреяхъ Турецкихъ (или Крымскихъ), отличающихся отъ Польскихъ тѣмъ, что они говорятъ и одѣваются по Татарски.

На стр. 72, между разными народами помѣщены *Баньяны;* но Баньяны, сколько извѣстно, есть названіе не народа, а только торговой Касты Восточной Индіи (см. *Энциклопед. Лексик.* Плюшара. IV. 260).

Въ числѣ Кавказскихъ народовъ (стр. 71) можно бы упомянуть объ Аварахъ, народѣ, обитающемъ въ Лезгистанѣ. Еще недавно ихъ языку положено обучать въ Новочеркаской Гимназіи (18 Сент., 1850 г.), равно какъ Абхазскому, одному изъ употребительнѣйшихъ Черкесскихъ (*).

Неизлишне также было бы упомянуть о настоящихъ Киргизахъ, или Бурутахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Дико-Каменныхъ* или *Черныхъ* Киргизовъ.

При исчисленіи языковъ, на коихъ говорятъ въ Россіи (стр. 72), пропущенъ *Латышскій*, а напрасно названъ *Еврейскій*, на которомъ едва ли *говорятъ*; онъ принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ мертвыхъ языковъ.

На стр. 73 сказано, что Протестантскому Исповѣданію слѣдуютъ Нѣмецкіе Колонисты въ разныхъ Губерніяхъ Россіи. Не мѣшало бы замѣтить, что не всѣ Нѣмецкіе колонисты принадлежатъ къ этому исповѣданію; есть между ними и Католики.

О Новгородской Губерніи говорится (стр. 87), что въ ней

(*) См. *Журн. Мин. Народ. Просв.* 1850. Дек. Высоч. Повелѣн. стр. 60

живутъ *въ небольшомъ числѣ Финны*, *и еще въ меньшемъ Эсты*. Но Эсты (Чухонцы) также относятся къ Финнамъ, и притомъ, какъ извѣстно изъ розысканій П. И. Кеппена, Эстовъ нѣтъ въ Новгородской Губерніи. Если же авторъ хотѣлъ ближе обозначить племена, то вмѣсто генерическаго названія Финновъ точнѣе могъ бы сказать, что *въ Новгородской Губерніи живутъ Карелы, и въ меньшемъ числѣ Чудь (или Чухари)*.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ упомянуто село *Кончанское* (или правильнѣе *Канчанское*), о которомъ сказано, что въ немъ жилъ Суворовъ по кончинѣ Императрицы Екатерины II; но извѣстно, что Суворовъ удалился въ село Канчанское уже при Императорѣ Павлѣ, въ Февралѣ 1797 года (*).

О С. Петербургѣ сказано (стр. 91), что онъ «лежитъ при «устьяхъ Невы и при 10 незначительныхъ рѣчкахъ»; а нѣсколько ниже говорится, что «14 рѣкъ и рѣчекъ перерѣзываютъ го«родъ въ разныхъ направленіяхъ».

При описаніи Лифляндской Губерніи показано, что въ ней самая высокая гора *Эйербергъ* (стр. 96). Но нелишне замѣтить, что это есть нѣмецкій переводъ слова: *Мунамэги*: подъ симъ послѣднимъ названіемъ она болѣе извѣстна у писателей (**).

О Ригѣ сказано, что въ ней заслуживаютъ вниманія *сахарные* заводы (стр. 96). Необходимо прибавить, что это рафинадовые заводы, т. е. перерабатывающіе песокъ въ рафинадъ, — дабы отличить отъ такихъ заводовъ, которые добываютъ самый песокъ, и которыхъ въ Ригѣ нѣтъ. О томъ же городѣ говорится, что изъ общей суммы торговыхъ оборотовъ *болѣе половины приходится на отпускные товары*. Объ этомъ кажется нѣтъ надобности упоминать, ибо таковъ общій и обыкновенный ходъ торговли болѣе или менѣе во всякомъ портѣ.

При городѣ Торнео странно читать замѣчаніе, что *на воз-*

---

*) См. Д. А. Милютина: *Исторія войны Россіи съ Франціею*. 1799 г., I. 134.

**) *Mém. de l'Academ. Imp. des Sc.* VI-e Ser. Sc. Math. et Phys. IV. 63, *Записки Военно-Топографическаго Депо*. Ч. XIII; Rathlef, *Skizze der orograph. und hydrogr. Verhältnisse von Liv-, Esth- und Kurland*. Reval. 1852. стр. 134.

вышеніи, лежащемъ около города, солнце нѣсколько сутокъ сряду бываетъ видимо на горизонтѣ (стр. 103). Упоминаніе объ этомъ возвышеніи можетъ дать подумать ученику, что солнце видимо нѣсколько дней сряду только по причинѣ этого возвышенія; тогда какъ означенное явленіе принадлежитъ вообще высокой широтѣ.

О Витебской Губерніи слишкомъ рѣшительно и потому невѣрно сказано, что внутренняя торговля находится вся въ рукахъ Евреевъ, а *коренные жители губерніи не имѣютъ отъ нея никакой выгоды* (стр. 104).

Въ Ковенской Губерніи о городѣ *Россіены* упомянуто, что это *главный городъ Самогитіи* (стр. 106), а о мѣстечкѣ *Ворны* — нѣкогда *столица Жмуди*.. Для ученика, который еще не имѣетъ достаточныхъ историческихъ познаній, такія опредѣленія непонятны, и онъ затверживая ихъ, усвояетъ себѣ только имена безъ опредѣленныхъ понятій.

Изъ городовъ Могилевской Губерніи говорится лишь о Могилевѣ; но кажется Орша, какъ довольно-важная пристань, стоила бы упоминанія.

О Минской Губерніи замѣчено, что «въ южныхъ уѣздахъ климатъ теплѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ» (стр. 121). Но это можно сказать о всѣхъ безъ исключенія губерніяхъ Россіи.

Въ Херсонской Губерніи *Очаковъ* названъ крѣпостью (стр. 137); но нужно замѣтить, что нынѣ Очаковъ не числится крѣпостью. — Тутъ же (стр. 138) невѣрно сказано, что «народы, «кочевавшіе въ Херсонской Губерніи, послѣ III вѣка по Р. Х., «оставили слѣды своего здѣсь пребыванія единственно въ кур«ганахъ». Курганы, безъ сомнѣнія, существовали гораздо ранѣе 3-го вѣка по Р. Х.

Въ Таврической Губерніи (стр. 139) ошибочно говорится, что «въ Инкерманской долинѣ находятся развалины древняго «Херсониса или Корсуня». Тутъ же (стр. 140) *мѣстечко Судакъ* неправильно названо *городомъ*. О Ѳеодосіи сказано, что этотъ городъ «подъ названіемъ Кафы, выстроенъ въ XIII столѣтіи Ге-

нуэзцами.» Θеодосія не впервые построена Генуэзцами; тутъ уже въ древности существовало поселеніе (Milesiorum colonia).

О Харьковской Губерніи говорится, что ея народонаселеніе состоитъ изъ Малороссіянъ и Великороссіянъ (стр. 143); но какъ здѣсь послѣднихъ несравненно менѣе, чѣмъ первыхъ, то вѣрнѣе было бы сказать, что народонаселеніе Губерніи состоитъ изъ Малороссіянъ, и въ горяздо меньшемъ числѣ изъ Великороссіянъ.

Въ Землѣ Войска Донскаго напрасно упомянуты въ числѣ жителей Армяне и Греки (стр. 147), которыхъ тамъ нѣтъ. Кромѣ кочующихъ Калмыковъ, которыхъ болѣе 20,000 душъ обоего пола, здѣсь еще есть Татары, составляющіе особую небольшую станицу. Тамъ же слово *города* ошибочно, ибо въ Землѣ Войска Донскаго всего одинъ городъ.

При описаніи Тверской Губерніи (стр. 155), читаемъ между прочимъ: «Почва земли въ губерніи преимущественно глини«сто-песчаная, чернозема почти нигдѣ нѣтъ; встрѣчающаяся же «мѣстами *сѣрая земля* (?) считается самою плодородною. Не «смотря на *такія* (?) свойства почвы, которыя *вообще мало спо«собствуетъ успѣхамъ земледѣлія* (?), хлѣбопашество до сихъ «поръ составляетъ главное занятіе жителей, *не принося впрочемъ имъ никакихъ выгодъ* (?)». Въ этихъ немногихъ словахъ отражается много невѣрныхъ понятій о пригодности почвъ для земледѣлія и о прибыточности хлѣбопашества въ губерніи.

Такъ какъ отъ учебника требуется возможно строгая вѣрность выраженій и собственныхъ именъ, ибо въ противномъ случаѣ ученикъ будетъ затверживать ошибочныя понятія и названія, то желательно, чтобы г. Кузнецовъ, при новомъ изданіи своего Учебнаго Курса Географіи Россіии, одвергъ его тщательному пересмотру въ семъ отношеніи и при этомъ между прочимъ исправилъ бы еще слѣдующія ошибки:

Стр. 5, въ примѣч.: «Черезъ Ботническій заливъ съ одного «берега на другой переходятъ *горы*.» Это метафорическое выраженіе едва ли умѣстно: воздыманія материка со дна моря назы-

ваются въ наукѣ *островами*, а названіе *горъ* присвоено подобнымъ же воздыманіямъ надъ сушею.

Стр. 6. «Финскій Заливъ находится между берегомъ Финляндіи и Эстляндіи.» Нужно бы прибавить: и С. Петербургской Губерніи.»

Стр. 14. «Южный Уралъ покрытъ богатыми *лугами*, на ко«торыхъ пасутся *стада туземныхъ кочевыхъ народовъ*.» Нужно бы сказать: «на которыхъ туземные кочевые народы пасутъ свои стада». Кромѣ того названіе *луговъ* не соотвѣтствуетъ угодьямъ, служащимъ для пастбища скота; луга суть такія земли, на которыхъ косятъ траву на сѣно, а земли, служащія для пастбы скота, называются *пастбищами*.

Стр. 23. «Кемь вытекаетъ изъ болотъ, лежащихъ *между* Финляндіею и Архангельскою Губерніею. Неточное выраженіе и отъ туда неясность смысла. *Между* значитъ, что болота лежатъ ни въ Финляндіи, ни въ Архангельской Губерніи, а въ промежуткѣ между тою и другою, но гдѣ же?

Стр. 48. О Россійской Лапландіи сказано между прочимъ, что она пересѣчена обширными болотами, которыя покрыты мхомъ, мелкимъ кустарникомъ и *снѣжными буграми*. Какое понятіе соединяется съ этими буграми? Лѣтомъ снѣгъ таитъ даже и въ Лапландіи, а зимою болота покрыты не снѣжными буграми, а сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ, какъ почти во всей Россіи.

Стр. 53. «Высота снѣжной линіи находится между 6000 и «6500 футами надъ *горизонтомъ воды*». Нужно бы сказать *надъ уровнемъ океана*.

Не вѣрно сказано *Жмудичи* вмѣсто *Жмуди* (стр. 69), *Корелы* вмѣсто *Карелы* (стр. 70); *Нагаи* вмѣсто *Ногаи* (стр. 71); *Семетическій* вмѣсто *Семитическій* (стр. 72 и 120).

Лопари названы древнѣйшими *насельниками* Финляндіи (стр. 101). Такое слово едва ли есть общеупотребительное и общепонятное.

Если я вдался въ такой подробный и мѣстами даже мелоч-

ной разборъ книги г. Кузнецова, то именно потому, что въ учебникѣ каждое слово должно быть обдумано, каждое выраженіе взвѣшено. Точность не только географическихъ названій, но и самого слога, есть *для* подобныхъ книгъ первая и важнѣйшая необходимость. Мысль и слово, ее облекающее, — содержащее и содержимое, — въ такихъ сочиненіяхъ такъ тѣсно между собою связаны, что ихъ почти невозможно отдѣлять другъ отъ друга. *Для* сочиненія ученаго почти довольно, если можно понять что̀ *хотѣлъ* сказать авторъ; *для* учебника этого мало: тутъ нужно смотрѣть *какъ* пойметъ каждое предложеніе умъ еще юный, не обогащенный фактическими знаніями, не укрѣпившійся въ мышленіи.

Въ заключеніе повторяю, что всѣми этими замѣчаніями я отнюдь не имѣлъ въ виду уменьшать достоинства «Учебнаго Курса» г. Кузнецова; я хотѣлъ только ближе указать тѣ исправленія, которыми можно было бы усовершенствовать это руководство, при новомъ его изданіи — надобность въ коемъ вѣроятно не замедлитъ представиться. Уже и теперь предстоитъ его пополнить и измѣнить тѣмъ, что Чукотская Земля (стр. 211) нынѣ составляетъ Анадырскій Отдѣлъ Камчатской Области, а на югозападѣ Сибири образованы двѣ новыя области: *Семипалатинская* и *Область Сибирскихъ Киргизовъ* (Высочайшимъ указомъ, даннымъ 19 Мая 1854 года Правительствующему Сенату). За всѣмъ тѣмъ книга г. Кузнецова есть хорошее учебное руководство, которое стоитъ того, чтобы приложить трудъ къ вящщему его улучшенію. Посему я полагаю, что справедливо было бы поощрить его присужденіемъ второстепенной награды.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Г. ВОРОНОВА

подъ заглавіемъ:

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

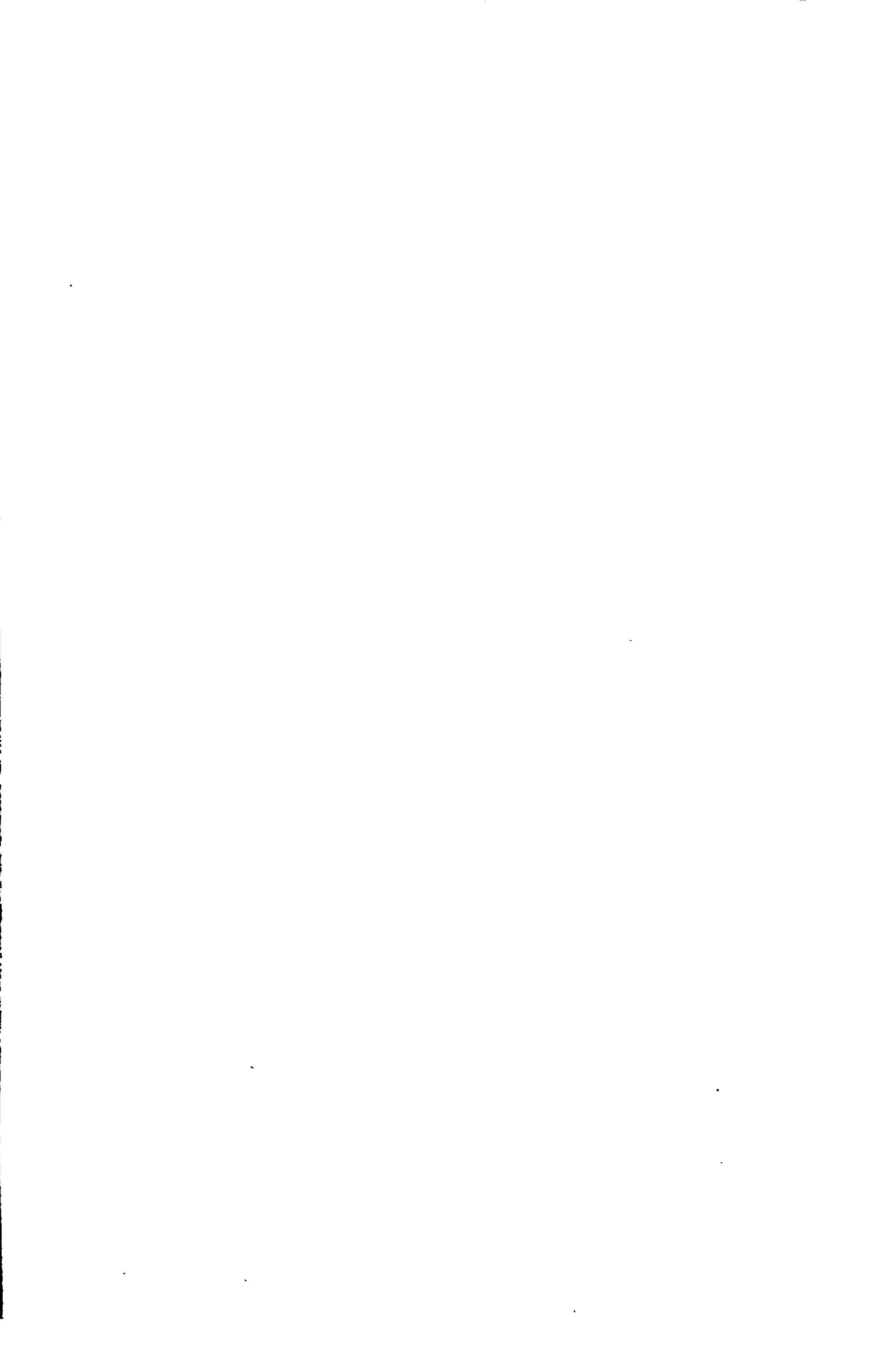
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

съ 1715 по 1828 годъ включительно.

составленный

Академикомъ **Н. Устряловымъ.**

Сочиненіе г. Воронова должно обратить на себя вниманіе каждаго просвѣщеннаго читателя, представляя ему любопытную картину постепеннаго устройства учебныхъ заведеній высшихъ и низшихъ, казенныхъ и частныхъ, входящихъ нынѣ въ составъ С. Петербургскаго Учебнаго Округа. Онъ увидитъ въ ней, съ какой заботливостію отъ временъ Петра Великаго Правительство наше неутомимо печется о распространеніи народнаго образованія; какія учреждаемы были для сей цѣли руководительныя вѣдомства; кому именно поручало Правительство исполненіе своихъ предначертаній; какъ постепенно возникали училища отъ цифирныхъ школъ до гимназій и университета; какое было устройство ихъ въ разныя эпохи, относительно методы преподаванія, учебныхъ курсовъ, хозяйственнаго управленія; какія издаваемы были учебныя книги и руководства; какими правами и преимуществами пользовались учащіе и учащіеся, Кромѣ того, исчислены всѣ, сколько нибудь замѣчательные, ученые труды преподавателей вѣдомства С. Петербургскаго Учебнаго Округа, означены пожертвованія частныхъ лицъ по тому же Округу на пользу просвѣщенія, показано въ сравнительныхъ таблицахъ за разные годы число учащихъ и учащихся, исчислены библіотеки и другія учебныя пособія, поименованы всѣ кончившіе курсъ студенты университета; воспитанники бывшаго благороднаго пенсіона и высшаго училища, со времени ихъ учрежденія.

Всѣ свои показанія сочинитель основалъ на официальныхъ документахъ, которыя онъ находилъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, въ періодическихъ сочиненіяхъ, издававшихся при главномъ правленіи училищъ, въ Журналѣ и запискахъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ того много любопытныхъ свѣдѣній извлечено имъ изъ архивовъ Департамента, С. Петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія, Дирекціи училищъ С. Петербургской губерніи и канцел ріи Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа.

Какъ трудъ добросовѣстный и тщательный, требовавшій много разысканій и соображеній, и притомъ *первый* въ своемъ родѣ, сочиненіе г. Воронова, по мнѣнію моему, заслуживаетъ поощрительной преміи.

РАЗБОРЪ

сочиненія

Директора Училищъ С. Петербургской Губерніи,

А. ВОРОНОВА,

подъ заглавіемъ:

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

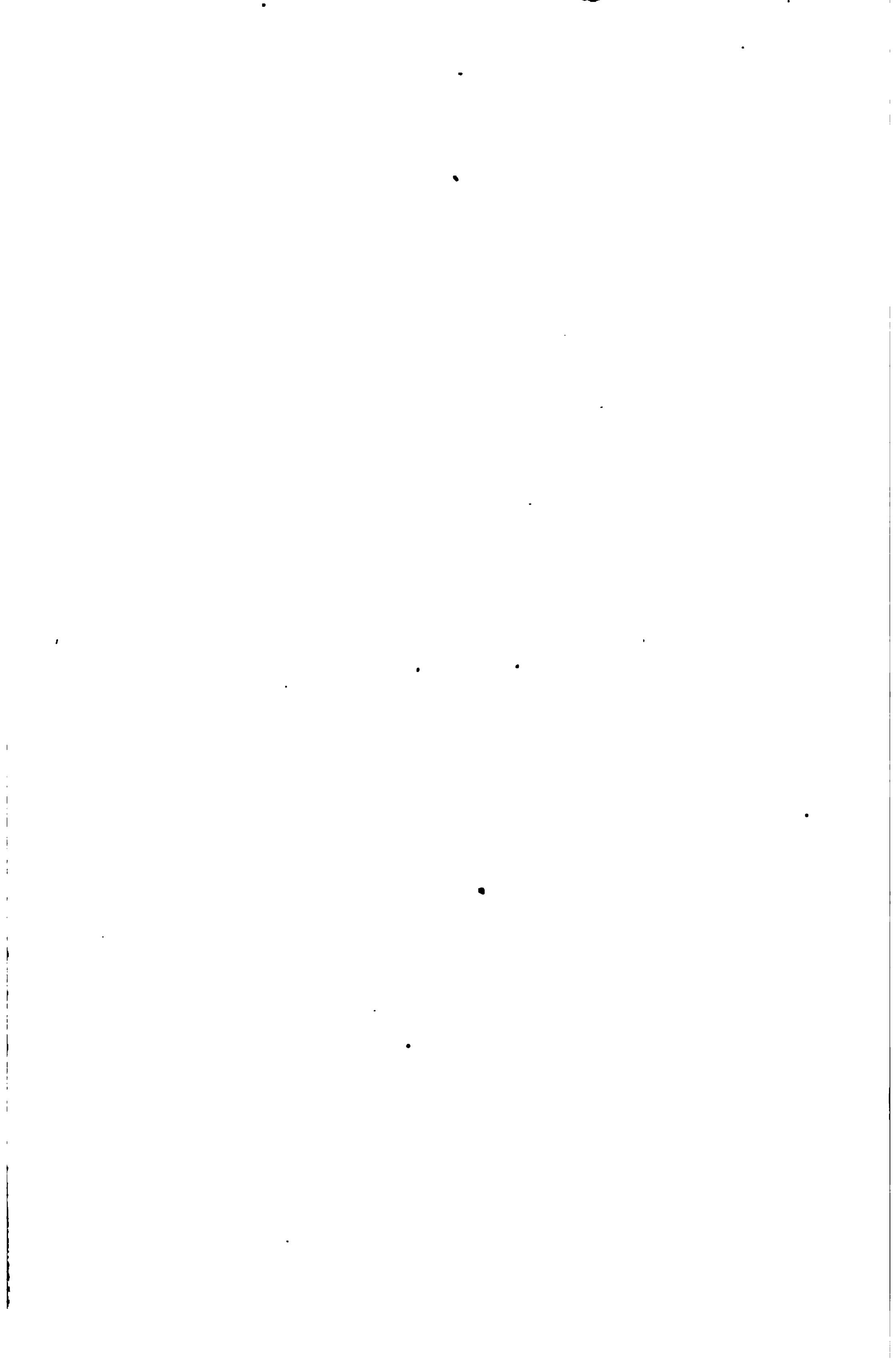
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА

съ 1829 по 1853 годъ,

составленный

Академикомъ **Куникомъ**.

Въ 1850 г. сочиненіе г. Воронова было уже удостоено преміи; но онъ, какъ и нѣкоторые другіе, не получилъ ея, потому что число одобренныхъ сочиненій превышало годовую сумму, назначенную на премія. Трудолюбивый авторъ издалъ потомъ продолженіе своего труда, содержащаго около 500 стр, in-8° подъ выше приведеннымъ заглавіемъ.

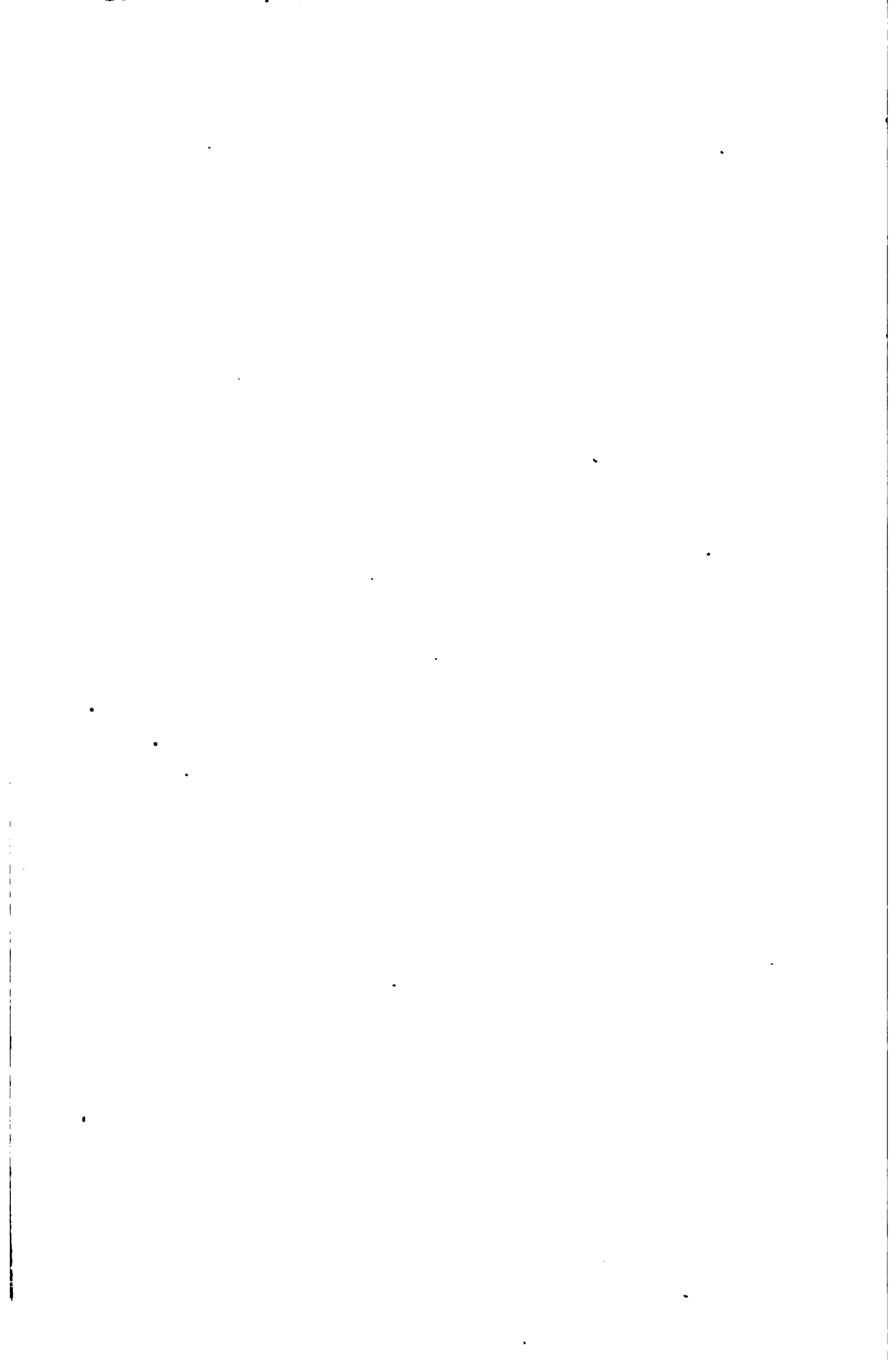
Источниками для этого продолженія служили: Дѣла Архивовъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, Канцеляріи Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, С. Петербургскаго Университета и С. Петербургской Дирекціи Училищъ, Историческія Записки Гимназій и Дирекціи Училищъ С. Петербургскаго Учебнаго Округа и разныя дополнительныя свѣдѣнія, представленныя Директорами Училищъ и Гимназій г. Попечителю Округа. Изъ печатныхъ сочиненій авторъ пользовался преимущественно «Первымъ двадцатипятилѣтіемъ Императорскаго С. Петербургскаго Университета» и ежегодными Отчетами по С. Петербугскому Университету Ректора Университета, Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ 1834 года по настоящее время и Отчетами Министровъ Императорскаго Двора и Государственныхъ Имуществъ.

Такимъ образомъ авторъ былъ очень богатъ матеріалами: они много превышали своею массою матеріалы первой части сочиненія. Такъ какъ источники были по большой части рукописные, то нельзя опредѣлить навѣрное, какъ пользовался ими авторъ. Впрочемъ въ пользу его говоритъ то обстоятельство, что эти источники оффиціальные, принадлежащіе Министерству, которое по всѣмъ существеннымъ частямъ передаетъ свои

дѣйствія къ свѣдѣнію публики. Но изъ всей книги видно, что она не есть произведеніе опытнаго историка: въ противномъ случаѣ авторъ больше помѣстилъ бы, въ прибавленіяхъ къ своей книгѣ, неизданныхъ документовъ, чтобы доставить тексту наглядное подтвержденіе, или по крайней мѣрѣ постарался бы вставить въ самый текстъ больше выписокъ и подлинныхъ выраженій источниковъ. Можно также пожелать кое-чего для бо̀льшей точности и опредѣленности въ исчисленіи ученыхъ трудовъ профессоровъ и учителей. Впрочемъ при оцѣнкѣ второй части, конечно, надо брать въ разсчетъ то обстоятельство, что авторъ имѣлъ здѣсь дѣло съ современностью, и что его сочиненіе — не исторія, въ собственномъ смыслѣ, С. Петербургскаго Учебнаго Округа, а только «историко-статистическое обозрѣніе» учебныхъ заведеній этого округа. Смотря на оба тома съ этой точки зрѣнія, надобно радоваться, что г. Попечитель С. Петербургскаго Округа счелъ за нужное настоятельно побудить къ обработкѣ предмета, который имѣетъ, кромѣ научнаго значенія, еще практическій интересъ, особенно для нашего Правительства.

Донынѣ, кажется, еще не было высказано въ литературѣ, что русская исторія, если смотрѣть на нее съ высшей точки зрѣнія, по отношенію ея къ общечеловѣческому образованію, будетъ рѣшительно непонятна, пока не обработается въ возможной полнотѣ *исторія русскаго воспитанія*, домашняго и общественнаго, отъ начала христіанства. До-Петровскій періодъ, конечно, не богатъ матеріалами; но здѣсь все зависитъ отъ умѣнья цѣнить содержаніе источниковъ по отношенію къ разсматриваемому предмету, и возсоздавать изъ ихъ содержанія любопытныя и поучительныя картины, для чего значительныя пособія оставили намъ уже прежніе духовные писатели, какъ въ наше время достопочтенный сочленъ нашъ, преосвященный Макарій. Г. Вороновъ, по крайней мѣрѣ изъ числа свѣтскихъ педагоговъ, первый раскрылъ эту важную сторону русской жизни и проложилъ другимъ дорогу, хотя покуда лишь посредствомъ совокупленія матеріаловъ и *первоначальною* обработкою

источниковъ. Мы поступимъ, конечно, совершенно въ духѣ просвѣщеннаго и ревностнаго къ умственнымъ успѣхамъ, основателя премій, если назначимъ сочинителю, за ревность и трудолюбіе, съ какими обработаны двѣ части его сочиненія, поощрительную премію. Можетъ быть, это сколько нибудь поощритъ другіе учебные округи къ немедленному подражанію достохвальному примѣру, поданному казанскимъ и здѣшнимъ округами. Такими именно трудами, почерпаемыми изъ первоначальныхъ и частію изъ живыхъ источниковъ, всего вѣрнѣе можетъ быть предуготовлена зрѣлая и строго на началахъ науки основанная исторія русскаго воспитанія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

